Альфред Ван Вогт

Крылатый человек

АЛЬФРЕД

ВАН ВОГТ

КРЫЛАТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Крылатый человек
Альфред Ван Вогт

Аннотация
Альфред Ван Вогт. Крылатый человек
Путешествие «Космической гончей»
- Часть 1
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
- Часть 2
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11

Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глаза 20
Глава 21
Глава 22
Война против рулл
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
Крылатый человек
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13

Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Поиски
Склеп зверя

Аннотация

В межиздательской серии «Англо-американская фантастика XX века» *вышли в свет следующие книги Альфреда Ван Вогта:*

Вып. 1. Слэн.

Вып. 2. Волшебник Линна.

Вып. 3. Крылатый человек.

Вып. 4. Бесконечная битва.

Вып. 5. Оружейники.

В четвертый выпуск вошли романы «Путешествие космической гончей» (*The voyage of the space Beagle* © 1950), «Война против рулл» (*The war against rull* © 1959), «Крылатый человек»(*The winged, man* © 1966) и два рассказа.

Альфред Ван Вогт
Крылатый человек

Путешествие «Космической гончей»

Часть 1
Глава 1

Все дальше и дальше шел керл. Черная безлунная ночь, почти беззвездная, неохотно уступала место мрачному красноватому свету зари, заполняющему небо слева от него. Свет был скучным, тусклым и не нес в себе тепла. Он потихоньку обнажал ландшафт, похожий на ночной кошмар. Его окружали черные зубчатые скалы и безлесая черная равнина. Над жуткой линией горизонта поднималось светло-красное солнце. Щупальца света неуверенно прокладывали себе дорогу среди теней, и по-прежнему никаких идов, хотя вот уже почти сто дней, как он занимается их поисками.

Внезапно он остановился, насторожившись. По огромным передним лапам пробежала дрожь, острые, как лезвие бритвы, когти изогнулись дугой. Растущие из плеч толстые щупальца волнообразно заколыхались. Он повел туда-сюда головой, очень похожей на кошачью, в то время как состоящие из маленьких тоненьких волосков усики, образовывавшие по бокам его головы

нечто вроде ушей, отчаянно вибрировали, изучая каждый звук и шорох в эфире. Ответа не было. Его сложная нервная система не приняла ничего, что напоминало бы ответный сигнал. Никакого намека на присутствие ид — существ, его единственного источника питания на этой пустынной равнине. Керл безнадежно припал к земле. Его огромный, похожий на кота силуэт вырисовывался на фоне красноватой линии неба, как выгравированная на черном камне фигура тигра. Керла тревожила потеря контакта. Он обладал чувствительными органами, которые, когда все было в порядке, обнаруживали ид — существ на мили в окружности. По — видимому, порядок был нарушен. Его неудавшаяся попытка сохранить контакт указывала на физическое расстройство, на смертельную болезнь, о которой ему приходилось слышать. Семь раз за последние сто лет находил он керлов, таких слабых, что они уже не могли двигаться. Тогда он с легкостью убивал их и забирал то малое количество идов, что еще поддерживало их жизнь.

При воспоминании об этой беде керл вздрогнул. Потом он громко зарычал, и звуки его голоса завибрировали в воздухе, отдавшись эхом в горах — инстинктивное выражение его воли к жизни.

Неожиданно он замер. Высоко над линией горизонта он заметил крошечную светящуюся точку. Она быстро приближалась и так же быстро вырастала во все увеличивающийся металлический шар. Потом шар превратился в круглый корабль. Огромный, сверкающий, как отполированное серебро, он заметно замедлял свой ход, просвистев над самой головой керла. Затем корабль отлетел вправо за черную линию холмов, секунду повисел неподвижно и скрылся из виду.

Керл вышел из оцепенения. С тигриной быстротой он понесся вниз по склону. Его круглые черные глаза горели лихорадочным желанием. Усики — антенны, забыв о своей уменьшающейся активности, так сильно вибрировали, посылая сигнал поиска идов, что тело ответило им острым приступом голодной боли.

Далекое солнце, теперь розоватое, висело высоко в пурпурно — черном небе, когда он припал к скале и уставился из-за нее на простиравшиеся внизу перед ним развалины города. Серебряный корабль, несмотря на его размеры, показался совсем маленьким посреди этого пустынного, лежащего в руинах города. И все же в нем было столько живого, угадывалась такая сила затаившегося движения, что он казался властвующим

среди этой пустыни. Он как в колыбели покоился во впадине, возникшей под действием его веса, противостоя мертвым линиям города.

Керл не мигая смотрел на двуногих существ, Появившихся из корабля. Небольшими группками они стояли у подножия лестницы, тянувшейся из ослепительно — яркого отверстия, находящегося в сотне футов над землей. Его глотка сжалась. Его сознание помутнело от дикого желания броситься и смять эти, казавшиеся такими игрушечными, существа. Эти тела испускали свойственную для идов вибрацию. Клетки памяти затормозили этот импульс, когда он еще только успел подобраться к мускулам. Это было давнее воспоминание о прошлом его расы, о машинах, умеющих уничтожать, об энергии, превосходящей всю мощь его собственного тела. Он успел заметить, что тела существ окутаны прозрачным блестящим материалом, сверкающим под лучами солнца.

Память перегрела каналы его схем. Только теперь керл подумал о том, что это, должно быть, экспедиция с другой звезды. Ученые будут исследовать, а не разрушать. Если он не нападет, ученые не станут его убивать. Ученые тоже глупы на свой лад!

Осмелев от голода, он вышел на свободное

пространство. Он увидел, что существа сразу его заметили и стали смотреть в его сторону. Трое, находившиеся к нему ближе других, медленно повернули к более удаленным группам. Самый маленький из них вытащил из футляра на боку металлический прут и держал его в руке.

Керла все это встревожило, но он продолжал трусить вперед. Поворачивать было слишком поздно.

Эллиот Гросвенф остался там, где стоял, возле трапа. Он уже привык держаться на заднем плане. Единственный некзиалист на борту «Космической Гончей», месяцами не замечаемый специалистами, которые не слишком понимали, что такое некзиалист, и не очень стремились понять. Гросвенф планировал исправить такое положение дел, но пока подобной возможности не представлялось.

Передатчик, вмонтированный в шлем его скафандра, ожил. Кто-то мягко рассмеялся и произнес:

— Что касается меня, то я не пойду на риск близкой встречи с таким великаном.

Гросвенф узнал голос Грегори Кента, главы химического отдела. Слабый физически, Кент был сильной личностью. На борту корабля у него

имелось много друзей и людей, поддерживающих его, и он уже выставил свою кандидатуру на пост директора экспедиции в предстоящих выборах. Выборов ожидали с нетерпением, ведь они вносили определенное возбуждение в монотонную жизнь корабля. Из всех, кто следил за приближающимся чудовищем, лишь Кент вытащил оружие. Теперь он стоял, держа его в руке.

Послышался другой голос, более низкий и спокойный, принадлежащий, как распознал Гросвенф, Хэлу Мортону, директору экспедиции.

— Это одна из причин, по которой вы участвуете в экспедиции, Кент — вы слишком мало оставляете места случайностям.

Замечание было дружеским. Оно оставляло без внимания тот факт, что Кент уже реально претендовал на роль директора, который занимал сейчас Мортон. Конечно, его можно было рассматривать и как некую дипломатическую уловку, если считать, что таким образом наивные слушатели оповещались о том, что Мортон не питает злых чувств к сопернику. Гросвенф не сомневался в том, что директор способен на подобный ход. Он считал Мортона умным, честным и весьма проницательным человеком, который мог без труда управлять любой ситуацией.

Гросвенф заметил, что Мортон продвигается вперед, стараясь оказаться чуть впереди остальных. Его сильное тело казалось особенно крупным в прозрачном металлическом костюме.

Слуха Эллиота Гросвенфа достигли комментарии остальных:

— Не хотелось бы мне встречаться с этой малышкой в темноте один на один.

— Не будь дураком! Это явно высокоразвитое существо, возможно, из господствующей расы.

— Его физическое развитие, — произнес голос, при — надлежавший психологу Сидлу, — указывает на свойственную животным адаптацию к окружающей среде. С другой стороны, направляясь к нам, зверь действует не как животное, а как разумное существо, знающее о нашем умственном развитии. Вы заметили, что оно сковано в движениях? Это указывает на то, что оно понимает: мы вооружены, и поэтому осторожничает. Я бы хотел как следует разглядеть концы щупалец, расположенных на его плечах. Если они суживаются в рукоподобные отростки или чашечки, то я, пожалуй, стану утверждать, что мы имеем дело с потомком жителей этого города. — Он смолк, но потом закончил: — Нам бы очень помогло, если бы мы могли установить с ним контакт, хотя пока

я склонен предположить, что оно выродилось в первобытное состояние.

Керл остановился, когда оказался в десяти футах от ближайшего существа. Потребность в идах угрожала овладеть им целиком. Его сознание готово было погрузиться в хаос, и ему стоило огромных усилий удержать себя от этого. Он чувствовал себя так, как будто его тело погружено в раскаленную жидкость. Перед глазами воз — никла пелена.

Большинство людей подошло к нему. Керл видел, что они изучают его дружелюбно и с любопытством. Когда они говорили, их губы двигались под прозрачными шлемами. Форма их общения — он был уверен, что чувства его не обманывают — была ему недоступна, поскольку происходила на частоте, принимать которую он не мог. Силясь казаться дружелюбным, он передал по усикам свое имя, указывая на себя в то же время щупальцем.

Голос, которого Гросвенф не узнал, протянул:

— Когда он шевелит этими волосами, Мортон, в моем приемнике возникает нечто вроде помех. Вы не думаете…

Спрашивающий назвал Мортона по фамилии, и это отличало его от остальных. Это был Гурлей

— начальник отдела связи.

Гросвенф, записывающий разговор, был доволен. Эпизод со зверем мог помочь ему в записи голосов всех остальных, имеющих вес на корабле. Он с самого начала пытался это сделать, но без особого успеха.

— Ага, — произнес психолог Сидл, — щупальца оканчиваются чашечками — присосками. Это указывает на достаточно сложную нервную систему. При соответствующей тренировке он мог бы управлять любой машиной.

— Думаю, нам следует подняться на корабль и позавтракать, — предложил директор Мортон. — Потом будет много работы. Мне бы хотелось получить сведения о развитии этой расы и, особенно, о причинах ее исчезновения. На Земле, в ранний период, одна культура за другой достигали вершины и разрушались. И на их обломках возникали новые. Что же случилось здесь? Каждому отделу будет поручена особа область для исследования.

— А как с котенком? — спросил кто-то. — Мне кажется, что он жаждет подняться к нам.

Мортон хмыкнул и серьезно сказал:

— Было бы неплохо попытаться взять его с нами, но не действуя силой. Кент, что вы на это

думаете мне предложить?

Маленький химик в раздумье покачал головой.

— Здешний воздух содержит больше хлора, чем кислорода, хотя и того и другого не так много. Наш кислород явился бы для его легких настоящим динамитом.

Для Гросвенфа было ясно, что кошкообразное существо не понимает этой опасности. Он наблюдал за тем, как чудовище последовало за первой группой людей вверх по лестнице к большой двери.

Все оглянулись на Мортона, но тот махнул рукой и заявил:

— Снимите второй замок и дайте ему вдохнуть кислорода. Это его излечит от излишнего любопытства.

Минутой позже в приемнике послышался удивленный возглас директора:

— Будь я проклят! Он даже не заметил разницы! Это означает, что у него нет легких или что его легкие поглощают вовсе не хлор. Держу пари, что он сможет к нам войти! Для биологов это будет кладом, и достаточно безопасным, если мы проявим осторожность.

Скит был высоким, худым, костлявым чело-

веком с длинным печальным лицом. Его голос, необычно контрастирующий с наружностью, зазвучал в приемнике Гросвенфа:

— За все исследования, за все полеты, в которых мне приходилось бывать, я видел только две высшие формы жизни. Представители одной зависят от хлора, представители другой нуждаются в кислороде — два элемента, поддерживающие горение. Я слышал весьма смутные отчеты о жизненных формах, живущих на фторе, но сам подобного примера не видел. Я почти готов отдать свою репутацию за утверждение о том, что ни один сложный организм не сможет приспособиться к использованию обоих газов одновременно. Мортон, если только это возможно, мы не должны позволить этому существу нас покинуть.

Мортон довольно рассмеялся и рассудительно заметил:

— Кажется, он озабочен лишь тем, как бы остаться.

Он уже поднялся по лестнице. Теперь он проходил сквозь замкнутое пространство вместе с керлом с двумя другими людьми. Гросвенф заторопился вперед, но он был одним из дюжины людей, вышедших на открытое пространство.

Огромная дверь захлопнулась, и воздух со свистом хлынул в помещение. Гросвенф наблюдал за чудовищем с растущим чувством тревоги: у него возникли какие-то мысли. Ему хотелось сообщить их Мортону. Согласно правилам, действующим внутри корабля, всем главам отделения должна быть доступна удобная и быстрая связь с директором. Ему бы тоже следовало обладать такой возможностью. Ведь положение это касается и главы некзиального отдела — хотя он и был единственным его членом — то есть относилось и к нему. Вмонтированный в его скафандр превосходный передатчик был устроен таким образом, что он мог разговаривать с Мортоном подобно главам других отделов. Однако на самом деле он обладал лишь мощным приемником. Это давало ему привилегию в слушании разговоров «руководителей», когда они занимались работой вне корабля. Если же он хотел с кем-нибудь поговорить или бы оказался в опасности, ему необходимо было щелкнуть переключателем, открывавшим выход в центральный ка — нал связи.

Гросвенф не подвергал сомнению ценность такой системы. Он был лишь одним из тысячи людей, находящихся на корабле, и было очевид-

ным, что все они могли болтать с Мортоном, когда им вздумается.

Наконец, отворилась внутренняя дверь. Гросвенф двинулся вперед вместе с остальными. Через несколько минут все уже стояли у основания лифтовой системы, ведущей к жилым отсекам корабля. Между Мортоном и Скидом произошла короткая беседа, после которой директор решил:

— Если он поедет, пошлем его наверх одного.

Керл не выказал никаких возражений, но когда услышал, что дверца за ним захлопнулась, и лифт пошел наверх, он с рычанием развернулся. Его разум мгновенно пришел в хаос, и он ударил по двери. Под его весом металл прогнулся, отчаянная боль наполнила его безумием. Теперь он стал пойманным в ловушку зверем. Керл загрохотал когтями о сталь. Прочно пригнанные панели поддались под действием его толстых щупалец. Машина резко загудела, протестуя, но несмотря на то, что выступающие части лифта скрипели по стенкам шахты, неумолимая сила продолжала тащить лифт наверх. В конце концов, лифт достиг места назначения и замер. Керл сорвал остатки двери и вывалился в коридор. Там к нему присоединились люди с оружием наготове.

— Мы дураки! — заявил Мортон. — Нам следо-

вало бы показать ему, как работает лифт. Он же решил, что мы его мы его обманули или что-то в этом роде.

Он решительно подошел к чудовищу. Гросвенф увидел, что когда Мортон несколько раз открыл и закрыл дверцу ближайшего лифта, дикий огонь исчез из угольно-черных глаз чудовища. Когда урок закончился, керл направился в примыкающую к коридору огромную комнату. Там он разлегся на покрытом ковром полу и утихомирил электрическое напряжение нервов и мускулов. Керл был страшно зол на себя за выказанный им страх. Ему казалось, что спокойное и мирное поведение было бы ему выгоднее, и дало бы ему преимущества. Его злобное поведение в лифте вероятно встревожило и обескуражило их не на шутку.

А это могло явиться огромной опасностью для задуманного им дела: керл задумал захват корабля. На планете, с которой явились эти существа, наверняка было неограниченное количество идов.

Глава 2

Немигающими глазами керл наблюдал за тем, как двое людей оттаскивали обломки валунов от металлической двери большого старого здания. Человеческие существа забрали его и снова надели скафандры и теперь, куда бы он ни посмотрел, видел их по отдельности или группами. Керл решил, что они все еще изучают мертвый город. Его собственные интересы полностью сосредоточились на еде. Каждая клетка его огромного тела требовала идов. Это страшное желание отдавалось во всех его мышцах, а сознание затуманилось одним — броситься за людьми, которые углубились в город. Один из них вообще ушел без спутников.

Во время ленча человеческие существа предлагали ему различную пищу, но вся она была для него бесполезна. Очевидно, им не приходило в голову, что он питается исключительно живыми существами. Иды, в основ — ном, были не субстанцией, а формой субстанции, и получить их можно было лишь из ткани, в которой еще теплится огонек жизни.

Текли минуты, часы, а керл по-прежнему сдер-

живал себя. Он лежал, наблюдая и зная, что людям известно о том, что он наблюдает за ними. Они спустили с корабля машину и установили ее перед валуном, преградившим путь к главному входу в здание. То напряженное состояние, в котором он находился, давало ему возможность отмечать все их движения. Хотя голод и был для него нескончаемой пыткой, он четко отмечал все их действия с машиной и видел простоту управления ею.

Он знал, что должно было произойти, когда пламя раскалит твердую глыбу, но намеренно вскочил и зарычал, как будто в ужасе.

Гросвенф наблюдал за ним с борта маленького патрульного корабля. Он добровольно взвалил на себя роль наблюдателя за керлом. Больше ему нечем было заняться. Никто, казалось, не ощущал необходимости присутствия на борту «Космической Гончей» некзиалиста. Пока он так наблюдал, путь к двери расчистили. К ней направились директор Мортон с еще одним человеком. Они вошли внутрь здания и исчезли. Их голоса сразу же зазвучали в приемнике Гросвенфа. Первым заговорил спутник директора:

— Все разбито… Вероятно, тут шла война. Но очертания этой машины можно проследить.

Она выполнена из синтетических материалов. Хотел бы я знать, как она конструировалась и управлялась!

— Мне не совсем ясна ваша мысль, — заметил Мортон.

— Все очень просто. До сих пор я не видел ничего, кроме инструментов. Почти каждая машина, является ли она инструментом или оружием, оснащена трансформатором для получения энергии, ее преобразования и использования. А где силовая установка? Надеюсь, что библиотеки дадут нам ключ к ответу. Что могло такое случиться, что в корне сгубило цивилизацию?

В приемнике раздался голос психолога:

— Говорит Сидл… Я слышал ваш вопрос, мистер Пеннос. Есть, по крайней мере, две причины, по которым эта территория могла стать необитаемой. Первая — отсутствие пищи. Другая — война.

Гросвенф обрадовался тому, что Сидл назвал спутника Мортона по фамилии — теперь к его коллекции добавился еще один голос. Пеннос был главой инженерного отсека корабля.

— Однако, дорогой психолог, — проговорил Пеннос, — их наука должна была помочь им разрешить проблему питания хотя бы для части

населения. А если нет, то почему бы им не развивать область космических полетов с тем, чтобы отправиться в поисках пищи куда-то еще?

— Спросите у Гюнли Лестера, — послышался голос директора Мортона. — Я слышал, что у него зародилась какая-то теория, прежде чем мы успели приземлиться.

Астроном отозвался после первого же вызова.

— Нужно еще как следует проверить все расчеты. Но один из них, думаю, вы со мной согласитесь, говорит сам за себя. Этот отдаленный мир состоит всего лишь из одной планеты, вращающейся вокруг Солнца. И больше ничего: ни луны, ни даже планетоида. А ближайшая солнечная система находится на расстоянии девятисот световых лет. Так что перед господствующей расой этой планеты стояла ужасающе сложная задача: им было необходимо одним ударом разрешить проблему как межпланетных, так и межзвездных перелетов. Вспомним для сравнения, каким медленным было наше развитие в этой области. Вначале мы достигли Луны, потом начали полеты к планетам. Каждый успех вел к следующему, и после долгих лет был совершен длительный перелет к ближайшей звезде. И наконец человеку удалось изобрести антиускоритель, который

позволил совершить межгалактический перелет. Так что я сомневаюсь, чтобы какой-то расе удалось совершить межзвездный перелет, не накопив предварительно опыта.

За этим высказыванием астронома последовали другие замечания, но Гросвенф их уже не слушал. Он смотрел туда, где только что видел огромного кота, но тот куда-то исчез. Он тихо выругался, злясь на себя за невнимательность. Пришлось метаться на своем суденышке в беспорядочном поиске. Но вокруг было слишком много зданий. Куда бы он ни посмотрел, всюду его взгляд натыкался на препятствия. Он приземлился и стал расспрашивать нескольких в поте лица работающих техников. Большинство ответили, что видели кота примерно двадцать минут назад. Обескураженный Гросвенф влез в свою спасательную шлюпку и полетел над городом.

Незадолго до этого керл осторожно двинулся вперед, ища укрытия везде, где только возможно. Он приближался к одной группе — напряженный сгусток энергии, нервный и больной от голода. Подкатила маленькая машина, остановилась перед ним и зажужжала, делая его фотоснимки — великолепная камера. Гигантская дробильная машина нависла над каменистым холмом,

готовая действовать. Сознание керла было заполнено очертаниями не слишком внимательно наблюдаемых им предметов, и изогнутое дугой тело устремилось за человеком, который ушел в город один.

Керл внезапно потерял над собой контроль. Его пасть наполнилась зеленой слюной. Он метнулся за каменистую насыпь и помчался со всех ног. Керл несся огромными плавными скачками. Было забыто все, кроме одного — единственного желания, как будто некая магическая, стирающая память щетка прошлась по его мозгам. Он пролетал по пустынным улицам, срезая путь с помощью проломов в тронутых временем стенах. Затем он перешел на неторопливый бег — его усики — уши ловили вибрацию идов.

Наконец он остановился и стал пристально смотреть вперед из-за скалистых обломков. Двуногое существо стояло возле того, что было раньше окном, направляя в темноту луч фонарика. Фонарик щелкнул и погас. Сильный, приземистый человек мягко шагнул назад и тревожно посмотрел туда-сюда. Керлу не понравилась его тревога. Она означала готовность к опасности, а значит и осложнения.

Керл подождал до тех пор, пока человеческое

существо не исчезло за углом и быстро вышел на открытое пространство. Как призрак, он скользнул по боковой улице мимо длинного квартала разрушенных зданий. На огромной скорости он свернул направо, пролетел через открытое пространство, потом лег на живот и вполз в сумрачное отверстие между домом и огромной грудой развалин. Улица впереди была каналом между двумя грядами разбросанных камней. Она заканчивалась узким углом, выход из которого находился как раз под керлом.

В последний момент он стал, вероятно, недостаточно осторожным. Когда человеческое существо вступило на отрезок пути под ним, керл испугался, потому что от того места, где он притаился, полетел вниз крошечный камень. Человек дернулся и взглянул наверх. Его лицо тотчас же изменилось, он схватился за оружие. Керл метнулся вперед и нанес сокрушительный удар по светящемуся прозрачному колпаку. Послышался хруст разрываемого металла, и хлынула кровь. Человек сложился пополам, будто его согнули. Мгновение его кости и мускулы каким-то чудом удерживали тело, потом оно рухнуло. Лязгнул металл космического костюма.

Конвульсивным движением керл ринулся на

свою жертву. Он уже создал поле, которое должно было помешать идам смешаться в потоке крови. Он молниеносно раздробил металл и лежавшее внутри него тело. Хрустнули размалываемые кости. Он погрузил рот в теплое тело, и крошечные чашечки — присоски начали вытягивать идов из клеток. В экстазе он занимался этим минуты три, потом по его глазам пробежала тень. Насторожившись, он посмотрел наверх и заметил маленькую машину, летевшую в его сторону против заходящего солнца. На мгновение керл оцепенел, потом быстро скользнул в тень от груды обломков.

Когда опять посмотрел наверх, крошечное суденышко лениво уплывало влево. Но оно летело кругами, и керл понимал, что скоро оно вернется к нему. Доведенный почти до исступления тем, что его прервали в момент пиршества, керл все же бросил свою добычу и помчался обратно к кораблю. Он летел, как подстегиваемое опасностью животное, и замедлил ход лишь тогда, когда обнаружил первую группу людей, занятых работами. Он осторожно приблизился к нам. Все они были заняты, и он мог проскользнуть мимо незамеченным.

Гросвенф все больше отчаивался в поисках чудовища. Город был слишком велик. Руин и

укромных местечек было значительно больше, чем показалось ему вначале. В конце концов он направился к кораблю и с облегчением вздохнул, обнаружив животное удобно растянувшееся на валуне под солнцем. Гросвенф осторожно посадил машину на удобное возвышение позади чудовища. Он был еще там, когда двадцать минут спустя группа людей, изучающих город, наткнулась на раскромсанное тело Денервея из химического отдела и передала об этом вызывающее дрожь сообщение.

Гросвенф сразу же взял курс к месту происшествия. Он почти сразу же узнал, что Мортон не прибудет смотреть на тело. В приемнике послышалось его угрюмое распоряжение:

— Перенесите останки на корабль.

Друзья Денервея были уже там и в тревожной тишине взирали на труп товарища.

Гросвенф посмотрел вниз на ужасающие клочья человеческого мяса и запачканные кровью куски металла и ощутил, как сжалось его горло. Он слышал замечание Кента:

— Черт побери, и нужно же ему было пойти одному!

Голос главы химического отдела звучал хрипло.

Гросвенф вспомнил о том, что Кент и его старший заместитель Денервей были добрыми друзьями. По всей вероятности, кто-то еще их химического отдела сказал что — то по личной связи отдела, потому что Кент ответил;

— Да, будем делать вскрытие.

Эти слова напомнили Гросвенфу о том, что если он не настроится на их волну, то пропустит большую часть происходящего. Он торопливо тронул за плечо ближайшего к нему человека и спросил:

— Не возражаете, если я через вас послушаю химиков?

— Давайте.

Гросвенф слегка прижал пальцы к его руке и услышал, как дрожащий голос говорил:

— Хуже всего, что убийство выглядит совершенно бессмысленным. Тело раздавили прямо в желе, но похоже, все части на месте.

В разговор вмешался биолог Скит. Его длинное лицо выглядело мрачнее обычного.

— Убийца напал на Денервея, чтобы его съесть, но потом обнаружил, что по составу тело для него несъедобно. Совсем как наш огромный кот. Что бы перед ним ни поставили, ничего не ест… — тут он осекся и медленно продолжил: — А как

насчет этого зверя? Он достаточно велик, чтобы проделать подобное своими конечностями.

— Вероятно, эта мысль пришла в голову многим из нас, — промолвил Мортон, слушавший весь разговор. — В конце концов, это единственное живое существо, которое мы тут видели. Но, естественно, мы не можем расправиться с ним по одному подозрению.

— Кроме того, заметил один из мужчин, — он не исчезал из поля моего зрения.

Прежде чем Гросвенф успел заговорить, по главной линии послышался голос психолога Сидла:

— Мортон, я беседовал со многими людьми, и впечатление у меня осталось следующее: их первое чувство таково, что зверь ни разу не исчезал из поля зрения, но поразмыслив немного, все они соглашались с тем, что на несколько минут, может быть, и исчезал. У меня тоже сложилось впечатление, что он все время был поблизости. Но серьезно поразмыслив, я припоминаю кое-какие бреши. Были моменты, и возможно, достаточно длительные, когда он совершенно исчезал из виду.

Гросвенф вздохнул, и промолчал теперь уже намеренно. Его точка зрения была высказана другим.

Молчание нарушил Кент, который яростно заявил:

— Я считаю, что нечего разводить пустые разговоры. Нужно прикончить чудовище по первому подозрению, пока оно не наделало еще больших бед.

— Корита, вы далеко? — осведомился Мортон.

— Возле тела, директор.

— Корита, вы расхаживали по городу вместе с Кранесси и Ван Хорном. Как вы считаете, может быть этот кот потомком тех, кто населял эту планету?

Высокий японец медленно и задумчиво проговорил:

— Директор Мортон, тут есть какая — то тайна. Посмотрите на эту удивительную линию небосвода. Обратите внимание на контуры архитектурных сооружений. Эти люди были близки к землянам. Здания не просто украшены, они украшены в определенном стиле. Есть эквиваленты греческой колонне, имеется большой собор в готическом стиле, для создания которого нужно было обладать верой. Если рассматривать этот одинокий мир как планету — мать, то она должна была быть для своих обитателей любимым местом, несущим им тепло и духовные силы. Эф-

фект увеличивает строение улиц. Машины этого народа доказывают, что он был математиком, но прежде всего он был художником. Поэтому-то он и не создал геометрически причудливых городов из мира ультрасофических метрополисов. В оформлении домов кроется непринужденность гения, глубокое, радостное восприятие мира, усиленное непоколебимой верой в божественное. Это не почтенно — седовласая цивилизация, а культура юная и энергичная, уверенная в себе и сильная знанием своей конечной цели. А потом все внезапно котилось, как будто на определенной стадии эта культура пережила великую битву и рухнула, как бывшая Мохаммедианская цивилизация, или миновав столетия процветания, она вступила в период борьбы и распрей. Как бы там ни было, у нас нет сведений ни об одной культуре во Вселенной, сделавшей такой резкий скачок. Преобразования всегда происходят медленно. И первый этап на их пути — подвержение безжалостному сомнению всего, что когда-то было свято. Должны были существовать внутренние противоречия. Бесспорные прежде убеждения подвергаются жесткой критике со стороны ученых и аналитиков. Скептики становятся господствующими существами расы.

Но эта культура, я бы сказал, прекратила свое существование внезапно, в цветущем возрасте. Социологической бомбой для подобной катастрофы должен был быть конец всей морали, взрыв жесточайшей преступности, разрушение всех идеалов. Должно было возникнуть полнейшее бессердечие. Если этот… кот — потомок подобной расы, тогда он может быть лукавой натурой, ночным врагом, хладнокровным убийцей, который ради одного зернышка может перерезать горло собственному брату.

— Довольно! — отрывисто прозвучал голос Кента.

— Директор, я намерен совершить возмездие.

Его резко прервал Скит:

— Я категорически возражаю! Послушайте, Мортон, мы не должны убивать кота, даже если он и виновен. Это настоящая биологическая сокровищница!

Кент и Скит сердито уставились друг на друга.

— Дорогой мой Кент, — внушительно и веско проговорил Скит, — я достаточно оцениваю тот факт, что вы в своем химическом отделе будете счастливы сделать химический анализ его крови и плоти. Но я должен, к сожалению, уведомить вас о том, что вы чересчур спешите. Нам, в био-

логическом отделе, он необходим живым, а не мертвым. И у меня есть такое предчувствие, что физики тоже захотят заняться им живым. Так что боюсь, что вы будете последним в списке. И примиритесь, пожалуйста, с этой мелочью. Вы сможете заняться им через год, но никак не раньше.

— Я смотрю на это дело не с научной точки зрения, — угрюмо возразил Кент.

— А следовало бы… Ведь Денервей мертв, и для него ничего нельзя сделать.

— Я — человек, а уж потом ученый, — хрипло сказал Кент.

— И ради удовлетворения эмоций вы готовы уничтожить столь ценный экспонат?

— Я хочу прикончить это существо, потому что оно таит в себе неведомую опасность. Мы не можем подвергать риску остальных.

Конец дискуссии положил Мортон, который задумчиво произнес:

— Корита, я готов принять вашу теорию в качестве рабочей гипотезы, но у меня возник один вопрос. Возможно ли, что эта культура была еще более поздней на этой планете, чем считается наша в колонизированной нами галактической системе?

— Такое предположение не исключено, — сказал Корита. — Данная культура может быть серединой десятой цивилизации этого мира, в то время как наша, насколько это нам удалось выяснить, является концом восьмого скачка от Земли. Каждая из десяти, конечно, была построена на обломках предыдущей.

— В таком случае, почему ему ничего не известно о скептицизме, который заставляет нас подозревать его в совершении преступления?

— Нет, для него это было бы откровением.

Приемник донес угрюмый смешок Мортона, который заявил:

— Исполните свое желание, Скит. Мы отдадим вам кота живым. И если существует риск, теперь нам о нем известно, так что будем бдительными. Существует, конечно, вероятность того, что мы ошибаемся. У меня, как и у Сидла, сложилось впечатление, что существо все время находилось поблизости. Вполне возможно, что мы к нему несправедливы. На этой планете могут обитать и другие опасные обитатели. Кент, каковы ваши планы насчет тела Денервея?

Глава химического отдела с горечью произнес:

— Поспешных похорон не будет. Проклятый кот чего-то хотел от тела. Похоже на то, что все на

месте, но что-то наверняка исчезло. Я собираюсь выяснить, что именно, и прижать этого убийцу к стенке, чтобы вы поверили в его преступную сущность, отбросив все сомнения.

Глава 3

Вернувшись на корабль, Эллиот Гросвенф направился в свой отдел. Табличка на двери гласила: «СПЕЦИАЛИСТ ПО НЕКЗИАЛИЗМУ». За ней находилось пять комнат, а все помещение было размером сорок футов на восемьдесят. Большая часть машин и инструментов, о которых «Некзиальное объединение» просило правительство, была установлена. В результате в комнатах было весьма тесновато. Оказавшись в помещении, Гросвенф остался наедине с собой.

Он поудобнее уселся за письменным столом и принялся составлять письменное сообщение Мортону. Он проанализировал возможное физическое строение котообразного обитателя этой холодной и отдаленной планеты… Он указал на то, что такое зрелое чудовище нельзя рассматривать лишь как «биологическую сокровищницу». Красивая фраза была опасна тем, что могла заставить людей забыть, что существо могло иметь

свои собственные планы и нужды, базирующиеся на человеческом метаболизме.

— У нас теперь достаточно фактов, — стал диктовать он на магнитофон, — чтобы проделать то, что некзиалисты называют «утверждением направления».

Для того, чтобы укомплектовать «утверждение», ему понадобилось несколько часов напряженной работы. Он отнес запись в отдел стенографии и попросил немедленно ее обработать. Как глава отдела, он пользовался привилегией обслуживания. Через два часа он доставил отчет в офис Мортона. Младший секретарь выдал ему расписку. Убежденный, что сделал все, что мог, Гросвенф отправился пообедать. Потом он осведомился у официанта, где кот?

Официант не был уверен, но полагал, что животное в главной библиотеке.

В течение часа Гросвенф сидел в библиотеке, наблюдая за котом. Все это время существо лежало, растянувшись на толстом ковре и ни разу не переменив положения. Через час одна из дверей открылась, и в комнату, таща огромную чашу, вошли двое мужчин. За ними шел Кент. Глаза химика пылали лихорадочным огнем. Он остановился посреди комнаты и произнес усталым, но

все же пронзительно звучащим голосом.

— Я хочу, чтобы вы все это видели.

Хотя его слова подразумевали всех тех, кто находился в комнате, он, в основном, имел в виду группу ученых, сидевших в специально отведенной секции. Гросвенф встал и посмотрел, что находится в принесенной чаше. Там содержалось какое-то коричневое варево.

Биолог Скит тоже поднялся со своего места.

— Минутку, Кент. В другое время я не стал бы подвергать сомнению ваши действия. Но вы переутомились, и у вас больной вид. Вы получили разрешение Мортона на эксперимент?

Кент не спеша повернулся к Скиту.

— А что думаете вы, Скит? — более мягко произнес химик.

— В вашем плане имеются три ошибки, — ответил биолог. — Во — первых, вы кажется забыли, что он мог объесться, пообедав Денервеем, если он это сделал. И вы кажется думаете, что у него не возникнут подозрения. Вы считаете… Ладно, устанавливайте ваш чан. Может его реакция на это что-нибудь нам подскажет.

Несмотря на все споры, эксперимент Кента обещал быть интересным. Существо уже доказало, что внезапные стимуляторы способны подтолк-

нуть его на самые решительные действия. Его реакцию на то, как он оказался в закрытом лифте, никак нельзя было списывать со счета. Так считал и Гросвенф.

Керл немигающим взглядом уставился на двоих людей, ставивших перед ним чан. Они быстро отошли, а Кент шагнул вперед. Керл узнал в нем человека, доставшего утром оружие. Несколько минут он наблюдал за этим двуногим существом, потом его внимание переключилось на чан. Его усики уловили испускаемое его содержимым волнующее излучение идов. Оно было настолько слабым, что оставалось для него незамеченным, пока он полностью на нем не сконцентрировался. Иды содержались в жидкости в такой концентрации, которая была для него почти бесполезной. Но все же вибрация была достаточно сильной, чтобы указать на причину про — исходящего. Керл с рычанием поднялся на ноги. Он схватил чан чашечками — присосками на конце одного, изгибающегося дугой, щупальца и выплеснул его содержимое в лицо Кенту, который с воплем отпрыгнул назад.

Одной рукой Кент яростно вытирал запачканное лицо, другой схватился за оружие. Его дуло уставилось в массивную голову керла и из него

вырвался луч белого цвета.

Усики — уши керла зашевелились, автоматически сводя на нет энергию оружия. Круглые черные глаза сузились, отмечая движения мужчин, схватившихся за оружие.

Гросвенф, ближе всех находившийся к месту происшествия, резко выкрикнул:

— Стойте! Мы все можем пожалеть о том, что поступаем как, истерики!

Кент опустил оружие и, слегка обернувшись, послал Гросвенфу озадаченный взгляд. Керл лег, ненавидя человека, вынудившего его показать свою способность контролировать внешнюю энергию. Но делать было нечего, он мог лишь с тревогой ожидать последствий.

Кент вновь посмотрел на Гросвенфа. На этот раз его глаза зло сузились.

— Какого черта вы тут распоряжаетесь?

Гросвенф промолчал. Его роль в этом инциденте была исчерпана. Он распознал эмоциональный кризис и сказал необходимые слова командным тоном. Тот факт, что, повиновавшись его команде, люди теперь спрашивают, насколько он уполномочен давать команды, был неважен. Кризис миновал.

То, что он сделал, не имело никакого отноше-

ния к вине или невиновности этого странного существа. Конечным результатом его вмешательства должно быть такое положение дел, при котором решение об этом существе будет вынесено не одним человеком, а группой авторитетных специалистов.

— Кент, — холодно сказал Сидл. — Я не верю в то, что вы действительно потеряли над собой контроль. Вы намеренно пытались прикончить кота, зная, что директор приказал оставить его живым. Я намерен составить рапорт и потребовать, чтобы вы понесли наказание. Вам известно, в чем оно заключается — потеря главенства в вашем отделе и невозможность занять эту должность в любом из двенадцати других отделов.

Группа мужчин, в которых Гросвенф узнал сторон — ников Кента, тревожно зашевелилась. Один из них заявил:

— Нет, нет! Оставьте эти глупости, Сидл.

Другой был более циничным.

— Не забудьте, что есть свидетельства не только против Кента, но и за него.

Кент обвел присутствующих угрюмым взглядом.

— Корита был прав, когда говорил о почтенном возрасте нашей цивилизации. Она явно клонит-

ся к упадку, — затем он продолжил с дрожью в голосе. — О, боже, да неужели тут нет человека, который бы видел весь ужас происходящего? Денервей мертв всего несколько часов. А это существо, вину которого мы все знаем, лежит здесь, свободное, и планирует новое убийство. И жертва его, возможно, находится здесь, в этой комнате. Что же мы за люди? Дураки, циники или упыри? Или наша цивилизация уже дошла до того, что мы можем даже симпатизировать убийце? — Он перевел взгляд опухших глаз на предмет своей ненависти. — Мортон был прав. Это не животное. Это дьявол, поднявшийся из глубин ада этой забытой богом планеты.

— Не пытайтесь делать из нас участников мелодрамы, — сухо сказал Сидл. — Ваши выводы лишены психологического анализа. Мы не упыри и не циники. Мы просто ученые, которые должны узнать об этом коте все. Теперь, когда он находится под нашим наблюдением, мы сомневаемся в его способности напасть на кого — нибудь из нас. Один против тысячи — слишком малая вероятность. — Он посмотрел по сторонам. — Поскольку Мор — тона здесь нет, я предлагаю проголосовать. Говорил ли я от имени всех?

— Только не от моего, Сидл, — это был Скит.

Отвечая на удивленный взгляд психолога, он продолжал:

— В этот волнующий момент все произошло так молниеносно, что никто, кажется, не заметил, что когда Кент выстрелил из вибратора, луч угодил этому животному в самый центр головы и не причинил никакого вреда!

Изумленный взгляд Сидла метнулся со Скита на кота и снова на Скита.

— Вы уверены, что он в него попал? Как вы сказали, все произошло так внезапно… Я подумал, что кот остался невредимым, потому что Кент промахнулся.

— Я совершенно уверен, что он попал ему в морду, — заявил Скит. — Вибрационный пистолет, конечно, не может мгновенно убить человека, но причинить ему вред он может. Кот не выказал ничего такого, что ему нанесен какой-то ущерб. Он даже не задрожал. Я не стану говорить, что это окончательный вывод, но принимая во внимание наши сомнения…

Сидл был явно смущен.

— Возможно, его кожа хорошо защищена от жары.

— Возможно, но ввиду нашей неуверенности, Мор — тону, я думаю, следует отдать приказ запе-

реть его в клетку.

Пока Сидл хмурился в сомнении, вновь заговорил Кент:

— В ваших словах есть смысл, Скит.

Сидл мгновенно подхватил:

— Так вас удовлетворит, Кент, если мы поместим его в клетку?

Кент подумал и неохотно согласился:

— Да, если только слой стали в четыре дюйма толщиной сможет его удержать, то можно сделать и так.

Гросвенф, держащийся на заднем плане, вновь промолчал. Он обсудил проблему заключения животного в своей записке Мортону и нашел этот вариант неподходящим, в основном из-за запирающих механизмов.

Сидл подошел к встроенному в стену коммуникатору, тихо с кем-то переговорил и вернулся.

— Директор сказал, что если мы сможем водворить его в клетку, не применяя насилия, тогда все в порядке. В противном случае нужно просто запереть его в любом помещении, в котором он находится. Что вы на это скажете?

— В клетку! — раздался единодушный хор голосов.

Гросвенф подождал, пока установится тишина,

и заявил:

— На ночь его нужно выпустить. Он никуда не денется.

Большая часть присутствующих игнорировала его замечание. Кент посмотрел на него и кисло спросил:

— Вы, кажется, переменили мнение, а? То вы спасаете ему жизнь, то признаете его опасным.

— Он сам спас свою жизнь, — проронил Гросвенф.

Кент отвернулся и пожал плечами.

— Мы поместим его в клетку. Как раз подходящее место для кровожадного убийцы.

— Вопрос решен, но как мы возьмемся за дело? — спросил Сидл.

— Вы твердо решили посадить его в клетку? — уточнил Гросвенф.

Он не ожидал ответа, и он его не получил. Эллиот прошел вперед и тронул кончик ближайшего к нему из обрамлявших кошачью голову щупалец. Щупальце слегка отдернулось, но Гросвенф был настроен решительно. Он снова взялся за щупальце и указал на дверь. Животное немного поколебалось, но потом медленно двинулось через помещение.

— Подготовьте помещение для кота, — произ-

нес Гросвенф.

Керл послушно направился вслед за Гросвенфом через дверь. Он очутился в квадратной металлической комнате со второй дверью в противоположной стене. Человек вышел в нее. Керл попытался было последовать за ним, но дверь захлопнулась перед самым его носом. Сразу же за его спиной послышался металлический лязг. Он повернулся и увидел, что входная дверь тоже захлопнулась. Он ощутил струю энергии, когда электрический замок вставал на место. Когда керл понял, что его заперли, его губы исказились в усмешке ненависти, но никаких внешних признаков волнения он не выказал. Он сознавал разницу между своей первой реакцией на небольшое заточение в лифте и настоящей. Сотни лет все его существо было направлено на поиски еды. Теперь в его мозгу ожили тысячи воспоминаний прошлого. В его теле зашевелились давно невостребованные силы. Наконец, они были разбужены, и сознание автоматически использовало их возможности в применении к настоящему моменту. Он уселся на гибкие задние ноги и с по — мощью усиков — ушей исследовал энергию того, что его окружало.

Потом он лег. Глаза его выражали презрение.

Дураки!

Прошел примерно час, когда он услышал, что какой-то человек — это был Скит — возится наверху клетки с каким-то механизмом. Он вскочил. Его первой мыслью было, что он недооценил этих людишек, и что они собираются его прикончить. Керл рассчитывал на то, что ему дадут время, и он сможет осуществить задуманное. Опасность заставила его растеряться. И когда он внезапно ощутил радиацию, источник которой находился гораздо ниже видимого уровня, он собрал все силы своей нервной системы против возникающей опасности. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял происходящее. Кто-то делал снимки его тела. Через некоторое время люди ушли. Вскоре снова послышался шум что-то делавших людей. Керл терпеливо ждал, пока корабль не погрузится в молчание. Давным-давно, еще до того, как керлы достигли относительного бессмертия, они тоже спали по ночам. Наблюдая в библиотеке за дремлющими людьми, он вспомнил эту привычку.

Не замирал лишь один звук. Еще долго после того, как весь корабль уснул, он слышал шорох двух пар ног. Беда заключалась в том, что стражи держались не вместе. Вначале слышались шаги

одной пары ног, затем, примерно на тридцать шагов сзади — другой.

Керл позволил им прошагать так несколько раз, все время вычисляя, сколько времени у них это займет. На — конец, он узнал, что хотел. Он еще раз подождал, пока они совершили очередной крут. На этот раз он, как только они прошли, переключил все свои чувства с концентрации на вибрацию, создаваемую человеческими существами, к вибрации более высокого ранга. Пульсация мощного реактора в машинном отделении отдавалась в его нервной системе запинающейся речью. Электродинамомашины бойко забарабанили песню о своей силе. Керл чувствовал как этот поток вливается в него сквозь вмонтированную в стене его клетки систему проводов и сквозь электрическое запирающее устройство его двери. Он за — ставил свое вибрирующее тело застыть в напряженной неподвижности, пытаясь и то же время влиться в этот свистящий шквал энергии. Внезапно его усики завибрировали в лад с ним.

Раздался резкий металлический щелчок. Сильным движением одного из щупалец керл толкнул дверь, и она отворилась. Он очутился в коридоре. Мгновение он испытывал вернувшееся чувство презрения и превосходства при мысли о глупых

существах, осмелившихся по — вернуть свой разум против него. Неожиданно он вспомнил о том, что на этой планете существуют и другие керлы. Мысль была странной и ортодоксальной. Раньше он их ненавидел и боролся с ними. Но теперь он ощутил эту маленькую исчезающую группу своим кланом. Если бы им был дан шанс к размножению, никто, а уж меньше всего эти людишки, не смог бы им противостоять.

Раздумывая об этой возможности, он ощутил, как давит на него одиночество, ограниченность вариантов, потребность в других керлах — он один против тысячи, а затем — вся Вселенная. Звездный мир пробуждал его хищные, ненасытные устремления. Если он проиграет — другого случая не предоставится! В лишенном пищи мире для него не будет возможности разрешить тайну путешествий в пространстве. Даже Строители не смогли оторваться от своей планеты.

Керл бежал через большой салон и отходящий от него коридор. Тут он очутился перед первой дверью в спальню. Она была заперта на электрический замок, но он бесшумно открыл ее. Он проскользнул внутрь и нанес точный удар по горлу спящего человека. Безжизненная голова отлетела прочь. Тело дернулось и зафонтани-

ровало кровью. Излучение идов, испускаемое телом, едва не захватило его, но он заставил себя двинуться дальше.

Семь спален, семь трупов без головы. Потом он тихо вернулся в клетку и запер за собой дверь. Он выверил время с микроскопической точностью. Сейчас охрана, как и должно быть, прошла мимо, заглянула в аудиоскоп и продолжала свой путь. Керл ринулся во второй набег и в течение нескольких минут опустошил еще четыре спальни. Потом он подошел к большой спальне, где спали двадцать четыре человека. Он убивал мгновенно, все время помня о моменте, когда ему нужно было возвращаться в клетку. Но возможность уничтожения такого количества людей сразу помрачила его сознание. Более чем тысячу лет он уничтожал все формы живого, которые мог уничтожить. Даже самые примитивные, которые могли дать ему не больше одного ида. И все же, он никогда не чувствовал необходимости сдерживаться. Он прошел через комнату, как большой кот, тихий, но несущий смерть. И только тогда освободился от чувства радости уничтожения, когда все спавшие в спальне оказались мертвы.

Внезапно он обнаружил, что превысил свое время. Непоправимость ошибки потрясла его. Он

планировал ночь убийств, и каждый смертельный рейс должен был заканчиваться так, чтобы он успевал вернуться в свою тюрьму и быть там, когда охранники будут смотреть на него, завершая очередной крут. Теперь же надежда овладеть этим кораблем — монстром за одну ночь была разрушена..

Керл потерял остатки разума. Как безумный, не заботясь теперь о бесшумности, он промчался по салону. Он влетел в тот коридор, где стояла клетка, напряженный, почти ожидая, что будет встречен энергией бластера, слишком сильной, чтобы он мог с нею справиться.

Двое охранников стояли рядом, бок о бок. Было очевидно, что они только сейчас обнаружили, что дверь открыта. Они одновременно подняли головы и застыли, парализованные кошмарным видением когтей и щупалец, чудовищной головой кота с горящими ненавистью глазами. Один из них схватился за бластер, но слишком поздно. Другой же был психологически сломлен неизбежностью смерти. Он испустил дикий вопль ужаса. Жуткий звук понесся по коридору, будя спящих людей. Звук перешел в холодящее душу всхлипывание, когда керл одним неуловимым движением отправил оба тела в противополож-

ный конец коридора. Он не хотел, чтобы трупы были найдены возле клетки. Это была его единственная надежда.

В отчаянии, понимая весь ужас своей ошибки, неспособный связно думать, он ринулся в свою тюрьму. Дверь за ним мягко захлопнулась. Сильный поток энергии вновь хлынул в запирающее устройство. Керл скорчился на полу и, слыша топот многих ног и гул испуганных голосов, притворился спящим. Он почувствует, если кто-нибудь заглянет в аудиоскоп. Самый напряженный момент наступит, когда будут обнаружены остальные трупы.

Он приготовился к величайшей в его жизни битве.

Глава 4

— Нет больше Шивера! — услышал Гросвенф голос Мор тона, застывшего от ужаса. — Что мы будем делать без Шивера? Без Бекендриша? Без Культора? О, ужас!

Коридор был забит людьми. Гросвенф, пришедший с опозданием, стоял в хвосте одной из кучек людей. Дважды он пытался пробиться поближе, но был немедленно оттеснен людьми, даже не

взглянувшими на него. Они преграждали ему путь, даже не заинтересовавшись, кто он такой. Гросвенф оставил бесплодные попытки. Директор обвел толпу мрачным взглядом. Его подбородок, казалось, выдавался больше обычного.

— Если у кого имеются соображения, выкладывайте! — заговорил Мортон снова.

— Космическое сумасшествие!

Это предположение подействовало на Гросвенфа раздражающе. Ничего не значащая фраза, все еще бывшая в ходу после многих лет космических путешествий. Тот факт, что человек заболевал в пространстве от одиночества, страха и напряжения, еще не говорил о специфическом заболевании. В длительном путешествии, подобном этому, существовали некоторые опасности — и это была одна из причин, по которой он находился на борту — но психологическое расстройство от одиночества вряд ли входило в их число.

Мортон колебался. Казалось ясным, что он тоже рассматривает это замечание как бред шизофреника. Но время для споров о деталях было неподходящим. Эти люди были чрезвычайно напуганы. Они жаждали действий, возвращения уверенности и знания того, что приняты действи-

тельно контрмеры. Именно в такие моменты директора экспедиции, командиры и прочие лица, занимающие должностные посты, теряют доверие своих подчиненных. Гросвенфу показалось, что, когда Мортон заговорил, он думал именно о такой возможности, насколько осторожно подбирал он слова.

— Мы это обсудим, — сказал директор. — Доктор Эгерт и его помощники, конечно же, всех осмотрят. А сейчас он осматривает трупы.

Звучный баритон сказал в самое ухо Гросвенфа:

— Я уже здесь, Мортон. А нельзя ли мне к вам пройти? Велите этим людям пропустить меня.

Гросвенф повернулся и указал на доктора Эгерта.

Люди уже сами расступались перед ним, и Эгерт нырнул вперед. Безо всяких колебаний за ним пошел Гросвенф. Как он и ожидал, все решили, что он с доктором. Когда они очутились рядом с Мортоном, доктор Эгерт проговорил:

— Я слышал ваши слова, Мортон, и могу вам сразу заявить, что история с космическим сумасшествием не годится. Этим несчастным перерубили глотки чем-то таким, на что была нужна сила десятерых. У бедняг не было возмож-

ности даже вскрикнуть. — Эгерт помолчал, потом медленно произнес: — Как насчет кота, Мортон?

Директор качнул головой.

— Киска в своей клетке, доктор, и расхаживает туда — сюда. Я бы хотел знать мнение на его счет у специалистов. Можем ли мы подозревать кота? Клетка построена с таким расчетом, чтобы удержать четырех чудовищ в четыре — пять раз больших, чем он. В его виновность вроде бы трудно поверить, если только речь не пойдет о новой науке, превосходящей все наши представления.

Скит мрачно заявил:

— Мортон, у нас есть все необходимые свидетельства. Мне страшно не хочется об этом говорить, вы же знаете, что я предпочел бы, чтобы кот остался в живых. Но я направил на него телекамеру и попытался сделать несколько снимков. Все они оказались пустыми. Вспомните, что сказал Гурлей. Это существо может, вероятно, посылать и получать колебания всех длин волн. То, как он справился с излучателем Кента, является для нас после случившегося бесспорным доказательством того, что он обладает уникальной способностью управлять потоками энергии.

Кто-то недовольно проворчал:

— Какого черта мы тут делаем? Ведь если он

может контролировать энергию и посылать волны любой длины, то ничто не помешает ему убить нас всех.

— Вот доказательство, что он не всемогущ, иначе бы он сделал это давно.

Мортон направился к механизму, контролировавшему клетку.

— Вы не должны открывать дверь! — завопил Кент, хватаясь за бластер.

— Нет, но если я опущу этот рубильник, электрический ток хлынет в пол и убьет все, что есть в клетке живое. Мы устроили это во все клетки для предосторожности.

Он отпер специальное устройство и опустил рубильник. Какое-то время прибор работал на полную мощность. Потом металл вспыхнул голубым светом. Рад предохранителей над головой Мортона сделался черным. Мортон потянулся, вытянул один из них из патрона и осмотрел, нахмурившись.

— Забавно, ведь с ним ничего не должно было случиться! — он покачал головой. — Да, теперь мы даже не сможем заглянуть в клетку. Это вывело из строя и радио.

— Если он может справиться с электричеством настолько, что способен открыть дверь, то он,

весьма вероятно, учел и такую возможность и был готов противостоять этой опасности, когда вы опустили рубильник, — заметил Скит.

— По крайней мере, это доказывает, что кот не чувствителен к нашей энергии, — мрачно скривился Мортон. — Ведь он вернул ее совершенно безболезненно. Важно то, что он прячется за слоем плотнейшего металла в четыре дюйма толщиной. В случае чего, мы можем открыть дверь и испытать на нем действие бластеров. Но вначале нам следует попытаться послать ему электрические заряды, пропущенные через мощный телефонный кабель.

Его речь прервал донесшийся из клетки звук. Тяжелое тело ударилось о стену. За этим последовала серия таких оглушительных звуков, как будто на пол низвергнули целую кучу предметов. Гросвенф мысленно сравнил это с грохотом лавины.

— Он знает, что мы пытаемся сделать, — сказал Скит Мортону. — И, держу пари, это киске совсем не по душе. Кот свалял дурака, вернувшись в клетку, и теперь понял это!

Общее напряжение спало. Мортон и другие нервно заулыбались. Кто-то даже хмыкнул, представив себе нарисованную Скитом картину

огорченного чудовища. Гросвенф же насторожился. Ему не понравились звуки, которые он услышал. Слух — самый обманчивый из всех чувств. Невозможно проверить, что на самом деле про — исходит в клетке.

— Что я бы хотел знать, — сказал главный инженер Пеннос, — это почему показания телефлюарно — измерительной шкалы подскочили и заколебались на высшей цифре, когда кот стал шуметь? Шкала у меня под носом, и я пытаюсь понять, что же случилось?

И в клетке, и вне ее наступила тишина. Неожиданно за спиной Скита послышался шум, и появился капитан Лич с двумя офицерами в военной форме. Командир, жилистый пятидесятилетний мужчина, резко предложил:

— Думаю, мне следует поставить тут пост. Кажется, между учеными возник спор: убивать чудище или нет… это правда?

Мортон качнул головой.

— Спорить уже не о чем. Мы пришли к единому мнению, что кота следует уничтожить.

— Я собираюсь отдать об этом приказ, — четко кивнул Лич. — Я убежден в том, что безопасность корабля под угрозой, а это уже моя область. — Он возвысил голос: — Освободите место! Подайтесь

назад!

Понадобилось несколько минут на то, чтобы оттеснить народ. Гросвенф был раздражен собравшейся толпой и был рад, когда с этим было покончено. Если бы чудовище неожиданно выскочило, вся эта толпа не могла бы быстро податься назад, и многие были бы ранены и уничтожены. Такая опасность полностью не исчезла, но все же заметно уменьшилась.

— Смешно! — раздался чей-то возглас. — Можно подумать, что корабль вот-вот взлетит.

Гросвенф ощутил то же самое. Большой корабль дрожал, как будто приходил в себя после долгой спячки.

— Пеннос, кто в аппаратной?! — резко спросил капитан Лич.

Главный инженер побледнел.

— Мой заместитель и его помощники. Но я не понимаю, как они…

Толчок! Корабль накренился, угрожая свалиться набок. Жесткая сила швырнула Гросвенфа на пол. Он отключился, но тревога быстро привела его в сознание. Вокруг него распластались остальные. Некоторые стонали от боли. Директор Мортон выкрикивал какой-то приказ, но Гросвенф ничего не слышал. Капитан Лич с трудом

поднялся на ноги. Он ругался. Гросвенф услышал, как кто-то в ярости завопил:

— Какая дрянь включила двигатели?

Ускорение продолжало нарастать. Величина его была уже не менее пяти — шести гравитонов. Глядя на страшную силу как на нечто, находящееся вне пределов его возможностей, Гросвенф с трудом встал на ноги. Кое-как он добрался до ближайшего коммутатора и набрал номер аппаратной, не особенно надеясь на то, что связь действует. За его спиной кто-то испустил звук, похожий на рычание. Гросвенф изумленно оглянулся. Директор Мортон вцепился в его плечо и закричал:

— Это кот! Он в аппаратной! И мы взлетаем в космос!

Даже когда заговорил Мортон, экран остался пустым, а давление силы тяжести все не уменьшалось. Гросвенф с трудом добрался до двери салона и через него выбрался во второй коридор. Там, в кладовой, как он помнил, находились скафандры. Подойдя к ней, он обнаружил, что его опередил капитан Лич, который пытался влезть в непослушный скафандр. Наконец, капитан справился со скафандром и теперь манипулировал с антигравитационным приспособлением.

После этого он по — мог облачиться в скафандр Гросвенфу. Уже через минуту Гросвенф уменьшил гравитационность скафандра до одного гравитона и с облегчением вздохнул. Теперь их было двое, а вскоре стали подходить и другие. Понадобилось всего несколько минут на то, чтобы истощился запас скафандров в кладовой. Недостающие скафандры принесли с нижнего этажа, но теперь этим делом могли заняться и другие. Капитан Лич быстро куда-то исчез, и Гросвенф, гадая, какой же следующий шаг предпринять, заторопился к клетке, в которой раньше был заперт кот. Он нашел там ученых, сгрудившихся вокруг двери, которую только что открыли.

Гросвенф пробрался вперед и заглянул через плечи тех, кто находился ближе к двери. В задней стенке клетки зияла дыра. Она была достаточно большой для того, чтобы в нее могли пролезть пять человек одновременно. Металл прогнулся и был испещрен по краям многочисленными зазубринами. Отверстие выходило в другой коридор.

— Я готов был поклясться, — прошептал Пеннос сквозь незакрытый колпак скафандра, — что это невозможно. Один удар десятитонного молота сможет оставить на стене из микростали лишь зазубрину в четверть дюйма глубиной. А ведь мы

слышали только один удар. Автоматическому дезинтегратору понадобится для такой работы не меньше минуты, но после этого вся территория была бы отравлена радиоактивными элементами, по крайней мере, на несколько недель. Мортон, это *супер-существо!*

Мортон ничего не ответил. Гросвенф заметил, что Скит изучает пролом в стенке. Наконец, биолог поднял голову.

— Если бы Бекендриш был жив… Чтобы объяснить это, тут необходим специалист по металлургии. Смотрите!

Он тронул обломанный край металла. Кусок под его пальцами отвалился, и, упав на пол, рассыпался в пыль.

Гросвенф шагнул вперед и пробормотал:

— Я кое — что смыслю в металлургии.

Люди сразу освободили ему дорогу, и он оказался рядом со Скитом. Биолог хмуро уставился на него и спросил подчеркнуто резко:

— Один из помощников Брека?

Гросвенф сделал вид, что не расслышал вопроса. Он наклонился и пробежался покрытыми материалом скафандра пальцами по груде обломков на полу, после чего быстро выпрямился.

— Никакого чуда тут нет, — заявил он. — Как

вам известно, подобные клетки изготавливаются методом электромагнитной отливки, и для них используется превосходный металлический порошок. Существо воспользовалось своей особой силой, чтобы разрушить молекулярную структуру металла. Это и послужило причиной тех изменений в телефлюарном кабеле, которые заметил мистер Пеннос. Существо, используя свое тело в качестве трансформатора, воспользовалось полученной им энергией, разбило стену, выскочило в коридор, а оттуда в аппаратную.

Он был удивлен тем, что ему позволили закончить этот торопливый анализ. Казалось, его определенно принимали за ассистента погибшего Бекендриша, естественная для огромного корабля неразбериха, когда у людей просто не было времени познакомиться со всеми, занимающими второстепенные должности.

— Итак, директор, — спокойно проговорил Кент, мы имеем на борту суперсущество, держащее под контролем корабль, полностью завладевшее аппаратурой, обладающее почти нелимитированной энергией, владеющее главным отсеком машинного отделения.

Это было простое перечисление фактов, и Гросвенф увидел, какое впечатление оно оказало на

остальных. На их физиономиях возникло беспокойство.

Ему возразил один из офицеров:

— Мистер Кент ошибается. Существо не полностью завладело аппаратной. Контрольная все еще в нашей власти, и это предоставляет нам возможность основного контроля над всеми машинами. Вы как люди, занятые лишь проблемами науки, можете не знать о той механике управления, которой мы располагаем. Конечно, существо может взять над нами верх, но пока мы можем взять под контроль все рубильники аппаратной.

— Ради всего святого! — воскликнул кто-то. — Почему бы вам не перекрыть каналы энергии, вместо того, чтобы облачать в скафандры тысячи людей?

Офицер был непоколебим.

— Капитан Лич считает, что для нас безопаснее находиться в скафандрах. Вполне вероятно, что это существо никогда раньше не испытывало на себе ускорения в пять — шесть гравитонов. Было бы неразумно отказываться от этого и других преимуществ, повинуясь паническим инстинктам.

— Какие же это у нас преимущества? — возмутился Мортон. — Ладно, разберемся после. Нам кое-что известно об этом существе. И сейчас я

собираюсь предложить капитану Личу провести испытания. — Он повернулся к офицеру. — Вы не попросите командира присутствовать на маленьком эксперименте, который я хочу провести?

— Думаю, вам лучше поговорить с ним самому, сэр. Можете связаться с ним по коммуникатору, он в контрольной.

Мортон ушел и вернулся через несколько минут.

— Пеннос, — сказал он, — поскольку вы офицер и начальник аппаратной, капитан Лич хочет, чтобы об этом опыте позаботились вы.

Гросвенфу показалось, что в тоне Мортона промелькнула нотка раздражения. Очевидно, командир корабля говорил серьезно, заявляя, что берет на себя ответственность. Это была старая песня о разделении власти. Официально оно было произведено так тщательно, как только было возможно, но на деле области разделения постоянно соприкасались. До нынешнего момента корабельные офицеры и вообще все военные несли службу, подчиняя себя общей цели небывалого полета. Тем не менее, прошлый опыт показал правительству, что военные по каким-то соображениям не слишком высоко ста — вили авторитет ученых. В моменты подобные этому

скрытая враждебность выползала наружу. И действительно, не было никаких причин к тому, чтобы Мортон не руководил кораблем, используя свой опыт.

Пеннос энергично возразил:

— Директор, у нас нет времени на то, чтобы вы объясняли мне детали. Распоряжайтесь сами! Если я буду в чем-то с вами не согласен, мы это обговорим.

Это был вежливый отказ от привилегий, не Пеннос как главный инженер сам был в первую очередь ученым.

Мортон не стал терять время и решительно заявил:

— Мистер Пеннос, назначьте по пять человек к каждому из четырех подходов к аппаратной. Я собираюсь возглавить одну из групп. Кент, вы поведете вторую. Скит — третью. А вы, мистер Пеннос, будете командовать четвертой. Будем действовать через большие двери переносными излучателями и бластерами. Все двери, как я заметил, закрыты: чудовище заперлось. Селенски, вы подниметесь на контрольный пункт и выключите все, кроме моторов. Все приборы присоедините к главному рубильнику и выключите все одновременно по нашей команде. Хотя есть

тут одна вещь… Оставьте ускоритель на полной мощности, и не применять никаких антиускорителей! Ясно?

— Да, сэр! — пилот козырнул и зашагал вдоль коридора.

— Сообщите мне по коммуникатору, — крикнул ему вслед Мортон, — если какие-то машины возобновят работу!

Сопровождать выбранных вызвались все присутствующие. Гросвенф и еще несколько человек наблюдали за ведущимися действиями с расстояния примерно в двести футов. Когда были принесены передвижные излучатели и установлены переносные защитные экраны, он ощутил кислый привкус в предчувствии несчастья. Он оценил силу и мощь предпринимавшейся атаки. Он даже мог себе представить, что она могла бы увенчаться успехом…

Но это был бы чисто случайный успех, а не предсказанный. Дело обсуждалось на базе старой теории, ста — рой системы организации людей и их знаний. Самым раздражающим являлся тот факт, что сам он мог лишь стоять поодаль и критиковать.

По главному коммуникатору раздался голос Мортона:

— Как я уже сказал, это предварительная попытка. Она базируется на заключении о том, что он пробыл в аппаратной недостаточно долго для того, чтобы что — ни — будь предпринять. Это дает нам возможность одолеть его сейчас, пока у него не было времени подготовиться к борьбе против нас. Но помимо возможности того, что нам удастся уничтожить его немедленно, я просчитал еще одну версию: эти двери сконструированы таким образом, что способны противостоять мощному взрыву, и понадобится не менее пятнадцати минут на то, чтобы нагреватели смогли оказать на них воздействие. В течении этого периода существо не будет получать энергии. Селенски готов перекрыть каналы питания. Главный двигатель, конечно, будет включен, но он атомный, а я считаю, что это чудовище не сможет справиться с подобным механизмом. Через несколько минут вы увидите, что я имею в виду… на что надеюсь.

Его голос возвысился, когда он спросил:

— Вы готовы, Селенски?

— Да.

— Выключайте главный рубильник!

Коридор и весь корабль, как понял Гросвенф, погрузились во тьму. Он щелкнул выключателем вмонтированной в скафандр лампы. Это же

проделали и другие. В отблеске лучей их лица казались бледными и напряженными.

— Заряд! — четко и резко скомандовал Мортон.

Передвижной излучатель запульсировал, распространив потоки тепла, обрушившиеся на тяжелую металлическую дверь. Гросвенф увидел, как по металлу побежали, сливаясь в ручейки, первые капли. За ними последовали другие, и вот уже под действием энергетического луча неохотно шевелилась дюжина потоков. Прозрачный экран замутился, и теперь уже было трудно видеть, что происходит с дверью. А потом, отражаясь в замутненном экране, дверь засияла светом уже своего пара. У огня был какой-то адский вид. Он активно пылал все ярче и ярче по мере того, как передвижные излучатели с медленной яростью плавили металл.

Время шло медленно. Наконец раздался голос Мортона:

— Селенски!

— Еще ничего, директор.

Мортон почти прошептал:

— Но ведь должен же он что-то делать. Не может он просто так ждать, как загнанная в угол крыса, Селенски.

— Ничего, директор…

Семь минут… десять… двенадцать…

— Директор! — это был Селенски. Его голос, как всегда, звучал официально. — Он заставил работать электродинамо!

Гросвенф глубоко вздохнул. В коммуникаторе раздался голос Кента, обращавшегося к директору:

— Мортон, больше ничего не будет. Вы ожидали этого?

Гросвенф увидел, что Мортон внимательно смотрит на дверь через экран. Даже на расстоянии ему казалось, что металл не был таким раскаленным, как прежде. Дверь ощутимо покраснела, но затем этот цвет перешел в темный.

Мортон вздохнул.

— Пока все. Расставьте людей в каждом коридоре! Излучатели на место! Начальники отделов, поднимитесь на контрольный пункт!

Испытание, как понял Гросвенф, было закончено.

Глава 5

На посту у входа в контрольный пункт Гросвенф предъявил удостоверение одному из охранников.

Тот с сомнением взглянул на него.

— Пожалуй, все в порядке, — наконец, пробормотал он. — Пока мне не приходилось пропускать сюда ни одного человека моложе сорока. Как вы на это смотрите?

— Я сижу на первом этаже новой науки, — усмехнулся Гросвенф.

Охранник снова взглянул в карточку и, возвращая, осведомился:

— Нек… некзиализм… а что это такое?

— Нечто вроде «всеизма», — проронил Гросвенф и шагнул через порог.

Оглянувшись, он обнаружил, что охранник ошеломленно улыбнулся, не отрывая от него взгляда. Но Гросвенф тут же забыл о нем. Он оказался в контрольном пункте управления впервые и с любопытством озирался по сторонам, заинтересованный окружающим. Несмотря на всю свою компактность, контрольный пост являл собой внушительное зрелище. Он состоял из ряда ярусов. Каждый металлический ярус был в двести фугов длиной, и от одного яруса к другому шел ряд крутых ступеней. Управлять им можно было с пола или, что было быстрее, с двойного контрольного кресла, что свисало с потолка на подвижном управляемом устройстве.

Дальний конец помещения представлял собой ауди — торию с примерно сотней удобных мест. Они были до — статочно большими, чтобы поместить на своем сиденье человека в скафандре, и около двух дюжин людей, одетых именно таким образом, сидели в них. Гросвенф скромно устроился сбоку. Через минуту из личного капитанского офиса, вход в который открывался из контрольной, вышли Мортон и капитан Лич. Командир сел, а Мортон заговорил:

— Как известно, из всех машин, находящихся в аппаратной, самой важной для чудовища является электродинамо. Вероятно, чудовище работало в дикой панике, стараясь задействовать ее, прежде чем мы проникнем внутрь. У кого есть замечания?

— Я бы хотел, чтобы кто — нибудь сообщил мне, что сделал кот для того, чтобы дверь стала непроницаемой? — спросил Пеннос.

— Известны такие электрические процессы, — ответил ему Гросвенф, — в результате которых металлы могут стать предельно стойкими к температуре, но я ни — когда не слышал о том, что этого можно достичь без нескольких тонн специального оборудования, которого, кстати, на корабле нет.

Кент взглянул на Гросвенфа и раздраженно проговорил:

— Кто нам скажет, как он это сделал? Если мы не можем проникнуть сквозь эти стены с нашими атомными дезинтеграторами, то это конец. Он сделает с кораблем все, что захочет его хвост.

Мортон задумчиво качнул головой.

— Мы должны выработать какой-то план — для этого мы тут и собрались… Селенски! — позвал он.

Селенски ловко развернул кресло лицом к главному рубильнику, и очень осторожно повернул уровень в нужное положение. Корабль сотряс толчок, послышался гудящий звук, после чего в течение нескольких секунд дрожал пол. Корабль замер, машин успокоились, и гудение перешло в слабую вибрацию.

— Я собираюсь попросить различных специалистов дать свои предложения относительно борьбы с так называемым котом, — произнес Мортон. — Нам необходим обмен мнениями среди специалистов, работающих в разных областях, но какими бы ни были интересными теоретические проработки, нам нужен в первую очередь практический подход.

А это, уныло подумал Гросвенф, как раз то, что

в достаточной степени имеется в распоряжении Эллиота Гросвенфа, некзиалиста. Мортону необходимо было взаимодействие многих наук, а для этого и существовал некзиалист. И тем не менее, он понимал, что не входит в число экспертов, чьим практическим советом заинтересуется Мортон. Его догадка оказалась правильной.

Через два часа директор произнес:

— Полагаю, нам лучше прерваться на полчаса, по — есть и отдохнуть. Мы приближаемся к решающему моменту, и должны собрать все, чем владеем.

Гросвенф направился в свой отдел. Его не интересовали ни еда, ни отдых. В тридцать один год он мог обойтись без еды или отдыха. Ему казалось, что у него есть полчаса, в которые он сможет разрешить проблему того, как поступить с чудовищем, захватившим корабль. Беда заключалась в том, что согласованность ученых была неполной. Часть специалистов объединяла свои знания не весьма поверхностном уровне. Каждый кратко обрисовал свою идею людям, которые не были обучены тому, чтобы ухватывать за каждым соображением богатство ассоциаций. Поэтому план нападения был лишен единства.

Это заставило Гросвенфа с тревогой думать

о том, что он, молодой человек, является, возможно, единственным на борту, кто способен разглядеть слабости плана. Впервые за шесть месяцев пребывания на борту корабля он внезапно понял, какую огромную ответственность возложило на него «Некзиальное объединение». То, что предыдущие системы обучения устарели, вовсе не было громким словом. Гросвенф не нес личной ответственности за полученное им образование. Он не создал ни одной его системы. Но как выпускник общества, как лицо, посланное на «Космическую Гончую» со специальной целью, он не имел иной альтернативы, как только принять твердое решение, а потом использовать любую возможность, чтобы убедить в его правильности ответственных лиц.

Сложность состояла в том, что ему было необходимо получить максимум информации. И он занялся этим с помощью единственно имеющегося в его распоряжении способа. Он связался с различными отделами по коммутатору.

В основном он разговаривал с подчиненными, а не с начальством. Каждый раз, когда он представлялся начальником отдела, эффект получался значительным — занимающие более мелкие должности ученые соглашались с его

превосходством. И обычно были готовы помочь, хотя и не всегда.

— Мне нужно получить распоряжение от начальства, — заявил один индивидуум.

Глава одного из отделов Скит разговаривал с ним лично и предоставил ему желаемую информацию. Другой был чрезвычайно вежлив и попросил позвонить ему, когда кота уничтожат. Гросвенф связался с химическим отделом и попросил Кента, считая само собой разумеющимся — он на это надеялся — что ему ответят отказом. Он был готов сказать подчиненному: «Тогда вы дадите мне информацию, в которой я нуждаюсь».

К его досаде и изумлению, его немедленно соединили с Кентом. Шеф химического отдела слушал его с плохо скрываемом раздражением, а в конце резко оборвал;

— Вы можете получить получить информацию нашего отдела по обычным каналам. А информация, полученная на кошачьей планете, не будет доступной еще в течение нескольких месяцев. Мы должны проверить и переправить все данные.

Но Гросвенф продолжал настаивать:

— Мистер Кент, я самым серьезным образом

прошу вас разрешить мне доступ к данным количественных анализов кошачьей планеты. Это может иметь первостепенное значение для разрабатываемого на сегодняшнем совещании плана. Сейчас слишком сложно объяснять все в деталях, но уверяю вас…

Кент насмешливо прервал его излияния:

— Послушайте, мой мальчик, — сейчас не время для теоретических дискуссий. Вы, кажется, понимаете, что мы находимся в смертельной опасности. Если что-то будет не так, вы, я и остальные подвергнемся физическому уничтожению. И это уже не будет упражнением интеллектуальной гимнастики. А теперь не отвлекайте и не беспокойте меня, пожалуйста, еще десяток лет.

Раздался щелчок — Кент прервал связь.

Несколько минут Гросвенф сидел, остывая. Потом, печально усмехнувшись, сделал последний вызов. Его высокой вероятности таблица содержала, среди прочего, сведения о пробах, показывающих высокое содержание вулканической пыли в атмосфере планеты, об истории жизни различных видов растений, полученные на основе изучения их семян, о типе пищеварительного тракта у животных, которые могли бы питаться подобными растениями, и о рассчитан-

ных на основе экстраполяции структурах и типах животных, могущих жить за счет тех животных, которые питались бы подобными растениями.

Гросвенф работал быстро и поскольку он, главным образом, делал пометки в уже отпечатанной таблице, составление графика заняло у него немного времени. Дело было простым. Было бы сложно объяснить ему подробности тому, кто еще не был знаком с некзиализмом, но для Гросвенфа картина была совершенно ясной. Она указывала на возможности и решения, которыми нельзя было пренебрегать. Так казалось Гросвенфу.

Под заголовком «Основные рекомендации» он написал: *«При любом одобренном решении следует позаботиться о безопасности...»* Захватив четыре пачки схем, он направился в математический отдел. Там находилась охрана, что было весьма необычно. Для защиты от кота явно были приняты меры. Когда они отказались пропустить к Мортону, Гросвенф потребовал свидания с одним из секретарей директора. Наконец, из другой комнаты появился младший секретарь. Вежливо изучив схемы, он сказал, что «постарается довести их до внимания Мортона».

Гросвенф мрачно возразил:

— Я уже слышал нечто подобное. Если Мор-

тон не захочет ознакомиться со схемами, я буду требовать комиссии расследования. В связи с докладами, которые я посылал директору, и которые куда-то испаряются, я выражаю протест. Если это не прекратится, могут произойти большие неприятности.

Секретарь был на пять лет старше Гросвенфа. Он был холоден и, в общем, настроен очень враждебно. Поклонившись Гросвенфу, он слабо улыбнулся и сказал:

— Директор — очень занятой человек. Его внимания требуют отделы. Деятельность некоторых из них очень важна и их престиж дает им преимущество над более молодыми науками и… — он поколебался, — учеными. Но я передам ему о вашей просьбе изучить таблицы.

— Попросите его прочитать рекомендации. С этим нельзя больше тянуть.

— Я доведу до его сведения, — сухо проронил секретарь.

Гросвенф решительно направился к штаб-квартире капитана Лича. Капитан сразу принял его и внимательно выслушал, после чего изучил таблицу. Покончив с этим, он покачал головой.

— Военные, — официальным тоном сказал он, — подходят к этому делу немного по-другому.

Принимая во внимание особенности поведения и возможностей чудовища, мы идем на большой риск. Ваше замечание о том, что было бы разумнее позволить чудовищу бежать — совершенно противоречит моей точке зрения. Это разумное существо, предпринимающее враждебные действия по отношению к военному кораблю. Такая ситуация нетерпима. Я считаю, что он вступил на подобный путь, понимая последствия. — Капитан криво усмехнулся.

— А последствия — смерть!

Гросвенф подумал, что конечным результатом может быть смерть людей, оказавшихся недостаточно гибкими в борьбе против необычайной опасности. Он уже приготовился сказать, что вовсе не намерен дать коту возможность убежать, но раньше, чем он успел заговорить, капитан Лич встал.

— А теперь я вынужден попросить вас уйти — произнес он. Лич повернулся к офицеру. — Проводите мистера Гросвенфа.

— Я знаю, где выход, — с горечью сказал Гросвенф.

Оказавшись в коридоре, он взглянул на часы. До начала действий оставалось пять минут. Чувствуя себя несчастным, он направился в

контрольный пункт. Гросвенф занял свое место, когда большинство уже сидели. Через минуту вошли директор с капитаном Личем. И со — вещание началось.

Нервничающий и явно напряженный, Мортон расхаживал перед собравшимися туда-сюда. Бледность его лица скорее усиливала, чем умаляла то выражение агрессивности, которое придавал ему выдающийся подбородок. Внезапно он замер. Его резкий голос раздался над собравшимися.

— Чтобы быть уверенным в том, что наши планы полностью согласованы, я намерен просить каждого специалиста предоставить свои соображения о сверхсиле этого чудовища. Первым выступит мистер Пеннос.

Пеннос встал. Он был среднего роста, но казался высоким из-за уверенного вида. Подобно другим, он был узким специалистом, но из-за природы своей деятельности он нуждался в некзиализме гораздо меньше, чем кто-либо другой из присутствующих. Этот человек знал двигатели и историю двигателей, согласно его послужному списку, изученному Гросвенфом, он изучал разнообразные двигатели на ста планетах. Не было ничего такого, чего бы он не знал о практической механике. Он мог бы говорить не переставая

несколько недель и все же лишь коснулся бы предмета своих знаний.

— В этой контрольной комнате у нас установлены переключатели, которые останавливают одновременно все двигатели. Расщепляющее устройство сработает в сотую долю секунды. И эффект создаст различного рода вибрации. Существует, конечно, какая-то вероятность того, что одна или несколько машин будут разрушены по принципу того, как солдаты спешат строем по мосту и обрушивают его. Вы слышали эту историю, но, по моему мнению, реальной опасности разрушения нет. Наша главная цель заключается в том, чтобы сломить сопротивление существа и прорваться сквозь двери.

— Следующий — Гурлей, — объявил Мортон.

Гурлей лениво поднялся на ноги. У него был сонный вид, как будто все происходящее утомило его. Гросвенф подозревал, что ему хотелось, чтобы люди считали его мечтателем. Он был начальником отдела связи, и его анкета отражала цепь длительных попыток приобретения знаний в выбранной им области. Вряд ли его ученая степень могла служить каким-то свидетельством знаний, за его плечами было непревзойденное по своей обширности образование. Заговорил он

неторопливо, растягивая слова в своей обычной манере. Гросвенф отметил, что его нарочитая медлительность произвела на аудиторию успокаивающий эффект. Выражение обеспокоенности на лицах смягчилось, позы стали более непринужденными.

— Мы состряпали вибрационные экраны, работающие на принципе отражения. Оказавшись внутри, мы используем их таким образом, чтобы большая часть того, что может послать кот, была отражена и вернулась к нему же. Вдобавок, мы получили дополнительное количество электроэнергии, которое мы и скормим ему с передвижных колец. Должен же быть предел его возможностям в задержании энергии. И нервы у него тоже не стальные.

— Селенски, — спокойно произнес Мортон.

Главный пилот уже стоял возле Мортона. Все было проделано так стремительно, будто он уже давно ждал зова директора. Гросвенф смотрел на него, как зачарованный. Селенски был худощав и лицом и телом, с поразительно живыми голубыми глазами, и казался он сильным и умным. Согласно своему послужному списку, он не получил особенно обширного образования, но восполнил его отсутствие крепостью нервов,

молниеносной реакцией и способностью действовать с точностью часового механизма.

— Впечатление от плана таково, что он достаточно объемен. Как раз, когда существо думает, что больше ему не вынести, происходит еще нечто, что добавляет ему тревоги и беспокойства. Когда рев достигнет высшей точки, я включу антиускорение. Директор и Гюнли Лестер думают, что этому сверхсуществу об антиускорении ничего не известно, поскольку подобные знания связаны с наукой о межгалактических перелетах и другими путями не могут быть получены. Мы думаем, что когда существо ощутит на себе впервые эффекты от действия антиускорителя — вы все помните то чувство опустошенности, которое оно вызывает, когда сталкиваешься с ним впервые — он не будет знать, что думать и что делать — Пилот сел.

— Следующий Корита…

— Я могу лишь предложить вам одобрение, — сказал он, — покоящееся на моей теории о том, что этому чудищу присущи все черты преступника ранних лет цивилизации. Скит считает, что его знания наук озадачивают. По его мнению, это может означать, что мы имеем дело с действительным обитателем этой планеты, при-

чем являющимся потомком тех, кто проживал в изученном нами мертвом городе. Подобное предположение предписывает нашему врагу фантастическое долголетие, фактическое бессмертие, врожденные способности, частично, его способность дышать и кислородом, и хлором, или ни тем и ни другим. Но его бессмертие само по себе не так уж и важно. Он пришел из определенного периода своей цивилизации, и уровень его мышления настолько низок, что оно состоит, главным образом, из его воспоминаний об этом периоде. Несмотря на его способность контролировать энергию, он потерял голову в лифте, когда впер — вые попал на корабль. Придя в беспокойство, когда Кент предложил ему еду, он поставил себя в такое положение, что был вынужден пустить в ход против вибратора специальные силы. За несколько часов он совершил множество убийств. Как видите, ход его действий отвечает образу действий примитивно — хитрой эгоистической натуры, которой мало или совсем ничего не известно о про — исходящих в ее теле процессах — в научном смысле — и которая едва ли понимает сущность того, над чем берет власть. Кот похож на того германского солдата древности, который чувствовал превосходство

над старым романским ученым, но последний все же является частью могущественной цивилизации, внушающей страх Германии тех дней. Таким образом, мы имеем дело с примитивом, и этот примитив полностью оторван от своей естественной среды. Я скажу так: — Идемте и победим!

Мортон поднялся и взглянул на аудиторию. Его тяжелое лицо хранило насмешливую улыбку.

— Согласно моему предыдущему плану, уверенность, с которой говорил Корита, должна быть неотъемлемой частью нашей атаки. Тем не менее, я только что получил документ от молодого человека, представляющего на борту этого корабля науку, о которой я очень мало знаю. Тот факт, что он находится на борту, требует от меня предупредительного отношения к его мнению. Убежденный, что он держит в руках ключ к решению проблемы, он побывал не только в моем отделе, но и в штаб-квартире капитана Лича. Мы с командиром сошлись на том, что мистеру Гросвенфу следует дать несколько минут на описание его решения с тем, чтобы он убедил нас в том, что знает, о чем говорит.

Гросвенф робко встал и начал:

— В «Некзиальной школе» нас учили тому, что

за важными аспектами любой науки стоит сложная связь ее с другими науками. Это положение, конечно, известно давно, но есть разница между болтовней об этом положении и применением его на практике. Мы в «школе» разработали технику его применения. В моем отделе имеется много таких замечательных машин, которые вам никогда не приходилось видеть. Не стану сейчас вам их описывать. Скажу только о том, каким образом человек, владеющий опытом работы с этими машинами, может разрешить проблему кота… Во-первых, предположения, выдвинутые здесь, достаточно поверхностны. Они удовлетворительны в своей области, но эта область не простирается достаточно далеко. Сейчас же мы располагаем достаточным количеством фактов, чтобы составить совершенно четкую картину прошлого кота. Назову их… Примерно восемнадцать сотен лет назад выносливые растения этой планеты начали внезапно получать от солнца меньше волн определенной длины. Это было связано с появлением в атмосфере огромного количества пыли. Результат: почти моментально большая часть растений погибла. Вчера одна из наших разведывательных машин в районе примерно ста миль от города обнаружила несколько

живых существ размером с земного оленя, но, вероятно, более умных. Они были так осторожны, что захватить их не представлялось возможным. Пришлось их уничтожить, и отдел мистера Скита проделал ряд анализов. Мертвые тела содержали калий почти в тех электрохимических соединениях, в каких он содержится в человеческом теле. Других животных встретить не уда — лось. Возможный вывод: это мог быть один из пищевых ресурсов кота. В желудках мертвых животных ученые обнаружили частицы растений на различной стадии усвоения. Вероятен следующий цикл: растения — травоядные — хищники. Представляется возможным, что когда растения погибли, животные, чью пищу они должны были составлять, в большинстве своем умерли. Таким образом, исчезла пища и для котов.

Гросвенф обвел аудиторию быстрым взглядом. За исключением одного человека, все слушали его внимательно. Исключение составлял Кент. На лице начальника химического отдела застыло раздраженное выражение. Его внимание, казалось, было приковано еще к чему-то. Эллиот быстро продолжил:

— В галактике существует много примеров зависимости жизненных форм от типа пищи. Но

мы не встречали другого примера такой ограниченности в пище у разумного, в некоторых пределах, существа. Похоже на то, им даже в голову не приходила возможность выращивать для себя пищу и, уж конечно, пищу для своей пищи. Невероятное отсутствие предусмотрительности, согласитесь. Да такое, что любое объяснение, не принимающее во внимание этот факт, будет неудовлетворительным.

Гросвенф вновь сделал паузу, но лишь для того, чтобы перевести дыхание. Он не смотрел прямо ни на кого из присутствующих. Он не мог предъявить доказательств того, о чем собирался говорить. Каждому отделу понадобились бы недели на то, чтобы проверить факты, используемые его наукой. Все, что он мог сделать, это дать конечное заключение — то, что он не осмелился сделать в своей схеме или в разговоре с капитаном Личем. Он поспешно закончил:

— Факты неотвратимы. Кот не является одним из создателей этого города, как не является и их потомком. Он и ему подобные животные являются произведением строителей города. Что произошло с самими строителя — ми? Об этом можно только догадываться. Вероятно, они были уничтожены восемнадцать столе-

тий назад в ходе атомной войны. Город, почти сравнимый с земным, неожиданное появление похожей на вулканическую пыль в атмосфере в таких количествах, что она смогла на тысячи лет скрыть солнце — все это говорит само за себя. Человек едва ли не совершил то же самое, так что мы не должны слишком сурово осуждать исчезнувшую расу. Но куда нас это ведет? — он вздохнул поглубже и продолжил: — Если бы он был строителем, он бы обладал доказательствами своей всеобъемлющей силы и прекрасно бы понимал, что мы замышляем. Поскольку он им не является, мы в настоящий момент имеем дело с существом, не имеющим ясного представления о своей силе. Оказавшись в трудном положении, он мог обнаружить в себе способности еще не осознанные, уничтожить человеческие существа и контролировать работу машин. Мы должны дать ему возможность бежать. Очутившись вне корабля, он очутится в нашей власти. У меня все и благодарю вас за то, что вы меня внимательно выслушали.

Мортон оглядел собравшихся и осведомился:

— Итак, джентльмены, что вы думаете?

Кент сердито заявил:

— В жизни не слышал подобной истории. Все

это предположения, фантазии. Если в этом и заключается некзиализм, то ему следует многое в себя вобрать, прежде чем я им заинтересуюсь.

— Не знаю, каким образом мы можем согласиться с подробным объяснением, не имея возможности для изучения анатомии кота, — мрачно проговорил Скит.

Следующим высказался глава физиков Ван Гроссен:

— Я сомневаюсь в том, что даже подобное исследование могло бы служить твердым доказательством того, что существо создано искусственно. Анализы мистера Гросвенфа весьма спорные, и такими они и останутся.

— Дальнейшие раскопки города могли бы дать подтверждение теории мистера Гросвенфа, — Корита говорил очень осторожно. — Подобная точка зрения не опровергает полностью теорию цикличности, поскольку создание мыслящего существа может характеризовать силу ума и убеждения тех, кто его обучал.

С места поднялся глава инженерного отдела Пеннос.

— Один из наших летательных аппаратов сейчас находится в мастерской. Он частично демонтирован и занимает единственно доступную

для нас внизу опору. Чтобы получить для него действующий аппарат, нам понадобилось бы не меньше усилий, чем на всю планируемую нами атаку. Конечно, если она потерпит неудачу, мы, может быть, решимся пожертвовать летательным аппаратом, хотя я по-прежнему не понимаю, как он сможет выбраться на нем из корабля. Внизу нет воздушных запоров.

Мортон повернулся к Гросвенфу.

— Что вы на это скажете?

— Воздушный запор имеется в конце коридора, соединяющегося с аппаратной. Мы могли бы предоставить ему возможность воспользоваться им.

Капитан Лич решительно поднялся и заявил:

— Как я уже сказал мистеру Гросвенфу, когда он ко мне приходил, военные в таких делах действуют смелее и решительней. Нас не испугают случайности, мы к ним готовы. Пеннос выразил и мое мнение. Если нападение не удастся, обсудим другие варианты. Благодарю вас, мистер Гросвенф, за ваши исследования. А теперь за работу!

Это был приказ. Все сразу направились к выходу.

Глава 6

Керл работал в ярком свете гигантской механической мастерской. К нему вернулась большая часть воспоминаний и навыки, привитые ему Строителями, способности осваивать новые машины и ситуации. Он обнаружил спасательную шлюпку, находящуюся на опорах и частично демонтированную.

Он с жаром принялся за ремонт. Необходимость побега вырастала перед ним во весь рост, заслоняя все остальное. Только так он мог получить доступ к своей планете с другими керлами. С тем искусством, которому он сможет их научить, они станут непобедимыми. Тогда победа будет неизбежно за ними. В основном он решился, но все же с неохотой покидал корабль. Он не был полностью убежден, что находится в опасности. После того, как он изучил энергетические ресурсы механической мастерской и снова обдумал все случившееся, у него сложилось впечатление, что у этих двуногих существ нет достаточного оборудования для того, чтобы победить его.

Эта неуверенность не переставала раздражать его даже во время работы. Лишь прервавшись,

чтобы осмотреть судно, он неожиданно понял, какую огромную работу проделал. Все, что ему осталось, это сложить инструменты и запасные части, которые он хотел взять с собой. А что потом — уходить или сражаться? Услышав приближение людей, он ощутил нарастающее беспокойство. Он заметил внезапное изменение в громоподобном реве машин, в ритме стука они стали пронзительнее, резче, нервнее. Но едва керл приспособился к этому обстоятельству, как возник новый фактор. За массивной дверью аппаратной безобразно загрохотало пламя передвижного газометра. И перед ним сразу же возникла другая проблема: бороться ли ему с газометом или выравнивать ритм. Он быстро просчитал, что не сможет сделать все это одновременно.

Тогда керл сосредоточился на побеге. Каждый мускул его мощного тела был напряжен, когда он тащил груду запасных частей и инструментов и сбрасывал их на свободные площади спасательной шлюпки. Наконец, наступил заключительный акт побега. Он замер у дверей, потому что понял, что сейчас они рухнут. Полдюжины газометов, направленных на определенную точку каждой двери, неуклонно, хотя и медленно,

пожирали оставшиеся дюймы. Керл заколебался, потом отвел от дверей всю направленную на них свою энергию и сконцентрировал ее на внешней стене корабля, на которую был направлен нос спасательной шлюпки. Все его тело съежилось от воли электричества, хлынувших на динамомашину. Его усики — уши завибрировали, направляя густейший поток энергии на стену. Он почувствовал жар огня, а его тело изогнулось дугой. Он понял, что катастрофически близок к пределу энергии, которой может оперировать. Несмотря на его сверхусилия, ничего не произошло — стена не поддалась. Он был крепок, этот металл, крепче всего, с чем он когда-либо сталкивался. Он держал свою форму. Его молекулы были моноатомными, но их расположение было необычным — эффект особой прочности был достигнут без обычно сопутствующей ему высокой плотности.

Тут он услышал, как одна из дверей аппаратной рухнула, и сразу же закричали люди. Газометы сразу передвинулись вперед. Теперь их мощность уже не контролировалась. Керл услышал, как пол аппаратной протестующе зашипел, когда в металл ударили потоки энергии. Этот тревожный, угрожающий звук все приближался и прибли-

жался. Еще минута, и люди прорвались бы в мастерскую через непрочные двери, отделяющие ее от аппаратной.

Но за эту минуту керл одержал победу. Он ощутил изменения в сопротивляющемся сплаве. Вся стена потеряла силу сцепления. Внешне все выглядело по-прежнему, но сомнений не было. Поток энергии с легкостью проходил через его тело. Еще несколько секунд он продолжал контролировать его, пока окончательно не ощутил, что добился желаемого. С диким ревом он вскочил в маленькое судно и дернул за собой дверцу.

Он ухватился одним из щупалец за рычаг управления с почти чувствительной нежностью. Машина дернулась вперед, и он направил ее прямо на толстую внешнюю стену. Нос судна коснулся ее, и стена растаяла в сверкающем облаке пыли. На какой-то миг металлическая пыль, облепившая судно, чуть замедлила ход. Но он прорвался через нее и вырвался в пространство.

Шли секунды. Потом керл заметил, что удаляется от корабля по кругу. Корабль по-прежнему был к нему настолько близок, что керл мог видеть дыру, через которую он бежал. За окружающей ее блестящей оболочкой виднелись силуэты людей в оболочках скафандров.

Они и корабль становились все меньше и меньше. Потом люди исчезли, и лишь корабль блестел тысячью иллюминаторов.

Керл быстро повернул прочь от него. Он сделал по — ворот на девяносто градусов, и перевел рычаги ускорения на полную мощность. Таким образом, в течение ми — нуты со времени побега он лег на обратный курс.

Гигантский шар под ним быстро уменьшался, становясь незаметным для наблюдения. Почти прямо перед собой керл заметил крошечный, тусклый круг света его собственного солнца, как он понял. Там он мог бы вместе с другими керлами построить космический корабль и улететь с необитаемой планеты к звездам. Это было на — столько важным открытием, что неожиданно он почувствовал испуг. Он отвернулся от тускло светящихся дисков, потом вдруг вновь взглянул на них. Шар был еще там, крошечная точка света в огромной черноте пространства. Внезапно он мигнул и исчез.

Мгновение у керла было странное впечатление, что перед самым исчезновением он передвинулся. Но все еще было смутным и неясным. Он с тревогой спросил себя, не потушили ли они все огни и не преследуют ли его в темноте? Ка-

залось ясным, что он не будет в безопасности до тех пор, пока не приземлится. Обеспокоенный и неуверенный, керл снова перенес внимание на светящийся впереди диск, и почти сразу же ощутил укол страха Тусклое солнце, на которое он держал курс, не становилось больше.

Оно явно уменьшалось! Вот оно сделалось розовой точкой в темноте! Оно исчезло! Страх подхватил керла холодным ветром. Несколько секунд он напряженно всматривался вперед с безумной надеждой на то, что его путеводная веха снова станет видимой. Но там, куда он смотрел, блестели лишь далекие звезды, немигающие крапинки на черном бархатном фоне бездонной дали.

Но что это?! Одна из крапинок становится больше. Напряженный до предела, керл следил за тем, как крапинка превращается в точку. Вот она уже выросла в круглый шар света, и продолжала расти. Больше, больше, больше… Внезапно она вспыхнула ярким светом и перед ним, сияя иллюминаторами, возник гигантский шар корабля, исчезновение которого он наблюдал несколько минут назад.

В этот момент с керлом что-то случилось. Мысли флюгером закружились в его голове все

быстрее и быстрее. Сознание распалось на миллионы кусочков. Глаза почти вылезли из орбит, он бушевал в своем маленьком укрытии, как безумное животное. Его щупальца вцепились в ценные инструменты и в безумной ярости раздирали их на части. Когти разбили стены суденышка. В последней вспышке сознания он понял, что не сможет вынести вспышки дезинтегратора, который уставился на него с безопасного расстояния.

Для него это было просто — создать жесткий поток энергии, который разрушит каждую клеточку идов в его организме.

Его губы искривились в последнем рычании. Волосики усиков сплелись. Внезапно вместо жажды борьбы наступила слабость, и он упал.

Смерть пришла спокойно после долгих часов насилия.

Капитан Лич действовал наверняка. Когда огонь исчез и стало возможным приблизиться к тому, что оста — лось от спасательной шлюпки, исследователи обнаружили кусочки расплавленного металла и лишь кое-где остатки того, что было телом суперсущества.

— Бедный кот, — опечалился Мортон. — Интересно, что он подумал, когда обнаружил нас перед собой после того; как исчезло его собственное

солнце. Ничего не понимая в антиускорителях, он не знал, что мы можем сразу очутиться в том месте, добраться до которого он мог бы только за три часа. Ему казалось, что он движется в направлении родной планеты, но на самом деле он отдалялся от нее все дальше и дальше. Он не мог знать того, что когда мы остановились, он промчался мимо нас и все, что нам оставалось сделать, так это последовать за ним и разыграть небольшую комедию, сделавшись его солнцем до тех пор, пока мы не приблизимся достаточно близко, чтобы уничтожить его. Вероятно, перед его взором весь космос перевернулся вверх дном!

Гросвенф выслушал этот монолог со смешанным чувством. Инцидент уходил в прошлое, теряя очертания и исчезая в темноте. С каждой секундой детали становились для людей все менее похожими на то, какими они были на самом деле. Угрожавшая им опасность становилась чем-то далеким.

— Какие тут могут быть симпатии? — услышал Гросвенф голос Кента. — Это наша работа — убивать всех котов в этом несчастном месте.

— Это просто, — пробормотал Корита. — Они лишь примитивны. Стоит нам сесть, и они сами

к нам придут, считая, что смогут нас перехитрить. — Он повернулся к Гросвенфу. — Я все еще верю в то, что это так, — дружелюбно произнес он, — даже если теория нашего молодого друга подтвердится. Что вы думаете, мистер Гросвенф?

— Я бы пошел даже дальше, — начал Эллиот. — Как историк, вы, несомненно, согласитесь с тем, что попытки явного истребления кота еще никогда не оказывались удачными. Не забывайте о том, что причиной нападения на нас была отчаянная необходимость в пище. Вполне возможно, что ресурсы этой планеты не могут больше поддерживать это вымирающее племя. Сородичи кота ничего о нас не знают. Так почему бы не дать им умереть от голода?

Часть 2
Глава 1

«Некзиализм — это наука о соединении устоявшихся способов получения информации в одной из отраслей наук с другими. Она предусматривает ряд технических приемов для ускорения процессов усвоения полученных знаний и самого эффективного их использования».

ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ.

ЛЕКТОР — ЭЛЛИОТ ГРОНСВЕНФ.

МЕСТО ЛЕКЦИИ — НЕКЗИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ.

ВРЕМЯ — 15.00, 9/7/1.

Гросвенф прикрепил объявление к и так уже плотно заполненной доске объявлений. Затем он отступил назад и посмотрел, что у него получилось.

На корабле действовало так называемое «звездное время», основанное на стоминутном часе и двадцатичасовом дне. В неделе содержалось десять дней, в месяце — тридцать дней, в году — триста шестьдесят дней. Дни не имели названий, но были пронумерованы. Данный календарь вступал в действие с момента старта.

Его объявление висело среди извещений еще о восьми лекциях, трех кинофильмах, четырех учебных фильмах, девяти дискуссиях и нескольких спортивных соревнованиях. К тому же оставались индивидуумы, которые предпочитали чтение у себя в помещениях, сборища с друзьями, посещение одного из полдюжины баров и кафе.

Тем не менее, он был уверен, что его объявление непременно прочтут. В противоположность другим, оно не было просто листком бумаги. Это был специальный лист в миллиметр толщиной. Шрифт как бы всплывал на поверхность из глубины. Тонкая цветная пленка из гальванизированного материала служила источником изменения цвета. Буквы изменяли свою окраску в отдельности и группами. Поскольку частота испускаемых волн света была неопределенной и постоянно изменяющейся, цветовые сочетания никогда не повторялись.

Объявление пылало среди прочих, как неоновая надпись. Его наверняка заметят.

Гросвенф направился в обеденный салон… Когда он вошел, стоявший у двери человек сунул ему в руку карточку. Гросвенф с любопытством посмотрел на нее.

«КЕНТ — НА ДОЛЖНОСТЬ ДИРЕКТОРА».

Мистер Кент является главой одного из самых крупных на нашем корабле отделов. Он известен своим сотрудничеством с другими отделами. Кент — не только хороший ученый, но и чуткий человек, понимающий проблемы своих коллег. Не забывайте о том, что на борту нашего корабля помимо 180 военных, находится 804 ученых, возглавляемых администрацией, которая была выбрана весьма неохотно, незначительным большинством. Такое положение должно быть исправлено.

Мы имеем право на демократические выборы.

Предвыборное собрание — 9/7/1. Время — 15.00 «Избирайте директором КЕНТА!»

Гросвенф сунул карточку в карман и шагнул в ярко освещенную комнату. Ему казалось, что напряженным личностям, подобным Кенту, редко удаются длительные эффекты, как следствие усилий, направленных на разделение людей на враждующие группы. Пятьдесят процентов межзвездных экспедиций, отправленных за последние двести лет, все еще не вернулось, и причины этого можно искать лишь на основе изучения того, что про — исходило на борту вернувшихся кораблей. А записи говорили о

разногласиях среди членов экипажа, полных горечи спорах, противоречиях по коренным вопросам, образовании враждующих групп. Число последних увеличивалось почти прямо пропорционально времени путешествия.

Выборы в подобных экспедициях были весьма частым событием. Разрешение на них было дано, потому что люди не желали быть связаны беспрекословным подчинением выбранным лицам. Но корабль не являлся страной в миниатюре. Так или иначе, избежать случайностей было невозможно и, памятуя о катастрофе, возникала необходимость лимитировать людские ресурсы.

Хмуро обдумывая возможности, и раздосадованный тем, что время собрания совпадает со временем проведения его лекции, Гросвенф прошел к столовой. Столовая была переполнена. Он нашел своих приятелей уже обедающими. Их было трое, и все младшие ученые из разных отделов. Едва он успел сесть, один из них весело проговорил:

— Итак, какие убийственные черты непредсказуемого женского характера будем сегодня обсуждать?

Гросвенф добродушно рассмеялся, хотя и понимал, что замечание было шутливым лишь

отчасти. Разговоры среди молодых людей тяготели к определенной теме: женщинам и сексу. В этой полностью мужской экспедиции проблема секса была решена химически, путем введения специальных наркотиков. Это снимало физическую потребность, но в эмоциональном плане ничуть не удовлетворяло.

Никто не ответил на этот шутливый вопрос. Карл Деннисон, молодой химик, хмуро взглянул на остряка и повернулся к Гросвенфу.

— Как собираешься голосовать, Эл?

— Путем тайного голосования. А теперь давайте вернемся к тому, что говорила о нас утром блондинка Эллисон.

— Ты ведь будешь голосовать за Кента? — не унимался Деннисон.

— Я еще не думал об этом, — усмехнулся Гросвенф.

— До выборов еще пара месяцев. А что, собственно, говорит против Мортона?

— Он человек, выбранный правительством.

— И я тоже, и ты…

— Он всего лишь математик, а не ученый в широком смысле слова.

— Это для меня новость. А я годами жил иллюзией, что математики тоже ученые.

— Так оно и есть. Несмотря на поверхностное сходство, это все же иллюзия.

Деннисон явно старался добиться успеха, демонстрируя собственную позицию. Это был серьезный, плотного сложения человек. Сейчас он подался вперед, как будто уже выложил суть дела.

— Ученым следует держаться вместе. Вы только представьте: нас тут целый корабль, и кто над нами стоит? Человек, имеющий дело с абстракциями. Разве он может решать практические проблемы?

— Смешно, но мне казалось, что он весьма преуспевает в сглаживании наших проблем.

— Мы и сами в состоянии сглаживать свои проблемы! — раздраженно заявил Деннисон.

Гросвенф нажал на кнопку. Заказанная еда заскользила по вертикальному конвейеру, целясь в центр стола.

— Этот опилочный ростбиф прямо из химического отдела? — фыркнул он. — Восхитительных размеров и непередаваемого запаха. Вопрос заключается в том, такое ли количество усилий было затрачено на то, чтобы сделать опилки из деревьев покидаемой планеты такими же питательными, как те опилки, что мы захва-

тили с собой? — он поднял голову. — Ладно, не отвечайте… Я не желаю быть разочарованным в деятельности химического отдела, возглавляемого мистером Кентом, хотя мне и не нравится его облик и поведение. Видите ли, я обратился к нему за помощью, а он велел мне позвонить ему через десять лет. Вероятно, он забыл о выборах. Кроме того, у него хватило наглости назначить собрание на то же время, когда я собрался причитать лекцию о некзиализме. — Эллиот принялся за еду. — Ни одна лекция не важна так, как это собрание. Я собирался обсудить вопросы, касающиеся каждого из нас, и тебя в том числе.

Лицо Деннисона пылало, голос стал резким.

— Послушай, Эл, ты не можешь выступить против человека, которого даже толком не знаешь. Кент из числа тех людей, которые не забывают своих друзей.

— Я бы сказал, что он обладает неким особым чувством излечения тех людей, которых не любит, — проговорил Гросвенф и нетерпеливо пожал плечами. — По моему мнению, Кент несет в себе все черты, пагубные для нашей цивилизации. Согласно теории Кориты о цикличности истории, мы находимся на «зимней» стадии своей культуры. В один из ближайших дней я попрошу

его разъяснить мне этот вопрос поподробнее. Я уверен в том, что Кент, как кандидат — демократ, является худшим аспектом подобного периода.

Гросвенф хотел бы добавить, что находится на борту именно для того, чтобы противостоять подобным аспектам, но это, конечно, было невозможным. Именно подобный разнобой и явился причиной бедствий многих экспедиций.

Как результат этого, все корабли, о чем большинству даже было неизвестно, сделались базой социологических экспериментов: дебаты, выборы, раскол команды — эти и многочисленные другие изменения были использованы в надежде на то, что экспансивность людей в пространстве они сделают менее дорогостоящей.

По лицу Деннисона блуждала улыбка.

— Послушайте этого молодого философа, — сказал он и добавил строгим голосом: — Голосуй за Кента, если понимаешь, что для тебя хорошо, а что плохо.

Чтобы дать ему остыть, Гросвенф перешел на шутливый тон:

— Что же он сделает? Отрежет мою долю от опилок? А может, я сам желаю стать директором. Давайте голосовать за тех, кто моложе тридцати пяти. В конце концов, мы превосходим пожилых

в пропорции три или четыре к одному. Демократия требует, чтобы мы сотрудничали на основе пропорции.

Деннисон, казалось, пришел в себя.

— Ты совершаешь серьезную ошибку, Эл, и скоро в этом убедишься.

Остальная часть обеда прошла в молчании. За пять минут до 15.00 следующего вечера Гросвенф почувствовал, что его затея с лекцией потерпела неудачу, и это его расстроило. Он понимал, что Кент мог запретить своим последователям пойти на лекцию, которую должен был читать человек, не поддерживающий его. Но если даже под контролем шефа химического отдела находилось большинство, все — таки оставалось еще несколько сот человек, влияния на которых он не имел. Гросвенф не мог не вспомнить, что сказал ему директор института накануне отъезда:

— Работа, которую тебе предстоит вести на борту «Космической Гончей», будет тяжелой. Некзиализм — потрясающе новый подход к познанию и взаимодействию наук. Пожилые будут бороться с ним, повинуясь лишь инстинкту. Молодые, если они уже прошли курс обычным методом, автоматически станут на враждебную позицию ко всему, утверждающему, что их толь-

ко что при — обретенные знания уже устарели. Тебе самому придется использовать на практике то, чему ты научился теоретически, хотя в твоем случае подобный переход тоже является частью твоего обучения. Прежде всего помни, что человеку, который прав, в критических ситуациях бывает довольно положиться на свой слух.

В 16.00 Гросвенф прошел к доске объявлений и изменил время лекции на 17.00. В 17.00 он изменил его на 18.00, а еще позже на 19.00.

«Скоро они освободятся, — сказал он себе. — По — логические собрания не могут длиться вечно, а остальные лекции — дело двух-трех часов».

За пять минут до 19.00 он услышал в коридоре мягкие шаги двух человек. Наступила тишина, когда они остановились возле открытой двери, ведущей в его отдел, и один из них сказал:

— Все верно, здесь.

Затем они рассмеялись без видимой причины и через минуту вошли. Поколебавшись, Гросвенф приветливо кивнул молодым людям. С первого дня их путешествия он поставил перед собой задачу — научиться узнавать людей по голосам, лицам, именам, и узнать о них как можно больше. Людей было так много, что он еще не закончил работу, но этих двоих он помнил. Оба

были из химического отдела.

Он осторожно наблюдал за тем, как они оглядывались и рассматривали выставленные напоказ машины — учителя. Казалось, они были удивлены, хотя и старались не подавать вида. Наконец, оба устроились в креслах, и один из них с несколько подчеркнутой вежливостью спросил:

— Когда начнется лекция, мистер Гросвенф?

Гросвенф взглянул на часы и сообщил:

— Через несколько минут.

За это время пришли еще восемь человек. Это несколько приободрило Гросвенфа после плохого начала, и особенно потому, что одним из пришедших был Дональд Мак — Кен, глава отдела геологии. Его не беспокоил даже тот факт, что четверо из его слушателей были из химического отдела. Он углубился в лекцию об условных рефлексах и рассказал о том, что было сделано в этой области, начиная от Павлова и кончая днями, когда был заложен краеугольный камень некзиалист.

Затем к нему подошел Мак — Кен и проговорил:

— Я заметил, что часть оборудования составляют так называемые «машины сна», которые обучают человека во сне, — он усмехнулся. —

Помню, один из моих старых профессоров указывал на то, что подобным образом можно узнать все, что накоплено в разных областях на — уки, лишь за тысячу лет. Вы не упомянули о подобном ограничении.

Гросвенф чувствовал, как серые глаза собеседника наблюдали за ним с добродушным лукавством.

— Это ограничение, — улыбнулся он, — было частично продуктом старого метода использования машин без предварительной подготовки. В наши дни «Некзиальное общество» для того, чтобы преодолеть первоначальное сопротивление, использует гипноз и психотерапию. Например, мне при проверке сказали, что для меня является нормальным включение машины лишь на пять минут за два часа сна.

— У вас очень низкая толерантность, — заметил Мак — Кен. — Моя была три минуты на полчаса.

— И вас она удовлетворила?

— А что бы сделали вы?

Гросвенф улыбнулся.

— Сам я не сделал ничего. Меня обучали различными методами до тех пор, пока я не научился восьмичасовому сну при непрерывно работающей аппаратуре. Процесс поддерживался

некоторыми другими приспособлениями.

Последнюю фразу геолог проигнорировал и удивленно воскликнул:

— Полных восемь часов?!

— Полных, — подтвердил Гросвенф.

Его собеседник, казалось, обдумывал услышанное.

— И все же, — сказал он, наконец, — это служит дополнением к первоначальному фактору. Имеется много людей, которые даже при отсутствии специальных условий могут, не просыпаясь, забирать пять минут из каждой четверти часа.

Гросвенф вдумчиво проговорил, внимательно наблюдая за реакцией собеседника:

— Но информацию придется повторить много раз, — по ошеломленному выражению лица Мак — Кена он понял, что его слова угодили в цель. — Конечно, сэр, вы обладаете способностью видеть и слышать что-то единожды, и никогда не забывать. И все же часто то, что оставило достаточно глубокий след, постепенно настолько стирается в воспоминании, что по истечении времени даже невозможно вспомнить, где ты об этом слышал. И этому есть свои причины. «Некзиальное общество» установило, в чем они заключаются.

Мак — Кен ничего не ответил. Он размышлял,

поджав губы. Гросвенф бросил через его плечо взгляд на четверку из химического отдела, которые собрались группой у двери в коридор. Они тихо о чем-то шептались. Он отвел от них взгляд и обратился к геологу:

— Было вначале время, когда я считал, что нагрузка для меня слишком велика. Я, как вы понимаете, говорю не о машинах сна. При правильном обращении на их долю приходится только около десяти процентов.

Мак — Кен качнул головой.

— Эти цифры меня просто ошеломили. Полагаю, что вы добивались самых высоких процентов запоминания при просмотре тех небольших фильмов, где кадр держится не больше доли секунды.

— Мы смотрели эти фильмы по три часа в день, но они составили лишь 45 % от общего курса тренировки. Секрет кроется в скорости и в повторении.

— Вся наука за один присест! — изумился Мак — Кен. — Да, это единственное, что можно назвать полным обучением.

— Это лишь один из аспектов. Мы используем при обучении все органы чувств. В процессе усвоения у нас участвуют и пальцы, и уши, и глаза,

даже запах и вкус имеют значение.

Мак — Кен снова замолчал, нахмурившись. Гросвенф заметил, что молодые люди вышли, наконец, из помещения. Из коридора донесся приглушенный смех. Казалось, это вывело Мак — Кена из оцепенения. Геолог протянул Гросвенфу руку и сказал:

— Как насчет того, чтобы зайти на днях ко мне в отдел? Вероятно, нам удастся разработать метод совмещения ваших всеобъемлющих знаний с нашей работой на местности. Мы сможем применить его, когда приземлимся на другой планете.

Направляясь по коридору в спальню, Гросвенф тихо насвистывал. Он одержал свою победу, и сознавать это было очень приятно.

Глава 2

Подойдя на следующее утро к двери своего отдела, Гросвенф с удивлением отметил, что она открыта. Яркий луч света бил из нее в тускло освещенный коридор. Он поспешил вперед и застыл в дверях, пораженный.

С первого же взгляда он увидел семерых химиков. Двое из них были вчера на его лекции. В комнате стояло много приборов и целая система

трубок для насыщения чанов химикалиями. Гросвенф вспомнил, как вели себя химики на его лекции. Он напряженно вошел в комнату, со страхом думая о том, что могло случиться с его оборудованием. Эту первую комнату он использовал для общих целей. В ней, как правило, находилось несколько аппаратов, но в целом она была предназначена для того, чтобы давать групповой инструктаж.

В оставшихся четырех комнатах находилось особое оборудование. Сквозь открытую дверь, ведущую в его кино — и звуковую студию, Гросвенф обнаружил, что и вторая комната тоже занята. Он был настолько поражен, что не мог сказать и слова. Не обращая внимания на присутствующих, он прошел через комнату и зашел по очереди в каждую из четырех специальных секций. Три из них были заняты оккупантами — химиками. Четвертая секция с ее хитроумной техникой и смежная с ней кладовая были целы и невредимы. Из четвертой секции дверь вела в маленький коридор. Гросвенф мрачно подумал о том, что впредь она будет служить входом в его отдел.

Но он все же продолжал сдерживать гнев, поглощающий все его существо. Он взвесил все возможности, вытекающие из сложившейся

ситуации. От него, конечно, ожидали, что он побежит к Мортону с протестом. Каким-то образом Кент будет пытаться обернуть это на выборах своим преимуществом. Пока Гросвенф не понимал, каким именно образом, но Кент, очевидно, считал, что произойдет именно так. Гросвенф медленно вернулся в первую комнату — свою аудиторию. Лишь теперь он заметил, что чаны были машинами для производства пищи. Умно... Дело обернулось таким образом, как будто площадь, которая раньше не служила полезному делу, теперь отобрана, чтобы ему служить. Подобная злобная проницательность была чужда его прямоте.

Причина подобного поступка казалась весьма ясной. Кент невзлюбил его... Высказавшись против выборов Кента — факт, который вполне мог стать известным — он еще более усилил эту неприязнь. По мстительности шефа химического отдела были еще более видны его отрицательные качества. Но если верно взяться за дело, это можно использовать против него. Эффект бумеранга...

Гросвенфу показалось, что он сможет повести себя таким образом, чтобы Кент ничего не выиграл от своего вторжения.

Он подошел к одному из своих динамиков и сказал:

— Я прошу вас привлечь внимание своих товарищей и передать им, что я рад продолжить образование химического отдела и что я надеюсь, что никто не будет возражать против обучения во время работы.

И он сразу отошел, не дожидаясь ответа. Оглянувшись, он обнаружил, что все глаза смотрят ему вслед. Гросвенф подавил улыбку. Входя в заставленную техникой комнату, он чувствовал себя почти спокойным. Теперь, по крайней мере, он находился перед лицом такой ситуации, когда мог применить некоторые из имеющихся в его запасе методов обучения. Поскольку передвижные шкафы и прочее оборудование находились теперь на гораздо меньшей площади, чем ранее, ему пришлось потратить некоторое время на поиски необходимого ему гипнотического газа. Он провел почти полчаса, прилаживая глушитель к выпускному отверстию с тем, чтобы сжатое внутри вещество не издавало при выходе свистящего звука. Гросвенф отнес канистру во вторую комнату. Затем он отпер стенной шкаф с решетчатой дверью, поставил канистру внутрь, пустил газ и быстро запер дверцу.

Слабый запах газа смешался с идущим от чанов запахов химикалий. Тихонько насвистывая, Гросвенф двинулся через комнату и был остановлен младшим начальником, одним из тех, кто присутствовал накануне вечером на его лекции.

— Какого черта вы тут делаете?

Гросвенф холодно улыбнулся нахалу.

— Через минуту вы вряд ли станете обращать на это внимание. Это часть моей образовательной программы для вашего штата.

— А кто вас просил об этой образовательной про — грамме?

— Как, мистер Мэлден, — произнес Гросвенф, симулируя удивление, — что же вы еще могли бы делать в моем отделе? — он рассмеялся. — Я просто пошутил над вами — это дезодорант. Я не хочу, чтобы комнаты пропахли посторонними запахами.

Гросвенф отошел, не дожидаясь ответа, и остановился у стены, наблюдая за реакцией людей на газ. Их было пятнадцать. Он мог ожидать пять благоприятных результатов и пять частично благоприятных. Существовали способы, с помощью которого можно было определить реакцию каждого. После нескольких минут пристального наблюдения он подошел к одному из химиков и

тихим, но твердым голосом сказал:

— Через пять минут приходите в ванную и я кое-что вам дам. Не забудьте!

Гросвенф вернулся к двери, соединявшей вторую комнату с кинозалом. Обернувшись, он увидел, что Мэлден подошел к тому человеку и что-то спросил. Химик в явном изумлении покачал головой.

В голосе Мэлдена прозвучала ярость и недоумение:

— То есть как это не говорил? Я сам видел, что говорил.

Химик разозлился.

— Я ничего не слышал!

Если спор и продолжался, то Гросвенф его не видел и не слышал. Краешком глаза он заметил, что один из молодых людей в соседней комнате выказывает признаки готовности на реакцию. Он как бы случайно подошел к нему и проговорил то же самое, что и в первый раз, но с одной разницей — вместо пяти минут он назвал пятнадцать. Из всех мужчин шестеро пришли к такому состоянию, которое Гросвенф считал необходимым для выполнения своего плана. Из оставшихся девяти трое, включая Мэлдена, выказывали прохладную реакцию. Последнюю группу Гросвенф оставил в

покое. На данной стадии он нуждался в практической уверенности. Чуть позже он попробует на остальных другие методы. Он терпеливо ждал, когда первый объект его эксперимента придет в ванную. Улыбнувшись ему, он сказал:

— Вы видели когда-нибудь что-то подобное? — Эллиот протянул химику крошечный наушник с кромкой для прикрепления его внутри уха.

Человек взял крошечное приспособление и удивленно покачал головой.

— Что это? — спросил он.

Гросвенф приказал:

— Повернитесь вот так, и я прикреплю его к вашему уху, — поскольку испытуемый повиновался без дальнейших рассуждений, Гросвенф продолжал: — Вы заметили, что внешняя часть имеет окраску тела? Если кто-то обратит на вас внимание, вы можете сказать, что это слуховой усилитель. — Он закончил работу и отошел в сторону. — Через минуту — другую вы даже не будете знать, что он здесь. Вы не будете его ощущать.

Химик, казалось, заинтересовался.

— Сейчас я его едва чувствую. А что это?

— Это радио, — Гросвенф подчеркивал каждое слово.

— Но вы не будете слышать ни одного из про-

изнесенных по нему слов. Они будут направлены непосредственно в ваше сознание. Вы сможете слышать то, что вам будут говорить другие люди. Вы сможете поддерживать разговор. Собственно, вы будете заниматься своими обычными делами, совершенно не думая о том, что с вами происходит нечто необычное. Вы просто об этом забудете.

— Нет, вы только представьте себе! — чему — то удивился химик и вышел, покачивая головой.

Через несколько минут появился второй человек, потом, каждый в свою очередь, явились оставшиеся четверо, каждый под глубоким гипнозом. Гросвенф снабдил их всех аналогичными приборами.

Потихоньку напевая, он достал другой гипнотический газ, поместил его в канистру и спрятал в одном из шкафов. На этот раз Мэлден и четверо остальных оказались под сильным воздействием. Из оставшихся двое выказывали слабую реакцию, еще один — находившийся под слабым воздействием первого газа — казалось, полностью вышел из этого состояния, и еще один — вообще не выказывал никаких признаков нахождения под воз — действием газа.

Гросвенф решил удовлетвориться одинна-

дцатью из пятнадцати. Сведения, полученные Кентом от вернувшихся в отдел химиков, должны были явиться для него неприятным сюрпризом. Тем не менее, до окончательной победы было еще далеко. Она, вероятно, была недостижима другим путем, кроме как прямой атаки самого Кента.

Гросвенф быстро приготовил магнитофонную запись для экспериментальной передачи по портативным приемникам. Включив ее, он принялся наблюдать за их реакцией. Четверо индивидов казались чем-то обеспокоенными. Гросвенф приблизился к одному из них, который непрерывно тряс головой.

— В чем дело? — осведомился он.

— Я все время слышу голос. Смешно! — человек грустно рассмеялся.

— Громкий? — это был не совсем тот вопрос, которого мог ожидать обеспокоенный человек, но Гросвенф задал его намеренно.

— Нет, далекий, он уходит, а потом…

— Он уйдет совсем, — успокаивающий голос Гросвенфа благотворно действовал на человека. — Вы не знаете, каким чувствительным бывает мозг. Я уверен, что сейчас, после того, как он привлек к себе ваше внимание и заставил меня разговаривать с вами, голос исчезнет совсем.

Человек повертел головой туда-сюда, прислушиваясь. Затем он удивленно взглянул на Гросвенфа.

— Исчез... — он выпрямился и облегченно вздохнул.

— Это заставило меня немного поволноваться.

Из остальной тройки двоих удалось успокоить совершенно легко. Но последний, даже после дополнительного внушения, продолжал слышать голос. В конце концов, Гросвенф отвел его в сторону и незаметно вытащил крошечный приемник. Вероятно, этот человек нуждался в более тщательной подготовке.

С остальными Гросвенф обменялся несколькими короткими фразами. Удовлетворенный, он возвратился в комнату с аппаратурой и установил серию записей таким образом, чтобы они воспроизводились по три минуты из пятнадцати. Снова пройдя во вторую комнату, он осмотрелся. Все было в порядке. Он решил, что вполне может оставить этих людей наедине с их работой. Выйдя в коридор, он направился к лифту. Через несколько минут он направился в математический отдел и спросил Мортона. К удивлению Эллиота, его сразу же пропустили.

Он нашел Мортона удобно сидящим в кресле за

огромным столом. Математик указал ему на стул, и Гросвенф сел. Он впервые находился в кабинете Мортона и сейчас с любопытством смотрел по сторонам. Комната была большой, и одну из ее стен занимал большой экран. В данный момент он был направлен на пространство под таким углом, что огромная кружащаяся галактика, на фоне которой Солнце было лишь крошечной пылинкой, была видна вся целиком, как на блюдце. Она была достаточно близко, чтобы можно было разглядеть отдельные из множества звезд, и достаточно далеко, чтобы все они вместе сияли единой россыпью бриллиантов.

В поле зрения находились также несколько созвездий, которые, хотя и находились за границей галактики, кружились вместе с ней в пространстве. Вид их напомнил Гросвенфу, что «Космическая Гончая» проходила сейчас рядом с одним из мелких созвездий.

Когда ритуал обычных приветственных фраз был закончен, он спросил:

— Еще не решили, будем ли мы останавливаться у одного из этих созвездий?

— Решение — против остановки, и я с этим согласен. Мы направляемся в другую галактику и пробудем там достаточно долго, — ленивым дви-

жением директор шагнул вперед, взял со стола бумагу и резко спросил: — Я слышал, что вашу территорию оккупировали?

Гросвенф сухо улыбнулся. Он мог себе представить, какое удовлетворение доставила эта весть кое-кому из членов экспедиции. Он достаточно заявил о себе на корабле, чтобы возможности некзиалиста внушили им тревогу. Некоторые лица — и многие из них — еще не были теми, кто поддерживает Кента — будут против вмешательства в это дело директора.

Сознавая это, он все же пришел, чтобы понять, сознает ли Мортон всю сложность текущего момента. Гросвенф коротко описал происшедшее и закончил так:

— Мистер Мортон, я хочу, чтобы вы приказали Кенту прекратить вторжение, — ему вовсе не хотелось обличать свои слова в такую резкую форму, но ему было необходимо понять, осознает ли Мортон опасность.

Директор качнул головой и холодно произнес:

— В конце концов, у вас действительно большое помещение для одного человека. Почем бы вам не поделиться с другим отделом?

Ответ был слишком уклончивым. Гросвенфу ничего не оставалось, как усилить наступление.

Он решительно заявил:

— Должен ли я понять это так, что глава любого отдела, находящегося на этом корабле, имеет право захватывать территорию другого отдела без разрешения властей?

Мортон ответил не сразу. По его физиономии пробежала сухая усмешка. Наконец, он сказал:

— Мне кажется, что вы неверно понимаете мое положение на «Гончей». Прежде чем я вынесу решение, касающееся главы отдела, я обязан посоветоваться с главами других отделов. Давайте предположим, что я поставил этот вопрос на повестку дня, и когда было решено, что Кент может занять часть вашего отдела, оказалось, что он уже занят. Таким образом, статус был подтвержден впоследствии. Мне кажется, что на данной стадии вас можно было бы не ограничивать в площади, — мягко закончил он и улыбнулся.

Гросвенф, чья цель была достигнута, тоже улыбнулся.

— Я очень рад заручиться в этом деле вашей поддержкой. Значит, я могу рассчитывать на вас и не позволить Кенту выносить этот вопрос на повестку дня?

Если Мортон и был удивлен изменением его позиции, то не подал вида.

— Повестка дня, — с удовольствием произнес он, — один из вопросов, которые я обязан контролировать. Она составляется в моем офисе. И я при этом присутствую. Главы отделов могут проголосовать за то, чтобы поставить предложение Кента на повестку дня более позднего собрания, но не того, что находится в процессе подготовки.

— Я так понимаю, — проронил Гросвенф, — что мистер Кент уже подал просьбу о том, чтобы занять четыре комнаты моего отдела?

Мортон кивнул. Он положил руку на бумагу, лежавшую на его столе, потом взял хронометр и задумчиво уставился на него.

— Следующее собрание состоится через два дня, а потом они будут происходить каждую неделю, если только я не стану их откладывать. Думаю, — он говорил так, будто размышлял вслух, — что мне без труда удастся отложить одно запланированное собрание на десять дней. — Он отложил хронометр и быстро поднялся. — Это даст вам для защиты двадцать два дня.

Гросвенф медленно поднялся. Он решил не обсуждать временной лимит. В данный момент он казался более чем достаточным. Но все сказанное звучало, если бы так можно было выразиться, несколько экзотически. Задолго до того, как

время истечет, он должен был или вернуть себе контроль над своим отделом, или признать поражение.

Вслух он сказал:

— Есть еще один вопрос, о котором мне бы хотелось поговорить. Мне кажется, что следовало бы дать мне право на прямую связь с главами других отделов, когда мы находимся в скафандрах.

Мортон улыбнулся.

— Это произошло по недоразумению. Все будет исправлено.

Они пожали друг другу руки, и Гросвенф вышел. Когда он возвращался в свой отдел, ему казалось, что, хотя и весьма окольными путями, некзиализм обретает под собой почву.

Войдя в первую комнату, Гросвенф с удивлением обнаружил там Сидла, который стоял в сторонке и наблюдал за работой химиков. Увидев его, психолог направился к нему навстречу, покачивая головой.

— Молодой человек, — начал он, — не кажется ли вам, что это немного неэтично?

Гросвенф понял, что Сидл выяснил, что проделал он с этими людьми, и почувствовал неприятный укол совести. Однако, придав голосу самое невинное звучание, он быстро проговорил:

— Вы абсолютно правы, сэр. Я почувствовал то же самое, что почувствовали бы и вы, если бы ваш отдел был занят в обход всех существующих правил.

«Зачем он пришел? — подумал он про себя. — Неужели Кент попросил его о расследовании?» Сидл потер подбородок. Это был плотный человек с живыми искрящимися глазами.

— Я имел в виду не это, — мрачно проронил он. — Но вы, я вижу, испытываете удовлетворение.

Гросвенф изменил тактику.

— Вы возражаете против метода обучения, который я использовал на этих людях?

Сейчас он не чувствовал угрызений совести. Какие бы причины ни привели сюда этих людей, он обязан был этим воспользоваться, чтобы показать кое-кому свое преимущество. Он надеялся посеять в душе психолога сомнения и сделать его нейтральным в своей борьбе против Кента.

— Да, я пришел сюда по просьбе мистера Кента и осмотрел его подчиненных, которые, как он считал, действовали несколько странно. Теперь я обязан дать мистеру Кенту отчет о своем диагнозе.

— Почему? — спросил Гросвенф и заговорил

более откровенно. — Мистер Сидл, мой отдел захвачен человеком, невзлюбившим меня за то, что я открыто высказался против его кандидатуры на предстоящих выборах. Поскольку он действовал в обход всех действующих на корабле законов, то я имею право защищать себя так, как умею. Тем не менее я прошу вас оставаться нейтральным в этом чисто личном вопросе.

— Вы не понимаете, — нахмурился Сидл, — что я тут в качестве психолога. Я рассматриваю использование вами гипноза без согласия испытуемых как совершенно безнравственное. Я удивлен, что вы ждете от меня содействия в подобном акте.

Уверяю вас, что мое отношение к этике так же серьезно, как и ваше. Гипнотизируя людей без их согласия, я абсолютно воздержался от того, чтобы воспользоваться своим преимуществом, пристыдить их или ввести в замешательство хотя бы в малейшей степени. И при данных обстоятельствах я не вижу причин, по которым вам следовало бы занять сторону мистера Кента.

— Между вами и Кентом произошла ссора… это верно?

— Совершенно верно, — Гросвенф понимал, что за этим последует.

— И все же вы загипнотизировали не Кента, а группу находящихся в стороне людей.

Гросвенф вспомнил, как вели себя на его лекции четыре техника из химического отдела. Так что, по крайней мере, некоторых из них нельзя было назвать невинными.

— Я не собираюсь вступать с вами в спор по этому поводу, мистер Сидл Могу лишь сказать, что большинство, которое с самого начала не раздумывая подчинялось лидерам, в чье поведение они не потрудились вникнуть, должно за это платить. Но не буду глубоко залезать в этот вопрос, а лучше задам свой.

— Да?

— Вы ходили в техническую?

Сидл молча кивнул.

— Вы видели записи?

— Да.

— Вы обратили внимание, какая именно в них заложена информация?

— Все связано с химией.

— Вот, что я им даю, и все, что намерен им дать. Я рассматриваю свой отдел как отдел обучения. Люди, при — ходящие сюда, получают знания, хотят они этого или не хотят.

— Не понимаю, каким образом это вам поможет

избавиться от них. Тем не менее, я буду счастлив сообщить мистеру Кенту о том, что вы делаете. Вряд ли он станет возражать против того, чтобы его люди углубили знания по химии.

Гросвенф промолчал. У него было собственное мнение насчет того, что скажет мистер Кент, и обрадуется ли он, что его служащие будут знать по его предмету столько, сколько он сам. Он мрачно следил за тем, как Сидл покидал его отдел. Он наверняка даст Кенту полный отчет, а это означает, что в действие вступит новый план. Но Гросвенф решил, что для решительных действий время еще не настало. Невозможно было быть уверенным в том, что определенные решительные действия не явятся толчком для тех событий, которые он стремился предотвратить. Несмотря на его отношение к теории цикличности истории, следовало помнить, что цивилизация действительно рождалась, росла и старела. Прежде чем действовать дальше, следовало поговорить с Коритой и узнать, не упомянет ли он о каких-либо скрытых неясностях.

Он нашел ученого в библиотеке, которая располагалась на том же этаже, что и «Некзиальный отдел». Когда Эллиот вошел туда, Корита собирался уходить, так что он сразу же поспешил к нему

и без околичностей изложил свою проблему.

Корита ответил не сразу. Они прошли почти весь коридор, прежде чем Корита проговорил:

— Друг мой… Я уверен, что вы понимаете, насколько трудно решить специфическую проблему. Только на базе общих правил, а это практически все, что может предложить теория цикличности.

— И все же, поскольку аналогии могли бы быть полезными для меня, я вас прошу… Из того, что я читал по этому предмету, я понял, что мы находимся в позднем «зимнем» периоде цивилизации. Иными словами, именно сейчас мы совершаем ошибки, ведущие к распаду. У меня есть кое-какие соображения на этот счет, хотя хотелось бы большего.

Корита пожал плечами.

— Я постараюсь быть кратким. Вашей доминирующей чертой «зимнего» периода цивилизации является растущее понимание миллионами индивидуумов того, в чем состоит суть происходящего. Люди становятся нетерпимыми к религиозному или с позиции сверхъестественного объяснению того, что происходит в их телах и умах и в окружающем мире. С ростом знаний даже простые умы начинают видеть вглубь,

впервые и полностью отрицают наследственное превосходство меньшинства, отвергают его. И начинается борьба за власть… Именно эта, выросшая до огромных пределов, борьба является общей чертой «зимних» периодов для всех цивилизаций, увековеченных историей. К лучшему или к худшему, но борьба начинается обычно в легальных рамках систем, которые тяготеют к защите осажденного меньшинства. Пришедшие позже на поле деятельности слепо ввергаются в борьбу за власть. Результатом является рукопашная для вышедших из всех рамок умов. Охваченные негодованием и страстным желанием, люди следуют за мудрыми и также сбитыми с толку, как и они сами, вожаками. И повторяется одно и то же, беспорядок ведет по одной и той же дороге к конечному состоянию. Рано или поздно одна из групп завоевывает влияние. Оказавшись у вершины власти, лидеры завоевывают и насаждают «порядок», увлекая при этом миллионы в провал. Господствующая группа быстро начинает тормозить всякого рода деятельность. Права, свобода и прочие институты, необходимые всякому организованному обществу, становятся средствами давления и монополизации. Борьба в такой ситуации становится трудной, а потом и невоз-

можной. И тут мы наблюдаем быстрый переход к кастовой системе Древней Индии и другим, менее известным, но открыто жестоким обществам, таким, как Рим после 300 года н. э. Индивидуумы не могут подняться выше своего уровня. Ну как, помогла вам эта краткая зарисовка?

Гросвенф вдумчиво ответил:

— Как я уже сказал, я хочу решить проблему, заданную мне мистером Кентом, не впав при этом в эгоистические ошибки человека «зимнего» периода, описанные вами. Я хочу знать, могу ли я немедленно защищаться от него, не усугубив при этом враждебных отношений, и так уже имеющихся на борту «Гончей».

Корита сухо улыбнулся.

— Это будет небывалая победа, если она вам удастся. Исторически на базе масс проблема еще никогда не решалась. Что ж, желаю вам удачи, молодой человек!

В эту минуту все и случилось…

Глава 3

Они остановились у стеклянной комнаты на этаже Гросвенфа. Впрочем это было не стекло, как и не комната. Это была ниша во внешней стороне

корпуса, а «стекло» — одной из разновидностей сплава прочного металла. За ним находился вакуум и беспредельность пространства.

Гросвенф как раз рассеянно заметил, что корабль оставил за собой маленькое созвездие, которое проходил недавно. Были видны лишь несколько из пяти тысяч солнц системы. Он разжал губы, чтобы сказать: «Я бы хотел еще раз поговорить с вами, мистер Корита, когда у вас будет свободное время».

Но он не успел сказать этого. В стекле напротив него появилось неясное движущееся изображение женщины в шляпе с перьями. Изображение колебалось и мерцало. Гросвенф почувствовал, как сильно напряглись мышцы его глаз. На мгновение его сознание потухло, но затем на него обрушился шквал звуков, перед глазами замерцали световые блики и резкая боль пронзила тело. Гипнотические галлюцинации! Эта мысль была подобна разряду электрического тока. Однако, она его и спасла. Благодаря умению руководить своими физическими способностями он смог мгновенно рассеять механический соблазн световых пятен. Резко повернувшись, он закричал в ближайший коммуникатор:

— Не смотреть на изображения! Это гипноз! На

нас напали!

Отвернувшись от коммуникатора, он споткнулся о бесчувственное тело Кориты. Остановившись, он опустился на колени.

— Корита! — настойчиво произнес он. — Вы меня слышите?

— Да.

— Вы начинаете расслабляться, все забываете. Ваше сознание спокойно. Действие образов слабеет. Теперь оно совсем прекратилось. Образы исчезли. Вам ясно? Совсем исчезли…

— Понимаю…

— Они не могут на вас воздействовать. Каждый раз, видя изображение, вы вспоминаете одну из приятных домашних сцен. Вам ясно?

— Да.

— А теперь пробуждайтесь. Буду считать до трех. Раз… два… три… просыпайтесь!

Корита открыл глаза и озадаченно спросил:

— Что со мной случилось?

Гросвенф быстро объяснил ситуацию и приказал:

— А теперь идемте, быстро! Несмотря на встречное внушение, цветовые пятна продолжают попадать в поле моего зрения.

Он потащил ошеломленного археолога по про-

ходу к «Некзиальному отделу». За первым же поворотом они натолкнулись на неподвижное человеческое тело, лежащее на полу.

Гросвенф пнул его ногой, причем не слишком осторожно. Он хотел получить ответную реакцию.

— Вы меня слышите?

Человек шевельнулся.

— Да.

— Тогда слушайте. Световые изображения на вас больше не действуют. А теперь вставайте, вы проснулись.

Человек вскочил и, пошатываясь, кинулся на него. Гросвенф отпрянул, и нападающий пронесся мимо. Гросвенф приказал ему остановиться, но тот, не оглядываясь, продолжал идти вперед. Эллиот схватил Кориту за руку.

— Кажется, я занялся им слишком поздно.

Корита изумленно покачал головой. Его взгляд обратился к стене, и из произнесенных им слов стало ясно, что убеждения Гросвенфа не оказали полного действия, или были уже поколеблены.

— Но что они такое? — спросил он. — Разве вы на них не смотрите?

Не делать этого было чрезвычайно трудно. Гросвенфу приходилось держать глаза закры-

тыми, чтобы бьющие от изображений лучи не попадали в глаза. Сначала ему казалось, что изображения повсюду. Потом он заметил, что женские силуэты как-то странно раздвоены и занимают прозрачные и полупрозрачные секции. Таких секций было сотни, но все — таки было какое-то ограничение.

Затем они увидели еще несколько людей. Жертвы лежали на неравных расстояниях друг от друга. Дважды они наталкивались на людей, находящихся в сознании. Один из них стоял у стены на их пути, уставившись куда — то невидящим взглядом, и не двинулся с места, когда Гросвенф и Корита торопливо проходили мимо.

Другой испустил вопль и, схватив вибратор, выпалил из него. Луч ударил в стену за спиной Гросвенфа. Тогда он бросился на человека и свалил его на пол. Человек, бывший помощником Кента, злобно уставился на него и прохрипел:

— Чертов шпион! Мы еще доберемся до тебя!

Гросвенф не стал останавливаться, чтобы узнать о причине удивительного поведения человека. Но подходя вслед за Коритой к двери «Некзиального отдела», он весь напрягся. Если тот химик мог так быстро поддаться чувству ненависти против него, то что же стало с теми

пятнадцатью, которые расположились у него в комнатах.

К своему облегчению, он увидел их лежащими на полу без сознания. Он торопливо достал две пары темных очков — одну для Кориты, другую для себя, потом включил все освещение, и потоки огня залили стены, потолок и пол. Изображения были мгновенно поглощены ими. Гросвенф проследовал в техническую комнату и принялся давать команды, надеясь, что сумеет освободить тех, кого он лично загипнотизировал. Сквозь стеклянную дверь он наблюдал за двумя из них. По истечении пяти минут они все еще не подавали признаков жизни. Он понял, что мозг загипнотизированных находился в таком состоянии, что любые слова были для них бесполезными. Существовала возможность, что через некоторое время они очнутся и переключатся на него. С помощью Кориты он перетащил их в ванную комнату и запер дверь. Один факт был очевиден: это был механически — визуальный гипноз и такой силы, что сам он спасся лишь благодаря решительным действиям. Но случившееся не ограничивалось видением. Изображения пытались взять над над ними контроль, воздействуя через зрительные органы на их мозг. Он был в

курсе всего, что было сделано в этой области, так что он знал, хотя нападающие этого не знали, что чужой контроль над нервной системой человека был почти невозможен. Судя по тому, что произошло с ним, остальные были погружены в глубокий трансовый сон, или же их сознание было помрачено галлюцинациями и они не могли отвечать за свои действия.

Его делом было проникнуть на контрольный пункт и включить энергиционный экран корабля. Не важно, откуда были нападающие — с другого корабля или с другой планеты — такая мера могла бы отрезать путь любым лучам, посылаемым врагами.

С сумасшедшей быстротой Гросвенф начал приводить в действие переносной световой агрегат. Ему нужно было что-то, что могло бы помочь ему в борьбе с изображениями на пути к контрольному пункту. Он заканчивал последнее соединение, когда ощутил безошибочную реакцию организма — легкое головокружение, которое потом исчезло. Это было чувство, которое возникало при существенном изменении курса в результате антиускорения.

Действительно ли был изменен курс? Это он проверит чуть позже.

— Я хочу произвести эксперимент, — обратился он к Корите. — Останьтесь, пожалуйста, здесь.

Гросвенф вытащил собранное им световое устройство в ближайший коридор и поместил его в задний отсек электротележки для перевозки различных грузов. Потом сел в нее сам и направился к лифту. Он подсчитал, что с того времени, когда он впервые увидел изображение, прошло десять минут.

Гросвенф свернул в коридор, в котором находился лифт, на скорости двадцать пять миль в час, что было хорошо для этих сравнительно узких мест. В нише напротив лифта двое боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть. Они не обратили внимания на Гросвенфа и продолжали, ругаясь, извиваться и тискать друг друга. Дыхание их было учащенным и тяжелым. Световая установка Гросвенфа не повлияла на их чувство ненависти друг к другу. Какого бы рода галлюцинации они не были подвержены, гипноз захватил их слишком глубоко. Гросвенф направил машину к ближайшему лифту и спустился вниз. Он надеялся на то, что найдет контрольный пункт пустым.

Надежда исчезла, как только он въехал в центральный коридор. Он кишел людьми. Взме-

тались вверх баррикады, и в воздухе явственно чувствовался запах озона. Тут и там сверкали вспышки вибраторов. Гросвенф осторожно выбрался из лифта, пытаясь вникнуть в ситуацию. Она явно была ужасной. Два подхода к контрольной были блокированы перевернутыми транспортными тележками. За ними прятались люди в форме. Гросвенф различил среди защитников капитана Лича, а на дальнем конце баррикады, в одной из нападающих групп, увидел директора Мортона.

Это несколько проясняло картину. Открытием для него это не оказалось. Скрытая враждебность подстегнулась видениями. Ученые дрались с военными, которых всегда подсознательно ненавидели. Военные, в свою очередь, оказались внезапно подстегнутыми в своей насмешке и ярости к презираемым ученым.

Гросвенф понимал, что это не было истинной картиной их чувств. В нормальном состоянии человеческое сознание балансирует между многочисленными противоположными импульсами, так что средний индивидуум может прожить свою жизнь без того, чтобы одно какое-то его чувство одержало верх над другими и стало преобладающим. Теперь это сложное равновесие

было нарушено. Результат этого грозил уничтожить всю экспедицию людей и обещал победу врагу, о целях которого пока можно было лишь догадываться.

Как бы там ни было, путь в контрольную был отрезан. Гросвенф в задумчивости вернулся в свой отдел.

У двери его встретил Корита.

— Посмотрите, — произнес он, указывая на экран настенного коммуникатора, настроенного на находящийся в носовой части корабля механизм управления. Расположенный там экран передачи был нацелен на цепочку звезд. Устройство выглядело более сложным, чем оно было на самом деле. Гросвенф посмотрел в окуляры и обнаружил, что корабль описывает плавную дугу — кривую, которая в верхней своей точке могла привести корабль прямо к яркой белой звезде. Вспомогательный механизм управления должен был давать периодические толчки, чтобы удержать корабль на курсе.

— Могли это сделать враги? — осведомился Корита.

Гросвенф показал вперед и покачал головой, скорее озадаченный, чем встревоженный. Он изменил положение окуляров, и нацелил их на

вспомогательный механизм. Согласно спектральному классу звезды, ее величине и яркости, она находилась на расстоянии около четырех световых лет. Корабль летел со скоростью примерно световой год за каждые пять часов. Поскольку еще следовало принять во внимание ускорение, рассчитанная кривая должна была еще увеличиться. Приблизительно он подсчитал, что корабль должен был достичь окрестностей солнца приблизительно через одиннадцать часов.

Гросвенф резко выключил коммуникатор. Он был поражен, но недоверия в нем не-было ни капли. Уничтожение могло бы быть целью обманутого человека, который изменил курс корабля. А если так, то на предотвращение катастрофы оставалось только десять часов.

Даже в эту минуту, когда у него не было ясного плана, Гросвенфу казалось, что только нападение врага, использующего гипнотическую технику, могло действительно помочь разъяснить дело. Между тем…

Он стоял, размышляя. Следовало предпринять вторую попытку проникнуть в контрольный пункт. Ему нужно было нечто, что действовало бы непосредственно на клетки мозга. Имелось несколько аппаратов, способных оказать подоб-

ное воздействие. Большая их часть применялась лишь для сугубо медицинских целей. Исключение составлял прибор — энцефалорегулятор, который мог быть использован для перенесения импульсов из одного сознания в другое.

Даже с помощью Кориты Гросвенфу понадобилось немало минут на сборку такого агрегата. Его проверка заняла еще некоторое время, а поскольку машина была исключительно хрупкой, то размещая ее на тележке, ему пришлось прибегнуть к помощи рессорных подушек. В общем, приготовления заняли тридцать семь минут. Затем у него произошел резкий и короткий спор с археологом, который хотел его сопровождать. И все же Корита, в конце концов, согласился остаться на страже их опорного пункта операции.

Непрочность груза заставила Гросвенфа уменьшить скорость передвижения на тележке, когда он отправлялся к контрольному пункту. Медлительность, хотя и вынужденная, раздражала его, но в то же время дала ему возможность замечать перемены, происшедшие с момента первой атаки. Неподвижные тела попадались теперь изредка. Гросвенф понял, что большая часть людей из тех, кто оказался погруженным в глубокий сон, теперь самопроизвольно вышли из него.

Подобные пробуждения были обычным для гипноза явлением. Теперь они подверглись другой стимуляции на той же основе. К несчастью, хотя это тоже не являлось неожиданностью, приходилось думать, что их действия находились под контролем глубоко скрытых импульсов. Поэтому люди, которые в обычном состоянии лишь испытывали друг к другу умеренную неприязнь, сейчас испытывали убийственную ненависть.

Самым страшным было то, что им самим об этом не было известно, поскольку сознание могло быть изменено без знания об этом со стороны индивидуума. Все было усилено общественными связями или атакой, предпринятой сейчас против находящихся на борту корабля людей. В любом случае каждый человек действовал так, как будто его новое «я» было столь же прочным, сколь и старое.

Гросвенф открыл дверцу лифта, находящуюся на уровне контрольного пункта, и тут же спешно захлопнул ее. Нагревательная установка изрыгала пламя, разливавшееся по коридору. Металлические стены плавились с резким свистящим звуком. На видимом пространстве лежало три трупа. Пока он выжидал, раздался громкий взрыв. Внезапно пламя пропало. В возду-

хе повис голубой дым. Жара стояла невыносимая. Но в течение нескольких последующих секунд и дым, и жара исчезли. Вентиляционная система работала надежно.

Гросвенф осторожно выбрался из лифта. На первый взгляд коридор казался пустым. Потом он увидел Мортона, полускрытого выступом стены, менее чем в двух десятках шагов от себя. Почти в ту же секунду директор заметил его и поманил к себе рукой. Гросвенф заколебался, но решил все — таки рискнуть. Он отвел тележку от дверцы лифта направил ее к директору, который энергично приветствовал его.

— Именно вас я и хотел видеть, — заявил он. — Мы Должны. отобрать у капитана Лича контроль над кораблем, прежде чем Кент и его группа устроит нападение.

Взгляд Мортона был спокойным и умным. Это был взгляд человека, борющегося за правое дело. Казалось, ему в голову не приходило, что его поведение и слова требовали объяснений. Директор с напором продолжал:

— Нам особенно необходима ваша помощь против Кента. Они использовали химический препарат, о котором я раньше не слышал. Пока мы одержали над ними верх, но они готовят но-

вый удар. Наша главная проблема такова: будет ли у нас время сокрушить капитана Лича, прежде чем Кент соберет свои силы?

Время было и проблемой Эллиота. Как бы невзначай он поднес правую руку к левой кисти и тронул активированное реле, которое постоянно контролировало направление пластинки установки, произнося при этом:

— У меня есть план, сэр. Полагаю, он может быть эффективным в борьбе с противником.

Мортон посмотрел вниз и сказал:

— Вы принесли с собой аджустер, и он действует. Для чего это вам понадобилось?

Первым чувством Гросвенфа было страшное напряжение в поисках ответа. Он надеялся, что Мортон не слишком близко знаком с аджустерами, но теперь эта надежда рухнула, а он должен был все же попытаться использовать инструмент, хотя и лишенный преимущества неожиданности. Он проговорил натянутым против его желания голосом:

— Да, я хочу использовать эту машину.

Поколебавшись, Мортон заметил:

— Мысли, возникшие в моем мозгу и переданные вами, весьма интересны… — он замолчал, и его лицо зажглось интересом: — Так, хорошо…

Если вы сможете на этот раз передать известие о том, что мы подверглись нападению чужаков... — Он смолк, и его губы нервно сжались. Интенсивность мысли заставила сузиться его глаза. — Капитан Лич дважды пытался заключить со мной соглашение. Теперь мы сделаем вид, будто согласились, и вы придете к ним с вашей машиной. Вы понимаете, что я не собираюсь заключать соглашение ни с Кентом, ни с капитаном Личем, кроме как в целях достижения победы и сохранения корабля. Надеюсь, что вы это оцените, — с достоинством закончил он.

Гросвенф нашел капитана Лича на контрольном пункте. Командир приветствовал его со сдержанным дружелюбием.

— Борьба против ученых, — честно признался он, — поставила военных в сложное положение. Мы обязаны защищать контрольный пункт и аппаратную, так что наш минимум обязанностей превратился в максимум. — Он серьезно качнул головой. — Конечно, нечего говорить о том, что кому-нибудь из нас удастся одержать победу. На крайний случай мы готовы пожертвовать собой, но не позволить ни одной из групп одержать верх.

Объяснение отвлекло Гросвенфа от собствен-

ной цели. Он спросил себя, ответственен ли капитан Лич за намеренное изменение курса корабля и направление его к белому солнцу. По крайней мере, он дал ему частичное объяснение. Казалось, командиром двигала уверенность в том, что победа какой-либо группы, кроме военных, была немыслима. Если брать ее за исходную мысль, то оставался лишь крошечный шаг к заключению о том, что необходимо уничтожить всю экспедицию. Незаметным движением Гросвенф направил передатчик аджустера на капитана Лича.

Мозговые волны, минутные пульсации, трансмиттированные от дендрита к эксону и от эксона к дендриту, всегда сопровождающиеся предварительно установленным путем зависимости от обратной связи, это и был процесс, идущий бесконечно между девяноста миллиардами нейронных клеток головного мозга человека. Каждая клетка была в своем собственном состоянии электроколлоидного баланса, сложного взаимодействия напряжения и импульса. Лишь постепенно за долгие годы были созданы машины, которые смогли с высокой точностью обнаружить значения энергетических потоков внутри мозга.

Ранние энцефалоаджустеры были косвенными потомками известного энцефалографа. Но его функции были Диаметрально противоположными. Он производил искусственные мозговые волны любого требуемого образца. Используя их, опытный оператор мог стимулировать любую часть мозга и, таким образом, эмоции и мечты, и рождать воспоминания из прошлого индивида. Он не являлся сам по себе контролирующим прибором. Он лишь поддерживал собственное «я» испытуемого. Тем не менее, он мог передавать импульсы мозга от одного лица к другому. Поскольку импульсы варьировались согласно мыслям посылающего, реципиент стимулировался в высшей степени легко.

Не подозревающий о присутствии аджустера, капитан Лич не догадывался, что его мысли больше не принадлежат ему.

— Нападение, совершенное на корабль, сделало среду ученых предательской и вероломной, — капитан Лич умолк и задумчиво произнес: — Вот мой план…

План включал в себя плавящие установки, акселератор мускульной напряженности и частичное обследование обеих групп ученых. Капитан Лич даже не упомянул о чужаках. Казалось, ему даже

не приходило в голову, что он описывает свои намерения эмиссару тех, кого он считает своими врагами. Закончил он словами:

— Где ваши действия будут важными, мистер Гросвенф, так это в научном отделе. Как некзиалист с согласованными знаниями многих наук вы можете сыграть решающую роль в борьбе против других ученых…

Утомленный и потерявший уверенность в себе, Гросвенф сдался. Хаос был слишком велик, чтобы с ним мог справиться один человек. Куда бы он ни посмотрел, везде были вооруженные люди. В общей сложности, он видел двадцать с чем-то убитых. Тревожное перемирие между капитаном Личем и директором Мортоном в любой момент могло вылиться во взрыв созданного установкой огня. Даже сейчас он мог слышать ропот людей там, где Мортон сдерживал атаку Кента.

Тяжело вздохнув, он повернулся к капитану.

— Мне понадобится некоторое оборудование из моей лаборатории. Переправьте меня на заднем лифте, и через пять минут я вернусь.

Когда через несколько минут Гросвенф вносил свой аппарат через заднюю дверь своего отдела, ему казалось, что относительно его будущих действий сомнений больше нет. То, что по первому

размышлению показалось ему притянутым за волосы аргументов, было сейчас тем единственным, что составляло его план. Он должен атаковать чужих через их миражные образы, причем их собственным гипнотическим оружием.

Глава 4

Гросвенф сознавал, что Корита наблюдает за горячечными приготовлениями какой-то новой машины. Археолог подошел и смотрел на массу деталей, которые он присоединял к энцефалоаджустеру, но вопросов не задавал. Казалось он полностью избавился от любопытства. Гросвенф, не переставая, вытирал с лица пот, хотя никакой жары не было. Температура в помещении была нормальной. К тому времени, когда предварительная работа была закончена, он понял причину своего беспокойства. Дело в том, заключил он, что ему слишком мало известно о своих врагах.

То, что он располагал теорией о том, как они могли действовать, было недостаточным. Что-то страшно таинственное было во врагах с такими удивительными и женственными телами и лицами, иногда раздвоенными, а иногда нет.

Для действий ему была необходима разумная философская база. Его план требовал такого противовеса, который ему могло дать только знание.

Он повернулся к Корите и спросил:

— На какой стадии развития культуры могли находиться эти существа, согласно данным теории цикличности?

Археолог сел на стул, и поджав губы, попросил:

— Опишите мне ваш план.

Когда Гросвенф сделал это, японец побледнел. Наконец, он раздраженно проговорил:

— Как случилось, что вы смогли спасти меня и не смогли разгипнотизировать других?

— Я отвлек вас сразу. Нервная система человека покоряется повторением. В вашем случае их образы не успели повториться такое количество раз, как для остальных.

— Был ли для нас какой-нибудь способ избежать этого бедствия? — мрачно осведомился Корита.

Гросвенф печально улыбнулся.

— Это можно было сделать с помощью некзиального обучения, поскольку оно включает в себя возможность гипнотического состояния. Есть только одна действенная защита против гипноза

и заключается она в тренировке… Мистер Корита, ответьте пожалуйста на мой вопрос. История циклична?

Над бровями археолога появились маленькие капельки пота.

— Друг мой, — вздохнул Корита, — вы никак не сможете разобраться и провести параллель в подобной ситуации. Что нам известно об этих существах?

Гросвенф тоскливо вздохнул. Он понимал необходимость дискуссии, но ведь утекало столь ценное время. Он нерешительно сказал:

— Существа, умеющие использовать гипноз на расстоянии, стимулировать сознание друг друга, стоят на довольно высокой ступени развития, так что вполне естественно ожидать от них телепатических способностей. Люди могут обрести эти способности лишь с помощью энцефалоаджустера, — он подался вперед, ощутив неожиданное волнение. — Корита, какой эффект могла бы произвести на состояние культуры способность читать в умах без помощи прибора?

Археолог выпрямился.

— Ну, конечно же, у нас есть ответ. Способность читать в умах должна уничтожить развитие расы на феллахинской стадии, — его глаза блестели,

когда он смотрел на озадаченного Гросвенфа. — Неужели вы не понимаете? Способность читать чужие мысли вызовет у вас чувство уверенности в том, что вы все знаете. На этой основе будет развиваться система абсолютной уверенности во всем. Как можно сомневаться, когда вы знаете?

Подобные существа мгновенно пройдут через ранние периоды культуры и в кратчайшее время достигнут феллахинского периода.

Пока Гросвенф сидел, нахмурившись, Корита быстро описал, как различные земные и галактические цивилизации истощали себя, а потом коснели в состоянии феллаха. Как общество, они не были особенно жестоки, но из — за своей бедности во всех них слишком часто развивалось безразличие к страданиям отдельных личностей.

Когда Корита кончил, Гросвенф предположил:

— Возможно, их возмущение переменами, к которым такие культуры нетерпимы, и явилось причиной нападения на корабль?

Археолог был осторожен:

— Возможно.

Наступило молчание. Гросвенф подумал, что ему придется действовать исходя из того, что общий анализ Кориты верен, а других гипотез у

него не было. Имея отправным пунктом такую гипотезу, он мог попытаться получить подтверждение от одного из изображений.

Взгляд на хронометр заставил его встрепенуться. У них оставалось менее семи часов на спасение корабля. Торопясь, он сфокусировал луч света на энцефалоаджустере. Быстрым движением он установил экран против света так, чтобы маленькая стеклянная поверхность была погружена в тень, получая от аджустера лишь прерывистые лучи.

Сразу же появилось изображение. Это было одно из частично раздвоенных изображений и, благодаря энцефалоаджустеру, он мог изучить его совершенно не рис — куя. Первый же внимательный взгляд поверг его в изумление. Изображение лишь смутно напоминало гуманоида. И все же стало понятным, почему раньше оно казалось ему женским. Частично скрытое, раздвоенное лицо было увенчано аккуратным пучком золотистых перьев. Но птичья голова, как это было ясно видно сейчас, имела некоторое сходство с человеческой. На лице, покрытом сеткой того, что походило на вены, перьев не было. Сходство с человеческой внешностью достигалось тем, что отдельные участки лица давали эффект щек и но-

са. Вторая пара глаз и второй рот были в каждом случае примерно двумя дюймами выше первых. Была также двойная пара плеч с двойной парой рук, коротких и оканчивающихся восхитительно нежными и удивительно длинными кистью и пальцами. Этот всеобъемлющий эффект тоже был женским. Гросвенф поймал себя на мысли о том, что руки и пальцы двух тел были, вероятно, вначале нераздельными. Партеногенез, подумал Гросвенф, воспроизведение без пола. Отпочкование от родителей нового индивида.

Изображение на стене перед ним показывало рудименты крыльев. Кончики крыльев виднелись на «кистях». Существо носило ярко-голубую тунику на удивительно прямом и в высшей степени похожем на человеческое тело. Если и были другие рудименты прошлого оперения, то они были прикрыты одеждой. Ясно было одно, что эта птица не летала и не могла летать сама по себе.

Корита заговорил первым, и тон его голоса был без — надежным.

— Как вы собираетесь дать им знать, что вы желаете быть загипнотизированным? Ради обмена информацией хотя бы.

Гросвенф не стал отвечать. Он поднялся и нарисовал на доске приблизительное изображение

образа и себя. Через сорок семь минут, за время, необходимое для того, чтобы нарисовать несколько десятков набросков, изображение птицы исчезло, а на его месте появилось изображение города. Оно было небольшим, и с первого взгляда казалось, будто он смотрит на город с удобной для обозрения высокой точки. Он увидел очень высокие и узкие здания, так близко расположенные к друг другу, что все находившееся внизу должно было большую часть времени теряться во мраке. Гросвенф подумал, что в этом сказываются привычки первобытного времени. Но он тут же переключился на другое. Он оставил без внимания индивидуальность зданий в своем желании охватить взглядом всю картину. Гросвенф хотел выяснить степень развития их машинной культуры, понять их коммуникацию, определить, был ли это город, из которого велась атака на их корабль, или же нет.

Он не увидел ни машин, ни самолетов, ни автомобилей. Не было также ничего, что можно было бы принять за оборудование межзвездной связи, похожее на то, что использовалось человеческими существами — на Земле подобные станции занимали несколько квадратных миль. Тем не менее, казалось вполне вероятным, что способ

нападения не имел ничего общего с подобными машинами. Как только он пришел к такому выводу, вид изменился. Теперь он обнаружил себя уже не на холме, а в здании неподалеку от центра города. То, что составляло это прекрасное цветовое изображение, подвинулось вперед, и он посмотрел вниз через гребень. Его сознание было захвачено разворачивающейся перед ним картиной. И все же он успел подумать, что способ показа ему непонятен. Переход одной картины в другую происходил в мгновение ока. Меньше минуты прошло с тех пор, как его иллюстрации на доске окончательно дали понять о его желании получить информацию.

Эта мысль, так же как и другие, была мгновенной вспышкой. Даже пока она проносилась в его мозгу, он жадно смотрел со здания вниз. Расстояние, отделявшее его от соседнего строения, казалось не шире десяти футов. Но теперь он обнаружил нечто, чего не мог заметить с холма. На каждом уровне находилась дорожка в несколько дюймов шириной. По ним осуществлялось пешеходное движение птичьего города. Прямо под Гросвенфом два индивида двигались навстречу друг другу по одной узкой дорожке. Они, казалось, совершенно игнорировали тот факт, что

она располагалась в ста или больше футах от поверхности. Они шли свободно и легко. Каждый развернул ту ногу, что находилась ближе к внутренней стороне дорожки и обогнул другого. По другим уровням шагали другие существа. Они проделывали те же хитрые маневры и двигались так же непринужденно. Наблюдая за ними, Гросвенф догадался, что их кости были тонкими и полыми, и что строение их было очень легким.

Картина вновь изменилась, а потом еще раз. Место действия перенеслось с одной улицы на другую. Он увидел, как ему показалось, любую возможную вариацию условий воспроизводства. Некоторые из картин были настолько выдвинуты вперед, что ноги, руки и большая часть тела были свободны. Другие были в том же состоянии, в котором он их уже видел, И в каждое мгновение родитель казался безучастным к росту нового тела.

Гросвенф пытался разглядеть внутренность одного из зданий, когда картина начала исчезать со стены. Через мгновение город исчез совсем, а на его месте появилось двоящееся изображение. Пальцы изображения указывали на энцефалоаджустер. В его желании не приходилось сомневаться. Свою долю сделки они выполнили.

Настало время Гросвенфа выполнить свою.

С их стороны было наивностью ожидать, что он это сделает, но беда была в том, что он был обязан это сделать. У него не оставалось иного выхода, как выполнить свое обещание.

Глава 5

«Я спокоен, я расслаблен, — произнес голос Гросвенфа, записанный на магнитофон. — Мои мысли ясны. То, что я вижу, может быть бесполезно для объясняющих центров моего мозга. Но я видел их город таким, каким они его считают. Независимо от того, имеет ли смысл виденное и слышанное мною, я остаюсь спокойным, расслабленным и чувствую себя непринужденно...» Гросвенф нарочито внимательно выслушал запись и повернулся к Корите.

— Все так, — сказал он.

Конечно же, могло наступить время, когда он не был бы в состоянии сознательно выслушать запись. Но она все равно не пропала бы даром, и его слова даже тверже бы запечатлелись в его памяти. Все еще слушая, он в последний раз осмотрел аджустер. Все было так, как он хотел.

Корите он объяснил следующее:

— Я устанавливаю автоматическую отсечку на пять часов, но если вы спустите этот рубильник, — он указал на красную рукоятку, — то сможете освободить меня задолго до этого срока. Но воспользоваться им вы можете только в случае крайней необходимость.

— А что вы считаете случаем крайней необходимости?

— Возможность нападения на нас, — Гросвенф колебался. Ему бы хотелось назвать целый ряд подобных возможностей, но то, что он собирался делать, было не просто научным экспериментом. Это была игра не на жизнь, а на смерть. Готовый действовать, он положил руку на контрольный диск, но остановился.

Наступал решающий момент. В течение нескольких секунд совместный разум бесчисленного количества особей птичьего народа завладеет частью его нервной системы. Несомненно, они попытаются взять его под свой контроль, как взяли под контроль всех остальных людей на корабле, кроме Кориты. Он был склонен считать, что ему придется противостоять группе умов, работающих вместе. Он не видел ни машин, ни даже колесного транспорта — самого примитивного из механических приспособле-

ний. Он считал само собой разумеющимся, что они пользуются камерами типа телевизионных и догадался, что видит город глазами его обитателей. В подобных вещах телепатия была сенсорным процессом, таким же острым, как и само видение. Нематериальная духовная сила миллионов птицеподобных обитателей планеты могла перескочить через барьер скорости света. Они не нуждались в машинах.

Гросвенф не мог надеяться на усиление результата его попытки стать частью их коллективного сознания. Все еще слушая запись, Гросвенф манипулировал дисками настройки, слегка изменяя ритм собственных мыслей. Он вынужден был делать это весьма осторожно. Даже если бы он и захотел, он не смог бы предложить чужим полной настройки. В тех решительных ритмических пульсациях лежит любое изменение психики в сторону здоровья, нездоровья, внутренних регулировочных процессов. Ему приходилось ограничивать своего реципиента волнами, которые можно было бы зарегистрировать как психологический эквивалент здоровья.

Аджустер перенес их на луч света, который в свою очередь направил их прямо на изображение и был затронут световыми волнами, но пока

никак этого не выказывал. Гросвенф не ожидал дополнительных доказательств, так что он не был разочарован. Он был убежден в том, что результат станет очевиден лишь через посредство изменений в лучах, которые они на него направляют. А это — он был в этом уверен — ему удастся распознать.

Ему было трудно продолжать концентрироваться на изображении, но он заставил себя это сделать. Энцефалоаджустер начал явственно вмешиваться в его видение. Но он все так же твердо продолжал смотреть на картину.

«Я спокоен, я расслаблен. Мои мысли ясны…» — только что эти слова громко звучали в его ушах. И вот уже они исчезли. Вместо них послышался рокочущий звук, похожий на отдаленный гром.

Шум медленно затихал. Он перешел в ясный шорох, похожий на шуршание крупных морских ракушек. Гросвенф увидел слабый свет. Он был далеким и тусклым, как будто пробивался сквозь слой плотного тумана.

«Я все еще контролирую себя. Я получаю ощущение через их нервные системы. Они получают через мою».

Он мог ждать… Он мог сидеть и ждать, пока его мозг не начнет давать истолкование тем

ощущениям, что телепатируются их нервными системами. Он может сидеть здесь и ждать…

«Стоп! Сидеть! — подумал он. — Зачем они то сделали?» Тревога обострила его восприятие. Он услышал далекий голос, произносивший:

— Независимо от того, имеет ли смысл виденное и слышимое мною, я остаюсь спокойным…

Внезапно он ощутил зуд в носу.

«У них нет носов, — подумал он, — по крайней мере, я не видел ни у одного. Следовательно, то зависит или от моего носа, или от какой-то случайности».

Он потянулся, чтобы почесать его, и ощутил в желудке резкую боль. Если бы он смог, он бы согнулся от боли, но он не мог. Он не мог почесать нос. Он не мог наложить руки на живот.

Потом Гросвенф понял, что и источник зуда, и источник боли находятся вне его тела. И они совсем не обязательно должны быть связаны с другими нервными системами. Две высокоразвитые формы жизни посылали сигналы одна другой — он надеялся, что он тоже посылал сигналы — ни один из которых не мог быть объяснен. Его преимущество состояло в том, что он этого ожидал, а чужаки, если они находились в стадии феллаха, и если теория Кориты была верной,

не ожидали и не могли ожидать. Понимая, он мог надеяться на приспособление. Они же лишь могли прийти в большое замешательство.

Зуд исчез. Боль в желудке переросла в чувство тяжести, как если бы он переел. Горячая игла вонзилась ему в спину, проникая в каждый позвонок. На полпути вниз она превратилась в лед, а потом этот лед растаял и ледяной поток побежал по спине.

Что-то — рука? кусок металла? щипцы — прихватило бицепсы его руки и едва их не разорвали. Боль отдалась в мозгу пронзительным криком: он почти потерял сознание.

Когда чувство боли исчезло, Гросвенф был страшно измучен. Все это было иллюзией. Нигде ничего не происходило, ни в его теле, ни в телах птицеобразных существ. Его мозг получил ряд импульсов посредством зрения и неверно их понял. При такой близости удовольствие могло стать болью, любой стимул мог воспроизвести любое чувство. Он не должен думать, что ошибки существ могут быть такими странными…

Он тут же забыл обо всем этом, потому что до его губ дотронулось нечто мягкое и студенистое. Голос сказал: «Я люблю…» — Гросвенф отказался от этого значения. Нет, не «люблю». Это был его

собственный мозг, как он полагал, пытающийся осмыслить особенность нервной системы, реакция которой была совершенно иной, чем человеческая. Уже сознательно он заменил слово на «меня побуждает», а потом опять позволил чувствам взять верх. В конце концов, он все еще не знал, что же такое это было, то, что он ощутил. Пробуждение не было неприятным, вкусовое ощущение было сладким. В его сознание вошло изображение цветка. Он был красивым, красным, напоминал земной и никак не мог быть связан с мозгом Риим.

«Риим!» — подумал он.

Его мозг лихорадочно заработал. Пришло ли к нему это слово через пространство, через его бездну? По своей иррациональности, название казалось его вымыслом, но все же было подходящим. И все — таки, несмотря ни на что, сомнения не покидали его. Он не был уверен.

Вся заключительная серия ощущений была принята без исключений. И все равно, он с беспокойством ждал следующего появления. Свет оставался тусклым и туманным. Потом все вокруг расплылось, как сквозь толщу воды. Неожиданно он снова ощутил сильнейший зуд. Затем это чувство прошло, оставив его испытывающим жажду,

жару и давление массы воздуха.

«Это не так! — самым серьезным образом сказал он себе. — Ничего подобного не происходило».

Ощущения исчезли. Снова остался отчетливый шуршащий звук и неизменный блеск света. Это начинало его беспокоить. Вполне могло быть, что его метод верен, и что со временем он сможет взять под контроль представителя или группу представителей врагов. Но время было именно тем, чего он никак не мог терять. Каждая уходящая секунда делала его на огромное расстояние ближе к физическому уничтожению. Там… здесь… — он на мгновение запнулся — в пространстве, один из самых больших и дорогих кораблей, когда-либо построенных человеком, пожирая мили с почти бессмысленной скоростью.

Он знал, какие части его мозга подвергались стимуляции. Гросвенф мог слышать шум лишь когда чувствительная область бокового участка коры головного мозга получала ощущения. Участок мозга над ухом при стимуляции воспроизводил мечты и старые воспоминания. Некоторым образом каждая часть мозга давно была классифицирована. Точная локализация подвергающихся стимуляции областей претер-

певала едва заметные изменения в зависимости от инцидента, но основная структура — среди гуманоидов — всегда была одинаковой.

Нормальный человеческий глаз был прекрасным объективом. Хрусталик передавал изображение на сетчатку. Чтобы судить о картинах города так, как они были переданы народом Рим, он тоже мог пользоваться объективной точностью глаз. Если бы он смог скоординировать свои визуальные центры с их глазами, он мог бы получать заслуживающие доверия картины.

Прошло еще некоторое время. Во внезапном приступе отчаяния Гросвенф подумал: «Может ли быть так, что я просижу пять полных часов, не вступив в полезный контакт?» Впервые за то время, как он полностью углубился в это исследование, он постоянно обращался к здравому смыслу. Когда он попытался поднять руку над контрольным рычагом энцефалоаджустера, ничего, казалось, не произошло. Просто нахлынуло множество неясных ощущений, и среди них отчетливо различимый запах горящей изоляции. В третий раз его глаза увлажнились. А потом резко и ясно возникло изображение. Потухло оно так же внезапно, как и вспыхнуло. Но для Гросвенфа, прошедшего обучение на самых современных

психологических приборах, оно осталось в сознании так же ярко, как если бы он смотрел на него довольно долго.

Картина была такой, точно он находился в одном из высоких узких зданий. Освещение было тусклым, как будто являлось лишь отражением света, проникающего в дверь. Окон не было. Вместо полов в помещении были подстилки. Несколько птицеобразных существ сидело на этих подстилках. В стенах виднелись двери, указывающие на существование шкафов и кладовых. Видение и взволновало, и встревожило. Предположим, он установил связь с этим существом, кем бы оно ни было, стимулированным его нервной системой и через посредство своей. Предположим, он достиг того состояния, в котором он мог видеть его глазами, слушать его ушами и чувствовать до некоторой степени то, что чувствовал он. Но все это были лишь чувственные впечатления.

Мог ли он надеяться перекинуть мост через пропасть и вызвать двигательный ответ в мускулах того существа? Могли он заставить его двигаться, поворачивать голову, шевелить руками — в общем, заставить его двигаться так, как собственное тело? Нападение на корабль было

произведено группой вместе действующих, вместе думающих существ. Взяв под контроль одного из членов такой группы, мог ли он надеяться взять под контроль всех?

Его моментальное видение вышло, вероятно, из глаз одного индивида. То, что он испытывал до сих пор, не указывало на групповой контакт. Он был подобен человеку, заключенному в темную комнату с отверстием в стене перед ним, покрытом слоем прозрачного материала. Сквозь него и пробивался слабый свет. По случайно проникающим туманным изображениям он должен был судить о внешнем мире. Он мог быть вполне уверен в том, что картины верны. Но они не совмещались со звуками, проникающими через другое отверстие в боковой стене, или ощущениями, приходившими к нему через пол или потолок.

Человеческие существа могли слышать звуки до двадцати килогерц. Некоторые расы начинали слышать лишь после этого предела. Под гипнозом люди могли оказаться в таких условиях, что шумно веселились в то время, как их мучили, и вопили от боли, когда их щекотали. Стимуляторы, означавшие боль для одной разумной расы, вообще ничего не значили для других.

Гросвенф мысленно сбросил с себя напряжение. Сейчас ему не оставалось ничего, как расслабиться и ждать… Он терпеливо ждал.

Теперь он думал о том, что могла быть связь между его собственными мыслями и получаемыми им ощущениями. Эта картина помещения внутри дома — каковы были его мысли перед тем, как она появилась. Связь была настолько очевидной, что его сознание затрепетало от волнения. Было и еще одно обстоятельство. До теперешнего момента он концентрировался на намерении видеть и чувствовать через нервную систему очевидца. И реализация его надежд зависела от установления контакта и контроля над группой, напавшей на корабль.

Внезапно он увидел свою проблему в новом свете. Она потребовала установления контроля над собственным мозгом. Некоторые участки должны были быть эффективно блокированы и поддерживаться на минимальном действующим уровне. Другие — должны были быть приведены в состояние особой чувствительности с тем, чтобы все поступающие сигналы могли достигать их с большей легкостью. Как высоко тренированный субъект, причем аутогипнотический субъект, он мог выполнить обе предполагаемые задачи.

Первое, несомненно, зрение. Затем мускульный контроль индивида, через посредство которого работает над ним группа.

Его размышления прервали разноцветные вспышки. Гросвенф принял их за свидетельство истинности его предположения. И он понял, что идет по верному следу, когда изображение внезапно прояснилось и осталось ясным.

Обстановка была прежней. Те, кто контролировал его, все еще сидели на насестах внутри высокого здания. Лихорадочно надеясь на то, что изображение не исчезнет, Гросвенф принялся концентрироваться на движении мускулов Риим. Сложность состояла в том, что даже приблизительное объяснение того, почему могли происходить те или иные движения, было невозможно. Его хронозрительный образ был неспособен включить в себя в деталях миллионы клеток, ответственных за движение одного пальца. Теперь он подумал о целой конечности, но ничего не произошло. Потрясенный, но полный решимости, Гросвенф попробовал гипноз символами, используя ключевое слово, заключавшее в себе весь смысл процесса. Одна из худых рук медленно поднялась. Еще один ключ, и его контролер осторожно встал. Потом он заставил

его повернуть голову. Этот процесс напомнил птицеобразному существу о том, что тот ящик, этот шкаф и этот чулан — «мои». Воспоминание едва задело уровень сознания. Существо знало о своем владении и соглашалось с этим фактом, не придавая ему значения.

Нелегко было Гросвенфу справиться с волнением. Упорно и терпеливо он заставлял существо вставать и опять садиться, поднимать и опускать руки, расхаживать взад-вперед вдоль насеста. Наконец, он заставил его сесть.

Вероятно, он достиг полной настройки, и его мозг полностью контролировал мельчайшее движение, потому что едва он начал сосредоточиваться снова, как все его существо затопило посланием, захватившим, казалось, каждую из клеточек его мыслей и чувств. Более или менее автоматически Гросвенф перевел мучительные мысли в знакомые выражения.

«Клетки зовут, зовут. Клетки боятся. О, клетки знают боль! В мире Риим темнота. Далеко от существа — далеко от Риим… Тень, темнота, хаос… Клетки должны извергнуть его… Но они не могут. Они были правы, пытаясь быть дружелюбными к существу, которое вышло из великой темноты, потому что не знали, что он враг…

Ночь сгущается. Все клетки уходят... Но они не могут...»

— Дружелюбными... — беспомощно пробормотал Гросвенф.

Это тоже подходило. Он понимал, как весь ужас происшедшего мог быть объяснен тем или иным путем с одинаковой легкостью. Он с тревогой осознал серьезность ситуации. Если катастрофа, уже происшедшая на борту корабля, являлась неверно понятой попытки установить связь, то какой же кошмар мог стать следствием их враждебности? Его проблема была грандиозной, намного более грандиозной, чем их проблема. Если он прервет с ними связь, то они станут свободными. При существующих обстоятельствах это могло означать нападение. Избавившись от него, они могли предпринять попытку уничтожить «Космическую Гончую».

У него не оставалось выбора. Он должен был выполнить намеченное в надежде на то, что может случиться нечто такое, что можно будет обратить в свою пользу...

Глава 6

Сначала он сконцентрировался на том, что казалось логическим промежуточным звеном, то есть перенесением контроля на другого представителя чужой расы. Выбор, в случае с этими существами, был очевиден.

«Меня любят, — сказал он себе, намеренно вызывая чувство, которое ранее смутило его. — Меня любит мое родительское тело, из которого я вырастаю. Я разделяю мысли моего родителя, но я уже вижу своими глазами и знаю, что я один из группы…» Перемещение произошло так быстро, как только мог ожидать этого Гросвенф. Он шевельнул более короткими дубликатными пальцами. Он изогнул слабые плечи. Потом он вновь вернулся в первоначальное положение по отношению к родительскому Риим. Эксперимент был настолько удовлетворительным, что он почувствовал готовность к большому скачку, который должен был ввести его в связь с нервной системой более отдаленного живого существа. И это также предусматривало стимуляцию соответствующих мозговых центров. Гросвенф почувствовал себя стоящим на вершине зарос-

шего холма. Прямо перед ним вился узкий поток. Оранжевое солнце плыло в темно — пурпурном небе, испещренном облаками, похожими на барашков. Гросвенф заставил новый объект переместиться. Он видел, что маленькое, похожее на курятник здание прячется среди деревьев неподалеку от этого места. Это было единственное находящееся в поле зрения жилище. Он подошел к нему и заглянул внутрь. В полумраке он разглядел несколько насестов, на одном из которых сидели две птицы. Глаза у них были закрыты.

«Вполне возможно, — решил он, — что через них осуществляется групповое нападение на „Космическую Гончую“».

Оттуда, варьируя стимулы, он перенес свой контроль на индивида, находящегося на той части планеты, где стояла ночь. Ответная реакция оказалась на этот раз чересчур быстрой. Он находился в темном городе с призраками зданий и дорожек. Гросвенф быстро вошел в контакт с другими нервными системами. Он не слишком ясно отдавал себе отчет в том, почему связь устанавливалась именно с тем Риим, а не с другим, чья нервная система отвечала тем же условиям. Могло быть так, что на одного индивида стимуляция действовала чуть быстрее, чем на других. Было

вполне вероятно, что эти индивиды были потомками или родственными телами его основного контролера. Когда он вошел во взаимосвязь более чем с двумя дюжинами Риим по всей планете, ему показалось, что теперь удалось составить полное впечатление обо всем этом мире.

Это был мир кирпича, камня и дерева, и психической общности, которой, возможно, никому никогда не удастся достичь. Таким образом, эта раса владела всеобъемлющим механизмом проникновения в секреты вещества и энергии. Он почувствовал, что теперь можно с безопасностью предпринять следующий и последний шаг его атаки.

Гросвенф сконцентрировался на изображении, которое должно было принадлежать одному из существ, передававших изображение на «Космическую Гончую». Он ощутил течение небольшого, но наполненного смыслом отрезка времени. А потом…

Он смотрел сквозь одно из изображений, видя через него корабль. Его первым побуждением было узнать, насколько расширились военные действия. Но ему пришлось сдерживать это стремление, поскольку нахождение на борту было лишь частью необходимого предваритель-

ного условия. Он хотел воздействовать на группу, состоящую, вероятно, из миллионов индивидов. Он должен был подействовать на них настолько сильно, чтобы они вынуждены были оставить «Космическую Гончую» в покое и не имели бы другого выхода, как держаться от корабля подальше.

У него были доказательства того, что он может получать их мысли, а они могут получать его. Но связь с нервными системами, одной за другой, была бы невозможна, будь это не так.

Итак, он готов… Гросвенф направил свои мысли в темноту:

«Вы живете во Вселенной и внутри себя, вы создаете картину Вселенной такой, какой она вам представляется. Но об этой Вселенной вы не знаете ничего, и ни — чего не можете знать, кроме изображений. Но изображение Вселенной внутри вас не есть Вселенная… Как вы можете влиять на другое сознание? Изменяя его понятия. Как вы можете влиять на чужие действия? Изменяя основные верования существа, его эмоциональную склонность…» Очень осторожно Гросвенф продолжал:

«И картины внутри вас не показывают вам Вселенной, поскольку имеется множество вещей,

которые вы не можете узнать прямо, не обладая нужными чувствами. Внутри Вселенной царит порядок. И если порядок картин внутри вас не есть порядок Вселенной, то вы ошибаетесь...» В истории жизни несколько думающих индивидов сделали нечто аналогичное — в пределах структуры их знаний. Если их структурное строение неверно, если предположение неверно, если предположение неверно по отношению к реальности, тогда автоматическая логика индивида может привести его к заключению, несущему смерть.

Предположения следовало изменять. Гросвенф изменял их намеренно, хладнокровно, честно. Его собствен — пая гипотеза, на основе которой он действовал, состояла в том, что Риим не имели защиты. Впервые за историю бесчисленных поколений они получали мысли извне. Он не сомневался в том, что их инертность чрезвычайно велика. Это была феллахская цивилизация, укоренившаяся в своих представлениях, которые не претерпевали никаких изменений. Существовала достаточная историческая очевидность того, что крошечное инородное тело могло оказать решающее влияние на будущее феллахских рас. Гигантская старая Индия пала перед лицом

нескольких тысяч англичан. Подобным же образом все феллахские народы древнего мира захватывались с легкостью и не возрождались, пока сердцевина их несгибаемых привычек навсегда не разбивалась вдребезги ясным осознанием того, что в жизни есть нечто гораздо большее, чем учили их негибкие системы.

Риим были особенно уязвимы. Их метод коммуникации, хотя и особенный, и уникальный, давал возможность интенсивного влияния сразу на всех их. Снова и снова повторял Гросвенф свое послание, каждый раз добавляя по одному звену инструкции относительно действий с кораблем. Инструкция была такова:

«Измените изображения, которые вы использовали против находящихся на корабле, потом уберите их совсем. Измените изображения, чтобы те, на кого они направлены, могли расслабиться и заснуть… потом уберите их… Ваша дружеская акция стала причиной большого несчастья. Мы тоже настроены к вам дружественно, но ваш метод выражения дружбы причиняет нам зло».

У него были лишь смутные представления о том, как долго он вливал свои команды в эту огромнейшую нервную систему. Часа два, как показалось ему. Но сколько бы времени ни прошло,

оно исчезло, как только выключатель энцефалоаджустера автоматически прервал связь между ним и изображением на стене его отдела.

Знакомое ощущение резко вошло в его сознание. Он взглянул туда, где должно было находиться изображение. Оно исчезло… Гросвенф быстро взглянул на Кориту. Археолог поник на стуле, погруженный в глубокий сон.

Гросвенф резко выпрямился, вспоминая данные им инструкции: расслабление и сон. В результате все люди на корабле должны были спать. Задумавшись, он через несколько секунд разбудил Кориту и вышел в коридор. Идя вдоль него, он повсюду увидел находящихся в бессознательном состоянии людей, однако стены были яркими и чистыми. На пути в контрольный пункт он ни разу не видел изображения.

Войдя в контрольный пункт, он осторожно приблизился к спящему капитану Личу, который валялся на полу у контрольной панели. Со вздохом облегчения он включил рубильник, питающий внешний экран корабля. Через секунду Эллиот Гросвенф находился в кресле пилота, меняя курс «Космической Гончей».

Прежде чем покинуть контрольную, он поставил временной замок на механизм управления

и замкнул его на десять часов. Это было предосторожностью на случай, если один из людей очнется с убийственными наклонностями. Затем он торопливо вышел в коридор и принялся оказывать помощь пострадавшим.

Все без исключения его пациенты находились без сознания, так что об их состоянии он мог только догадываться. Там, где затрудненное дыхание указывало на шок, он давал кровяную плазму. Он вводил специальный наркотик против боли, если обнаруживал опасные ранения, и накладывал быстродействующий целебный бальзам на раны и ожоги. Семь раз — теперь уже с по — мощью Кориты — он поднимал мертвых на передвижные носилки и отправлял в госпиталь на воскрешение. Четверо воскресли, но даже после этого осталось тридцать два мертвеца, которых, как заключил после осмотра Гросвенф, не стоило даже пытаться воскрешать.

Они все еще занимались ранеными, когда служащий из отдела геологии, лежащий неподалеку, проснулся, лениво зевнул и закричал от страха. Гросвенф догадался, что проснулась память, и он с тревогой следит за подходящим человеком. Служащий озадаченно перевел свой взгляд с Кориты на Гросвенфа и, наконец, осведомился:

— Вам чем-нибудь помочь?

Вскоре им уже помогали двенадцать человек. Все они напряженно занимались своим делом, и лишь изредка брошенный взгляд или слово указывали на то, что они знали о временном душевном помешательстве, явившемся причиной этой кошмарной картины смерти и разрушения.

Гросвенф не знал о том, что уже подошли капитан и директор Мортон, пока не увидел их беседующими с Коритой. Потом Корита отошел, а оба начальника приблизились к Гросвенфу и пригласили его поговорить на контрольный пункт. Мортон молча похлопал его по спине.

«Интересно, помнит ли он что-нибудь? — подумал Гросвенф. — Спонтанная амнезия — обычное явление при гипнозе. При отсутствии у них воспоминаний убедительно объяснить то, что случилось, будет чрезвычайно сложно».

Он с облегчением вздохнул, когда капитан Лич проговорил:

— Мистер Гросвенф, оглядываясь на это бедствие, мы с мистером Мортоном поражаемся той попытке, которую вы предприняли, чтобы заставить нас осознать, что мы являемся жертвами внешней атаки. Я хочу, чтобы вы сделали сообщение на контрольном пункте о том, что в

действительности, имело место.

На подобное сообщение потребовалось больше часа. Когда Гросвенф кончил, один из слушателей поинтересовался:

— Должен ли я понимать это так, что имела место попытка дружеского контакта?

Гросвенф кивнул и буркнул:

— Боюсь, что да.

— И вы хотите сказать, что мы не можем полететь туда и разбомбить их ко всем чертям?! — крикнул человек.

— Это не дало бы нам никакой пользы, — твердо заявил Гросвенф. — Мы могли бы заглянуть к ним и установить более тесный контакт.

— Это заняло бы слишком много времени, — возразил капитан Лич. — Нам надо покрыть огромное рас — стояние. К тому же, похоже на то, что это довольно серая цивилизация.

Гросвенф заколебался, и, прежде чем он заговорил, Мортон быстро сказал:

— Что вы на это скажите, мистер Гросвенф?

— Я думаю, что критерием для вас является отсутствие вспомогательной механической помощи. Но живые организмы могут испытывать удовлетворение от того, что не имеет отношения к машинам: еда и питье, дружеские и любовные

связи. Я склонен предположить, что этот птичий народ находит эмоциональную разрядку в общем мышлении и в размножении. Были времена, когда человек имел немногим больше, и все же он называл это цивилизацией. И в те времена тоже были великие люди.

— И все же, — язвительно произнес Ван Гроссен, — вы без колебаний изменили их образ жизни.

Гросвенф сохранял хладнокровие.

— Для птиц или людей неразумно жить чересчур особым миром. Я разрешил проблему их сопротивления новым идеям, то есть сделал то, что мне пока не удалось сделать на этом корабле.

Несколько человек язвительно рассмеялись, и собрание начало разваливаться. После его завершения Гросвенф обнаружил, что Мортон разговаривает с Йеменсом, единственным, кто присутствовал от химического отдела.

Химик нахмурился и несколько раз качнул головой. Наконец, он что-то сказал и пожал Мортону руку, после чего директор подошел к Гросвенфу и тихо сообщил:

— Химический отдел вынесет оборудование из ваших помещений в течение двадцати четырех

часов с условием, что об этом инциденте никто больше не упомянет. Мистер Йемене…

Гросвенф перебил Мортона вопросом:

— Что думает об этом мистер Кент?

Мортон немного поколебался и, наконец, произнес:

— Он получил порцию газа, и поэтому ему придется несколько месяцев проваляться в постели.

— Но это больше, чем осталось до выборов.

— Да, больше. И это означает, что я вновь одержу победу на выборах, так как претендентов, кроме Кента, нет.

Гросвенф молчал, обдумывая новость. Приятно было услышать, что Мортон не уйдет со своего поста. Но как насчет недовольных, которые поддерживали Кента? Пока он раздумывал, Мортон продолжил:

— Я хочу просить вас, как о личном одолжении, мистер Гросвенф. Я убедил мистера Йеменса, что было бы неразумным продолжать линию Кента в его нападках на вас. В интересах сохранения мира я бы хотел, чтобы вы хранили молчание. Не предпринимайте попыток закрепить свою победу. Если вас начнут спрашивать, просто скажите, что происшедшее было просто несчастным случаем, но сами таких разговоров не заводите.

Вы обещаете мне это?

— Конечно… Но я хотел бы внести предложение.

— Какое?

— Почему вам не приходит в голову один ловкий ход — назвать своим преемником Кента?

Мортон взглянул на Гросвенфа сузившимися глазами, что указывало на его замешательство. Наконец, он сказал:

— Никак не ожидал от вас подобного предложения. Сам я не очень беспокоюсь о замалчивании морального облика Кента. А вообще-то, такой шаг может уменьшить напряженность, — но он все еще не был сам в этом уверен.

— Ваше мнение о Кенте, кажется, совпадает с моим? — предположил Гросвенф.

Мортон мрачно улыбнулся.

— На борту имеется много других людей, которых я предпочел бы видеть в роли директора, но ради сохранения мира я последую вашему совету.

После этого они расстались. Гросвенф ушел с более смешанными чувствами, чем он выказывал, ибо, хотя завершение атаки Кента было неудовлетворительным, у него все же сложилось впечатление, что выдворяя представителей

химического отдела из своего помещения, он выиграл стычку, а не битву. И все же это было лучшим исходом стычки, которая могла закончиться очень плохо.

Глава 7

Икстль неподвижно распластался в кромешной тем ноте. Время в вечности тянулось медленно, а пространство было бездонно черным. Сквозь его необъятность холодно смотрели туманные пятнышки света. Каждое — он это знал — было скоплением ярких солнц, уменьшенных бесконечным расстоянием до размеров светящихся крапинок тумана.

Там была жизнь, распространявшаяся на мириады планет, бесконечно вращающихся вокруг своих родительских солнц. Точно так же жизнь зародилась когда-то из первобытного Хаоса старого Глора и текла, пока космический взрыв не уничтожил его собственную могущественную расу и не выбросил его тело в глубины интергалактики.

Он жил, и это была его личная победа. Пережив катаклизмы, его почти неуничтожимое тело поддерживало себя, хотя и постепенно слабея,

с помощью световой энергии, проникающей сквозь пространство и время. Его мозг все пульсировал и пульсировал в той же старой цепи мыслей — один шанс на дециллион за то, что он снова окажется в галактической системе, а тогда даже еще меньший шанс за то, что он попадет на планету и найдет ценный гуул.

Биллион биллионов раз его мозг перебирал бесчисленные варианты. Теперь это уже стало частью его самого. Это было похоже на бесконечную картину, крутившуюся перед его мысленным взором.

Вместе с тем отдаленным светом, долетающим в черную пучину, они создавали мир, в котором он существовал. Он почти забыл о том чувствительном поле, которое создавало его тело. Века назад оно было более обширным, но теперь, когда его мощь испарилась, никаких сигналов не поступало к нему дальше, чем за несколько световых лет.

Он почти ни на что не надеялся, и тут его коснулись первые сигналы приближающего корабля. Энергия, плотность, вещество! Смутное чувство восприятия вошло в его вялое сознание. Сама мысль об энергии и веществе стала отступившей куда-то мечтой. Отдаленный краешек его

сознания, немного более чуткий, наблюдал за их появлением, за тем, как тени давно забытого выступили из окутавшего его тумана, борясь с погруженным во мрак сознанием измученного эфемерностью существования.

И потом новое, но более сильное и острое послание с отдаленной границы его поля. Его вытянутое тело выгнулось в бессмысленном конвульсивном движении. Четыре руки изогнулись в стороны, четыре ноги слепо задергались, бессмысленно брызжа силой.

Его полные изумления вытаращенные глаза перефокусировались. Почти пропавшая способность видеть возвращалась. Та часть его нервной системы, которая контролировала поле, предпринимала первые и еще несогласованные действия. Огромным усилием он перебросил ее волны с биллионов кубических миль не подававших признаков жизни, направив их на попытку установить область сильнейшего стимулирования. Даже пытаясь найти ее изо всех сил, он переместился на большое расстояние. И тут он впервые подумал об «этом», как о корабле, летящем от одной галактики к другой. Он пережил мгновения дикого страха, что корабль пройдет за границей его чувствительного поля, и контакт с ним будет

потерян навсегда, прежде чем он сможет что — ни — будь сделать.

Он позволил полю еще немного расшириться и почувствовать шок толчка, еще раз получив безошибочное подтверждение присутствия незнакомого вещества и энергии. На этот раз он прильнул к ним. То, что было его полем, стало пучком всей энергии, которое только могло собрать его слабеющее тело.

Этот пучок связал его с мощью энергии, излучаемой кораблем. Энергии оказалось больше — во много миллионов раз, чем ему требовалось. Ему пришлось отклонить ее от себя, разрядить ее в пространство и темноту. Но подобно чудовищной пиявке, он протянулся на четыре… семь… десять световых лет и истощил огромную мощь корабля. После бесчисленных лет, когда он кое-как перебивался на скудных источниках световой энергии, он не осмелился даже попытаться справиться с этой колоссальной мощью… То, что он позволил себе получить, дало шок, который вернул его тело к жизни. Осознание им открывшейся возможности наполнило его жестким напряжением. В безумной поспешности он отрегулировал свою атомную структуру и понесся вдоль пучка. На далеком расстоянии от него корабль — хотя

его энергия иссякла, он моментально вернул ее мощь — проплыл вдоль него и начал удаляться. Он удалился на целый световой год, потом на два, а потом и на три. В глубоком отчаянии Икстль понял, что корабль куда-то уйдет, несмотря на все его усилия. И тут…

Корабль остановился мгновенно. Одно мгновение он плыл со скоростью многих световых лет в день. А в следующее — он завис в пространстве, мгновенно затормозив. Он все еще находился на огромном расстоянии от Икстля, но больше не удалялся. Икстль мог догадаться о случившемся. Находящиеся на борту корабля могли узнать о его вмешательстве и намеренно остановили корабль, чтобы выяснить, что случилось. Их метод мгновенного сбрасывания ускорения указывал на чрезвычайно развитую науку, хотя Икстль и не мог решить, какой техникой ускорения они пользовались. Существовало несколько возможностей. Сам он намеревался остановиться, превратив свою огромную скорость в электронный механизм внутри своего тела. При этом процессе должно было быть весьма незначительное количество энергии. Электроны в каждом атоме будут слегка замедляться — совсем чуть-чуть — и эта микроскопическая скорость преобразуется в

движение на макроскопическом уровне.

Он находился именно на этом уровне, когда внезапно почувствовал близость корабля. А потом произошла целая вереница событий, следовавших одно за другим слишком быстро для того, чтобы их можно было успеть обдумать. На корабле включился непроницаемый для энергии экран. Концентрация такого огромного количества энергии автоматически отключило реле, которое он установил в своем теле. Это остановило и его в долю микросекунды, прежде чем он успел осознать случившееся. Если считать в расстоянии, то это произошло чуть дальше тридцати миль от корабля.

Икстль мог видеть корабль в виде световой точки, блестевшей впереди в темноте. Его экраны все еще работали, что означало при всех возможностях, что те, внутри, не смогли его обнаружить, и что он не может больше надеяться сам достичь корабля. Он решил, что чувствительный прибор, находящийся на борту корабля, Почувствовал его приближение, классифицировал его как летательный снаряд и включил защитный экран. Икстль приблизился, насколько возможно, к почти невидимому барьеру. И оттуда, прочно отделенный от предмета своих вожделений, с

жадностью смотрел на корабль.

Он был меньше чем в пятидесяти ярдах, круглое чудовище с металлическим телом, усыпанный, как бриллиантами, бесконечными рядами сверкающих световых точек. Космический корабль плавал в бархатной черноте, блестя, как огромный драгоценный камень, неподвижный, но живой, до краев наполненный жизнью. Он нес в себе ностальгию и живое напоминание о тысяче далеких планет и неукротимую, бьющую через край жизнь, которая достигла звезд и рвалась дальше. Но несмотря на происшедшее, он нес в себе надежду.

До этого мгновения ему приходилось тратить столько физических усилий, что он весьма смутно представлял себе, что могло означать для него достижение цели. Его сознание, пришедшее за века к полному отчаянию, билось, как в исполинских тисках. Ноги и руки сверкали, как языки живого огня, корчась и извиваясь в свете иллюминаторов. Его рот, похожий на глубокую рану на карикатурном подобии человеческой головы, пускал белый иней, который уплывал белыми морозными снежинками. Его надежда была так велика, что мысли о ней продолжали крутиться в его сознании и пеленой застилали

его глаза. Несмотря на туман, он видел широкую струю света, бившую из круглой выпуклости на металлической поверхности корабля. Выпуклость превратилась в огромную дверь, которая открылась, отойдя в сторону.

Через некоторое время в поле его зрения появились двуногие существа, что-то около дюжины. На них были надеты почти прозрачные скафандры и они тащили или вели за собой огромные плывущие машины. Машины быстро сгрудились вокруг маленькой площадки на поверхности корабля. Вырвавшееся из них пламя казалось на расстоянии небольшим, но его ослепительный блеск указывал или на огромную температуру или на сильную радиацию. Было очевидно, что ремонтные работы ведутся на авральных скоростях.

С безумной быстротой Икстль обследовал экран, ища слабое место, но не нашел ничего. Слабостей не оказалось. Сила была слишком полной, площадь ее действия — слишком большой. Он ничего не мог ей противопоставить и почувствовал это еще на расстоянии. Теперь он смотрел реальности в лицо. Работа — Икстль видел, что толстая секция внешней обшивки снята и заменена новой — закончилась почти так же быстро,

как и началась. Шипящее пламя сварки исчезло в темноте. Машины были спущены в отверстие на поверхности. Двуногие существа спустились вслед за ними. Обширная поверхность корабля стала внезапно такой же пустынной, как и окружающее пространство.

Шок происходящего едва не помутил разум Икстля. Он не мог позволить уйти им сейчас, когда вся Вселенная была почти раскрыта для него — всего лишь в нескольких ярдах. Его руки вытянулись, как будто могли удержать корабль. Разум устремился в черную безбрежную пучину отчаяния, но удержался на ее последней грани в последнее мгновение.

Большая дверь мягко повернулась. Сквозь кольцо света скользнуло одинокое существо и вновь направилось к зоне, где только что происходил ремонт. Существо что-то подобрало и стало возвращаться к открытому шлюзу. Оно все еще находилось на некотором расстоянии от него, когда обнаружило Икстля.

Существо внезапно замерло, будто получив шок. В свете иллюминаторов его лицо было ясно видно за прозрачным скафандром. Глаза существа были выпучены, а рот раскрыт. Потом оно, казалось, пришло в себя, его губы быстро

задвигались. Через минуту из шлюза выплыла группа существ, и все они уставились на Икстля. Вероятно последовала дискуссия, поскольку их губы шевелились не одновременно, а сначала у одного индивида, потом — у другого.

Затем через шлюз проплыла широкая клетка с металлическими прутьями. На ней сидели двое, и у Икстля создалось впечатление, что клетка движется своим ходом. Икстль догадался, что его будут забирать в качестве трофея. Заполненный до краев любопытством, он даже не ощутил, как его подняли. Он чувствовал себя, как под действием наркотика, навевающего сон. Испуганный, он пытался бороться с надвигающимся оцепенением. Ему понадобится вся его бдительность, если его расе, обладающей богатством самых разнообразных знаний, суждено возродиться.

Глава 8

Как, черт возьми, что-то может жить в межгалактическом пространстве?

Напряженный до неузнаваемости голос прозвучал в скафандре Гросвенфа. Он находился вместе с другими неподалеку от шлюза. Ему показалось, что этот вопрос заставил небольшую группу

людей поближе придвинуться друг к другу. Для него же было недостаточно близости других. Он слишком хорошо понимал ту неосязаемую и непостижимую тьму, что сомкнулась вокруг них, давя на каждого.

Почти впервые с начала путешествия безбрежность черноты поразила Гросвенфа. Он слишком часто смотрел на нее внутри корабля и стал к ней безразличен. Но сейчас он внезапно осознал, что самые далекие для человека звездные границы являются лишь хрупкими, как хрусталь, мостиками по сравнению с этой темнотой, что простирается во всех направлениях на биллионы световых лет.

Испуганное молчание нарушил голос директора Мортона:

— Вызывается Гюнли Лестер… Гюнли Лестер.

После короткой паузы послышался голос:

— Да, директор?

Гросвенф узнал голос главы астрономического отдела.

— Гюнли, есть задача для вашего астро — математического мозга. Но будете ли вы так добры, сообщить коэффициент вероятности появления «Гончей» точно в той же точке пространства, где плавала эта хреновина? Постарайтесь решить

проблему за несколько часов.

Его слова еще ярче сфокусировали всю сцену. Для математика Мортона это было типичным — давать другим возможность проявить себя там, где он был мастером…

Астроном рассмеялся и откровенно заявил:

— Мне не придется производить вычисления. Необходима новая система цифр, чтобы можно было выразить эту невероятность арифметически. С точки зрения математики, то, что случилось, просто не могло случиться. Но мы здесь — корабль с человеческими существами, остановившийся для ремонта на полпути между двумя галактиками, первый корабль, посланный за пределы острова нашей Вселенной. Итак, повторяю: мы здесь — крошечная точка, которая пересеклась с другой, заранее подготовленной крошечной точкой. Это невозможно, если только пространство не кишит подобными существами.

Гросвенфу показалось, что это наиболее вероятное объяснение. Причина и следствие происшедшего могли находиться в самой простой связи. Дыра, прожженная в стене аппаратной, потоки энергии, хлынувшие в пространство… Теперь они остановились для ремонта. Он уже открыл было рот, чтобы все это высказать, но

тут же заткнулся. Существовал еще один фактор, фактор сил и возможностей, связанных с этим предположением. Какая сила должна была понадобиться для того, чтобы за несколько минут впитать мощность ядерного реактора? Он быстро подсчитал и покачал головой. Число было таким колоссальным, что гипотеза, которую он хотел предложить, казалось, автоматически исключалась. Окажись среди них тысяча тех, котообразных, и они не смогли бы справиться с таким количеством энергии. А это означало, что дело тут было не в существах, а в механизмах.

— На типа с такими внешними данными следовало бы сразу направить передвижной нагреватель, — предложил кто-то.

Гросвенф явственно ощутил ярость в голосе говорившего. Коммуникатор, вероятно, тоже ее отразил, потому что когда директор Мортон заговорил, интонации его голоса указывали на то, что он пытался разрушить холодность остальных.

— Сущий красный дьявол, выпрыгнувший из ночного кошмара, страшный, как смертный грех и, возможно, такой же безобидный, каким был наш прекрасный кот. Скит, что вы думаете?

— Это существо, насколько я могу отсюда судить, имеет руки и ноги, что указывает на чисто

планетарную эволюцию. Если он обладает умственным потенциалом, он начнет выказывать реакцию на изменение среды вокруг него с того момента, как очутится внутри клетки. Он может оказаться древним мудрецом, размышляющим в тишине пространства, где никто и ничто не отвлекает. Возможно, это юный самоубийца, приговоренный к изгнанию, одержимый желанием вернуться домой и продолжить жизнь в своей цивилизации…

— Я бы хотел, чтобы вместе с нами вышел Корита, — произнес Пеннос, глава инженерного отдела, в своей спокойной практичной манере. — Его исследования относительно кота на кошачьей планете позволили нам понять, с чем мы имеем дело, и…

— Говорит Корита, мистер Пеннос, — как обычно, голос японского археолога звучал в коммуникаторе ясно и четко. — Подобным манером, как и многие другие, я следил за репортажем о случившемся и должен признать — изображение существа на экране весьма меня впечатлило. Но я опасаюсь, что исследования на основе цикличности истории были бы опасны на данной, лишенной фактов, стадии. В случае с котом мы могли опираться на пустынную, почти лишен-

ную еды планету, на которой он проживал. Не забудьте и об архитектуре разрушенного города. Но сейчас мы имеем дело с существом, живущим в пространстве, в четверти миллиона световых лет от ближайшей планеты — существующим, вероятно, без еды и без средств пространственного сообщения. Предлагаю следующее: держите экран включенным, кроме того момента, когда будет вноситься клетка. Когда существо окажется в клетке, изучайте каждое его действие, каждую реакцию, делайте снимки его внутренних органов, работающих в пустоте. Узнайте о нем все, чтобы мы знали, что берем на борт. Нам необходимо избежать убийства или риска быть убитыми. Следует предпринять самые большие меры предосторожности.

— Это имеет смысл, — вмешался Мортон.

И он принялся отдавать приказания. Из корабля были выгружены разнообразные машины. Они были установлены на гладкой поверхности корабля, кроме массивных флюоритовой камеры. Она была прикреплена к подвешенной клетке.

Гросвенф с тревогой следил, как директор отдавал последние распоряжения людям, руководившим установкой клетки.

— Откройте дверь как можно шире, — говорил

Мортон, — и опустите на него клетку. Не позволяйте ему ухватиться за прутья.

Гросвенф подумал: «Теперь или никогда! Если у меня имеются возражения, я должен высказаться сейчас!» Но говорить оказалось нечего. Он мог описать лишь свои смутные опасения. Он повторить объяснение Гюнли Лестера в его логической последовательности и сказать, что случившееся не было случайностью. Он даже мог предположить, что корабль красных, дьявольского вида чудовищ поджидал поодаль, пока их товарища не подберут.

Но факт был непреложным: были приняты все меры предосторожности. Если корабль существовал, то открывая защитный экран лишь для того, чтобы пропустить клетку, они предлагали минимальную цель. Могла быть сожжена внешняя оболочка и убиты люди, находившиеся на ней, но сам корабль находился в безопасности.

Враги должны были понять, что их атака не принесет никакой пользы. Они обнаружат против себя великолепную армию и вооруженное судно, ведомое расой, которая может выдержать самые жестокие и кровавые битвы.

Достигнув в своем размышлении этой точки, Гросвенф решил воздержаться от замечаний.

Пока он придержит свои сомнения.

Вновь заговорил Мортон:

— У кого-нибудь имеются замечания?

— Да! — этот голос принадлежал Ван Гроссену. — Я склонен произвести исследования этого существа. Подробные исследования займут от недели до месяца.

— Вы хотите сказать, — проговорил Мортон, — что мы должны сидеть здесь в пространстве, пока наши технические эксперты изучают данное чудовище?

— Конечно, — подтвердил глава физического отдела.

Несколько секунд Мортон молчал, потом заявил:

— Мне придется обсудить этот вопрос с другими, мистер Ван Гроссен. Наша экспедиция — исследовательская. Мы оснащены таким оборудованием, чтобы брать образцы сотнями. Как ученые, все мы прошли суровую школу. Все должно быть исследовано. Но я не уверен, что не будет крупных возражений, если мы будем рассиживаться в пространстве по месяцу из-за каждого образца, который хотим взять с собой. И заключаться они будут в том, что вместо пяти или десяти лет наше путешествие затянется, в

таком случае, на пятьсот лет. Я предлагаю это возражение лично от себя. Конечно, каждый образец должен быть изучен с тем, чтобы мы могли поступать с ним соответственно.

— Я считаю, — твердо заявил Ван Гроссен, — что нужно все хорошенько обдумать.

— Есть возражения? — осведомился Мортон. Поскольку все молчали, он спокойно закончил: — Отлично, мальчики, идите его ловить!

Глава 9

Икстль ждал… Его мысли продолжали крутиться в калейдоскопе воспоминаний обо всем, что он когда-то знал и о чем размышлял. Перед ним возникло видение его родной, давно погибшей планеты. Оно принесло с собой гордость и презрение к этим двуногим существам, которые действительно надеялись захватить его в качестве трофея. Он помнил время, когда его раса могла контролировать через пространство всю солнечную систему своей звезды. Это было раньше, когда они обходились без космических путешествий как таковых и наслаждались спокойным существованием, черпая красоту из естественных сил, ожидая продления процесса

воспроизведения.

Икстль наблюдал за тем, как клетка безошибочно движется к нему. Она с успехом прошла через открывшееся в экране отверстие, мгновенно за ней закрывшееся. Процесс переноса прошел весьма гладко. Даже если бы он захотел, у него не было особых шансов на то, что он сумеет открыть экран в короткий момент прохождения клетки. Но он не имел желания делать это. Он обязан быть осторожен, с тем, чтобы не сделать даже простенького выражающего враждебность действия, пока не окажется внутри корабля. Сооружение с металлической решеткой медленно поплыло к нему. Двое руководивших его движением были встревожены и держались настороже. Один из них держал какое-то оружие. Икстль решил, что это разновидность атомного оружия. Это на — полнило его почтительностью, хотя он тут же признал ограниченность подобного оружия. Здесь оно еще могло быть использовано, но внутри корабля они не посмеют прибегнуть к такому мощному виду энергии.

Все яснее, все ярче вырисовывалась его цель. На борт! Проникнуть внутрь!

Как будто для того, чтобы еще больше укрепить его решимость, над ним навис зев клетки. Метал-

лическая дверь бесшумно захлопнулась. Икстль потянулся к ближайшей решетке, ухватился за нее и остался в таком положении. Так он лежал, свободный от всяких реакций. Ведь он был в безопасности — действительность ограждения Давала отдых его сознанию. Это касалось как его тела, так и его психики.

Свободные электроны в массе высвобождались их Хаотического переплетения находящейся в его теле атомной системы и в безумной поспешности искали союза с Другими системами. Он был в безопасности после квадриллионов лет отчаяния. В безопасности на материальном теле. Не важно, что еще может случиться: контроль энергетического источника его клетки — двигателя навсегда освободил его от прошлой невозможности управлять своими движениями. Никогда больше он не будет предметом влияния, равно как и слабого противодействия отдаленных галактик. Защищенный оболочкой, он сможет путешествовать в любом желаемом направлении, и все это давала ему одна только клетка.

Как только он зацепился за решетку, его клетка на — чала двигаться к поверхности корабля. Защитный экран, как только они к нему приблизились, разошелся и вновь за ними сомкнулся.

Люди наверху казались очень маленькими. То, что они нуждались в скафандрах, указывало на неспособность приспосабливаться к окружающей среде, а это в корне отличало их от него и означало, что физически они находились на низкой стадии процесса эволюции. Тем не менее, было бы неразумным принижать их научные достижения. Они обладали мозгом, способным создать и использовать могучие машины. И теперь они пользовались огромным количеством этих машин, очевидно с целью его изучения. Они могли раскрыть, по крайней мере, несколько из его жизненных процессов. Он не мог допустить, чтобы это исследование было проделано.

Икстль заметил, что некоторые существа имеют не по одному, а по два вида оружия. Инструменты были убраны в кобуру, прикрепленную к каждому скафандру. Одним из видов оружия был атомный пистолет, с угрозой применения которого он уже сталкивался. Другое имело блестящую рукоятку. Он определил, что это вибрационный пистолет. Люди, находящиеся на клетке, тоже были вооружены такими же пистолетами.

Когда клетка была установлена в наспех оборудованной лаборатории, сквозь узкое пространство между прутьями просунули камеру.

Это было то, что нужно. Икстль без всякого усилия поднялся к потолку. Его зрение напряглось и стало чувствительным к самой короткой частоте. Источник мощности вибратора сделался ему виден ясно, как яркое пятно, находящееся в пределах досягаемости.

Одной из восьми рук с пальцами, похожими на перекрученную проволоку, он с неописуемой быстротой проник сквозь металл клетки, и вот вибратор из кобуры существа, находящегося на клетке, уже у него. Он не стал менять его атомную структуру, как он изменил структуру своей руки. Было важно, чтобы они не догадались, кто стрелял. Изо всех сил стараясь закрепить свое шаткое положение, он направил оружие на камеру и на людей, стоящих за ней, и нажал спуск.

Одним движением Икстль разрядил вибратор, отдернул руку и, сыграв свою роль, опустился на пол. Его мгновенный страх ушел. Чистая молекулярная энергия срезонировала в камеру и подействовала, до некоторой степени, на большую часть приборов во временной лаборатории. Чувствительная пленка стала бесполезной, изумительный излучатель необходимо было установить снова, все приборы проверять и перепроверять, каждую машину опробовать на

всех режимах. Вероятно, даже возникла необходимость замены всего оборудования. Но самым удачным было для него то, что все случившееся должно было рассматриваться как несчастный случай.

Гросвенф услышал ругань в коммуникаторе и с облегчением понял, что другие, как и он, боролись с проникающей в тело и причиняющей острую боль вибрацией, лишь частично задержанной и ослабленной материалом их скафандров. Зрение медленно возвращалось к нему. Теперь он снова мог видеть резной металл, на котором стоял, а за ним короткий пустой гребень корабля и бесконечные мили пространства — темная, бездонная, немыслимая пропасть. В тени поодаль он видел пятно металлической клетки.

— Прошу прощения, директор, — извиняющимся тоном произнес один из стоящих на клетке людей. — Вероятно, у меня из кобуры выпал вибратор и разрядился.

Гросвенф быстро заметил:

— Директор, это объяснение неправдоподобно ввиду практического отсутствия гравитации.

— Может, я ударил по нему, не заметив этого, — продолжил человек, чье оружие явилось причиной беспорядка.

Послышалось бормотание Скита. Биолог пробурчал нечто вроде: «рожистое воспаление… страбизмия… ста — мотогения…» Остальное Гросвенф не расслышал, но догадался, что это собственный набор ругательств биолога. Скит медленно выпрямился и сказал:

— Минутку, я попытаюсь припомнить, что я видел. Я был здесь, на линии огня… да… здесь, когда мое тело начало пульсировать, — помолчав немного, он уверенно добавил: — Я не могу в этом поклясться, но сразу перед тем, как вибрация ввела меня в шок, существо шевельнулось. Мне показалось, что оно вскочило на потолок. Согласен с тем, что было слишком темно для того, чтобы разглядеть что-то другое, нежели пятно, но… — он оставил фразу недоконченной.

— Крибл, осветите клетку и давайте все вместе посмотрим, что там происходит, — попросил Мортон.

Вместе с остальными, Гросвенф смотрел, как луч света осветил Икстля, скрючившегося на полу клетки. И тут, против своей воли, он замер, пораженный. Почти красный металлический блеск цилиндрического тела чудовища, глаза, похожие на пылающие угли, удивительно напоминающие скрюченную проволоку пальцы на

руках и ногах, и общая жуткая уродливость алого чудовища, испугали его.

Сидл едва слышно прошептал в коммуникатор:

— Возможно, он очень красивый, но для себя!

Эта попытка сострить прервала паузу ужаса. Один из присутствующих твердо заявил:

— Если жизнь есть развитие, причем развитие только на пользу, то как может существо, живущее в пространстве, иметь настолько развитые руки и ноги? Интересно бы взглянуть на его внутренности, но теперь камера стала бесполезной. Вибрация наверняка испортила линзы. И пленка, конечно, засвечена. Нужно менять?

— Не — е — т! — в голосе Мортона прозвучало сомнение, но продолжал он уже твердо: — Мы потратим много времени. В конце концов, мы можем воссоздать вакуум пространства внутри лабораторий корабля, и путешествовать, пока мы будем это делать с предельным ускорением.

— Должен ли я понять вас так, что мое предложение игнорируется? — это был физик Ван Гроссен. — Вы помните, что я рекомендовал, по крайней мере, недельное изучение этого существа, прежде чем брать его на борт.

Мортон заколебался и спросил:

— Есть еще возражения? — в его голосе послышался интерес.

— Я не знаю, — произнес Гросвенф, — стоит ли нам бросаться от крайности принятия чрезвычайных мер предосторожности к крайности неприятия их вообще.

— Кто еще хочет высказаться? — спокойно осведомился Мортон, и поскольку никто не ответил, прибавил: — Скит?

— Очевидно, — сказал Скит, — рано или поздно придется взять его на борт. Мы не должны забывать о том, что существо, обитающее в пространстве, является самым необычным из всех нами встреченных. Даже кот, который одинаково хорошо чувствовал себя и в хлорной, и в кислородной среде, нуждался в какого-то рода тепле, и отсутствие давления было бы для него смертельно. Если, как мы подозреваем, естественной средой обитания этого существа является не пространство, то мы должны узнать, почему и как он очутился там, где мы его нашли.

Мортон нахмурился.

— Насколько я понимаю, нам придется проголосовать. Мы могли бы закрыть клетку металлом с внешним экраном на нем. Это вас устроит, Ван Гроссен?

— Теперь мы ближе к существу дела, но у нас еще будут споры, прежде чем будет снят защитный экран.

Мортон рассмеялся.

— Поскольку мы вновь заодно, вы с остальными можете обсуждать все доводы «за» и «против» до конца путешествия, — он снова стал серьезным. — У кого есть возражения? Гросвенф!

Гросвенф покачал головой.

— Экран представляется мне эффективной мерой, сэр.

— Прошу высказываться всех, кто против, — все снова промолчали, и директор отдал команду людям на клетке: —Двигайте эту штуку сюда, чтобы мы могли подготовить ее для экранизации.

Когда заработали моторы, Икстль ощутил слабую вибрацию в металле. Он увидел, как двинулись решетки, затем в нем возникло резкое приятное чувство дрожи. Это было следствием физической активности его тела, и все возрастая, она затрудняла работу его мозга. Когда он снова мог размышлять, пол клетки висел над ним, а он лежал на твердой внешней оболочке корабля.

Он с рычанием вскочил на ноги, поняв правду. Он позабыл перестроить атомы своего тела после того, как разрядил вибратор. И теперь он прошел

сквозь металлический пол клетки.

— Великий боже! — басистый голос Мортона едва не оглушил Эллиота Гросвенфа.

Алая полоска вытянутого тела Икстля метнулась сквозь темное пространство непроницаемого металла внутренней системы корабля к воздушному шлюзу, и он нырнул в его ослепительную глубину. Затем Икстль заставил тело раствориться в двух внутренних дверях и оказался в конце длинного, слабо освещенного коридора, в безопасности — на мгновение. Было еще одно важное обстоятельство. В надвигающейся борьбе за овладение контролем над кораблем у него было одно важное преимущество, если не считать его индивидуального превосходства. Та сторона еще не знала величия его цели.

Глава 10

Прошло двадцать минут. Гросвенф сидел в одном из кресел аудитории контрольного пункта и наблюдал за тем, как на одном из ярусов, ведущих к главной секции, тихо совещались Мортон и капитан Лич. Помещение было забито людьми. За исключением охраны, оставшейся в опорных пунктах, всем было приказано присутствовать

тут и поблизости. Судовая команда и офицеры, главы отделов и их подчиненные, администраторы и различные работники, не принадлежащие к определенным отделам — все собрались здесь или в прилегающих коридорах.

Прозвенел звонок. Шум разговоров постепенно стих. Снова прозвенел звонок и вперед выступил капитан Лич.

— Джентльмены… Возникающие проблемы не дают нам скучать, не так ли? Я начинаю думать, что военные недостаточно верно оценивают ученых. Я думал, что они живут своей жизнью в лабораториях и далеки от опасности. Но мне начинает казаться, что ученые могут найти беду там, где ее и не было… — он немного поколебался, но все же продолжал сухо и насмешливо: — Мы с директором Мортоном сошлись на том, что данная проблема занимает не только военных. Поскольку существо очень велико, то им должны заняться все. Вооружайтесь, разбивайтесь на пары или на группы, чем больше, тем лучше. — Он снова обежал взглядом аудиторию и мрачно заявил: — С вашей стороны было бы глупостью полагать, что сложившаяся ситуация не несет в себе опасности или смерти некоторым из нас. Может быть, вам… Настройте себя на это и со-

гласитесь с такой возможностью. Но если кому выпадет вступить в контакт с опасным чудовищем, защищайтесь до последнего. Старайтесь забрать его на тот свет вместе с собой, не страдайте и не погибайте понапрасну. А теперь, — он повернулся к Мор — гону, — директор проведет обсуждение, касающееся применения против нашего врага самых выдающихся научных знаний, которыми мы располагаем на борту этого корабля. Мистер Мортон, прошу вас!

Мортон медленно вышел вперед. Его большое и сильное тело казалось меньше из-за гигантского щита за его спиной, но все равно выглядел он весьма внушительно. Серые глаза директора вопросительно оглядели ряды лиц, не задержавшись ни на одном. Вероятно, он просто пытался понять общий настрой сообщества. Начал он с того, что похвалил капитана Лича за его позицию, а потом проговорил:

— Я исследовал собственные воспоминания о случившемся и думаю, что могу честно сказать: никого, даже меня, нельзя винить за то, что существо оказалось на борту. Как вы помните, было решено перенести его на борт корабля в окружении силового поля. Подобная предосторожность удовлетворила даже самых придирчивых кри-

тиков, но, к несчастью, она не была принята вовремя. Существо проникло на корабль, пользуясь методом, предусмотреть который было невозможно. — Он замолчал и взгляд его умных глаз обежал собравшихся еще раз. — Или у кого-нибудь было нечто более сильное, чем предчувствие? Если так, то поднимите, пожалуйста, руку.

Гросвенф вытянул шею, чтобы лучше видеть, но поднятой руки не заметил. Он вернулся на сиденье и был несколько ошеломлен, обнаружив, что взгляд директора уперся именно в него.

— Мистер Гросвенф, была ли некзиальная наука в состоянии предсказать, что данное существо способно переносить свое тело сквозь стены?

— Нет, не могла, — четко ответил Эллиот.

— Благодарю вас, — кивнул Мортон.

Казалось, он удовлетворился этим ответом, поскольку никого больше ни о чем не спросил. Гросвенф уже догадался, что директор пытался оправдать собственную позицию. То, что он ощутил необходимость подобного шага, было печальным фактом политической жизни на корабле. Гросвенфа особенно заинтересовало то, что директор обращался к некзиализму как к высшей инстанции.

— Сидл, — снова заговорил Мортон, — дайте нам психологическую оценку случившегося.

Глава психологического отдела поднялся и сказал:

— Приступая к вопросу о поимке чудовища, мы должны прежде всего уяснить его суть. У него есть руки и ноги, но он плавает в пространстве и остается живым. Он позволил поймать себя в клетку, зная, что она его не удержит. Потом он выскальзывает через дно клетки, что очень глупо с его стороны, если только он не хотел, чтобы мы знали об этих его способностях. Имеется причина, по которой разумное существо делает ошибку, веская причина, которая может предоставить нам возможность для остроумной догадки, откуда он происходит и, конечно, анализа его пребывания здесь. Скит, проанализируйте его биологическую сущность.

Поднялся мрачный и долговязый Скит.

— Мы уже обсуждали планетарное происхождение его рук и ног. Способность жить в пространстве, если это вообще имеет отношение к эволюции, сама по себе — замечательное явление. Я предполагаю, что мы имеем дело с представителем расы, разрешившей конечные тайны биологического начала, и если бы я знал,

как надо хотя бы взяться за поиски существа, которое может убегать от нас коварным путем, даже сквозь стены, мой совет был бы таким: выгоните его и убейте.

— Э — э — э… — промямлил социолог Келли. Это был лысоголовый сорокапятилетний человек с большими умными глазами. — Э — э — э… любое существо, могущее жить в безвоздушном пространстве, должно бы стать богом Вселенной. Такое существо может жить на огромных, беспредельных просторах Вселенной на любой планете, и добираться до любой галактики. Но наверняка нам неизвестно, что его раса населяет территорию нашей галактики. Парадокс, который стоит исследовать.

— Я не совсем понимаю, Келли, что вы имеете в виду, — произнес Мортон.

— Просто… э… раса, которая разрешила конечную проблему биологии, должна быть на века впереди людей, обладая способностью адаптироваться с поражающей нас легкостью в любой окружающей среде. Согласно закону жизненной динамики, оно бы стремилась к дальним пределам Вселенной, точно так же, как это делает человек.

— Да, но тут имеется противоречие, — заявил

Мортон, — и оно, кажется, доказывает, что это не суперсущество… Корита, какова ваша точка зрения?

Японец учтиво поклонился, встал и сказал:

— Боюсь, что не смогу оказать сообществу большой помощи. Вам ведь знакома превалирующая теория — жизнь развивается по вертикали — что бы ни имели в виду под понятием «вертикаль». Имеется серия циклов… Каждый цикл начинается с крестьянина, обрабатывающего свой участок земли. Крестьянин идет на рынок, и место рынка медленно преобразуется в город, с уже меньшей внутренней связью с землей. Потом мы имеем города и нации и, наконец, лишенные почвы огромные города и разрушительную борьбу за власть, серию разрушительных войн, переносящих людей в феллаханскую эпоху и снова к примитивизму, в новую эру развития крестьянства.

— Но он уже совершил ошибку! — угрюмо выпалил Ван Гроссен. — Он самым глупым образом провалился сквозь пол клетки. Это не того рода ошибка, которую бы мог сделать крестьянин!

— А если предположить, что он находится на крестьянской стадии развития? — предположил Мортон.

— Тогда, — ответил Корита, — его основные импульсы были бы гораздо проще. На первое место выступило бы желание воспользоваться активным размножением, иметь сына и знать, что его кровь будет продолжать жить в потомках. При наличии огромных умственных способностей, этот импульс мог бы у суперсуществ принять форму фантастического стремления к расовому превосходству. Это все, что я хотел сказать.

Мортон стоял на ярусе контрольного мостика и уверенно смотрел на собрание специалистов. Его взгляд остановился на Гросвенфе, и директор сказал:

— Недавно я пришел к выводу, что некзиализм как наука может нести в себе новый подход к решению проблемы. Поскольку это всеобъемлющий подход, основанный на совокупности знаний, он может помочь нам принять быстрое решение в обстановке, когда быстрота решения особенно важна. Гросвенф, сообщите нам, пожалуйста, вашу точку зрения на существо вопроса.

Гросвенф быстро встал и обратился к присутствующим:

— Я могу дать вам заключение, базирующееся на моих наблюдениях. Я мог бы предоставить вам маленькую собственную теорию относительного

того, как мы вошли в контакт с чудовищем — каким образом реактор, подчеркиваю, атомный реактор, оказался лишенным энергии, в результате чего нам пришлось чинить внешнюю стенку аппаратной. Тут было некоторое количество дающих указание временных интервалов, но чем развить эти основные положения, я предпочел бы рассказать вам о том, как нам следовало бы прикончить чудовище…

Неожиданно его прервали. Полдюжины людей проложили себе путь через толпу у дверей. Гросвенф умолк и вопросительно взглянул на Мортона, который, в свою очередь, посмотрел на капитана Лича. Капитан направился навстречу прибывшим, и Гросвенф увидел, что одним из них был Пеннос, глава инженерного отдела.

— Кончено, мистер Пеннос? — осведомился капитан Лич.

— Да, сэр, — кивнул тот и добавил: — Необходимо, чтобы каждый человек был одет в прорезиненный костюм, перчатки и обувь.

Капитан Лич обратился к присутствующим и объяснил:

— Мы пропустили ток через стены, окружающие спальни. Могли возникнуть промедления в поимке чудовища, и мы хотели бы исключить

возможность быть убитыми в постелях… Мы… — запнулся он и быстро спросил: — Что это, мистер Пеннос?

Пеннос посмотрел на маленький прибор в своей руке и спросил:

— Здесь все, капитан?

— Да, кроме охраны в моторной части и в аппаратном отсеке.

— Тогда… тогда в заряженных стенах что-то поймано. Быстро! Мы должны его окружить!

Глава 11

Для Икстля, вернувшегося к верхним этажам после об следования нижних, удар оказался неожиданным и опасным. Он только что самодовольно думал о металлических основаниях трюма корабля, где можно спрятать свои гуулы, а в следующей момент он уже был захвачен яростно искрившимся экраном энергии.

Агония помутила его разум. Масса электронов внутри его тела вырвалась на свободу. Они катились от системы к системе, нарушая их единство, с силой сталкиваясь с атомными системами, упорно остающимися устойчивыми. В течении этих бесконечных роковых мгновений, удивитель-

но уравновешенная, податливая его структура почти нарушилась. Его спасло то, что даже эта опасность, в конечном счете, была предусмотрена выдающимся гением его расы. Производя искусственную эволюцию в его теле и в своих собственных, они не забыли о возможности внезапного проникновения жесткой радиации. С быстротой молнии его тело вывернулось — перевернулось, и каждая вновь возникающая комбинация проделывала непостижимую работу в мельчайшие доли секунды. А потом он резко оттолкнулся от стены и оказался вне опасности.

Затем Икстль сконцентрировал разум на мгновенных возможностях. Защитная силовая стена должна иметь связанную с ней систему тревоги. Это означало, что люди оцепили все ближайшие коридоры и предпримут попытку загнать его в угол. Глаза Икстля вспыхнули, как чаши с огнем, когда он осознал эту возможность. Они должны будут рассыпаться в разные стороны, и тогда он сможет схватить одного из них и исследовать на предмет нужд гуула. Потом можно будет использовать его для создания первого гуула.

Нельзя было терять время. Он нырнул в ближайшую незаряженную стену в обличье большого яркого неуклюжего существа. Не останавливаясь,

он пронесся по комнатам, строго придерживаясь направления параллельного оси главного коридора. По пути его чувствительные глаза следили за неясными очертаниями человеческих фигур. В этом коридоре их было — один… три… пять. Пятый находился на некотором расстоянии за другими. Это было сравнительно маленькое преимущество, но Икстль и не нуждался в другом.

Как бесплотный дух, он скользил через стену и выскочил прямо перед последним человеком, послав вперед сильный заряд. Теперь он был уставшим, но ужасным чудовищем с горящими глазами и оскаленной пастью. Икстль протянул вперед четыре руки и с огромной силой сжал человека. Тот рванулся в последнем усилии и упал, потрясенный. Он лежал на спине, и Икстль видел, как открывался и закрывался его рот в серии неровных движений. Всякий раз, когда рот открывался, Икстль ощущал резкое пощипывание в ногах; Определить природу этого пощипывания было нетрудно. Это был зов клеток о помощи. Икстль с ревом рванулся вперед и ударил одной рукой по рту человека. Тот мгновенно обмяк, но все еще был жив и в сознании, и Икстль запустил в него две руки.

Эта акция, казалось, доконала человека, и он

перестал сопротивляться. Широко раскрытыми глазами смотрел он, как длинные тонкие руки чудовища исчезли под его рубашкой и скрылись в груди. Затем он в ужасе уставился на склонившееся над ним кроваво-красное чудовище. Плоть внутри тела человека оказалась весьма солидной. Икстлю необходимо было найти открытое пространство, или пространство с сильным давлением, но таким, чтобы оно не убило его жертву. Ибо для его целей была нужна живая плоть.

Скорее, скорее! Его ноги отметили вибрацию приближающихся шагов. Они доносились лишь из одного коридора и быстро приближались. Он мгновенно перевел свои ищущие пальцы в полутвердое состояние, и в это мгновение нащупал сердце. Человек конвульсивно Дернулся, застыл и умер. Мгновение позже ищущие пальцы Икстля нащупали желудок и кишечник. Он откинулся назад, яростно кляня себя. Здесь было то, в чем он нуждался, а он так бессмысленно его утратил. Икстль медленно выпрямился. Его злоба и раздражение улетучились, ведь он не представлял себе, что эти умные существа так легко умирают. Это в корне меняло дело и все упрощало. Они были в его власти, а не он в их. И в обращении с ними ему нужно было принимать

лишь поверхностные меры предосторожности.

Из-за ближайшего угла выбежали двое людей с вибраторами и… замерли при виде призрака, который скалился на них с тела их товарища. Едва они оправились от изумления, как Икстль вошел в ближайшую стену. Одно мгновение он был алым пятном на фоне яркого света в коридоре, и вот он уже исчез, как будто его никогда и не было. Икстль ощутил вибрацию от оружия, когда бесполезный поток энергии ударил вслед за ним в стену. Теперь его план стал ему ясен. Он захватит пол — дюжины людей и сделает из них гуулов. Потом он сможет убить остальных, поскольку они не будут ему нужны. Сделав это, он сможет полететь к галактике, к которой, очевидно, направлялся корабль, и взять под контроль первую обитаемую планету. После установления власти над всеми достижимыми местами Вселенной можно будет и успокоиться. Все это будет вопросом времени.

Вместе с некоторыми другими людьми Гросвенф стоял у стенного коммуникатора и наблюдал за изображением собравшихся вокруг погибшего техника. Он хотел бы находиться у места происшествия, но на то, чтобы туда добраться, ему потребовалось бы несколько минут. И на это вре-

мя он оказался бы оторванным от происходящего. Гросвенф предпочитал наблюдал отсюда, чтобы ничего не упустить.

Мортон стоял возле ближайшего экрана, менее чем в трех футах от того места, где доктор Эгарт склонился над телом мертвого техника. Вид у него был жалким, напряженным, по лицу ходили желваки. Когда он заговорил, его голос был чуть громче шепота. И все же его слова врезались в молчание, как удар хлыста.

— Итак, Эгарт?

Доктор, стоявший на коленях возле тела, выпрямился и повернулся к Мортону. Это движение заставило его оказаться лицом к экрану. Гросвенф увидел его хмурое лицо.

— Разрыв сердца, — буркнул он.

— Разрыв сердца?

— Да, да! — доктор поднял руки, как будто защищаясь. — Я знаю, что его зубы выглядят так, будто их вбили ему в мозг. Я много раз осматривал его и знаю, что сердце у него было превосходное. Тем не менее, я констатирую разрыв сердца.

— Я могу в это поверить, — мрачно произнес один из людей. — Когда я выбежал из-за угла и увидел эту тварь, у меня у самого чуть не случился разрыв сердца.

— Мы зря теряем время, — Гросвенф узнал голос Ван Гроссена раньше, чем увидел его стоящим между двумя людьми по другую сторону от Мортона. Физик продолжал: — Мы можем справиться с этим чудовищем, но не болтовней о нем и растерянностью каждый раз, как он шевельнется. Если я окажусь следующим в списке его жертв, то я хочу знать, что лучшее, черт побери, соцветие ученых придумает, раскинув мозгами, чтобы отомстить за мою смерть, вместо того, чтобы рыдать над моим охладевшим трупом.

— Вы правы, — вступил в дискуссию Скит. — Беда в том, что мы чувствуем себя стоящими ниже, чем он. Вурдалак пробыл на корабле меньше часа, но я уже ясно вижу, что некоторым из нас предстоит его жертвами. Давайте готовиться все вместе к кровавой битве.

— Мистер Пеннос, — проговорил Мортон, — тут есть одна проблема. Мы располагаем двумя квадратными милями пола на наших тридцати уровнях. Сколько времени займет энергизация каждого дюйма?

Гросвенф не мог видеть шефа инженерного отдела, потому что тот не находился в поле зрения системы изогнутых линз. Но о выражении его лица можно было судить по голосу. Когда он

заговорил, в его голосе слышался живой ужас.

— Я мог бы прочесать весь корабль и разрушить его в течение часа, но не буду вдаваться в детали. Неконтролируемая энергия убьет все живое на нашем корабле.

Мортон стоял частично повернувшись к коммуникатору, передающему голоса и изображения людей, стоящих у тела убитого Икстлем человека. Немного подумав, он задал Пенносу новый вопрос:

— Но вы могли бы насытить энергией эти стены, не так ли, мистер Пеннос?

— Нет, — продолжал упорствовать инженер. — Стены этого не выдержат, они просто расплавятся.

— Стены этого не выдержат! — подхватил один из людей. — Сэр, вы понимаете, кем является этот субъект?

Гросвенф увидел, как напряглись физиономии людей, чьи изображения передавались. Угрожающее молчание нарушил Корита:

— Директор, я наблюдаю за вами по коммуникатору из контрольного пункта. К замечанию о том, что мы имеем дело со сверхсуществом, я хочу сказать вот что. Не будем забывать о том, что он грубо попался в силовой экран. Я намеренно

использовал слово «грубо». Его действия еще раз доказывают, что он совершает ошибки.

— Это возвращает меня к тому, — сказал Мортон, — что говорили вы раньше о психологических характеристиках, которые должны ожидаться на различных циклических стадиях. Давайте предположим, что он крестьянин своего цикла.

Ответ Кориты был решителен для человека, который обычно осторожничал:

— Невозможно представить себе всю силу его устройства. Он будет думать при всех обстоятельствах, что для захвата корабля ему необходимо уничтожить всех находящихся на нем людей. Инстинктивно, он будет тяготеть к тому, чтобы сбросить со счета тот факт, что мы являемся частью огромной галактической цивилизации. Сознание истинного крестьянина очень индивидуально, почти анархично. Его желание воспроизводиться является формой эгоизма, им движет стремление к собствен — ной плоти и крови. То существо — если оно является крестьянином на стадии его развития — очень возможно, захочет иметь некоторое количество существ, являющихся ему подобными, чтобы они могли помочь ему в его борьбе. Ему нравится

общество, но он не хочет вмешательства. Любое организованное общество станет доминировать над крестьянским обществом, потому что его члены никогда не сформируют ничего иного, чем свободный союз против посторонних.

— Свободного союза этих пожирателей огня вполне достаточно! — с горечью бросил один из техников. — Я., а... а... а — а — а!

Его слова перешли в вопль, нижняя челюсть отвалилась. Глаза, едва видимые Гросвенфу, вытаращились Все люди, которых было видно на экране, отступили на несколько шагов.

В центре изображения возник Икстль.

Глава 12

Он стоял, и жуткий алый огонь светился в его ярких тревожных глазах, хотя он больше не тревожился Он мерил взглядом эти человеческие существа и с презрением думал о том, что может нырнуть в ближайшую стену, прежде чем хотя бы один из них направит на него вибратор.

Икстль пришел за первым гуулом. Для того, чтобы выхватить гуула из центра группы, ему нужно было деморализовать всех на борту. Гросвенфу, наблюдавшему эту сцену, показалось, что

его обволакивает туман нереальности. Лишь несколько человек осталось в поле зрения. Ван Гроссен и два техника находились к Икстлю ближе остальных. Мортон находился далеко за Ван Гроссеном, а часть головы и туловища Скита виднелись возле одного из техников. Как группа, они выглядели ничтожными противниками высокого, толстого цилиндрического чудовища, возвышающегося над ними.

Зловещее молчание нарушил Мортон. Он намеренно подчеркнуто убрал руку со светящейся рукоятки вибратора и твердым голосом заявил.

— Не пытайтесь в него стрелять. Он может двигаться с быстротой молнии. И его бы не было здесь, если бы он не считал, что для нас недостижим Кроме того мы не можем рисковать. Возможно, это наш единственный шанс, — он смолк, но затем продолжил уже более уверенным тоном: — Все, кто видит и слушает нас, окружите этот коридор. Несите самые тяжелые огнеметы, даже полуогнеметы и поджигайте стены. Отрежьте путь к этому месту и возьмите его в фокус! Действуйте!

— Отличная мысль, директор! — на экране возникло лицо капитана Лича, закрыв на мгновение изображение Икстля и остальных. — Если вы смо-

жете продержать это исчадие ада три минуты, то мы к этому времени будем там. — Его физиономия исчезла так же быстро, как и появилась.

Гросвенф оставил свой наблюдательный пункт. Он был совершенно уверен в том, что находится слишком далеко от места действия, чтобы сделать ценные наблюдения, которые некзиалист мог бы положить в основу действия. Он не являлся членом ни одной из важных команд, так что его целью было присоединиться к Мортону и остальным людям на опасной территории.

Он бегом миновал другие коммуникаторы и обнаружил, что Корита дает с расстояния совет:

— Мортон, воспользуйтесь этим шансом, но на успех не рассчитывайте. Заметьте, что он вновь появился прежде, чем мы смогли подготовиться к действиям против него. Неважно, намеренно или случайно, но он поставил нас в трудное положение. И в результате, какова бы ни была его мотивировка, мы вынуждены решать все в спешке, на ходу. Поэтому мы не можем мыслить ясно и четко.

Гросвенф был уже в лифте, опускаясь вниз. Распахнув дверцу, он выбежал наружу.

— ...я убежден, — доносился из коммуникатора в следующем коридоре голос Кориты, — что

огромные ресурсы этого корабля способны победить любое чудовище. Я, конечно, имею в виду простое чудовище, которое только может существовать…

Если Корита и сказал что-то еще, то Гросвенф этого уже не слышал. Он обогнул угол коридора. Там, впереди, находились люди, а за ними Икстль. Гросвенф увидел, что Ван Гроссен шагнул вперед и протянул Икстлю листок. Существо заколебалось, и взяло листок. Оно бросило на него взгляд и отступило с рычанием, перекосившим его жуткую физиономию.

— Какого дьявола вы делаете? — закричал Мортон.

Ван Гроссен напряженно улыбался.

— Я просто показал ему, как мы можем его уничтожить, — мягко проговорил он. — Я…

Его фраза осталась неоконченной. Гросвенф все еще находился поодаль и увидел все случившееся в качестве зрителя. Все присутствующие оказались вовлечены в ужасную ситуацию.

Вероятно, Мортон понял, что должно сейчас случиться. Он шагнул вперед, как будто пытаясь инстинктивно заслонить своим большим телом Ван Гроссена. Рука с длинными проволокообразными пальцами отпихнула директора

на стоящих за ним людей. Он упал, увлекая за собой тех, кто стоял ближе к нему. Поднявшись, он схватился за вибратор, но так и замер с рукой на рукояти.

Как сквозь искажающее стекло, Гросвенф увидел, что существо держит Ван Гроссена в двух огненного цвета руках. Двухсотдвадцатифунтовый физик вырывался, извивался, но тщетно. Тонкие, твердые руки держали его стальной хваткой.

Гросвенф не воспользовался своим вибратором лишь потому, что если бы он попал в чудовище, то пострадал бы и физик. Поскольку вибратор не мог убить человека, но мог ввергнуть его в бессознательное состояние, конфликт состоял в следующем: должен ли он был воспользоваться оружием, или предпринять отчаянную попытку получить у Ван Гроссена информацию? Он выбрал последнее.

Гросвенф отчаянно крикнул:

— Ван Гроссен, что вы ему показали? Как мы можем его уничтожить?

Судя по тому, что он повернул голову, Ван Гроссен его услышал. Но это было последним, что он успел сделать. В следующий момент случилось нечто немыслимое. Существо сделало скачок и

исчезло в стене, все еще держа физика в руках. Гросвенфу на мгновение показалось, что его зрение сыграло с ним шутку. Но перед ним была только твердая, гладкая, блестящая стена и одиннадцать растерянных, в испарине, людей, семь из них с поднятыми вибраторами, из которых они безо всякой пользы выпустили заряды.

— Мы пропали! — прошептал один из них. — Если он может заменять наши атомные структуры и проносить нас с собой через твердые тела, то мы не сможем с ним бороться.

Гросвенф заметил, что Мортон раздражен этим замечанием. Это было раздражением человека, пытавшего сознательно сохранить присутствие духа даже при чрезвычайных обстоятельствах. Он сердито воскликнул:

— Пока мы живы, мы будем с ним бороться! — подойдя ближе к коммуникатору, он спросил: — Капитан Лич, каково положение?

После некоторой паузы на экране возникла голова и плечи командира.

— Ничего хорошего, — коротко бросил он. — Лейтенант Клей думает, что видел, как что-то алое провалилось сквозь пол, направляясь вниз. — Он сморщился и добавил: — Мы можем временно сузить крут наших поисков в нижней части ко-

рабля. Что же касается остального, то мы как раз выставляли аппаратуру, когда это случилось. У нас было слишком мало времени на атаку.

— Мы тут ни при чем, — мрачно проронил Мортон.

Слушавшему это Гросвенфу показалось, что это заявление было не совсем верным. Ван Гроссен ускорил свою поимку тем, что показал чудовищу диаграмму того, каким образом оно будет побеждено. Это был типичный эгоистический человеческий поступок, не принесший никакой пользы. Более того, он продолжил этим спор Гросвенфа со специалистами, односторонние проявления действий которых не были и не могли быть связаны. За тем, что совершил Ван Гроссен, стояла привычка тысячелетней давности. Подобные действия были хороши в ранние периоды научных поисков. Но теперь, когда каждое открытие требовало знаний и взаимодействий множества наук, подобный поступок не имел никакой ценности.

Гросвенф спрашивал себя, действительно ли Ван Гроссен придумал способ борьбы с Икстлем, и ограничивается ли эта техника борьбы действиями в пределах одной науки? Любой созданный Ван Гроссеном план должен был быть ограничен

знаниями физики.

Эллиот оставил свои раздумья, когда Мортон произнес:

— Мне бы хотелось получить несколько версий по поводу того, что было на листке бумаги, который Ван Гроссен показал красному дьяволу.

Гросвенф подождал отклика присутствующих, но поскольку никто не отозвался, он сказал:

— Думаю, что у меня есть одна версия, директор.

— Давайте, мы слушаем, — проронил директор.

— Единственной возможностью привлечь внимание пришельца, было бы показать ему какой-то общий для всей Вселенной символ. Поскольку Ван Гроссен физик, то символ, которым он должен был воспользоваться, должен говорить сам за себя.

Он намеренно замолчал и огляделся. Эллиот чувствовал, что поступает мелодраматично, но это было неизбежно. Несмотря на дружелюбное отношение Мортона и инцидент с миром Риим, он еще не был признанным авторитетом на борту корабля, поэтому было бы лучше, если бы ответ пришел в головы людей спонтанно.

Молчание нарушил Мортон:

— Давайте, давайте, молодой человек, не держите нас в неведении. Мы слушаем…

— Атом… — сказал Гросвенф.

Лица стоящих вокруг людей оставались непонимающими.

— Но это же бессмысленно, — удивился Скит. — Зачем Ван Гроссену было показывать ему атом?

— Конечно, не просто атом. Я думаю, что Ван Гроссен нарисовал структуру атома металла, который составляет внешнюю оболочку корабля.

— Все верно! — подхватил Мортон.

— Одну минуту, — произнес с экрана капитан Лич.

— Очень сожалею, но я не физик и хотел бы знать, о чем идет речь.

Мортон пустился в объяснения:

— Ну это просто. Гросвенф имел в виду, что только две части корабля состоят из материала невероятной плотности: внешняя оболочка и аппаратная. Если бы вы были с нами, когда мы впервые ловили пришельца, то вы бы заметили, что когда оно провалилось сквозь дно клетки, то было сразу же остановлено оболочкой корабля. Ясно, что через такой металл оно проникнуть не может. Дальнейшим доказательством этому является то, что ему пришлось воспользоваться

шлюзом, чтобы проникнуть внутрь корабля. Удивительно, как мы все упустили это обстоятельство.

— Если мистер Ван Гроссен показал на листке природу нашей защиты, то не может ли оказаться так, что он рисовал энергетические экраны, которые мы разместили в пространстве? — предположил капитан Лич. — Разве это не является таким же возможным, как атомная энергия, точная атомная версия?

Мортон вопросительно посмотрел на Гросвенфа, который уверенно проговорил:

— Существо уже познакомилось с энергетическим экраном и перенесло его действие. Ван Гроссен наверняка верил в то, что придумал нечто новое. Кроме того, единственный путь показа на бумаге силового поля — это уравнение с математическими символами.

— Весьма резонное объяснение, — заметил капитан Лич. — По крайней мере, у нас на борту имеется место, в котором мы можем чувствовать себя в безопасности. Аппаратная и несколько меньшая защита от стен с заслоном, окружающим кварталы спален. Я могу понять, почему мистер Ван Гроссен должен был считать, что предоставляет нам преимущество. С этого мо-

мента всему персоналу корабля надлежит находиться именно в этих зонах, кроме случаев особого разрешения или специальных команд. — Он повернулся к ближайшему коммуникатору и повторил приказ, после чего добавил следующее: — Главам отделов, внимание… Вы должны быть готовы к ответу на вопросы, связанные с вашей специальностью. Необходимые работы будут проводиться специально подготовленными к этому людьми. Мистер Гросвенф, прошу вас считать себя принадлежащим к этой группе. Доктор Эгерт, используйте, где необходимо, противосонные таблетки. Никто не должен спать, пока эта тварь не будет уничтожена.

— Хорошая работа, капитан, — тепло сказал Мортон.

Капитан Лич кивнул и исчез с экрана коммуникатора.

— А как насчет Ван Гроссена? — осведомился один из техников.

— Единственные, чем мы можем ему помочь, так это уничтожить того, кто его захватил! — сурово заявил Мортон.

Глава 13

В этой гигантской комнате с огромными машинами люди казались карликами среди великанов. Гросвенф непроизвольно щурился на каждую вспышку неземного голубого света, который искрился и сверкал под вогнутым сияющим сводом потолка. И был еще звук, который так же раздражающе действовал на нервы, как и вспышки света. Он был заключен в самом воздухе, гул мощнейших машин, глухой рокот, похожий на отдаленный гром, дрожащая реверберация невообразимого потока энергии.

Полет продолжался. Корабль, увеличивая скорость, еще быстрее несся в черной бездне, отдаляющей спиральную галактику, в которой Земля была лишь крошечной, мельчайшей частицей от другой галактики почти такого же размера.

Такова была основа решительной борьбы, развернувшейся на борту «Космической Гончей». Самая большая, самая представительная исследовательская экспедиция, когда-либо осуществлявшаяся в Солнечной системе, находилась сейчас в величайшей за свое существование

опасности.

Гросвенф знал это наверняка. Это был не кот, чье сверхстимулированное тело унаследовало несущую смерть войну от мертвой расы, проводившей биологические эксперименты над животными кошачьей породы. Это нельзя было сравнить с опасностью, которую нес народ Риим. После их первого, неверно понятого усилия установить контакт, он контролировал последующее усилие и действие в том, что рассматривал как борьбу между одним человеком и расой.

Алый дьявол явно и бесспорно принадлежал к высшему классу.

Капитан Лич поднялся по металлической лестнице, ведущей к балкону. Через несколько секунд к нему присоединился Мортон, глядя вниз на собравшихся внизу людей. Он держал в руке пачку заметок, разделенных на две части заложенным в них указательным пальцем. Оба они внимательно изучили заметки, и Мортон сказал:

— Это первая короткая передышка, полученная с тех пор, как существо прорвалось на корабль. А это произошло, что может показаться невероятным, менее двух часов назад. Мы прочитали с капитаном ваши рекомендации, поданные нам главами отделов. Эти рекомендации мы разде-

лили приблизительно на две части. Одну часть, в виду ее теоретической природы, мы оставили на потом. Другую, которая касается действенных планов борьбы с врагом, мы, естественно, рассматривали сразу же. Скажу для начала! что я уверен в том, что все мы горим Желанием узнать, какие планы предлагаются для поисков и спасения мистера Ван Гроссена. Некоторые соображения вам выскажет мистер Зеллер.

Вперед выступил Зеллер, молодой шустрый человек лет тридцати семи — восьми. Ему удалось стать главой отдела металлургии после гибели Бекендриша от лап ужасного кота.

— Открытие того, что чудовище не может проникнуть через определенную группу сплавов, автоматически дает нам ключ к тому, из какого материала нам следует делать скафандры. Мой зам уже работает над скафандром, который будет готов примерно через час, если не возникнет затруднений. Но, во всяком случае, через три часа он будет изготовлен наверняка. Для исследования мы, естественно, используем флюоритовую камеру. У кого есть еще предложения?

— Почему бы не сделать несколько скафандров? — предложили снизу.

Зеллер развел руками.

— Нас ограничивает количество нужного металла. Мы могли бы сделать и больше, но для этого следует применить трансмутацию, что займет много времени. Кроме того, наш отдел всегда был маленьким. Нам повезет, если удастся сделать хотя бы один комплект скафандра в указанное мною время.

Больше вопросов не было. Зеллер исчез в мастерской, смежной с аппаратной.

Мортон поднял руку. Когда снова воцарилась тишина, он проговорил:

— Сам я чувствую себя гораздо лучше, зная, что, как только скафандр будет готов, чудовищу придется переносить Ван Гроссена, чтобы избежать его обнаружения.

— Откуда вы знаете, что он жив? — спросил кто-то.

— Потому что эта дрянь могла взять тело человека, которого убила, но не сделала этого. Чудовищу необходимо захватить нас живыми. Заметки Скита дают нам возможность разгадать его намерения, но они во второй категории и будут обсуждены позже. Среди планов, предусматривающих уничтожение чудовища, у меня имеется план, предложенный двумя сотрудниками физического отдела и план Эллиота

Гросвенфа. Мы обсудили с капитаном Личем эти планы, кстати, в обсуждении участвовали другие специалисты и глава инженерного отдела Пеннос. Мы решили, что идея мистера Гросвенфа слишком опасна для людей, поэтому оставили его план в качестве запасного варианта. Другой план мы начнем разрабатывать немедленно, если только против него не будут высказаны обоснованные возражения. Было высказано еще несколько предложений — все они были объединены. Поскольку в нашем обычае предоставлять каждому желающему возможность изложить свои соображения, я думаю, мы сэкономим время, если я вкратце обрисую план в том виде, в каком он был в конечном счете одобрен специалистами. Два физика, — Мортон бросил взгляд на бумагу в руке, — Ломас и Хиндли, допускают, что выполнение их плана зависит от того, насколько существо позволит нам сделать необходимые энергетические соединения. Отчасти, он покоится На базе теории мистера Кориты о цикличности истории, на положении о том, что «крестьянин» настолько связан с целями, подсказанными ему его кровью, что тяготеет к игнорированию возможности организованной оппозиции. Основываясь на этом положении, по несколько видоизмененному

плану Ломаса и Хиндли, мы должны насытить энергией седьмой и девятый уровни, но только пол, а не стены. Наша надежда такова: до сих пор существо не совершало организованной попытки убить нас. Мистер Корита утверждает, что, будучи крестьянином, существо не осознало, что может уничтожить нас, или что мы можем уничтожить его. Тем не менее, даже крестьянин рано или поздно поймет, что прежде чем совершить что-то другое, он должен прикончить нас. Если он не вмешается в нашу работу, мы загоним его в ловушку на восьмом уровне между двумя энергезированными этажами. Так при благоприятных обстоятельствах, когда он не сможет перемещаться вниз или вверх, мы разыщем его с помощью наших нагревательных приборов. Как понимает мистер Гросвенф, этот план значительно менее рискован, чем его собственный, поэтому нам следует использовать его первым.

Гросвенф глубоко вздохнул и, поколебавшись, мрачно сказал:

— Если мы обсуждаем степень риска, то почему бы нам тогда просто не сгруппироваться здесь в аппаратной и не подождать, пока он не изобретет метод первым добраться до нас? — он искренне продолжал: — Не подумайте, пожалуйста, что я

пытаясь протолкнуть свою идею. Но сам я… — он снова заколебался, но решительно добавил: — Я считаю, что предложенный вами план бесполезен.

Физиономия Мортона приобрела озадаченный вид, затем он нахмурился:

— Не слишком ли резкое суждение?

— Я понял, что план, описанный вами, не является оригиналом: это его измененная версия. Как он выглядел вначале?

— Ломас и Хиндли рекомендовали насытить четыре уровня — седьмой, восьмой, девятый и десятый.

Гросвенф вновь ощутил неуверенность. У него не было желания быть чересчур критичным. В любой момент, если он их прижмет, на него просто перестанут обращать внимание. В конце концов он заявил.

— Это лучше.

Из-за спины Мортона его прервал капитан Лич.

— Мистер Пеннос, объясните собравшимся, почему было бы нежелательно энергизировать более двух уровней?

Глава инженерного отдела выступил вперед и угрюмо проговорил:

— Основная причина заключается в том, что на это понадобилось бы три лишних часа, а все мы отлично понимаем, что на счету каждая секунда. Если не принимать в расчет время, то было бы много лучше насытить весь корабль контролируемыми системами, включая и стены, и пол. Тогда он не смог бы от нас убежать. Но на это понадобилось бы около пятидесяти часов. И как я уже говорил раньше, бесконтрольная энергизация была бы равносильна самоубийству. Имеется еще один фактор, который мы обсуждали с чисто человеческой точки зрения. Причина, по которой существо будет разыскивать, нас заключается в том, что ему нужно больше людей, так что когда он спустится, кто-то из нас окажется с ним один на один, — он повысил голос. — В течение трех часов, которые нам понадобятся на подготовку к проведению измененного плана, мы будем беспомощны перед ним, если не считать передвижных вибраторов и нагревательных установок. Естественно, каждый из нас надеется на то, что сможет защитить себя с помощью собственного вибратора. В общем, пора заканчивать с болтовней! Давайте браться за дело!

Капитан Лич недовольно заметил:

— Не так быстро. Я хочу услышать чуть больше

о возражениях мистера Гросвенфа.

Один из техников с раздражением выпалил:

— Не вижу прока в этих спорах! Если это существо и не застрянет между двумя уровнями, то все равно ему конец. Мы же знаем, что через энергетический заслон чудовище не пройдет.

— Ничего такого мы не знаем, — твердо возразил Эллиот. — Все, что мы знаем, так это то, что он угодил в силовую стену и убежал. Допустим, что он ее не любит. Действительно, кажется непреложным тот факт, что он не стал бы возвращаться в подобное энергетическое поле любой, самый длительный отрезок времени. К несчастью, мы не можем использовать против него полный силовой, экран. Как указывал мистер Пеннос, стены расплавились бы. Моя точка зрения такова: он убежал от того, что мы ему приготовили.

— Джентльмены, — недовольно проворчал капитан Лич, — почему не была учтена в дискуссии эта точка зрения? Это безусловно заслуживающее внимания возражение.

— Я был готов пригласить Гросвенфа на обсуждение, — сообщил Мортон, — но моя точка зрения была отклонена ввиду устоявшегося положения о том, что любой человек, чей план рассматривается, присутствовать не имеет права. По той же

причине не были приглашены и два физика.

Сидл кашлянул, оглядел присутствующих и сказал.

— Я не думаю, что мистер Гросвенф осознает, что он только что для нас сделал. Все мы были уверены в том, что энергетический экран корабля — одно из величайших научных достижений человечества. Лично мне это давало чувство уверенности и безопасности. Теперь он говорит нам, что существо может проникнуть и через него.

— Я не говорил, что экран не непроницаем, мистер Сидл, произнес Гросвенф. — Действительно, есть при — чина полагать, что враг не смог и впредь не сможет проникнуть сквозь него. Это видно из того, что красный дьявол находился за ним и ждал, пока мы не перенесем его внутрь. Энергезация поля, обсуждаемая в настоящий момент, значительно более слабый вариант поимки и уничтожения чудовища.

— Все же, — сказал психолог, — не думаете же вы, что специалисты не понимают простой разницы между этими двумя формами? Разумно следующее: если эта энергизация будет неэффективной, то мы пропали! Тем более, что я уверен в ее эффективности.

Спор устал прервал капитан Лич.

— Боюсь, что мистер Сидл точно проанализирует нашу слабость. Теперь я припоминаю, что у меня тоже мелькнула похожая мысль.

Из центра помещения в дискуссию вступил Скит:

— Возможно, нам лучше послушать и обсудить план мистера Гросвенфа.

Капитан Лич бросил бросил взгляд на Мортона, который после некоторого раздумья сказал:

— Он предлагает, чтобы мы разделились на столько групп, сколько на борту атомных нагревателей…

Реакция была мгновенной. Один из физиков потрясенно воскликнул:

— Атомная энергия внутри корабля!

Поднявшийся гул длился больше минуты. Когда он стих, Мортон как ни в чем не бывало продолжал:

— В данный момент в нашем распоряжении находится сорок одна такая установка. Если мы согласимся на план Гросвенфа, то ядро каждой из групп будет укомплектовано из военного персонала, в то время как остальные останутся в качестве приманки в поле зрения одного из нагревателей. Команда, управляющая нагревателем, должна по приказу привести его в действие,

даже если один или более людей окажутся на линии огня. — Мортон слегка покачал головой. — Вероятно, это предложение эффективнее первого. Тем не менее, его жестокость поразила нас всех. Идея уничтожения одного из нас, хотя по суш она не нова, ошеломляет гораздо больше, чем, как я думаю, мистер Гросвенф себе представляет. Справедливости ради хочу добавить, что был еще один фактор, который заставил ученых отвергнуть этот план. Капитан Лич поставил условие, чтобы те, кто должен выступить в качестве приманки, были без оружия. Большинству из нас показалось, что это уже слишком. Каждый человек имеет право на самозащиту. — Директор вновь пожал плечами. — Поскольку у нас был на выбор еще один план, то мы проголосовали за него. Сам лично теперь я склоняюсь к идее мистера Гросвенфа, но все же возражаю против поправки капитана Лича.

При первом же упоминании о предложении командира Гросвенф круто повернулся и уставился на него. У капитана Лича вновь был решительный и суровый вид.

— Я полагаю, вам следовало бы рискнуть, капитан, — громко произнес Гросвенф.

Командир ответил на его слова легким офици-

альным кивком.

— Хорошо, я снимаю свою поправку.

Гросвенф заметил, что Мортон был озадачен мгновенной переменой. Директор посмотрел на него, потом на капитана, потом снова на Гросвенфа. В глазах Мортона появилось испуганное выражение. Он спустился по узким металлическим ступеням, приблизился к Гросвенфу и тихо сказал:

— Подумать только, я никогда не представлял себе, что он имеет в виду. Очевидно, он предполагает, что в случае кризиса... — он замолчал и повернулся, чтобы взглянуть на капитана Лича.

Гросвенф успокаивающе посмотрел на директора.

— Думаю, теперь капитан понимает, что допустил ошибку, заведя этот разговор.

Мортон нахмурил лоб и нехотя сказал:

— По тому, как вы подошли к этому вопросу, я полагаю, что он прав. Инстинктивное желание выжить может затмить все остальное. И все же, — он снова нахмурился, — нам лучше об этом не говорить. Я думаю, ученые почувствуют себя обиженными, а на корабле и так хватает плохих отношений. — Он обернулся, оглядывая группу. — Я полагаю, джентльмены, план мистера

Гросвенфа достаточно ясен. Всех, кто поддерживает его, прошу поднять руки.

К великому огорчению Гросвенфа, поднялось лишь около пятидесяти рук. Поколебавшись, Мортон продолжил голосование.

— Поднимите руки все, кто против.

На этот раз было поднято немногим более дюжины рук. Мортон посмотрел на человека в первом ряду и осведомился.

— Вы не голосовали ни разу. В чем дело?

Человек пожал плечами.

— Я соблюдаю нейтралитет, так как не знаю, за я или против. Я недостаточно в этом разбираюсь.

— А вы? — спросил Мортон другого человека.

— Как насчет вторичной радиации? — ответил тот вопросом на вопрос. — Кто может нам это сказать?

На его вопрос ответил капитан Лич:

— Ее мы блокируем. Мы изолируем все зоны, — затем он заговорил о другом. — Директор, я не понимаю, к чему все эти отсрочки. Голосование было пятьдесят на четырнадцать в пользу мистера Гросвенфа. Поскольку мои полномочия по отношению к ученым ограничены, я рассматриваю это голосование как решающее.

Как показалось присутствующим, Мортон был

неприятно поражен.

— Но, — запротестовал он, — воздержались около половины находящихся здесь и даже больше.

Тон капитана Лича был строго официален.

— Это их право. От взрослых людей принято ожидать того, что они знают, чего хотят. Сама идея демократии базируется на этом предположении. Учитывая все это, я приказываю начать операцию немедленно!

Поколебавшись, Мортон нерешительно проговорил:

— Хорошо! Джентльмены, я тоже даю свое согласие. Думаю, что нам пора вплотную подойти к делу. Установка атомных газометов займет некоторое время, так что давайте пока энергизируем седьмой и девятый этажи. И насколько я понимаю, мы можем успешно объединить два плана и оставить потом любой из них в зависимости от того, как будут развиваться события.

— А вот это, — с явным облегчением заявил один из людей, — имеет смысл.

Предложение, казалось, имело смысл для большинства. С лиц быстро исчезло выражение напряженности. Кто-то рассмеялся, и все зашевелились и заговорили. Гросвенф повернулся к Мортону и улыбнулся.

— Это было гениальное завершение собрания. Ограниченность подобной энергизации весьма смущало меня, и я не подумал о возможном компромиссе. — Лицо Мортона оставалось серьезным.

— Я держал это в резерве, — заявил директор. — Имея дело с людьми, я заметил, что обычно речь идет не только о разрешении проблемы, но и о снятии напряженности среди тех, кто ее разрешает, — он пожал плечами. — Есть опасность, есть тяжелая работа — нужна разрядка в любой мыслимой форме. Что ж, молодой человек, желаю удачи. Надеюсь, вы выкарабкаетесь из этой опасной ситуации.

Они пожали друг другу руки, и Гросвенф поинтересовался:

— Сколько времени займет установка атомных газометов?

— Около часа, возможно, немногим больше. Тем временем мы установим вибраторы для своей защиты…

Новое появление людей заставило Икстля быстро подняться к седьмому уровню. В течение нескольких минут он находился в состоянии, которое позволяло ему проходить сквозь толщу стен и полов. Дважды его замечали и направляли

на него лучи, которые по действию отличались от воздействия пистолетов, с которыми он уже познакомился. Один из лучей задел его ногу. Горячая волна, вызванная вибрацией молекулярного смещения, заставила его споткнуться. Нога вернулась в нормальное состояние менее чем за секунду, но он понял, что и его тело чувствительно к воздействию этих мощных переносных установок.

И все же он насторожился. Быстрота, хитрость, осторожность и использование любой возможности поя — виться и исчезнуть — все это сведет на нет эффективность нового оружия. Основной вопрос заключался в следующем — что делали люди? Вероятно, закрывшись в аппаратной, они обдумывали некий план, и теперь решительно воплощали его в жизнь. Блестящими немигающими глазами Икстль следил за тем, как план обретал очертания. Икстль видел многое…

В каждом коридоре люди грудились над приземистыми, похожими на очаги предметами из темного тусклого металла. Из отверстий в верхней части каждого очага бил ослепительно яркий свет. Икстль обнаружил, что люди наполовину ослеплены белым блеском огня. На них были скафандры, но обычный блестящий прозрач-

ный материал, из которого они были сделаны, на этот раз был светонепроницаемым. Однако, ни один металлический панцирь не мог дать полной защиты от этого света. Из очагов вились длинные, тусклого цвета полоски. Как только полоска появлялась, она захватывалась станком машины, подвергалась обработке для обретения соответствующих размеров и шлепалась на металлический пол. Ни один дюйм обнаженного ранее пола не из — бегал покрытия этими полосами, и Икстль это сразу же отметил В тот момент, когда горячий листок металла падал вниз, над ним нависал массивный охладитель и вбирал в себя его жар.

Активная работа продолжалась без перерывов. Вначале сознание Икстля отказывалось верить результатам наблюдения. Его мозг упорствовал в поисках более глубоких целей, хитрого поворота и трудно различимых извивов. Наконец, он решил, что все обстоит именно так, как он видит. Люди пытались насытить энергией два этажа под системой контроля. Осознав позже, что их ограниченная ловушка неэффективна, они, возможно, попробуют другие методы. Икстль не был уверен в том, что их защитная система будет ему неопасна. Важным было то, что, как только

он посчитает ее опасной, будет весьма простым делом последовать примеру людей и ослабить их энергетические связи.

Икстль с презрением выкинул эту проблему из головы. Люди лишь играли ему на руку, делая для него добычу гуул более легкой, а он все еще сильно нуждался в них. Он очень внимательно отбирал жертвы. На примере человека, которого он нечаянно убил, Икстль обнаружил, что для его целей вполне подходят желудок и кишечный тракт. Поэтому в его список автоматически входили мужчины с большим животом. Совершив предварительный осмотр, он ринулся вперед. Прежде чем к нему успели повернуть луч вибратора, он исчез со скорчившимся, извивающимся телом. Было совсем просто перестроить его атомную структуру в момент, когда они проходили потолок, так, чтобы уменьшилась сила падения на пол нижнего этажа. Он быстро растворился и в этой преграде, а затем и в следующем перекрытии. Он приземлился в громадном трюме корабля. Икстль вынужден был действовать как можно быстрее, но при этом следовало быть очень осторожным, чтобы не повредить человеческое тело.

Теперь трюм был для него знакомым местом,

так что он уверенно ступал по его полу ногами с длинными ступнями. После первого осмотра корабля он быстро, но тщательно изучил это место. И похищая Ван Гроссена, он уже имел на примете нужное ему место. Сейчас он уверенно двигался по полуосвещенному помещению, направляясь к дальней стене. Огромные закрытые ящики высились грудой до самого потолка. Пройдя сквозь них, или вокруг них — как его больше устраивало — он очутился в огромной трубе. Внутренность ее была достаточно большой, чтобы он мог в ней стоять. Это была часть тянущейся на много миль системы кондиционирования воздуха.

Для обычного зрения его тайник явился бы светонепроницаемым, но для его инфракрасночувствительного зрения освещения было вполне достаточным. Он увидел тело Ван Гроссена и положил рядом с ним свою новую жертву. Потом, чрезвычайно осторожно, он запустил одну из проволокообразных рук в собственную грудь, вытащил драгоценное яйцо и поместил его в желудок человека.

Человек все еще сопротивлялся, но Икстль ожидал этого, так как знал, что должно произойти дальше. Тело человека начало медленно отвердевать. Мускулы становились все более

неподвижными. Человек в ужасе вскрикнул и дернулся, осознав, очевидно, что его парализует, но ничего не мог поделать. Икстль безжалостно держал его распростертым до тех пор, пока не закончилась химическая реакция. В конце ее человек лежал неподвижно, с окаменевшими мышцами. Глаза его были открыты и пристально глядели вперед, а на лице блестели капельки пота.

Через несколько часов яйца должны были вылупиться в желудке человека. Крошечные дубликаты его самого должны были быстро распрямиться до полного размера. Удовлетворенный, Икстль покинул трюм и направился наверх. Он нуждался в других инкубаторах для своих яиц, в других гуулах.

Устроив еще одно похищение, он вовлек в нужный ему процесс третьего пленника. К этому времени люди уже работали на пятом этаже. Коридор был объят пламенем и волнами жара. Запах был адский. Даже холодильные установки, стоявшие в каждом удобном месте, не могли полностью справиться с перегретым воздухом. Люди обливались потом даже под скафандрами. Больные от жары, ослепленные резким блеском, они работали почти механически.

Человек, работавший рядом с Гросвенфом, прохрипел:

— Ну, вот и он.

Гросвенф посмотрел в указанном направлении и непроизвольно замер. Машина, катившаяся перед ним своим ходом, была невелика. Она состояла из шарообразной массы с внешней оболочкой из вольфрамированного карбида и отходящего от шара носика. Строго функциональная структура была насажена на общее основание, которое, в свою очередь, покоилось на четырех Резиновых колесиках.

Все находящиеся вокруг Гросвенфа бросили работу С побледневшими лицами, они смотрели на металлическое чудовище. Один из людей быстро подошел к Гросвенфу и сердито заявил.

— Черт бы тебя побрал, Грос! Это все ты. Если она, или другая из этих штуковин начнет по — серьезному меня облучать, то я бы сперва хотел вмять нос одной из них.

— Я тоже буду здесь, — твердо заявил Гросвенф. — Если погибнешь ты, то и я с тобой.

Эти слова немного утихомирили гнев человека, но в его тоне и в жестах все еще оставалось некоторая жестокость, когда он проговорил:

— Все это чушь! Должен же существовать план

получше, чем делать приманку из живых людей.

— У нас имеется лишь один легкий выход.

— Какой?

— Самоубийство! — совершенно серьезно буркнул Гросвенф.

Человек ошеломленно посмотрел на него, развернулся и пошел, бормоча что-то насчет грубых шуток и слабоумных шутников. Гросвенф печально улыбнулся и вернулся к работе. Почти тут же он заметил, что люди потеряли интерес к работе. Напряжение постепенно охватывало всех людей. Поведение одного оказало воздействие на остальных.

Они оказались целью. Каждый по — своему, но люди должны были отреагировать на страх смерти. Ни один из них не мог оставаться равнодушным, ибо желание выжить было частью центральной нервной системы. Человек высокотренированный, подобный капитану Личу, мог внешне оставаться спокойным, но за невозмутимой маской, все равно должно было биться скрытое напряжение. Люди же, подобные Эллиоту Гросвенфу, должны были быть мрачны, но полны решимости, убежденные в необходимости действий и готовые принять свой жребий.

— Внимание, всему персоналу!

Вместе с остальными Гросвенф подскочил при звуке голоса, несшегося из ближайшего коммуникатора. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем он осознал, что голос принадлежит командиру корабля.

Капитан Лич продолжал:

— Все газометы находятся сейчас на этажах семь, восемь и девять. Вы будете рады узнать, что я обсудил все возможные варианты опасности с моими офицерами. И мы отдаем следующее распоряжение. Если вы увидите чудовище, не озирайтесь! Немедленно кидайтесь на пол. Всем орудийным командам прямо сейчас установить прицел на 0,15. Это дает вам защитное пространство в полтора фута. Такая мера не защитит вас от вторичной радиации, но думаю, что можем честно сказать, что если вы броситесь на пол, конечно, вовремя, то доктор Эгарт и его персонал, расположившиеся в аппаратной, спасут ваши жизни. В заключение, — теперь голос капитана казался менее напряженным, ведь его главная задача была выполнена, — позвольте мне уверить всех рядовых членов команды в том, что никаких привилегий не существует. За исключением доктора и трех больных, каждый подвергается такой же опасности, что и вы. Я и мои офицеры

сосредоточились среди различных групп. Директор Мортон находится на седьмом этаже, мистер Гросвенф, автор этого проекта — на девятом, и так далее. Желаю удачи, джентльмены!

Несколько мгновений все молчали, потом командир орудия, стоящего неподалеку, добродушно сказал:

— Эй, парни! Мы закончили все приготовления. Если сможете шлепнуться на пол ничком — будете в безопасности.

— Спасибо, друзья! — отозвался Гросвенф.

После этого напряжения мгновенно спало. Служащий из математико — биологического отдела попросил:

— Подмажь его еще немного приятными словечками, Эл.

— Я всегда любил военных, — сказал другой. Его хриплый голос был достаточно громким для того, чтобы его услышала вся команда орудия. — Еще бы попридержать его лишнюю секундочку.

Гросвенф едва все это слышал.

«Появится цель, — подумал он, — и ни одна группа не узнает, когда придет момент опасности для другой. При мгновенном „выстреле“ — изменением формы критической массы, при которой небольшой реактор развивает без взры-

ва колоссальную энергию — из дула вырвется трассирующий свет. На своем пути он распространит невидимую радиацию. Когда все будет кончено, выжившие известят по личному коммуникатору капитана Дича. С течением времени командир проинструктирует другие группы».

— Мистер Гросвенф!

При резком звуке голоса Гросвенф инстинктивно нырнул на пол, сильно ушибившись. Узнав голос капитана Дича, он сразу же вскочил.

Другие тоже мрачно поднимались на ноги. Один из них пробормотал:

— Это нечестно, черт побери!

Гросвенф подошел к коммуникатору и, пристально глядя вдоль коридора, сказал:

— Да, капитан.

— Спуститесь немедленно на седьмой этаж, центральный коридор. Встреча в девять часов.

— Да, сэр.

Гросвенф отправился в путь с чувством страха. В голосе капитана прозвучала какая-то странная нота. Что-то было не так…

Зрелище, которое он увидел, было определенно кошмарным. Уже подходя к месту происшествия, он обнаружил, что одна из атомных пушек лежит на боку. Возле нее мертвые, обгоревшие до

неузнаваемости, лежали останки трех или четырех военных — орудийная команда. Неподалеку от них без сознания, но все еще дергающийся и извивающийся, валялся четвертый. Все четверо явно были поражены зарядом вибратора.

Поодаль, мертвые или без сознания, лежали человек двадцать и среди них директор Мортон.

Санитары в защитных костюмах подбирали трупы и раненых и относили их на тележку. Спасательные работы, вероятно, уже велись несколько минут, так что, возможно, некоторое количество людей уже было отправлено в аппаратную, где находился доктор Эгарт с помощниками. Гросвенф остановился у барьера, установленного у поворота коридора. Там находился капитан Лич. Командир был бледен, но спокоен. Скоро Гросвенф находился в курсе событий.

— Снова появился монстр… Молодой техник, — капитан Лич не назвал его, — забыл в панике о том, что ради безопасности следует кинуться на пол. Когда нос пушки неумолимо направился на него, истеричный юнец выстрелил в команду из вибратора, оглушив их всех. Очевидно, они немного заколебались, обнаружив техника на линии огня. В следующее мгновение каждый

член команды внес свою лепту в происшедшую катастрофу. Трое из них упали возле пушки, инстинктивно держась за нее, и перевернули ее. Она откатилась от них, таща за собой четвертого. Беда заключалась в том, что он держал палец на активаторе и нажал его в какую-то долю секунды. При этом его товарищи оказались прямо на линии огня. Умерли они мгновенно, а пушка продолжала падать на пол, распыляя стену. Мортон и его группа, хотя и не находились на прямой наводке, попали в зону вторичной радиации. Было слишком рано говорить о том, насколько серьезно они пострадали, но в среднем им предстоит провести в постели не менее года. А некоторые могли умереть. Мы действовали слишком медленно, — заключил капитан Лич. — Вероятно, это произошло через несколько секунд после того, как я закончил говорить, и прошло около минуты, прежде чем услышавший падение пушки соизволил выглянуть за угол. — Он тяжело вздохнул. — Даже в наихудшем варианте я не ожидал гибели целой группы.

Гросвенф промолчал. Именно поэтому капитан Лич и хотел разоружить ученых. В кризисном состоянии человеку свойственно защищать свою жизнь. Подобно глупому животному, он слепо

борется до конца и не может удержаться от применения оружия. Гросвенф старался не думать о Мортоне, понимавшем, что ученые будут сопротивляться разоружению, и придумавшем план, при котором использование атомной энергии станет приемлемым.

— Зачем вы меня вызвали? — жестко осведомился Эллиот.

— Я считаю, что случившееся несчастье может повлиять на выполнение вашего плана. А вы как думаете?

— Эффект неожиданности пропал, — неохотно кивнул Гросвенф. — Он, вероятно, появлялся, не подозревая, что его ждет, но теперь он будет настороже.

Гросвенф мог представить себе картину того, как алое чудище высовывает голову из стены, осматривает коридор, а потом, мгновенно выпрыгивая за пушкой, хватает одного из команды. Единственная возможная предосторожность могла заключаться в том, чтобы поставить второе орудие для прикрытия первого. Но это было невыполнимо — на всем корабле имелось только сорок одно орудие.

Он забрал еще одного? — спросил он после раздумий.

— Нет, — буркнул капитан Лич.

Гросвенф снова умолк. Подобно всем остальным, он мог лишь догадываться о том, для чего нужны существу живые люди. Одна из этих догадок была основана на теории Кориты о том, что существо находится на крестьянской стадии и ощущает острую потребность в воспроизведении. Такое предположение влекло за собой чудовищные последствия, при которых нужды существа могли подтолкнуть его на захват все большего количества людей.

— Насколько я понимаю, он опять наверху, — предположил капитан Лич. — Моя идея заключается в том, что нам следует оставить пушки там, где они находятся, и закончить энергизацию трех этажей. С седьмым покончено, девятый почти готов, так что мы с успехом можем перейти на восьмой. Это дает нам три этажа подряд. Для того, чтобы сделать наш план более эффективным, следует подумать о том, что кроме Ван Гроссана, существо поймало еще трех человек. В каждом случае его видели хватающим их в таких местах, которые мы называем направленными вниз. Я предлагаю, чтобы, энергизировав, все три этажа, мы поднялись бы на девятый и там ждали его. Когда он схватит одного из нас, мы, дождавшись

подходящего момента, включаем рубильник и создаем в полах силовое поле. Это сделает мистер Пеннос. Существо ринется к восьмому этажу и обнаружит его энергизированным. Если чудище попытается пройти сквозь него, то увидит, что и седьмой этаж тоже энергизирован. Если оно ринется наверх, то найдет и девятый этаж в том же состоянии. В любом случае, мы вынудим его войти в кон — такт с двумя энергизированными этажами. — Командир помолчал, внимательно взглянув на некзиалиста и сказал: — Я знаю, вы считаете, что контакт с одним лишь этажом его не убьет. Относительно двух вы не были так уверены, — он замолчал и вопросительно посмотрел на Гросвенфа.

Гросвенф ответил ему после минутного раздумья.

— Я принимаю ваше предложение. Конечно, мы можем только догадываться о том, как на это отреагирует существо. Может быть, оно будет приятно удивлено.

Сам он в это не верил. Но имеется другой фактор в решающей все и развивающейся ситуации: убеждения и надежда человека. Лишь действительное событие способно изменить сознание людей. Когда их убеждения переделаны

реальностью, тогда и только тогда они будут эмоционально готовы к принятию действенных решений.

Гросвенфу казалось, что он медленно, но уверенно постигает искусство влиять на людей. Недостаточно владеть знаниями и информацией, недостаточно быть правым. Человек должен быть последовательным и уметь убеждать. Иногда такой процесс мог занять больше времени, чем это позволяет безопасность. Иногда он не может быть выполнен вообще. И тогда гибнут цивилизации, проигрываются битвы и разрушаются корабли, потому что человеку или группе людей, несущим идею спасения, не удается пробиться сквозь давно и ритуально устоявшуюся убежденность остальных.

Если он только сможет помочь, то здесь такого про — изойти не должно.

— Мы можем оставить атомные нагреватели на месте, пока не закончим энергизацию этажей, — заговорил капитан Лич. — Затем нам придется их просто убрать. Энергизация повлечет за собой соответствующую реакцию даже без открытия носика. Они взорвутся.

Таким осторожным образом он исключил план Гросвенфа из борьбы.

Глава 14

В течение почти четырех часов, пока шло оборудование восьмого этажа, Икстль появлялся дважды. У него было еще шесть яиц, и он намеревался использовать все, кроме двух. Единственное, что его раздражало, так это то, что каждый гуул отнимал очень много времени. Для защиты от него, казалось, принимались все мыслимые и немыслимые меры. А присутствие атомных пушек заставляло его охотиться на людей, которые фактически управляли установками. Даже при крайней ограниченности наблюдений каждое путешествие отнимало много времени. И все — таки это не заставило его беспокоиться. Следовало прежде всего покончить с размещением яиц, а уж потом он займется людьми.

Когда работы на восьмом этаже были закопчены, пушки перенесены, и все перебрались на девятый этаж, Гросвенф услышал короткий вопрос капитана Лича.

— Мистер Пеннос, вы готовы к включению рубильника?

— Да, сэр! — голос инженера прозвучал в коммуникаторе сухим скрипящим звуком. Закончил

он еще более хриплым голосом: — Пятеро исчезли, на очереди шестой. Нам повезло, но еще одному все равно придется исчезнуть.

— Вы слышали, джентльмены? Одному из нас придется исчезнуть. Один из нас будет целью, хочет он того или нет, — голос был знакомый, но долго до этого молчавший. — Это Грегори Кент… И мне очень жаль, что приходится вещать из убежища аппаратной. Доктор Эгарт утверждает, что мне придется пробыть в инвалидах еще неделю. Причина, по которой я сейчас с вами говорю, заключается в том, что капитан Лич передал мне бумаги директора Мортона, и я бы хотел, чтобы Келли исследовал эти заметки, находящиеся у меня. Я пролью свет на весьма важное обстоятельство. Оно даст нам четкое представление о том, перед лицом чего мы стоим Мы все должны знать даже наихудшее…

— Э — э — э… — зазвучал в коммуникаторе надтреснутый голос социолога. — Вот мои доводы. Мы обнаружили существо, которое плавало в четверти миллиона световых лет от ближайшей солнечной системы, не имея, очевидно, специальных средств передвижения. Вообразите себе это ужасающее расстояние, а потом спросите себя — какая вероятность встретить его по одной

только чистой случайности. Лестер дал мне цифры, поэтому я бы хотел, чтобы он сообщил вам то, что уже знаю я.

— Говорит Лестер! — голос астронома звучал на удивление тихо. — Большинство из вас знает, что представляет из себя наиболее распространенная теория о начале существования Вселенной. Есть основания предполагать, что возникла она в результате гибели предыдущей Вселенной несколько миллионов лет назад. В наши дни полагают, что через миллионы лет наша Вселенная закончит свой цикл и исчезнет в катаклизме. О природе такого взрыва можно только догадываться. Что касается вопроса Келли, то я могу лишь предложить вам свою точку зрения. Давайте предположим, что алое чудовище было выброшено в пространство потрясающим взрывом. Оно оказалось в межгалактическом пространстве, неспособное изменить свое положение. При подобных обстоятельствах чудовище могло бы плавать там вечность, не приближаясь к ближайшей звезде ближе, чем на четверть миллиона световых лет. Вы это хотели услышать, Келли?

— Да. Большинство из вас помнит мое упоминание о том, что подобно этому существу,

чисто симпоидальное развитие не пронизало всю Вселенную. Логический ответ на это следующий: его раса *должна была держать Вселенную под контролем и она ее держала!* Но теперь вы понимаете, что это было с предыдущей, а не с настоящей. Естественно, существо намеревается сейчас доминировать над нашей Вселенной. Эту теорию можно считать, по крайней мере, возможной, если не больше.

Кент успокаивающе произнес:

— Я уверен в том, что все находящиеся на борту ученые понимают, что мы поставлены перед задачей, для решения которой важны даже мельчайшие детали. Думаю, что предположение о том, что мы столкнулись с наследником высшей расы галактики, вполне разумно. И другие, подобные ему, могут находиться в таком же затруднительном положении. Мы можем лишь надеяться на то, что ни один корабль не окажется поблизости от подобного существа. Биологически эта раса может находиться впереди нас на биллионы лет Думая об этом, мы должны понимать, что с каждого находящегося на борту можно требовать любых усилий и жертв…

Его речь прервал резкий выкрик.

— Схватил меня!.. Быстро!. Вытаскивает из

костюма!.. — затем крики перешли в невнятное мычание.

Гросвенф быстро уточнил.

— Это Дак, заместитель начальника отдела геологии, — он произнес это не раздумывая. Опознание голосов было теперь почти автоматическим.

В коммуникаторе раздался еще один крик.

— Он идет вниз! Я видел, как он спускался!

— Подать энергию! — приказал капитан Лич.

Гросвенф поймал себя на том, что с любопытством смотрит себе под ноги Там мерцал переливающийся, яркий красивый свет Хорошенькие маленькие язычки пламени сердито шевелились в нескольких дюймах от его прорезиненного скафандра, как будто невидимая сила, защищающая его скафандр, заставляла их держаться подальше. Наступила давящая тишина. Почти ничего не соображая, он уставился в зев коридора, где жил сейчас неземной голубой огонь. На какое-то мгновение ему показалось, что он смотрит на него из-за стены корабля. Потом сознание сразу вернулось к нему И он как зачарованный стал наблюдать за голубой свирепостью энергизации, пытавшейся добраться до него сквозь защитный костюм.

Снова заговорил Пеннос, на этот раз почему-то шепотом:

— Если план удался, то теперь мы держим дьявола на седьмом или восьмом этаже.

Капитан Лич отдал следующую команду:

— Всем людям, чьи фамилии начинаются с буквы «А» и до буквы «Л», следовать со мной на седьмой! Группе с «М» до «Ч» за мистером Пенносом — на восьмой! Все орудийные команды остаются на своих местах. Команда, занимающаяся покрытием, продолжает действовать согласно приказу.

Люди бегущие впереди Гросвенфа, остановились как вкопанные за вторым от лифта углом на седьмом этаже. Гросвенф был среди тех, кто пробился вперед и застыл над распростертым на полу телом. Блестящие огненные пальцы как будто прижимали его к металлу. Молчание нарушил капитан Лич:

— Освободите его!

Вперед осторожно вышли два человека и дотронулись до тела. Голубое пламя устремилось к ним, как будто пытаясь напасть. Они отпрыгнули, так что взвизгнули оплавленные соединения. Подняв тело, они отнесли его в лифт и подняли на неэнергизированный десятый этаж. Гросвенф

следовал за ними и в молчании остановился у лежащего на полу тела. Безжизненное, оно дернулось несколько раз, высвобождая стремительные разряды энергии, и постепенно успокоилось в смертельной неподвижности.

— Я жду отчета! — жестко проговорил капитан Лич.

После секундного замешательства заговорил Пеннос:

— Люди были расставлены на трех этажах согласно плану. Они все время снимали флюоритными камерами. Если существо где-то поблизости, то они его увидят. Это займет минут тридцать.

Через двадцать минут последовало последнее сообщение:

— Ничего! — голос Пенноса выдал его разочарование. — Командир, должно быть, чудовище благополучно смоталось.

Где-то в открытой на мгновение сети коммуникатора чей-то голос жалобно произнес:

— Но что же мы теперь будем делать?

Гросвенфу показалось, что эти слова выражают сомнения и беспокойство каждого члена экипажа на борту «Космической Гончей»…

Глава 15

Долго длилось молчание. Начальники отделов и служб корабля, обычно такие активные, теперь, казалось, потеряли голос.

Гросвенф немного отвлекся от своих мыслей — обдумывания нового плана. Вместе со всеми он смотрел в лицо реальности. Сейчас он тоже молчал — говорить первым должен был не он.

Затянувшееся молчание нарушил Кент.

— Оказывается, наш враг может пройти сквозь энергизированную стену так же легко, как и через обычную. Мы можем продолжать утверждать, что чудовище не заботится о приобретении опыта, но его регенерация происходит настолько стремительно, что то, что он ощущает на первом этапе, уже не имеет для него значения и влияния к тому времени, когда он подходит к следующему.

— Я бы хотел поговорить с мистером Зеллером, — заявил капитан Лич. — Где вы находитесь, сэр?

— Говорит Зеллер, — в коммуникаторе зазвучал голос начальника отдела металлургии. — Я уже закончил работу над защитным скафандром

и начал поиски в трюме корабля.

— Сколько времени понадобится для производства таких скафандров для каждого члена экипажа?

Зеллер ответил не сразу.

— Нам удалось кое-что сделать в этом направлении, но нам придется подготавливать производственный материал, — произнес он, наконец. — Прежде всего необходимо создать инструменты, при помощи которых подобные скафандры можно будет сделать в нужном количестве из любого металла. Одновременно нам следует начать работу с атомным реактором для создания сопротивляемого материала. Как вы, возможно, понимаете, он останется радиоактивным довольно длительное время. Я полагаю, что следующий костюм сойдет с конвейера примерно через двести часов.

Для Гросвенфа это прозвучало как умеренно осторожное суждение. Трудность механического сопротивления металла едва ли могла быть преувеличена. После слов металлурга капитан Лич погрузился в размышления.

— Тогда это нам не подходит! — неуверенно прозвучал голос биолога Скита. — Поскольку полная энергизация тоже займет очень много

времени, если это вообще можно будет проделать, мы угодили в печальное положение. Мы промахнулись, и у нас не осталось никаких шансов на победу.

Обычно ленивый голос Гурлея, специалиста по коммуникации, прозвучал весьма сердито:

— А я не понимаю, почему следует исключать эти пути! Мы еще живы. Я предлагаю серьезно взяться за работу и сделать столько, сколько мы сможем.

— А почему вы думаете, — холодно прозвучал голос Скита, — что существо не способно разбить металл высокой сопротивляемости? Поскольку он высшее существо, то его знания физики, вероятно, намного превосходят наши. Чудовище может найти довольно простую проблему создания луча, который может уничтожить все, чем мы располагаем. Не забудьте о том, что кот мог распылять металл высокой сопротивляемости — и одному небу известно, какие пригодные ему для этого материалы и механизмы имеются в наших лабораториях.

— Вы что, предлагаете позорную сдачу? — мрачно проронил Гурлей.

— Нет! — раздался сердитый голос биолога. — Я хочу, чтобы мы рассуждали здраво, а не просто

тратили силы на выполнение невыполнимых задач.

Из коммуникатора послышался голос Кориты, который покончил с этой словесной дуэлью.

— Я склонен согласиться со Скитом. Скажу еще, что мы имеем дело с существом, которое должно быстро понять, что нам нельзя предоставлять время для работы над чем — то важным. По этой и по другим причинам существо захочет вмешаться, если попытаемся подготовить корабль к полной энергизации.

Капитан Лич все еще размышлял.

Из аппаратной снова донесся голос Кента:

— И что, как вы думаете, оно будет делать, когда поймет, что нельзя позволить нам продолжать действия против него?

— Чудовище начнет убивать. И я не могу придумать ничего другого, как закрыться в аппаратной. Однако, я согласен со Скитом, что со временем существо сумеет проникнуть и туда.

— У вас есть какие-нибудь соображения? — наконец, прервал молчание капитан Лич.

Корита поколебался.

— Откровенно говоря, нет. Я бы сказал, что мы не должны забывать о том, что имеем дело с существом, которое, по — видимому, находится

на крестьянской стадии своего цикла. Для крестьянина его земля и он сам — или, используя более абстрактные понятия, — его собственность и кровь священны. Существо будет слепо бороться против вторжения в эти области. Как всякий аграрий, существо привязывает себя к куску собственности и там строит свой кров и вскармливает потомство. Но все это общие рассуждения, джентльмены. В настоящий момент я не представляю, как нам следует использовать его слабости.

— Я тоже не понимаю, как все это может нам помочь, — заявил капитан Лич. — Могут ли главы отделов отправиться на консультацию со своими помощниками? Если у кого-нибудь возникнут новые соображения, то жду соображений через пять минут.

Гросвенф, не имеющий в своем отделе никаких помощников, проговорил.

— Нельзя ли мне задать несколько вопросов мистеру Корите, пока будет проходить обсуждение по отделам?

— Если никто не возражает, я согласен, — кивнул капитан Лич.

Так как возражений не последовало, Гросвенф спросил.

— Мистер Корита, вы свободны?

— А кто это?

— Гросвенф.

— А — а — а, мистер Гросвенф! Теперь я узнал ваш голос. Прошу вас, задавайте вопросы.

— Вы упомянули о том, что крестьянин с почти бессмысленным упорством цепляется за свой клочок земли Если это существо находится на крестьянской стадии цивилизации, то может ли оно представить себе иное с нашей стороны отношение к нашей собственности?

— Уверен, что нет.

— Существо будет строить свой план, уверенное в том, что мы не можем от него убежать, поскольку привязаны к кораблю?

— На его счет это совершенно верное утверждение Мы не можем покинуть корабль и тем спастись.

— Но сами мы находимся на такой стадии, — настаивал Гросвенф, — когда любая собственность означает для нас очень мало? Мы ведь не привязаны к ней так сильно?

— Я думаю, — твердо проговорил капитан Лич, — что начинаю понимать, к чему клонятся ваши рассуждения. Вы собираетесь предложить нам другой план?

— Да… — против желания голос Гросвенфа слегка дрожал.

— Мистер Гросвенф, — сурово заговорил капитан Лич. — Ведь я правильно понял, что за вашим решением стоят смелость и воображение? Я хочу, чтобы вы разъяснили его всем, — он заколебался и взглянул на часы — до истечения пятиминутного срока.

После короткой паузы снова послышался голос Кориты:

— Мистер Гросвенф, вы совершенно правы Мы можем принести эту жертву без духовных терзаний И это — единственное решение!

Минутой позже Гросвенф предоставил свой анализ обстановки всему составу экспедиции. Когда он кончил Скит, голосом чуть громче шепота, сказал.

— Гросвенф, вам удалось! Это означает уничтожение Ван Гроссена и остальных. Это означает уничтожение каждого из нас, но вы правы. Собственность для нас не важна. Что же касается Ван Гроссена и еще четверых пленников чудовища, — его голос обрел суровость и твердость, — то у меня не было возможности сообщить вам о своем докладе Мортону. Он не сообщил о нем, потому что я предполагал возможную параллель

с некоторыми аспектами поведения земной осы. Это настолько ужасно, что я думаю следующее: немедленная смерть будет для этих людей избавлением от мучений.

— Оса! — крикнул кто-то. — Вы правы, Скит, чем скорее они умрут, тем будет лучше для нас и хуже для чудовища.

— В аппаратную! — приказал капитан Лич. — Мы…

Его прервал быстрый взволнованный голос, ворвавшийся в аппаратную. Прошла томительная секунда, прежде чем Гросвенф осознал, что он принадлежит металлургу Зеллеру.

— Капитан! Быстро присылайте в трюм людей и газометы! Я обнаружил их в трубе кондиционера. Существо тоже здесь, и я сдерживаю его вибратором. Это не приносит ему особого вреда, так что поторопитесь.

Капитан Лич отдавал приказы со скоростью машины, в то время как люди бросились к лифтам.

— Всем начальникам отделов и их штатам проследовать к шлюзу. Военному персоналу занять лифты и следовать за мной. Возможно, мы не сумеем загнать его в угол или прикончить в трюме. Но джентльмены… — голос его стал жестоким. — Мы должны избавиться от чудища

и сделаем это, чего бы нам это не стоило. И мы больше не можем считаться с собой!

Когда человек обнаружил его гуулов, Икстль отступил с большой неохотой. Впервые острый страх поражения проник в его сознание, как тьма, сомкнувшаяся за стенами корабля. Первым его побуждением было ринуться в гущу людей и сокрушить их, но воспоминание об уродливых, сверкающих орудиях прогнало это желание. И он отступил с чувством опустошения, потеряв инициативу. Теперь люди обнаружат его яйца и, уничтожив их, сокрушат его надежду быть поддержанным другими «икстлями».

Теперь у него оставалось лишь одна цель. С этого момента он должен убивать и только убивать. Сейчас его удивляло то, что он думал прежде всего о воспроизведении, а все остальное оставлял на потом. Он холодно подумал о том, что зря потратил столь ценное время. Но чтобы убивать, ему необходимо было иметь оружие, которое разрушало бы все. После недолгих размышлений он устремился в ближайшую лабораторию, почувствовав тягу к такой поспешности, какой никогда раньше не знал.

Когда он работал, склонив высокое туловище и напряженную физиономию над сверкающим

металлом, его чувствительные ноги ощутили вибрацию, а затем резкий скачок в симфонии колебаний. И тут он понял, в чем дело. Двигатель замолчал. Огромный космический корабль останавливал свой безудержный разбег и вскоре неподвижно застыл в черных глубинах безбрежного космоса. Икстля обуяло безотчетное чувство тревоги. Его длинные черные проволокообразные пальцы метались подобно молниям, когда он с сумасшедшей быстротой проделывал сложнейшие соединительные операции.

Внезапно он вновь застыл. Сильнее чем раньше, на него снова нахлынуло чувство того, что здесь что-то не так. И он тут же понял, почему. Он не ощущал больше вибрации людей.

Они покинули корабль! Икстль забросил уже почти готовое оружие и нырнул в ближайшую стену. Он был уверен, что знает свой приговор, и что надежда на спасение для него лежит лишь в темноте пространства.

Икстль рвался сквозь пустынные комнаты и коридоры, средоточие рабства и ненависти, алое чудовище с древнего Глора. Сверкающие стены, казалось, насмехались над ним. Весь мир огромного корабля, так много обещавший, теперь стал местом, где каждую секунду мог вырваться на

свободу энергетический ад. С явным облегчением он заметил впереди шлюз. Он пролетел через первую секцию, вторую, третью — и вот он уже в космосе. Икстль решил, что люди ожидают его появления, и поэтому сразу оттолкнулся от корабля с огромной силой.

У него появилось чувство увеличивающейся легкости, когда его тело отлетело от борта корабля и метнулось во тьму.

Огни иллюминаторов за ним потухли и снова вспыхнули неземным голубым светом. Каждый дюйм обшивки корабля лучился голубизной. Затем медленно, будто неохотно, голубой свет исчез. Задолго до того, как он исчез полностью, возник мощный энергетический экран, навсегда преграждая ему путь на корабль. По мере того, как могучие двигатели освобождались от опустошающей вспышки энергии, огни, уже горевшие, сделались более яркими, другие начали вспыхивать.

Икстль, уже удалившийся на несколько миль, подобрался ближе, не теряя бдительности. Теперь, когда он находился в пространстве, люди могли испытать на нем действие атомной пушки и уничтожить его без всякой опасности для себя. Встревоженный Икстль приблизился на

расстояние приблизительно в полмили от экрана, и там остановился. Он увидел, как первая из шлюпок вынырнула из темноты внутри экрана и проскользнула в отверстие, зияющее в боковой стене корабля. За ней последовали другие, чьи тени неясно вырисовывались на фоне темноты пространства. Их едва можно было разглядеть в свете, который опять бил из ярких иллюминаторов.

Наконец, отверстие закрылось, и без всякого предупреждения корабль исчез. Только что он был здесь — огромная темная металлическая сфера. И вот он уже звездочка, летящая к яркому, неправильной формы пятну — галактике, плавающей в бездне протяженностью в миллион световых лет.

Время мрачно потекло в вечность. Икстль неподвижно и обреченно распростерся в кромешной темноте. Он не мог не думать о маленьких икстлях, которые никогда уже не родятся, и о Вселенной, потерянной из-за его ошибки и хитрости этих существ…

Гросвенф умело настроил установку и теперь наблюдал за ловкими пальцами хирурга, в то время, как электрический нож врезался в желудок четвертого человека. Последнее яйцо было

опущено на дно высокого чана из высокопрочного металла. Яйца были круглые, сероватые, а одно из них слегка надтреснутое.

Несколько человек стояли с бластерами наготове и следили за тем, как ширится трещина в яйце. Уродливая круглая головка, алая, с круглыми, как бусинки, глазами, и узенькой хищной полоской рта высунулась наружу. Голова лениво повернулась на короткой шее, и на людей с неописуемой злобой уставились глаза. С поразившей людей уверенностью, существо высвободилось от оболочки и попыталось выкарабкаться из чана, но гладкие стены не позволили ему этого сделать. Детеныш скользнул вниз и растворился в полившемся на него пламени.

— А что, если бы чертенок выбрался и растворился в ближайшей стене? — облизнув губы, осведомился Скит.

Никто ему не ответил. Гросвенф видел, что люди неотрывно смотрят в чан. Яйца неохотно растворялись под действием жара бластеров и, наконец, вспыхнули голубым пламенем.

— Э — э — э... — промычал доктор Эгарт, и всеобщее внимание было перенесено на него и на тело Ван Грос — сена, над которым он склонился. — Его мышцы начинают расслабляться, а

глаза открыты и живые. Я думаю, он понимает, что происходит. Это была некая форма паралича, вызванная яйцом, а теперь, когда оно извлечено, паралич постепенно проходит. Никаких серьезных повреждений нет. Скоро с ним все будет в порядке. А что с чудовищем?

Ему ответил капитан Лич.

— Люди, находившиеся в двух спасательных шлюпках, утверждают, что заметили красную вспышку, вырвавшуюся из главного шлюза как раз тогда, когда мы подвергли корабль бесконтрольной энергизации. Вероятно, это был наш милый друг, поскольку мы не обнаружили его тела. Тем не менее, Пеннос и его помощники собираются обойти корабль с флюоритными камерами. А наверняка мы все узнаем через несколько часов. Вот как раз и инженер. Итак, чисто, мистер Пеннос?

Инженер быстро приблизился к столу и уложил на стол нечто металлическое и бесформенное.

— Пока ничего определенного… но вот что я обнаружил в главной физической лаборатории. Как вы думаете, что это такое?

Главы отделов, подошедшие к столу, чтобы рассмотреть поближе, расступились, пропуская Гросвенфа. Он осторожно склонился над

хрупкого вида предметом со сложной системой соединений. Три его трубки могли быть дулами, проходящими через три маленьких шарика, сияющих серебристым светом. Свет проник в стол, делая его прозрачным, как стекло. И что самое странное, шарики поглощали тепло, как термическая губка. Гросвенф по — тянулся к ближайшему шарику и ощутил, как его руку обдало жаром. Он быстро отдернул ее назад.

Пеннос чему-то кивнул, но промолчал.

— Вероятно, существо работало над этим механизмом, — предположил Скит, — когда вдруг заподозрило, что что-то не так. Вероятно, существо поняло, что происходит, потому что быстро покинуло корабль. Это, кажется, не совсем согласуется с вашей теорией, Корита? Вы сказали, что как истинный крестьянин, он даже представить себе не может, что мы собираемся делать.

На побледневшем от усталости лице японского археолога появилась улыбка.

— Мистер Скит, — вежливо произнес Корита, — нет ничего удивительного в том, что это существо смогло понять. Возможным ответом на это будет разнообразие видов крестьянской категории. Ко всему, красное чудовище было самым высокоразвитым представителем этой категории, какой

нам только доводилось видеть.

— Хотел бы я, — проворчал Пеннос, — чтобы мы пореже сталкивались с такими крестьянами. Вам известно, что после трех минут бесконтрольной энергизации мне понадобится на ремонт двигателя не менее трех месяцев? Я даже боюсь, что… — он замолчал, не решаясь говорить.

Капитан Лич мрачно улыбнулся и продолжил:

— Я закончу за вас, мистер Пеннос. Вы опасались, что корабль будет полностью уничтожен. Думаю, большинство из нас понимало, на какой риск мы идем, когда согласились на последний план мистера Гросвенфа. Мы знаем, что наши спасательные суденышки могут дать лишь частичное антиускорение. Так что мы могли оказаться беспомощными в четверти миллиона световых лет от дома.

Кто-то из людей добавил:

— Я понял так, что если бы алая тварь действительно захватила корабль, она бы отправилась дальше с очевидным намерением завоевать галактику. В конце концов, человек достаточно хорошо в ней устроился… и достаточно к ней привык…

Скит качнул головой.

— Однажды этот дьявол над ней властвовал и

мог бы властвовать опять. Вы слишком твердо убеждены в том, что человек является образцом справедливости, забывая вероятно о том, что у него была долгая и кровавая история. Он убивал других животных не только ради получения мяса, но и для садистского удовольствия. Он брал в рабство соседей, убивал своих соотечественников и противников, испытывал наслаждение от мучений остальных. И не будет ничего невероятного в том, если мы во время нашего дальнейшего путешествия встретим других существ, куда более достойных управлять Вселенной, чем человек.

— Ради всего святого, — заметил один из техников, — пусть ни одного опасного вида существ не будет до — пущено на корабль. Мои нервы на пределе, и я уже не так хорош, каким был тогда, когда впервые вступил на борт «Космической Гончей».

— Вы говорите от имени всех нас! — раздался из коммуникатора голос исполняющего обязанности директора — Кента.

Глава 16

Кто-то зашептал Гросвенфу на ухо, но так тихо, что он не смог разобрать ни слова. Шепот

последовал за вибрирующим звуком, таким же тихим, как и шепот, и в равной степени непонятным. Он непроизвольно оглянулся. Сейчас он находился в кинозале своего отдела, и в поле зрения никого не было. Гросвенф неуверенно подошел к двери, ведущей в аудиторию, но и там никого не оказалось. Он вернулся к работе, хмуро размышляя над тем, не направил ли на него кто-нибудь энцефалоаджустер. Это было единственно возможное объяснение, пришедшее ему на ум. Но через некоторое время он отверг его, как бессмысленное. Аджустеры были эффективными лишь при действии с близкого расстояния. А главное, его отдел был защищен против воздействия вибрации. Кроме того, он был слишком хорошо знаком с умственным процессом, вовлеченным в полученную иллюзию, и это делало для него невозможным не придавать значения инциденту.

Ради предосторожности Гросвенф тщательно осмотрел все пять комнат и проверил аджустеры в технической комнате. Они находились в том состоянии, в каком и должны были находиться — тщательно убранные. Эллиот молча вернулся в кинокабинет и вновь принялся за изучение гипнотически — световой вибрации, развитой

им из изображений, использованных Риим против корабля.

Ужас поразил его сознание, подобно удару: он весь, съежился от страха. И потом снова шепот, такой же тихий, как и раньше, но теперь он был довольно сердитым и непонятно враждебным. Он ошеломленно застыл. Все — таки, вероятно, это был энцефалоаджустер. Кто-то стимулировал его мозг на расстоянии настолько мощным аппаратом, что защитный экран его комнаты оказался бессильным. Он лихорадочно размышлял, кто бы это мог быть и, в конце концов, пришел к выводу, что след ведет в психологический отдел. Ему ответил сам Сидл, и Гросвенф решительно принялся ему разъяснять, что произошло, но психолог его быстро прервал:

— Я как раз собирался с вами связаться, потому что подумал, что вы можете быть ответственны за эти действия.

— Вы хотите сказать, что кто-то еще был подвергнут такому же воздействию? — недоверчиво осведомился Гросвенф, пытаясь осмыслить происходящее.

— Я удивлен, что ему подверглись и вы в специально оборудованном отделе. Мне жалуются вот уже двадцать минут, а некоторые из моих

приборов были затронуты на несколько минут раньше.

— Какие приборы?

— Мозговолновой генератор — детектор, нервно-импульсный регистратор и более чувствительные электрические детекторы. Кстати, Кент собирается созвать совещание на контрольном пункте, так что там и увидимся.

Но Гросвенф не отпустил его так быстро.

— Выходит, что какое-то обсуждение уже было?

— Мы... э... мы сделали кое-какие предположения.

— О чем?

— Мы скоро будем проходить огромную галактику М —33. Есть мнение, что это исходит оттуда.

Гросвенф мрачно улыбнулся.

— Это явный гипноз. Я подумаю над этим, а через несколько минут мы увидимся.

— Приготовься к получению шока при выходе в коридор. Давление осуществляется постоянно. Звуки, световые пятна, образы, эмоционально действующий шум — мы в самом деле получаем стимулирующую дозу.

Гросвенф кивнул и прервал связь. К тому мо-

менту, когда он убрал пленку, извещение Кента о совещании передавалось по корабельному коммуникатору. Через минуту, открыв дверь в коридор, Гросвенф мгновенно понял, что имел в виду Сидл. Он даже остановился, поскольку смесь возбудителей сразу же начала на него воздействовать. Полный тревоги, Эллиот направился к контрольному пункту.

Через некоторое время он уже сидел вместе с остальными. Огромная космическая ночь что-то шептала, прижавшись к пролетавшему сквозь нес кораблю. Капризная и беспощадная, она заманивала и предупреждала. Она вибрировала в жутком наслаждении, а потом кипела в неистовом и диком безумии. Она шептала о страхе и выла от голода. Она умирала и билась в агонии и снова возрождалась к экстатической жизни. И в каждую долю секунды в ней неумолимо присутствовала угроза.

— Есть мнение, — произнес кто-то за спиной Гросвенфа, — что корабль должен возвратиться домой.

Гросвенф, неспособный различить голос, оглянулся в поисках говорившего. Кем бы он ни был, больше он не сказал ничего. Вновь устремив взгляд вперед, Гросвенф обнаружил, что испол-

няющий обязанности директора Кент все еще не отвернулся от глазка телескопа, что-то наблюдая. Он или решил, что на эту реплику отвечать не стоит, или не слышал его голоса. Никто другой также не среагировал на это замечание.

Поскольку все продолжали упорно молчать, Гросвенф принялся оперировать встроенным в кресло манипулятором коммуникатора, и теперь тоже наблюдал несколько размытое изображение того, на что уставились в телескоп Кент и Гюнли Лестер. Постепенно он забыл о соседях и сконцентрировался на показываемом экраном изображения ночи. Они находились вблизи границ целой галактической системы. И все же ближайшие звезды находились еще настолько далеко, что телескоп едва мог показать мириады блестящих точек, составляющих спиральную туманность М —33 Андромеды.

Гросвенф отвел взгляд от экрана одновременно с Лестером.

— Случившееся кажется невероятным, — заявил астроном. — Вибрация, которую мы ощущаем, распространяется от галактики с биллионами солнц.

— Немного помолчав, он прибавил: — Директор, мне кажется, что решение этой проблемы не

в сфере астрономии.

Кент оторвался от глазка телескопа и проговорил.

— Все, что включает в себя галактика, подходит под категорию астрономического явления, или же вы можете назвать другую науку, которая этим займется?

Поколебавшись, Лестер медленно ответил.

— Показания шкалы просто фантастические. Я не думаю, что нам следует пользоваться галактическим телескопом. Этот барьер может рассылаться лучом, сконцентрированным на нашем корабле.

Кент повернулся к людям, расположенным лицом к широкой разноцветной контрольной панели, и спросил:

— У кого-нибудь есть предложения или дельные соображения?

Гросвенф оглянулся, надеясь, что говоривший раньше объяснит свою мысль подробнее, но тот молчал.

Несомненно, люди уже не осмеливались выступать так свободно, как при Мортоне, когда тот вел собрание. Так или иначе, но Кент весьма явно давал понять, что считает мнение всех, кроме глав отделов, просто дерзостью. Было также

очевидно, что он не считает некзиальный отдел правомочным. В течение нескольких месяцев он и Гросвенф были вежливы друг с другом, но старались видеться как можно реже. В течение этого времени исполняющий обязанности директора Кент, желая упрочить свои позиции, представил на совет несколько методов, дающих его отделу больший вес в некоторых областях деятельности под всяческими благовидными предлогами.

Важность правил корабля, учитывающих одобрения индивидуальной инициативы, даже за счет производительности, была тем пунктом, который мог бы — Гросвенф был в этом уверен — продемонстрировать только другой некзиалист. Он не собирался протестовать и, таким образом, еще несколько ограничений наслоилось на и так уже опасно страдающий ограничениями корабль.

Из глубины контрольной первым отозвался на слова Кента биолог Скит. Он сухо заметил:

— Я вижу, что мистер Гросвенф крутится на своем стуле. Может быть, он вежливо ждет, пока не выскажутся более старшие? Мистер Гросвенф, что у вас на уме?

Гросвенф подождал, пока притихнет слабый всплеск смеха, к которому Кент не присоеди-

нился. Он недовольно произнес, уставившись почему-то на Эллиота. — Мы вас слушаем, мистер Гросвенф…

— Несколько минут назад кто — то предложил нам повернуть обратно домой. Я бы хотел, чтобы этот человек мотивировал свое предложение.

Ответа не последовало. Гросвенф видел, что Кент нахмурился. Действительно, казалось странным, что есть человек, не желающий подтвердить свое мнение, в какой бы форме оно ни было высказано. Все с удивлением переглядывались.

В конце концов, снова заговорил Скит:

— Когда было сделано это предложение? Я не помню, чтобы слышал его.

— И я! — эхом отозвались несколько голосов.

Глаза Кента блеснули. Гросвенфу показалось, что он ринулся в спор, как человек, жаждущий личной победы.

— Позвольте мне прояснить этот вопрос, — нахмурился Кент. — Было такое утверждение или нет? Кто еще его слышал? Прошу поднять руки.

Все руки остались опущенными.

— Мистер Гросвенф, что именно вы слышали? — злобно процедил Кент.

Гросвенф четко произнес:

— Насколько я помню, слова были следующие: «Есть мнение, что корабль должен возвратиться домой», — он умолк, но поскольку никаких замечаний не последовало, продолжил: — Кажется ясным, что сами слова возникли в результате стимуляции слуховых центров моего мозга. Кто-то чувствует сильнейшее желание отправить нас домой, и я его уловил… Я, конечно, не предлагаю это в качестве позитивного анализа.

Кент недовольно осведомился:

— Все мы, мистер Гросвенф, все еще пытаемся понять, почему именно вы, а не кто-то другой, услышали это предложение?

И опять Гросвенф оставил без внимания тон, которым это было сказано, и искренне сказал:

— Последние несколько минут я как раз это обдумывал. Я не могу не вспомнить, что в период инцидента с Рииим мой мозг был подвергнут стимуляции в течение довольно длительного времени. Вполне возможно, что теперь я более чувствителен к подобным связям. — Тут ему пришло в голову, что подобная чувствительность могла быть объяснением тому, что он смог услышать шепот в своих изолированных экранами комнатах.

Гросвенф не был удивлен тем, что Кент брезг-

ливо нахмурился. Химик показал этим, что предпочитает не вести разговоры о птичьем народе и о том, что они проделали с сознанием членов экспедиции. Кент холодно проговорил:

— Я уже имел удовольствие слышать рассказы о вашем вкладе в этот эпизод. Если я не ошибаюсь, вы утверждали, что причина вашей победы над Риим крылась в том, что члену одной расы трудно контролировать нервную систему представителя другой формы жизни, совершенно ему не знакомой. Как же вы тогда объясните, то, что кто бы там ни был, махнул в направлении движения корабля, проник в ваше сознание и стимулирует с удивительной точностью то участки вашего мозга, которые произвели предупреждающие слова, только что повторенные вами.

Гросвенфу показалось, что тон Кента, как он выбирает слова, и его самодовольство, произвели на всех неприятное впечатление.

— Директор, тот, кто стимулирует мой мозг, может знать о проблемах общения с нервной системой пришельца. Мы не станем утверждать, что он говорит на нашем языке. Кроме того, подобное решение проблемы было бы лишь частичным, поскольку я — единственный человек, отозвавшийся на стимуляцию. Я считаю, что в

настоящий момент нам стоит обсуждать не то, каким путем я ее получил, а почему и что мы должны с этим делать, — закончил выступление Гросвенф.

Глава отдела геологии Дональд Мак — Кен откашлялся и сказал:

— Гросвенф прав. Я полагаю, джентльмены, что нам следует взглянуть в лицо тому факту, что мы вторглись на чью — то территорию. И это значительный кто-то.

Кент поджал губы, собираясь заговорить, но заколебался. Немного помолчав, он все же высказался:

— Я думаю, нам следует быть осторожными и не приходить к выводу о том, что мы располагаем достаточными для выводов фактами. И я считаю, что нам следует действовать так, как если бы мы находились перед лицом большего, чем у человека, интеллекта, большего чем-то, с чем мы сталкивались в известной нам жизни.

В контрольном пункте установилась тишина. Гросвенф заметил, что люди незаметно для себя приободрились. Их губы стали тверже, выражение лиц увереннее. Он увидел, что и другие заметили эту реакцию.

Социолог Келли мягко произнес:

— Я рад… э… тому, что никто не выказывает желания повернуть назад. Отлично! Мы служим нашему правительству и нашей расе, и наш долг — исследовать возможности новой галактики, особенно сейчас, когда доминирующая здесь форма жизни знает о нашем существовании. Заметьте, пожалуйста, что я одобряю предложение директора Кента и говорю так, как если бы мы были действительно вынуждены вступить в контакт с существами на высшей стадии развития. Их способность более или менее прямо воздействовать на наш мозг и стимулировать его означает то, что они совершенно явно наблюдают за нами и многое о нас знают. Мы не можем позволить себе, чтобы эти знания были односторонними.

Кент уже успокоился, когда заговорил снова:

— Мистер Келли, что вы думаете по поводу мира, в который мы направляемся?

Лысоголовый социолог поправил очки.

— Он… э… велик, директор. Но этот шепот мог быть эквивалентен перекрещивающимся радиоволнам, распространяющимися в нашей собственной галактике. Они… э… могут быть просто внешними сигналами, идущими из пустынных мест в зону развития, — он умолк, но

не слыша ничьих замечаний, он продолжал: — Вспомните, ведь человек тоже оставил вечные следы в собственной галактике. Планеты сошли со своих орбит. Мертвые миры покрылись живой зеленью. Океаны появились там, где безжизненные пустыни лежали под солнцем и были горячей, чем наше Солнце. И наше присутствие здесь, на этом огромном корабле, является проявлением мощи человека, способного проникать дальше, чем все существующие шепоты.

Следующим выступил Гурлей из отдела коммуникации.

— Следы человека едва ли можно назвать постоянными, в космическом смысле этого слова. Я не понимаю, как вы можете говорить о них теми же словами, что и об этом явлении. Эти пульсации настолько всепроникающи, что все пространство вокруг нас шепчет. Это — жизнь, такие ее сильные формы, какие мы даже не представляем. Это не кот, не алый дьявол, не феллахская раса, ограничивающаяся одной системой. Здесь, по всей вероятности, множество умов, которым нет числа, общающихся между собой через мили и годы их пространства и времени. Это цивилизация всей галактики, и если говорящие от ее имени предупреждают нас… — Гурлей

замолчал, задохнувшись, и поднял руку, как бы защищаясь.

Он был не единственным, кто сделал это. По всей комнате люди пригибались и прятались за кресла, так как Кент судорожным движением выхватил вибратор и направил его на аудиторию. Лишь инстинктивно нырнув, Гросвенф обнаружил, что траектория луча проходит выше его головы. За его спиной раздался дикий вопль, затем звук удара, от которого содрогнулся пол.

Гросвенф обернулся вместе с остальными и с чувством омерзения уставился на тридцатифутовую тварь, целиком бронированную, лежащую на полу и извивающуюся в двадцати футах от последнего ряда. В следующее мгновение в воздухе материализовалась красноглазая копия первого чудовища и с грохотом приземлилась в дюжине футов от первого. Вслед за вторым чудовищем появился третий, дьявольского вида монстр, перевернулся несколько раз и вскочил, рыча.

Через секунду из воздуха их материализовалось не менее дюжины.

Гросвенф также выхватил вибратор и разрядил его. Чудовищный рев мгновенно удвоился. Металлические лапы скребли по металлическим стенам и полам. Стальные когти грохотали,

стучали тяжелые ноги. Теперь все люди вокруг Гросвенфа стреляли из вибраторов, но твари продолжали появляться. Гросвенф навернулся, вскочил на второй ряд и прыгнул на второй ярус приборного щита. Когда он добрался до яруса, на котором находился Кент, тот перестал стрелять и злобно зашипел:

— Ты что это делаешь, скотина?!

Его вибратор повернулся, и Гросвенф безжалостно выбил его из рук директора. От ярости тот ничего не мог произнести. Добравшись до следующего яруса, Гросвенф увидел, что Кент тянется за вибратором. Он не сомневался в том, что директор собирается выстрелить в него. Со вздохом облегчения он добрался, наконец, до рубильника, управляющего созданием огромного мультиэнергетического экрана корабля, включил его на полную мощность и кинулся на пол, как раз вовремя. Трассирующий луч вибратора Кента впился в металл контрольной панели как раз над головой Гросвенфа. Потом луч пропал. Кент вскочил на ноги, и крикнул наверх:

— Я не понял, что вы собираетесь делать!

Как извинение, эта фраза совсем не тронула Гросвенфа. Исполняющий обязанности директора считал, вероятно, что может оправдать

свой поступок тем, что Гросвенф бежал с поля боя. Эллиот проскочил мимо химика слишком сердитый, чтобы вступать в разговор. Он ужо давно не выносил Кента, но теперь убедился, что поведение этого человека делает его недостойным должности директора. Впереди предстояло сложное время, и личная неприязнь Кента могла сыграть роль триггера, способного уничтожить корабль.

Спустившись на нижний ярус, Гросвенф добавил энергию своего вибратора к той, что излучали вибраторы других. Уголком глаза он заметил, что три человека устанавливают огнемет. К тому времени, когда он изрыгнул свое невыносимое пламя, все твари находились без сознания от молекулярной энергии, и уничтожить их было делом нетрудным.

Опасность миновала, и у Гросвенфа появилось время поразмыслить над тем, как эти чудовища были живыми перенесены на корабль через световые столетия. Это походило на сон, и было слишком фантастично, подобное вообще невозможно было себе представить.

Но запах горящей плоти был достаточно реальным, как и струившаяся по полу голубовато — серая кровь. Последней очевидностью была

дюжина или около того бронированных и чешуйчатых тел, валявшихся по всей комнате.

Глава 17

Когда через несколько минут Гросвенф вновь увидел Кента, исполняющий обязанности директора был сдержанным и активно отдавал приказы по коммуникатору. Вплыли подъемники, и началась уборка тел. Коммуникаторы гудели от перекрестных посланий. Картина быстро прояснилась.

Существа объявились лишь в контрольном пункте. Корабельный радар не зарегистрировал ничего похожего на вражеский корабль. В любом направлении расстояние до ближайшей звезды равнялось тысяче и более световых лет. При этих известиях вся комната загудела, обменивались мнениями.

— Десять световых столетий! — изумился штурман Селенски. — Без ретрансляции мы даже сообщение не можем передать на такие расстояния.

Вперед торопливо вышел капитан Лич. Он коротко переговорил с несколькими учеными и созвал военный совет.

— Мне едва ли следует говорить о риске, которому мы подвергаемся, — начал он свою речь. — Наш корабль противостоит тому, что, похоже, является враждебной галактической цивилизацией. Сейчас мы в безопасности за защитным экраном. Природа угрозы требует от нас ограниченности действий, хотя, если быть объективными, и не слишком большой. Мы должны узнать, почему нас предупреждают. Мы должны определить природу опасности и меру разума за ней. Я вижу, что наш биолог Скит все еще исследует останки наших последних врагов. Мистер Скит, что они из себя представляют?

Скит отвернулся от поверженного чудовища и сообщил:

— Земля могла произвести нечто подобное во время динозавров. Судя по размерам того, что должно быть черепной коробкой, их интеллект должен быть чрезвычайно низким.

— Мистер Гурлей, — произнес Кент, — мне говорят, что твари могли проникнуть сквозь гиперпространство. Вероятно, нам следует попросить вас развить эту версию.

— Мистер Гурлей, ваша очередь, — подхватил капитан Лич.

Специалист по коммуникациям начал выступ-

ление в свой обычной, спокойной манере.

— Это лишь теория, и весьма новая. Согласно ей, вселенная уподобляется шару. Когда вы прокалываете оболочку, шар мгновенно становится плоским и одновременно начинает залечивать прокол. Тогда, как ни странно, если предмет проникает под оболочку, ему нет необходимости возвращаться в ту же точку пространства. Предположим только, что некто знает какой-то метод контроля над явлением и может использовать его, как форму телепортации. Да, звучит все это причудливо, но вспомните, что это в равной мере можно сказать и о случившемся.

— Трудно поверить в то, что кто-то может быть более ловким, чем ты, — кисло заметил Кент. — Вероятно, это какие-то очень очень простые решения проблемы гиперпространства, которые просмотрели наши ученые. Может быть, нам удастся их узнать? — он помолчал, потом продолжил: — Корита, вы все молчите. Не скажете ли, что противостоит нам?

Археолог встал и в замешательстве развел руками.

— Не могу предложить даже догадки. Нам придется побольше узнать о мотивах, стоящих за нападением, а уж потом можно будет делать срав-

нения на базе цикличности истории. Например, если целью был захват корабля, то нападение на нас, — в том виде, в котором оно было совершено — было ошибкой. Если же они намеревались просто напугать нас, то атака оказалась на редкость успешной.

Когда Корита сел, раздался взрыв смеха, но Гросвенф отметил, что выражение лица капитана Лича осталось мрачным и задумчивым.

— Если говорить о мотиве, — отчеканил он, — то мне в голову пришла одна неприятная версия, и мы должны быть к ней готовы. Она состоит в следующем. Предположим, что этот одаренный интеллект, или кто он там, захотел узнать, откуда мы прилетели? — он сделал паузу, и судя по установившейся тишине и напряженным позам было ясно, что его слова задели чувствительную струну. — Давайте посмотрим на это… с его… точки зрения. Приближается корабль… В том направлении, откуда он летит, в радиусе десяти миллионов световых лет имеется значительное число галактик, звездных скоплений и туманностей. Какая из них наша?

В помещении воцарилась тишина. Лич повернулся к Кенту.

— Директор, если вы согласны, я предлагаю

изучить некоторые из планетных систем этой галактики.

— Не возражаю, — буркнул Кент. — Но теперь, если кто-нибудь еще…

Гросвенф поднял руку, но Кент, как бы не замечая, сказал:

— Начнем совещание… чуть позже. Это же собрание объявляю…

— Мистер Кент!

— …закрытым! — закончил Кент.

Все оставались на своих местах. Кент повернулся к Эллиоту и недовольно заявил:

— Прошу прощения, мистер Гросвенф, предоставляю вам слово.

— Трудно себе представить, — уверенно проговорил Гросвенф, — что эти существа смогут расшифровать наши знания, но я все же предлагаю уничтожить наши звездные карты.

— Я собирался предложить то же самое, — взволнованно заговорил Ван Гроссен. — Продолжайте, Гросвенф.

Под одобрительный шепот присутствующих Эллиот продолжал:

— Все мы убеждены, что наш главный защитный экран может нас охранить от неприятностей. У нас, естественно, и нет иной альтернативы, чем

вести себя так, как если бы это соответствовало истине. Но когда мы, наконец, приземлимся, для нас было бы нежелательным не иметь наготове несколько больших энцефалоаджустеров. Мы смогли бы создать защитные мозговые волны с тем, чтобы избежать дальнейшего прочтения наших мыслей.

И снова аудитория одобрительно зашумела.

Кент бесстрастно осведомился:

— Что-нибудь еще, мистер Гросвенф?

— Одно общее замечание. Главам отделов следовало бы просмотреть материалы, находящиеся в их распоряжении, чтобы уничтожить все, что могло бы подвергнуть опасности нашу расу в случае захвата «Гончей».

По мере того, как текло время, становилось ясным, что или неизвестный интеллект намеренно воздерживается от дальнейших действий, или работа экрана является достаточно эффективной. Никаких новых инцидентов не произошло.

Одинокими и редкими были солнца в этой отдаленной области галактики. Первое солнце, вынырнувшее из пространства — светящийся сгусток жара, яростно пылавший в чернильной тьме. Лестер и его штат определили местонахождение пяти планет достаточно близким к

светилу, так что имело смысл их обследовать. Посетив все пять, они уяснили, что одна была обитаема. Это был шар мглы, джунглей и гигантских тварей. Корабль покинул ее, низко пролетев над линией морских берегов и через огромный континент, заболоченный и заросший. И никаких следов цивилизации, тем более настолько сложной, существование которой можно было предполагать.

«Космическая Гончая» пролетела триста световых лет и оказалась у маленького солнца с двумя планетами, жмущимися к теплу красно — вишневого шара. Одна из двух планет была обитаема, и это тоже был мир мглы и джунглей с ящероподобными тварями. Они оставили его неисследованным, пролетев над огромным морем и покрытым буйной растительностью материком.

Теперь звезд стало больше. Они рассеивали черноту следующих ста пятидесяти световых лет. Большое голубоватое солнце, в орбите которого вращалось не менее пятидесяти планет, привлекло внимание Кента, и корабль быстро устремился к нему. В непосредственной близости к солнцу располагалось семь планет, и они были пылающим адом без всякой надежды на зарож-

дение жизни. Корабль совершил спираль над тремя близко рас — положенными друг к другу планетами, которые были обитаемы, и устремился в межзвездную пустоту исследовать другие системы. За ними находились три насыщенные испарениями планеты — джунгли, вращавшиеся по своим орбитам вокруг солнца.

Тем временем Кент собрал на борту корабля совещание глав отделов и их заместителей. Обсуждение он начал без обиняков:

— Лично я не вижу смысла в этих поисках определенных свидетельств, но Лестер предложил мне срочно вас созвать, — он пожал плечами. — Возможно, он что-то знает.

Кент сделал паузу и наблюдавший за ним Гросвенф был удовлетворен своим присутствием на совещании и озадачен уверенностью, излучаемой всей фигурой маленького химика.

«В чем тут дело?» — подумал он.

Казалось странным, что исполняющий обязанности директора Кент побеспокоился наперед отречься от чести получения хороших результатов, которые могло бы дать это совещание.

Вновь заговорил Кент, и тон его был дружелюбным:

— Гюнли, может быть, вы выступите и объ-

ясните?

Астроном поднялся на нижний ярус. Он был таким же высоким и худым, как и Скит. На его бесстрастном лице блестели ярко-голубые глаза. Но когда он заговорил, голос его звучал довольно определенно.

— Джентльмены, три обитаемые планеты последней системы были совершенно одинаковы, и это их состояние искусственное. Я не в курсе, многие ли из вас знакомы с современной теорией образования планетных систем. Те же из вас, которые с ней не знакомы, возможно, не поймут важность моих слов. Дело в том, что распределение массы в системе, которую мы только что покинули, невозможно динамически. Могу сказать со всей определенностью, что две из трех обитаемых планет этого солнца были перемещены в их настоящее положение насильственно. По моему мнению, нам следует вернуться и проверить. Похоже на то, что кто-то намеренно создал первобытные планеты. Для какой цели — такие предположения я высказывать не буду.

Он замолчал и враждебно уставился на Кента. Тот выступил вперед, на его физиономии блуждала слабая улыбка.

— Гюнли пришел ко мне и попросил, чтобы я

приказал вернуться на одну из планет — джунглей. Ввиду этого я созвал совещание и теперь хочу провести голосование.

«Так вот в чем дело!» — Гросвенф вздохнул, не то чтобы восторгаясь Кентом, но, по крайней мере, по достоинству оценивая его действия. Исполняющий обязанности директора не предпринял попытки создать дело против своей оппозиции. Было вполне возможным, что он, собственно, и не возражал против плана астронома. Но созывая совещание, когда его собственная точка зрения должна была восторжествовать, он доказывал, что рассматривает себя как объект демократической процедуры. Это был ловкий ход, демагогическая мера по поддержанию доброй воли среди его сторонников.

И в самом деле, предложение Лестера встретило активные возражения. Трудно было поверить в то, что Кент знал о них, иначе это бы означало, что он намеренно игнорирует возможную опасность. Он решил оправдать Кента за недостаточностью улик и терпеливо ждал, пока несколько ученых задавали астроному не слишком важные вопросы. Когда ответы на них были получены и казалось ясным, что с дискуссией все, кроме него, покончили, Гросвенф встал и заявил:

— Я бы хотел поддержать точку зрения мистера Кента в этом важном вопросе.

— Однако, мистер Гросвенф, — холодно проговорил Кент, — отношение всех, кажется, в достаточной мере ясно, судя по краткости дискуссии, и отнимать наше ценное время… — тут он внезапно умолк. Вероятно, до него дошел истинный смысл слов Гросвенфа. Лицо его по — темнело. Поскольку никто ничего не сказал, он опустил руку и проговорил: — Вам слово, мистер Гросвенф.

— Мистер Кент прав: решение слишком поспешное, — твердо начал Эллиот.

— Пока мы посетили лишь три планетарных системы, а необходимо посетить не менее тридцати, выбрав их наугад. Это минимальное число, учитывая размеры наших исследований, по которому мы можем прийти к каким — нибудь выводам. Я буду рад обратиться со своими цифрами в математический отдел для подтверждения. Помимо этого, приземлившись, мы должны были бы выйти из-под защиты экрана. Мы должны были бы подготовиться к отражению самой невероятной атаки со стороны интеллекта, который может мгновенно использовать для доставки своих сил среду гиперпространства. Я представляю

себе картину того, как биллион тонн вещества обрушивается на нас в то время как мы беспомощные будем сидеть на этой планете. Джентльмены, насколько я понимаю, впереди у нас есть месяц — другой для детального изучения вопроса. В течение этого времени мы, естественно, должны посетить возможно большее количество солнц. Если их обитаемые планеты тоже окажутся исключительно — или даже в большинстве своем — примитивными, тогда мы будем иметь весомое подтверждение предположения мистера Лестера об их искусственном положении. — Помолчав, Гросвенф закончил: — Мистер Кент, я верно выразил ваше мнение?

Кент уже успел полностью овладеть собой.

— Почти, мистер Гросвенф, — он оглядел собравших. — Если новых предложений больше не будет, я предлагаю проголосовать предложение Гюнли Лестера.

— Я отклоняю его, — встал астроном. — Признаюсь, что не продумал некоторые аспекты поспешного приземления.

После некоторых колебаний Кент произнес:

— Если кто-нибудь желает поддержать предложение Гюнли… — поскольку никто не собирался высказываться, Кент уверенно продолжил: — Я

бы хотел, чтобы кто-нибудь высказал свое мнение, но раз никто не желает сделать этого, то я прошу начальников отделов при — готовить мне детальный отчет по вопросу о том, какие меры нам следует предпринять для успешного приземления, которое нам неизбежно придется совершить. У меня все, джентльмены.

В коридоре, при выходе из контрольного пункта, Гросвенф почувствовал чью-то руку на своем плече. Обернувшись, он увидел Мак — Кена, который сказал;

— Последние несколько месяцев я был чрезвычайно занят работами, связанными с ремонтом и не имел возможности пригласить вас в свой отдел. Я предчувствую, что когда мы, наконец, приземлимся, оборудование геологического отдела будет использовано не совсем по назначению. Некзиализм мог бы нам очень пригодиться.

Гросвенф обдумал эти слова, после чего кивнул в знак согласия.

— Я буду у вас завтра утром. Хочу приготовить рекомендации для импозантного мистера Кента, исполняющего обязанности директора.

Мак — Кен кинул на него быстрый взгляд и нехотя спросил:

— Вы полагаете, что он ими не заинтересуется,

не так ли?

Значит, остальные тоже заметили неприязнь к нему Кента.

— Что, по — вашему, является основой популярности Кента как лидера? — уточнил Эллиот.

После некоторых размышлений Мак — Кен ответил:

— Он человечен. У него есть приязни и неприязни. Он способен волноваться от происходящего. Он вспыльчив… Когда он делает ошибки, то пытается сделать вид, что так и надо. Он жаждет быть директором. После воз — вращения корабля на Землю директора экспедиции ждет мировая известность. Во всех нас есть что-то от Кента. Он… э… он человек.

— Насколько я заметил, вы ничего не сказали о его способности к работе.

— Это не является жизненно важным вопросом. Он может получить совет у специалиста по любой проблеме, — Мак — Кен облизал губы. — Трудно выразить в словах притягательность Кента, но думаю, ученые постоянно опасаются ущемления своих потенциальных возможностей и поэтому хотят, чтобы впереди них находился человек эмоциональный, но в то же время такой, чья квалификация не вызывала бы сомнений.

Гросвенф качнул головой.

— Я не согласен с вами относительно того, что работа директора якобы не важна. Все зависит от личности и от ее умения использовать благоприятные возможности.

Мак — Кен внимательно выслушал Гросвенфа и через некоторое время произнес:

— Человеку, рассуждающему строго логично, подобно вам, возможно, очень трудно понять влияние на людей подобных Кенту. И в политике такие люди имеют мало шансов.

Гросвенф мрачно заявил:

— Побеждает не их преданность научным методам. Дело в их прямоте. Средних знаний человек часто понимает, что тактика, используемая против него, лучше, чем лицо, которое ее использует, но не может решиться на контрудар, не ощущая себя при этом опороченным.

Мак — Кен нахмурился.

— Громко сказано! А у вас не бывает таких приступов малодушия?

Гросвенф молчал.

Мак — Кен настаивал:

— Предположим, вы решите, что Кента следует оттеснить. Что вы станете делать?

— В настоящий момент мои намерения вполне

миролюбивы, — осторожно заметил Гросвенф и с удивлением увидел удовлетворенное выражение на лице Мак — Кена. Он с жаром пожал руку Гросвенфа.

— Рад слышать о том, что ваши намерения легальны, — искренне произнес Мак — Кен. — С тех пор, как я побывал на вашей лекции, я понял то, что никто другой еще не осознал: потенциально — вы самый опасный человек на этом корабле. Совокупность ваших знаний, подкрепленная решительностью и знанием цели, может быть куда более большей бедой, чем любое нападение.

Придя в себя после мгновенного удивления, Гросвенф покачал головой.

— Невероятное предположение. — сказал он — Одного человека слишком легко убить.

— Я заметил, — произнес Мак — Кен — что вы не отрицаете того, что владеете знаниями.

Гросвенф протянул руку в знак прощания.

— Благодарю за ваше высокое мнение обо мне. Хотя оно значительно преувеличено, но психологически стимулирует.

Глава 18

Тридцать первая по счету звезда, на которой они по бывали, была размером с Солнце, и почти такого же типа. На трех ее планетах была жизнь, подобная всем другим обитаемым мирам, которые они видели. Это были покрытые насыщенными испарениями, джунглями и первобытным морем миры.

«Космическая Гончая» пролетела сквозь газообразную оболочку из воздуха и водяных паров и заскользила над поверхностью планеты — огромный чужеродный металлический шар, заброшенный в фантастические края.

В геологической лаборатории Гросвенф наблюдал за приборами, отмечавшими природу почвы внизу. Это была сложная работа, требовавшая пристального внимания, поскольку оперирование цифрами нуждалось в активном участии высокоразвитого интеллекта. Постоянный поток сверхзвуковых и коротковолновых сигналов должен был быть направлен в строго определенную ячейку соответствующего вычислительного устройства в точно определенный отрезок времени для сравнительного анализа. К стандартной,

знакомой Мак — Кену технике, Гросвенф добавил некоторые усовершенствования, согласно принципам некзиализма, и в таблицах и в диаграммах оказалась отраженной удивительно точная картина внешней поверхности планеты.

Гросвенф сидел там уже в течение часа, глубоко погрузившись в процесс работы. Факты давали расхождение в деталях, но молекулярная структура, устройство и распределение различных элементов указывали на некое геологическое постоянство: ил, песчаник, глина, гранит, органические следы — возможные месторождения угля, силикаты в форме покрывающего скалы песка, вода…

Несколько стрелок на шкалах перед ним резко повернулись и застыли. Их реакция косвенно указывала на присутствие металлической руды в больших количествах, со следами углерода, молибдена…

Сталь! Гросвенф схватился за рычаги, которые ускоряли выдачи серии результатов. Зазвенел звонок и сразу же подбежал Мак— Кен. Корабль остановился. В нескольких футах от Гросвенфа Мак — Кен начал разговор с исполняющим обязанности директора Кентом.

— Да, директор, сталь, а не просто железо, — он

не назвал имени Гросвенфа и продолжил. — Мы установили нашу аппаратуру максимум на сто футов. Это может быть город, похороненный или скрытый в джунглях.

— Узнаем точно через несколько дней, — сухо проронил Кент.

Корабль был осторожно посажен на планету и через временное отверстие в защитном экране было опущено необходимое оборудование. Гигантские экскаваторы, краны, подвижные контейнеры были установлены с дополнительными устройствами. Все было так тщательно отрепетировано, что через полчаса после того, как корабль начал разгружаться, он уже вновь взмыл в пространство.

Все работы по раскопкам проводились с дистанционным управлением. Специально обученные люди раскопали землю на двести пятьдесят фугов в глубину и на восемьдесят в ширину. Был обнаружен не столько город, сколько невероятные обломки того, что раньше называлось городом.

Здания выглядели так, как будто были раздавлены слишком огромной тяжестью, чтобы они могли ее вынести. Уровень улиц доходил в глубину на полные двести пятьдесят футов, и там обнаруживались груды костей. Был отдан приказ

прекратить раскопки, и несколько спасательных шлюпок устремились сквозь мглистую атмосферу. Гросвенф находился вместе с Мак — Кеном и другими специалистами и теперь стоял над тем, что осталось от одного из скелетов.

— Нехорошие повреждения, — нахмурился Скит.

— Но, думаю, я смогу его собрать. — Его умелые пальцы укладывали кости в определенном порядке.

— Четыре ноги, — сообщил он. Поднеся к одной конечности флюороскоп, он буркнул: — Похоже на то, что он мертв уже лет двадцать пять.

Гросвенф отошел в сторону. Разложенные повсюду останки могли хранить секреты фундаментальной физической характеристики исчезнувшей расы. Но вряд ли эти скелеты содержат в себе ключ к идентификации без — жалостных существ, послуживших причиной исчезновения расы. Они явно принадлежали несчастным жертвам, а не уверенным в себе мрачным разрушителям.

Он направился туда, где Мак — Кен изучал почву, выкопанную из самой улицы. Геолог повернулся к нему и сказал:

— Я думаю, мы удостоверимся, сделав стра-

тиграфический анализ на несколько сот футов вниз.

После его слов в действие вступила буровая команда. В течении нескольких часов, пока машины прокладывали себе путь среди камней и глины, Гросвенф был очень занят. Перед его глазами мелькали твердые комья земли или обломки камня. Иногда он брал их и исследовал. К тому времени, когда спасательные шлюпки направились к кораблю, Мак — Кен решил дать полный отчет Кенту. Когда он докладывал, Гросвенф стоял у экрана коммуникатора.

— Директор, меня просили проверить, могли ли джунгли на этой планете быть созданы искусственным путем. Вполне возможно, что это так. Слои, идущие ниже болота, кажутся принадлежащими более старой и менее примитивной планете. Трудно представить, что напластование джунглей могло быть снято с какой-то отдаленной планеты и перенесено сюда, но очевидность указывает на то, что это вполне возможно.

— А как насчет самого города? — поинтересовался Кент. — Как он был разрушен?

— Мы проделали несколько вычислений и теперь можем утверждать, что причиной катастрофы должны были явиться огромные массы

камней, почвы и воды.

— Вы нашли доказательства, свидетельствующие и времени катастрофы?

— Мы располагаем небольшими геоморфологическими данными. В нескольких осмотренных нами местах новая поверхность образовала впадины на старой, указывая на то, что добавочный слой смял более мягкие участки. Идентифицируя тип сдвига почвы, которая должна была прогнуться при подобных обстоятельствах, мы получили несколько цифр и намереваемся запустить их в компьютер. Компетентный математик, — он имел в виду Гросвенфа, — подсчитал приблизительно, что оценивая прямое давление веса вышележащих пород в какой-то промежуток времени — их можно отнести к периоду не более ста лет назад. Поскольку геология имеет дело с событиями тысяче и миллионолетней давности, все, что смогут делать машины — это проверить вычисления людей. А это не даст нам более точных результатов.

Наступила пауза, после которой Кент холодно сказал:

— Благодарю вас. Я чувствую, что вы и ваш штат проделали огромную работу. Еще один вопрос: не обнаружили ли вы в ваших вычислениях чего-

нибудь такого, что могло бы послужить ключом к определению природы интеллекта, который мог произвести подобные катастрофические разрушения?

— Говоря от своего имени, без предварительного обсуждения с помощниками, могу сказать — нет!

«Хорошо, — подумал Гросвенф, — что Мак — Кен так осторожен в своих ответах. Для геолога обследование этой планеты только начало поиска врага».

Для него самого оно являлось конечным звеном в той цепи событий, открытий и выводов, которые начались, когда он впервые услышал странное бормотание в пространстве. Он знал, кем являются самые чудовищные из существ, которых только можно себе вообразить. Он догадывался об их ужасных целях и заботливо проанализировал, что нужно сделать дальше.

Перед ним больше не стоял вопрос — в чем опасность? Он достиг той стадии, где нуждался прежде всего в бескомпромиссном решении. К несчастью, люди, областью знаний которых являлись лишь одна или две науки, не могли, или даже не желали понять потенциальности смертельнейшей из опасностей, когда-либо вста-

вавших перед всей Вселенной за все время ее существования. Само решение могло стать центром жесткого спора.

Согласно рассуждениям Гросвенфа, проблема эта имела как политический, так и научный аспекты. Ясно осознавая природу предстоящей борьбы, он пришел к выводу о том, что его тактика должна быть тщательно продумана и претворена в жизнь с предельной решительностью.

Пока еще рано было решать, насколько далеко он вынужден будет зайти. Но ему казалось, что он не имеет права на остановку ни перед чем. Он обязан выполнить свой долг.

Глава 19

Полностью приготовившись к действиям, Гросвенф написал Кенту письмо:

«Исполняющему обязанности директора. Административный отдел. Исследовательский корабль „Космическая Гончая“.

Дорогой мистер Кент! Я должен сделать важное сообщение всем главам отделов. Сообщение касается обитателей этой галактики, о природе которых я добыл сведения большой важности.

Не будете ли вы так любезны созвать совеща-

ние с тем, чтобы я мог изложить свои выводы?

Искренне ваш Эллиот Гросвенф».

Он подумал о том, заметит ли Кент, что он предлагает решение по неподтвержденным доказательствам. В ожидании ответа он спокойно перенес остаток личных вещей из своей каюты в нексиальный отдел. Это было последним звеном его плана защиты, который включал в себя возможность осады.

Ответ пришел на следующее утро.

«Дорогой мистер Гросвенф! Я связался с мистером Кентом вчера днем по поводу вашего меморандума. Он предложил вам сделать закрытый доклад по форме А— 16–4 и выразил удивление по поводу того, что вы не сделали этого предложения лично. Мы получаем другие доказательства и версии по этому вопросу. Ваша же версия будет изучена наряду с другими.

Будьте любезны как можно скорее прислать тщательно заполненный образец формы А— 16–4.

Искренне ваш, Джон Фонрем за мистера Кента».

Гросвенф мрачно прочел ответ. Он не сомневался в том, что Кент сделал секретарю несколько резких замечаний по поводу единственного

на борту корабля некзиалиста. Но даже в этом случае Кент должен был сдерживать свой язык. Беспорядок, резервуар ненависти, сидящий в этом человеке, все еще подвергались некоторой сдержанности. Если Корита прав, то кризис приближается. Это был «зимний» период настоящей человеческой цивилизации, и вся культура могла разбиться вдребезги под действием вспышек эгоизма отдельных личностей.

Хотя он и не намеревался предлагать фактическую информацию, Гросвенф решил заполнить присланную ему секретную форму. И все же он лишь составил перечень фактов. Он не стал ни рассматривать их, ни предлагать решение. В графе «Рекомендации» он написал:

«Заключение должно сразу стать ясным любому обладающему необходимой квалификацией человеку».

Вопиющим фактом было то, что каждое из перечисленных доказательств, представленных им, было известно тому или другому из обширных отделов, имеющихся на борту «Космической Гончей». Все эти данные должны были лежать на столе Кента уже несколько недель.

Гросвенф сам отнес форму. Он не ожидал немедленного ответа, но все же остался в своем отделе.

Даже еду ему присылали туда. Прошло два двадцатичасовых периода, прежде чем он получил ответ от Кента.

«Дорогой мистер Гросвенф! Просмотрев форму А— 16–4, которую вы предоставили на рассмотрение совета, я отметил, что вы не указали своих рекомендаций… Поскольку мы получили другие рекомендации по этому вопросу и намерены соединить лучшие черты каждой, создав обширный план, мы были бы признательны вам за передачу детальных рекомендаций.

Будете ли вы так добры уделить этому вопросу решительное внимание?

Грегори Кент.

Исполняющий обязанности директора».

Гросвенф понял личную подпись Кента, как прямой намек, означающий, что основные действия скоро начнутся.

Он сам напичкал себя наркотиками, которые вызвали симптомы, трудно отличимые от гриппа. В ожидании реакции со стороны своего организма, он написал Кенту еще одно послание, на этот раз о том, что он слишком болен, чтобы подготовить рекомендации, в которых давно возникла необходимость, поскольку они должны были включать в себя значительное количество

весомых причин, покоящихся на знании фактов многих наук. И все же было бы разумным немедленно начать предварительную пропаганду среди членов экспедиции о необходимости провести в пространстве пять добавочных лет. Опустив письмо в почтовый желоб, Гросвенф позвонил в офис доктора Эгарта. Все произошло даже быстрее, чем рассчитывал Эллиот. Через десять минут вошел доктор Эгарт и поставил на пол свой чемоданчик. Когда он выпрямился, в коридоре зазвучали шаги. Несколькими секундами позже появился Кент с двумя крепкими работниками химического отдела.

Доктор Эгарт весело улыбнулся, узнав шефа химического отдела.

— Хэлло, Грег, — произнес он своим глубоким голосом, и перенес свое внимание на Гросвенфа. — Итак, похоже на то, что у вас есть здесь насекомые, друг мой. Забавно! Какое бы внимание вы ни оказывали защите корабля при этих приземлениях, некоторые вирусы и бактерии все же проникают внутрь. Я забираю вас в изолятор.

— Я предпочел бы остаться здесь.

Доктор Эгарт нахмурился и пожал плечами.

— В вашем случае это возможно, — он собрал свои инструменты. — Я пришлю присматривать

за вами своего служащего. С неизвестными микробами нельзя рисковать.

Кент хмыкнул. Гросвенф, поглядывающий на него с нарочитым смущением, при этих словах поднял на него вопросительный взгляд.

— А в чем, собственно дело, доктор? — раздраженно проговорил Кент.

— Сейчас я не могу этого точно сказать. Посмотрим, что дадут лабораторные исследования, — он нахмурился. — Я взял пробы почти с каждой части его тела. Пока все симптомы указывают на лихорадку и жидкость в легких. Боюсь, что сегодня я не могу позволить вам беседу с ним, Грег. Опасаюсь, что это может быть серьезным.

Кент резко заявил:

— Придется рискнуть. Мистер Гросвенф владеет Ценной информацией и… — он заговорил строго подчеркнуто, — …я уверен, он еще достаточно силен, чтобы сообщить ее нам.

Доктор Эгарт взглянул на Гросвенфа и осведомился:

— Как вы себя чувствуете?

— Я еще могу говорить, — слабым голосом прошептал Гросвенф.

Его лицо пылало, глаза болели. Но одной из двух причин, по которой он вверг себя в такое со-

стояние, была надежда на приход в таком случае Кёнта, и она оправдалась.

Другая причина заключалась в том, что он не хотел лично присутствовать на совещании ученых, которое мог созвать Кент. Здесь, в своем отделе, и только здесь, он мог защитить себя от враждебных действий, которые могли бы предпринять против него.

Доктор взглянул на часы.

— Говорю вам, — сказал он Кенту и косвенно Гросвенфу, — что сейчас пришлю санитара. Разговор должен закончиться ко времени его прихода, договорились?

— Прекрасно! — с фальшивой сердечностью ответил Кент.

Гросвенф молча кивнул.

Уже от двери доктор Эгарт еще раз напомнил:

— Мистер Рондер будет примерно через двадцать минут.

Когда он ушел, Кент медленно опустился в кресло и взглянул на Гросвенфа. Он сделал длительную паузу, по — том произнес намеренно холодным тоном, выражающим отношение к собеседнику:

— Я не понимаю, чего вы добиваетесь. Почему вы не представляете нам информацию, которой

владеете?

— Мистер Кент, вы действительно удивлены?

Снова воцарилось молчание. Гросвенфу казалось, что Кент очень сердит и лишь с большим трудом сдерживает себя. Наконец, он прервал молчание и проговорил низким, напряженным голосом:

— Я — директор экспедиции. Я требую, чтобы вы немедленно выдали свои рекомендации.

Гросвенф медленно покачал головой. Внезапно он ощутил жар и тяжесть.

— Я не знаю, что… собственно на это ответить. Ваши действия, мистер Кент, легко рассчитать. Видите ли, я ожидал от вас, что вы обойдетесь с моими письмами именно так, как вы это сделали. Я ожидал от вас, что вы придете сюда с… — он обвел глазами двух помощников Кента, — …парой герольдов. При создавшихся обстоятельствах я думаю, что имею право настаивать на совещании глав отделов с тем, чтобы лично сообщить им свои рекомендации…

Будь у него время, он бы выставил руку и защитил себя. Слишком поздно он увидел, что Кент разъярен более, чем он это подозревал.

— Ловко, а! — в ярости бросил химик.

Его рука поднялась. Раскрытой ладонью он уда-

рил Гросвенфа по лицу и снова заговорил сквозь сжатые зубы:

— Так вы больны, да? Люди со странными болезнями иногда оказываются не в своем уме и за ними требуется строгий надзор, потому что в состоянии помешательства они способны напасть на любимых друзей.

Гросвенф уставился на него затуманенным взглядом. Он поднес руку к лицу. Из-за лихорадки и слабости он слабо соображал. С некоторым трудом он сунул в рот таблетку противоядия. При этом он делал вид, будто держится за щеку в том месте, по которому его ударил Кент. Проглотив таблетку, он произнес дрожащим голосом:

— Пусть так, моя психика не в порядке, так что?

Если Кент и был удивлен его реакцией, то не выразил это словами. Он коротко спросил:

— Чего вы собственно добиваетесь?

Несколько мгновений Гросвенф боролся с тошнотой. Когда это чувство прошло, он ответил:

— Я хочу, чтобы вы начали работу, направленную на то, что по вашему мнению членам экспедиции необходимо принять сознательное решение о продолжении экспедиции еще на пять лет из-за того, что было обнаружено относи-

тельно враждебного интеллекта. Вот пока и все. Когда вы сделаете это, я расскажу вам все, что вы пожелаете узнать.

Он почувствовал улучшение — противоядие начало действовать. Лихорадка прошла. И он имел в виду именно то, что говорил. Его план был нерушимым. На любой стадии Кент, или позже вся группа, могли принять его предложение, и это было бы концом его стратегической стадии.

Теперь же Кент дважды разжал губы, как будто намереваясь заговорить, и каждый раз снова закрывал рог. Наконец, он произнес с глубоким изумлением:

— Это все, что вы хотите пока предложить?

Палец Гросвенфа лежал под одеялом на кнопке, вделанной в боковую часть его кровати, готовый нажать на нее.

— Клянусь, вы получите то, что хотите!

Кент резко возразил;

— Об этом не может быть и речи. Я не могу позволить себе подобного безумия. Люди не вынесут и одного добавочного года.

— Ваше присутствие здесь указывает на то, что вы не считаете мое решение безумным.

Кент сжал и напряг кулаки, потом разжал их.

— Это невозможно! Как я мог бы объяснить

такое главам отделов и их помощникам?

Наблюдая за этим маленьким человеком Гросвенф понял, что кризис близок.

— Вам не придется им это объяснить. Все, что вам придется сделать, это обещать дать информацию.

Один из его герольдов, наблюдавший за лицом Кента, заговорил:

— Послушайте, шеф, этот человек, кажется, не понимает, что разговаривает с директором. Как насчет того, чтобы мы ему это объяснили?

Кент, собиравшийся сказать что-то еще, осекся. Он отступил, облизывая губы и злобно кивнул.

— Вы правы, Брендер. Я не понимаю, зачем вообще я ввязался в этот спор. Подождите минутку, я закрою дверь, а потом…

Гросвенф угрожающе предостерег Кента:

— На вашем месте я бы не стал ее запирать. Я подниму по тревоге весь корабль.

Кент, уже дотянувшийся до двери, остановился и оглянулся. На его физиономии застыла жестокая ухмылка.

— Так, так, так… — злобно ощерил он длинные зубы.

— Мы доберемся до вас и при открытых дверях. Начинайте разговор, мой друг…

Двое служащих шагнули вперед.

— Брендер, вы слышали когда-нибудь о ренферальном электростатическом заряде? — спросил Эллиот. Видя их колебание, он продолжил; — Тогда дотроньтесь до меня, и сразу увидите. Ваши руки покроются волдырями, а лицо…

Оба помощника выпрямились и отшатнулись. Блондин Брендер тревожно взглянул на Кента, который сердито сказал:

— Количество находящегося в человеческом теле электричества не убьет и мухи!

Гросвенф покачал головой.

— Вы, мистер Кент, кажется, немного не в себе. Электричество не в моем теле, но оно будет в вашем, если вы дотронетесь до меня.

Кент вытащил вибратор и подчеркнуто стал его настраивать.

— Назад! — скомандовал он помощникам. — Я хочу дать ему порцию в одну десятую секунды. От этого он не лишится сознания, но все молекулы его тела придут в движение.

Гросвенф спокойно предупредил, улыбаясь:

— Я его не получу, Кент, в этом вы ошибаетесь.

Тот либо не слышал его, либо был слишком зол, чтобы обращать внимание на его предупреждение. В глаза Гросвенфу ударил блеск вспышки.

Послышалось шипение, треск и крик боли Кента. Вспышка исчезла, и Гросвенф увидел, что Кент пытается отбросить оружие, но оно никак не хотело отставать от его руки, но, в конце концов, упало на пол с металлическим лязгом. В очевидном шоке, Кент молча стоял, вцепившись в поврежденную руку.

Тоном сердитой жалости Гросвенф осведомился:

— Почему вы не послушались? Эти странные экраны содержат высокий энергетический потенциал, а поскольку вибратор ионизировал воздух, вы получили электрический удар, который одновременно уничтожил энергию вашего заряда, кроме как в зоне дула. Надеюсь, вы не слишком обожглись?

Кент уже взял себя в руки. Он был бледен и напряжен, но спокоен.

— Это дорого вам обойдется, — зловеще прошипел он. — Когда все узнают о том, что один человек пытался силой заставить их… — Он оборвал себя и нетерпеливо махнул помощникам. — Идемте, мы и так потеряли здесь много времени.

Через десять минут после их ухода пришел Рондер. Гросвенфу пришлось несколько раз

терпеливо объяснить, что он уже не болен. Еще более долгим было объяснение с доктором Эгартом, которого вызвал санитар. Гросвенфа не беспокоило возможное разоблачение. Для того, чтобы обнаружить принятый им наркотик, нужно было твердое подозрение плюс тщательное обследование. В конце концов, они оставили его в покое, приказав оставаться в своем отделе не меньше суток. Гросвенф уверил их в том, что будет следовать изложенным инструкциям, и он действительно намеревался сидеть на месте. Во время предстоящих тяжелых дней некзиальный отдел должен был стать его крепостью. Он не знал в точности, что могло быть против него использовано, но был готов ко всему настолько, насколько это было в его силах и возможностях.

Примерно через час после ухода доктора в металлическом почтовом желобе послышалось звяканье. Это было извещение от Кента о созыве совещания согласно просьбе Эллиота Гросвенфа. Оно вытекало из первого письма Кента, игнорируя все последующие события. Печатная форма заканчивалась следующими словами:

«Ввиду последующих действий мистера Гросвенфа исполняющий обязанности директора считает, что имеет право на детальный разбор

дела».

Под замечанием Гросвенфа Кент от руки написал:

«Дорогой мистер Гросвенф. Ввиду вашей болезни я проинструктировал штат мистера Гурлея о том, чтобы он связал ваш коммуникатор с контрольным пунктом, так что вы можете решать вопросы и присутствовать, не сходя с кровати. В других отношениях встреча сохранит все привилегии секретности».

В назначенный час Эллиот настроился на контрольный пункт. Когда появилось изображение, он обнаружил, что все помещение видно ему как на ладони, и что передающий экран — это большой коммуникатор, находящийся над массивным контрольным щитом. В настоящий момент его лицо представляло собой десяти — футовое изображение, глядящее на присутствующих.

— Да, — пробормотал Гросвенф, — впервые мое изображение делает присутствие на совете столь заметным.

Беглый осмотр помещения показал, что большая часть глав отделов уже заняла свои места. Как раз под экраном Кент разговаривал о чем-то с капитаном Личем. Вероятно, это был конец

разговора, потому что он посмотрел на Гросвенфа, криво улыбнулся и повернулся к небольшой аудитории. Гросвенф заметил повязку на левой руке Кента.

— Джентльмены, — начал совещание Кент. — Без предварительного вступления я хочу сразу передать слово мистеру Гросвенфу. — Он снова взглянул на экран коммуникатора и на его физиономии появилась все та же свирепая улыбка. — Мистер Гросвенф, ваше слово.

— Джентльмены, около недели назад я получил достаточно сведений для того, чтобы утверждать, что наш корабль подвергся воздействию со стороны чужого интеллекта, принадлежащего этой галактике. Это может звучать чересчур громко, но это всего лишь горький факт, который я могу предложить вам в своей интерпретации на основе доступных мне средств. Я не могу доказать никому из присутствующих, что такие существа действительно есть. Некоторые из вас согласятся с разумностью моих доводов, другие, не имеющие знаний в специальных областях, решат, что мое заключение голословно. Я изучил проблему и изнурил мозг раздумьями о том, как убедить вас, что мое решение является единственно безопасным. Одним из видимо полезных шагов

является сообщение об экспериментах, которые я проделал.

Он не упомянул о том факте, что уже проделал несколько уловок с тем, чтобы его вообще выслушали. Несмотря на все случившееся, он не хотел быть враждебным к Кенту более, чем это было необходимо.

— Теперь я хочу связаться с мистером Гурлеем, — продолжил он. — Я уверен, что вы не будете слишком удивлены, когда я скажу вам, что речь идет об автоматическом устройстве С —9. Я бы хотел знать, сообщили ли вы о нем своим коллегам?

Начальник отдела связи взглянул на Кента, который небрежно кивнул.

— Невозможно сказать точно, когда С —9 вступит в действие. Тем, кто о нем не слышал, сообщаю, что С —9 является малым экраном, который автоматически вводится в действие, когда пыль в окружающем пространстве достигает плотности, опасной для движения корабля. Очевидно, плотность пыли в любом данном объеме выше, конечно, при высокой скорости, чем при низкой. Тот факт, что количество активной пыли космоса вокруг достаточно, чтобы ввести в действие С —9, был замечен впервые членами

моего отдела незадолго до того, как эти ящеры возникли в контрольном пункте. — Гурлей откинулся на спинку кресла и буркнул; — У меня все!

— Мистер Ван Гроссен, — спросил Гросвенф, — что обнаружил ваш отдел относительно пыли этой галактики?

Тучный Ван Гроссен выпрямился на стуле и, не вставая, произнес;

— Ничего такого, что мы могли бы рассматривать как удивительное или необычное. Она несколько плотнее, чем в нашей собственной галактике. Мы собрали небольшое количество пыли на ионизированных пластинках и сняли осадок. Вещество оказалось довольно простым: в нем присутствовали несколько простых элементов и следы многих соединений, которые могли попасть в пыль в момент конденсации, а также небольшое количество свободного газа, главным образом водорода. Теперь вся трудность состоит в том, что то, что мы получили, возможно, имеет очень небольшое сходство с пылью в том виде, в каком она пребывает обычно в пространство, но проблема получения ее в истинной форме, по всей вероятности, никогда не будет разрешена удовлетворительно. Сам процесс требует огромных изменений. Мы можем лишь догадываться

о том, как она функционирует в пространстве. — Физик беспомощно развел руками. — Это все, что я могу пока сообщить.

Гросвенф не стал упускать инициативу и продолжил:

— Я мог бы и дальше спрашивать глав различных отделов о том, что им удалось узнать. Но я уверен в том, что могу суммировать изложенные и неизложенные открытия, не будучи к кому-либо несправедливым. И отдел мистера Скита, и отдел мистера Кента занимаются почти той же проблемой, что и мистер Ван Гроссен. Я уверен, что мистер Скит различными способами насытил атмосферу клетки пылью. Животные, которых он запускал в клетку, не выказывали никаких болезненных признаков, так что он, в конце концов, провел испытание на себе. Мистер Скит, можете ли вы к этому что — нибудь добавить?

Скит качнул головой.

— Если это форма жизни, то мне вы этого доказать не сможете. Я допускаю, что в самый тесный контакт с этим веществом все мы вошли в тот момент, когда вошли в спасательную шлюпку, открыли все двери, потом закрыли их, снова впустив воздух в шлюпку. В химическом составе воздуха возникли небольшие изменения, но ни-

чего особенного.

— Достаточно для фактических данных. Я тоже, среди прочих вещей, проделал эксперимент, вывел спасательную шлюпку и впустил в нее пыль из пространства через открытые двери. Вот чем я интересовался… Если это жизненная форма, то чем она питается? Поэтому, впустив воздух в шлюпку, я проделал его анализ. Затем я убил пару маленьких животных и вновь сделал анализ атмосферы. Я послал образцы, и первый, и второй — мистеру Кенту, мистеру Скиту и мистеру Ван Гроссену. Имелось несколько минутных химических изменений. Дело могло заключаться в аналитической ошибке. Но мне бы хотелось попросить мистера Ван Гроссена рассказать вам, что он обнаружил.

Ван Гроссен мигнул и выпрямился.

— Разве это доказательство? — спросил он с удивлением. Потом он развернулся на сидении и оглядел, нахмурившись, своих коллег. — Я не вижу и не придаю этому особого значения, но молекулы воздуха в пробе под номером «2» несут в себе более высокий электрический заряд.

Это был решающий момент. Гросвенф, глядя на повернутые к нему лица, подождал, пока свет непонимания не зажегся, по крайней мере, в паре

глаз. Люди сидели неподвижные, с застывшим на лицах озадаченным выражением. Наконец, один из них сухо проговорил:

— Я полагаю, от нас ожидают, что мы придем к заключению о том, что имеем дело с туманно — пылевой формой жизни и разума. Для меня это слишком. Подобного мне не переварить.

Гросвенф ничего не сказал. Умственное усилие, которого он от них ожидал, оказалось даже более натянутым, хотя разница была тоже натянутой. Чувство разочарования становилось в нем все сильнее. Он начал готовиться к следующему шагу.

— Давайте, давайте, мистер Гросвенф! — резко сказал Кент. — Объясняйтесь, может мы и переменим свое мнение.

Гросвенф неохотно начал:

— Джентльмены, меня чрезвычайно беспокоит ваша неспособность дать ответ по этому пункту. Я предвижу большие затруднения. Посмотрите на мое положение. Я сообщил вам точный признак, включая описание эксперимента, который привел меня к идентификации нашего врага. Уже ясно, что мои выводы будут рассматриваться как весьма противоречивые. И все же, если я прав, а я убежден в этом, отказ от продуманных

мною действий приведет к гибели человеческой расы и всей остальной жизни во Вселенной. Но вот в чем сложность. Если я рассказываю вам обо всем, то решение ускользает из моих рук. Решать будет большинство, и насколько я это себе представляю, его решение не даст никакой законной возможности его избежать.

Он замолчал, давая собравшимся возможность обдумать сказанное. Кое-кто переглядывался, нахмурясь.

— Подождите, — проговорил Кент, — мне уже приходилось стучаться в непробиваемую стену эгоизма этого человека.

Это было первое на совещании враждебное замечание. Гросвенф бросил на Кента быстрый взгляд и, отвернувшись от него, продолжил:

— Мне, джентльмены, выпал несчастный жребий. Я должен проинформировать вас о том, что при сложившихся безумных обстоятельствах рассматриваемая нами проблема перестает быть научной и становится политической. Учитывая это, я должен настаивать на принятии моего решения проблемы. Необходимо провести успешную работу, в ходе которой исполняющему обязанности директора Кенту и главам отделов разъяснить членам экспедиции потребность того, что «Кос-

мическая Гончая» должна провести в космосе отрезок времени, равный пяти земным годам. Я сообщу вам свои доводы, но я хочу, чтобы каждый из вас уяснил себе, что рискует в этом деле безвозвратно потерять свою репутацию и доброе имя. Опасность, насколько я ее вижу, является такой всеобъемлющей, что любая происшедшая между нами стычка, даже самая маленькая, была бы роковой, если учитывать время, на которое мы отдалимся от решения проблемы. — Он коротко изложил им, в чем заключается опасность. Потом, не обращая внимания на их реакцию, обрисовал свой метод борьбы с опасностью, каким он его видел. — Нам придется найти планеты, содержащие железо, и наладить обширное производство автоматических торпед. Как я себе представляю, нам придется затратить около года, пересекая галактику и наугад посылая торпеды. А потом, когда мы сделаем весь этот участок пространства невыносимым для их существования, мы улетим, предложив им следовать за нами как раз тогда, когда у них не останется никакого выхода, кроме как следовать за нашим кораблем в надежде на то, что мы приведем их к другому и лучшему источнику еды, чем тот, который они имели здесь. Большую часть времени мы проведем в полете,

уводящем их от нашей галактики. Итак, джентльмены, теперь вы все знаете. Но выражение ваших лиц, я вижу, показывает, что реакция будет различной, и что вы стоите на пороге одного из тех противоречий, о которых я упоминал.

Эллиот замолчал. Наступила гнетущая тишина, потом один из присутствующих проронил:

— Пять лет…

Это был почти вздох, и он подействовал, как сигнал. Всех присутствующих охватила тревога.

Гросвенф напомнил:

— Земных лет!

Он умышленно подчеркивал это обстоятельство. Он намеренно выбрал способ более продолжительной оценки времени с тем, чтобы переведенное в звездное время, оно казалось несколько меньшим. Дело было в том, что звездное время, с его стоминутными часом, двадцатичетырехчасовыми сутками и трехсотшестидесятидневным годом было психологическим давлением. Приспособившись к длинному дню, люди забывали, что на самом деле проходило гораздо больше времени согласно их прежнему восприятию.

По той же аналогии, он ожидал, что они ощутят облегчение, поняв, что дополнительное время укладывается на самом деле в три звездных года.

— У кого будут замечания? — осведомился Кент.

— Я не могу полностью согласиться с анализом мистера Гросвенфа, — с горечью сказал Ван Гроссен. — Я питаю к нему огромное уважение ввиду его прошлых действий. Но он просит нас принять на веру то, что, я уверен, мы могли бы понять, если бы у него действительно были неоспоримые доказательства. Я отклоняю положение о том, что лишь некзиалист играет настолько важную роль в интеграции науки, что лишь индивидуальное обучение его методам может нести в себе надежду на более глубокое проникновение в природу.

— Неужели вы можете отрицать, и притом весьма враждебно, то, что никогда не побеспокоились изучить?! — возмутился Гросвенф.

— Возможно, — пожал плечами Ван Гроссен.

— Насколько я понял, — вступил в дискуссию Зеллер, — суть сказанного состоит в том, чтобы потратить много лет и усилий, причем при этом мы ни разу не получим ничего более твердого, чем самые косвенные и неопределенные свидетельства того, что план срабатывает.

После некоторых колебаний Гросвенф решил, что другого выхода нет, и решил продолжать делать антагонистические заявления. Предмет

дискуссии был слишком важным. Он не мог считаться с их чувствами. Он раздельно, но твердо заявил:

— *Я узнаю,* а если кто-нибудь из вас придет в некзиальный отдел и выучится кое-чему из нашей технологии, то и он поймет, когда придет время.

— Мистер Гросвенф всегда стоит за подобную возможность, — мрачно сказал Скит. — Он вечно предлагает нам обучение, чтобы мы могли достичь его уровня.

— Есть еще замечания? — это опять был Кент. Его голос звучал резко и напряженно от неумения скрывать свой предстоящий триумф.

Некоторые из собравшихся хотели выступить, но передумали.

Кент торжествующе продолжал:

— Чем зря терять время, нам, я думаю, следовало бы проголосовать по поводу сообщения мистера Гросвенфа. Я думаю, что, в основном, все мы испытываем одинаковые чувства.

Он медленно прошел вперед. Гросвенф не мог видеть его лица, но в том, как держали себя остальные, был вызов.

— Давайте приступим к голосованию, — настаивал Кент. — Прошу поднять руки всех, кто

одобряет методы мистера Гросвенфа, ведущие за собой пять дополнительных лет в космосе.

Ни одной руки не поднялось вверх.

Кто-то проворчал:

— Следовало бы повременить, чтобы обсудить все это.

Кент не стал спешить с ответом, и после некоторых размышлений сказал:

— Нам нужно получить сиюминутные ответ. Для всех важно знать, что думают главы отделов корабля. Теперь поднимите руки те, кто твердо против.

Все, кроме троих, подняли руки. Гросвенф разглядел, что это были Корита, Мак — Кен и Ван Гроссен. И тут же он обнаружил, что капитан Лич, стоявший возле Кориты, тоже воздержался.

Гросвенф быстро проговорил:

— Капитан Лич, сейчас как раз тот момент, когда вы, опираясь на конституционные права, можете требовать контроля над кораблем. Опасность очевидна.

— Мистер Гросвенф, — медленно промолвил капитан Лич, — это было бы правдой, если бы враг был видим. При существующем же положении дел я могу действовать только руководствуясь советом ученых специалистов.

— Такой специалист на корабле только один, — холодно проронил Гросвенф. — Остальные лишь любители, барахтающиеся на поверхности фактов.

Замечание, казалось, ошеломило большинство присутствующих. Несколько человек одновременно заговорили, но сразу осеклись и погрузились в сердитое молчание.

Наконец капитан Лич абсолютно спокойно произнес:

— Мистер Гросвенф, я не могу согласиться с вашим голословным утверждением.

— Что ж, джентльмены, наконец-то мы знаем истинное мнение о нас мистера Гросвенфа, — язвительно заметил Кент.

Самого его, казалось, фраза Гросвенфа ничем не затронула. Все его поведение было проникнуто иронической насмешкой. Он забыл, что в функции исполняющего обязанности директора входит поддержание атмосферы вежливости и доброжелательности.

Его сердито оборвал Мердар, глава отдела ботаники.

— Мистер Кент, я не понимаю, как вы можете оставлять без внимания подобное наглое заявление?

— Вот это верно, — поддержал ботаника Гросвенф.

— Боритесь за свои права. Вся Вселенная подвергается смертельной опасности, но для вас главное — поддержать свое достоинство.

Первый раз с тревогой в голосе заговорил Мак — Кен:

— Корита, если может существовать форма жизни, подобная той, которую описал Гросвенф, то как это смыкается с цикличностью истории?

Археолог печально покачал головой.

— Боюсь, что очень незначительно. Примитивную жизненную форму мы можем принимать без доказательств. Свидетельства деятельности теории цикличности истории находят гораздо больше доказательств здесь, среди моих друзей. Я вижу их в удовольствии нанести поражение человеку, который заставил нас чувствовать себя настолько тревожно из — за обширности своих знаний. Я вижу их во внезапно развившейся эгомании этого человека, — он с упреком посмотрел на изображение Гросвенфа. — Мистер Гросвенф, заявление, сделанное вами, глубоко меня разочаровало.

— Мистер Корита, — мрачно заявил Гросвенф. — Если бы я выбрал для себя другую линию

поведения, то уверяю вас, я был бы лишен привилегии выступать перед этими высокочтимыми джентльменами, многими из которых я восхищаюсь, как индивидами, и сказать им то, что продолжаю утверждать со всей серьезностью.

— А я, — сказал Корита, — уверен в том, что члены экспедиции сделают все необходимое, невзирая на личные жертвы.

— В это трудно поверить, — возразил Гросвенф. — Я чувствую, что многие из них находятся под влиянием того факта, что мой план потребует пяти добавочных лет, проведенных в пространстве. Я настаиваю на том, что это жестокая необходимость, и уверяю вас — выбора нет! По правде говоря, я ожидал подобного результата и готовился к нему. — Теперь он обращался ко всем. — Джентльмены, вы вынудили меня на действия, о которых, уверяю вас, я сожалею больше, чем могу выразить это словами. Выслушайте меня внимательно. *Это мой ультиматум!*

— Ультиматум? — это был Кент, удивленный и внезапно побледневший.

Гросвенф не обратил на него никакого внимания.

— Если к десяти часам завтрашнего дня мой план не будет одобрен, я захвачу корабль. Каж-

дый находящийся на корабле будет делать то, что я ему прикажу, нравится ему это или нет. Я, естественно, ожидаю, что находящиеся на борту ученые приложат все свои знания к тому, чтобы предотвратить мою попытку захвата корабля. Тем не менее, сопротивление будет бесполезно.

Начавшийся вслед за этими словами пустопорожний ропот все еще продолжался, когда Гросвенф прервал связь между своим коммуникатором и контрольным пунктом…

Глаза 20

Прошел примерно час после окончания совещания, когда Гросвенф получил вызов по коммуникатору от Мак — Кена.

— Я бы хотел зайти, — сказал геолог.

— Давайте, — весело разрешил Гросвенф.

Лицо Мак — Кена выразило сомнение.

— Я уверен, что у вас в коридоре ловушка.

— Ну… думаю, что можно назвать это так, — согласился Гросвенф, — но вам она вреда не причинит.

— А что, если я ищу способ прикончить вас?

— Здесь, в моих комнатах, — заявил Гросвенф с твердостью, которая, он надеялся, воздействует

на всех служащих, — вы не смогли бы убить меня даже дубинкой.

Мак — Кен заколебался, но все же произнес:

— Я сейчас приду! — и прервал связь.

Вероятно, он находился очень близко, поскольку прошло меньше минуты, и спрятанный в коридоре детектор возвестил о его приближении. И тут же его голова и плечи показались на экране коммуникатора и реле замкнулось в необходимом положении. Поскольку это была часть процесса автоматической защиты, Гросвенф прервал его действие вручную.

Через несколько секунд в открытую дверь вошел Мак — Кен. Он потоптался у порога и шагнул вперед, качая головой.

— Я все же беспокоился. Несмотря на ваше уверение, у меня было такое чувство, будто на меня направлены батареи орудий, — он впился в лицо Гросвенфа ищущим взглядом. — Вы просто запугиваете?

— Я и сам немного обеспокоен. Док, вы потрясли меня своей прямотой. Честно говоря, я не ожидал, что вы придете сюда с бомбой.

У Мак — Кена был озадаченный вид.

— Но я не пришел ведь… Если ваши приборы показали что-нибудь подобное… — он замолчал,

снял пиджак и стал шарить по одежде. Его лицо побледнело, когда он вытащил тонкий серый предмет двухдюймовой длины. — Что это?

— Устойчивый сплав плутония.

— Радиоактивный?

— Нет, нет, вовсе не радиоактивный. Но он может быть превращен в радиоактивный газ лучом транссмиттера высокой частоты. От него у нас обоих были бы радиоактивные ожоги.

— Грос, я клянусь, что ничего об этом не знал!

— Вы говорили кому-нибудь о том, что собираетесь ко мне?

— Естественно… Вся эта часть корабля блокирована.

— Иными словами, вам пришлось просить разрешения?

— Да, у Кента.

— Я хочу, чтобы вы как следует подумали о случившемся. Говорил ли вам Кент во время разговора, что в комнате слишком жарко?

— Э… э… да. Теперь я вспомнил. У меня было чувство, что я задохнусь.

— Сколько это длилось?

— Секунду или чуть больше.

— Это означает, что вы были без сознания десять минут. Выходит, эта сволочь воздействовала

на вас наркотиками. Возможно, я смогу узнать, какую точно дозу вы получили. Нужен анализ крови.

— Я не возражаю, если вы его сделаете. Это докажет…

Гросвенф качнул головой.

— Это докажет только то, что вы подверглись подобному действию, но не докажет того, что вы пошли на него непреднамеренно. Для меня гораздо более убедительным является факт, что ни один человек в здравом уме не позволит, чтобы в его присутствии был испарен сплав Руа — 72. Согласно моему автоматическому аннулирователю, они уже целую минуту пытаются его разложить.

Мак — Кен мгновенно побелел.

— Грос, я кончил с этим хищником. Я допускаю, что j был в состоянии конфликта и согласился доложить ему о I результатах нашего разговора, но я намеревался предупредить вас, что сделаю подобное сообщение.

Гросвенф добродушно улыбнулся.

— Все в порядке, док. Я вам верю. Садитесь.

— А что с этим? — Мак — Кен протянул ему «бомбу».

Гросвенф взял ее и понес к маленькому укрытию для радиоактивных материалов, имеющему-

ся в его отделе. Вернувшись, он сел и сказал:

— Думаю, что на нас будет совершено нападение. Единственный для Кента путь известить остальных о том, что он сделал, это убедиться предварительно в том, что мы были спасены вовремя для того, чтобы получить лечение от радиоактивных ожогов. Мы можем вести наблюдение с помощью этого экрана.

Прежде всего нападение было отмечено несколькими электронными детекторами и электронным газом. На приборном щитке заиграли слабые световые сигналы, зазвенел звонок. Потом на большом экране, находящемся над аппаратурой, они увидели изображение нападающих. Около дюжины мужчин в скафандрах появились из-за дальнего угла и двинулись вдоль коридора. Гросвенф узнал Ван Гроссена и двух его помощников из физического отдела, четырех химиков, двое из которых были из биохимического сектора, троих специалистов по коммуникации из отдела Гурлея и двух офицеров. Трое солдат держались позади, таща передвижной вибратор и тепловую пушку с диспенсер — бомбой.

— Отсюда есть еще один выход? — с тревогой осведомился Мак — Кен.

Гросвенф кивнул.

— Он тоже охраняется.

— Как насчет пола и потолка?

— Наверху цейхгауз, внизу кинозал. Оба помещения находятся под контролем.

Они замолчали. Потом, когда группа людей остановилась в коридоре, Мак — Кен заговорил вновь:

— Я удивлен, что с ними Ван — Гроссен. Я считал, что он восхищается вами.

— Я обидел его, назвав его и других — любителями. Он хочет сам посмотреть, что я могу сделать.

Нападающие остановились в коридоре посоветоваться, а Гросвенф продолжал:

— А что, собственно, привело вас сюда?

Мак — Кен смотрел на экран.

— Я хотел, чтобы вы знали о том, что вы не один. Несколько человек просили меня передать вам, что они с вами, — он тут же оборвал себя. — Не стоит об этом сейчас, пока все это происходит. Чуть позже…

— Сейчас такое же подходящее время, как любое другое.

Мак — Кен, казалось, не слышал.

— Не понимаю, как вы собираетесь их остановить? — забеспокоился он. — У них достаточно мощное оружие, чтобы уничтожить стены ва-

шего отдела.

Гросвенф ничего не ответил. Мак — Кен посмотрел ему в лицо и сказал:

— Буду с вами откровенен. Мое положение сейчас двойственно. Я чувствую, что вы правы. Но ваша тактика для меня не слишком этична, — он, казалось, забыл о том, что перестал наблюдать за экраном.

— Есть еще только одна тактика, возможная для меня, и она состоит в том, чтобы прокатить на выборах Кента. Поскольку он всего лишь исполняющий обязанности директора и не был выбран. Я мог бы, может быть, добиться выборов в пределах месяца.

— Почему же вы не захотели этого сделать?

— Потому что, — ответил Гросвенф, передернув плечами, — я боюсь. То, что находится за пределами нашего корабля, практически истощено до смерти. А это означает следующее: в любой момент оно может попытаться захватить другую галактику, и этой галактикой может оказаться наша. Мы не можем ждать месяц.

— И все же, — нахмурился Мак — Кен, — ваш план состоит в том, чтобы лететь из этой галактики, и это, как вы утверждаете, займет целый год.

— Вы когда-нибудь пытались отобрать еду у

хищника? Он ведь будет пытаться удержать ее при себе, не так ли? Моя идея состоит в том, что поняв, что мы хотим от него удрать, это существо станет гнаться за нами столько времени, сколько сможет.

— Понимаю, — кивнул Мак — Кен. — Если это так, то ваш шанс одержать победу на выборах практически равен нулю и вы должны с этим согласиться.

Гросвенф энергично покачал головой.

— Я бы победил. Вы можете не поверить мне на слово, но то, что люди, подверженные влиянию желаний, волнений или амбиций, легко поддаются контролю, является непреложным фактом. Я не изобретал используемых мною теорий. Они известны столетия. Но исторические попытки проанализировать их не получали достоверного источника возникновения до недавних пор, когда связь психиатрии с психологией дали ей прекрасную теоретическую базу. Нексиальное обучение привело к разработке определенных технических процессов.

Мак — Кен обсасывал в уме услышанное и, наконец, спросил:

— Какое же будущее видится вам для людей? Вы считаете, что оно принадлежит нексиализму?

— На борту этого корабля это необходимо. Для всей же расы в целом — такое еще не выполнимо. Тем не менее, если смотреть вперед, то любому индивиду не стоит отказываться от возможного получения знаний. Зачем ему от этого отказываться? Зачем ему стоять под небом своей планеты с умным видом и, глядя глупыми глазами с позиций суеверия и невежества, решать важнейшие жизненные проблемы, повинуясь тем, кто его дурачит? Погибшая цивилизация земной античности — прекрасное свидетельство тому, что случается с человеком, когда он слепо реагирует на ситуацию или полностью зависит от авторитарных доктрин. В настоящий момент возможно меньшее. Мы должны сделать человека скептиком. Крестьянин с острым, хотя и неразвитым умом, которому показывают конкретные доказательства, является прообразом ученого. На каждом уровне понимания скептик частично возмещает отсутствие специфических знаний требованием: «Покажи мне! Я готов принимать новое, но то, что ты говоришь, не может убедить меня само по себе».

Мак — Кен был задумчив.

— Вы, некзиалисты, стараетесь разбить цикличность истории. Ведь у вас это на уме?

— Признаюсь, что до встречи с Коритой, я не сознавал ее важности, — поколебавшись, признался Гросвенф. — Она произвела на меня огромное впечатление. Насколько я себе представляю, теория может внести огромное количество повторений. Такие слова, как «раса» и «кровь», совершенно бессмысленны, но шаблон — как раз то, что для нее подходит.

Мак — Кен вновь перенес свое внимание на нападающих. Он озадаченно заметил:

— Мне кажется, что они довольно долго совещаются, пора бы и начать. А ведь я было подумал, что они все предусмотрели до того, как зайти так далеко.

Гросвенф ничего не сказал. Мак — Кен бросил на него внимательный взгляд.

— Минуточку, — произнес он, — они ведь не могут пройти сквозь вашу защиту, не так ли?

Хотя Гросвенф опять не ответил, Мак — Кен вскочил на ноги, подошел к экрану и стал наблюдать почти вплотную. Он внимательно смотрел на действие двух людей, стоявших на коленях.

— Но что они делают? — удивился он. — Ничего не понимаю!

Гросвенф заколебался, но все же объяснил:

— Они пытаются удержаться от того, чтобы не

про — валиться сквозь пол, — несмотря на все его усилия оставаться спокойным, его голос дрожал от волнения.

Его собеседник не понял, что происшедшее было для него новым. Конечно, Гросвенф уже давно шел к этому. Но сейчас он впервые применил на практике свои новые знания. Он предпринимал действия, которые никогда и никем не предпринимались ранее. Он использовал явления, изучаемые многими науками, приспособив их для своих целей и требований окружения, в котором он находился.

Все шло так, как он и ожидал. Его знания, такие глубокие и имеющие великолепную основу, не оставляли места для ошибки. Но физическая реальность происходящего все же поразила его, несмотря ни на что.

Мак — Кен сделал шаг назад и осведомился:

— Пол рухнет?

— Вы не поняли. Пол останется таким же, но они в него погружаются. Если они углубятся дальше, то пройдут его насквозь, — он рассмеялся, внезапно развеселившись. — Хотелось бы мне видеть физиономию Гурлея, когда его помощники сообщат о происшедшем. Это его конец — телепортация, понятие гиперпространства с

проявлением эффектов на нефтяной геологии и растительной химии.

— Причем тут геология? — воскликнул Мак — Кен и умолк. — Будь я проклят! Вы имеете в виду старый способ получения нефти без бурения. Мы лишь создаем на поверхности условия, при которых вся нефть поднимается на поверхность. — Он нахмурился. — Погодите, ведь имеется фактор…

— Есть дюжина фактов, мой друг, — улыбнулся Гросвенф и спокойно продолжил: — Повторяю, это комбинированный процесс. Многие элементы действуют в тесной взаимосвязи.

— Почему же вы тогда не использовали этот трюк против кота и алого дьявола?

— Я уже говорил вам, что использовал данную ситуацию. Я потратил массу времени, налаживая оборудование. При борьбе с нашими врагами — пришельцами у меня такого шанса не было. Поверьте, если бы я осуществил контроль над кораблем, мы бы не потеряли столько жизней ни в одном из инцидентов.

— Почему же вы не взяли его под контроль?

— Было слишком поздно, у меня не оставалось времени. Кроме того, корабль был построен за несколько лет до возникновения «Некзиального общества». Нам вообще повезло, что мы получи-

ли отдел на этом корабле.

— Но я не понимаю, как вы собираетесь захватить завтра корабль, поскольку это потребует вашего выхода из лаборатории. — Он замолчал, взглянув на экран и еле слышно произнес: — Они принесли дегравитатор и собираются поднять ваш пол.

Гросвенф ничего не ответил: он уже заметил это.

Глава 21

Дегравитаторы действовали по тому же принципу, что и антиускорители. Реакция, происходящая в предмете, когда побеждалась сила инерции, была признана при исследованиях молекулярным процессом, который, однако, не являлся свойством структуры вещества. Антиускорение слегка изменяло обриты электронов. Это, в свою очередь, создавало молекулярное напряжение, вызывая в результате небольшую, но всеобъемлющую перестройку. Измененная таким образом материя освобождалась от естественных процессов ускорения или торможения. Корабль, подвергнутый действию антиускорения, мог моментально остановиться во время

полета, даже если скорость его достигала миллионов миль в секунду.

Группа, ведущая нападение на отдел Гросвенфа, погрузив свои оружейные устройства на узкие балки, взобралась вслед за ними и настроила их на создание подходящего поля напряженности. Потом, используя магнитное тяготение, они двинулись вперед по направлению к открытой двери, находящейся в двухстах футах.

Таким образом они приблизились на пятьдесят футов, затем их движение замедлилось и совсем прекратилось. Они попятились назад и вновь остановились.

Гросвенф отошел от своих приборов и сел возле озадаченного Мак — Кена.

— Что вы делаете? — поинтересовался геолог.

— Как видите, они используют передвижение с по — мощью направленных магнитов. Я создал отталкивающее поле, которое само по себе не новость в науке. Но этот его вариант является частью температурного процесса более родственного тому, с помощью которого вы и я поддерживаем постоянную температуру внутри наших тел, или тому, который действует при физическом нагревании. Теперь им придется использовать реактивное движение, обычный

винт или даже, — он рассмеялся, — весла.

Мак — Кен, взгляд которого был прикован к экрану, мрачно проронил:

— Похоже, что они не беспокоятся. Они собираются усилить мощность нагревателя. Лучше закройте дверь.

— Подождите!

Мак — Кен не успокаивался:

— Но жар хлынет сюда и мы сгорим.

Гросвенф покачал головой.

— Я не сказал вам, что я сделал. Все это является частью процесса поглощения температуры. Получив новую порцию энергии, все металлическое окружение будет стараться удержать свое равновесие на несколько более низком уровне. Вот, смотрите.

Передвижной нагреватель побелел. Он стал таким белым, что Мак — Кен хрипло прошептал:

— Иней… но теперь…

На их глазах стены и полы покрылись льдом. Отблески огня играли на их гладкой поверхности, в дверь пахнуло холодом.

— Температура… — пробормотал Мак — Кен, — более низкий уровень.

Гросвенф поднялся.

— Полагаю, что им пора возвращаться. В конце

концов, я не желаю, чтобы с ними что-то случилось.

Он подошел к стоящему у одной из стен аудитории аппарату и сел на стул перед компактной шкалой управления. На ней были маленькие и разноцветные кнопки. В каждом ряду их было двадцать пять, столько же было и рядов.

Мак — Кен подошел ближе и склонился над прибором.

— Что это? Не помню, чтобы мне приходилось видеть его раньше.

Быстрыми, почти незаметными движениями, Гросвенф нажал на семь кнопок, потом повернулся и коснулся главного рубильника. Послышался ясный, светлый металлический звук. Он дрожал в воздухе несколько минут, потом постепенно исчез.

Гросвенф поднял голову и спросил:

— Какие ассоциации он у вас вызвал?

На лице Мак — Кена застыло странное выражение.

— Перед моими глазами возникла картина играющего в церкви органа. Потом она резко изменилась, и вот уже я нахожусь на политическом митинге, где кандидат использует быструю стимулирующую музыку с тем, чтобы сделать

всех счастливее, — он умолк, затем тихо добавил: — Так вот как вы можете победить на выборах!

— Это один из методов.

Лицо Мак — Кена выдавало его напряжение.

— Боже, какая же сила в ваших руках!

— На меня это не действует.

— Но вы владеете контролем. Вы же можете контролировать всю человеческую расу.

— Младенец получает контроль, когда учится ходить, двигать руками, разговаривать. Почему же не распространить контроль на гипнотизм, химические реакции, эффекты, даваемые пищеварением? Это было возможным сотни лет назад. Это предохранило бы от множества болезней, сердечной боли, тех катастроф, которые возникают из-за непонимания собственного тела и разума.

Мак — Кен снова повернулся к аппарату в форме веретена.

— Как он работает?

— Это набор кристаллов с электроцепью. В знаете, как могут искажать электричество некоторые кристаллы? При возникновении какого-либо изменения образуется ультразвуковая вибрация, проникающая через органы слуха в мозг и стимулирующая головной мозг. Я могу играть на этом приборе, как музыкант играет на своем инстру-

менте, создавая определенный эмоциональный настрой, слишком сильный для того, чтобы лицо, не получившее специальной подготовки, могло ему сопротивляться.

Мак — Кен повернулся к креслу и сел. Неожиданно он сильно побледнел.

— Вы меня напугали, — тихо сказал он. — Все это кажется мне малоэстетичным, и я ничего не могу с этим поделать.

Гросвенф некоторое время смотрел на него, затем наклонился и что-то изменил в приборе, нажав на кноп ку. На этот раз звук был печальным и нежным. В нем была какая-то пресыщенность, как будто бесконечная вибрация продолжала волновать воздух вокруг них, когда сам звук давно исчез.

— А что на этот раз? — спросил Эллиот.

— Я думал о своей матери. Мне вдруг страшно захотелось домой. Я захотел…

— Это опасно, — нахмурился Гросвенф Если я усилю это внушение, некоторые из людей могут вернуться к первоначальной позиции. — Он еще раз что то перенастроил. — А если так?

Он вновь нажал на кнопку пуска. Раздался звук похожий на колокольный звон, и эхо отозвалось ему мягко — ласковым звоном.

— Я был ребенком, — сказал Мак — Кен, — и ложился спать. Да, но я не хочу спать. — Он не заметил, что перешел в разговоре на настоящее время. Затем он непроизвольно зевнул.

Гросвенф открыл ящик стола и достал два резиновых шлема, один из которых он протянул геологу:

— Наденьте, на всякий случай.

Другой шлем он надел на свою голову, пока его компаньон с видимой неохотой пролез в шлем, царапая уши.

— Думаю, из меня не получится Макиавелли, — заметил Мак — Кен. — Я полагаю, что вы попытаетесь до казать мне, что бессмысленные звуки использовались и раньше, чтобы разбудить эмоции и повлиять на людей.

Гросвенф в это время занимался прибором и сразу не ответил. Откинувшись на спинку кресла после окончания настройки аппарата, он откровенно проговорил:

— Люди считают нечто этичным или неэтичным в зависимости от ассоциаций, возникающих в данный момент в их сознании или рассматривая проблему в перспективе. Это вовсе не означает, что ни одна из этических систем не имеет ценности. Сам я склоняюсь к тому мне-

нию, что нашим этическим мерилом может быть то, что приносит пользу подавляющему большинству, при условии, что это не сопряжено с унижением или ограничением прав тех индивидов, которые не смогли к нему приспособиться. Общество должно учиться спасению больных или невежественных, — теперь в его голосе звучала настойчивость. — Заметьте, пожалуйста, что никогда ранее я не использовал этого изобретения. Я никогда не использовал гипноз, не считая того случая, когда Кент захватил мой отдел, но сейчас я намерен его использовать. Со времени старта я мог бы заманивать сюда людей, стимулируя их дюжиной различных способов. Почему я этого не делал? Потому что деятельность «Некзиального общества» базируется на своде этических норм, обязательных и для его членов, и для его учеников, и эти нормы тоже входят в мою систему. Я могу обойти их стороной, но с огромными сложностями.

— Вы и сейчас их обходите?

— Нет.

— Тогда все это мне представляется слишком неопределенным.

— Совершенно верно. Сейчас как никогда я твердо убежден в том, что мои действия справед-

ливы, и никаких опорных или эмоциональных проблем не возникает, — так как Мак — Кен молчал, Гросвенф продолжил: — Думаю, вы создали в своем воображении образ диктатора, силой устанавливающего демократию, то есть мой образ. Но это неверно, потому что управление летящим кораблем можно осуществить только квази — демократическими методами. И самой большой трудностью является то, что в конце путешествия я не должен приниматься в расчет.

— Думаю, вы правы, — вздохнул Мак — Кен и посмотрел на экран.

Гросвенф проследил направление его взгляда и увидел, что люди в скафандрах пытаются идти вперед, отталкиваясь от стены. Их руки активно упирались в стену, но они испытывали какое-то сопротивление и результаты их действий были ничтожны.

— Что вы теперь собираетесь делать? — снова заговорил геолог.

— Собираюсь заставить их спать… вот так, — он чуть тронул рубильник.

Раздавшийся звук, казалось, был не громче прежнего, но люди, находившиеся в коридоре, повалились на пол.

Гросвенф встал.

— Звук будет повторяться через каждые десять ми — нут, а резонаторы, расставленные мной по кораблю, подхватят и передадут сигнал. Идемте.

— Куда?

— Я хочу установить рубильник главной электроосветительной системы корабля.

Он установил рубильник в кинозале и через минуту направился в коридор. Повсюду на их пути попадались спящие люди. Вначале Мак — Кен удивлялся, потом замолчал и с тревогой озирался по сторонам.

— До чего же трудно себе представить, что люди могут быть такими беспомощными! — наконец, сказал он.

— Дело обстоит хуже, чем вы думаете, — заметил Эллиот.

Теперь они находились в аппаратной. Он поднялся на нижний ярус электрической системы управления. На установку рубильника ему понадобилось меньше десяти минут. Потом он молча сошел вниз, не объяснив Мак — Кену, что сделал или намеревается сделать.

— Ничего им не говорите, — сказал он Мак — Кену.

— Если они узнают, мне придется спускаться вниз и составлять еще один вариант.

— Вы собираетесь их сейчас разбудить?

— Да, как только вернусь к себе. Но вначале я бы хотел, чтобы вы помогли мне перевезти Ван Гроссена и остальных в их спальни. Я хочу вызвать у него состояние возмущения своими действиями, но не знаю, что из этого выйдет.

— Вы думаете, они сдадутся?

— Нет.

— Вы уверены в этом?

— Уверен.

Его утверждение оказалось верным. Тогда в десять часов следующего дня он повернул рубильник у себя в отделе, изменивший направление тока, проходящего через установленный им в цепи выключатель.

Постоянно горящие лампы по всему кораблю замерцали слабым светом — некзиальный вариант гипнотических изображений Риим. И мгновенно, даже не догадываясь об этом, все люди на борту корабля были подвергнуты сильному гипнозу.

Гросвенф начал игру на своем, выявляющим эмоции, аппарате. Он сконцентрировался на мыслях о смелости и самоотверженности, долге перед своей расой, перед лицом опасности. Он развил даже комплексный эмоциональный образец, который должен был стимулировать чувство, что

по отношению к тому, что было раньше, время бежит с двойной и даже тройной быстротой.

Подготовив таким образом почву, он привел в действие «Центральный вызов» коммуникатора корабля и отдал соответствующие команды. Передав главные инструкции, он сказал, что отныне каждый человек будет мгновенно отзываться на пароль, не зная сознательно, из каких слов он состоит или вспоминая их после произнесения.

Потом он заставил их забыть о всем процессе гипноза. Он спустился в аппаратную и снял поставленный им выключатель. Вернувшись в свой отдел, он разбудил всех и вызвал по коммуникатору Кента, которому сказал:

— Я отказываюсь от своего ультиматума и готов сдаться. Я неожиданно понял, что не могу противопоставлять себя воле членов экспедиции. Я бы хотел, чтобы было созвано другое совещание, на котором я буду присутствовать лично. Естественно, я буду настаивать на том, что нам предстоит вынести жесточайшую войну с неизвестной нам формой жизни в этой галактике.

Гросвенф не был удивлен, когда правление корабля, странно изменившееся в своих взглядах, согласилось после обсуждения, что очевидность происходящего налицо и опасность неизбежна.

Исполняющий обязанности директора Кент отдал распоряжение о безжалостном преследовании врага, не считаясь с нуждами членов экспедиции.

Гросвенф, не вмешивающийся в индивидуальные черты каждой личности, весело посмеивался, наблюдая, с какой неохотой согласился Кент на принятие этих мер.

Великая битва между человеком и чуждым ему разумом вот-вот должна была начаться.

Глава 22

Анабис существовало в состоянии бесформенной массы, растянутой на огромное пространство во всей галактике. Оно слегка колебалось, слабо взаимодействуя биллионами частиц своего тела, автоматически сокращалось там, где на него действовали разрушающая жара и радиация одного из двухсот биллионов пылающих солнц. Но оно протягивалось к мириадам планет и с лихорадочным ненасытным голодом сжималось вокруг квадриллионов трепещущих мест, где умирали существа, давая ему жизнь.

Но этого не было достаточно. Твердая уверенность в надвигающемся голоде просочилась в

самые отдаленные уголки его тела. Все бессмысленно мельчайшие клетки его тела посылали сигналы как с близких, так и с далеких расстояний, сигналы о недостатке еды. Всем клеткам давно уже приходилось довольствоваться все меньшим и меньшим…

Анабис медленно приходило к мысли о том, что оно слишком большое или слишком ничтожное. Бесконтрольный рост в ранние времена был его роковой ошибкой. В те годы будущее казалось беспредельным. Галактическое пространство, где оно развивалось, казалось бесконечным. Оно развивалось с хвастливым веселым подъемом низшего по происхождению существа, которому судьба подарила такую возможность.

А оно было низшим по рождению. В тусклом начале оно было лишь газом, возникшем в туманно — болотистом скоплении. Оно не имело ни запаха, ни вкуса, но обладало удачной динамической комбинацией. И в нем была жизнь.

Вначале не было ничего, кроме струи невидимого тумана. Он уверенно прошел теплую темную воду, которая размножала его, непрестанно извиваясь, ныряя и раздвигаясь, набирая живость, борясь за то, чтобы быть, в то время, как кто угодно или что угодно должно было умереть.

Ибо смерть других была его жизнью.

Не то чтобы это было знанием, что процесс, которому оно следовало, был одним из самых сложных из когда-либо имевших место в естественно — химической жизни. Им двигало удовольствие и веселость, а не знание. Какую оно получало радость, когда могло налететь на двух насекомых, жужжащих в жестокой смертельной борьбе, накрыть их и ждать, дрожа каждой газообразной частицей, пока жизненная сила пораженных перейдет, сопровождаемая ощущением пощипывания, в его собственные иллюзорные элементы.

Потом был длительный период, когда жизнь была лишь бесцельным поиском еды. И его миром было узкое болото, серое окружение, где оно вело свое удовлетворенное, идиллическое, почти бездумное существование. Но даже в этом мире оно безудержно росло. Оно нуждалось во все большем количестве еды, а не в таком, какую могли ему дать случайно найденные умирающие насекомые. И в нем начали быстро развиваться те частички знаний, которые можно было применить к обстановке этого сырого болота. Оно узнало, какие насекомые охотились, а какие были добычей. Оно узнало часы охоты каждого

насекомого, места, в которых лежали в ожидании крошечные нелетающие монстры — летающие были больше и поймать их было труднее. И они, как открыло Анабис, имели свои привычки в еде. Оно научилось использовать свою парообразную форму как порыв ветра, несущий жертву к гибели. Его питание стало адекватным, потом более чем адекватным… Оно росло и вновь стало испытывать голод. Необходимость дала ему знание того, что жизнь существует и за пределами болота. А однажды, зайдя дальше, чем когда-либо раньше, оно захватило двух гигантских чудовищ в панцирях на высшей точке смертельной борьбы. Сильная дрожь, возникшая, когда в его клетки влилась жизненная сила пораженного чудовища, значительное количество полученной им при этом энергии вызвало настолько сильный экстаз, что ни — чего подобного ему раньше испытывать не приходилось. За несколько часов в течении дня Анабис выросло в десять раз.

В последующие за этим ночь и день весь влажный мир джунглей оказался окутанным. Анабис обволокло затем каждый океан, каждый континент и потянулось туда, где летучие облака вечно закрывали путь чистым солнечным лучам. Позже, в дни своей умственной силы оно смог-

ло проанализировать случившееся тогда. Куда бы оно ни проникало во все увеличивающемся размере, оно адсорбировало некоторые газы из окружающей его атмосферы. Для осуществления этого нужны были два фактора, а не один. Была еда, которую необходимо было искать. И было естественное действие получаемой от со — лица энергии. До болота, находящегося ниже предела досягаемости ультрафиолетовых лучей, доходило лишь ничтожное количество нужного света. Поэтому и результаты были маленькими, так как оно могло действовать лишь в пределах одной планеты.

Выбравшись из тумана, оно сразу попало в зону действия ультрафиолета. Начавшийся вслед за этим этап динамического развития не мог быть остановлен эрами. Поднявшись над облаками, оно вышло в космос и на второй день достигло ближайшей планеты. В короткое время оно протянулось к пределам границ системы и автоматически потянулось к другим солнечным системам. Но здесь оно было побеждено расстоянием, которому, казалось, не было никакого дела до его тонкого, ищущего вещества.

Добывая еду, оно приобретало знания и в ранние дни верило в то, что мысли являются его

собственностью. Постепенно оно узнало, что электрическая нервная система растет от каждой сцены смерти, привнесенной в его сознание как побеждающими, так и умирающими животными. Когда это было осознано, Анабис начало узнавать животные хитрости многих плотоядных охотников и опыт увертливости тех, на кого идет охота. Но и здесь, на других планетах, оно вступало в контакт с совершенно иной формой ума: существами, которые могли думать, с цивилизацией, наукой. Оно узнало от них, среди многих прочих вещей, что, сконцентрировав свои элементы, оно может делать дыры в космосе, проходить сквозь них и выныривать в отдаленной точке. Анабис научилось переносить таким образом вещество. Оно начало джунглизировать планеты, потому что примитивные миры давали больше жизненной силы. Оно переносило через гиперпространство огромные части других джунглизированных миров. Оно перемещало холодные планеты поближе к солнцам.

Но и этого было недостаточно!

Дни его власти, казалось, были мгновением. Раскармливаясь, оно быстрее росло. Несмотря на свой гигантский ум, оно никогда не умело сбалансировать этот процесс. Оно с диким страхом

предвидело, что через незначительный промежуток времени его ждет поражение.

Приближение корабля вселило надежду. Растянувшись в одном направлении опасно тонкой пленкой, оно будет преследовать корабль, куда бы он ни летел. Начнется отчаянная борьба за то, чтобы уцелеть, прыгая от галактики к галактике, и все более углубляясь в эту огромную ночь. Все эти годы в нем росла надежда на то, что оно сможет джунглинизировать все новые и новые планеты, и что пространству нет конца…

Для людей чернота ночи не имела значение. «Космическая Гончая» трудилась над огромной долиной, насыщенной металлом. Каждый иллюминатор сиял светом. Огромные прожектора добавляли света рядам машин, бурившим огромные дыры в этом мире металла. Сначала железо скармливалось простым машинам, потом переработанный металл превращался производственными машинами в космические торпеды, которые тут же посылались в пространство.

Но на заре следующего утра сама производственная машина сделалась промышленной, производящей секции производственных, и добавочные роботы загружали материалом каждую новую секцию. Вскоре сотня, а потом и тысяча

машин производили темные тонкие торпеды. И во все больших количествах они устремлялись в окружающее пространство, насыщая радиоактивностью каждый дюйм субстанции. Теперь эти ракеты должны были распространять свои разрушающие атомы в течении тридцати тысяч лет. Они были предназначены для того, чтобы оставаться внутри гравитационного поля галактики, но никогда не падать на планету или солнце.

Когда горизонт окрасился слабым красным светом зари второго утра, инженер Пеннос сообщил по «Главному вызову»:

— Теперь мы производим по десять тысяч в секунду, и я думаю, мы можем вполне оставить окончание работ на машины. Я установил вокруг планеты частичный экран, чтобы избежать проникновения. Еще сотня железных миров надежно блокирована, и наш громоздкий друг начинает испытывать чувство пустоты в самых насущных местах. Нам пора в путь.

По прошествии месяца пришло время, когда они решили, что местом их назначения должна быть туманность НГС —60:467.

Астроном Гюнли Лестер объяснил причину такого выбора.

— Именно эта галактика, — спокойно произнес

он, — отстоит от сюда на девятьсот миллионов световых лет. Если этот газообразный разум последует за нами, он потеряет свое удивительное «я» в этой ночи, которой буквально нет конца.

Он сел, и слово сразу взял Гросвенф.

— Я уверен, все мы понимаем, что вовсе не собираемся в эту отдаленную звездную систему. Такой путь занял бы у нас столетия, а возможно и тысячелетия. Все, что мы хотим — это завести эту враждебную форму жизни туда, где она умрет от голода и откуда нет возврата. Мы сможем определить, преследует ли она нас или нет, по бормотанию ее мыслей. И мы сразу же узнаем, что она мертва, когда бормотание прекратится.

Именно так и случилось.

Шло время. Гросвенф вошел в аудиторию и обнаружил, что его класс вновь пополнился. Были заняты все стулья и из соседнего отдела принесены еще несколько. Немного помолчав, он начал очередную лекцию.

— Проблемы, перед лицом которых стоит некзиализм, являются всеобщими проблемами. Человек разделил жизнь и материю на различные отрасли знания и бытия. И хотя он использует иногда слова, которые указывают на его знание цельности природы, он все же про — должает ве-

сти себя так, будто тот, кто изменяет вселенную, имеет множество различных функционирующих сторон. Технические приемы, которые мы будем сегодня обсуждать…

Он замолчал. Окинув взглядом аудиторию, Гросвенф сосредоточил внимание на одном знакомом лице, мелькнувшем в самом дальнем конце комнаты. После секундного замешательства Гросвенф продолжал:

— …заключаются в том, как можно преодолеть это несоответствие между деятельностью и поведением человека и объективной действительностью.

Он продолжал подробно и доходчиво описывать технические приемы, а в глубине помещения Грегори Кент делал первые заметки по некзиализму.

А «Космическая Гончая», неся в себе маленький островок человеческой цивилизации, со все увеличивающейся скоростью неслась сквозь ночь, у которой нет конца и начала… Конца и начала…

Война против рулл

1

Когда звездолет исчез в клубящемся тумане атмосферы Эристана — II, Джемисон достал бластер. Его мутило, голова кружилась от болтанки, когда его били и бросали мощные струи корабля. Чувство опасности не покидало его, несмотря на прочность тросов, которыми он был прикреплен к антигравитационной платформе, тихо раскачивающейся над ними.

Прищурившись, он рассматривал эзвала, который в свою очередь пристально разглядывал его с края платформы своими тремя серыми, как сталь, глазами, и его огромная голубая голова, настороженно выглядывающая из-за края платформы, была готова — Джемисон это знал — мгновенно отпрыгнуть, едва прочитав мысль о выстреле.

— Ну, — резко сказал Джемисон, — вот мы и здесь, вдвоем, в тысячах световых лет от наших планет. Под нами пекло, которого вы, судя по тому, в какой изоляции живет ваша раса на планете Карсона, и представить себе не можете, хотя вы и читаете мои мысли. Даже 6000 — фунтовому эзвалу, не выжить там, внизу, в одиночку.

Огромная когтистая лапа высунулась из-за

края платформы и дернула один из трех тросов, на которых висел Джемисон. Раздался резкий металлический щелчок и трос лопнул. Джемисона по инерции подбросило на несколько футов. Затем он снова упал и начал раскачиваться на двух оставшихся тросах, как на качелях. Подняв бластер, он приготовился к защите.

Но эзвал больше не принимал попыток нападения, и по-прежнему над платформой возвышалась лишь его голова с тремя глазами, разглядывающая Джемисона.

Внезапно Тревер Джемисон ощутил мысль, холодную и неспешную:

«Сейчас меня беспокоит только одно. Из сотни с лишним человек экипажа в живых остались только вы. И только вы из всей человеческой расы знаете, что эзвалы с планеты, которую вы называете планетой Карсона, не примитивные животные, а разумные существа. Ваше правительство испытывает огромные трудности с колонизацией нашей планеты, именно потому, что нас принимают за животных, природное зло опасное, но неизбежное. Это убеждение мы хотим сохранить. Ведь как только вы поймете, что мы разумны, то поведете против нас безжалостную войну. А это помешает нашей цели, выдворению

из нашего мира всех пришельцев. Вы знаете нашу тайну, и потому, чтобы не дать удрать вам вниз, в джунгли, я прыгнул на эту платформу, как только вы выбрались из люка».

— Неужели вы думаете, — спросил Джемисон, — что если отделаетесь от меня, то и делу конец? А не забыли вы про второй корабль с детенышем эзвалов на борту? Он благополучно ускользнул от крейсера рулл, и теперь на пути к Земле.

— Я не забыл, — презрительно возразил эзвал. — Я помню выражение лица командира корабля, которому вы намекнули на то, что эзвалы, возможно, разумны. Те, кого вы поймали, не предадут свою расу.

— Ну не такие уж они альтруисты, как вы меня уверяете, — цинично ответил Джемисон. — Да вы и сами спасли себе жизнь, прыгнув на платформу. Вы не умеете ею управлять, так что мы находимся в одинаково бедственном положении, и я сомневаюсь, что ДАЖЕ ЭЗВАЛ способен…

Его голос оборвался на полуслове. Эзвал вскинул вверх свою чудовищную лапу со странными когтями и схватил огромную птицу. Отчаянно взмахнув неуклюже парусообразными крыльями, та метнулась вниз. Но ей это не удалось.

Джемисон на мгновение увидел ее выпученные глаза и серпообразные когти, занесенные для удара.

От этого удара платформа закачалась, как лодочка в бурю. Джемисона кидало на его тросах из стороны в сторону. Порывы ветра и грохот крыльев создавали впечатление, будто вокруг него бьют молнии. Задыхаясь, он вскинул бластер. Белое пламя ударило в одно из крыльев и выжгло там черную дыру. Удары крыльев ослабели и вскоре эзвал скинул птицу с платформы. Та медленно падала вниз, пока не затерялась на фоне джунглей.

Джемисон поднял голову. Эзвал, качаясь, стоял на краю платформы, четыре его лапы беспомощно хватали воздух, а оставшиеся две вцепились в металлические пластинки на поверхности платформы, в отчаянной попытке удержаться. И он удержался. Огромное тело опустилось, и вновь только голова торчала над платформой. Джемисон опустил бластер и усмехнулся.

— Ну вот, — сказал он, — даже с птицей вам не справиться в одиночку. Я вас легко мог пристрелить, но вы мне нужны, так же, как и я вам. Ситуация такова: корабль погиб над островом в двадцати милях от материка, отделенного проли-

вом Дьявола. Мы выбрались из корабля вовремя — минутой позже это стало бы невозможно. Однако, чтобы спастись, нам снова надо найти корабль. В нем запас воды, еды, и он защитит нас от наиболее смертоносных существ, открытых человеком. Кроме того, я наверняка смогу починить субпространственный передатчик, а, помимо всего, может даже и спасательный бот.

Но для этого каждый из нас должен приложить усилия, максимум усилий. Надо будет будет преодолеть пятнадцать — двадцать миль джунглей, чтобы выйти к проливу Дьявола. Затем построить плот, чтобы нам обоим переправиться на материк, плот, который защитит нас от морских чудовищ, каждое из которых может проглотить нас целиком. Ваша сила, телепатические способности, моя ловкость и оружие — вот наша ставка в борьбе за жизнь. Ну, что вы на это скажете?

Но ответа не было. Джемисон сунул бластер в кобуру. Вероятно, этого не следовало делать. Джемисон мог теперь надеяться лишь на то, что эзвал оценит разумность его предложения. Теплый влажный ветер овевал его, принося первый слабый запах земли. Платформа была меня — разница в силе покрывается разумом. Неужели эти примитивные твари одновременно и сильнее и

умнее меня?

— Ну, таких тварей там нет, — медленно сказал Джемисон, встревоженный тем, что его аргументы не возымели нужного действия. — Поймите, ваша родная планета необитаемый остров по сравнению с этой. Даже до зубов вооруженный солдат бессилен против толпы.

Ответ последовал мгновенно:

— Тогда тут и двое бессильны. Особенно, если один наследственный урод, калека и больше мешает, чем помогает второму. Несмотря на свое оружие, которым он так гордится и на которое так надеется.

— Я не переоцениваю своего оружия, хотя мощь его на самом деле велика. И столь важная вещь…

— Как ваш могучий разум, надо понимать, — подсказал ему эзвал. — Тот, который принуждает вас высказывать эти бессмысленные аргументы.

— Не мой разум, — продолжал Джемисон упрямо, — а ваш. Я имею в виду то преимущество…

— Не важно, что вы там имеете в виду. Вы меня упорно убеждали, что не сможете в одиночку выбраться с этого острова. Ну что ж…

В то же время две огромные лапы сделали быстрое движение. Два оставшихся троса лопнули, словно струны. Удар был так силен, что Джемисо-

на подбросило вверх и он описал 100 —футовую дугу, прежде чем начал падение в густом влажном воздухе.

Холодная, полная иронии мысль настигла его:

— Вы запасливый человек, Тревер Джемисон. У вас есть не только аварийный запас за спиной, но и парашют. Теперь вы и сами достигнете земли. С этого момента вы можете демонстрировать свои разрушительные способности на всех обитателях джунглей, которых вам посчастливится встретить. Прощайте!

Джемисон дернул вытяжной трос парашюта и замер в ожидании. Время шло, но его падение не замедлялось. Он завертелся, пытаясь выяснить, что произошло с парашютом, не запутался ли он в тросах, оборванных эзвалом. Но первый же взгляд принес облегчение. Парашют медленно выползал из мешка. Он тормозился из-за большой скорости, и к тому же, когда он раскрылся, прошло еще несколько секунд, прежде чем падение закончилось. Джемисон отстегнул ненужные теперь тросы и выбросил их. Теперь он медленно летел сквозь плотный воздух — около восемнадцати футов на кубический дюйм на уровне моря. Джемисон усмехнулся. Скоро и он будет на этом уровне.

Но под ним было отнюдь не море. Всего лишь несколько луж да заросли. Нечто вроде вырубки, но это была наверняка не вырубка. Поверхность имела серый отталкивающий вид. Догадка молнией пронзила его и заставила кровь сильнее забиться в жилах. Болото! Бездонное море склизкой, чавкающей грязи. В отчаянии он задергал стропы парашюта, как будто с помощью этого мог очутиться в джунглях — джунглях, которые были так близко, и в то же время так далеко (по его подсчетам примерно в четверти мили). Он застонал и сжался в ожидании…

Предчувствие близкой гибели заставило его напрячь все силы. Джемисон подтянул стропы парашюта так, чтобы его сносило в сторону. Но деревья были слишком далеко, в 500 футах к северу, столько же было и до земли. Чтобы достичь деревьев, нужно было падать под углом в 45 градусов, что невозможно без ветра. Когда он думал об этом, он чувствовал дуновение бриза, теперь же и тот стих. Но это уже не имело значения.

Развязка была близка. До земли 200 футов, 100, 50… и вот его ноги провалились в серо — зеленую жидкую грязь. Джемисон забарахтался, вытаскивая ноги и дергая за стропы у самого пояса. С большим трудом, обмотав стропы вокруг

пальцев, он протащил себя на несколько футов. Слишком мало. До ближайшего участка твердой почвы было почти 30 футов.

Он распластался на податливой поверхности, раскинув ноги, руки, чтобы распределить свой вес равномерно. Но лежа в грязи он задыхался. Джемисон размахнулся и бросил несколько строп, что есть силы, вперед. Это был его последний шанс.

Фортуна его еще не покинула. Стропы запутались в кустарнике. Он подергал, и они выдержали. Рванув еще несколько раз, для проверки, Джемисон потянул изо всех сил. Он продвинулся немного вперед и вверх. Двигаться стало легче. Но внезапно раздался треск рвущейся материи, и стропы ослабли. Джемисон выбрал слабину и снова бросил стропы вперед. После нескольких попыток болото выпустило его из своих тисков. Джемисон подтягивался, перебирая стропы до тех пор, пока не ощутил в руках корень куста. Он рванулся из последних сил и влетел в кустарник, ломая ветки. Кусты, качаясь, согнулись вдвое под его тяжестью.

Несколько минут он лежал ничком, не зная даже, где находится. Когда он пришел в себя, то почувствовал разочарование — тем большее, чем

больше была надежда.

Он находился на маленьком острове, в сотне футов от основного массива. Остров был шириной — 20, а длиной — 30 футов, на нем было пять деревьев, максимум в 30 футов высотой, неизвестно как ведущих жалкое существование на столь непрочной почве.

Но разочарование сменила надежда. Общая длина деревьев превышала 100 футов. Этого достаточно. Тут надежда снова погасла. У него есть только маленький топорик. Джемисон представил себе, что должен свалить им деревья, обтесать их, потом перенести на берег. Жуткая работенка.

Он сел. Только теперь пришло ощущение палящего солнца. Оно было почти в зените. Значит, так как планета вращается медленно, до захода еще часов 12. Можно подождать с реализацией плана и отдохнуть.

Поэтому, разыскав укромное местечко в кустах — он помнил еще о той птичке, которую ему недавно пришлось пристрелить, Джемисон блаженно вытянулся на мягкой почве и накрылся лиственным покрывалом.

Здесь было прохладно, меньше пекло. Небо было чистым.

Сияние звезды жгло глаза, и Джемисон закрыл их.

Когда он проснулся, солнце заметно склонилось к горизонту. Он проспал несколько часов. Джемисон встал, потянулся и почувствовал себя бодрее. Внезапно он замер, увидев нечто невероятное.

Мост, толще и прочнее, чем любое дерево на его острове, пролег между ним и противоположным берегом. Это было похоже на то, что кто-то выставил из джунглей колоссальную ногу. Мозг Джемисона бешено заработал. Но пока догадка лишь оформлялась в его голове, он уже увидел поднимающееся из кустов голубое ящерообразное тело эзвала. Прямо перед ним появились три знакомых серых глаза.

— Не бойтесь, Джемисон. Подумав, я решил, что вы правы. Я помогу вам…

Джемисон прервал его со смехом.

— Ха, то, что вы прибежали ко мне, означает ваше поражение. Что ж, я еще подумаю над этим.

Он, крякнув, надел на плечи рюкзак и шагнул на мост.

— Путь будет долог.

2

В полусотне футов от эзвала, почти перешедшего мост, из леса выползла гигантская змея. Первым колыхание высокой фиолетовой травы заметил Джемисон, ба — лансирующий на середине моста. Из травы поднялась широкая уродливая голова, венчавшая восьмиметровое пиявкообразное тело почти с метр толщиной. Голова уставилась на него своими поросячьими глазами. Джемисон чертыхнулся, проклиная свою судьбу, подсунувшую ему эту тварь в столь неподходящий момент. Он был парализован сверкающими глазками, сковавшими его каждый мускул. Это его и спасло. Страшная голова отвернулась и сконцентрировала свое внимание на эзвале. Джемисон расслабился, страх уступил место гневу. Он мысленно обратился к эзвалу;

— А я — то думал, что вы чувствуете приближение опасных животных по мыслям.

Эзвал не откликнулся. Чудовищная змея тихо скользнула в безмолвии, плоская голова раскачивалась над длинным извивающимся телом. Эзвал медленно пятился назад, признавая свое бессилие.

— Может, вам будет интересно узнать: как эксперт Международной Военной Комиссии, я недавно подал рапорт об Эристане — II. Там я писал, что использование этой планеты в качестве военной базы весьма сомнительно. Это объясняется двумя причинами: здесь самые прожорливые во Вселенной растения — людоеды и вот эти милые существа. Их миллионы. Они чрезвычайно плодовиты, и их численность регулируется лишь количеством пищи, которой на этой планете может служить почти все. Поэтому их невозможно истребить. Самые крупные змеи достигают 100 футов длины и веса порядка 3 тонн. В отличие от других хищников они охотятся днем.

Эзвал продолжал отступать. Змея была в метрах десяти от него. Он коротко ответил:

— Она меня врасплох не застала. В ее мыслях есть еще что-то, кроме жажды убийства. Впрочем, это неважно. Меня ей не убить. Вся проблема в вас.

Джемисон поморщился.

— Ну, не будьте так уверены в своей безопасности. Если потребуется, эта тварь может растянуться на сотни футов.

В ответе эзвала скользила самоуверенность.

— Я пробегу 400 футов прежде, чем вы досчитаете до десяти.

— В этих — то джунглях? Да там сплошные лианы, а не нормальный лес. Вы прорветесь, но вряд ли быстрее, чем змея. Такую маленькую добычу, как я, она может упустить, а вот вас…

— Неужели, — прервал его эзвал, — вы считаете меня таким глупым и ожидаете, что я буду прорываться сквозь джунгли? Я могу их обогнуть с краю.

— И попадете в ловушку. Насколько мне известно, джунгли дальше суживаются, закрывая проход. Змея воспользуется этим.

Эзвал помолчал, а потом спросил:

— Что же вы не примените свой хваленый бластер?

— Чтобы обратить на себя ее внимание? Невозможно с первого раза поразить ее мозг, а эти твари пол — жизни проводят в болотах и движутся так же быстро, как и на суше. Спасибо за совет.

Несколько секунд прошло в молчании. Надо было что-то делать, и в первую очередь эзвалу. Джемисон услышал его недовольное:

— Что ж, приказывайте и БЫСТРЕЕ!

Джемисон был удовлетворен, эзвал попросил

его помощи, без всякого договора. Но времени для торжества не было, и он приказал:

— Действовать будем вместе. Сначала змея попытается вас загипнотизировать, это стандартный прием рептилий. В это время она ослабит внимание, и я этим воспользуюсь. Я выжгу ей глаза, а вы быстро прыгнете ей на спину. Режьте ее позади этого большого рога. Там мозг. Я буду отвлекать ее огнем. Начали!

Голова змеи качнулась. Джемисон медленно, усмиряя дрожь в руке, поднял бластер и спустил предохранитель.

Змея рванулась в атаку, свою последнюю атаку… Через несколько секунд ее дымящиеся останки, продолжавшие извиваться, были сброшены в болото. Джемисон устало соскочил с моста и рухнул на землю. Эзвал поджидал его впереди. Он пристально посмотрел на Джемисона, но тот выдержал его взгляд.

— Где платформа? — спросил он.

— В 30 ваших милях к северу…

Джемисон помолчал, потом сказал:

— Мы должны к ней вернуться. Я почти израсходовал аккумулятор бластера, нужно его подзарядить. Так что вернуться необходимо.

Эзвал молчал. Джемисон выдержал паузу, за-

тем решительно продолжил:

— Было бы неплохо, если бы вы перенесли меня на своей спине. Из парашютных строп можно сделать упряжь. Нужно добраться до платформы как можно быстрее.

Прошло немало времени, прежде чем гордый эзвал неохотно согласился.

— Да, — сказал он с презрением. — Лучшего способа транспортирования столь беспомощного существа не придумаешь. Я согласен.

Джемисон подошел к эзвалу и расстелил на земле парашют. Вблизи эзвал оказался даже больше, чем он предполагал: расстояние и легкость движения скрадывали размеры. Джемисон по сравнению с ним выглядел пигмеем.

Каждый раз, касаясь тела эзвала, Джемисон чувствовал волну отвращения.

— Это необходимо, — сказал он, как бы извиняясь, обмотал стропы и пропустил их между лапами, чтобы не стеснить движения, а сверху положил кусок материи. Переброшенные через шею обрывки строп образовали примитивные стремена. Наконец он взгромоздился на свою лошадь.

— Почему бы вам не изменить свое отношение ко мне, — начал он мягко, — мне кажется…

От первого толчка он подлетел в воздух, и потом ему оставалось лишь прилагать все силы, чтобы не вылететь из седла. Эзвал со своей стороны ничего не делал, чтобы облегчить ему дорогу. Джемисон однако скоро приспособился к причудливому аллюру своей шестиногой лошади и даже стал находить удовольствие в этой бешеной скачке. Слева от него проносилась стена деревьев, похожих на гигантский тростник, смыкающий вверху свои кроны.

Внезапно Джемисон услышал команду:

— Держитесь!

Он мгновенно натянул поводья и упал на шею эзвалу, изо всех сил вцепившись в стропы. Эзвал пошел боком, потом снова вышел на прямую.

Когда ритм скачки возобновился, Джемисон оглянулся. Мельком он увидел двух больших четвероногих животных, похожих на огромных гиен. Они не преследовали их. «Что, впрочем, весьма мудро с их стороны, — подумал он. — С эзвалом им не совладать». Что-то заставило его взглянуть вверх. В небе двигалась какая-то точка, в которой, присмотревшись, он узнал звездолет. Боевой звездолет рулл!

Он мог бы узнать его с первого раза. Тем временем огромный корабль, напоминавший чем-то

меч-рыбу, опустился в чащу джунглей и пропал из виду. Нечего было и думать скрыть этот сюрприз от эзвала. Гибель была неотвратима.

Он воспринял торжествующую мысль эзвала:

— Джемисон, вы, очевидно, предпочитаете застрелиться, лишь бы не попасть в лапы рулл, которые выбьют из вас все ваши секреты. Такой героизм я видал у обеих сторон, у рулл и у землян. Но вам это не удастся. Не вздумайте прикасаться к бластеру, иначе я приму меры.

У Джемисона застрял в горле ком. Надо же было такому случиться.

Делать было нечего. Пришлось подчиниться.

— Безумец, — произнес он наконец безжизненным голосом. — Неужели вы думаете, что руллы вас отблагодарят?

Тема была довольно заезженной, а вопрос столь очевидным, что Джемисон даже не изощрялся в красноречии. Но зато он осторожно напрягся, наблюдая за местностью. Факты скажут сами за себя.

— Руллы вероломны и нетерпимы к прочим расам.

Но ему не удалось скрыть свой замысел. Эзвал на ходу повел плечами и Джемисон оказался зажатым его мускулами. Он задергался, пытаясь

сохранить равновесие, а ветки били его по голове и рукам. Эзвал, как танк, ломился сквозь заросли. Через мгновение они были уже на берегу океана и остановились на коричневом песке у громки воды.

Эзвал спросил как ни в чем не бывало:

— Насколько я понял вас, они засекли излучение платформы?

Когда Джемисону удалось восстановить дыхание, он ответил:

— Скорее всего. Если вы не остановили реактор, как я на звездолете…

— Вот почему они сели. Но если они зафиксировали огонь бластера во время стычки, то они знают, что кто-то выжил. Мне лучше самому сдаться им, пока и меня не приняли за врага.

— Глупец! — воскликнул Джемисон. — Все равно они убьют вас. Мы их враги только потому, что мы не руллы. Неужели нельзя понять…

— Правильно, правильно, — саркастически заметил эзвал, — так и продолжайте. Но я им кое-чем обязан. Во-первых, тем, что они подбили ваш корабль и я выпал из клетки. Во-вторых, они отвлекли команду, и я мог перебить людей. Не думаю, что они отвергнут мое предложение выгнать людей с планеты Карсона. И сведения,

которые мы извлечем из вас, помогут нам в этом.

Внутри Джемисона бушевала черная ненависть. Лишь гигантским усилием воли он сумел подавить ее. Необходимо убедить эзвала в бессмысленности его плана. Он не вправе отступать.

— И что же, когда вы все это выполните, вы думаете, что руллы уберутся восвояси и предоставят вам наслаждаться свободой?

— Пускай остаются.

Джемисону опять стоило большого труда подавить раздражение, вызванное этим самонадеянным замечанием. В сущности, сказал он себе, эзвал дитя не технической цивилизации и не знает, что творит. И он продолжал:

— Вероятно, вам известно, что всего несколько лет назад люди разбили рулл вблизи вашей планеты. В то время, как мы выбивались из сил, защищая планету Карсона от самых жестоких созданий, когда-либо обитающих на Галактике, вы сделали все, чтобы помешать нам закрепиться на планете, создать базу. Вы знаете, что наши корабли примерно равны по мощности. Но руллы превосходят нас в некоторых отношениях. Их цивилизация, а следовательно и техника,

старше. Вдобавок они могут принимать любой облик и улавливать электромагнитные волны с помощью особых органов, унаследованных ими от своих хамелеонообразных предков — червей. Поэтому они становятся отличными шпионами. Никогда нам еще не удалось захватить планету, служащую опорным пунктом рулл. Наоборот, они в первый же год вышибли нас с трех важнейших баз, это было сто лет назад. А вы их собираетесь взять в союзники, чтобы победить людей.

— Теперь да, — последовал ответ, тем более ошеломительный, потому что Джемисон верил в убедительность своих аргументов.

Время уговоров прошло. Все дальнейшее произошло настолько быстро, что Джемисон не успел ничего подумать. Это и способствовало успеху. Он выхватил бластер и разрядил в спину эзвала. Белое пламя вылетело из дула, но ничего не встретило на своем пути. Секундой позже он почувствовал, что летит в воздухе.

Джемисон с треском врезался в заросли. Жесткие ветки рвали его одежду, царапали лицо и руки. Джунглям доставалось все: клочки материи, куски кожи, вещи, все, кроме бластера, который Джемисон держал мертвой хваткой.

Он упал в траву и покатился, мгновенно вы-

кинув вперед руку с оружием, изготовленным к бою. Эзвал, мчавшийся на него, затормозил в трех шагах от бластера с гримасой удивления на широкой морде, прыгнул в сторону и исчез в джунглях.

Израненный и чуть живой от потрясения Джемисон сел и принялся размышлять над плюсами и минусами своей победы.

3

Вокруг стояли странные причудливые деревья чужих джунглей — да и не деревья вовсе, а пестрые желто — коричневые грибы, вытянувшиеся на десятки фугов вверх, пробив сплетения лиан, лишайников и красноватой травы. Эзвалу они были нипочем, но для человека, у которого к тому же разряжен бластер, это было неодолимое препятствие. К тому же эзвал сменил направление, видимо для того, чтобы сократить путь, и не ясно было, куда идти.

Одно лишь было неплохо — его, по крайней мере, не волокли к руллам. Руллы! Джемисон вскочил на ноги. Предательски мягкий покров спружинил под ним. Он перескочил на твердую почву. Джемисон знал, что где-то невдалеке, скрытый буйными красками джунглей, прячется эзвал, который слышит каждую его мысль:

«Времени нет. Руллы несомненно засекли выстрелы и будут здесь с минуты на минуту. Вы еще можете передумать. Это безумно, брать в союзники рулл. Учтите, наши разведчики, которым удалось вернуться с занятой противником территории, доносят, что ни на одной из планет,

на которых они были, нет никого, кроме рулл. Я имею в виду достаточно разумных существ. Но ведь они были там! ГДЕ ЖЕ ОНИ?» Джемисон сделал паузу, чтобы эзвал мог осмыслить вопрос, затем продолжил:

— Несколько раз нам приходилось встречать враждебные цивилизации. Что же мы делали в этих случаях? Объявляли карантин, организуя защиту от рулл, тратили уйму времени на то, что, по мнению рулл, не стоило выведенного яйца: пытались установить мирные отношения с туземцами. Изучали их культуру и психологию, пытаясь найти корни конфликта. Если же это оказывалось бесполезным, мы самым бескровным путем свергали их правительство, а потом осторожно ревизовали их культуру, очищая ее от элементов нетерпимости. После этого восстанавливалась автономия, и они могли сделать выбор: присоединиться ли им к федерации, насчитывающей около 5000 планет, или нет. И не было случая, чтобы эта огромная кропотливая работа пошла впустую. Можете теперь сами представить, какова разница в методах людей и рулл. Нам не требуется совершать переворот на планете Карсона. Вы достаточно разумны, чтобы понять, кто ваш друг. Лично вы, здесь и сейчас,

сможете сделать свой настоящий первый шаг.

Больше ему нечего было сказать. Некоторое время он стоял и ждал, однако ответа не последовало. Джемисон удрученно пожал плечами. Был уже вечер, солнце проникало сквозь нижние ветви «деревьев» и лиан. Вдруг он понял, что его почти безнадежное положение скоро станет еще хуже.

Через два часа выйдут на охоту ночные хищники, скрывающиеся днем в своих убежищах. Против них ему не устоять. Если бы только найти НАСТОЯЩЕЕ дерево с прочными ветвями.

Джемисон двинулся вперед, избегая больших кустов, где мог спрятаться эзвал. Это была трудная работа: всего лишь через несколько сотен метров он едва мог шевелить руками и ногами. И тут он услышал первый отклик эзвала:

«Кто-то летает надо мной. Он меня видит. Какое-то насекомое, крылья у него совсем прозрачные. Я его слышу, но мысли… бессмысленные… я…»

— Не бессмысленны, — прервал его Джемисон, — чужды, вот подходящее слово. Руллы больше отличаются от нас обоих, чем мы друг от друга. Существует, правда, недоказанная теория, что они совсем из другой Галактики. Не удивлюсь, если вы не сможете читать их мысли.

Джемисон медленно двигался через джунгли, держа бластер наизготовку.

— Руллы пользуются антигравитационной машиной, в их изготовлении они достигли совершенства. То, что вы принимаете за крылья — это аура, световые волны. Вам выпала столь же редкая, сколько и опасная возможность видеть рулла в его естественном состоянии. Не многим это удалось, и еще меньше выжило после этого. Видимо, он думает, что вы дикий зверь — может быть, вы и уцелеете. Впрочем, нет, на вас же упряжь.

В ответе эзвала скользило отвращение:

«Эту вещь я сбросил сразу же».

Джемисон кивнул сам себе.

— Ну, превосходно. Ведите себя, как зверь, рычите на него, даже кидайтесь, но уносите ноги, как только он выдвинет сбоку сетчатый отросток.

Эзвал не ответил. Джемисон напряженно пытался уловить какие-нибудь отзвуки того, что происходит где-то в чаще. Может быть, эзвал старается установить контакт с руллом без телепатии? Хуже всего, если он вернется к этой идиотской мысли о сексе. Джемисон содрогнулся, представив себе, что произойдет в этом

случае на планете Карсона. Он вслушивался в происходящее в джунглях и слышал отовсюду слабые прерывистые шорохи: далекий треск растений, ломавшихся под тяжелым громоздким телом, прерывистый низкий вопль, где-то совсем близко. Он втиснулся в заросли, осторожно выглядывая оттуда. Он знал, что случилось. Эзвал поступил по его совету. Джемисон спросил:

— Он преследует вас?

«Да, — последовал быстрый ответ, — он хочет меня изучить. Стойте на месте, у меня есть план».

Джемисон устроился поудобнее.

— Ну, я вас слушаю.

«Я приведу его к вам. Вы его убьете, а за это я помогу вам добраться до корабля».

Джемисон вскочил на ноги. Несомненно, эзвал отказался от союза с руллами. Неважно, из — за его ли аргументов или сам почувствовал, насколько руллы ему чужды. Важно то, что эзвал на его стороне. Но может, это, всего лишь хитрость?

«Сейчас я с вами, Джемисон, но берегитесь! Все — таки мы заключили союз с руллами против главного врага — человека. Не знаю, как отреагируют на это соплеменники, многие будут против… Впрочем, будьте готовы, скоро я буду

у вас».

Слева от него послышался треск. Джемисон прицелился. На мгновение он успел увидеть сверкающие глаза эзвала, мчащегося в пятидесяти футах от него. Над ним неслась плоская темная тень.

«Поздно, не двигайтесь, не шумите. Их уже дюжина надо мною, и…» Ослепительная вспышка прервала его мысль. Ослепленный, Джемисон опустился на траву и приготовился к смерти. Но… прошла минута и ничего не произошло. Когда он прозрел, то понял, что его спас туман, совсем уже непрозрачный. Раз или два над ним мелькнули какие-то тени. Эзвала не было слышно. Что могло так быстро и без шума обезвредить его? Скорее всего, его парализовали с помощью вспышки света. Руллы применяли этот метод для поражения животных и примитивных форм разума, не привыкших к подобным вещам. Ничто иное не могло парализовать эзвала так быстро, так как он, несмотря на свой разум, был близок к животному и потому очень чувствителен к механическим формам гипноза. Да, скорее всего, они приняли эзвала за зверя, иначе они не вели бы себя столь неосторожно. Они поймали эзвала, чтобы выяснить, как он здесь очутился, ведь на

Эристане — II эзвалы не водились.

Планета была в сфере человеческого влияния, но доступна для рулл, которые, видимо, бывали тут не однажды. Джемисон усмехнулся. Руллы тоже думают, что эзвал всего лишь животное — тем хуже для них. Если эзвал сумел уничтожить человеческий корабль, то чем лучше звездолет рулл?

На севере в мутном небе что-то вспыхнуло, и через несколько секунд Джемисон услышал раскаты грома. Он вскочил на ноги. Это была не буря. Это были стодюймовые пушки человеческого линкора!

Линкор! Скорее всего, он прилетел с базы на Криптере —4 или заметил вспышки боя при патрулировании района.

Ответные вспышки были куда слабее. Крейсеру рулл очень повезет, если он сумеет убраться с планеты.

Но лично для него это ничего не меняло. Ночь со всеми ее ужасами ему предстоит провести здесь. Если даже патрульный корабль вернется, Джемисон не сумеет подать ему сигнал, не зарядив бластер. Но руллы, по крайней мере, ему не грозят.

Джемисон уже ничего не видел, и опасность возрастала с каждой секундой. Единственное

спасение бластер. Но надолго ли его хватит?

Джемисон напряженно всматривался во тьму. Того и гляди наткнешься на какое-нибудь чудовище. Смочив палец и определив направление ветра, он направился в ту сторону, вскоре поняв, что если днем по джунглям ходить трудно, то ночью невозможно. Через каждые несколько ярдов приходилось заново ориентироваться. От его движения по джунглям шел такой треск, что он подумывал над тем, стоит ли вообще двигаться. Но перспектива окончательно здесь остаться, во тьме, была в тысячу раз хуже. Тут он споткнулся, и его пальцы наткнулись на что-то твердое и шероховатое. ДЕРЕВО!

4

Огромная тварь топталась внизу, алчно рассматривая Джемисона огненными глазами. Семь раз вот такие твари бросались на дерево, визжа и пуская слюни, и каждый раз бластер Джемисона выплевывал тонкий луч все — сокрушающей энергии, и зверь шлепался на землю.

Прошло около восьми часов. Если так пойдет дальше, заряда не хватит до утра, не то что на следующую ночь. И ведь не известно, сколько раз ему придется ночевать в джунглях, пока он будет искать платформу, и найдет ли вообще?

Сколько минут он проживет после того, как иссякнет заряд?

А ведь победа была так близка… Опять кто-то топтался под деревом… Гигантские когти терзали кору, потом два сверкающих глаза на секунду отдалившись, понеслись к нему с невероятной скоростью. Сначала Джемисон схватился за бластер, но передумав, быстро полез вверх к тонким ветвям. Каждую секунду можно было ожидать, что ветки обломятся, и он полетит вниз, прямо в пасть к зверю, но еще больше он боялся, что челюсти вцепятся ему в пятки. Зверь почти настиг

его, когда снизу послышался еще более ужасный рев, и на дерево полез еще кто-то. Схватка происходила в абсолютной тьме и закончилась внизу, в кругу таких же тварей. Внезапно появился какой-то длинноший монстр с шестифутовыми челюстями и как таран врезался в клубок дерущихся убийц. Он оттащил свою добычу в сторону и сожрал в мгновение ока, после чего удалился. К утру Джемисон остался совсем один. Он уже не надеялся дожить до вечера.

Если бы эзвал не припер его тогда к стенке в контрольном отсеке, он сумел бы запастись пилюлями против сна, патронами, часами. Он даже улыбнулся при мысли, что у него могла быть спасательная шлюпка. Слава богу, что удалось захватить питательных пилюль на месяц. Джемисон подкрепился и слез с дерева. Насколько он мог судить по скорости эзвала, платформа была в десяти милях к северу. Учитывая болота и джунгли, до нее не менее дня пути. Притом, пройдя эти десять миль, плат — форму придется разыскивать, прочесывая лес кругом. Да и что он получит, найдя ее. Только полный заряд бластера. Платформа сама по себе была лишь сверхпарашютом, способным лишь поднимать и опускать тяжести. Ему предстояло осмотрительно, с одним

лишь бластером, преодолеть сто миль моря, болот, джунглей, кишащих хищниками, которые лежали между ним и кораблем.

Но другого пути не было. Он двинулся вперед.

К полудню Джемисону удалось пройти по его подсчетам не более 3 миль. Белое пятно на небе не позволяло определить время точнее. Он решил немного отдохнуть, тем более, что поблизости поднималось дерево. Джемисон привязался к ветке и… кромешная тьма окутала его.

Когда он проснулся, под деревом завывала стая ночных хищников. Неизвестно, сколько времени прошло, но видимо ночь только началась.

Гигантская лапа ударила по стволу, и дерево дрогнуло. Джемисон отвязался и вскарабкался выше, зная уже, как много значат несколько футов.

Сквозь туманную полосу этой атмосферы не было видно звезд, и поэтому ночь растягивалась вдвое. Нескольким кошкообразным тварям удалось довольно близко подобраться к Джемисону, но только однажды ему пришлось применить бластер. Луч был тонок, и сердце у него екнуло. Но животное, дернув обожженными лапами, свалилось вниз, где его немедленно разорвали на части.

Рассвет наступал так медленно, что, казалось, ночи не будет конца. Джемисон увидал внизу несколько гиенообразных тварей, копошащихся над грудой костей. Внезапно в тишине из кустов вынырнула огромная рогатая голова, за ней двенадцать метров, толстого туловища змеи, и ближайшая «гиена», коротко взвизгнув, превратилась в кусок мяса. Остальные растаяли во мгле. Змея спокойно занялась пожиранием своей пищи, а потом улеглась на траве, пока вздутие на теле медленно передвигалось к хвосту. Джемисон сидел на дереве ни жив, ни мертв. Кто знает, может, ей ничего не стоит добраться до него, и тогда никакой бластер не спасет. Пролежав у дерева длиннейший в жизни Джемисона час, змея убралась восвояси. Прошло несколько минут, прежде чем он опустился пониже, убедившись, что охота закончилась. День только начинался, и солнце еще не достигло зенита. Он проверил направление и продолжил путь.

За этот день он продвинулся немного дальше, в основном за счет отдыха. Он сильно устал, но перспектива провести еще одну ночь на дереве с бездействующим бластером заставила его прочесывать лес.

Некоторое время он изучал окрестности, чтобы

запомнить отправной пункт. Радиус первого круга был 50 футов. Это оптимальный вариант найти металлический предмет размером с платформу. Конечно, много времени он потратил впустую, но другого пути не было.

Через четыре часа он брел через заросли, заканчивая пятый круг. Темнело. Поиски ничего не дали, надо было вернуться, чтобы переждать еще одну кошмарную ночь.

С такими мыслями он закончил пятый круг. Глупо было надеяться найти платформу сегодня. Джунгли кончались лишь через несколько миль, и чтобы прочесать эту площадь, нужна была как минимум неделя. Но он все еще шел вперед, пытаясь отсрочить конец поисков, хотя опасность нападения продолжала увеличиваться с каждой минутой. Неожиданно джунгли расступились, обнаружив поляну диаметром в 250 ярдов. Почва здесь поросла кустарником, сгущавшимся к центру. Едва он сделал несколько шагов по поляне, как из зарослей с противоположной стороны вылетел косматый зверь с горящими глазами, и бросился к нему. Оцепенев, Джемисон стоял на месте.

Но зверь не успел добежать. Его ноги запутались в кустарнике, и он не смог, несмотря на все

свои усилия, выбраться. Джемисон понял, что произошло. Веревкообразные ветви спутали зверя, а веретенообразные, как шприцы, вонзились в него. Громадное тело вздрогнуло, задергалось и рухнуло на землю. Ветви все глубже и глубже вонзались в него.

Это был ритт, кустарник, который вкупе со змеями делал планету непригодной для цивилизации. Правда, он рос не везде. Джемисон содрогнулся, представив себе, сколько таких кустов он миновал за последний час.

Был уже поздний вечер, время когда хищники вы — ходили на охоту. Дневная тишина кончилась. Джемисон поспешно направился к дереву, которое виднелось в туманной дымке.

«Не туда, Тревор Джемисон, левее, — услышал он мысль. — Я вас жду. Помогите мне».

Джемисон остановился в недоумении. Ведь эзвала поймали руллы. Значит ловушка? Но зачем?

«Руллы мертвы. Их машина невредима, но я не могу ею управлять. Помогите мне. Только быстрее, пока между нами никого нет!» Резко повернувшись, Джемисон бросился к поляне. Все ясно, корабль рулл так торопился убраться, что бросил разведчиков. Эзвал их уничтожил.

Остальное очевидно…

«Я их не убивал, — прервал его эзвал. — Это было ни к чему. Сейчас вы сами поймете».

Джемисон наконец выбрался из джунглей. Перед ним на конце одной полянки стояла стофутовая шлюпка рулл, на другом — теперь ненужная платформа. Между ними среди серого кустарника были разбросаны трупы дружины рулл. Отростки кустарника протянулись к шлюпке, а некоторые даже заползли в открытый люк, как бы чувствуя, откуда могут появиться новые жертвы.

Джемисон сразу понял, что произошло.

«Медленно рассуждаете, Джемисон, хотя в логике вам не откажешь. Правильно, хотя в рубке меня спасла дверь. Надеюсь, вы сожжете растения и освободите меня».

Джемисон прожег в кустах проход и поднялся на платформу, сдвинул крышку двигателя и вынул из бластера маленькую капсулу. Без нее бластер был бесполезным куском металла. Подняв еще одну крышку, он сунул капсулу в специальное гнездо. Теперь нужно ждать, пока капсула не зарядится энергией. Вообще-то зарядка длится не менее десяти минут, но ему хватит и трех.

Джемисон прислонился к платформе с таким расчетом, чтобы при малейшей опасности, выхватить капсулу и вставить ее в бластер (хотя это было невозможно). Пока он сидел так, вглядываясь в чернеющие тени на поляне, эзвал молчал. Потом он заговорил сам.

— Значит руллы не знают о ритте. Оно и не удивительно: таких растений немного. Но как же они поступили так неосторожно, ведь никто не спасся. Может, вы объясните?

«В сознание я пришел при погружении в шлюпку. Но я им это не показал, у всех было оружие, я притворился спящим, пока меня не поместили в хранилище. Там я разорвал путы и стал ждать подходящего момента для бегства. Внезапно раздался взрыв, и они покинули судно. Потом все они пришли в необычайное волнение, и тут же все мысли оборвались. Я взломал дверь, и так как я вижу в темноте, то понял, что все они мертвы».

Джемисону почудилось какое-то волнение на поляне. Может, это охотятся на него? Три минуты прошли давно, больше ждать нельзя. Взяв себя в руки, он вынул капсулу и вставил в бластер. Все.

Он пристально посмотрел на место, где видел тень. Все спокойно. Вероятно, почудилось… Но все же следует быть осторожным. Он произнес:

— Ну что же, вы рассказали достаточно. Я могу продолжить. Увидев, что руллы мертвы, вы остались на шлюпке, ведь если вы и боитесь чего-то на этой планете, то именно кустарника. Вероятно, вы от него спаслись с большим трудом и прекрасно знаете, что чем дальше в джунгли, тем его больше. Теперь вы струсили и поняли, что без меня, без моего бластера, вам не обойтись. Вы вернулись…

Кустарник был светлее земли, Джемисон закрыл глаза рукой и нажал на спуск. Послышался треск горящей земли. Бластер был заряжен полностью. Джемисон повел дуло из стороны в сторону, потом открыл глаза. Он стоял на краю черного пятна, следующая заросль была в двадцати футах от него.

— Значит, вы уже два дня в шлюпке, — сказал Джемисон, сделав шаг вперед.

— В первый день вы скорее всего возились с механизмом двери и проникли в рубку только вчера. И на другом ее конце увидели отросток кустарника. Держу пари, что вы задвинули все двери на засовы. Конечно, сквозь металл кустарнику не проникнуть. Вас он может поразить в сотне мест сразу, но перед дверью бессилен. Только поэтому вы и уцелели.

Джемисон сжег второй куст. Теперь ему осталось сжечь последний, убивший рулл. Он продолжал в том же тоне:

— Два дня вы пытались разобраться в механизме пульта, но потерпели поражение. Если бы вы поняли механизм управления, то давно бы уже удрали. Но вы не поняли… Появился я, и ситуация изменилась.

Он остановился в ожидании ответа эзвала. Тому нечего было возразить, и он молчал. Джемисон продолжил себе путь дальше. Оставались лишь щупальца, проникшие в корабль. Он уменьшил мощность, чтобы не повредить обшивку.

— Сейчас я уничтожу последние отростки. После этого я поставлю бластер так, что он уничтожит вас, если вы сделаете хоть шаг из камеры. Думаю вы будете благоразумны. До ближайшей базы две недели лета, а там мы доберемся до планеты Карсона, где я вас выпущу. Не знаю правда, найдете ли вы что-нибудь съедобное в камере. Но утешьтесь тем, что не будь астрогации и гиперпутешествий, вы бы наверняка умерли с голоду, не добравшись до родины. Вы проиграли. Но не беспокойтесь, пока я не раскрою тайны вашей разумности. Пока. А теперь отойдите от двери подальше — будет очень жарко.

5

Через два дня Джемисон сумел связаться с крейсером дружественной людям расы и через него подать сигнал бедствия на ближайшую земную базу. Но еще целую неделю они блуждали в космосе, прежде чем их подобрал земной корабль. Командир согласился доставить их на планету Карсона. Он ничего не знал о сложившейся там ситуации, и проверив удостоверение личности Джемисона, поверил, что тот сопровождающий при эзвале.

Джемисон добился, чтобы корабль сначала сел в не — обитаемом районе. Здесь состоялся последний разговор с эзвалом.

Планета была богатым миром. Бескрайний лес про — стирался к западу, на востоке сверкнула река.

Эзвал легко соскочил на землю и оглянулся. Джемисон стоял у люка.

— Ну как, вы все еще не передумали?

«Убирайтесь с нашей планеты, вместе с вашими сородичами!» — злобно сказал эзвал.

— Только когда у вас будет машинная цивилизация, способная противостоять руллам.

«Эзвалы никогда не станут рабами машин!» Джемисон лишь кивнул на это головой. Он разработал другую концепцию. Взрослого эзвала ему не убедить, он слишком устойчив.

— Просто вы индивидуалист и хотите жить для себя.

«Да: Только от вас я узнал, что есть расы, живущие коллективно. Эзвалы лишь сотрудничают во имя общей цели. Но мы свободны. Почему-то, я не понимаю, почему, вы считаете это за слабость».

— За слабое место. Мы на Земле ничего бы не достигли без общества. Кстати, у вас ведь нет имени.

В ответе эзвала скользило отвращение:

«Телепаты не нуждаются в кличках. Вы зря думаете, — продолжал он яростно, — что можете сделать из нас себе подобных с помощью имен».

Ярость сменилась презрением.

«Впрочем, сейчас ваша задача доказать нашу разумность. Тут я вас покину».

Эзвал повернулся и побежал в лес. Джемисон окликнул его.

— Вы спасли мне жизнь и доказали, что между нами все — таки возможно сотрудничество. Благодарю вас за это!

«Мне не нужна благодарность человека. Про-

щайте и не попадайтесь мне больше!»

— Прощайте, — ответил Джемисон.

Как только люк захлопнулся, огромный корабль взлетел.

Перед отлетом на Землю Джемисон представил свой доклад Военному совету. Председатель оборвал его сразу же, едва стала ясна основная мысль:

— Мистер Джемисон, в этой комнате, да и на всей планете, вы не найдете человека, не пережившего горечи утрат, понесенных по вине этих чудовищ.

Джемисона это не касалось.

— Если верно то, что вы утверждаете, мы должны истребить их немедля. Бывают случаи, когда человек не может проявить милосердия к другой расе, и трудно от нас ожидать милосердия к эзвалам.

Послышался одобрительный ропот членов Совета. Джемисон обвел взглядом их лица и понял, что председатель прав. Планета была слишком лакомым куском. В истории человечества несколько раз встречались расы, столь ненавидевшие людей, как эзвалы. И надо же было этому случиться, ведь их планета была одной из трех баз, на которых держалась оборона Галактики. Ее

нельзя было оставить ни при каких обстоятельствах. В принципе, воз — можно даже полное уничтожение эзвалов.

Но эзвалов можно было уничтожить, только зная, что они телепаты, с других сторон они были неуязвимы. Они всегда обнаруживали человека, поэтому их нельзя было застать врасплох. Но зная эту их способность, ученые легко могли их уничтожить, создав машины, излучающие мысли. И с расой эзвалов будет покончено.

Джемисон понял, что рассказывать им о своих приключениях на Эристане — II было бы преступлением. Пусть думают, что это всего лишь теория.

— Леди и джентльмены, — он поклонился трем женщинам, входившим в состав Совета, — мне остается лишь выразить благодарность Галактической конвенции, пославшей меня, чтобы разрешить эту проблему. Я вынужден буду просить ее о проведении плебисцита по этому вопросу.

— Я считаю это оскорблением, — холодно сказал председатель.

— Я не имел намерения оскорбить вас, но думаю, что члены Совета слишком пристрастны, чтобы решать вопрос о жизни и смерти расы.

Благодарю за внимание.

Джемисон сел. Последовавший банкет прошел в полном молчании.

После него к Джемисону подошел вице-председатель Совета, сопровождаемый молодой женщиной. Ей на вид было лет тридцать. Прекрасные голубые глаза и стройная фигура делали ее привлекательной, но неженская решительность в ее облике немного портила это впечатление.

— Миссис Уитмен хотела бы познакомиться с вами, доктор Джемисон, — вежливо произнес вице-председатель Совета, и, представив их друг другу, быстро ушел, словно в этом и заключалась его миссия.

Джемисон внимательно рассматривал женщину.

— Вы ведь доктор наук, мистер Джемисон? — спросила она.

— Да, я физик, но специализируюсь в небесной механике и космических исследованиях.

— Так я и думала. А я вот осталась вдовой после гибели мужа. Меня всегда восхищали его познания, — сказала Уитмен, и потом добавила, как бы в раздумье: — его убил эзвал.

«Видимо, у ее мужа были глубокие познания, если она вращается в высших кругах Совета», —

подумал Джемисон, а вслух сказал;

— Сочувствую вам.

— Я очень рада, что вы остались еще на несколько дней, и я могу предложить вам другое решение проблемы, от которого зависит судьба планеты. Вы знаете, что у нас есть спутник?

— Вы хотите создать на нем базу, — медленно произнес Джемисон, видевший его из корабля.

— Не только.

«Что ж, этим стоит заняться, — подумал Джемисон, — в потоке бумаг, в водовороте мелких проблем это решение могло затеряться, а бюрократы неохотно пересматривают решения». Правда, он сильно сомневался, что это действительно решение, но в создавшейся ситуации любой компромисс был предпочтительней открытой вражды.

— Пойдемте, — сказала миссис Уитмен.

Джемисон в уме прикинул, что зафрахтованный корабль с эзвалами прибудет на Землю лишь через несколько недель, и он может уделить немного времени миссис Уитмен.

— Прекрасно, я согласен. А вы, как я понимаю, будете моим гидом?

Она рассмеялась, обнажив великолепные белые зубы.

— Но ведь больше с вами никто не станет разговаривать, не так ли?

Однако, сколько горечи вызвал ее вопрос у Джемисона!

6

Блеск космического скафандра гида то и дело грозил затеряться в звездном небе, и Джемисону приходи — лось непрерывно следить за ним, чтобы не остаться одному.

Он уже раскаивался, что согласился на этот полет. На пути к спутнику он просмотрел относившуюся к нему заметку в Космической Энциклопедии. С первого взгляда было ясно, что на спутнике невозможно разместить миллионы людей.

Казалось, женщина нарочно старалась отвлечь его внимание, не дать размышлять, ее трудно было рассмотреть на фоне солнца.

Милей внизу на поверхности спутника виднелись островки леса, выщербленные скалы, редкие участки травы, коричневой и пожухлой.

Джемисон не мог рассмотреть спидометр, вмонтированный в наружный шлем, так как свет дробился на стеклах и искажал картину на циферблате. Но что-то возбудило его подозрения. Он напряженно вглядывался в диск, и то, что он увидел, заставило его сжать губы в прямую линию. Он включил рацию:

— Миссис Уитмен!

— Да, доктор Джемисон, — слово «доктор», она произнесла как-то насмешливо и даже враждебно. — Слушаю вас, доктор!

— Вы сказали мне, что мы должны пролететь 521 милю или…

— Или около этого! — смягчился голос, но враждебность даже усилилась.

— Итак, 521 милю. Цифра достаточно определенная, чтобы быть точной. Тем не менее, мы уже пролетели 629 миль и все еще продолжаем лететь! С тех пор, как мы покинули пять городов, прошло два часа…

— Ну и что же, — прервала его женщина, — это не так страшно, доктор Тревер Джемисон.

Джемисон молчал, размышляя, чем это ему грозит. Сначала он ей хотел ответить так же высокомерно, но мозг, ставший внезапно кристально ясным, подавил это намерение в зародыше. Здесь крылась смертельная опасность. И как всегда в таких случаях, мозг работал быстро и точно. Он всегда выходил победителем, и это придавало ему силу.

Джемисон начал снижать скорость. Времени было слишком мало, а опасность слишком близко. Но пока скорость была велика, ничего нельзя

было сделать.

Он спокойно спросил:

— Скажите, убийство предпринято по приказу Совета, или это ваша личная инициатива?

— Что ж, теперь это не важно, — ответила женщина. — Мы не предполагали, что вы решитесь на плебисцит. Конечно, мы давно знали, что спутник не годится для базы.

Джемисон рассмеялся, чтобы скрыть свое снижение. Перегрузка была так велика, что он едва сдержал стон. Теперь он остался один. Сверкающий скафандр сопровождающего исчез вдали. Скорее всего, она даже не обернулась… Стараясь скрыть это неприятное для нее открытие как можно дольше, Джемисон спросил ее:

— И как же вы меня убьете?

— Через десять секунд ваш двигатель… — она осеклась. — О, да вас тут нет… Хотите приземляться? Все равно я вас найду!

До скалы оставалось 60 футов, когда двигатель остановился. Пламя охватило его, жгучая боль пронзила все тело, он ударился о землю, непроизвольно сворачиваясь в клубок, и потерял сознание.

Пятнистая скала, кружащаяся и качающаяся — вот что он увидел, очнувшись. Скафандра на

нем не было, остался лишь костюм с электроподогревом. Он почувствовал на себе чей-то взгляд. Джемисон обернулся, за ним стояла Барбара Уитмен.

— Вам повезло, вы вовремя выключили двигатель, вам обожгло только ноги. Я уже вылечила их. Вы можете даже идти.

Джемисон посмотрел по сторонам, затем вопросительно взглянул на нее. Она поняла его мысли.

— Быть может, не стоило быть столь щепетильной к смертнику, но я не могу убить даже собаки, не дав ей шанса выжить. У вас тоже есть шанс.

Джемисон сел, не отрывая от нее взгляда. Он встречал жестоких женщин и раньше, но ни одна не была столь честна и искренна в своих намерениях, как эта.

— Где ваш скафандр? — спросил он.

Она кивнула на небо.

— Видите черное пятно, справа от солнца? Я заложила в него мину, через 300 часов остатки упадут на солнце.

— Что — то не верится, что вы решили умереть вместе со мной. Люди умирают лишь за свою веру. Во что верите вы? У вас — то скорее всего есть шанс?

Лицо женщины потемнело от гнева.

— У нас нет ни одного шанса. Мы умрем вместе, ведь нам не дойти пешком до Пяти Городов, а до платиновых рудников тем более.

— Жалкая бравада. Во — первых, это доказывает, что вы глупы, а во-вторых мне никогда не нравились авантюристки. Тем не менее, я благодарен вам за лечение и… за общество.

Джемисон попрыгал на ногах, испытывая легкую боль.

— Ммм, не больно, но еще плохо сгибаются… К ночи это пройдет…

— Однако, вы спокойны, — язвительно сказала Уитмен.

Он кивнул.

— Конечно. Ведь я жив, и у меня есть время убедить вас в своей правоте!

Она рассмеялась.

— Вы не понимаете положения дел. Нам нужно идти две недели, делая по шестьдесят миль ежедневно, а это невозможно. Температура ночью падает до ста, а иногда и ста семидесяти градусов ниже нуля, в зависимости от близости к раскаленному ядру спутника, благодаря которому, здесь вообще возможна жизнь. Что вы на это скажете?

— Что надо идти, — ответил Джемисон, не ко-

леблясь.

— Нас сожрет первый же попавшийся граппа — кровосос, если мы не замерзнем. Запах крови, который они чувствуют на расстоянии, приводит их в бешенство. Им ничего не стоит сожрать человека целиком. Они способны рыть туннели в этих скалах. Единственная защита против них — бластер, а у меня остался лишь охотничий нож. Единственная пища на этом спутнике — огромные травоядные, удирающие быстрее лани при виде человека, но способные прикончить дюжину невооруженных людей, если их припереть к стенке. Учтите, что-то в воздухе возбуждает зверский аппетит. Мы приближаемся к смерти с каждой минутой.

— Вы, кажется, этим довольны, — сухо ответил Джемисон.

— Во всяком случае, на Землю нам не вернуться.

— Вы ошибаетесь. Мне только жаль видеть женщину в столь опасной ситуации. Хороши же однако, ваши друзья. Но я вернусь.

— Чепуха. Это все равно, что убить граппа голыми руками, — рассмеялась она.

— Не только и не столько руками, а разумом и опытом. Мы дойдем до людей, несмотря ни

на что!

Наступило молчание. Джемисон оглядел местность. Насколько хватало глаз, крутом простиралось однообразное безжизненное плато. Впрочем, нет! В одной стороне виднелся обрыв. Джемисон задумался на секунду, потом сказал:

— Придется идти к обрыву.

Глубокая тишина окружала их. Молчание было символом, духом этого холодного мира.

— Ну что же, начнем наше путешествие.

Они побрели через плато. Идти было нетрудно, сказывалось малое притяжение планеты. Женщина спросила:

— Что вы хотели сказать об эзвалах?

— Ничего. Если бы я вам что-нибудь сказал, вы бы их уничтожили.

— Вам надо было привести реальные факты, а не теоретические построения. В Совете здравомыслящие люди.

— Весьма здравомыслящие, — иронически подхватил Джемисон.

— Я не верю, что у вас есть факты. Хорошо, кончим на этом.

7

Через два часа солнце стояло высоко в небе. Все это время они пробирались по извилистому плато, лавируя между расщелинами, которые вели вниз, в раскаленные недра спутника.

Гигантская пропасть, ранее расплывчатая из-за расстояния, теперь предстала во всем своем величии. Она простиралась во все стороны неприступной, отвесной стеной.

Джемисон с трудом произнес:

— Стыдно признаться, но мне ее не одолеть.

— Я ведь вам говорила, — это голод. Мы умрем от голода.

Джемисон на секунду задумался и спросил:

— Эти травоядные — они ведь едят молодые побеги деревьев?

— Да, у них длинные шеи. А что?

— И это все, что они едят?

— Еще траву.

— И больше ничего? — Джемисон становился настойчивее.

Барбара вскинула голову:

— Сбавьте тон. Для чего вам все это?

— Извините за тон. Что они пьют?

— Они лижут лед, что скапливается у рек. Там замерзает вода, которая образуется во время таяния снегов. Вспомнила, еще они любят соль. Совсем как земные травоядные.

— Соль! Это — то, что нам нужно! — воскликнул Джемисон. — Давайте вернемся, мы проходили солончаки. Нам нужно набрать соли.

— Вернуться! Вы сошли с ума!

— Послушайте, Барбара. Я сказал, что не смогу спуститься. Но выход на самом деле есть. И от голода я не умру — я достаточно скопил жира на канцелярской работе. Но все — таки нам необходимо убить животное. Для этого нужна соль. Надо вернуться.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом Барбара отвела взгляд и сказала:

— Не знаю, что вы задумали, но все равно это безумие. Вы никогда не видели здешних травоядных. Они напоминают жирафов, только значительно выше. Зря вы надеетесь приманить их солью и убить. Это вам не удастся. Хорошо, мы вернемся. Не все ли равно, где умирать. Дай бог, чтобы нас учуял грапп. Это лучше и быстрее, чем смерть от голода.

— Нет ничего страшнее женщины, решившей умереть во что бы то ни стало.

— Не думайте, что мне этого хочется!

— А как же ваш ребенок?

По выражению ее лица он понял, что не промахнулся. В ней нужно было пробудить любовь к жизни. Ее помощь была необходима.

От разговора с ней по дороге к солончаку Джемисон, сам того не ожидая, получил большое удовольствие. Он не пытался убедить ее в чем либо, говорил о проблемах человечества, об освоении чужих миров, о взаимопонимании различных рас, о том, как много решений было принято в результате разумного обсуждения.

— Вот наконец и солончаки! — прервала его Барбара.

Джемисон распихал по карманам куски соли, и они побрели обратно. Возвращение проходило в молчании. У Джемисона болел каждый мускул, каждый нерв. Отчаянно хотелось спать, но спать было нельзя, сон означал смерть. Джемисон взглянул вниз, и у него закружилась голова. Помутившимися глазами он посмотрел на женщину, на лице которой читались муки голода.

— Держитесь! — вскрикнул он. — Еще немного!

Они подползли к краю пропасти, слишком глубокой, чтобы они могли спуститься вниз. Ка-

залось, им оставалось только лечь и умирать от голода, глотая ртом живительный воздух. Наконец Барбара прошептала:

— Что же нам делать? Неужели тут нигде нет спуска?

Но Джемисон уже нашел выход.

— Спуститься мы можем в любой момент. Смотрите, — он подтащил ее к краю, — внизу спасение. Там стадо травоядных.

Слева немного ниже их виднелась долина. Спуск в нее был в нескольких сотнях фунтов от них, он весь по — рос лесом, и вторгался в долину подобно клину. Около него паслось стадо в сотню голов.

Они постепенно приближались к лесу.

— К ним можно подкрасться.

— А потом выбежать и насыпать им на хвост соли? У нас же ничего нет!

— Сначала, — сказал Джемисон как бы про себя, не оборачиваясь, — нужно подобраться к краю леса, при — чем так, чтобы животные нас не заметили. Мне потребуется ваш нож.

— Ладно, делайте как хотите. Вам к ним и на четверть мили не подойти.

— Я и не собираюсь. Если бы вы получше разбирались в жизни, то давно бы поняли, как просто

убить зверя. Эта проблема давно решена на всех мирах. Пошли.

— Вы правы. Я тоже считаю, что эта смерть приятнее голодной. Около травоядных всегда околачиваются граппы, они подбираются к ним вечером, а утром убивают. Кстати, мясо травоядных довольно жестко. Сейчас как раз темнеет, значит граппы близко. Скоро они нас учуют и тогда…

— Если потребуется, мы сами к ним придем. Жаль, что я тут никогда не был раньше, тогда все давно было бы в порядке. Но пока наша цель лес.

Его внешнее спокойствие было маской. Когда они достигли леса, он качался от усталости и голода и едва держал нож, когда подкапывал корни высокого коричневого дерева.

— Кажется, этот корень, так же тверд, как сталь, и упруг. Его можно свернуть в кольцо, — сказал он. — На земле это дерево используется в промышленности.

— Да, — ответила она. — Если вы делаете лук, то эта трава может служить тетивой.

— Нет, это не лук. К ним ведь нельзя подойти и на четверть мили.

Он выдернул дюймовый корень, отрезал двухфутовый кусок и заострил его концы (с очень

большим тру — дом, так как дерево скользило в его руках).

— Ну вот. Теперь подержите концы вместе, я их свяжу.

— А — а — а, — протянула она, — теперь я поняла. Животное заглотнет кольцо, в желудке трава разорвется, и острые концы проткнут желудок.

— Этот метод известен на сотнях планет, на Земле его применяли эскимосы.

Джемисон подобрался к поляне и принялся разбрасывать кольца.

— Мы не можем положиться на одно кольцо, — сказал он.

Мясо было чуть жестким, но все же очень вкусным. Приятно было ощущать, как к телу возвращается энергия. Джемисон проглотил последний кусок и встал, глядя на заходящее солнце.

— Если есть по четыре фунта в день, то шестидесяти фунтов нам хватит. Вообще — то вредно есть одно мясо, но за две недели вряд ли что с нами случится. Больше охотиться мы не сможем.

Джемисон вырезал филейную часть животного, лежавшего на траве, и упаковал мясо в два тюка, обвязав его травой. Получилось нечто вроде рюкзака. Барбара смотрела на него иронически.

— Вы просто сумасшедший, — сказала она. — Ночь мы как-нибудь переживем в пещере, но когда нас найдет грапп — ему вы тоже скормите деревяшку?

— А почему бы и нет! — резко ответил Джемисон.

— А потому, что зубы у них тверже металла, а когти — алмаза, желудок же не разрезать и ножом. Именно из-за них здесь нет разумной жизни. У нас есть пища, голодная смерть нам не грозит. Что ж, пусть нас убьет грапп — это произойдет мгновенно. Выбросьте из головы эту глупую идею — выжить. Грапп настигнет нас в любой пещере, в любой щели и убьет. Естественных пещер здесь нет, все пещеры это метеоритные воронки, перекрученные движением коры спутника. Нужно найти такую пещеру, чтобы в ней ночью сохранился воздух. Когда подуют холодные ветры, костюмы нам не помогут. Нужен костер.

Дерева вокруг было предостаточно. Они собрали большую кучу веток и стащили ее в пещеру, на первый этаж. Потом спустились сами, сначала — Джемисон, а потом, весьма грациозно — Барбара. Джемисон ухмыльнулся — молодость есть молодость.

Они перетаскивали топливо на второй этаж,

когда вход в пещеру перекрыла черная тень. Джемисон оглянулся — во тьме блеснули клыки и горящие глаза чудовища. Тонкий красный язык нервно облизывал губы в предвкушение добычи, слюна капала на стоящих внизу людей.

Джемисон почувствовал, как его дернули к провалу, и он тут же очутился на куче веток внизу. Не задерживаясь, они принялись протаскивать ветки на следующий этаж. Скрежет гигантских когтей, расширявших отверстие, и рев чудовища подгоняли их. Едва они кончили и спрыгнули вниз, как увидели в отверстии второго этажа морду чудовища, освещаемую полуторафутовыми глазами. Внезапно скрежет прекратился, и наступила тишина.

— В чем дело? — спросил Джемисон.

— Он закупорил вход, ему не добраться до нас за те несколько минут, что остались до спячки, но нам не выйти. Грапп хитер на выдумки. За травоядными он не охотится, только преследует. Просыпается он на несколько минут раньше их и этим пользуется. То же он хочет проделать с нами. Ведь выйти мы не сможем, тут нам и конец.

Всю ночь Джемисон не сомкнул глаз. То он засыпал, то ему что-то чудилось, тогда он вскакивал и метался по пещере. Тьма, как камень,

придавила их к земле. Ни малейшего проблеска света. Блеклое искрящееся пламя костра было бессильно против этой тьмы и беспомощно против холода.

Сначала появился озноб, потом холод словно сцементировал его тело. Стены покрылись инеем. Скала трескалась, и каждую трещину сопровождал гул, от которого казалось, вот-вот обрушится потолок. Шум падающих осколков вывел женщину из забытья. Она вскочила на ноги и принялась ходить туда-сюда, согревая руку в руке.

— А почему бы нам не поджечь граппа? — спросил Джемисон. — Ведь если бы он…

— Он проснется. К тому же его шкуру не проймешь огнем. Она похожа по свойствам на металлоасбест, не горюча, но проводит тепло.

— И ведь надо было попасть в эту переделку мне — единственному человеку, знающему решение проблемы эзвалов. И вы еще вдобавок пытаетесь меня прикончить…

— Пытались. Что толку в этих разговорах. Бесполезно. Через несколько минут грипп проснется и прикончит нас. Нам его не остановить.

— Вы так думаете? Зверь, конечно страшный, но помните: эта проблема решена давным-давно на всех планетах?

— Безумец! Его даже бластер не берет. Вас уже на свете не будет, прежде чем его шкура начнет испаряться. Что ему нож!

— Кстати, дайте — ка его мне, я его заточу.

Теплело. Иней местами подтаял, озноб прошел. Костер потухал оставляя пепел, топливо сгорало дотла, и как только он погас, пещеру заполнили клубы дыма, сквозь который ничего не было видно.

Внезапно сверху что — то зашевелилось, послышался треск, протяжный вой. Барбара вскочила с земли.

— Он проснулся.

— Вот мы и дождались своего часа.

— Теперь я вижу, что ваша смерть ничего бы не дала. Это безумие.

Между ними упал кусок скалы и с грохотом рухнул вниз, в глубину пещеры. Скрежет когтей был совсем близко.

— Он расширяет проход, — сказала она. — Спрячемся в расщелину, стена может рухнуть.

— Да, нельзя рисковать. Времени у нас мало.

Джемисон расстегнул и снял перчатку, весь содрогнувшись от холода. Подставил нож под затухающее пламя.

— Черт побери, ну и мороз, градусов под де-

вяносто. Нужно нагреть нож, иначе ничего не выйдет.

Он накалил нож и, сделав надрез на большом пальце левой руки, растер кровь по лезвию. Посиневшая от злого холода рука не кровоточила. Он надел перчатку, и когда рука согрелась, боль возобновилась. Он пошел вдоль стены, как бы забыв о следующей за ним женщине.

— Ага! — воскликнул он торжествующе. Но даже ему эта радость показалась слишком искусственной. Он опустился на колени возле тонкой трещины.

— Это как раз то, что нужно, она как раз против прохода, — он взглянул на женщину. — Знаете, почему я вчера не спустился ниже? Потому, что в этой пещере грапп может уместиться целиком. В нем ведь футов тридцать вместе с хвостом?

— Да.

— Отлично. Он тут свободно разместится, и есть куда укрыться нам, пока он издохнет.

— Пока он не издохнет? — эхом откликнулась она.

— Из вас мог бы получиться лучший в мире клоун.

Джемисон промолчал. Он вставил в трещину рукоятку ножа и укрепил камнями.

— Ну, кажется ничего, но нужна двойная гарантия.

— Быстрее нужно спрятаться на следующий этаж, может быть, там есть выход в другую пещеру, — воскликнула Барбара.

— Я обследовал пещеру, пока вы спали, там всего еще два этажа.

— Ради бога, через минуту будет уже поздно.

— Минута мне и нужна. Надо все — таки получше закрепить нож.

И он принялся за работу, в то время как она пританцовывала за ним от нетерпения. Наконец он укрепил камень, с которым мучился, и они спрыгнули вниз, успев увидеть приближающиеся глаза зверя.

Костер высветил неясные очертания темной клыкастой пасти с тонким извивающимся языком, и рассыпался искрами, когда на него плюхнулся тяжелый зверь. Больше Джемисон ничего не увидел — он отпустил руки и рухнул с двадцатифутовой высоты. С минуту от боли он ничего не видел и не слышал, даже того, что скребущийся звук стих. Вместо этого зверь взвыл от боли, потом послышался сосущий звук и довольное хрюканье.

— Что случилось? — недоуменно спросила

женщина.

— Сейчас увидите! — прохрипел Джемисон.

Сосущие звуки доносились в течение пяти, десяти, двадцати минут, постепенно затихая. Вместе с ними стихал вой. Наконец раздался вопль агонии и наступила тишина.

— Помогите мне, — сказал Джемисон. — Нужно посмотреть, что с ним.

— Кто-то из нас спятил, либо я, либо вы. Ради всего святого, скажите, что случилось.

— Он почуял кровь на ноже, лизнул его, порезал язык и пришел в бешенство, а рот заполнился его собственной кровью. Они ведь обожают кровь. Ну вот за последние полчаса он ею обожрался. Довольно простенький метод.

— Значит, — странным голосом спросила Барбара с усилием, — теперь нам уже ничто не препятствует дойти до людей?

Джемисон взглянул на нее.

— Ничего — кроме вас.

Молча они взобрались на следующий этаж. Джемисон вытащил нож из трещины.

— Отдайте нож, — резко сказала Барбара.

Джемисон поколебался, но подчинился. Снаружи было бледное утро. Кроме солнца, на небе сиял огромный красный шар, плывущий на запа-

де — планета Карсона.

Небо было легкое, светлое. Утром даже скалы были не так мертвы и черны. Дул сильный ветер. После ужасов ночи, день казался еще светлее, и он возвращал надежду.

«Ложную надежду, — мысленно уточнил Джемисон.

— Спаси меня бог от этой женщины. Ого, она нападает».

Нападение было внезапным. Он уловил начало атаки по блеску ее глаз. Нож разодрал рукав его костюма. Джемисон едва устоял на краю пропасти.

— Вы сошли с ума, — пробормотал он. — И не ведаете, что творите.

— Не беспокойтесь об этом. Вы должны умереть, несмотря ни на что. Вы сам дьявол, но и вы умрете.

Она пошла вперед, выставив перед собой нож, и Джемисон ей не препятствовал. Она, по — видимому, не разбиралась в борьбе. Свободной рукой она попыталась схватить его. Этого он и ожидал. Эта дилетантка ничего не смыслила в убийствах. Он схватил ее за руку и рванул на себя, отскочив в сторону. По инерции она пронеслась мимо и завертелась, как волчок. Теперь она балансировала

на краю пропасти, и ей не за что было удержаться. Джемисон вовремя схватил ее за руки, чтобы она не свалилась вниз. Он увидел ее глаза, мокрые от слез. Она снова стала женщиной, а не орудием убийц. На далекой Земле у Джемисона была жена, похожая на Барбару, и по своему опыту он знал, что теперь она сломлена и не опасна.

Все утро глядел Джемисон в небо. Он надеялся на помощь. Планета Карсона к этому времени скрылась за горизонтом, ветер стих.

В полдень он увидел в небе долгожданную точку. Она увеличивалась, приближаясь, пока не превратилась в шлюпку, в которой Джемисон узнал шлюпку своего линкора. Из распахнувшегося люка выпрыгнул лейтенант.

— Сэр, мы искали вас всю ночь, но сигнала не обнаружили.

— Несчастный случай, лейтенант, — спокойно произнес Джемисон.

— Вы направлялись на урановые рудники — это со — всем в противоположную сторону.

— Ничего, все в порядке, — уклонился от ответа Джемисон.

Через несколько минут они уже летели к звездолету.

На борту линкора Джемисон обдумывал план

мести за покушение на него. С одной стороны, эти люди слишком жестоки, чтобы оценить милосердие. Они примут его за слабость, с другой стороны…

Наконец, он решил не делать ничего, оставив все как есть, не жаловаться и не обвинять. Это его личное дело. Бюрократы земной администрации вряд ли поймут, что врагами иногда бывают люди, а не руллы. Хотя скорее всего, это была человеческая слабость. За это не наказывают. Может, придумают когда-нибудь над ними суд справедливости. И он обвинит людей в жалости, в горе, в бесстыдстве и в непонимании.

Барбара Уитмен вынесла что-то из всего этого. И может быть когда-то встанет на его сторону.

По пути к Земле Джемисон запросил, прибыл ли туда командир Мак — Леннан с эзвалами. Ему ответили, что этот медленный сухогруз еще не прибыл.

Но через неделю, когда до Земли оставался всего один день пути, пришло ужасное известие:

«Два часа назад получено сообщение: корабль Мак — Леннана вышел из-под контроля над севером Канады. Предполагается, что животные погибли во время катастрофы. Об экипаже ничего не известно».

— О, господи! — простонал Джемисон, прочитав радиограмму. Листок выпал из его руки и плавно опустился на пол.

8

Командор Мак — Леннан повернулся к двум офицерам.

— Весь контроль полетел к черту. Через четверть часа мы грохнемся на Землю, где-то возле Аляскинского залива. Мы обшарили весь корабль, но поломки не нашли. Карлинг, прикажите людям покинуть корабль в спасательных шлюпках. Потом сообщите на Алеутскую военную базу, что у нас на борту два эзвала, они могут уцелеть при крушении. Вспомогательные двигатели еще работают. Пусть определят место падения и прибудут туда как можно скорее. Неизвестно, сколько людей прикончат эти твари, если уцелеют. Ясно?

— Так точно, сэр! — Карлинг выбежал из каюты.

— Стойте! — остановил его Мак — Леннан. — Немедленно примите меры, чтобы они не вырвались из клеток, если уцелеют, и чтобы они пострадали как можно меньше. В них заинтересовано Правительство и мы должны их довезти живыми! Ступайте! Бренсон!

— Да, сэр!

— Возьмите пару человек и закройте люки

главного трюма, тогда им не выбраться. Даю вам на все пять минут. Идите!

— Есть, сэр! — ответил тот и вышел.

Мак — Леннан сгреб в портфель кучу важных бумаг и пошел к хранилищу спасательных шлюпок. Карлинг, явно нервничая, отдал честь:

— Все люди в безопасности, сэр, кроме Бренсона!

— Где он болтается, черт побери?! Кто еще с ним?

— Скорее всего никого, сэр. Все остальные здесь.

— Что за черт… Пошлите кого-нибудь, впрочем я сам.

— Простите, сэр, — со страдальческим выражением лица сказал Карлинг, — но если через две минуты мы не стартуем, будет поздно. Встречный поток сметет нас. А насчет Бренсо — на… его нельзя было посылать вниз, сэр.

— Почему? — Мак — Леннан впился в него взглядом.

— Его старший брат был разорван в клочки эзвалом.

Детеныш услышал угрожающее рычание матери и ее твердую и ясную мысль:

«Спрячься под меня, скорее! Двуногий пришел,

чтобы убить!» Как молния выскочил он из своего угла клетки, лишь когти щелкнули по металлическому полу, и вот он уже под ней в теплой темноте тела. Здесь в ложбине между ее мускулами он был в безопасности. Он снова услышал ее мысль:

«Помни, что я тебе говорила! Люди должны считать нас зверьми. В этом наше спасение. Ты любишь жизнь, но если долг потребует, ты должен будешь умереть».

Ее глазами он увидел толстые четырехдюймовые решетки и человека за ним.

— Вам больше никого не убить, проклятые чудовища!

Он выхватил металлический предмет и просунул его между прутьями решетки. Блеснуло белое пламя, и контакт с матерью оборвался. Он услышал рев и запах горелого мяса. Мать бросилась прямо на это беспощадное пламя, бьющее из-за решетки. Человек отскочил. Тьма, застившая мозг самки, исчезла.

— Черт возьми! Ну, держитесь!

Детеныш не почувствовал мучительной боли матери — она снова выключила контакт. Она носилась по тесной клетке, уворачиваясь от огня. Какая-то часть ее мозга по — прежнему работала,

отыскивая путь спасения детеныша. И она нашла этот путь.

Вместе с шипением огнемета был слышен новый звук, похожий на протяжный вздох, становившийся все выше.

— Дьявол, — выругался человек, — ну и живучие же они. Нужно убираться, иначе будет поздно. Но куда же делся этот чертов детеныш? Не провалился же он сквозь пол?

Его мысли оборвались, когда 6500 —фунтовое тело самки обрушилось на него, прорвавшись через расплавленные огнеметом прутья клетки. Детеныш напряг все мускулы, чтобы его не расплющило. Он услышал протяжный вопль застывшего от ужаса человека. Огнемет выпал из его ослабевших пальцев, он рванулся к выходу, непослушные пальцы едва ощупали трап.

В два прыжка самка настигла его, и тут детеныш снова увидел человека и услышал вопль, оборванный уда — ром могучей лапы. И тут же мир погас для него.

Тьма обволакивала его мозг и невыносимо было чувство потери, вдвойне страшное, так как исчезла не только физическая, но и моральная поддержка матери. Только теперь детеныш понял, как сильно он от нее зависел. Теперь он был

одинок, и одиночество было невыносимым. Он жаждал смерти.

Пока он выбирался из-под останков матери, он понял две вещи. Что он с каждой минутой как бы теряет свой вес, и что высокий звук превратился в леденящий душу жесткий свист. Корабль с каждой секундой падал все быстрее. Древний рефлекс заставил детеныша выбраться из — под давящей массы. От свиста у него болели уши, к тому же все ему все время казалось, что пол, вот-вот вырвется у него из — под ног. Детеныш подполз к телу матери, подпрыгнул, стараясь попасть на спину, но промахнулся и угодил на пол с другой стороны. Со второй попытки ему удалось приземлиться на спину. И в этот момент все звуки, потеря веса — все исчезло во всесокрушающем ударе.

9

Прежде всего он почувствовал боль. Болела каждая косточка, каждый мускул, раскалывалась голова. Он снова хотел впасть в беспамятство, но что-то мешало ему, какое-то ощущение… Мысли. Чужие мысли. ОПАСНОСТЬ!

Он лежал на холодном металлическом полу трюма. Он сполз со спины матери, еще раз спасшей его. Корабль развалился надвое, и сквозь пролом виднелось сумеречное небо. Земля снаружи почему-то была белой, а сквозь дыру в стене бил резкий леденящий ветер. По белой земле бесшумно двигались к кораблю черные фигуры людей. Сквозь пролом в трюм проник луч света и белым пятном застыл на теле самки. Мгновенно детеныш скользнул под нее, увернувшись от луча света и замер там.

Голоса людей, искаженные немыслимо изогнутыми стенками трюма, ничего не говорили ему, но мысли он понимал:

«Порядок, командор! Они мертвы!» Послышался лязгающий топот.

«Как это они мертвы, — ответил первому другой, чем-то раздраженный мозг, — самка что ли?

Эй, кто-нибудь, дайте свет».

«Думаете, что детеныш…»

«Сами что ли не видите. В нем 500 фунтов, это вам не игрушка. Уж лучше я подерусь с матерым тигром».

Лучи света обшаривали трюм.

«Не дай бог, если он отсюда выбрался. Тут есть с дюжину ходов… Карлинг, прикажите своим людям установить прожектор в проеме. И посмотрите, нет ли следов вокруг. В чем дело, Даниэл?» Эзвал ощутил волну ужаса и отвращения.

«Здесь Бренсон, сэр, вернее то, что от него осталось. Вот здесь у лестницы».

Его эмоции мгновенно передались другим. Эзвал съежился от страха в своем убежище.

«Черт побери! Чепуха получается, но… Сэр! А ведь эта тварь подохла не от удара, она наполовину обожжена».

Последовала довольно правильная догадка о случившемся, а потом:

«Детеныш, наверное, спрятался… он не мог на нее взобраться… С другой стороны… Парнер!»

«Да, сэр!» Мысль эта прозвучала почему-то не в мозгу говорившего, а в голове командора.

«Подведите шлюпку к корпусу, над трещиной, подцепите зверя тросом за среднюю ногу и под-

нимите. Карлинг, следы есть?»

«Никак нет, сэр!»

«Ну значит он под ней, живой или мертвый. Поставьте людей у каждого входа. Направьте прожектор так, чтобы не было тени. Объявляется боевая готовность! Стреляйте при малейшей опасности!» Воспоминание об огне привело эзвала в трепет, и он еще сильнее вдавился в плоть матери. Но потом он преодолел страх и принялся рассуждать. На его планете он удрал бы сразу, но здесь не было ничего, кроме слепящей белой пустыни. И все же у него был шанс, уже почти стемнело. Но надежда пропала, когда он слегка приподнялся: слепящий свет залил все вокруг, а люди стояли с оружием наизготовку. Пятнадцать человек, насколько это было в их силах, постарались не оставить в ловушке выхода. Детеныш закрыл глаза, защищая их от света.

Внезапно закрывавшее его тело матери дернулось и приподнялось. Он подумал сначала, что она ожила, но это было не так, его залило слепящее море огня. Он изо всех сил вцепился в мать, его захлестнула чудовищная боль, стало трудно дышать, легкие сдавил трос.

Он вспомнил, о чем ему напоминала мать перед смертью, нужно бороться со страхом. Сама

она нашла в себе силы бросится сквозь решетку на своего убийцу — и победила. Но здесь много людей и нет решеток.

В следующее мгновение движение прекратилось. Он ощутил перед собой что — то твердое, освободился и бросился к ближайшей группе людей в тридцати ярдах от него. Словно волной ударили его страх и паника людей.

«УБИТЬ! УБИТЬ!» Три бластера, направленные на него, были каплей в море спешивших к ним на помощь. Полуослепший эзвал не видел трещины в палубе, покуда туда не угодила его нога. С непостижимой скоростью он свернул в сторону, освободив ногу и влетел в какое-то отверстие.

Это его и спасло. Едва он упал на плиты, оказавшиеся под дырой секции, как воздух над ним запылал, подожженный дюжиной бластеров.

В одном из углов было достаточно большое, чтобы он мог туда пролезть, отверстие. Неизвестно было, куда оно вело: в тупик или на другую палубу. Но выбора не оставалось. Он рванулся в отверстие.

В следующую секунду рядом оказались люди. Эзвал притаился, выжидая, пока первый из них не покажется в отверстии. И этот первый словно кегля полетел вниз, а бластер бесполезно разря-

дился в воздух.

Двое других не ожидали его атаки. Это их и погубило. Одного эзвал превратил в мешок с костями, а другому разорвал в клочья живот и грудь. На секунду он задержался и с хрустом перекусил обоих пополам, а по — том бросился к ближайшему отверстию. Едва он успел выскочить и свернуть в сторону, как масса огня выскочила из дыры.

Снег. Странное, мягкое, белое вещество обожгло ему ноги, наполовину сковав их.

Пляшущий луч света вырвался из корабля и наткнулся на эзвала. Длинная тень эзвала метнулась вперед. Но прожектор осветил большой черный валун впереди. Эзвал метнулся на него. Тот — час передняя часть камня раскололась под ударом бластера. С душераздирающим скрежетом камень разлетелся на куски. Пламя метнулось за эзвалом, свалившимся в какую-то яму. Она была заполнена снегом, затруднявшим движение. Он рискнул пробежать вдоль небольшой каменной насыпи, ограждавшей впадину, оставаясь незамеченным с корабля.

Дважды ему приходилось падать в снег, чтобы его не нашел луч прожектора. Оглянувшись, он увидел несущуюся к нему спасательную шлюпку. Силы были не равны. С полдюжины прожекторов

на ее днище обшаривали местность, и от них нельзя было скрыться. Ближайшая роща — единственное укрытие — была далеко, судно настигло бы его через несколько секунд.

Футах в двадцати от него была груда наполовину занесенных снегом камней. Собрав все силы, он перемахнул это пространство и очутился на вершине ближайшего валуна. Оттуда он спрыгнул в центр груды, спрятал голову в снег, выгнув спину, и замер.

Он не видел как над ним пролетела шлюпка, но мысли сидевших в ней людей он понял. Его не заметили. Шлюпка постоянно была связана с командором.

«Разрази меня бог, командор, если я могу понять, куда он делся. Нигде никаких следов».

«Вы уверены, что он не выскакивал из-за насыпи?»

«Да, сэр! Снег чист по обе стороны. Он не мог уйти, не оставив следов. Спрятаться негде. О, одну минуту! Тут недалеко есть роща, не думаю, что он там, но…»

«Сядьте и обследуйте ее. Только ради бога, будьте осторожны! Хватит с нас трупов».

Эзвал чуть расслабился. Снег вокруг него подтаял, его шесть лап, очутившись в холодной воде,

коченели. В его мире воды почти не было, в худшем случае она была теплой. Как он тосковал по этому миру!

Он насторожился. Люди возвращались.

«Ничего нет, сэр! Мы обшарили каждый фут».

Пауза.

«Хорошо, Паркер. Но все — таки поднимитесь выше и сделайте еще пару кругов. Скоро прибудет вторая шлюпка. Скажите им, чтобы прислали охотничьих собак, как только раненые прибудут в госпиталь. Их должно быть с десяток. С ними мы его живо поймаем, Есть следы или нет. Уж они его притащат!» Эзвал увидел, как шлюпка, набирая скорость, полетела прочь. Едва она отлетела на безопасное расстояние, он стремглав бросился к роще и скрылся под нависшими ветвями деревьев. Здесь он был в безопасности, пока шлюпка обследовала окрестности.

Через пять минут он стоял на краю долины. Перед ним, насколько хватило глаз, расстилался лес. Слева от него небо странно светилось на горизонте. Это могло быть что угодно, но эзвал решил, что там живут люди. Туда путь закрыт. Он спрыгнул вниз и понесся к лесу. Снег был довольно плотным, и эзвал не оставлял заметных следов, особенно если огибал сугробы. Теперь

его не найти с воздуха. Люди будут ограничены скоростью собак. Он не знал, что такое «собака», но представлял, что они меньше и глупее его, только с таким же нюхом.

10

Серый день медленно занимался над лесистыми холмами, когда эзвал решил отдохнуть. На склоне он нашел себе пещеру. Долгие часы он боролся с непривычным холодом, и его чудесное тело смогло выработать достаточно тепла.

Теперь он поджал под себя ноги, стараясь согреть каменный пол пещеры, где он остановился.

Он слышал какие-то мысли: иногда странные, иногда страшные, а в большинстве они были примитивными. Сначала в полудреме он подумал, их рождает его подсознание, но потом понял, что это не так, это были чужие мысли. Он открыл глаза.

Неподалеку на склоне пасся олень, щипавший кустики коричневой травы, выглядывавшей из-под снега. Его мысли были смесью страха и голода. Еда? С вожделением эзвал рассматривал это существо, прикидывая, как бы его убить. Все зависело от внезапности атаки. Он приготовился к прыжку.

Очевидно, мясо было съедобно, и эзвал сглотнул слюну, представив его вкус. Тут он услышал звук. Лай! Вместе с ним он услышал мысли. Чело-

веческие мысли. Он понял, что это собаки, и они охотятся за ним! Он выскочил на холм, чтобы лучше увидеть цепочку своих следов, оставленных вчера вечером. Она вела прямо к нему. Он спрыгнул вниз и тут же над ним пронеслась какая-то тень. Он похолодел. В четверти мили от него пролетел самолет и сел в лесу, оттуда выскочили пять собак. Сначала они разбежались в разные стороны, потом одна из них взяла след и лаем созвала остальных. А через минуту все пять мчались прямо к его убежищу.

Сначала эзвал хотел бежать. Но подумав, он начал подниматься вверх по склону. Это было тяжело. И каждую минуту он чувствовал — ищейки идут за ним. А следом их хозяева. Он еще раз увидал самолет, перенесший со — бак ближе к нему. Он резко свернул с гряды и понесся вниз по склону, потом поменял направление и по кратчайшему пути направился через долину к дальним горам. Но скрыться ему не удалось. Лай собак то приближался, то удалялся, но не исчезал. Эзвал изнемогал. Но когда наконец красное солнце закатилось за два далеких пика на горизонте, он решил, что на сегодня он спасен.

Этого он ждал. Собрав все силы он понесся назад, по старому следу. В долине он увидал два

самолета и бродящих между ними людей. Невдалеке кормили собак. Похоже, что они решили ночевать. Горящими глазами эзвал смотрел на этих собак, сбившихся в кучу и ночевавших на снегу.

«Как стая они опасны, — подумал он, — но если их убить, то пока привезут новых, удастся скрыться».

Нужно быть предельно осторожным. Иначе люди раньше времени выскочат из самолетов и убьют его. И он ринулся вниз, быстрее, чем поднимаемая им лавина.

Первый пес увидел его. Эзвал услышал его визгливый лай и почувствовал тьму, опустившуюся на мозг собаки, когда он нанес удар. Эзвал резко повернулся и сомкнул челюсти на собаке, прыгнувшей ему на шею. Кровь хлынула ему в пасть, она была отвратительна. Он выплюнул ее и тут на него ринулась вся свора.

Клыки пса сомкнулись на нем, пытаясь прокусить голубую кожу, но эзвал легко увернулся и нанес удар. Собака покатилась по снегу и осталась лежать бездыханной, со сломанной шеей. Эзвал обернулся к стае, та удирала, охваченная ужасом. Он вышел победителем. Рядом кричали люди, зажигались огни, но не это волновало его. Мысли

собак. Сомнений нет. Они боятся его и не пойдут по его следу. И эзвал обратился в бегство. Люди управляющие прожекторами были неопытны и упустили его. Бластеры ударили в то место, где его не было. Он перескочил через хребет.

Эту ночь он спал спокойно, а утром снова был в пути. В полдень вновь послышался лай. Это поразило его как гром, ведь он думал, что сумел оторваться от преследователей.

Эзвал рванулся вперед. Он слишком устал, устал жить. Сумеет ли он напасть на эту стаю? Когда наступила ночь он, сделал попытку вернуться, но на расстоянии учуял ловушку.

Расстроенный, он улегся на снегу. Становилось все холоднее, по звездному небу мчались облака. Внезапно на него посыпались мягкие хлопья, сначала редко, а потом все гуще и гуще. Всю ночь он боролся с туманом. Но это была безопасность, которой он так ждал. Теперь оставалось как можно дальше оторваться от стаи, к утру следы занесет снегом.

Утром буран стих. Голодный, замерзший эзвал нашел пещеру в скале и решил войти, но остановился на пороге. Внутри был огромный черный зверь.

Удивление было взаимным. Эзвал почуял за-

пах тепла, помета, услышал мысли животного и понял, что застал его спящего.

«Другой медведь… вошел… наглец… проснулся», — таковы были мысли медведя кодьяка. Наконец животное очнулось от спячки и пришло в бешенство, ринулось на эзвала, страшно рыча.

От его удара эзвал полетел в снег, но тут же его лапы вцепились в землю, а он сам изо всей силы ударил медведя в могучее плечо.

Медведь взревел и схватил эзвала лапами так, что у того сперло дыхание. Эзвал попытался высвободиться, он слишком устал, чтобы драться.

Это было его ошибкой. Медведь испугался и попытался оттолкнуть его и убежать. Но как только эзвал дернулся в сторону, медведь пришел в себя и принялся когтями рвать эзвала.

Он взревел в предчувствии победы. Теперь он был полон ярости, стремился к убийству. Освободив одну лапу, он нанес эзвалу страшный удар, от которого тот на мгновение потерял сознание. Но этот же удар привел его в чувство. Он отразил возвращающуюся лапу и движением челюстей перекусил сухожилие. Среднюю лапу он вонзил в живот зверя, разорвав длинными когтями желудок медведя.

Это решило исход битвы. Но медведь уже не

помнил себя, он снова сжал эзвала, повторив ошибку. До сих пор ему не приходилось встречать такого противника.

Эзвал медленно поднял средние лапы и так же медленно ударил ими медведя, внутренности которого вывалились прямо на него.

Страшно удивленный, медведь упал в снег, продолжая сжимать эзвала в своих объятиях, и умер.

Истощенный эзвал продолжал лежать неподвижно, пока не разжались лапы. Наконец он освободился и вполз в пещеру.

Запах медведя не испугал его. Он зализал свои раны, свернулся клубком и заснул.

11

Эзвал проснулся с ощущением, что рядом бродят звери. Ощущение было столь острым, что он смог определить их размеры. Зверей было много, но они были меньше медведя. Присутствие зверей успокоило его — значит поблизости нет людей. Звери пожирали медведя. Эзвал поморщился и снова заснул. Когда он проснулся вновь, большинство волков ушло, остались только четверо, двое из них старались разгрызть толстую кость, один из зверей обнюхивал вход в пещеру.

Эзвал вскочил на ноги, он был полон энергии. Он пошел к выходу как раз тогда, когда волк хотел войти. Несколько секунд они рассматривали друг друга.

Волк некоторое время утробно рычал, потом попятился, поджал хвост и исчез. Он не боялся эзвала, но уважал в нем силу. Он был сыт и не расположен к драке с огромным зверем, столь же сильным, как три — четыре волка.

Тут эзвал понял, что раскиданные кости, клочки шкуры, кровавый снег должны быть хорошо видны с воз — духа. Он вышел из пещеры.

Два волка стояли у входа, а двое примерно

ярдах в ста от них. Ближайшие яростно на него посмотрели, но отступили, оставив на снегу кости, которые грызли. Не обращая внимания на волков, эзвал закопал кости в снег и попятился в пещеру, заметая за собой снег.

Эту ночь он провел спокойно, но на следующий день ворочался, чувствуя голодное жжение в желудке. После полудня выпал снег. Когда он кончился, эзвал вышел наружу. Он вспомнил, что по дороге пересек ручей, подо льдом которого копошились какие-то живые существа.

Эзвал проломил лед посреди ручья и замер в ожидании. Из ручья доносились какие-то примитивные мысли, дважды он видел на поверхности какие-то сверкающие существа. Он наблюдал за их движением и повадками.

В третий раз он быстро сунул правую переднюю лапу в леденящую воду и схватил рыбу.

На льду эзвал разжал лапу, и рыба плюхнулась на лед. Эзвал съел ее с удовольствием. Она была приятна на вкус, не чета оленю.

Итак, в течение часа он поймал около четырех рыб. Не так уж много, но он утолил голод. Когда стемнело, эзвал вернулся в пещеру.

Всю ночь он размышлял. Насущные проблемы были решены как нельзя лучше. У него было на-

дежное убежище, источник пищи. И всего этого он добился сам, собственными силами, впервые в жизни. Его мать гордилась бы им, если бы была жива.

Да, вот что беспокоило его — он обеспечил себя, но отомстил ли за ее смерть? Он не знал. На всей планете, вероятно, не хватило бы людей. По крайней мере, в этой стране.

Из мыслей преследователей он уловил образы домов и городов. Ему следует добраться до одного из них и примерно подсчитать число жертв, прежде чем начать убивать.

Однако время для этого еще не пришло. Охота еще не кончилась.

На четвертый день все его планы рухнули.

По дороге к ручью он попал в бобровую ловушку. Как раз больной левой ногой.

Эзвал упал на землю и принялся изучать предмет, поймавший его. Разобравшись в механизме, он нажал на рычаг и освободил ногу, потом на пяти ногах поплелся к ручью. Вернуться в пещеру он не рискнул.

Вопрос был в том, когда они обнаружат ловушку. Но ни малейшего сомнения не было в том, что оставаться здесь опасно.

К рассвету он устроился на отдых под какой-то

скалой и проспал весь день. К вечеру спустился к ручью, проломил тонкий лед и наловил рыбы. В эту и следующую ночь он шел по течению.

На третий день он проснулся от рева реактивных двигателей. На высоте нескольких десятков метров над ним пролетел маленький самолет. Когда он исчез из вида, эзвал услышал мысль:

«Немедленно покиньте ручей. Ваши следы найдены. Вас преследуют. Меня зовут Джемисон. Я хочу сохранить вам жизнь. Немедленно покиньте ручей. Ваши следы найдены».

Скоро мысль ослабла и исчезла. Эзвал напряженно думал:

«Что это за ловушка? Куда они меня хотят заманить? Кто-то из людей знает, что эзвалы разумны. Его дружба, ничем не доказанная, слишком опасная».

Эзвал не хотел сдаваться без боя. Как стрела из лука, он рванулся вверх по течению. Утром он миновал ущелье, до него было недалеко. Невзирая на боль в ноге он карабкался все выше и выше, пока не очутился на гребне, на высоте нескольких футов над землей.

Нигде не было видно ни самолетов, ни людей. Облегченно вздохнув, эзвал спустился в ущелье.

С наступлением ночи он пересек холодную,

бесконечную пустыню. Над ним светила горбатая луна, и не было видно тех странных огоньков в небе, которые, как он считал, были особенностью этой планеты.

Потом его коснулись первые лучи солнца. Перед ним открылся берег моря с разбросанными кое-где поселками. Эзвал нерешительно топтался на месте. А ведь он нашел то, что ему было нужно… Здесь были люди, которых можно было убить… Но сначала было необходимо скрыться от охотников и залечить ногу.

Он хотел спуститься в долину и отдохнуть, но…

Внезапно из-за ближайшей рощи вынырнул низколетящий самолет и пронесся над ним. Эзвал видел его лишь мгновение, но узнал тот, вчерашний. Теперь самолет преследовал его, повторяя каждое движение:

«Я не причиню вам вреда. Иначе вы были бы уже мертвы. Вас заметили. Весь район оцеплен и самолеты ищут вас. Остановитесь, или вас обнаружат другие».

Эзвал был беспомощен. Но вопрос, что делать — бежать или остановиться — решился сам собой — впереди показался поселок и патрулировавшая в миле от него платформа. Эзвал скрылся в

ближайших зарослях.

Самолет приземлился в пятидесяти футах от него. Открылся люк, но никто не вышел.

«Я думал, вы в пустыне, но вы оказались здесь. У вас только один выход. Войдите в отсек и я отвезу вас туда, где вы будете в безопасности. Свободы я вам не гарантирую, но вы останетесь живы. Приближается платформа, люди на ней не знают, что вы разумны и их не переубедить. Они вас убьют! Торопитесь!» Платформа была в нескольких сотнях метров от них. На ней заметили эзвала. Она повернулась и полетела прямо к нему.

«Быстрее, — услышал он. — Они не должны заметить меня!» Эзвал не хотел расставаться со столь трудно доставшейся ему свободой. Но тут он вспомнил, что говорил Джемисон:

«ЛЮДИ НА НЕЙ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ВЫ РАЗУМНЫ…» Значит, об этом знает только Джемисон. Если его убить, то знание умрет вместе с ним.

12

Прижимаясь к земле и прячась за зарослями, эзвал скользнул в люк.

Щелкнула дверь и отсек погрузился во тьму. Но перед этим он успел заметить, что в помещении нет ничего, кроме двух маленьких вентиляционных отверстий в стене.

Эзвал почему-то не чувствовал досады из-за того, что не мог убить Джемисона, наоборот, он даже обрадовался тому, что теперь не он решает свою судьбу.

Откуда-то снаружи корабля он услышал мысль:

«Доктор Джемисон! Мы тут совсем сбились с ног и ничего не нашли. А вы не видели где-нибудь этого маленького, бедного, недооцененного монстра, а?» Это был голос командора, причем командор явно враждебно настроен. Ответ Джемисона был полон иронии:

«А я уверен, что он покинул этот район, командор Мак — Леннан».

«Вот как? Ну что ж, посмотрим. По следу идут шесть собак, след свежий и четкий. Мы не успокоимся, пока не поймаем его. Да — а — а, жаль, что

вам не удалось доказать Верховному комиссару, что он совсем безвреден. Ну ничего, не расстраивайтесь, мы отдадим вам чучело».

Мысли становились все тише — корабль Джемисона набирал скорость. Но скоро Джемисон понял, что платформа настигает его.

— Джемисон! — раздался яростный голос командора. — Немедленно приземляйтесь! Иначе вы будете уничтожены!

Эзвал почувствовал, что Джемисон в раздумье — приземлиться или все же попытаться уйти. Но эта нерешительность не отразилась на его ответе.

— Что все это значит?

— Знайте меру во лжи, Джемисон! Наш человек в доме на холме видал, как вы кружились над рощей и как забрали зверя. Бог знает, как вам удалось это, наверное, вы положили в отсек приманку. Это неважно. Мы держим вас на мушке, Джемисон! Считаю до трех! Если вы не сдадитесь, мы откроем огонь! Раз, два…

Корабль начал снижаться. Эзвал прочел в мозгу человека серию картин: разбитый корабль, мертвый водитель и убитый врагами зверь. Он почувствовал горечь человека, у которого не удался важнейший план.

Вообще эзвал заметил, что у этого человека совсем другие мысли, чем у людей, убивших его мать. В них не было желания убивать, уничтожать преследователей. И боялся он не за себя.

«Нет времени вдаваться в подробности, — услышал эзвал, — вот суть. Вы знаете, что эзвалы скрывают свою разумность, потому что боятся, что люди уничтожат их. Это верно, но есть одно „но“: как животные вы не попадаете под действия межзвездных законов, но как разумное существо вы имеете право на защиту.

Силой вам не выгнать людей с планеты Карсона. Но вы можете потребовать, чтобы мы удалились, если докажете, что сможете защищать планету без нас. У нас нет другого выхода.

Чтобы доказать правительству, что вы разумны, и что нам нужно сотрудничать, а не воевать с вами, я пожертвовал своей репутацией и безопасностью. Но это невозможно без вашего сотрудничества».

В этот момент корабль коснулся земли. Эзвал попробовал стены на прочность, но они не поддались. Вентиляционные отверстия были размером с его коготь.

«Люди на другом судне — военные, которые шли по вашим следам все это время, чтобы пой-

мать вас — живого или мертвого. Я опоздал к началу охоты, и мне не удалось договориться, чтобы это дело передали мне, так как я настаивал на сохранении вам жизни. Вас рассматривали как слишком большую угрозу, и тут я был против Мак — Леннана. Он считал, что армия лучше справится с этой задачей».

Эзвал услышал другие мысли, гневные и враждебные. Некоторые с сочувствием относились к Джемисону, другие считали, что тот играет не по правилам. Но все были восхищены тем, что Джемисон сделал невозможное.

Через пять минут люди подошли к самолету. Джемисон закончил:

«Ситуация вышла из-под моего контроля. Вы можете помочь нам обоим — сообщайте мне все, что думает Мак — Леннан».

Эзвал сел. Он ничего еще не решил. Он не хотел попасться на удочку людей. Но то, что Мак — Леннан наполовину поверил Джемисону, решило дело: эзвал понял, как ему поступить. Сейчас или никогда. Джемисон должен умереть, а Мак — Леннан убедиться, что эзвал всего лишь зверь.

13

Эзвал увидал, что Джемисон вышел из рубки к поджидавшим его людям с бластерами.

Из динамика донесся голос Мак — Леннана!

— Я настолько поражен вашими действиями, доктор, что еще не решил, что с вами сделать. Пройдите вперед.

Джемисон молча прошел, куда было указано.

— Порядок. Действуйте, Карлинг!

Человек с маленьким металлическим цилиндром во — шел в рубку. Последовала серия щелчков. Джемисон резко сказал:

— Предупреждаю, командор, если с эзвалом что-нибудь случится, у вас будут неприятности с Правительством.

— Не беспокойтесь, Джемисон, с вашим сообщником нечего не случится. Я хочу лишь проверить, годится ли отсек для перевозки. А он уснет на несколько часов.

— Сомневаюсь. Вы его, предупредили.

— А, — иронически сказал командор. — Ваша из — любленная теория. Ну что ж, посмотрим, догадается ли он задержать дыхание на несколько минут. Готовы, Карлинг? Приступайте!

— Есть, сэр!

Эзвал задержал дыхание. Он не знал, сколько это — несколько минут, но решил держаться до последнего.

— Повторяю, командор, если вы не надеетесь его обезвредить, вы ошибаетесь.

— Вы хотите сказать, что этот зверь понимает вашу речь?

— Он читает мысли.

Это поколебало уверенность Мак — Леннана. Он медленно сказал:

— Вы это серьезно, доктор?

— Никогда не говорил серьезнее. Эзвалы единственные в Галактике существа — телепаты, читающие и посылающие мысли.

— Хм, неплохо бы иметь такого на корабле.

— Естественно, но это лишь одно применение из тысячи.

Мак — Леннан приказал:

— Все равно газ не причиняет ему вреда. Карлинг, продолжайте работу еще пять минут. Потом откройте дверь.

— Пять, десять, шестьдесят, не имеет значения. Эзвалы амфибии, и вам нужно по крайней мере полтора часа, чтобы усыпить его.

Эзвал приготовился действовать. Джемисон

незаметно подобрался к машине.

— Командор, я требую прекратить анестезирование. Неизвестно, как подействует газ на эзвала.

— Газ применяется при поимке.

— Нам повезло.

— Ладно, Карлинг. Откройте дверь. Всем отойти.

— Позвольте мне, — Джемисон направился к люку. Такого эзвал не ожидал. Враг сам лез ему в лапы. Он думал сначала прикинуться спящим, а потом наброситься на людей, но теперь… Эзвал встал на ноги и двинулся к выходу.

Эзвал и человек стояли лицом к лицу. Эзвал чувствовал, как напряжены сейчас люди вокруг.

Но странно: несмотря на отсутствие препятствий, он колебался. Раньше он убивал людей без всякой жалости, потому что они относились к нему, как к зверю, и были врагами его расы. Но этот человек был другим. Эзвал смутно чувствовал, что между ними есть какая-то связь, несмотря на их отличия.

Человек говорил негромко и спокойно, и хотя эзвал не всегда понимал слова, он понимал мысли.

— Я ваш друг. А эти люди ваши враги, потому

что вы не хотите понять, что они могут быть друзьями. Вы можете меня убить, вы не дорожите своей жизнью. Но поймите, пока мы стоим здесь, люди и эзвалы на планете Карсона убивают друг друга. В нашей власти остановить их. Не думайте, что я предлагаю вам легкий путь к спасению. Это много труднее любого другого выхода. Слишком много людей и эзвалов верят в свою правоту, слишком многие считают животными тех, кто сильно от них отличается. Многие эзвалы будут считать вас предателем, так же, как и меня мои соплеменники, потому что они не знают истины. Это трудная работа, но ее можно сделать с вашей помощью. Давайте же начнем!

Джемисон повернулся к остолбеневшему Мак — Леннану и сказал:

— Командор, прикажите, чтобы принесли сумку с медикаментами. У него повреждена нога.

Мак — Леннан повел головой, и один из его людей бросился в рубку.

Эзвал стоял на пороге в нерешительности. Собственно, ничего не делая, он уже проиграл. Они уже поверили, что он разумен. Пришел человек с сумкой и отдал ее Джемисону.

— Если вы ляжете, я смогу осмотреть вашу ногу и помочь вам, — сказал он.

Люди вокруг мысленно ахнули. Эзвал наконец принял неизбежное решение. Он лег и облегченно вытянул, больную ногу.

14

Гигантский город выступал из тумана. Город кораблей. Еще с борта самолета Джемисон позвонил жене, она первая узнала о его прибытии. Она мигом съездила в Сад за Диди, и этот трехсторонний разговор заставил Джемисона почувствовать угрызения совести за то, что он не позвонил раньше. Ведь он был в космосе четыре месяца, а, прилетев, целую неделю потратил на эзвала. Джемисон решил не огорчать этим жену. Таково было бремя века — война с руллами заставила отступить на второй план и любовь, и семью, и детей.

Через час он был дома. Когда прошли первые восторги встречи с семьей, пришли в порядок нервы, Джемисон снова втянулся в работу. Он мог с закрытыми глазами перечислить все дела, скопившиеся у него. Среди них не последним был вопрос об эзвале.

В силу некоторых обстоятельств этим делом пришлось заниматься ему, Главе Научного Департамента. Во — первых, идея о разумности эзвалов ни в ком не вызывала энтузиазма. И, во-вторых, как никакая другая, планета Карсона

была одной из трех опорных баз человечества. Поэтому эзвалом занимался лично Джемисон. Он не мог больше откладывать это дело.

Вскоре ему пришлось провести одну встречу на высшем уровне, сыгравшую впоследствии немалую роль!

— Вот здесь! — ткнул он концом зеленой ручки в область на карте. — Именно тут, — повторил он высокому жилистому человеку, стоявшему у стола. — Тут, мистер Клаги, должен быть лагерь.

— Айра Клаги наклонился вперед и с неодобрением посмотрел на пятно.

— Зачем же именно здесь? — спросил он раздраженно.

— А очень просто, — сказал Джемисон, которого тоже раздражало это занятие. Но война с руллами заставляла администраторов играть и не в такие игры, и он продолжал; — Ведь нам нужна вакцина от молодняка этих тварей с Миры, она нужна как можно скорее и в достаточном количестве. А в лесу молодняка было больше всего. Поэтому лагерь должен быть здесь.

Могучие кулаки Клаги сжимались и разжимались.

«Хорошо, что хоть не получил по носу», — мрачно подумал Джемисон. Он понимал состояние

звездолетчика, но ничем не мог ему помочь.

— Мистер Джемисон, вам должно быть известно, что нет там никакого леса. В джунглях кишмя кишит этот самый молодняк, и еще бог знает что за звери. — Он встал и ткнул пальцем в другое место. — Вот здесь в горах можно, там тоже не сладко, но климат получше и от зверья забот поменьше. Результат будет тот же, а обойдется куда дешевле.

«Разумно, — подумал Джемисон, — если Клаги агент рулл, то агент неплохой». (Все его реакции анализировались группой психологов в соседней комнате. В случае ошибки в действиях Клаги перед Джемисоном загорелась бы красная лампочка. Пока она была мертва).

— Видите ли, Клаги, эта вакцина слишком важна для нас, чтобы думать о цене. Она нужна нам немедленно. За скорость вам будет выплачена премия. Теперь…

— К дьяволу ваши деньги! — заорал Клаги. — Не о них речь. Какого черта сотни отличных парней должны сложить головы ни за что ни про что!

— Ну предположим, им есть за что сложить головы. Кроме того, я несу ответственность за свои решения.

Клаги медленно опустился в кресло. Сквозь

загар проступила краска гнева. Но он еще держался.

— Посмотрите, мистер Джемисон, вот тут, в конце джунглей, есть большой холм. Я писал о нем в докладе. Это не бог весть что, но лучше, чем джунгли. Если Правительству — вернее вам — нужен лагерь, то мы его там, построим. Но это зависит не только от меня, решать будут мои люди.

Джемисон явно скучал. Он конечно понимал, каким дураком выглядит в глазах инженера. Кажется все — таки Клаги не агент рулл. Ему было бы все равно, где строить лагерь. Хоть на вулкане, ему бы и в голову не пришло заботиться о безопасности людей.

Джемисон щелкнул переключателем. На загоревшемся экране появились трое психологов.

— Ну, — сказал Джемисон, — кажется, это он.

— Да, — улыбнувшись, сказал один из тройки, — характер у него тот же. Бьюсь об заклад, что он.

— Ну что же, будем надеяться, что руллы не перехватят его до отлета, — сказал Джемисон.

В этой войне никому нельзя было верить, даже здесь, на Земле. Шпионская сеть рулл раскинулась по всей Галактике, и на Земле был ее центр.

Как только руллы появились из сгустка тьмы откуда-то вне Галактики, были потеряны тысячи систем, прежде чем гуманоиды смогли стабилизировать свои флоты и остановить противника. Равновесие поддерживалось несколько лет, затем руллы снова двинулись вперед, сражения проигрывались одно за другим, у рулл как бы имелись все тайные планы землян. Это означало одно: утечку сведений, шпионаж.

Сначала даже не предполагалось, что руллы могут принимать любой облик, пока однажды тело «человека», убитого при попытке похитить секретные документы из Исследовательского центра, не превратилось в червеобразное существо с многочисленными отростками. Только тут человечество поняло, какой опасности оно подверглось.

Через несколько часов полицейские машины блокировали все города на тысячах планетах и каждый человек прошел проверку.

На одной только Земле было выявлено и расстреляно около ста тысяч шпионов. Однако руллы довольно быстро сумели приспособиться, и выявлять их стало возможно лишь с помощью сверхсложных машин — детекторов.

И вот теперь руллы, несмотря ни на что, продви-

гались вперед. Их ничто не брало, ни бактерии, ни вещества, смертельные для человека. Их организм был основан на фтористом обмене. Долгое время велись поиски бактерий, с помощью которых можно было вести войну.

Вакцина из лимф животных Миры —2 и была этим этим средством. Но об этом не знал даже Клаги. Ему сказали, что вакцина нужна для регенерационных установок на звездолетах. Так что то же самое думали бы и руллы, заполучи они Клаги.

Звякнул коммутатор, прервав его размышления. Джемисон извинился перед психологами и включил приемную.

— Мистер Калеб Карсон, — сказала секретарша.

— Давайте.

На экране появилось изображение серьезного темноволосого юноши. Калеб Карсон был старшим сыном первооткрывателя планеты Карсона и его последователем.

— Получилось, — сказал Карсон.

— Ага, значит я был прав! — воскликнул Джемисон и снова включил приемную. — Я лечу в Исследовательский Центр. Если будет звонить Клаги, соедините меня с ним немедленно.

— Хорошо, сэр.

Джемисон поднялся в лифте на крышу, где в ангаре стоял его аэрокар. Два вооруженных охранника проверили его карманы и документы, потом сняли с него отпечатки пальцев самый надежный метод выявления шпионов. Джемисон подошел к аэрокару. И тут ему в глаза бросился странный рисунок на его силиконовой поверхности, раньше его не было. Джемисон потряс головой и протер глаза. Рисунок не исчезал. Когда он закрыл глаза, рисунок по-прежнему не исчезал, он слишком зажегся у него в глазах.

Джемисон сел в аэрокар и направил его к одному из зданий. «Что за черт», — подумал он, посадив аэрокар на крышу высокого здания. Механически он выключил мотор и сидел в ожидании, пока ему принесут пропуск. Он не узнал спешившего к нему служащего — вероятно, новый человек. Но тут он увидел нечто более потрясающее — здание не было зданием Исследовательского Центра! Джемисон повернулся к служащему, чтобы выяснить недоразумение. И замер… В протянутой руке был не пропуск, а пистолет. Джемисон почувствовал на лице холодную струю газа, и наступила тьма.

15

Первым его впечатлением был приторный запах гниющих растений. Он оказался лежащим в парусиновой койке, прогибавшейся под его тяжестью, но удобной. Что же случилось? Он — жертва… рулл? Или? Конечно, у него на Земле была бездна врагов, да и не только на Земле… Клаги? Что ж, это последний враг. Но похищать правительственного чиновника, чтобы доказать свою правоту? Чушь. Джемисон вспомнил: на рисунке в аэрокаре было что-то такое, парализовавшее его мозг. Новый способ гипноза? Однако слишком много вопросов. Так ему ничего путного не узнать.

Джемисон открыл глаза. Над ним сквозь сплетение лиан сияло зелено — голубое небо. Внезапно он почувствовал невыносимую жару. На него нахлынул рев работающих машин. Он сел на койке и огляделся. Койка стояла в конце еще не законченной просеки. Вокруг рычали грейдеры, бульдозеры, лесовозы и прочая техника освоителей. Вдали виднелись пластиковые бараки.

«Если это Мира —2 — здесь действует Клаги. Значит, Клаги. Да, сомнений нет. Ну, дай ему бог

суметь оправдаться перед Землей!» — подумал Джемисон.

Теперь Джемисон понял, что небо кажется голубоватым из-за энергетического экрана. Поэтому и верхушки деревьев излучали слабое сияние. Экран отражал световые волны низких частот, поэтому находившееся в зените солнце Миры казалось белым. Мимо Джемисона проехала машина, разбрызгивающая интеркоциды. Джемисон перескочил на необработанный участок почвы. Эти самые интеркоциды были куда вредней для человека, чем для насекомых. Перепаханная машиной земля кишела красными мухами Миры, убивающими жертвы током и бог еще знает чем. Джемисон подошел к уже отстроенному зданию и прочитал вывеску:

МЕРИДАН КОМПАНИ АЙРА КЛАГИ Главный инженер.

Джемисон вошел в барак. Сидевший за столом юноша лет двадцати, с холодным раздражением взглянул на Джемисона.

— Мне нужен Клаги, — без предисловий сказал Джемисон.

— А кто вы такой? Что-то я вас не припоминаю, — отпарировал юноша.

— Меня зовут Тревор Джемисон. Это вам что-

нибудь говорит?

Юноша даже не моргнул.

— Имя говорит. Босс, платящий нам деньги. Но вы — то не Джемисон. Ему в этой дыре делать нечего.

— Вы, кажется, Питер Клаги?

— А откуда вы знаете? Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Как вы здесь очутились? Последний корабль улетел пять дней дней назад.

— Пять дней? — повторил пораженный Джемисон.

Юноша кивнул.

«Пять дней, — подумал Джемисон. — И дорога до Миры семь — восемь дней. Неужели Клаги все это время держал его без сознания?»

— Где ваш дядя?

Питер Клаги покачал головой.

— Сначала нужно установить вашу личность, и как вы тут очутились.

Клаги поднял с пульта трубку и нажал на кнопку.

— Вес выше среднего, густые рыжеватые волосы, глаза — темные, широкий лоб, лицо выразительное, — описывал он внешность Джемисона. Потом, помолчав, ответил:

— Все — таки пришлите пару человек.

Он положил трубку и повернулся к Джемисону.

— Дядя говорит, что вы похожи на Джемисона, или… на рулла, выглядящего, как Джемисон.

Джемисон улыбнулся и поднялся. Он шагнул вперед, протягивая руку.

— Ну, это я сумею доказать. Вашу руку, Питер.

Рука Питера Клаги, лежавшая ладонью вниз на столе, приподнялась достаточно, чтобы показать, что под ней лежит бластер.

— Ни с места, — сказал он. — У нас еще будет время для доказательств.

Джемисон с минуту смотрел на него, пожал плечами и пошел к двери.

— Назад! — крикнул Питер. — Сядьте на место!

Джемисон, не обращая внимания на Клаги, рассматривал местность, стоял у двери. До сих пор он был слишком занят личными делами, чтобы обращать на нее внимание. Все — таки Клаги пошел на компромисс.

Холм возвышался на тысячу футов над джунглями, но не круто, а постепенно врезался в них, так что не заслонял величественного леса, простиравшегося во все стороны, до туманных гор на горизонте. Холм был уже почти очищен от деревьев.

И тут он снова почувствовал тот, знакомый волнующий трепет восторга, которые он всегда ощущал при виде нового мира, новых звезд таких же сказочных, как эта.

Однако вид трех вооруженных людей вернул его к действительности. Первым шел Айра Клаги. По мере приближения к бараку лицо его принимало недоуменный вид.

Но он ничего не сказал до тех пор, пока Джемисона бесцеремонно не обыскали.

— Ну, а теперь, мистер Джемисон, напишите здесь свое имя и подпись, чтобы я мог сравнить с документами. Мне бы не потребовалось этого, если бы не неожиданное ваше появление здесь.

Джемисон зловеще улыбнулся.

— Как раз об этом я хотел бы спросить вас: как и почему я оказался здесь?

Но тут он понял, что из такой игры ничего не выйдет. Он рассказал Клаги о событиях, происшедших с ним с момента ухода Айры из его кабинета, не утаив, однако, своих подозрений.

Клаги усмехнулся в ответ:

— Дать вам по физиономии я мог бы, но похищения — не мой стиль.

Клаги в свою очередь рассказал, что было с ним. Он; пошел в клуб звездолетчиков и приказал

своим людям возвращаться. Он как раз топил свою ярость в бокале вина, когда его разыскал правительственный чиновник и объяснил ему всю подоплеку дела. Клаги отменил приказ, а на следующее утро подписал контракт и занялся вербовкой людей и загрузкой техники в корабль. Через два дня он стартовал на Миру.

— Вы можете связаться с Землей и проверить, — сказал он в заключение.

— Связаться с Землей я должен в любом случае, — ответил Джемисон. — Хотя ваш рассказ правдоподобен. Но все равно следует в этом разобраться. Мне будет нужен корабль.

Радиостанция с субпространственной кольцеобразной антенной на ней была неподалеку.

Из-за контрольной панели вынырнул расстроенный оператор.

— Мистер Клаги! А я уже собирался звонить вам. Опять сгорел конденсатор Мак — Лорена.

— Боюсь, Ландерс, мне придется арестовать вас, — жестко сказал Клаги.

Радиооператор был потрясен. Джемисон тоже.

— Видите ли, доктор, — сказал Клаги, — это был наш последний конденсатор. Мы остались без связи до следующего судна, а оно будет через шесть дней.

Это был серьезный проступок. Питер Клаги отдал бластер Джемисону, схватившему его с облегчением, и шагнул к оператору.

— Страхуйте меня, пока я его обыщу.

Позади Джемисона Клаги тоже достал бластер. Оператор протянул руки вперед. Племянник Клаги схватил его за руку и с облегчением повернулся к Джемисону.

— Это человек, сэр!

Обстановка разрядилась. Джемисон спросил, нет ли на планете еще одной станции. Клаги ответил, что есть, в девятистах милях отсюда на урановых рудниках.

— Мы можем вместе слетать туда, на аэрокаре.

Питер Клаги бросился к группе стоявших неподалеку аэрокаров и привел один. Через минуту они были в воздухе, в тысяче футов над зеленым покрывалом леса. Корабль вел Питер.

Айра Клаги молча смотрел в окно. Джемисон тоже решил поразмышлять.

«Видимо, руллы хотят помешать нам получить вакцину. Это ключ к всему, — думал он. — Они устроили ловушку с помощью этого дьявольского рисунка на аэрокаре и привезли меня сюда». Он содрогнулся, представив себе, что неделю провел на корабле рулл.

Но почему они его не убили? Видимо, потому, что если бы был убит администратор, проект бы остался, человека заменить можно. Тут все было хитрее, в интригу вовлекался Клаги, от которого тоже зависел проект.

Значит, присутствие Джемисона на планете нужно по сценарию. Он вздрогнул. Ведь он ведет себя вполне естественно, значит, тоже по сценарию. По сценарию предусмотрено, чтобы они вместе с Клаги очутились здесь над лесом, на полпути от ближайшего жилья. Так было задумано. Джемисон встал. Нужно немедленно связаться с рудником.

На горизонте сверкнула точка — второй кар, больше и мощнее его собственного. И вооруженный. Он настигал их.

Джемисон повернулся к пульту и замер: перед ним с бластером стоял Питер Клаги. Дуло бластера уперлось Джемисону в живот.

Айра крикнул:

— Питер, ты сошел с ума!

Он вскочил с места и бросился к Питеру. Но тот направил на него оружие:

— Сдать бластер! Живо!

Джемисон протянул к Айре руку:

— Мне остается надеяться, Клаги, что ваш пле-

мянник еще жив. Это не Питер Клаги, и вообще не человек.

16

Теперь Джемисон все понял. Питер отказался пожать ему руку, мотивируя это тем, что Джемисон мог оказаться руллом. Джемисона с самого начала поразила свежесть Клаги в этом душном климате. Теперь понятно, откуда она. Теперь понятно, кем был радиооператор, чью человечность удостоверил Клаги рукопожатием — руллом.

Джемисон внимательно разглядывал «юношу». Его всегда поражала совершенство маскировки, никогда не разрушающейся в присутствии людей. Джемисону же всегда виделись червеобразные многорукие тела рулл.

Айра Клаги очнулся наконец от шока.

— Что вы сделали с моим племянником? — он угрожающе шагнул вперед.

Джемисон схватил его за руку.

— Спокойно, приятель. Ему ведь даже не понадобится бластер, он убьет вас излучением.

Рулл молча протянул то, что казалось рукой, к пульту и щелкнул тумблером. Аэрокар начал падать в чащу леса.

Другое судно, как заметил Джемисон, тоже нырнуло в лес.

Странно, но второй кар не приземлился. Он завис над землей на высоте нескольких футов.

Вероятно, он не хотел оставлять след. Из машины выскочили двое рулл в человеческом облике и направились к ним. Джемисон понял, почему они старались не касаться земли: ведь здесь, в гуще леса, кишмя кишели лаймфы.

Может, руллы и не знали цели работ Клаги, может, это была просто превентивная операция против Земли. Их привели в замешательство лаймфы. Взрослые лаймфы были безобидны, они не двигались с места. Молодые же нападали на все, что двигалось. Стоило же движущему предмету остановиться, как они о нем забывали. Они бросались на все — на падающие листья, на раскачивающиеся деревья, на текущую воду... Миллионы их гибли от атак на мертвые, почему-то двигающиеся предметы. Но некоторым везло, и через два месяца они превращались во взрослых особей. Те представляли из себя твердые ульеобразные конструкции, которые не могли двигаться.

Эти ульи встречались на каждом шагу: на земле, на деревьях, везде, где молодые лаймфы настигали жертву. Взрослая особь жила меньше, но была весьма плодовита. Жила она за счет

запасов еды, приобретенных до превращения. Всю свою короткую жизнь они проводили в непрерывном размножении. Но дети оставались в них. Они развивались в родителях и начинали их пожирать. Это останавливало размножение, но к этому времени детенышей было так много, что они пожирали друг друга. И несмотря на это какая-то часть ухитрялась спастись.

Один из рулл парализовал его. Страшная мысль пришла в голову, что если какой-нибудь лаймф впился в него, когда он падал и теперь пожирает его!

Ослепительная вспышка света осветила уже темнеющие джунгли. Еще одна, еще! Джемисон только мог гадать, что произошло. Шли минуты, вспышки редели. Глаза резало. Он не мог их закрыть. И через секунду он понял, что это хорошо. В поле его зрения появилась уродливая маленькая голова лаймфа, всего в нескольких футах от него. Лаймф посеменил на бесчисленных маленьких ножках мимо его.

Внезапно земля ушла из под него. Он понял, что его подняли. Сначала он испугался, что это руллы — но нет — его нес на своих руках Айра Клаги. Тот помчался к кару и бросил его в люк. Прежде чем люк захлопнулся, Джемисон мельком уви-

дел трех рулл в футах пятнадцати от корабля. Они потеряли свою человеческую форму, и на членистых многоногих телах тут и там блестели шишки излучателей, с помощью которых создавалась видимость людей. И повсюду в их тела внедрялись маленькие лаймфы.

17

Как, говорите, назвали? — переспросил польщенный Джемисон. Он был в своей каюте, в корабле, летящем с Миры —2 на Землю.

— Он хотел взять ваше имя, но ему объяснили, что это будет нетактично. Так что его зовут Эфраим.

А в принципе это было из ряда вон выходящее событие. «Что в имени?» — сказал древний поэт. Это была одна из его немногих ошибок. Люди, выйдя в космос, обнаружили много рас, которые не имели имен. Ни одна из них не создала цивилизации. Джемисон понимал, конечно, что за сотню лет понятие «цивилизованности» было искажено до такой степени, когда раса считалась тем «цивилизованней», чем активней она боролась против рулл.

С практической точки зрения другого и не требовалось.

— Эфраим… — повторил он, — а второй?

— Джемисон — это было возможно.

— Ха, еще один родственничек.

— Жене сообщили?

— Да, я ей звонил. Но она была слишком рас-

строена вашим сообщением об исчезновении.

Джемисон был весьма рад, что он уже успел поговорить с Ведой. Поэтому он принялся непринужденно болтать с собеседником. В результате родилась идея: из — готовить индикатор, который бы издавал мысленные импульсы:

«Меня зовут…», и каждому индикатору присвоить свое имя.

Миллионы таких индикаторов необходимо привезти на планету Карсона и там использовать их для лечения эзвалов. Делать метки можно из материалов, со временем растворяющихся в крови. Но к этому времени, каждый эзвал уже будет знать свое имя. Несомненно эту идею можно преподнести Межзвездному Совету.

Затем Джемисон соединился с одним исследовательским институтом и сообщил о том странном рисунке, парализовавшем его.

Через несколько дней он снова был в своем кабинете.

— Вас хотят видеть, — позвонила секретарша.

— Да, включите, — откликнулся Джемисон. На экране появилось взволнованное лицо жены.

— Мне звонили из Сада. Диди ушел искать источник Звука.

— О — о — о… — протянул Джемисон.

Он любовался ее лицом. Она и в самом деле была привлекательна, хотя замужество и материнство все — таки повлияли на нее.

— Веда, тебе не следует волноваться, — сказал он.

— Но ведь он ушел. А кругом кишат эти руллы!

— Ведь в Саду его отпустили. Они знают, что делают.

— Но ведь его не будет всю ночь!

Джемисон медленно кивнул:

— Видишь ли, дорогая, так нужно. Это неотъемлемая часть процесса воспитания, и мы должны подчиниться. Мы этого уже долго ждали…

Он переменил тему разговора.

— Лучше развлекись. Пройдись по магазинам, купи себе что-нибудь, возьми… Ну сколько хочешь денег. До свидания, дорогая, и главное, не расстраивайся!

Он встал и подошел к окну. Перед ним были здания бюро. Проспекта и корабля он не мог видеть, они были по другую сторону здания. Дальше простирались пригороды, далеко, далеко до туманного горизонта. Где-то там внизу его сын искал источник Звука.

Темнело. Диди Джемисон шел по улице. С самого начала, всю жизнь он размышлял, что такое

Звук. Звук, который никогда не прекращался. Ему говорили, что где-то снаружи его нет. Может быть. Но он был уверен, что это не так. Ведь говорили же ему иногда неправду, чтобы проверить его. Скорее всего и это было ложью, которую он должен опровергнуть.

Звук был все время. В Саду, в его комнате, говорил ли он или молчал, заглушая его, мамы и отца шум, когда они ели вместе, и даже во сне Звук не прекращался. Звук был привычен. И вот сегодня Диди решил поискать место, где нет Звука. Сначала на одной улице, потом на другой. Скоро он потерял им счет. Он поужинал в маленьком ресторанчике и снова вышел на улицу.

В ста футах от него стоял человек, которого он впер — вые заметил десять минут назад. Что — то в нем вызвало тревогу. Диди перешел улицу и, надеясь ускользнуть от человека, вышел на другую более многолюдную улицу. Он еще надеялся, что это не рулла.

Но к первому человеку присоединился второй и они направились к нему. Диди подавил желание повернуться и убежать. Если это руллы, то ему не убежать.

— Малыш!

Диди остановился и повернулся к двоим как

если бы он увидел их впервые.

— Ты что-то поздно гуляешь.

— Это моя ночь, сэр, — ответил Диди.

Человек полез в карман. Странное это было движение — как если бы рука перемещалась отдельно сама по себе. Наконец человек вынул руку и протянул значок.

— Мы агенты Бюро, — сказал он. — Ты пойдешь с нами на Проспект. — Он сунул значок в карман.

Сопротивление было бесполезным.

Сразу после обеда раздался звонок в дверь. Джемисон открыл дверь. На площадке стояло два полицейских офицера в штатском.

— Доктор Джемисон? — спросил один из них.

— Да.

— Тревор Джемисон?

Джемисон кивнул.

— Отец Декетера Джемисона, девяти лет?

Джемисон схватился рукой за косяк двери.

— Да.

— Наш долг, согласно закону, сообщить вам, что ваш сын находится в руках у рулл. В течение нескольких часов его жизнь будет находиться в смертельной опасности.

Джемисон ничего не сказал. Офицер рассказал

ему вкратце всю историю.

— Мы знаем, что сейчас руллы скапливаются в районе Солнечной Системы. Мы не можем уследить за всеми. Сейчас мы производим лишь подсчет их числа. Вероятно, вы понимаете, что нам важнее узнать конечную цель рулл, чем выловить отдельные группировки. Видимо, сейчас мы имеем дело с особо крупным заговором. Но мы делаем сейчас пока первые шаги к разгадке. Нужна ли вам еще какая-нибудь информация?

Джемисон колебался. Веда сейчас мыла в кухне по — суду. Она не должна знать, что приходили полицейские. Но он еще не узнал всего.

— Надо вас понимать так, что вы не будете освобождать Диди сейчас?

— Пока у нас нет информации о намерениях рулл — нет. Ситуация должна созреть. Вам не следует вмешиваться. Это все, сэр. Вы можете звонить нам время от времени. Мы вам звонить не будем.

— Благодарю вас, — автоматически сказал Джемисон. Он вернулся в комнату. Веда крикнула с кухни:

— Кто приходил, дорогой?

— Кто-то искал человека по имени Джемисон. Ошибка.

— А — а — а, — ответила Веда.

Она сразу забыла о происшедшем и не вспомнила о нем. Джемисон пошел спать.

18

Диди знал, что не должен сопротивляться. Он должен сорвать планы рулл. Этому его учили в Саду. Нужно сначала выяснить, что за план у рулл. И ждать инструкции.

Пока они притворялись людьми. И Диди покорно шел за ними. Улица становилась темнее. Вдали на черно — синем небе четким контуром выступил корабль.

Здания, вдоль Проспекта, за день накопившие солнечную энергию, светились. Руллы с Диди на буксире подошли к барьеру проходной. Здесь около восьмифутовой ширины металлической плиты они остановились, глядя на расположенные под решеткой вентиляторы.

В начале войны охраняемые объекты окружали бетонные заборы с электрозащитой. Но вскоре выяснилось, что ток для рулл не преграда. Колючей проволоки они просто не чувствуют, а бетон крошат своим излучением. А среди ремонтников всегда оказывались шпионы, саботирующие работу путем убийств. Вооруженные пат — рули слишком часто убивали своих. И в результате несколько лет назад был создан вентиляцион-

ный барьер. Он окружил Пригород. Люди его не замечали, но рулл он убивал за три минуты. Конструкция барьера была строго засекречена.

Диди воспользовался нерешительностью своих спутников и сказал:

— Благодарю вас, дальше я могу пойти сам.

Один из шпионов рассмеялся. Его смех с небольшой натяжкой мог сойти за человеческий, но эта натяжка все портила.

— Слушай парень, ведь ты наверное неплохой спортсмен. Не хочешь ли ты нам немного помочь?

— Помочь?

— Видишь этот барьер?

Диди кивнул.

— Отлично. Мы тебе уже говорили, что служим в тайной полиции — знаешь, против рулл. Ну, и однажды мы с другом говорили о делах и обнаружили путь, который должен пройти рулла через барьер, прежде чем погибнуть. И такой страшный результат получился, что мы решили его проверить, прежде чем докладывать наверх. Сам понимаешь куда. Коли мы ошибемся, нас засмеют. И мы решили сначала проверить.

«Никто… не должен… пытаться… нарушить… планы рулл». Этот приказ столь часто повторялся

Диди, что сейчас как эхо откликнулся в его мозгу. Он колебался, он не знал, сказать ли да или нет. Но годы учебы взяли свое.

— Все, что нужно — пройти через барьер и вернуться, — сказал рулл.

Диди не говоря ни слова, выполнил приказ. Секунду он стоял нерешительно: вернуться ли ему и побежать к зданию в тридцати футах от него. Но тотчас понял, что руллы убьют его, и он не пробежит этих тридцати футов. И он вернулся.

По улице по направлению к барьеру шла группа людей. Руллы и Диди посторонились, уступая дорогу. «Полиция?» — подумал Диди. Ему отчаянно хотелось, чтобы все шло по плану. Люди неторопливо перешли барьер и скрылись за зданием.

— Нужно быть осторожным, — чтобы нас не заметили, — сказал рулл.

У Диди было свое мнение на этот счет, но он промолчал. Они отошли в тень.

— Протяни руку.

Диди протянул руку. «Сейчас меня убьют», — подумал он. Он чуть не заплакал. Но выдержка, которой его учили в Саду, и тут не изменила ему. Руку пронзила острая боль.

— Мы взяли у тебя кровь, парень. Видишь ли, мы думаем, что тут все дело в бактериях. Они

разбрасываются пульверизаторами, один раз в несколько секунд, поэтому мы этого не чувствуем. Бактерии смертельны для рулл, но безвредны для человека. Чтобы бактерии не разносились в воздухе, их засасывают обратно вентилятором. Одни и те же бактерии используются во многих циклах. Теперь ты понимаешь?

Диди был потрясен. Ведь там действительно могут быть бактерии, убивающие рулл. Мало кто знает, как устроены бактерии. Неужели руллы узнали это?

Второй рулл делал что-то в тени здания. Там вспыхнула вспышка света. Диди понял, что тот исследует его кровь, пытаясь понять, что там за бактерии.

— Бактерия, попавшая на человека, сразу же умирает. Видимо, используется один вид бактерий, иначе невозможно было бы несколько циклов. Если бы руллы нашли средство иммунитета к этому виду бактерий, они бы легко прошли через барьер, — как ты сейчас. И они могут делать внутри что угодно. В Пригороде. Понял, как важна наша задача?

Он прервался:

— А, мой друг кончил анализ. Подожди немного.

Он подошел ко второму шпиону. Их разговор длился не более минуты. Рулл вернулся.

— О'кей, парень. Можешь идти. Мы тебя не забудем в случае чего.

Диди не поверил своим ушам.

— Разве это все?

— Все.

Диди вышел из тени здания и пошел к барьеру. Руллы шли за ним, но не пытались задержать его.

— Эй, парень! Смотри тут еще двое ребят. Вы можете искать Звук вместе!

Диди обернулся. К барьеру бежали двое мальчишек.

— Кто последний добежит, тот рулл! — крикнул один.

Они молнией понеслись к барьеру. Диди последовал за ними.

— Меня зовут Джеки, — сказал один.

— А меня — Джил, — добавил второй.

— А я — Диди, — представился Декстер.

У каждого был свой Звук, но искать можно вместе.

К ним подкатил кар и остановился, как только его фотоэлементы заметили их. Они сели в него и помчались по Пригороду, между кранов и ме-

ханизмов.

Диди никогда не был ночью на Проспекте, и в другое время был бы очень взволнован этой поездкой. Но теперь он размышлял. Кто эти ребята? Руллы? Они никогда не забирались так далеко. То, что они пробежали, а не прошли барьер — это просто случайность. Но, что бы ни случилось, он должен сотрудничать с ними. Таков закон. Так его учили.

Он стал искать источник. Но куда бы он не заходил, в какой бы зал не заглядывал, Звук не стихал. Они ни разу не пересекали больше барьера. Если здесь и была преграда для рулл, она была невидима. Двери всех зданий были широко раскрыты. Он надеялся, что в какой-нибудь закрытой комнате будет смертельный воздух для рулл. Но закрытых комнат не было.

Хуже всего было то, что кругом не было ни одной души, никто не мог помочь ему. Только бы узнать, руллы ли его спутники! Если руллы, то вдруг у них есть какое-то сверхмощное оружие, которое может повредить Корабль?

Они вошли в огромное, площадью полквадратной мили здание. Джил и Джеки не возражали. В здании не было пола — была гигантская пропасть, наполненная какими — то кубическими

конструкциями. Вершина ближайшей из них была в четверти мили от пола, сделанного из прочнейшего пластика, прозрачного до такой степени, что на многие мили можно было видеть вспышки гигантских ядерных реакторов.

И в центре этого здания, царства металла и пластика была женщина. Она кивнула им и спросила дружелюбно:

— Ищите источник? А вы знаете, кто я? Я — Чувствующая.

Джеки и Джил помалкивали, а Диди сказал, что знает. Он слышал в Саду о таких людях. Они каким-то образом, кажется по изменению кальция в крови, могли следить за ходом ядерной реакции. Из — за того, что они могли регулировать количество кальция в крови, они жили долго, даже века.

Диди был разочарован. Женщина явно не могла разрешить его сомнений, она не подала знака. Но, может она что-то расскажет о Звуке? И он спросил:

— А эти реакторы, стоящие внизу, могут издавать звук?

— Конечно.

— Что — то не верится в это.

— Вы ребята неплохие, и я вам хочу помочь.

Я шепну каждому на ухо ключ к разгадке. Ты будешь первым, — она двинулась к Диди.

— Не показывай удивления, — сказала она. — Под перекрытием металлического тротуара под Кораблем ты найдешь маленький бластер. Иди вниз по эскалатору семь и направо до бруса с надписью «П». Если понял, кивни.

Диди кивнул.

— Спрячь бластер в карман и не применяй без приказа. Счастливого пути!

Она выпрямилась.

— Ну а дальше ты сам, — она подошла к Джеки. — Теперь ты.

Тот покачал головой.

— Мне подсказок не надо. Не люблю шептунов.

— Я тоже, — сказал Джил.

Женщина улыбнулась:

— Ну ладно. Тогда слушайте: вы знаете, что такое миазмы?

— Туман, дымка, — ответил Джеки.

— Это ключ. А теперь идите — через четыре часа рассвет.

Когда Диди у входа обернулся, женщина снова выглядела как часть кресла, в своей неподвижности она казалась неживой. Но теперь он знал.

— Корабль в опасности. И они пошли к выходу.

19

Джемисон проснулся от того, что кто-то теребил его за плечо. Он вздрогнул и повернулся на другой бок. О господи, и тут не дадут поспать! Он открыл глаза, На его постели сидела Веда. Джемисон взглянул на часы. Двадцать минут третьего. «Черт возьми, — подумал он, — я должен выспаться наконец».

— Я не могу заснуть, — сказала Веда хныкающим голосом. Она выглядела совсем расстроенной. Джемисон проснулся окончательно.

— Милый, — прошептала она. Джемисон пошевелился.

— Любимый.

Он открыл один глаз снова.

— Дорогой, проснись, пожалуйста. Я так волнуюсь.

— Ты хочешь, чтобы я не выспался?

— Извини меня, пожалуйста, я не хотела тебе мешать.

Но было ясно, что все это она говорит для проформы и эти извинения тут же вылетели у нее из головы.

— Милый.

Он не ответил.

— Мы должны узнать.

Джемисон хотел было совсем не слушать ее, но мозг уже начал анализировать ее желания. И выводы были поражающими.

— Что узнать? — спросил он.

— Сколько их?

— Кого?

— Ребят на улице…

Он ожидал худшего.

— Веда, ведь мне утром на работу.

— Работа! — презрительно сказала Веда. — Работа! Думаешь ли еще о чем — нибудь? Остались ли у тебя ка — кие — либо чувства?

Джемисон молчал, но она не уходила. Ее тон повысился.

— Ты и люди, подобные тебе, слишком бесчувственны.

Дальше так продолжаться не могло. Он сел и включил свет.

— Если ты думаешь меня оскорбить, то совершенно напрасно.

— Дорогая, ты можешь радоваться. Ты своего добилась — я проснулся.

— Вовремя. Если бы ты не позвонил, это сделала бы я.

Джемисон щелкнул пальцами.

— Ладно, я позвоню, только ты не виси у меня над душой. Что обо мне подумают люди? Сиди здесь.

Он вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Затем позвонил по указанному адресу. На экране появилось солидное лицо человека в адмиральской форме. Этот человек был знаком Джемисону.

— Дело обстоит так, Тревер, — ваш сын снова в лапах двух рулл, теперь уже других. Они прорвались сквозь барьер в весьма оригинальной форме. Сейчас в Пригороде около сотни рулл в человеческом облике, они стянулись со всей Солнечной системы, видимо, для какой-то важной диверсии. За последние полчаса ни один из рулл не пересек барьер, — значит, все они там.

— А что с моим сыном? — спросил Джемисон.

— Пока он им нужен. Мы стараемся снабдить его оружием.

Джемисон понял, что адмирал не скажет ему ничего действительно важного.

— И что же, вы преспокойно позволяли сотне рулл спокойно проникнуть на Проспект, не зная даже, зачем им это нужно?

— Нам нужно узнать, зачем они это сделали.

Чего они хотят? Почему пошли на такой риск? Наш долг — дать им высказаться. Мы сделаем все, чтобы спасти жизнь вашему сыну, но обещать я ничего не могу.

Джемисон понял, что для этих людей смерть Диди не более, чем прискорбный эпизод. Газеты напишут потом: «Потери минимальны». Впрочем, они могут даже сделать из мальчика сенсацию — на один день.

— Боюсь, — сказал адмирал, — мне придется идти. Сейчас ваш сын спускается к Кораблю. Я должен наблюдать. До свидания.

Джемисон сжал руку в кулак и постарался успокоиться. Он вернулся в спальню и сказал:

— Все в порядке. Можешь быть спокойна.

Она не ответила. Ее голова лежала на подушке, видимо, она прилегла на минутку и уснула. Но спала она тяжело, щеки были мокрыми от слез. И он решил помочь ей, ввел в кровь усыпляющее вещество. Она расслабилась, дыхание стало ровным и спокойным.

Джемисон позвонил Калебу Карсону и попросил его:

— Возьми Эфраима, скажи ему, что он нужен семье. Отвези его в штаб — квартиру Службы Безопасности около Корабля, в хорошем контейнере,

чтобы никто не заметил.

Потом Джемисон быстро оделся и сам помчался к зданию Службы. Он знал, что военные будут против привлечения эзвала. Но это было его личной привилегией, которую он, и тем более Диди, заслужил.

— Что она тебе шептала? — спросил Джеки.

— Да то же, что и вам, — ответил Диди. Они спускались по эскалатору под Проспект. Джеки, казалось задумался о чем-то. Наконец, они достигли тротуара, и Диди увидел невдалеке брус с буквой «П». Сзади Джеки спросил:

— Но какой же смысл был ей шептать это на ухо, если она потом сказала все это вслух?

Диди вздрогнул, но взял себя в руки:

— А кто ее знает, наверное решила пошутить.

— Пошутить? — переспросил Джил.

— Что мы тут потеряли? — опередил его Джеки.

— Я устал — ответил Диди и уселся на тротуар. Двое рулл стояли по другую сторону тротуара. Диди запустил руку под металлическое покрытие и нащупал бластер. Руллы, по всей видимости, говорили между собой или еще с кем-то. Диди незаметно спрятал бластер в карман. Только теперь он заметил, как дрожит под ним тротуар.

Эта дрожь передалась ему. Какова же должна быть вибрация под Кораблем, подумал он. Город был построен из металла. Но все вибрационные покрытия не могли устранить дрожь, порождаемую сконцентрированными на малой площадке источниками энергии, атомными реакторами, работающими на предельной нагрузке, машинами, способными штамповать стотонные плиты.

Восемь с половиной лет назад был построен Город для колоссального Корабля. Каждая семья жила здесь либо потому, что кто — то из родителей был специалистом, не — обходимым для постройки Корабля, либо потому что у них был ребенок, который мог на нем улететь. И не было другого пути для людей научиться владеть им, как не расти вместе с Кораблем.

В этом Корабле, высотой в 10 000 футов, был сконцентрирован инженерный гений тысячелетий. Приезжающие государственные чиновники лишь ошеломленно крутили головами, пораженные этими акрами машин и приборов, инструментов на каждом этаже.

И когда Корабль взлетит — Диди будет на нем! Пока он стоял потрясенный восторгом предчувствия, за ним появились двое рулл.

— Пошли! — сказал Джеки. — Зря мы тут бол-

таемся!

Диди опустился на Землю.

— А куда? — спросил он.

— Как куда? Искать! — был ответ.

— Идемте! — не колеблясь, ответил Диди.

Неоновая надпись на здании гласила: «Исследовательский Центр». На площадке перед зданием толпились мальчишки — группами и поодиночке. Среди них были та — кие, что, казалось, только сегодня они научились ходить.

«Может, это руллы?» — подумал Джемисон — младший. «А может, все здесь — руллы? Нельзя давать волю таким мыслям», — решил он.

«Исследовательский Центр». Здесь была выведена бактерия, убивающая рулл. Но что здесь нужно руллам? Узнать секреты Центра и вывести его из строя? Ликвидировать защиту? О такой опасности его предупредили в Саду.

Все двери Центра в отличие от других зданий были закрыты.

— Открой, Диди! — сказал Джеки.

Тут к ним подошли двое. Один из них окликнул Диди.

— Привет, парень! Мы ведь уже встречались, а?

Диди повернулся к ним. Это были двое агентов

Службы Безопасности. Но может, это не они, а другие? Что, впрочем, несущественно.

— Мы рады тебя видеть. Мы хотим провести другой эксперимент. Войди в дверь. Это поможет нам в борьбе с руллами. Как тебе это подходит?

Диди кивнул. Он чувствовал такую слабость, что речь выдала бы его.

— Войди туда, — сказал рулл, — постой несколько минут, сделай вдох, задержи дыхание и выйди. Только и всего.

Диди вошел в Центр. Дверь автоматически захлопнулась за ним.

Он очутился в большой комнате — но здесь не было ни души. И потому Диди решил не бежать. Но почему же здесь никого нет — ведь все институты Пригорода работали круглосуточно?

Дверь распахнулась. За порогом стояли Джеки, Джил и остальные ребята, молча глядя на него.

— Выходи, — послышался голос, — только сначала вдохни воздух.

Диди вдохнул и вышел. Двери захлопнулись за ним. Один из руллов протянул ему стеклянный сосуд с резиновой трубкой.

— Выдохни, — сказал он.

Что Диди и сделал. Рулл отдал сосуд спутнику и тот отошел с ним за угол.

— Ты ничего не заметил в здании? — спросил оставшийся рулл.

— Какой-то там странный воздух, густой и тяжелый. А так — больше ничего.

— Мы снова должны взять у тебя кровь. Дай палец.

Диди подчинился.

К ним подошел Джил и спросил с энтузиазмом:

— Что я могу для вас сделать?

— Иди помоги моему другу, — ответил рулл.

Джил со всех ног помчался за угол.

Минуты шли, и вот из-за угла появилась пара рулл. Диди смотрел на них с усмешкой.

Стоящий рядом рулл быстро пошел им навстречу. Может быть, они и разговаривали, но скорее всего не звуками. Потом рулл, который всегда разговаривал с Диди, снова подошел к нему.

— Ты нам очень помог, парень. Теперь и мы сможем внести свой вклад в войну. Оказывается, в воздухе примешан газ с фтористыми соединениями. Это само по себе безвредно, даже для рулл. Но рулла не сможет излучать в таком воздухе, так как возникают неустойчивые анионы, убивающие рулл.

Диди не совсем понял это объяснение. Хими-

ческие реакции и соединения они проходили в Саду, но он мало что понял.

— Да, — хитро сказал «агент» удовлетворенно. — Рулл сам себя убивает. А, ребята, вы кажется хотите пройти внутрь? Ну что ж, давайте, и я тоже приду, вот только потолкую немного с пареньком. Давай отойдем, — сказал он Диди.

Он отвел Диди в сторону и «дети» потоком хлынули в здание, чтобы узнать все его секреты.

«Кто-то должен им помешать, — подумал Диди, — и чем быстрее, тем лучше».

— Могу сказать тебе — по секрету, конечно, — ты сделал сегодня важную работу. Мы все время думали про «Исследовательский Центр». После полуночи люди отсюда уходят, и два монтера подключают какое-то оборудование и громкоговоритель у двери, который, если бы я был руллом, легко разрушить. Люди слишком надеются на свою бактерию.

Мы подумали вот что. Руллы хотят узнать, чем занимается Центр. Если бы они попали туда, то передать информацию труда не составляло бы, а выбрались бы шпионы поодиночке. Это опасно, но возможно. Так уже делалось. Но теперь мы предотвратим эту возможность.

— …Диди, — услышал он шепот сверху, — не

подавай виду, что ты меня слышишь.

Диди сначала напрягся, но потом расслабился. Он знал, что руллы не воспринимают шепота по каким-то физиологическим причинам.

— Ты должен войти в здание, стать у двери и ждать инструкций.

Диди понял, где источник голоса: сверху двери. Рулл ведь говорил ему что-то про оборудование и о громкоговорителе над дверью. Наверно шепот шел оттуда. Но как же войти внутрь, если рулл мешает? Тот говорит что — то о вознаграждении, но Диди думал только о том, как войти.

— Боже мой, — в отчаянии сказал Диди, — ведь уже наступает рассвет, а я ничего не нашел! Послушайте, лучше я пойду в здание.

— Верно, не будем тратить время зря. Иди и будь осмотрителен там, понял?

Диди распахнул дверь. Но рулл остановил его.

— Подожди секунду, — сказал он.

Он привстал и дернул за что-то над дверью. Упали какие-то провода.

— Вот теперь можешь идти. Я отключил громкоговоритель. Можешь посмотреть, что делают другие ребята.

Дверь захлопнулась за Диди.

Адмирал огорченно пожал плечами.

— Мне жаль, Тревор, но никакой надежды нет. Они уничтожили связь. Мы бессильны.

— Что он должен был сделать, адмирал?

— Это не подлежит разглашению.

«Хотите связаться с Диди, Джемисон? Я прочел мысли адмирала», — телепатировал из контейнера Эфраим.

«Да», — ответил Джемисон.

Диди был сначала напуган шепчущим голосом.

«Диди, руллы в здании безоружны, на излучение они не могут рассчитывать. Я вижу здесь двое ребят».

Действительно, в дальнем конце комнаты склонились над столом двое. Диди очень удивился, но голос тут же сказал:

«Диди, возьми бластер и убей их».

Он сунул руку в карман и вынул бластер. Пять лет его готовили к этому моменту, и он был спокоен. Не было такого оружия, которым бы он не владел в совершенстве.

Из дула бластера вырвалась струя голубого пламени, Диди направил ее на рулл. Те съежились, почернели и мягко осели на пол.

«Отличный выстрел», — похвалил эзвал.

Только тут Диди понял, что голос звучит

ВНУТРИ его.

Дети в комнате менялись на глазах, собственно это были уже не дети. Хоть Диди и видел раньше фотографии рулл, но все же он был потрясен происходящим.

«Все двери здания закрыты, — сказал голос внутри его. — Сюда никто не войдет. Снаружи никого нет. Обойди все здание и убивай каждого, кого встретишь. КАЖ — ДОГО! Без всякой жалости. Здесь нет людей, только руллы. Убивай их без пощады!» Через несколько минут эзвал доложил Джемисону:

«Ваш сын уничтожил всех рулл в „Исследовательском Центре“. Он будет оставаться в здании до тех пор, пока не будут убиты те, кто снаружи».

«Спасибо, — сказал Джемисон, — это было великолепно».

Потом адмирал рассказал Джемисону:

— Да, это была большая победа. Конечно, руллы снаружи пытались сопротивляться, но мы поменяли бактерию в барьерах и скоро им пришел конец. — Он поколебался и сказал:

— Одного не пойму, как ваш сын догадался, что ему нужно делать?

— Я вынес ответ на ваш вопрос в специальный раздел в моем рапорте.

— Как, вы написали рапорт? — спросил ошеломленный адмирал.

— Сами увидите, — ответил Джемисон.

В полутьме Диди сел в геликоптер в переулке 2 и полетел на вершину холма, откуда днем был виден Корабль. Здесь стояло и сидело несколько ребят. Диди не знал, люди они или руллы, но почти не испытывал в этом сомнения. Руллам не было смысла участвовать в этом ритуале.

Диди уселся под кустом рядом с каким-то мальчиком.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Март, — ответил ему резкий, но громкий голос.

— Ищешь источник?

— Ага!

— И я.

Наступал рассвет, и в его сиянии появился Корабль. Металл его оболочки постепенно запылал отраженным сиянием Солнца, которое еще не появилось. Сияние опускалось по металлу все ниже и ниже, пока из-за горизонта не показался край Солнца.

И чем выше вставало Солнце, тем больше, казалось, становился Корабль. Стоэтажный небоскреб Административного Центра казался рядом с ним

всего лишь подпоркой.

С гордостью и восторгом смотрел Диди на Корабль. Тот, казалось, плавал в солнечных лучах, поднимаясь все выше и выше.

«Нет, — подумал Диди, — еще рано. Но день придет, и величайший звездолет, созданный руками человека, устремится в пространство. И тогда война кончится».

Голод заставил Диди спуститься с холма. Он перекусил в ближайшем ресторанчике. А потом полетел домой.

Джемисон был в спальне, когда открылась входная дверь. Он сжал пальцы жены.

— Диди устал, — сказал он, — пусть он отдохнет.

Веда высвободилась и ушла в свою спальню.

Диди прокрался через темную гостиную и включил свет. Одновременно вспыхнули лампочки на панели домашнего учителя — робота.

— Я понял, что такое Звук, — сказал Диди.

— Что?

Диди ответил.

— Ты оправдал мои надежды. Теперь иди спать, — сказал робот.

Скользнув под одеяло, Диди вновь ощутил вибрацию. Он слышал скрип пружин и дрожь

пластикового окна. Вместе со всеми вещами дрожал пол.

Диди счастливо улыбнулся. Он не удивился появлению Звука. Это и были «миазмы» Пригорода, туман вибрации.

Теперь Звук останется с ним навсегда, даже когда Корабль будет построен. Это часть его жизни. Так он и заснул.

20

Проснулся Джемисон как обычно, сон мгновенно слетел с него-при воспоминаниях о событиях прошедшей ночи. Он взглянул на жену и облегченно вдохнул — все — таки она отдохнула. Ей вставать не скоро. Джемисон на цыпочках прокрался в ванную, умылся, в одиночестве съел завтрак и заодно прикинул варианты — как прошлая ночь повлияет на будущее.

Эзвал его не подкачал.

На работе Джемисон написал рапорт, где назвал происшедшие события не менее важными, чем постройка Корабля.

«Использование телепатии в качестве связи между различными расами — дело дальнейших исследований. Но сам факт существования такой возможности — величайшее событие в истории Галактики».

Он размножил доклад и разослал всем, кто был в нем заинтересован. Первый ответ прислал видный военачальник:

«Интересно знать, были ли приняты меры предосторожности при общении эзвала с людьми, причастными к временным Исследованиям.

(Это было обозначение „Совершенной секретности“), и не следует ли в этом случае уничтожить эзвала в качестве предосторожности?» Этот ответ вызвал у Джемисона чувство отвращения. Эти военные всегда трясутся за свои секреты. И ведь это тоже было размножено и разослано.

Джемисон написал ответ, в котором доказывал, что эзвал не имел контакта с людьми, располагающими секретными сведениями. А сам он располагал лишь минимумом фактов, и те же сведения эзвал мог получить от агентов рулл.

Тут было слабое место — эзвал не умел читать мыслей рулл, но для игры в честность было не время.

«Кроме того, — продолжал он, — не известно, когда сложится аналогичная ситуация и к нам в руки попадет столь расположенный к сотрудничеству эзвал, не говоря уже о том, что от жизни Эфраима зависят отношения со всей расой эзвалов. Эти отношения будут прерваны на — всегда, если они что-либо узнают о случившемся».

Джемисон и эту бумагу размножил и отправил по адресам. Он перевел эзвала в другой отсек в целях без — опасности, мотивируя это тем, что в данном месте эзвал не будет иметь контактов с носителями информации.

До вечера пришло еще несколько откликов — все благожелательные, кроме одного, гласившего:

«Человек, что за чудовище выдал ты за ребенка?» На этом закончилась неделя.

Джемисон ожидал сообщения из Информационного центра, которое он запросил о расах, с которыми невозможно установить контакт.

Он позвонил Калебу, пригласив его на ленч, и попросил его съездить с ним в Центр.

Карсон был сильно похож на своего деда.

Вокруг него всегда сиял ореол успеха деятельности, казалось, он все время хранил какую-то тайну, которой ни с кем не имел права делиться.

В «Корабельной каюте», государственном ресторане для высших администраторов, Джемисон посвятил Карсона в свои планы:

— Необходимо совершить с Эфраимом путешествие на какую-либо планету, не поддающуюся контакту, и использовать его в качестве посредника.

Карсон кивнул:

— Это верная мысль. У нас появилась возможность вернуть Галактике целые миры.

Затем он принялся обсуждать детали освобождения эзвала. Покончив с ленчем, они кинули

прощальный взгляд на силуэт Корабля за окном и вышли к лифту.

— Неужели на этом Корабле можно будет достичь родины рулл?

Этого говорить не стоило, как сразу он понял по реакции Джемисона.

— Слушайте, бросьте сердиться, давайте задержимся у охранника и пройдем проверку.

Джемисон кивнул:

— Вот именно, нам обоим необходимо это сделать.

— С полной серьезностью они прошли процедуру проверки, и естественно, оказались людьми — по крайней мере, на время.

В этом шатком мире, полном шпионов, ясность вообще была понятием относительным. Один неверный вопрос, не так сказанное слово — и человек подвергался проверке. Конечно, желание Карсона пройти проверку говорило само за себя, но порядок есть порядок.

По пути к Центру Карсон сказал:

— Ну, по крайней мере, теперь мы можем быть откровенными. Какими критериями пользуется компьютер при отборе рас?

— Явная несовместимость с человеком и возможность использования в войне с руллами.

Необходимы экстремальные условия. У меня уже была осечка.

И он рассказал о неудаче с попыткой прочесть мысли рулл. Видимо, они в самом деле пришли из другой Галактики: в этой Галактике все жизненные формы должны были быть чем-то схожи.

Вопрос был весьма важным. Человек посылал звездолеты в глубины Галактики, открывал новые миры, постигал тайны жизни, но так и не смог понять — что же это такое — жизнь. Можно было лишь гадать об этом, и совпадают ли эти догадки с действительностью, Джемисон не знал.

— А у вас уже есть какая-нибудь планета на примете? — спросил Карсон.

— Нет, все решит компьютер, — был ответ.

Они спустились в машинный зал. Защелкал перфоратор. Джемисон взглянул на ленту и присвистнул:

— Так я и знал. Конечно, ПЛОЯ. Что же еще?

— Плояне? — нахмурился Карсон, — но ведь это же миф! Существуют ли они в действительности?

— Не знаю. Мы это узнаем.

Джемисон был доволен. Ему были важны не плояне, а идея сотрудничества между расами с помощью эзвала, и плояне были всего лишь

пробным каналом.

Шлюпка Джемисона выскользнула из крейсера и по отлогой траектории скользнула к планете. Осторожно ввел он ее в верхние слои атмосферы, чтобы не сжечь обшивку. Затем установил нормальную скорость для этой высоты — 5000 ф/мин., а в двенадцати милях над поверхностью уменьшил ее до 30 миль в час, и перешел в горизонтальный полет.

Открылся и закрылся люк. Джемисон выжидал.

Внезапно стрелки на всех приборах резко скакнули. Скорость падения резко возросла, судно бросало из стороны в сторону. Шлюпка больше не подчинялась Джемисону, бестолку он нажимал на кнопки. Оставалось ждать.

И вот на высоте 12 000 футов судно вошло в заданный режим — качка прекратилась. В действие вступила система управления, основанная не на электросхемах. Все электричество было выключено. Люк был задраен наглухо.

Ракеты вынесли шлюпку в космос. Джемисон осмотрелся. Он не знал точно, почему захлопнулся люк. Но скорее всего он поймал плоянина.

…Первая экспедиция на Плою высадилась около ста лет назад. И сразу же произошла ка-

тастрофа — все металлические части корабля оказались под напряжением. Очень интересное с этой точки зрения науки явление, которое, правда, никогда не заинтересует 81 человека, погибших в первый же миг. В живых осталось 140 человек, не прикасавшихся к металлу, но 22 из них не поняли причины гибели остальных и тоже были убиты.

Прежде всего был выключен ток. Было ясно, что на борт корабля пробралось какое-то существо, замкнувшее энергосистему. Корабль был обработан спецсоставом, но это не помогло. Не помогла даже промывка корабля водой, которую перекачали из ближайшей реки. Исследователи не могли даже улететь, так как существо почувствовало это их желание, и выключило питание моторов. Системы корабля были под его контролем.

Отчаявшийся экипаж радировал обо всем крейсеру на орбите. Положение было проанализировано и им ответили:

— Очевидно, аборигены не враждебны человеку, погибли лишь те люди, которые контактировали с энергосистемой. Изучение данной формы жизни следует проводить с помощью специальных электронных приборов, которые будут вам

высланы.

На планету была спущена научная экспедиция. Шесть месяцев прошли безрезультатно — контакта не было, не была даже определена форма жизни, вызвавшая катастрофу.

И тогда люди были вывезены на допотопных ракетах, работавших на реактивном топливе. Первая экспедиция на Плою завершилась.

Обо всем этом Джемисон уже в рубке управления своего крейсера, уносившего его прочь от планеты, только подумал. Делать ему пока было нечего.

Эзвал доложил о присутствии чужого разума, но кроме чувства страха и отчаяния ничего определить не мог. Но даже это обрадовало Джемисона, он вообще сомневался вначале в наличии разума на Плое, и вот теперь эзвал докладывал, что разум все — таки существует.

В ста световых годах от Плои Джемисон выключил двигатель и вместе с эзвалом прошел в специально оборудованную каюту с дублирующим пультом оборудования. Оттуда он открыл дверь шлюпки и предоставил плоянину полную свободу действий.

Эзвал сообщил:

«Вижу картину главной рубки, причем с потол-

ка. Плоянин оценивает обстановку».

Это было разумно. Джемисон представил себя в такой же ситуации. Уж он-то был бы начеку.

21

«Он в пульте управления», — сказал эзвал.

— Внутри? — изумленно спросил Джемисон. Корабль дернулся, сбился с курса. Курс Джемисона не волновал, но что, если плоянин замкнул сеть накоротко… Он представил существо, мечущееся среди массы приборов, проводов, закорачивающее контакты реле…

Корабль снова лег на курс. Эзвал сказал:

«Он выбрал направление и будет придерживаться его до конца. О субсветовых скоростях он и понятия не имеет».

Джемисон с сожалением покачал головой. Бедный плоянин! Он в ловушке! Его раса и представить себе не может того расстояния, на которое он удалился.

— Скажи ему, где он сейчас. Объясни ему разницу между движением в пространстве и подпространстве.

«Он в ярости».

— Расскажи ему о механизмах, через которые мы сможем общаться непосредственно. Да, что он ест?

И на этот вопрос они получили первый ответ.

«Он говорит, что умирает с голоду и мы в этом виноваты».

Джемисон узнал, что плояне живут за счет трансформации электромагнитных полей в приемлемую для них энергию.

Когда плояне замыкали контакты энергосистем, то могли питаться за счет поля корабля. Это объясняло все неудачи Первой Экспедиции. Гибель половины экипажа была побочным эффектом «попойки», устроенной плоянами.

И когда Джемисон включил питание, плоянин начал умирать с голода.

Джемисон запустил газогенератор.

— Скажи ему, пока он не научится работать с коммутатором, есть не получит.

Через некоторое время плоянин понимал человеческую речь еще до того, как звуки поступали в коммутатор, и освоил основные команды за один день!

— Да-а, — сказал Джемисон, скорее себе, чем эзвалу, — представляю себе, что у него за коэффициент интеллектуальности, если он так быстро смог выучить язык!

Эзвал ответил, мысленно конечно:

«Все энергетическое поле, которым он является, пригодно для использования в качестве памяти,

и он может расширять ее как угодно.

Пришел вызов с Земли. Калеб Карсон сообщил, что политическая обстановка на планете Карсона изменилась к лучшему, так что можно даже не требовать вмешательства Конвента. Источник информации — мисс Барбара Уитмен.

— Она сказала, что вы поймете, о чем пойдет речь».

— Было время, когда мы здорово не нравились друг другу. Но я уже тогда предвидел перемену и оказался прав, — ответил Джемисон.

Затем последовала весьма категорическая радиограмма:

«Следуйте в 18 район. Координаты планеты — 128 — 3 — 26–54 — 6. Лично обследуйте ее и доложите. Главнокомандующий Операциями».

Восемнадцатый район был одним из четырех важнейших пунктов обороны. Естественно, что к нему обратился сам Главнокомандующий.

Джемисону пришлось нарушить свои планы. Карсону он послал радиограмму:

«Ждите меня возле…», — он назвал планету, находящуюся одинаково близко от него и от Карсона. — Заберите эзвала и отправьте его на родину, а дальше действуйте в соответствии с планом.

Главнокомандующего он попросил прислать крейсер к месту его встречи с Карсоном и захватить шлюпку.

Оставался плоянин. Делать было нечего, пришлось взять его с собой. Церемониться было некогда.

— Если вы хотите когда — нибудь увидеть свою планету, выполняйте мои приказы, — сказал он.

И плоянину оставалось лишь согласиться.

22

Когда Джемисон заметил корабль, он сидел в небольшой ложбине недалеко от своей шлюпки, записывая на диктофон свои соображения насчет Лаэрта — 3. Планета была так близка к невидимой границе между людьми и руллами, что само по себе ее открытие было уже великим событием в войне.

— С этой планеты, — диктовал он, — можно нанести удар любому из густо населенных объектов Галактики, рулловскому или человеческому, поэтому необходимо оборудовать ее оружием по классу АА. Наиболее мощные орудия следует в течение трех недель установить на горе Монолит.

Как раз тут он увидел чужую шлюпку. Что делать? Броситься к люку своего корабля, но его сразу обнаружат. А может это человеческий корабль?

Так он сидел в нерешительности на месте, пока корабль приблизился настолько, что на борту стали различимы рулловские опознавательные знаки. Это был исследовательский бот. Руллы открыли систему Лаэрта. За этим ботом могут стоять эскадры крейсеров — против него одного,

ведь его крейсер «Орион» даже не подходил к планете. Джемисон высадился в парсеке от нее, чтобы руллы не заметили крейсер, и теперь ушел к базе за оружием для планеты, и вернется лишь через десять дней.

Десять дней. Конечно, есть шанс, что его шлюпку не заметят, и ему удастся скрыться. Но суть даже не в этом…

До рулловского бота было уже всего сто футов, и он шел прямо на рощу, где находилась шлюпка. Джемисон вскочил с места и нырнул в открытый люк. И только он захлопнулся за ним, как кто-то огромный ударил по потолку и он прогнулся вниз, а пол, наоборот, вспучился, воздух наполнился дымом. Полуослепший Джемисон скользнул за пульт управления и включил аварийную защиту. Скорострельные бластеры выползли на боевые позиции и плюнули огнем во врага. Взревели вентиляторы, и по каюте пошла волна холодного воздуха. Все это так подействовало на Джемисона, что он сначала не сообразил, что двигатели не работают. И шлюпка вместо того, чтобы унести его в небо, лежит на земле.

Он бросил взгляд на экраны. Рулловский бот мелькнул в нижнем конце одного из них и исчез за деревьями в четверти мили от Джемисона.

Через несколько секунд донесся грохот падения.

Но слишком гладка была траектория падения. Взрыв не убил рулл! И значит Джемисону придется вступать с ними в единоборство. Десять дней он будет уповать на то, что люди сумеют отстоять одну из четырех важнейших планет Галактики.

Джемисон вышел из шлюпки. Времени на раздумье не оставалось. Темнело, и он пошел к ближайшему холму, в ста футах от него, причем последние футы он прополз на четвереньках. Осторожно он выглянул из-за края: вершина представляла из себя овал ярдов в восемьсот шириной, заросший кустарником и усыпанный камнями. Ничто не нарушало тишины.

Сумерки еще сгустились. Солнце спустилось за горизонт. Но что такое темнота для рулл? Чем вообще, кроме разума, может похвастаться человек перед руллом? Только по разуму он может претендовать на равенство. Положение было безнадежным. Если бы он сумел добраться до корабля рулл до полной темноты и попытаться их уничтожить до тех пор, пока они не пришли в себя… Тогда, может быть, у него и были бы шансы на спасение.

Джемисон стал спускаться с холма. То и дело он спотыкался о кусты, камни, корни, падая на

острые грани скал. До сих пор ему не приходилось бегать по столь пересеченной местности. За пять минут он прошел не более 250 ярдов. Он остановился. Дальнейшее продвижение было бесполезным. Но он должен бороться — ведь проигрывает нё он один, а все человечество!

Пахнуло холодом — в полночь температура падала до нуля. И он отступил. У него оставалось много дел на шлюпке. Всю ночь Джемисон просидел перед экраном, долгую, долгую ночь. Он не мог, не имел права заснуть.

Часом позже он сидел перед экраном, вглядываясь в ночь. Что-то двинулось в углу одного из них — Джемисон схватился за ручку управления бластером. Но движение не повторилось. В таком положении и застал его холодный рассвет.

Джемисон проглотил вторую таблетку против сна, снова нажал на пуск двигателей. Оки молчали как, и следовало ожидать. Починить их можно только на «Орионе». Значит наверняка придется драться.

Впервые в истории человек и рулл встретятся лицом к лицу. Космические битвы не в счет — там бьются корабли. Пусть даже он и проиграет, важна попытка. Он включил защитный пояс и вышел из корабля.

Судьбой было суждено провести поединок на одной из самых причудливых гор в Галактике — пике Монолит, 3200 футов высотой, отвесно вздымающемся ввысь над планетой. На сотнях планет побывал Джемисон, каждый раз снова уносясь в вечную тьму к голубым, красным, оранжевым, белым огонькам звезд, и вот теперь ему предстоит самая тяжелая схватка в его жизни, с самым хитрым и жестоким врагом во Вселенной.

Джемисон взял себя в руки. Нужно было сделать первый шаг — произвести разведку. И неизвестно, не будет ли это и последним шагом. Но другого выбора не было. Солнце Лаэрта уже поднялось над горой.

Джемисон взял с собой монитор с бластером, который должен отреагировать на любое движение противника. По дороге к месту падения рулл ничего не произошло, на него никто не напал. Это не понравилось Джемисону — значит, где-то должна быть ловушка. Вряд ли руллы погибли при падении.

...Корабль рулл лежал в долине, уткнувшись носом в стену песчаника. Джемисон внимательно осмотрел его через объектив монитора. Вокруг никого. Если это ловушка, то весьма искусная.

Тишину долины нарушило жужжание бластера, постепенно переходившее в рев — бластер набирал мощность. Корпус вражеского корабля задрожал и переменил цвет. И только. Через десять минут Джемисон выключил бластер.

Техника рулл оказалась на высоте. Включились ли защитные экраны сейчас, или после вчерашнего выстрела, неизвестно. Это — то и было самое плохое, он не знал противника. Даже если руллы мертвы, их оборона превзошла его усилия. Они могли быть и ранены, и не способны бороться. Может они оставили где-нибудь гипнотизирующий знак? Джемисон поймал себя на том, что избегает смотреть вокруг.

Еще один вариант — руллы просто дожидаются большого звездолета, из которого вылетел их бот. Это был бы его конец.

Джемисон принялся изучать повреждения корабля. Пробоин нигде не было, только дно вспучилось в нескольких местах. Следовательно, реактор должен был дать течь. Насколько Джемисон разбирался в исследовательских ботах рулл, то впереди была главная рубка, управляющая бластерами, сзади машинный отсек, цейхгаузы, топливный отсек, отсек с запасами пищи и…

Запасы пищи! Этот отсек поврежден больше

всех, пища заражена, руллы остались без еды!

Джемисон решил отступить. Он повернулся к скале, за которой скрывался от огня противника. НА ПОВЕРХНОСТИ СКАЛЫ БЫЛ ВЫРЕЗАН ЗНАК! Извилистые линии — результат изучения человеческой психики нечеловеческим разумом. Джемисон замер в ужасе.

«Где я?» — подумал он. После путешествия на Миру—2, он узнал, что эти линии заставляют человека двигаться в определенном направлении. Где же сейчас?

Джемисон не мог побороть в себе желания смотреть на скалу. Его просто тянуло увидеть их еще раз и он был бессилен что-либо сделать.

Пять волнистых линий по вертикали и три горизонтальных над ними — указавших на восток в пропасть. Джемисон двинулся туда. В отчаянии он попытался по дороге ухватиться руками за выступ скалы, цеплялся за край пропасти. Его воля была парализована, и медленно, но верно он сполз вниз. Последняя его мысль была: «РУАЛЫ ВЫЖИЛИ».

Таков был смысл знака. И тогда наступила тьма.

23

Он пришел из далекой Галактики — холодный без жалостный вождь. Вождь вождей. ИЕЛИ, Мишли, Ниин РИА и прочая и прочая… О, велика была его власть над жизнью и смертью подданных, над кораблями Лирда.

Велика была и его ярость, когда он узнал, что его приказ не выполнен. Давно уже приказал он: «Завоевать еще одну Галактику». Но те, кто не были так совершенны преступно медлили. Почему? В чем сила этих двуногих?

Бесчисленными звездолетами, неприступными базами, сильными союзниками, остановившими тех, что обладали более высокой нервной системой.

«Доставить мне живого человека!» — разнесся по всем уголкам Галактики приказ. И человек был доставлен — тупой моряк с захваченного крейсера, с 10 равным 96 и с индексом страха 207. После нескольких по — пыток самоубийства и судорог на лабораторном столе он умер при экспериментах, которые наблюдал сам Иели.

— Это не противник, — сказал он.

— Нам удалось захватить совсем немногих, —

был ответ, — они убивают себя так же, как и мы.

— Значит, среда должна быть другой. Пленный не должен чувствовать себя пленным. Приступайте!

Приказ был выполнен. Иели прибыл к звезде, возле которой появился человек, уже наблюдавшийся семь периодов назад.

— Человек в маленькой шлюпке, — рапортовали наблюдатели, — неожиданно появился из подпространства в районе звезды. Мы считаем, что это идеальная ситуация для эксперимента. Мы не высадили десанта на планету и наше присутствие не обнаружено. Люди уже высаживались на планету. Подопытный высадился на вершине странной горы. Повторяем, что обстановка идеальная для эксперимента.

Пространство вокруг планеты патрулировалось. Иели спустился в маленьком боте, без охраны — он презирал врага. Пролетев над горой, он вывел из строя шлюпку противника, но сам был подбит и выжил чудом. Радио вышло из строя, пища была отравлена.

Эксперимент вышел из-под контроля. Он решил убить человека, завладеть его пищей и выжить до тех пор, пока патруль не спустится за ним.

Сначала он обследовал местность, затем про-

шелся по периметру, наконец вернулся к своему кораблю и на — рисовал на скале символ, подчиняющий человека. Это его спасло, теперь противник «пойман», «связан». Это великолепно, но… и он был в ловушке. Бластеры человека направлены на корабль. Они настроены на автоматический огонь, едва откроется дверь! Он заперт!

Рулл бросился к запасному выходу — но его заклинило! Когда он потерял корабль, ночью, выход был свободен, а теперь нет! Что-то случилось с судном. Он не может выйти как раз тогда, когда это более всего необходимо. Вообще нет необходимости убивать человека сразу. Если рулл получит его пищу, то человека можно оставить в живых. Но пока человек бессилен, нужно найти выход. Чертов случай. Как не любил Иели неожиданностей!

Корабли Лирда непрерывно раздвигали пространство жизни. Существа, жившие на этих территориях, подлежали уничтожению — необходимость в них отпала, когда было создано высшее существо. Они могли создать угрозу для Риа. Случай, вот что было самое страшное для рулл.

Выход нужно было открыть во что бы то ни

стало. Рулл направил в щель луч бластера. Но работать приходилось медленно — то и дело он забирался в защитную камеру и выходил, когда уровень радиации снижался до приемлемого.

Солнце было в зените, когда плита наконец поддалась. Весь в пыли, злой и голодный вышел он наружу. У него пропало желание продолжать эксперимент — нужно было спасать жизнь. Нужно убить человека и съесть его, чтобы выжить до прихода патруля. Дернул его черт так рисковать! Он подполз к обрыву, слез по ступенькам на равнину, но… внизу никого не было. Не было даже следов!

Осторожно, соблюдая дистанцию, подполз рулл к кораблю врага. Защитные мониторы были включены, правда, неизвестно когда, может быть, еще утром. Есть вероятность, что человек свалился в глубокую пропасть и его раз — битое тело лежит в сердце горы. Но скорее всего, он сидит в корабле и поджидает его, Иели. Ведь было же у него время оказаться в безопасности. Теперь рулл ничего не знал о человеке, преимущество было не на его стороне.

Пришлось вернуться на корабль. Голод рос час от часу. Вокруг никого. Так проходили дни.

Джемисон проснулся от боли. Сначала она была

все — поглощающей, перекатывалась от головы к ногам, как волна, но постепенно сконцентрировалась в левой ноге.

Джемисон понял, что растянул связку. Это конечно было не все, но главное. Когда он открыл глаза, то увидел солнце почти в зените. Долго же он лежал тут.

Сначала он бездумно смотрел на солнце, уходившее за нависающий край обрыва, и только когда на него легла тень скалы, он вспомнил, что смертельная опасность исчезла, и это привело его в сознание. Он лежал на краю пропасти на небольшом выступе. Видимо, при падении его нога запуталась в кустах — и это его спасло. Джемисон приступил к штурму горы: поначалу ему помогла шершавая почва и корни растений, но когда до края оставалось всего десять футов, дала о себе знать растянутая связка. Он сделал четыре попытки и каждый раз сползал вниз. Но наконец ему удалось зацепиться за корень и выползти на плато.

Оно расстилалось перед ним совершенно пустынное, без признаков жизни. Только звук его шагов нарушал тишину. На одном его краю виднелась шлюпка. Он направился к ней. Джемисон не знал, что с руллом, и пока нога не заживет, он

вряд ли это узнает.

Он подошел к шлюпке уже в темноте. И сварливый голос встретил его:

— Когда меня накормят? Когда меня вернут домой?

Это был плоянин с его коронным вопросом о возвращении домой.

Накормив его, Джемисон задумался над давно мучившим его вопросом — как объяснить этому наивному существу суть войны? А тем более их нынешнее положение.

— Не сердись, — наконец сказал он, — я верну тебя домой.

Этого было достаточно, и плоянин успокоился.

Между тем Джемисон думал над тем, как использовать плоянина против рулл. Но применения не было. Ну какой вред голодному руллу от того, что противник может контролировать полет его корабля?

24

Джемисон проснулся от биения своего сердца. Подошел к пульту. Радио было мертво, даже фона не прослушивалось. Да и бесполезно оно на таком расстоянии. Он покрутил ручку настройки, зашел в район рулловских частот. Но и здесь молчание. Он отрезан от мира. А что, подумал он, если провести эксперимент. МЫ ОБА ПЛЕННИКИ. Пленники случая, среды, друг друга. И каждый вовсе не обязан совершать самоубийство.

Идеальная среда. Много можно узнать: мотивы действия рулл, почему они уничтожают чужие расы, можно ли ими управлять. Мысль о таком эксперименте не оставляла Джемисона, заставляла его думать.

Иногда он садился у пульта и просматривал окрестности — бесплодную пустыню, скалы, пропасти. Тюрьма. И он пойман в нее. Он, Тревор Джемисон, к чьему голосу прислушивается Галактический Совет! Он находился здесь, в разбитой шлюпке, больной. И готовил эксперимент.

На третий день его нога пришла в нормальное состояние. Он немедленно принялся работать над киноэкраном и закончил его на пятый день. За-

тем написал сценарий и ввел его в запоминающее устройство. Осуществление уже продуманного плана не составляло труда.

Джемисон установил экран в двухстах ярдах от шлюпки, позади деревьев, а рядом положил коробку с едой.

Прошел день, шестой по счету. Наступила ночь.

25

Скользящей тенью прошмыгнул рулл к экрану, единственной сияющей точке в беззвездной ночи Лаэрта—3. Он чуял пищу и одновременно ловушку.

Шесть дней он был без еды. Это отбросило его на несколько уровней назад. Он почти не разбирал цветов, потерял некоторые способности. Нервная система рулл походила на истощенный аккумулятор, от которого один за другим отключались приборы. Он знал, что если еще промедлить, они никогда не подключатся. Он и так превратился в тень. Еще немного, и ему, Верховному Айишу Иели придется покончить счеты с жизнью.

Он пристально смотрел на экран. На нем развертывалась картина всего происходящего на планете с момента, как шлюпка Джемисона покинула борт эсминца. Эсминец ушел к базе. Шлюпка приземлилась на горе. Затем развернулся бой и так далее. Ситуация казалась безнадежной, но экран показал выход. А потом появился рулл, который подошел к ящику, открыл его и поел. Технология была показана детально. Рулл знал, что это ловушка — возможно смертельная — но

делать было нечего. Это был единственный шанс. Неизвестно, сколько будут ждать патрули, до каких пор командиры не посмеют нарушить его приказа. Но они его нарушат, так или иначе. Хотя бы тогда, когда к планете подойдут вражеские корабли. Тогда нарушение будет законным.

И рулл нажал на рычаг, открывающий ящик.

Джемисон проснулся. Ревела сирена. Снаружи была! тьма — до рассвета еще три часа. Сирена обозначала, что ящик с пищей открыт. Она гудела минут двадцать, потом оборвалась. Однако он ошибся в том, за сколько рулл может проглотить три фунта еды.

Двадцать с лишним минут рулл подвергался гипнозу, точно так же, как в лаборатории пленные руллы. Но те по пробуждении убивали себя, поэтому не было никаких доказательств, что руллам вообще можно что-либо внушить. Теперь эти доказательства были.

Джемисон снова лег на койку, улыбаясь. Он был слишком взволнован, чтобы уснуть. Произошло величайшее событие в войне с руллами — его нельзя было не отметить. И Джемисон выпил за удачу.

Каждая раса знала сильные и слабые стороны другой. Но по разному применяли они эти зна-

ния. Руллы; для истребления всех прочих рас, люди для установления хороших отношений с союзниками. Но друг с другом они были одинаково жестоки и беспощадны, и постороннему наблюдателю было трудно отличить их друг от друга. Однако цели людей и рулл разнились, как черное и белое, как тьма от света. И цель оправдывала средства.

Джемисон вернулся в постель и обдумал еще некоторые детали. Ничто нельзя сбрасывать со счетов, нельзя недооценивать рулл. Наконец, он заснул сном человека, принявшего решение.

Утром он надел костюм с электроподогревом и вышел в зябкий туман. Ледяной ветер дул с востока, но он его не замечал. В это утро решалось многое, нужно быть осторожным.

Захватив монитор и бластер, он направился к экрану, стоявшему на возвышении, так что его было видно отовсюду. Джемисон еще раз проверил автомат спуска, поставил другой ящик с едой. На старом ящике что-то блеснуло — поверхность казалась отполированной.

«Странно», — подумал Джемисон и присмотрелся повнимательнее. Металл был покрыт чем-то вроде лака. Он соскоблил немного субстанции и направился к шлюпке.

«Что же это такое? Где я видел подобное вещество?» — думал он. Так он и стоял в замешательстве у люка, пока не увидел рулла.

Едва насытившись, рулл вспомнил все. Он вспомнил свою цель.

Рулл скользил по краю пропасти, выглядывая иногда вниз. До низа было далеко, очень далеко. С Корабля эффект смазывался, пропасть казалась не столь глубокой. Рулл устремился к своему боту, где он почувствовал накануне антигравитационные волны, пульсирующие в одной из плит. Плита крепко была приварена к каркасу. Отсоединить ее было труднее всего. Но он сделал это, и через несколько часов плита со скрежетом отвалилась.

Плита сама по себе была безопасной. Ее мощности не хватало бы даже на то, чтобы подняться над землей. Но все — таки энергия не истощилась до конца. Ее хватит еще на одну попытку. Рулл не сомневался в успехе.

Теперь он жаждал лишь смерти двуногого. Рулл отнес плиту в заросли и сам притаился там. Он был уверен, что убьет человека — ведь на ящике остался лак. Убить было необходимо — под угрозой была не только его жизнь. Не зря человек кормил его, это входило в какой-то эксперимент.

Единственный выход — убить. И рулл ждал.

То, что случилось с Джемисоном, случилось по его вине. Ведь он видел в Службе Безопасности аналогичные вещества. И вот результат, он парализован этим лаком.

Тут-то и появился рулл. Он вылетел из рощи на плите. Джемисон был поражен, ведь в боте не осталось источника гравитации! Там вообще не было никакой энергии! Ошибка! Вот она, ошибка! Вот он, рулл!

Движение плиты было основано на вращении планеты — она летела со скоростью около восьмисот миль в час, то есть с той же, с какой планета вращалась вокруг своей оси. Это было достаточно. Рулл несся к нему. Джемисон поднял бластер, и тут вступил в действие лак. «Не стреляй», — приказал ему внутренний голос. И он не мог выстрелить. Он был парализован. Медленно, очень медленно он поднял бластер. Рулл был на расстоянии десяти футов. Джемисона спасло лишь то, что рулл не учел давление воздуха под плитой. Как падающий лист, накренившись, она пронеслась над Джемисоном, и он выстрелил наконец в нее, расплавив днище. Плита врезалась в кустарник футах в двадцати от него. Джемисон не спешил. Когда он вышел к зарослям, рулл уже

скрылся в роще. Джемисон его не преследовал. Он выволок из кустов платформу и осмотрел ее.

Поразительно, как рулл сумел воспользоваться ею без каких-либо приборов.

«Но раз он все — таки сделал это, — подумал Джемисон, — почему же он не спустился на ней с горы, в лес внизу?» Там была пища и не было людей, но ответ на этот вопрос он получил тотчас, едва прикинул вес плиты. Энергии в ней хватало едва на сто футов полета, а до леса была по крайней мере миля. Джемисон сбросил плиту в ближайшую пропасть и вернулся к шлюпке. Там он исследовал пробу лака… Он не был радиоактивен, но превращал свет в радиомагнитные волны таких частот, на которых работал человеческий мозг. Что же там было записано? Он перевел символы в образы. Они, казалось, вышли из кошмарного сна.

Джемисон снял с полки книгу «Символическая интерпретация подсознательных образов». Открыл главу «Запрещающие символы», найдя там полученные образцы, он прочел:

«Не убивай!»

— Так мне и надо! — громко выругался Джемисон.

— Надо же было мне попасться!

Он не верил себе. Он ведь и в самом деле не хотел убивать. Но рулл не мог об этом знать. Символы подавляли сопротивление даже при смертельной угрозе. Странное дело…

Осталось надеяться, что это последняя ловушка. Рисковать он не имел права. Эксперимент следовало отложить до прибытия «Ориона». Иначе рулл угробит его его же собственными руками.

26

В ночь перед возвращением «Ориона» Джемисон не поставил у экрана коробки с едой. Утром он попытался связаться с эсминцем.

Эфир молчал. Наконец он прекратил бессмысленные попытки, и вышел наружу, чтобы подготовиться к эксперименту. В начале первого он не выдержал и при — ступил к опыту, нажав кнопку излучателя волн, действию которых рулл подвергался уже четыре ночи, потом вернулся в шлюпку и снова слушал эфир. Тут он заметил выскользнувшего рулла.

Взревела сирена и одновременно с ней включился зуммер наручного радиоприемника:

— Тревор Джемисон, говорит «Орион». Мы вас слышали, но не отвечали, так как в окрестностях планеты курсирует целый флот рулловских звездолетов. Через пять минут мы попробуем вытащить вас отсюда. БРОСЬТЕ ВСЕ И ПРИГОТОВЬТЕСЬ.

Краем глаза Джемисон заметил две темные точки в небе. Прямо над ним пронеслись вражеские линкоры. Ураганные ветры повалили Джемисона на землю, и он ухватился за ветки кустов. Линко-

ры сделали крутой поворот и понеслись прямо на него. Джемисон приготовился к смерти. Но удар был предназначен не ему. Его шлюпка взлетела в воздух и свалилась в пропасть. Ударная волна прижала Джемисона к земле, едва не порвав ему барабанные перепонки.

Появился третий корабль, но не успел Джемисон определить, чей он, корабль снова исчез. Включился наручный приемник:

— Мы бессильны. Держитесь. Четыре наших линкора и эскадра дерутся с врагом, пытаясь заманить его к ближайшей звезде Бьянке, где находится наш флот, и тогда о…

Вспышка далеко оборвала передачу. Прошла минута, прежде чем Джемисон услышал взрыв. Звук постепенно замер. Наступила тишина, в которой таилась угроза.

Джемисон поднялся. Нужно было спасаться. Он и не помышлял раньше о таком исходе. Шлюпки не было. Он был один на краю пропасти. Мозг работал на полную мощность. Он понял, что руллы преследовали не его. Они просто сделали разведку и заодно уничтожили шлюпку. Пока они не вернулись, ему надо сделать все, чтобы вы — жить и выполнить задачу.

Шатаясь и падая, побрел к кустам. За ними был

рулл. Его рулл обучался тому, чему хотел обучать его Джемисон. Джемисон мог контролировать изображение, отбрасывая ненужную информацию — времени было мало. Темп фильма то замедлялся, то ускорялся, рулл то отскакивал, то подползал к экрану.

Идея эксперимента была проста. Еще в XX веке русский ученый Павлов создал теорию рефлексов. В его опытах собака получала пищу по звонку, и вскоре пищеварительная система выделяла желудочный сок тоже по звонку, независимо от того, кормили собаку или нет. Тогда эта теория не могла делать того, что сделал сейчас Джемисон — обучать существо чужой расы. Но как мало времени было отведено ему! Промедление смерти подобно…

Вперед, назад, вперед, назад, вперед — диктовал ритм. Рулл не мог обратиться в бегство, так же как собаки Павлова не могли не выделять сок по звонку. Джемисон диктовал руллу задачу, которую предстояло решить им обоим. Трехмерное изображение рулл сменилось изображением человека. Джемисон добился того, что рулл потерял свою агрессивность и не мог убить себя.

Осталась еще одна задача. Хватит ли времени… Но другой такой возможности у него не будет ни-

когда! У Джемисона не было выбора. И он успел. Цель была достигнута.

Джемисон потратил десять минут на то, чтобы передать по радио свое сообщение. Но ответа не последовало. Сделав все, что было в его силах, Джемисон вместе с руллом подбежал к обрыву. Он взглянул вниз и содрогнулся. Но… ведь целый флот руллов бродит в окрестностях планеты.

«Быстрее», — приказал он себе.

Он спустил рулла на первый уступ, обвязался веревкой, вбил крюк в край обрыва и рулл спустил его к себе. Потом Джемисон спустил рулла еще ниже, а тот спустил, его и так далее. Они были соединены одной веревкой, переброшенной через крюк, который Джемисон каждый раз вбивал все ниже.

Начинало темнеть. Джемисон устал. Он уже не надеялся спуститься до ночи. Но рулл смотрел на него все пристальней, гипноз терял над ним власть. Особенно это было заметно, когда они находились на одном уровне.

В четыре часа пополудни Джемисон решил сделать привал. Он рухнул на землю. Небо над ним было чисто и безоблачно. Ни за что бы он не поверил, что там, в глубине, развернулась самая крупная битва за последнее десятилетие. Нужно

отдать дань пяти земным кораблям — ни один рулловский корабль не спустился на Лаэрт —3 за руллом. Впрочем, возможно, они хотят соблюсти конспирацию…

Джемисон прикинул пройденное расстояние — около двух третей. Рулл смотрел вниз в долину. Джемисон тоже взглянул туда. Там внизу стоял лес, лес без конца, лишь в одном месте рассекаемый рекой.

И снова спуск. В половине седьмого они оказались в 250 футах от поверхности. Это можно было преодолеть разом, но нужно было освободить рулла, чтобы самому не пострадать. Джемисон повелительно махнул рукой вниз и взял в правую руку бластер. Рулл спустился и бросился к ближайшим деревьям.

Он немного подождал, потом спустился сам, причем сильно поранил руки о веревку. Пальцы стали какими-то серыми и выглядели в полутьме очень нездоровыми. Он побледнел. Это дело рук рулла!

Острая боль пронзила его тело. Задыхаясь, он выхватил бластер, чтобы застрелиться, но не успел. Рука замерла на полпути. Джемисон рухнул на землю и потерял сознание. Канат был отравлен.

Иели скользнул к Джемисону и схватил его бластер. Он подождал до конца за деревьями. И вот он выиграл, все — таки выиграл! Рулл нашел ключ от шлюпки, и через несколько минут мощная радиостанция передала приказ флоту рулл.

Джемисон лежал на столе внутри странной комнаты с отверстиями на уровне пола и нечеловеческой формы дверьми. Джемисон понял, что он внутри рулловского звездолета. Он не знал, куда направляется звездолет, но скорее всего не к Земле.

Его ничто не привязывало к столу, но двигаться он не мог. Вверху на потолке был расположен источник гравитационных волн, придавливающих его к столу.

Джемисон приготовился умереть. Он представил себе, каким пыткам его подвергнут. Было давно известно, что если вжиться в образ, представить себе пытки наяву, то без особых усилий можно покончить с собой, остановить сердце.

Как раз этим он и занимался, когда над его ухом раздался голос:

— Ну когда же наконец меня вернут домой?

Это снова был плоянин, который уцелел при падении и перебрался в рулловский корабль.

Джемисон спросил тихо:

— Ты можешь сделать кое-что для меня?

— Ну конечно, — ответил плоянин.

— Войди в этот ящик и замкни энергию на себя.

— Готово.

Источник гравиволн был выведен из строя. Джемисон сел.

— Ты ознакомился со звездолетом?

— Да.

— Есть здесь центр, где сходятся все энергоприводы?

— Да.

— Войди туда и снова замкни все на себя. Потом возвращайся.

— Вы так добры ко мне, — ответил плоянин.

Джемисон вскочил на пластмассовый квадрат. 200 000 вольт пронизали корабль.

— Готово, — доложил плоянин.

— Сколько рулл выжило?

— Около ста.

Джемисон объяснил плоянину схему радиорубки и закончил так:

— Замыкай ток каждый раз, как кто-нибудь подойдет к ней. Ясно? Сообщай мне, если кто-нибудь попытается сделать это. И не замыкай ток без моего раз — решения, — добавил он.

— Хорошо, — ответил плоянин.

Джемисон имел преимущество перед выжившими руллами — он мог передвигаться по кораблю и знал, когда нельзя прикасаться к металлу. Джемисон прошел в цейхгауз и поработал там резаком. При выходе к нему при — соединился плоянин.

— Сюда идут руллы. Нужно уходить.

Они направились к ближайшей шлюпке, и через пять минут был в космосе. Главные орудия судна были выведены из строя, оно было беспомощно. Но на борту своего крейсера он очутился лишь через пять дней.

Иели не было на звездолете, который вез Джемисона, и он уцелел. Ему доложили о происшедшем. Свита считала, что виновники подвергнутся суровому наказанию, но Верховный рулл сказал:

— Да, это действительно сильный враг. Он слишком опасен, — он вспомнил неделю позора на Лаэрте —3. Кажется, это первый случай, когда Нин Риа лично посетил линию фронта!

Это было так. Вся Риа с трепетом и ужасом ожидала новостей с передовой.

Верховный рулл продолжил:

— Мне кажется, что мы ошиблись. Враги скрыли многие свои качества и особенности. Война

слишком затянулась. Центральный Совет должен пересмотреть стратегический план. Конечно, постепенно, но придется свернуть военные действия и перенести внимание на другие Галактики.

А далеко от него Джемисон в свою очередь рапортовал Галактическому Конвенту:

— Это был, вероятно, очень важный деятель среди рулл. Я добился успеха с помощью гипноза. Мне удалось внушить ему, что руллы нас недооценили, и что они должны прекратить войну.

Но прежде чем война кончилась, прошли годы. А пока все были восхищены тем, как эзвал сумел установить контакт с новым союзником — плоянином, оказавшим людям бесценную помощь. Это привело к новым контактам между расами. Решением Конвента за выдающиеся заслуги перед человечеством Джемисону было присвоено звание «ПОСОЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». Он вернулся на планету Карсона с неограниченными полномочиями. Впоследствии легенды передали слово посол так, словно Джемисон был послом человечества у рулл. Но это, в конце концов, было неважно; главное, что галактическая война с руллами была выиграна.

Крылатый человек

Глава 1

Камнем упав из темноты на нижнюю палубу, огромная птица пронеслась над субмариной с носа до кормы всего в десяти ярдах от бортового клюза. Она была гигантских размеров, и Кенлон, заметивший непонятное движение на фоне облачного неба, обернулся, успев разглядеть, как она отворачивает в сторону и быстро исчезает во мраке.

Кенлон недоуменно взглянул на рулевого Рейхерта, но тот, казалось, не обратил внимания на пролетевшую странную птицу, занятый электроштурвалом. Кенлон снова посмотрел в ту сторону, куда улетела птица.

— Не туда летишь, пташка, — пробурчал он под нос.

— Если хочешь жить, не стоит мчаться прямиком в Токио. Факт… — Он замолчал, нахмурившись. «Странно, — подумал он. — Странно!» — и достал ларингофон из водонепроницаемого ящичка.

— Теддерс на связи, — раздался голос лейтенанта Теддерса.

— Это я, — отозвался Кенлон. — Никак не могу

сообразить, далеко ли от нас земля.

— Сэр, вы лишили меня сна, — негодующе бросил Теддерс.

— Первого спокойного сна за неделю!

Кенлон усмехнулся. Среди экипажа давно и неизменно разыгрывалась лотерея, которую должен выиграть тот, кто первым застукает Теддерса спящим на дежурстве. Никто и никогда не видел его дремлющим на вахте — третий офицер «Морского Змея» обладал удивительной способностью просыпаться за несколько секунд до вызова.

— В ответ на ваш запрос, мистер Кенлон, — закончив причитать, проворчал Теддерс, — могу сообщить: Тихий океан наибольший в обоих земных полушариях, и боевой корабль военно — морских сил Соединенных Штатов, вышедший с базы в дальний поход, находится сейчас в двух тысячах миль от ближайшего атолла. Поражает воображение, не правда ли? Возможно, я немного и преувеличиваю…

— Поразите меня и дальше, — подбодрил его Кен — лон, — а заодно освежите свои и мои познания. Напомните, какие крупные птицы в состоянии одолеть двадцать четыре сотни морских миль?

— Я… ну… альбатрос… — Теддерс запнулся.

— Дальше, дальше, — подстегнул его Кенлон.

— Послушайте, — раздраженно отозвался Теддерс, — мы знакомы с начала Корейской войны, и вам отлично известно, что я мог бы уютно сидеть в кресле «Каррузерс, Каррузерс, Тэйт и Каррузерс» — фирмы отнюдь не орнитологической. Никто не в состоянии дать мне разумное объяснение, почему я после окончания войны решил остаться на службе и провести жизнь в механической канализационной трубе под морем, выслушивая идиотские…

— Альбатрос… — задумчиво повторил Кенлон. — Пташка с размахом крыльев в двенадцать — четырнадцать футов?

— Вот именно.

— С длинным сильным клювом, загибающимся на конце крючком?

— Надо же!

— С четырнадцатью перьями в хвосте и очень узкими крыльями?

— Вы случайно не перегрелись?

— Это не он, — объявил Кенлон. — Я видел: размах крыльев футов восемнадцать, да и сами крылья широкие…

— Может быть, патриарх альбатросов?

— …без клюва и вообще без хвостового опе-

рения, — продолжал Кенлон, — и тело кажется невероятно большим даже для таких крыльев. Вопрос: дорастают ли летучие мыши до размеров самолета?

— Вопрос, — подхватил Теддерс, — сходят ли первые офицеры с ума от того, что каждую ночь проводят на палубе, или от того, что много времени проводят под палубой с тайным запасом виски?

Никогда не пивший Кенлон нахмурился, понимая, что не стоит обижаться, так как сам начал эту сцену, но сказал резко:

— Я продолжу наблюдения, мистер Теддерс, но на сей раз в бинокль.

Прервав связь, он поднял бинокль и стал вглядываться в ночное небо. В той его стороне, где исчезла птица, облака сгустились, но на юго-западе, где за белыми полосами плыла луна, проглядывали клочки темного неба с мерцающими звездами. Кенлон подумал, что там, на высоте, ветер, должно быть, ужасный. Потом луна вдруг вплыла в одно из темно — синих окон и ее свет заструился из быстро расширяющегося отверстия. Проникшие через этот увеличивающийся туннель белые лучи ночного светила омыли субмарину и зажгли в бурлящем темном море

дорожку света.

Какая-то тень промелькнула по лику луны. Отвернувшийся было Кенлон снова взглянул вверх и, задохнувшись, сжал руками поручень.

На фоне луны четко вырисовывалась фигура чело — века с крыльями. Крылья были развернуты лишь частично и не двигались. Человек парил — темный силуэт в небе. Возможно, он смотрел вниз на Кенлона.

На одно долгое мгновение эта картина словно застыла в ночи, затем ноги существа раздвинулись, и тело потеряло человеческие очертания. Огромная птица выскользнула из лунного света во всеокутывающую темноту.

Шли минуты. Длинный корабль плыл, свистя турбинами — чудовище, устремленное в темное море. Атомная сила вращала турбины, толкая субмарину вперед.

Из люка высунулась голова.

— Разрешите подняться, мистер Кенлон? — спросил Теддерс.

Кенлон кивнул.

— В чем дело?

— Я тут думал, — начал Теддерс, — о птицах с восемнадцатифутовыми крыльями и офицере по имени Уильям Кенлон, славящемся тем, что ско-

ропалительные решения так же далеки от него, как оценки профанов, считающих, что «Морской Змей» длиной в милю. И еще я подумал, неужели парень по имени Теддерс не в состоянии понять, когда разговор серьезен, а когда нет. — Он помолчал. — Вы действительно видели эту птицу, сэр?

Это было извинение, означавшее, что слова Кен — лона в конце разговора выдали его раздражение.

Кенлон колебался, подбирая в уме слова, которыми мог бы описать свое последнее видение, и чуть покачал головой.

— Слишком темно, — сказал он, наконец. — Я не знаю наверняка, но все же у меня сложилось такое впечатление.

— Я полный профан в воздухоплавании, — заметил Теддерс.

— Правда, я чуть было не поступил в ВВС… «Чуть» означает, что меня завернули из-за плоскостопия. Но может быть, это действительно был маленький тихоходный самолет? Многим, наверное, интересно, что мы тут делаем.

Кенлон ответил не сразу. И не потому, что Теддерс убедил его. Кенлон напряженно спрашивал себя: «Что я видел? Неужели человекоподобную птицу с восемнадцатифутовыми крыльями?»

Мысль была совершенно дикой, и Кенлон лишь мельком подумал о трудностях создания такого летающего механизма.

Он вышел из краткой задумчивости, решив сказать по возможности меньше, и, усмехнувшись, глянул на Теддерса.

— Какой самолет доберется сюда? — недоверчиво заявил он. — Не говоря уж о том, что любой самолет засекли бы наши локаторы, но ничего подобного не про — изошло. Видимо, только я один…

— Мистер Кенлон! — сказал вдруг Рейхерт.

Кенлон оглянулся.

— Да? — бросил он.

— Вы посылали кого-нибудь на фордек, сэр?

— Что я?.. — не понял Кенлон.

Он обернулся, затем спрыгнул на палубу и рысцой помчался к сидевшему на носу силуэту. Где-то позади Теддерс выкрикивал в люк приглушенные команды.

Когда Кенлон приблизился, существо подняло лицо. Его огромные глаза сияли в темноте, как тусклые алмазы. Было слишком темно, чтобы различить черты лица или даже контуры тела.

Существо держалось за что-то вроде металлической жестянки из — под торта на фордеке

«Морского Змея». Жестянка поблескивала, тускло отражая свет вновь выглянувшей из-за туч луны. А над ней возвышался человек с огромными крыльями.

Он не двигался. С каким-то отчаянием он вдавливал свой непонятный предмет в металл субмарины.

Кенлон перескочил через низкий поручень и, ухватившись для поддержки за флагшток, ударил пришельца.

Кулак погрузился в легкое, пушистое на ощупь тело, которое отпрянуло от удара, а затем рванулось вперед. Сильные руки схватили Кенлона и рванули через поручень на безопасную палубу.

Существо последовало за ним, колотя крыльями воздух. Вспыхнул прожектор.

Кенлон ни о чем не думал. Он дрался, боролся с этим человеческим телом, легким, но таким же сильным, как и он сам. Огромные крылья отчаянно били его по голове. Вдруг чужак вырвался.

В пробившемся лунном свете Кенлон успел рассмотреть худое, напряженное лицо с человеческими губами, чуть оскаленными, обнажающими белые зубы. Потом стройная тень взмыла над ним, замерев на какую-то долю секунды в луче прожектора. Затем, скорее, чем успел среагиро-

вать прожекторист, она отскочила в сторону и исчезла во мраке ночи.

За спиной Кенлона загрохотала пушка, посылая снаряды в темноту.

Глава 2

Дела складывались не лучшим образом. Похожий на тарелку предмет неколебимо прилепился к броне фордека.

Вспотев, Кенлон поднял взгляд на капитан-лейтенанта Джонса — Гордона, стоявшего на коленях возле флагштока и державшего крепкими пальцами запястье Кенлона, пока тот работал левой рукой, стараясь оторвать непонятный предмет.

— Как по — вашему, сэр, — спросил Кенлон, дрожа от возбуждения, — паяльная лампа его не сожжет?

— И кто этим займется? — скучно осведомился командир. — А вдруг это бомба?

Невероятно, но Кенлон даже не подумал о бомбе. В возбуждении он забыл обо всех необходимых предосторожностях. Он почувствовал, что краснеет, и с ужасом уставился на странный предмет, сразу вспомнив, что он человек женатый, имеет сына и вовсе не собирается кончать жизнь самоубийством.

Эта мысль на долю секунды потрясла Кенлона, но он справился с собой и, взглянув в глаза Джонсу — Гордону, сказал с мягкой улыбкой:

— Я ведь уже здесь, сэр, и сделаю все необходимое.

— Он обернулся и повысил голос: — Рейхерт, принеси паяльную лампу и канатный подмоет. Возьми пару человек на подмогу. Быстро!

— Слушаюсь, сэр.

— Оно явно непохоже на бомбу, — задумчиво произнес командир. С квадратной челюстью и теплыми си — ними глазами, он казался совсем молодым. — И кроме того, по-моему, оно слишком маленькое, чтобы причинить серьезное повреждение. Впрочем… Идите — ка сюда, мистер Кенлон.

Кенлон не успел ничего сообразить, как Джонс — Гордон рывком втянул его через поручень Все произошло так быстро, что лишь тренировка моряка позволила Кен — лону устоять на ногах.

— Хорошо, что я не лег спать, — неулыбчиво сказал командор. — Я бы не поверил, если бы не увидел собственными плазами. Билл, что это было?

— Человек с крыльями, как у птицы, — начал было Кенлон и сбился. Какие-то совсем не подходящие слова мелькали в голове, а в теле подсознательно росло напряжение. Он тихо повторил: — Человек с крыльями, сэр… Мы, должно

быть, рехнулись.

Искоса Кенлон поглядывал на банку из-под торта — «бомбу», оставленную непонятным существом, и его настойчиво преследовала мысль, что если во всем этом и есть безумие, то только не у экипажа «Морского Змея».

— Возникает несколько вопросов, — снова заговорил Джонс — Гордон. — Откуда оно… гм… взялось? Что оно такое? Каковы его намерения? И где оно сейчас?

Вопросы так и остались без ответа, поскольку подошли Рейхерт с двумя помощниками, нагруженные всем необходимым. Кенлон, не медля, свесился за поручень.

— Между прочим, оно прозрачное, — лишь сейчас, в свете паяльной лампы, он заметил это, — и внутри напоминает причудливо собранную радиоустановку. Давайте — ка сюда Маккрая.

Командор не возражал. Пока они ждали, у Кенлона было время ощутить всю необычную жутковатость этой сцены на подводной лодке посреди Тихого океана. Прожектор выключили, и в темноте, нарушаемой только осторожным светом фонариков исследователей непонятного предмета, субмарина казалась призраком. Она сбавила ход, и ветер, дававший возможность

почувствовать движение, прекратился, стало жарко. А здесь, над бездной моря, казалось даже жарче, и, как всегда ночью, пространство вокруг выглядело безграничным и черным.

Здесь был один мир, а где-то вверху, в облачном небе — другой, где непонятное существо летело сейчас к кораблю, из которого, видимо, и появилось. «Хотя, — подумал Кенлон, — возможно, никакого корабля и нет».

Он вздохнул.

— Командор, вам не кажется, что у этого существа просто нет иного способа достичь земли, кроме как на нашей субмарине?

Странно, но он не сомневался в одном — крылатый вернется.

Маккрай осторожно склонился возле Кенлона к «жестянке из-под торта». Невысокий, коренастый, он повернулся к старшему офицеру и тихонько проворчал:

— Если бы мать видела сейчас своего сыночка. Как смело я стою перед неизвестной опасностью… Так, держите фонарик под углом, мистер Кенлон. Посмотрю с этой стороны.

Кенлон молча повиновался.

— Определенно не бомба, — пробормотал Маккрай.

— Электроника… Олл райт, аккумуляторная пластина… Гм, вот эти соединения не вызывают у меня никаких ощущений… Во! — прервал он сам себя.

— Что? — быстро спросил Кенлон.

— Да маленькая трубка висит в пустоте. Ни с чем не соединена. Посмотрите, мистер Кенлон, не спятил ли я? Вот тут, справа, то есть, извините, от вас — слева.

Кенлон наклонился, но прежде чем успел хорошенько все рассмотреть, их резко окликнул капитан-лейтенант:

— Мистер Маккрай, а нельзя ли это использовать как маяк, чтобы нас могла засечь вражеская субмарина?

На первый взгляд это был дурацкий вопрос. Но про — звучал он совсем не глупо, и Кенлон понимал это.

Кое-кто из команды видел существо мельком и на расстоянии. Но он-то дрался с ним, он чувствовал нежную пушистую шкуру, огромные *живые* крылья били его по голове, он держал в руках сильное, но легкое тело крылатого весом не более тридцати пяти фунтов.

А они уже начинали искать какое-нибудь разумное объяснение, что-нибудь, что можно по-

догнать под сей невообразимый факт. Вроде того, что такое существо могло жить 10 000 лет назад, или его создали для военных нужд сейчас, когда народы с подозрением относятся друг к другу.

Но за всю свою недолгую жизнь Кенлон не встречал ничего подобного и не мог объяснить, что это такое.

Он услышал, как Маккрай сказал:

— Здесь нет никакого источника питания, сэр. Ни батарей, ни чего-либо подобного. Я вообще не понимаю, как это можно использовать.

Командор принял решение.

— Хорошо. Мистер Маккрай, возвращайтесь вниз. Мистер Кенлон, я хочу поговорить с вами. Пали, — обратился он к одному из помощников Рейхерта, — зажигайте лампу и постарайтесь оторвать эту штуку от палубы, только смотрите, не уроните в море. Мэнсон, держите Пали за руку.

Оба матроса принялись за дело.

Когда они остались одни на судовом мостике, командир хмуро сказал:

— Для чего ему нужно было задерживаться, да еще драться с вами несколько минут?

На этот вопрос у Кенлона не было ответа.

— По-моему, он хотел выиграть время, сэр, — отозвался он.

— Для чего?

— Он хотел закрепить… э — э… ну… эту штуку на фордеке. Нужно было время для спайки, или как это там называется.

Командор усмехнулся.

— Звучит вполне правдоподобно, — согласился он, — только слишком уж рискованно. Хотя, — добавил он, подумав, — нам все равно не удалось его схватить.

Воспользовавшись темнотой, Кенлон внимательно посмотрел на Джонса-Гордона. Он всегда считал капитана сверхделовым человеком, а как морской офицер он был просто эталоном. И сейчас та мысль о дурацком вопросе командира растворилась в осознании того факта, что капитан-лейтенант находится в страшном напряжении, терзаясь мыслью, как обеспечить безопасность корабля. В сложившихся обстоятельствах от него всего-навсего требовалось предугадать, не приведет ли происходящее к катастрофе.

— Если у вас есть какие-нибудь предположения, — продолжал Джонс-Гордон, — то выкладывайте.

Кенлон пожал плечами.

— В первую очередь, надо оторвать эту штуку

от палубы. Провозимся, наверное, всю ночь. И нам сильно повезет, если удастся поймать того крылатого. В противном случае, — он поджал губы, — нам лучше и не докладывать о случившемся.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, лейтенант, — сухо прозвучал в ночи голос командора. — Я… — Он замолчал. — Что, Мэнсон?

— Пали просит передать, сэр, что паяльная лампа не берет эту хреновину, и даже не размягчает металл вокруг. Он хочет узнать, что делать дальше.

«Вопрос вопросов», — подумал Кенлон.

Ночь близилась к концу. «Морской Змей» вновь набрал крейсерскую скорость. Тихо рокотали турбины, шипела вода. Кенлон озабоченно всматривался в просветы между тучами, откуда проглядывала луна.

Но облака нависали плотной, темной массой, иной раз до того ослабляя видимость, что почти невозможно было разглядеть Рейхерта, стоявшего в пяти футах — только его силуэт. И если кто-то ходил по палубе…

Кенлон вздохнул Желания зажечь прожектор у него было не больше, чем у Командора, но лишь это дало бы возможность видеть всю палубу

субмарины.

— Мистер Кенлон?

Кенлон вздрогнул. Он не расслышал, как капитан поднялся из люка. Он отдал честь.

— Да, сэр?

Джонс — Гордон подошел к поручням и стал рядом.

— Я думал над вашими словами, Билл, как сорвать эту штуку со шкуры нашего «Змея».

Кенлон молчал.

— Первейшая задача каждого из нас — привести корабль на базу. А сейчас случилось беспрецедентное — человек летает на крыльях.

Кенлон сам уже битый час обдумывал все это, так и не рискнув сделать вывод. Он промолчал, но почувствовал, что его уважение к капитан-лейтенанту еще больше возросло — не каждый может сохранить самообладание в такой ситуации.

— Билл, — продолжал его собеседник, — стоит ли нам по прибытии на базу давать письменные показания под присягой обо всем случившемся? Конечно, нам поверят. Четверо высших офицеров новой субмарины, гордости нашего флота, не могут свихнуться одновременно.

— Отлично, сэр, предположим, мы возвращаемся с этой жестянкой на носу и наш рассказ

принимают за чистую правду. Знаете, что произойдет потом? — Кенлон обдумывал и это в течение всего последнего часа. — Ученые распнут вас, капитан, нашпигуют ядовитыми репликами, считая задубелым моряком без воображения, обычным солдафоном, привыкшим к повиновению, за то, что мы ушли, не исследовав феномен до конца. Хотя командование, разумеется, встанет на вашу защиту и объявит, что вы действовали абсолютно правильно, заботясь в первую очередь о безопасности корабля. Время от времени загадка крылатого человека будет будоражить газеты, особенно воскресные приложения, где действия капитан-лейтенанта Джонса — Гордона будут находить предосудительными. И скорее всего, при присвоении очередного чина вас пропустят, сэр, подсознательно придерживаясь мнения, что вы не справились с непредвиденной ситуацией.

— Ваши мысли в точности отражают мои, — мрачно произнес Джонс — Гордон. — Кенлон, мы должны поймать это существо. Откровенно говоря, я не знаю, как это сделать и насколько оно может оказаться опасным. Я уже отдал приказ — парни вытащат наверх нечто вроде сетей…

Громкий крик донесся с кормы, раздался выстрел, потом начавшее уже сереть небо над

боевой рубкой заслонили огромные крылья, поднимая довольно сильный ветер. Рейхерт дико завопил, но его перекрыл рев командора:

— *Огонь!* Но в следующее мгновение крылатый был у них в руках, хотя никто не назвал бы его поимку победой. Он просто сел среди них, и люди тут же набросились на него. Кенлон завернул за спину одну несопротивляющуюся руку и поймал крыло, думая только о том, чтобы не дать крылатому вновь подняться в воздух.

Но тот даже и не пытался. В следующую минуту люди с сетями гурьбой вывалились из люка и вмиг опутали непонятное существо. Понадобилась еще минута, чтобы втащить пленника в люк, и затем…

Кенлон в одиночестве стоял рядом с Рейхертом. Немного придя в себя, он крикнул вниз на палубу:

— Что произошло, Джонстон? Почему стреляли?

— Я увидел, как он прицепился к корме, сэр.

— Что?!

— Не знаю, сколько он там проторчал, сэр.

Пытаясь взять себя в руки, Кенлон сбежал на палубу. Его фонарь вспыхнул. Это было то, чего он опасался. К корме была прикреплена точная

копия жестянки на носу.

Глава 3

Позвонив по телефону, Кенлон попросил Теддерса вы звать командора. Через минуту в трубке раздался голос Джонса — Гордона. Кенлон рассказал о находке и закончил со всем спокойствием, с каким еще мог держаться, невзирая на расходившиеся нервы:

— Очевидно, сэр, он закончил свои дела, а затем, поскольку на две тысячи миль вокруг нет земли, сдался нам.

Ненадолго воцарилось молчание.

— Я посылаю наверх Теддерса, мистер Кенлон, — сказал, наконец, капитан — лейтенант. — А вы спускайтесь сюда. Возможно, ваше знание языков поможет разобраться, чего хочет наш крылатый приятель.

Внизу Кенлон увидел ошеломительную сцену. Человек-птица был освобожден от пут и уже успел пригладить взъерошенные перья. Он стоял у комплекса перекрестного огня торпедного отсека лицом к своим захватчикам. При взгляде на него Кенлон забыл обо всем. Видимо, на все его предыдущие размышления повлияла ночь, раз он убедил себя, что успел привыкнуть к про-

исходящему.

Но здесь, в ярком свете ламп, невероятность и невозможность случившегося казалась еще более отчетливой. Огромным усилием воли он взял себя в руки.

Ростом существо было ниже, чем ему показалось на палубе — не выше пяти футов. Грудь его выглядела обезображенной — узкая, выдающаяся вперед, как у птицы. Но в основном тело ничем не отличалось от обыкновенного человеческого.

Как Кенлон ни старался, ему не удалось разобрать, где крылья сливаются с телом. Сами крылья были немногим больше восьми фугов каждое и, свернутые сейчас вдвое, выступали всего фута на два над головой существа. Они были серые с красно — синими прожилками. Серовато — белое тело покрывал пушистый наряд, а на белом, выглядевшем очень чутким и восприимчивым лице мерцали огромные глаза.

Кенлон с трудом заставил себя перестать пялиться и рывком повернулся к капитан-лейтенанту.

— Сэр, как быть с теми двумя жестянками?

— Я приказал сбить их снарядами, — кратко ответил капитан. — Скоро услышим выстрелы.

Кенлон было задумался, совершенно не удо-

влетворенный словами командора, но тут до него дошло, что Джонс — Гордон продолжает говорить:

— ...мы уже испробовали семь языков и все впустую.

Кенлону не нужно было спрашивать, какие семь языков они испробовали, пока он был наверху. Джонс — Гордон, хотя и слабо, владел французским и немецким, а среди команды имелось пять натурализованных иностранцев: грек, поляк, датчанин, русский и испанец.

Стало быть, немецкий и французский Кенлона от — падали сразу. Оставались японский, кантонский диалект китайского, итальянский и арабский.

Кенлон начал с японского, как всегда, запинаясь и мекая. Ответ на его усилия последовал сразу и поразил его. Он прозвучал плавно и музыкально, чисто и четко артикулированный высоким мелодичным тенором.

Кенлон не стал тратить время на остальные языки: ни один из них явно не подходил к языку крылатого. Вместо этого он достал блокнот и, ломая карандаши и разрывая бумагу, быстро набросал грубое изображение субмарины, затем пририсовал в нужных местах две жестянки и

указал на них стрелками.

Крылатый взял у него блокнот, взглянул на рисунок и кивнул с едва заметной усмешкой. В его усмешке было заметно какое-то волнение, и это встревожило Кенлона больше, чем все уже случившееся. Ему вдруг показалось, что крылатый издевается над ними, и он ничего не мог с этим поделать.

Но такое впечатление длилось не больше секунды — крылатый потянулся к карандашу. Кенлон отдал карандаш и смотрел, как тот быстро и искусно чертит на бумаге.

Когда он закончил, Джонс — Гордон взял блокнот, посмотрел и, нахмурясь, показал его Кенлону. Теперь на листе бумаги были изображены две субмарины, причем вторая, нарисованная крылатым, была намного лучше схематичного наброска Кенлона.

И вопреки почти абсолютному сходству, Кенлона упорно терзала мысль, что их уведомляют о находящейся поблизости второй подводной лодке.

Лишь через некоторое время он обратил внимание, что открытый на его наброске люк закрыт на рисунке крылатого.

— Сэр, — Кенлон чуть не задохнулся от удив-

ления, — по — моему, он хочет, чтобы мы задраились.

Крылатый опять потянулся за блокнотом. Шкипер осторожно отдал его, и существо тут же принялось быстро орудовать карандашом. Теперь всякий намек на улыбку исчез с его тонких, резких черт лица — оно стало сосредоточенным, напряженным и, закончив, он так быстро протянул блокнот командору, что со стороны могло показаться, будто он швырнул его.

Теперь рисунок изображал срочное погружение субмарины. Офицеры недоуменно посмотрели друг на друга.

— Я думаю, сэр, мне лучше подняться на палубу и помочь Теддерсу, — неуверенно проговорил Кенлон.

Джонс — Гордон не возражал, И Кенлон был уже у двери, когда ему в лицо полыхнула вспышка света. В *лицо,* хотя перед ним был сплошной металл двери. Свет лился сквозь нее.

В один неосознанный миг в голове Кенлона вспыхнула догадка. К тому времени он уже добрался до выходного люка.

Жестянки! Жестянки зажглись! И яркость их света такова, что он проникает через четыре водонепроницаемые переборки!

Вот оно! Предполагаемые перемены!

Снаружи темнота отступила. Луна стала большим бледным шаром в ширящемся бассейне синего неба. На несколько миль вокруг было видно море — черное, волнующееся поле с полосами пены, то тут, то там возникающими на его темном бархате.

И на том же фоне черного бархата субмарина, как ярко светящийся кит, шла вперед, оставляя за собой пенящуюся дорожку кильватерного следа, поднимавшегося и опускавшегося на волнах.

В носовой части четыре серебристых в этом сиянии силуэта наводили 111 — миллиметровую пушку. Орудие было почти готово открыть огонь.

Кенлон неуверенно оглянулся на люк и страшно удивился, что никто не последовал за ним. Он заколебался, мгновенно вспомнив рисунок крылатого, но времени для сомнений не оставалось.

— Старшина Рейхерт, — распорядился он, — перенести управление в боевую рубку.

— Есть перенести управление в боевую рубку, сэр!

Кенлон спустился вниз вместе с Рейхертом, придирчиво проследив, как тот умело обращается с электрическими запорами механизмов, затем

снова поднялся наверх и спустился на палубу.

— Лейтенант Теддерс, — выкрикнул он. — Готовы? Огонь!

Красная вспышка и резкий, громкий взрыв, чуть приглушенный стуком турбин. Взвизгнула по броне палубы металлическая дробь отдачи. Ствол орудия ушел вправо.

— Промах! — простонал Теддерс.

— Нет, — оборвал его Кенлон, — вы не промахнулись. Я сам видел разрывы, просто жестянка отразила их. — Он в бешенстве отвернулся, подумав: «Неужели мы не в силах сбить ее?», и постарался взять себя в руки.

— Поспешите с орудием. Я буду корректировать огонь сам. Попытаемся сбить эти «лампы». Снаряды взорвались, просто мы выпустили их маловато.

Он следил, как потные, испуганные люди наводили орудие. Они казались скелетами.

Свет «ламп» пылал сквозь них.

И в то же время не ослеплял.

Он пронизывал тела людей, орудие, которое они заряжали, боевую рубку. Белый, неистовый свет. Кенлон инстинктивно прикрыл глаза рукой, увидел кости и сухожилия руки и пальцев, а затем…

Затем он, ошеломленный, забарахтался где-то в глубине теплого моря.

Глава 4

Кенлон задержал дыхание. Горло пылало от проглоченной воды. Тело сотрясал кашель, с которым он с трудом справлялся, не желая захлебнуться. И в то же время он чувствовал, что мчится вверх. Теперь он осознанно начал рваться вверх, вверх, вверх. И даже сейчас, в конвульсивной агонии, его не отпускала мысль: «Что случилось? Что могло произойти?» Он вырвался на поверхность, как снаряд из пушки, и снова рухнул вниз, затем вынырнул, хватая воздух и отчаянно колотя по воде руками. Его трясло, тело бил губительный кашель. Вода вскипала вокруг от его бешеных усилий удержать голову над летящими брызгами.

Потом где-то сзади, неподалеку, раздался глухой рев воды, почти сразу стихнувший, но последовавшая за ним вереница гигантских волн смела его с поверхности со скоростью экспресса, чуть снова не утопив.

Каким-то чудом он выплыл. Море постепенно успокаивалось. Изрыгнув проглоченную тошнотворную соленую воду, Кенлон с трудом огляделся.

В десяти футах от себя он заметил чью-то голову, мерно подскакивающую на морской зыби. Дальше, на расстоянии мили, находился длинный, низкий, серый берег. Он тянулся уныло, ровной линией до самого горизонта. Вид у него был невыразимо скучный и отталкивающий.

Встревоженный Кенлон отвернулся от него и снова увидел качающуюся на волнах, человеческую голову. Его парализованный разум ожил.

Теддерс? А люди? А субмарина?

Мысли словно усилили боль. Задыхаясь, Кенлон завертелся в воде.

— Дон! — пронзительно закричал он. — Дон Теддерс!

— Я здесь, Билл! — ответил ему далекий крик. — Мы тут с Дэвиссоном, с нами все в порядке! Как ты?!

Теперь Кенлон заметил две головы в трехстах футах слева от себя.

— Нормально! — облегченно выкрикнул он.

Со слезами на глазах он повернулся к ближайшему соседу и узнал характерный профиль.

— Блэйк, — позвал он, — с вами все в порядке?

Человек выглядел ошеломленным.

— Да, сэр, — пробормотал он.

Кенлон подплыл поближе.

— Вы уверены?

— Да, сэр, — ответил Блэйк и уже более взволнованно добавил: — Но мой приятель Джонстон, сэр… Я не вижу его!

— Джонстон! — изо всех сил заорал Кенлон. Он изогнулся, поднявшись как можно выше из воды, и снова закричал.

Ответа он так и не дождался.

Подплыли Теддерс с Дэвиссоном, но никаких следов Джонстона в огромном беспокойном море никто из них не заметил.

Мысленно возвращаясь назад, к внезапности случившегося, Кенлон поразился, что кто-то вообще уцелел. «Хотя не кто-то, — подумал он. — Четверо из пяти — не так уж плохо! Люди все сильные и тренированные, но… Где же „Морской Змей“?»

Кенлон был по-настоящему встревожен: ревущий звук, который он слышал недавно, был, должно быть, от срочного погружения субмарины. В эти минуты она…

В двухстах ярдах от них вода взбурлила пенными пузырями, оттуда вынырнул перископ, а затем «Морской Змей» всплыл во всю величину.

Не успела его палуба очиститься от воды, судно стало набирать ход. Первым на мостике появился

капитан-лейтенант Джонс-Гордон, за ним высыпало с полдесятка матросов.

Через несколько минут все четверо были подняты на борт. Кенлон доложил о гибели Джонстона и получил разрешение спуститься вниз и переодеться.

Когда он вновь появился на мостике, Джонс — Гордон кивком отозвал его в сторону.

— Билл, где мы? — сказал он. — Что произошло?

«Вопрос вопросов», — мрачно подумал Кенлон.

Вместо ответа он поднял бинокль и принялся изучать однообразную береговую линию.

Вид был не такой уж омерзительно — унылый, каким показался ему вначале. «Морской Змей» шел параллельно низко лежащему пляжу, кое-где покрытому зеленью, которая явно была морскими водорослями. Час спустя ничего не изменилось, а через четыре часа берег начал резко удаляться от курса.

Никто не мог бы с уверенностью сказать, то ли это залив, то ли общее изменение береговой линии. Кенлон, спускавшийся в каюту на краткий отдых, снова вышел на палубу как раз в тот момент, когда «Морской Змей» замедлил ход до самого малого и теперь едва полз. Но долго лю-

боваться унылым видом ему не дал подошедший командор.

— Пока встанем тут, — сказал он, — и порасспросим нашего пленника. Я ждал, пока вы отдохнете. — По пути вниз он хмуро добавил:

— Я не знаю, как к нему относиться, ведь в результате его действий погиб Джонстон. И тем не менее, едва вы вышли на палубу, ну, буквально за секунду до катастрофы, он распластался на наших головах и не дал нам последовать за вами. Такое предостережение с его стороны, несомненно, спасло жизнь многим. Похоже, — продолжал он обычным голосом, — и в первой вашей стычке он мог бы сбросить вас в море или поднять в воздух, а ведь он, на — оборот, старался не столкнуть вас с палубы. Пожалуй, можно предположить, что его намерения относительно нас не таят злого умысла. Как по — вашему?

Вопрос был не из тех, на которые Кенлон чувствовал себя достаточно подготовленным отвечать. Кроме того, зная своего командира, он подозревал, что вопрос был чисто риторический. Он промолчал.

Они нашли крылатого усердно рисующим в блокноте Кенлона.

— Он немного поспал, — доложил часовой, — а

когда проснулся, все тыкал на блокнот, так что, в конце концов, я отдал его.

— Вы действовали совершенно правильно, — кивнул командор. — Теперь отойдите, но не спускайте с нас глаз, пока мы находимся здесь.

Крылатый приветливо кивнул им, вызвав в Кенлоне радостное возбуждение. Со странным чувством он подошел к чужаку и склонился над блокнотом.

И сразу все его чувства и переживания исчезли. Вниманием завладели рисунки в блокноте.

На первой странице безошибочно угадывалось солнце и три ближайшие планеты. Тонким пальцем крылатый указал сначала на Землю, потом на Кенлона и Джонса — Гордона. Затем снова указал на Землю и ткнул себя в грудь.

— По-моему, сэр, — после недолгого молчания сказал Кенлон, — он хочет сказать, что он, как и мы, с Земли.

Джонс — Гордон нахмурился.

— Разумеется, он с Земли, — раздраженно бросил он. — Откуда же еще ему быть?

Кенлону с болью пришлось признать, что в своем анализе состояния Джонса — Гордона он, как психолог— любитель, ошибся. Его прежнее мнение, что капитан, не увидев что-либо необыч-

ное своими глазами, не поверит в него, теперь изменилось при виде того, как он принимает невозможное за факт. Таким образом капитан-лейтенант принимал иллюзию понимания фантастического существа, оказавшегося среди них, и все сопутствующие этому феномены.

И все же… все же это оказалось не так. Даже сверхъестественное, неправдоподобное появление крылатого человека, возникшего ниоткуда в середине XX столетия, не смогло поразить воображение капитана.

Разочарованный и слегка расстроенный, Кенлон почел за лучшее хранить молчание.

— Гм… Это еще что такое? — сказал вдруг Джонс — Гордон.

Кенлон тряхнул головой, отгоняя ненужные и неуместные мысли, и взглянул на группу знаков под рисунком солнечной системы, на которую указывал крылатый:

/
//
///
////
/////
//////

Крылатый, очевидно, поняв, что вновь привлек

внимание людей, указал на отдельный символ в первой строке, потом ткнул в Землю над ним и начал медленно обводить пальцем вокруг Солнца. Один, два, три… девять раз описал он окружность, а затем вновь указал на отдельный знак в первой строке.

— Он пытается сказать, что один знак означает девять лет, — с любопытством произнес Джонс — Гордон.

— Я тоже так думаю, сэр, — ровным голосом поддержал его Кенлон.

— Интересная манера вести отсчет, — проворчал командор.

— Почему бы не довести до десяти и не упростить задачу?.. Гм… Что он делает?

Крылатый вновь указал на первый знак и принялся постукивать по нему пальцем, словно считая. Кенлон тоже начал считать: один, два, три… одиннадцать, и крылатый указал на второй ряд знаков.

— Кажется, я понял, — сказал Кенлон. — Одиннадцать раз по девять — девяносто девять. Два знака означают девяносто девять лет. — Радостное возбуждение охватило его. Он жестом показал на третий ряд. — Если первые группы означают девять и девяносто девять, то третья

должна означать одиннадцать раз по девяносто девять или тысяча восемьдесят девять, и так на…

Он замолчал, так как крылатый снова указал на пер — вый знак и принялся постукивать пальцем. На сей раз это заняло порядочно времени. Прошло не менее минуты, а Кенлон все еще продолжал считать, следуя за постукиванием пальца:… 90… 100… 101… 102… 104…

Счет завершился на 111. Крылатый еще раз указал на отдельный знак, потом на третий ряд.

— Итак, — объявил Кенлон, — сто одиннадцать по девять — девятьсот девяносто девять. Тогда четвертый ряд должен означать тысячу сто одиннадцать по девять, то есть девять тысяч девятьсот девяносто девять, и так до тех пор, пока нижний ряд не обозначит девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять. Счет, конечно, для нас необычный, но наверняка за ним стоит какой-то математический закон.

Он хотел добавить еще кое-что к своим словам, но крылатый быстро обвел пальцем вокруг Солнца, затем поднял лист бумаги, зачеркнул последние два ряда, добавил еще один четырехзначный знак к нижней строке и два единичных. Потом оказал на эту строку и на себя.

Кенлон глубоко вздохнул. Что хотел показать

крылатый? Что он хочет сказать?

Он взял лист. Теперь знаки располагались так:

/

//

///

//// //// //

— Двадцать пять тысяч лет, — услышал Кенлон свой ровный голос. — По-моему, он хочет сказать, что мы перенеслись на двадцать пять тысяч лет в будущее.

После минутного ошеломления Кенлон обратил внимание на выражение раздражения и досады, появившееся на лице Джонса — Гордона. Капитан-лейтенант сделал недовольный жест.

— Я вижу, мы зашли в тупик, пытаясь с ним договориться. Посмотрим лучше, что на следующих страницах.

Кенлон молча перевернул лист. На следующей странице была изображена субмарина, направляющаяся к какому-то предмету, плывущему над морем в облаках. Кенлон в замешательстве уставился на рисунок. Потом, когда первое удивление миновало, он решил, что крылатый изобразил гору, поднимающуюся из моря, хотя отчетливо было видно, что она совершенно не соприкасается с морем.

Кенлон решил не обращать на это внимания и сосредоточиться на самой горе. Она круто поднималась вверх, увенчанная гигантским чашеобразным зданием. Десятки крылатых парили вокруг массивного сооружения, другие стояли в отверстиях, высеченных высоко в стенах башнеобразного здания, третьи носились над морем, стараясь, как показалось Кенлону, вытащить что-то из воды, причем они сражались. Ошибиться было невозможно, и, как ни странно, в воде тоже были люди.

Кенлон с трудом оторвался от рисунка. Посмотрев крылатому прямо в глаза, он кивнул сначала на гору, потом на окружающее ее пространство, надеясь, что тот поймет вопрос.

Крылатый понял. Резкие черты лица оживились, он улыбнулся и жестом показал, что субмарине нужно уйти от берега и изменить курс.

— В данный момент это невозможно, — прервал молчание голос Джонса — Гордона. — Да и вообще, как он, находясь внутри подлодки, может указывать нам курс? Ведь он понятия не имеет, сменили мы курс или нет, пока он спал.

Кенлон не торопился с ответом. Он поражался сам себе, что на основе столь непрочных до-

казательств пришел к выводу, будто чувство направления у крылатого похоже на инстинкт почтового голубя. И несмотря на то, что был обязан поделиться своими соображениями, решил промолчать и послушать, что скажет капитан.

— Вы единственный лингвист в нашей компании, — говорил тот, — и я хочу, чтобы в свободное от вахт время вы занялись изучением его языка и учили бы его нашему. А пока идемте на палубу.

Кенлон неохотно последовал за ним. Ему не терпелось начать устанавливать связь с крылатым. Но он спокойно ждал, ничем не выдавая нетерпения, пока Джонс — Гордон внимательно изучал берег. Наконец, капитан-лейтенант повернулся.

— Мы не можем идти вслепую по мелководью вдоль неизвестного побережья, — резко сказал он. — Облака не расходятся, сказать точно, какое время суток, нельзя. Но я решил остаться тут на ночь и... — он повернулся к Кенлону и быстро закончил; — Утром вы возглавите разведывательную экспедицию на берег. Не торопитесь. Понадобится — останемся на несколько дней. Нужно попытаться выяснить все, что возможно.

Глава 5

Кенлон чувствовал возбуждение.

Это, собственно, нельзя было назвать берегом. Не располагающая к себе, отталкивающая прямая линия, серая и плоская, делавшаяся все четче и четче по мере того, как мотобот, рассекая волны, приближался к ней.

Это был остров. Серое небо за ним сливалось с серой водой, и невозможно было ничего разглядеть.

За прошедший час они убедились, что эта земля была длинным узким островом, в некоторых местах которого даже виднелись накатывающие на противоположный берег волны.

Еще на субмарине Джонс — Гордон предположил, что увиденная ими земля — остров, смущенно добавив:

— Тихий, наверное, единственный океан, так до конца и не исследованный. Вполне возможно, что многие его атоллы никто никогда не наносил на карту.

— Мы шли вдоль берега этого небольшого неоткрытого острова четыре часа на скорости в двадцать узлов, — не преминул поддеть его

Кенлон.

И сразу же пожалел о сказанном — характер человека не переделаешь. И все же разумное спокойствие капитана, отреагировавшего на появление крылатого человека так же, как на обычного туземца Южных морей, раздражало и бесило его.

Краем глаза Кенлон заметил, что одна рука Гайнишава оставила штурвал и потянулась к его плечу.

— Мистер Кенлон, — выдохнул рулевой, — что это там? Вроде как человек плывет и смотрит на нас.

Кенлон вскочил с приглушенным криком, сразу подумав о Джонстоне. Но одного взгляда хватило, чтобы понять — это не Джонстон, это… это…

Кенлон недоверчиво протер глаза и вновь уставился на самого большого в мире человека, какого ему когда — либо приходилось видеть. Человек плыл прямо по курсу мотобота в каких-нибудь ста футах и был ясно виден. Ростом он был, по меньшей мере, футов восемь, и глаза на его лице казались просто громадными. Он приближался к ним слева небрежными взмахами рук, совершенно голый. Его скорость была даже больше чем посчитал Кенлон вначале, и когда

мотобот приблизился к нему, гигант извернулся в воде, как хищная рыба.

Теперь Кенлон мог разглядеть его получше. Сильный, мускулистый, с одухотворенным лицом. Его уши почти сливались с головой, а нос казался маленьким, можно было даже сказать — коротким, толстым и сильно вздернутым кверху, открывая едва заметные дырочки ноздрей. Рот, однако, выглядел нормальным, с крепкими белыми зубами.

Большие проницательные глаза пловца разглядывали мотобот и пассажиров совершенно без страха.

— Осторожно. — предостерег Кенлон, — не дайте ему ухватиться за планшир. Следите…

Но, как оказалось, мотобот двигался слишком медленно. Гайнишав дал полный ход, но прежде чем мотор успел набрать обороты, гигант одним взмахом очутился у мотобота. Толстые пальцы вцепились в планшир — и в следующую секунду он был уже на борту.

Такого сильного и быстрого прыжка Кенлону еще не доводилось видеть. Со свистом втянув воздух, он выхватил из кобуры пистолет, но увидев, что гигант не делает ничего угрожающего, стрелять не стал.

Мотобот перестал бешено раскачиваться, и лишь теперь Кенлон обратил внимание, что только один человек последовал его примеру и держал карабин наизготовку.

— Не стрелять, Паннатт! — предостерегающе выкрикнул Кенлон.

Гигант стой спиной к Кенлону. При звуке его голоса он полуобернулся и. казалось, что-то задумал, потому что шагнул к Гайнишаву, сидевшему у руля, но в ту же секунду его план, видимо, опять изменился. Он резко повернулся и выхватил ружье из рук Паннатта. И опять, в какое-то кратчайшее мгновение, пока он держал ружье, его намерения снова изменились. Всем своим обликом он выражал только любопытство.

Даже при большом желании Кенлон не мог найти в его поведении чего-либо угрожающего, поэтому расслабил палец на спусковом крючке и ждал.

А затем последовало изумление. Кенлон понял, что находится в присутствии человека, превосходящего его во всех отношениях, как физических, так и умственных. Причем действовал он с быстротой, недоступной обычному человеку.

Кенлону пришла в голову шальная мысль захватить гиганта. До этой секунды он и не по-

мышлял о подобном, но сейчас таинственный пловец отвлекся, изучая механизм карабина.

Он выстрелил в воду и, видимо, мгновенно поняв, что представляет собой оружие, презрительно фыркнул, протянул карабин Паннатту и шагнул к штурвалу.

Казалось, он знал, где находится мотор, или, возможно, приметил это раньше. Откинув крышку, он с любопытством наклонился над двигателем. Какое-то время Кенлон видел только массивные ноги и еще более массивные ягодицы.

Этого ему хватило, чтобы решиться.

— Взять его! — тихо произнес он и рванулся к пловцу.

Кенлон ничего не успел сделать — гигант извернулся и сжал его с силой, которой было бесполезно сопротивляться. Кенлон почувствовал, что его поднимают. Гигант пожелал рассмотреть живую принадлежность мотобота.

Не больше секунды огромные глаза разглядывали Кенлона, который успел заметить нечто вроде оборок на темно-коричневой груди и частично под мышками.

В следующее мгновение его так же быстро опустили на палубу, а гигант с сильным всплеском исчез в воде. Испуганный и онемевший, Кенлон

замер в неподвижности, беспомощно пытаясь осмыслить увиденное.

Жабры, лихорадочно думал он, неужели это жабры? Но проверить догадку уже не было возможности. Они прождали минут десять, но человек — рыба не появлялся.

Кенлон решил не возвращаться на корабль. Сообщение о случившемся он мог послать позднее с Гайнишавом, а по окончании разведки напишет полный отчет. Пока он решил отложить разбор происшедшего и обдумать все позже.

Но одна мысль не отпускала его и сейчас — неужели люди — птицы сражались с этими гигантами у подножия своего горного гнезда?

Кенлон снова обратил внимание на берег, который находился уже совсем рядом.

— Будь внимательней, — сказал он Гайнишаву. — Я подозреваю, что берег уходит в воду полого. Вплотную мы, наверное, не подойдем.

Но, к его удивлению, они подошли почти на десять футов, когда нос мотобота мягко ткнулся в черный ил.

— О'кей, — обронил Кенлон, — пора двигать пешком. Рефер, Смайли, Глеб, Паннатт, взять вещмешки и оружие. Пошли!

Два человека только и ждали команды. Они

тут же спрыгнули в темную воду. Кенлон перевалился через другой борт, неторопливо, стараясь держаться соответственно своему высокому чину.

Ноги коснулись ила и, не задерживаясь, ушли вниз. Он с ужасом осознал, что оба моряка, прыгнувшие перед ним, камнем ушли в бездонную грязь. Два испуганных вопля повисли в воздухе, затем раздалось страшное бульканье и наступила тишина, нарушаемая лишь ворчанием дросселирующего мотора.

Кенлон рванулся вверх. Рюкзак — пятьдесят футов, не меньше — тянул на дно. Но Кенлон еще не успел от — пустить планшир и теперь намертво вцепился в него пальцами.

Он опять рванулся вверх. Бот закачался, в полной тишине слышалось лишь напряженное дыхание пораженных ужасом людей. Мотор заглох. Потом правая рука Гайнишава легла на его запястье, а левая ухватила за ворот рубашки.

Грязь со всхлипом выпустила его. Ноги взбаламутили воду, и он упал на дно бота. Мгновение он лежал, ничего не соображая, затем перед ним встала ужасная картина случившегося. Он поднялся на колени, уцепившись за руку Смайли, в то время как Гайнишав втаскивал на бот Глеба.

Когда тот в полном изнеможении рухнул на дно, Кенлон сорвал брезент с инструментального ящика и швырнул его на берег напротив мотобота, отмечая место. Брезент тоже чуть ли не полностью ушел в грязь, покрывавшую, наверное, весь берег. Кенлон обернулся.

— На субмарину, — приказал он. — Полный ход. Надо попробовать спасти Паннатта и Рефера.

Он ничего не мог поделать — сознание упорно рисовало картину двух человек, зависших над слоем грязи. Но легкие, сказал он себе, легкие у них полны воды, которой они успели наглотаться, прежде чем их засосал ил так что в ближайшие полчаса их еще можно будет спасти.

Джонс — Гордон вернулся к берегу вместе с ними. На воду спустили надувной плот, люди принялись прочесывать баграми бездонную грязь, стараясь нащупать тела.

Минуты через три они вытащили Рефера — серую безвольную массу. Шкипер с Кенлоном работали над ним попеременно, оказывая первую помощь, затем отослали на субмарину. Командор тоже вернулся на борт позаботиться о воскресшем, а Кенлон вновь перебрался на плот утюжить грязь.

Минут через пятнадцать на боевой рубке

вспыхнул прожектор, подавая заранее условленный сигнал, что с Рефером все в порядке. Это еще больше подстегнуло по — иски. Но прошел час, а Паннатта так и не удалось обнаружить.

Кенлон вспоминал его — маленького жилистого уроженца Айовы с веселыми черными глазами и привычкой делать все заранее. Слабое утешение приносило то, что он не был женат.

Одним из самых ужасных кошмаров военной службы было для Кенлона составление вдовам извещений о смерти. Хотя, с другой стороны, в человеке без дома и без друзей, если, конечно, исключить товарищей по службе вроде него самого, было что-то трагичное. Ведь бывало и так, что человек погибал, и о нем напрочь забывали через несколько дней.

В этот момент Кенлона отвлек Гайнишав.

— Сэр, мотоботу передан приказ возвращаться.

— Ладно, — кивнул Кенлон. Разумеется, не оставалось сомнений, что пора прекращать поиски — время вышло, и Паннатта теперь уже ничто не могло спасти. Но такая перспектива угнетала Кенлона, он чувствовал себя предателем.

К его удивлению, Джонс — Гордон поднялся наверх и подошел к нему, когда они вернулись со злополучного места.

— Приходится лично проверять выполнение приказа, — объяснил капитан-лейтенант. — Люди недовольны прекращением поисков, но даже найди мы сейчас Паннатта, осталось бы только похоронить его в море. Вы согласны?

Кейлон кивнул.

— Что будем делать, Билл? — продолжал командор.

— Я имею в виду грязь.

— Я не видел ничего подобного, сэр, — покачал головой Кенлон. — Грязь такая жидкая, что даже не образует сверху корки. С трудом укладывается в голове, что весь берег состоит из грязи. Надо проверить в других местах…

Джонс — Гордон нахмурился.

— Что ж, проверьте, — распорядился он.

— Спасательные работы отставить? — удивился, вопреки своим мыслям, Кенлон.

— Отставить, — кивнул капитан.

Одно дело рассуждать о ненужности спасательных работ, другое — действительно прекращать их. И пока они осторожно двигались вдоль берега, время от времени исследуя обманчивую и убийственную землю, Кенлон не оставлял тщетных попыток отыскать пропавшего моряка.

Он удивлялся сам себе: почему после того, как

он видел столько погибших раньше, смерть Паннатта произвела на него столь гнетущее впечатление? Наверное, дело было в том, как погиб Паннатт. Утонуть в грязи — что могло быть ужаснее? Или все дело в окружающей обстановке?

Окружающая обстановка! Неужели они действительно оказались в 24 999 году? И эта серая грязь — бывшие континенты?

Глава 6

Язык крылатого оказался очень трудным для изучения, а тому, в свою очередь, очень тяжело давался английский. Обычные слова, вроде: рука, нога, крыло становились просто непонятными, когда их произносил крылатый. А усилия Кенлона имитировать мелодичные звуки человека — птицы заставляли его наставника лишь печально качать головой.

Но как бы там ни было, чувство крайней необходимости договориться друг с другом сдвинуло дело с мер — твой точки, и к концу четвертой недели они с легкостью могли писать на обоих языках, хотя разговорная речь оставалась пока на школьном уровне.

На тридцатый день Кенлон почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы пригласить Джонса — Гордона для разговора с пленником. Всю последнюю неделю он, на основе еще небольшого словарного запаса, подбирал образные выражения крылатого и настойчиво перекладывал их на английский. Так он сумел составить вопросник.

Он разбил его на две части и, управившись с первой, долго смотрел, как крылатый пишет отве-

ты сначала по-английски, затем на своем языке.

В общем, к концу месяца Кенлон решил, что добился своего. Весь этот месяц «Морской Змей» неподвижно покоился в зыби серого моря под неизменным облачным небом в миле от страшной земли, которая вовсе не была землей.

Это был корабль напуганных, сбитых с толку людей. Самое необычное состояло в том, что люди действительно испугались. А ведь некоторые шутя прошли всю войну, отлично зная, что в любой момент на голову может свалиться глубинная бомба. Теперь же они выглядели какими — то затравленными и испуганными перед лицом неизвестности.

Самое ужасное, что они ничего не могли сделать, и ничего нельзя было сделать для них. Окружающее сильно подействовало и на реалиста — прагматика Джонса — Гордона, поскольку ни разу за прошедший месяц субмарина не сдвинулась с места.

Теперь он прочел вопросы Кенлона и одобрил их без замечаний.

Они сидели и ждали. Кенлон украдкой наблюдал за капитан-лейтенантом. Лицо капитана казалось бесстрастным, но тревогу выдавали маленькие морщинки вокруг глаз. И вглядываясь в

тяжеловатое, серьезное лицо храброго человека, Кенлон вдруг подумал, что на какие бы уступки ни пошел человек, лишенный воображения, без фантазии ему все равно не охватить ситуацию в целом.

То же самое, с горечью констатировал Кенлон, относится и ко мне, невзирая на мою любопытную готовность приспособиться и понять случившееся…

— Хиаа ти ааа… — отвлек его от невеселых размышлений голос крылатого.

Джонс — Гордон вскочил. Кенлон не шелохнулся. Он не стал брать блокнот, протянутый крылатым, а молча указал на капитана. Скорее неохотно, чем с удовольствием, крылатый отдал блокнот ему.

Командор читал недолго. Закончив, он некоторое время что-то обдумывал, потом резко протянул вопросник Кенлону.

ВОПРОС: Это Земля?

ОТВЕТ: Да.

В. Земля нашего будущего?

О. Да.

В. Как далеко в будущем?

О. 24 999 лет нашей эры.

В. Мы в том же океане?

О. Да.

В. Сколько океанов на Земле теперь?

О. Три континента, остальное океан.

В. Континенты большие?

О. Да.

В. Почему земля такая мягкая?

О. Она стала такой внезапно. Никто не знает, почему.

В. Когда это случилось?

О. 3 999 лет назад.

В. Есть где-нибудь твердая земля?

О. Только наш остров в небе.

В. Как тебя зовут?

О. Неммо.

Кенлон не сразу отвел взгляд. Ни один из ответов не был для него новым, но как их воспринимать и какое принимать решение, он не знал и откладывал до последней минуты. Теперь эта минута наступила, а он так ничего и не мог решить. Со вздохом он протянул Неммо остальные вопросы, подождал, пока тот примется писать, и лишь тогда обратился к Джонсу-Гордону:

— Я тут собрал кое-какой материал из записок, которые писал Неммо, упражняясь в английском. Эти вопросы, как видите, я основывал уже частично на узнанном.

Он замолчал, предоставляя командору сказать что — нибудь, если тот пожелает. Однако капитан воздержался от замечаний, и Кенлону пришлось продолжать:

— Собственно, узнал я немного, то ли потому, что ответы были не очень внятны, то ли мы все спятили. Между прочим, у них любопытная система счета. Вы обратили внимания, что вместо округленных 25 000 лет Неммо называет 24 999. Нам это кажется неудобным, но уже ясно, что крылатые используют девятичную систему, как мы десятичную. Разумеется, это кажется необычным и странным, но тем не менее это логично. Если вдуматься, девятка так же универсальна, как и десятка. Возможно, для них она более приемлема, особенно, если крылатые нашли какое-нибудь новое математическое применение девятичной системы, которое неизвестно нам.

Кенлон вновь сделал паузу и украдкой взглянул на командора — тот сидел прямой и жесткий, глядя перед собой. Кенлону ничего не оставалось, как продолжать.

— Вполне возможно, что за минувшие четыре тысячелетия крылатые забыли (или не знали), что произошло на самом деле. Могли растаять полярные шапки и поднять уровень мирового

океана. В этом случае объясняется и то, почему мы появились здесь под водой. Кстати, мое личное впечатление таково, будто я поднимался на поверхность, по меньшей мере, футов сто. И если верны утверждения Неммо, что дом крылатых в данное время единственная твердыня…

Джонс — Гордон шевельнулся.

— Мне кажется, мистер Кенлон, — невыразительно произнес он, — нам лучше посмотреть остальные ответы, прежде чем погружаться в интерпретации.

Кенлону еще ни разу не приходилось получать от Джонса — Гордона столь резкое предложение заткнуться. Но он не обиделся. Слова командора свидетельствовали, что за его бесстрастным лицом кроется смятение.

Наконец, крылатый оторвал взгляд от бумаги.

— Закончено, — произнес он по-английски и передал капитану лист с вопросами и ответами. Джонс — Гордон прочел и отдал его Кенлону.

В. Сколько крылатых вообще?

О. Приблизительно 329 999.

В. Где вы живете?

О. На нашем стальном острове в небе.

В. Как вы себя называете?

О. Люди.

В. Как нам попасть на остров?

О. Я укажу дорогу, я хочу, чтобы вы прибыли туда.

В. Как вы научились летать?

О. Нас сделали. Сухопуты, такие же, как вы, видели, что грядущее невозможно остановить и нигде нельзя избежать или укрыться от бедствия тающих материков. И тогда они создали летающих и плавающих людей. Сухо — путы были удивительные люди. Они знали все. Но все они погибли. Это огромная трагедия.

В. Почему вы так мало весите?

О. Наши кости пустотелы, а нарощенная плоть легкая. Я ем вашу пищу экономно, потому что она очень тяжелая.

В. Какие еще люди есть на Земле?

О. Только созданные наземниками для плавания — плавуны. Они наши враги. Они живут в стальном острове под водой. Нас они ненавидят и хотят уничтожить. Мы перенесли вас сюда, чтобы вы разрушили их подводный город.

В. Для чего нас сюда доставили?

О. Вы должны уничтожить стальной город плавунов.

В. Можете ли вы отправить нас обратно?

О. Мы вернем вас в ваше время, когда вы разру-

шите город наших врагов.

Турбины ровно загудели. Трехсотпятидесятифутовая махина начала вращаться, субмарина медленно легла на новый курс и стала набирать ход. Спустя полчаса плоский серый берег совершенно слился с серым небом и серой водой.

Джонс — Гордон поднялся к Кенлону на мостик.

— Я думаю, вам не мешает узнать мои соображения, раз уж я решил идти к гнезду крылатых, — сказал капитан-лейтенант. — Если, конечно, оно существует на самом деле.

Кенлон кивнул, но ничего не сказал. Шкипер на минуту нахмурился.

— Во-первых, не мешает проверить, — продолжал он, как ни в чем не бывало, — действительно ли существует такая фантастическая штука, летающая под облаками.

Кенлон снова молча кивнул, подумав, что разумному человеку требуются, конечно, более веские доказательства, что они находятся в не XX веке. И он понимал, что такой не одаренный богатым воображением человек, как Джонс — Гордон, кто крепко держится реальности, а не фантазий, просто необходим, чтобы не дать остальным сойти с ума.

— Вторая причина, — продолжал Джонс — Гордон, — по которой я хочу добывать на острове, это возможное существование машины времени, благодаря которой мы оказались здесь. — Он махнул рукой на безбрежный серый океан и скривился. — И в — третьих, — холодно продолжал он, — сквозь такую толщу лет они нащупали именно наш боевой корабль для разрушения подводного города, из чего я делаю вывод, что наша субмарина — величайшее оружие, существующее сейчас, в 24 999 году нашей эры. — Он резко взглянул на Кенлона. — Вы согласны со мной?

Кенлон немного поколебался.

— В любом случае, — медленно ответил он, — согласен я или нет, защита временного механизма у них превосходная. Трехфунтовый снаряд даже вмятины на металле не оставил. Разумеется, я спрашивал Неммо и об этих жестянках, и о металле. Он объяснил, что сухопуты пользовались каким-то единородным плотным металлом. Я понял, что эти штуки для переброски во времени сделали еще они. Но я, пожалуй, согласен с вами, что даже такая прочность не спасет от наших торпед, и значит, наша субмарина действительно грозное оружие.

Джонс — Гордон удовлетворенно кивнул.

— А у нас на борту их сорок восемь, Билл. Так что, я думаю, мы справимся с любой ситуацией.

Кенлон с сомнением покачал головой.

— По-моему, сэр, создатели машины времени не могли не учитывать векселей. И на мой взгляд, слабость крылатых не в знаниях, а в овеществлении этих знаний. Насколько я понял, расспрашивая Неммо, у них нет горнорудного оборудования, так что вряд ли у них есть металл, кроме самого острова. И знаете, я думаю, что это не относится к плавунам, которые отчего-то опасны для крылатых. Конечно, я не стану утверждать, что по развитию и одаренности встреченный нами гигант во всех отношениях сверхчеловек, но он…

Кенлон сбился и замолчал, удивляясь прозвучавшему в голосе страху, который внезапной огненной струей пронизал все тело. Он тряхнул головой и закончил уже без воодушевления:

— Короче, ясно, что крылатым нужна помощь.

Ответа не последовало. Джонс — Гордон стоял, глядя в море с ничего не выражающим лицом, напомнив Кенлону фаталиста, во всем положившегося на судьбу. Наконец, капитан-лейтенант заговорил странно спокойным голосом:

— Даже если наше положение таково, как

описывает крылатый, мы все равно остаемся боевой единицей ВМФ США. И я пока не собираюсь давать им обещание помочь выполнить столь нелепый план. Конечно, если мы поддержим их, нас извинит желание вернуться и надежды всех членов нашего экипажа.

— Значит, вы хотите помочь крылатым?

— Военные корабли ВМФ США не вступают в местные конфликты по своей прихоти, невзирая на побуждения или стимулы. Они повинуются приказам и защищаются лишь в том случае, когда на них нападают, — последовал холодный ответ.

— Но здесь…

В это мгновение раздался крик:

— Земля! Прямо по курсу земля, сэр!

Кенлону хватило одного взгляда, чтобы понять — они подошли к небесному острову.

Невооруженному глазу остров представлялся неясным очертанием, явно поднимающимся из моря, теряясь вершиной в облаках. До него оставалось еще пятьдесят, если не все семьдесят миль. Кенлон воспользовался биноклем.

Форма острова была грубой, какой-то незавершенной, и стены не выглядели такими отвесно — крутыми, как на рисунке Неммо. Больше всего остров напоминал треугольник, причем верхний

угол служил опорой зданию, терявшемуся в неизменных облаках.

Субмарина вошла в полосу дождя, и очертания горы сразу смазались и расплылись. А когда час спустя дождь кончился, и Кенлон, протерев бинокль, снова поднес его в глазам, то увидел мириады крылатых, появившихся в туманной дымке.

До горы было все еще далеко, но щель между подножием и морем виднелась отчетливо, по крайней мере, в бинокль. Теперь Кенлон мог более ясно разглядеть венчавшее гору здание. Но и только. Расстояние не позволяло заметить какие-либо признаки жизни на громадном черном треугольнике небесного острова, за исключением паривших в воздухе крылатых. И эта мертвенность, чуждость и невозможность того, что он увидел, лишь усиливали давно копившуюся тревогу.

Кенлон подумал, что пора забыть о своем дружественном отношении к крылатым, возникшем за месяц тесного общения со спокойным и мягким Неммо, и вспомнить, что субмарина Соединенных Штатов насильно перенесена в этот странный мир, что здесь нужно быть холодно — объективным и не забывать о долге, как это

делает Джонс — Гордон. И все же…

Кенлон в нерешительности снова поднес бинокль к глазам, исследуя основание острова. Отсюда, с мостика, довольно низкой точки, щель между подножием горы и морем просматривалась плохо, но он разглядел несколько лежащих в воде силуэтов, один из которых по форме напоминал торпеду, настолько длинную и зловещую, что по спине пробежал холодок.

Кенлон заколебался. На «Морском Змее», как и на всех подводных лодках, высшую власть олицетворял командир, и у Кенлона давно выработалась привычка перекладывать все важные решения на Джонса — Гордона.

Он тряхнул головой. Они находились в опасных, неизвестных водах, а это вполне достаточная причина, чтобы подготовить корабль, и он громко крикнул:

— Эй, на палубе! Все вниз!

Проследив за выполнением приказа, Кенлон позвонил офицеру у рулей погружения.

— Мистер Гагнон, откройте клапаны кингстонов носовой части и основной баллистической цистерны, — распорядился он.

— Есть открыть клапаны кингстонов носовой и основной, сэр!

С громким звуком вода бурлящим водоворотом хлынула в цистерны.

«Морской Змей» ощутимо провалился вниз и замер, когда палубу омыло поднявшееся море. Вода хлестнула в основание боевой рубки, но больше не поднималась. Хлопки, раздавшиеся из-за оставшегося в цистернах воздуха, когда туда хлынула вода, прекратились. Готовый погрузиться в воду за несколько секунд, «Морской Змей» быстро скользил по серому океану. Едва успела завершиться подготовка, как на мостик поднялся Джонс — Гордон.

— А я — то надеялся, сэр, — приветствовал его Кенлон, — что мы вас не разбудим. Я просто принимаю меры предосторожности. — В нескольких словах он рассказал о не — понятных силуэтах под гнездом и закончил: — Хоть мы и погрузились, но их можно разглядеть, правда, с трудом.

Долгие минуты Джонс — Гордон всматривался в бинокль. Наконец, он обернулся.

— Ступайте вниз и расспросите нашего пленника.

Неммо нахмурился, когда Кенлон написал вопрос. Крылья его взметнулись, выражая, как уже раньше подметил Кенлон, крайнее возбуждение. Он написал:

«Несколько крылатых, как и я, были посланы в разные периоды времени. Видимо, кое-кому повезло, и они доставили сюда боевые корабли других эпох. Но я должен предупредить, что на всей протяжении истории человечества после XX века об использовании подводных лодок больше не упоминается, исключая лишь разведчиков морского дна. А мне кажется, что только ваша субмарина может с успехом действовать против города плавунов».

Глава 7

Через час после того, как они всплыли в миле от похожего на торпеду судна, Кенлон снова изучал его в бинокль. Оно было не менее тысячи фугов в длину, причем все стальное. Находились здесь и другие корабли поменьше, лежащие на воде. Кенлон с необъяснимой тревогой рассматривал их, когда услышал слабый всплеск.

Он обернулся и увидел двух гигантов.

— Берегись! — заорал он, выхватывая пистолет, но опоздал.

Джонс — Гордон не успел даже оглянуться, как был схвачен огромными руками и поднят, можно сказать, оторван от палубы, так быстро все произошло. Затем все слилось воедино: громкий всплеск, крик захлебывающегося человека и след пузырей на поверхности. Лишь на мгновение Кенлон увидел три тела фугах в двадцати под водой, и тут же они исчезли в глубине.

И лишь тогда, когда было слишком поздно, Кенлон открыл огонь. Четыре выстрела тщетным эхом отдались в сыром воздухе и воцарилась тишина, нарушаемая только нескончаемым шорохом моря. Субмарина неторопливо скользила

в мрачных водах под нависшей горой, плывущей в небе.

— Милосердные небеса! — с ужасом выдохнул рулевой, стоявший в пяти футах от вглядывающегося в темную воду Кенлона.

Слова его разрушили чары и вывели Кенлона из оцепенения. Какое-то мгновение он еще боролся со слабостью, а затем внезапная мысль, что все теперь зависит от него, заставила его очнуться.

Первым отчаянным порывом Кенлона было пустить субмарину в погоню за убийцами, и он чуть было не последовал ему, но, к счастью, сразу сообразил, что не смог бы сделать ничего более безнадежно дурацкого. Он заставил себя думать и чувствовать, заставил четко воспринимать окружающее: неясные звуки, острый, с соленым привкусом, запах моря, чужие корабли и чужое небо вокруг. Он впитывал все в себя, как жадная, ненасытная губка. И наконец, почувствовав себя единым целым с окружающим миром, понял, что нужно делать.

Спасти командора было уже невозможно, но к городу подводных убийц «Морской Змей» мог подойти раньше той парочки. Что бы они ни собирались сделать с телом капитана, эки — паж субмарины вполне мог помешать им…

Кенлон выхватил трубку из герметичного ящика и вызвал машинный отсек.

— Обе машины средний вперед, мистер Крейг!

— Есть средний вперед обе машины, сэр!

Засвистели турбины, и «Морской Змей» двинулся вперед. Кенлон повернулся к рулевому.

— Дароски, курс по кругу, центр — самое большое судно, дистанция прежняя. Может, что-нибудь заметим.

Сердце сжималось при мысли, что Джонс-Гордон мертв, нервы были напряжены до предела, но, как всегда, чувство долга смягчило боль и шок.

«Морской Змей» шел вперед. Ни один плавун не мог бы сейчас состязаться с ним в скорости или попробовать подняться на борт.

Кенлон взял трубку и на этот раз вызвал Теддерса.

— Разбудите Бенни, Дэн, — хмуро сказал он. — Пусть немедленно поднимется на мостик.

— А где капитан? — осведомился неугомонный Теддерс, едва появившись из люка. — Он ведь был здесь? И по-моему, стреляли, или мне послышалось?

Выражение лица Кенлона, должно быть, поразило его. Он с удивлением огляделся. Кенлон

молчал, дожидаясь, пока на мостик поднимется лейтенант Бенджамин. Второй помощник глядел вокруг. Его пристальный взгляд не упустил ни нависшей громады гнезда крылатых, ни торпедообразного судна. Повернувшись к Кенлону, он отдал честь и ждал.

— Дароски! — позвал Кенлон.

Рулевой отдал честь.

— Да, сэр?

— Расскажи мистеру Бенджамину и мистеру Теддерсу, что произошло. Только не забывай, что ты на вахте. Я буду у Неммо.

Он нырнул в люк.

Неммо удивленно оторвал взгляд от старого экземпляра «Таймс».

Кенлон не стал тратить время на письменный вопрос. Он задал его устно и, должно быть, его поняли, поскольку Неммо внимательно посмотрел ему в глаза *и* покачал головой.

— Извините, — ответил он по-английски, — по вашему виду я понял, что что-то случилось, но моей задачей было только доставить вас к нашему острову. Потерпите, скоро кто-нибудь из наших войдет с нами в контакт. По каким-то причинам Советчик предостерег нас от предоставления подобной информации до его сигнала,

и я должен исполнить его желание. Но если он по какой-нибудь причине изменит свое намерение, я сразу дам вам знать.

Закусив губу, Кенлон с трудом успокоил расходившиеся нервы. Он чувствовал себя плохо после всего случившегося и неудачной попытки узнать у крылатого расположение подводного города. Он рассчитывал на скорость. «Морской Змей» в надводном положении мог дать 30 узлов, и если бы не возникло длительной задержки, легко бы достиг города раньше обоих плавунов и… тела командора. Небольшой глубинный заряд сделал бы остальное. Тут до него дошел голос Неммо.

— Что произошло? — спросил крылатый.

Кенлон замялся.

Причина, по которой он не сразу рассказал о гибели капитана, частично основывалась на логике Джонса — Гордона, считавшего крылатых врагами. Кенлон не был целиком и полностью согласен с подобным суждением, но, как исполнительный офицер, держал свое мнение при себе. Однако, сейчас он не хотел, чтобы крылатый посчитал, будто команда «Морского Змея» автоматически на их стороне.

Как говорил капитан-лейтенант, военно-морской флот США не ввязывается в местные

конфликты.

Как бы там ни было, подумал Кенлон, плавунам зачем-то потребовалось тело капитана, в противном случае они не потащили бы его с собой, и крылатые могут знать, для чего.

Решившись наконец, Кенлон описал неожиданное нападение. Неммо с огорчением смотрел на него.

— Я не знаю, — сказал он, необычайно четко выговаривая английские слова, — для чего им понадобилось мертвое тело. — Он немного помолчал.

— А что хотите делать вы?

Кенлон объяснил, и крылатый погрузился в длительное молчание.

— Что вы собираетесь делать со мной? — спросил он, наконец. — Оставите на борту или отпустите?

Это совершенно меняло тему, и Кенлон криво усмехнулся, расстроенный, поскольку еще надеялся убедить Неммо изменить решение. За месяц близкого общения он узнал крылатого, как честного, мягкого, искреннего человека и… до невозможности хладнокровного. Он казался гораздо человечнее, когда они захватили его, хотя это было, вероятно, обусловлено возбуждением.

Как бы там ни было, давить на крылатого было бесполезно: человек, рискнувший отправиться в далекое прошлое, вряд ли отступится от своего намерения.

Однако, желание Кенлона было слишком сильным, чтобы признать поражение, поэтому он игнорировал вопрос и быстро спросил:

— Ответь, как далеко мы от города плавунов?

Наверное, он допустил какую-то фонетическую ошибку, поскольку Неммо, видимо, не понял вопроса. Кенлон досадливо поморщился, и тут до него дошло, что они все время говорили на языках друг друга, правда, не совсем правильно. Он невольно улыбнулся, у него даже голос зазвенел:

— А мы неплохо усвоили языки… — Он запнулся, нахмурившись. — Хотя что я? У нас было триста часов на изучение. Почти столько же я отдал изучению французского и немецкого. — Он поймал себя на мысли, что отвлекается, и повторил вопрос, на сей раз правильно поставив ударение.

Крылатый снова задумался, будто прикидывал возможные варианты. Наконец, он тяжело покачал головой.

— Лейтенант, если бы это зависело от меня, я бы с радостью передал вам всю информацию. Но я не

могу этого сделать даже сейчас, когда вы намерены напасть на город. — Кенлон при этом подумал, что ни слова не говорил крылатому о нападении на город. — Совет запретил передавать информацию о нахождении подводного города без его разрешения. Запрет беспокоит всех крылатых, но мы не оспариваем решения Совета. — Он поднял номер «Таймс», который читал перед приходом Кенлона, и добавил: — Когда прибудет посланец моего народа, передайте ему, чтобы отрегулировали Защитные Лампы Гихландера. Это то, что вы называете «жестянкой». Он поймет.

Кенлон не ответил. Он почувствовал себя измочаленным, словно целый день таскал камни. Он медленно вышел из отсека и направился к люку, но по дороге решил заглянуть в кают-компанию выпить кофе и подкрепиться орешками в тесте.

Он успел допить кофе, как в дверь постучал посыльный.

— Мистер Кенлон, мистер Бенджамин передает вам, что с одного судна поднялся летательный аппарат и направляется к нам.

Кенлон был на палубе ровно через полминуты.

Глава 8

Снаружи все оставалось без изменений, только смотрелось под другим углом. «Морской Змей» шел по кругу и находился сейчас в самой дальней точки от большого, похожего на торпеду корабля. Зато неподалеку стояло второе по величине судно — узкий, высокопалубный корабль с прозрачным колпаком по всей длине, от него, видимо, и приближался летательный аппарат.

Турбины сбавили обороты до малого — не менее трех и не более пяти узлов. Аппарат летел перпендикулярно курсу субмарины и был от нее на расстоянии мили.

В бинокль Кенлон уже мог разобрать сидящие в нем человеческие фигурки.

Увиденное взбудоражило его до глубины души. Осознание наступающей удивительной минуты волновало, как никогда. Но… и часа не прошло с момента гибели Джонса — Гордона. Возбуждение, трепет, волнение исчезли, пропал и интерес. Кенлон холодно повернулся к двум офицерам на мостике.

— Дароски рассказал вам о капитане? — спросил он бесцветным голосом.

Оба закивали. Они были бледны. Бенджамин козырнул.

— Можете не сомневаться, — сказал он, — мы исполним свой долг, сэр.

На худощавом лице Теддерса появилось несвойственное ему выражение гнева.

— Я надеюсь, сэр, мы опробуем торпеды на этом городе плавунов? — пробурчал он без обычной непринужденности.

Кенлон не ответил. Ненависть, сквозившая в словах Дэна, резанула слух, потом встревожила его. Сам он пока и не помышлял об атаке на город. Нахмурившись, Кенлон перевел внимание на приближающийся аппарат, одолевший уже полмили. Пока он следил за ним, его поразила новая мысль: в прежних прикидках и расчетах он опасался только самого большого судна, совершенно упустив из виду остальные. Но тем не менее, первые при — знаки жизни и действия проявил один из небольших кораблей.

Пожалуй, мелькнула запоздалая мысль, не стоило сосредоточивать все внимание на тысячефутовом гиганте. Зато с самого «Морского Змея», очевидно, не спускали глаз ни на одном корабле, доказательством чего служил летящий сейчас к ним аппарат. Кенлон усмехнулся, подумав,

что три торпеды уже подготовлены к залпу и в состоянии потопить любой корабль. Рисковать он не хотел.

Судя по конструкции, здесь были суда, не имевшие отношения к XX веку. Самое большое, похожее на торпеду, находилось сейчас дальше всех и было плохо видно. Оно сидело низко и, казалось, оба его конца погружены в воду.

Длина трех из оставшихся четырех кораблей не превышала ста футов, но они сильно отличались друг от друга. Один, синего цвета, выглядел очень щеголевато, со стремительными обводами. У другого поднимались над палубой две сияющие башни, правда, на небольшую высоту. Третье представляло собой шар восьмидесяти футов в диаметре с очень малой осадкой, причем без единого отверстия на борту. С последнего, высокопалубного корабля, и приближался сейчас летающий аппарат.

— Мы позволим им подойти, сэр? — спросил стоявший рядом с Кенлоном Бенджамин.

Кенлон только хмыкнул в ответ.

Он пригнулся, всматриваясь в геликоптер, паривший всего в двухстах ярдах. На мгновение он удивился, что аппарат движется так медленно, но удивление тут же перебило осмысление слов

Бенджамина.

«Позволить им подойти», — повторил Кенлон про себя. Совершенно очевидно, он просто не подумал, что аппарат может представлять собой опасность.

— Мне кажется, сэр, — сказал Теддерс, — все эти коробки оказались здесь так же, как и мы. Так что не знаю, стоит ли бояться потомков. Или они наши предки?

«Точно!» — согласился про себя Кенлон.

Аппарат находился уже в ста футах, на носу стоял высокий офицер в форме. Времени продумать и взвесить все нюансы создавшейся ситуации больше не оставалось, и Кенлон решился.

— Мистер Теддерс, — распорядился он, — прикройте аппарат зенитным орудием. Мистер Бенджамин, ход четыре узла, общая тревога и пять человек с оружием на палубу.

Кенлон почти не слушал, как они повторяют приказы, он вдруг почувствовал себя полным дураком после всех своих мер предосторожности. Аппарат находился всего в двух десятках футов от боевой рубки субмарины, и сидящие в нем семь фигур были сейчас видны достаточно хорошо — все они были женщинами.

Аппарат мягко стукнулся о мостик и словно

прилип к нему. Его палуба оказалась намного выше поручня, так что стоявшая на носу женщина высилась над Кенлоном. Из — за этого ему показалось, что она неестественно вы — сока, но потом он понял, что дело просто в ее преимущественном положении. Хотя она была высокой — около шести футов.

Форма ее, несомненно, военная, была из какого-то толстого, шелковистого материала, очень женственная по покрою. Сама она тоже относилась к касте военных — об этом свидетельствовали ее жесты и командный голос.

— Мы приветствуем двадцатое столетие! — произнесла она по-английски.

У Кенлона голова пошла крутом. Английский! Необычные ударения, но английский! Волнение, несколькими минутами раньше охватившее его и, казалось, умершее, вернулось вновь. А вместе с ним вернулись и страхи. Слишком многое обрушилось на него, обычного человека, за последний месяц, не говоря уж о гибели Джонса — Гордона, командира и друга, сделавшей его, Уильяма Рейнора Кенлона, американца, здесь, в мире 24 999 года, командиром одного из самых мощных боевых кораблей своего времени — середины XX века, — атомной подводной лодки Соединенных

Штатов, снаряженной 24 — дюймовыми торпедами, укомплектованной зенитным вооружением, дорогостоящим устройством, обеспечивающим невероятно долгое плавание под водой, и столь удачно сконструированным корпусом, что субмарине ничего не стоило погрузиться на 800 футов.

Женщина заговорила снова, на сей раз на языке крылатых, с ноткой замешательства в голосе:

— В чем дело? Вы не понимаете по-английски? Вы что, из варваров — неамериканцев своего века?

Кенлон рассмеялся. Он не мог удержаться: если верить последующим эпохам, то легко представить, кто выиграл все войны после Второй Мировой.

— Извините, мадам, — ответил он по-английски.

— Меня поразила ваша речь… Английский…

Он смешался, пораженный смыслом произнесенных слов. Целый месяц они жили в чужом мире, который все больше отдалял их от людей XX века. Правда, он вы — учил язык крылатых, но умение устанавливать непрочную связь только подчеркивало разницу между двумя расами.

Теперь это кончилось. Здесь находились их соотечественники, неважно, из какого века, но,

видимо, довольно близкого, если судить по языку, сохранившему основные структуры, и в то же время достаточно далекого, коли живущие в нем забыли, что неамериканский мир XX столетия не обязательно был варварским.

Кенлон облизнул губы, но прежде чем успел сказать хоть слово, женщина опередила его.

— Мое имя Дорили. Я Владелец джоаннас, охранников Сессны Клен на пути к брачному ложу. Можно мне спуститься на борт?

Кенлон, казалось, не услышал ее просьбу. Все его мысли были поглощены значением того, что она сказала. Дело было не в использованных ею необычных названиях и именах. У них на борту находились женщины — солдаты, сопровождавшие другую женщину, видимо, большую персону, к венчанию.

Не дождавшись ответа, женщина приняла его молчание за согласие и легко соскочила на мостик.

Она действительно оказалась почти одного роста с Кенлоном. Глаза у нее оказались карими, губы твердыми, а лицу чуть-чуть не хватало, чтобы назвать его прекрасным. И это лицо украшала широкая добрая улыбка.

— Мы узнали о вас еще неделю назад и с той

поры все больше склоняемся к мнению, что ваш корабль единственный, который в состоянии выполнить просьбу крылатых. — Она с любопытством окинула взглядом палубу и люк. — Значит, вот она какая, настоящая субмарина. Я только раз видела такую в музее Великого Града Клена…

Вопреки сильнейшему интересу к каждому ее слову, Кенлон перебил ее:

— Вы сказали, что слышали о нас еще неделю назад?

Женщина снова повернулась к нему, кажется, мгновенно поняв, что он имеет в виду.

— У вас на борту крылатый, не так ли?

— Да.

— Он поддерживает связь на… — она споткнулась на непонятном слове, — волнах — кедлед со своими соплеменниками уже около месяца, только я, к сожалению, лишь за последнюю неделю выучила язык настолько, чтобы разобрать, о чем идет речь. Мы нашли передающий механизм на крылатом, которого сами взяли себе на борт. Он был вшит в его одежду.

Неммо, подумал Кенлон, ловкий ты дьявол!

— Можно, я спущусь посмотрю корабль? — поинтересовалась женщина.

— Нет, — бросил Кенлон, даже не раздумывая.

Женщину, казалось, не расстроил его отказ.

— Тогда приглашаю вас к себе, — улыбнулась она.

— А потом, может, и вы нас пригласите.

Кенлон усомнился в последнем, но приглашение подействовало на него столь возбуждающе, что все поплыло перед глазами от предвкушения неведомых чудес. Он смотрел на женщину, как в тумане.

— Сейчас?

— Конечно, сейчас, — ответила она. — Сессна Клен хочет поговорить с вами.

Кенлон попытался представить неведомую Сессну Клен, но не смог — сознание забастовало. Возбуждение все больше и больше охватывало его, а возможность побывать на корабле будущего казалась все более заманчивой.

«Неужели я пойду? — подумал он и сам себе ответил: — Да, тогда можно будет лучше представить себе положение в этом фантастическом мире будущего».

Кенлон повернулся к Бенджамину.

— Лейтенант, — приказал он, — Вы остаетесь за меня. Никому не позволяйте подниматься на борт ни под каким видом.

— Господи, Кенлон, вы собираетесь туда *один?..*

Прошу прощения, сэр.

— Ничего, — улыбнулся Кенлон, — я вас понимаю. — Он шагнул ближе к помощнику и тихо сказал: — Но ведь двое будут в большей опасности, чем один, не так ли?

— Может быть, вы и правы, сэр, но почему не послать кого-нибудь другого?

Предложение отправить кого-нибудь вместо себя не доставило Кенлону никакого удовольствия, настолько его захватил предстоящий визит.

— Бенни, — раздраженно бросил он, — кому в нашем двадцатом веке должен докладывать разумный разведчик?

Бенджамин смутился.

— Не знаю, сэр, — признался он.

— Он докладывает тем, кто в состоянии осмыслить и оценить собранные им данные, а затем принять верное решение.

— Я понял, сэр. Но у нас на борту таких нет.

— Вот именно поэтому, как старший по чину, пойду я сам. Если со мной что-нибудь случится, мои полномочия переходят к вам. Я буду держать с вами связь по рации.

— Но… — начал Бенджамин, продолжая сомневаться.

Кенлону надоели уговоры.

— Иду я, — резко объявил он. — Это окончательно. Никого не допускайте на борт. Вы поняли?

— Да, сэр, — угрюмо козырнул Бенджамин.

Кенлон повысил голос, пожалуй, даже больше, чем нужно, чтобы услышала женщина.

— И если кто-нибудь попытается что-либо выторговать у вас ценой моей жизни, отвечайте отказом. Никаких сделок ради меня. Ясно?

— Да, сэр! — Но тон первого помощника давал понять, что он думает по поводу последнего приказа.

Кенлон подошел к женщине.

— Подождите, пожалуйста, несколько минут, мне необходимо подготовиться к такому визиту.

Он спустился вниз, взял пистолет, транзисторный передатчик и компас — часы.

Затем быстро побрился, ополоснулся и вышел на палубу.

Минуту спустя Кенлон осторожно поднялся на борт летательного аппарата. Легкий толчок — и аппарат — то ли вертолет, то ли диражабль — тронулся в обратный путь. Между ним и субмариной возникла постепенно расширяющаяся полоска воды.

Глава 9

Минут через двадцать до Кенлона начало доходить, что Дорили с беспокойством поглядывает куда-то влево и вниз. Она перехватила его взгляд.

— Вон тот корабль, — объяснила она, — идет в нашем направлении. Я думаю, они хотят перехватить нас.

Кенлон повернулся. Он сразу узнал судно с двумя металлическими рубками на палубе, отчего казалось, что корабль вот-вот потеряет равновесие. На взгляд Кен — лона, он мчался к ним со скоростью эсминца.

Его курс должен был пересечь курс коптера, примерно, через четверть мили. Кенлон взглянул на Дорили.

— Поднимемся над ними? — махнул он рукой.

Лицо женщины стало напряженным. Она покачала головой.

— В коптер встроено множество ограничений, чтобы ни у кого не возникло искушения применять его в незаконных целях. Мы можем подняться всего лишь на сто футов.

С «мачтами», если это были мачты, которые

Кенлон принял вначале за рубки, судно достигало в высоту футов восемьдесят. На взгляд Кенлона, запаса хватало с лихвой.

— Вверх! — приказал он.

— Нас собьют и… — начала было Дорили, сбилась и сухо кивнула ему. — Мистер Кенлон, *этим* судном командую я. Надеюсь, вы позволите мне действовать по своему усмотрению?

Кенлон не счел возможным спорить. Он молча наблюдал, как сближаются оба судна. Он заметил, как Дорили что-то быстро сказала одной из джоаннас, которая нажала кнопку в металле коптера. Движение вперед прекратилось. Коптер медленно плыл по инерции, все больше замедляя ход. Кенлон с Дорили подошли к поручням на носу.

Кенлон увидел, как на судне открылась дверь и вы — шли два человека в плавках. Один держал в руке какой-то маленький механизм и что — то говорил в него. Странное судно подошло к коптеру почти вплотную. Судя по кильватерному следу, оно приводилось в движение не винтами. Наконец, оно остановилось. Один из появившихся на палубе прошел вперед. Кенлон обратил внимание, что на шее у него висело нечто вроде шнурка, на котором болтался маленький черный круглый предмет. Человек поднес его к губам и

заговорил — сразу же с одной из мачт раздался его усиленный репродуктором голос, обратившийся к ним на языке, который звучал знакомо, но Кенлон его не понимал.

— О, да у них трансфон, — пробормотала стоявшая рядом Дорили. — Отлично. — Она что-то громко крикнула в ответ.

Несколько минут они обменивались фразами. Кенлон видел, что Дорили расстраивается все больше и больше, а человек все сильнее на чем-то настаивает. Кенлон дернул ее за рукав.

— Чего он хочет?

— Вас.

— Зачем? — изумился Кенлон.

Человек на судне с мачтами замолчал.

— Его зовут Робайрст, — неохотно объяснила Дорили, — и если перевести в вашу хронологическую систему, он с приятелем, по-моему, из 6842 года. Они вбили себе в голову, будто мы воспользовались обстановкой и захватили вас.

Она говорила с большой неохотой, и у Кенлона, пристально смотревшего ей в глаза, не было сомнений, что два человека из 69 столетия в *ее* намерениях, по край — ней мере, разбираются точно.

— Они настаивают, чтобы я дала вам воз-

можность поговорить с ними, — потерянно продолжала Дорили.

Кенлон был заинтригован.

— Почему бы и нет?

— Кто знает, что они задумали? — буркнула Дорили.

Кенлон подумал, что ее слова можно отнести как к людям на палубе, так и к ней самой.

— Всех нас мучает одно, — заметил он, — как вернуться домой. Так что вряд ли мы будем резать друг другу глотки.

Люди на палубе, очевидно, стали терять терпение. Говоривший что-то резко выкрикнул, Дорили безропотно отозвалась и повернулась к Кенлону.

— У них спортивное рыбачье судно и оружие, превосходящее наше. Я сказала, что разрешаю им поговорить с вами в течение тридцати минут.

— Разве мы не пойдем вместе?

Дорили угрюмо проворчала, что предлагала это с самого начала, но они не доверяют ей. Кенлону пришло на ум, что он и сам относится к ней точно так же, но он промолчал.

Коптер завис над палубой. С корабля поднялась лестница и со скрежетом коснулась планшира. В ту же секунду корабль уравнял скорость с воз-

душным судном. Кенлон перевалился за борт и начал спускаться на палубу. Лестница оказалась прочной и устойчивой.

Очутившись внизу, он нетерпеливо огляделся.

Спортивное рыбачье судно.

Но он не успел осмотреть все толком: один из ждавший — Робайрст — указал ему на дверь.

Он заговорил в крохотный микрофон, и трансфон — эта замечательная переводная машина, минуту назад объяснявшаяся на языке Клен, — повторил по — английски:

— Сюда, мистер Кенлон.

Здесь все было залито внезапно проглянувшим солнцем. Стены, такие непрозрачные снаружи, оказались изнутри ясными, как воздух. Обстановка состояла из глубоких мягких кресел и диванов, немного удививших Кен — лона, хотя чего, собственно, он ожидал, он не знал и сам. «Конечно, подумал Кенлон, что же еще? В 69 столетии у людей также будут руки и ноги. Они также будут сидеть, есть и спать, и… наслаждаться рыбной ловлей».

— Присаживайтесь, — раздался голос из стены слева.

Кенлон опустился на небольшой диванчик. Старший из хозяев и более массивный — Ро-

байрст — уселся напротив. Второй, помоложе, остался стоять.

Он был какой-то угловатый, остролицый, остроносый и явно сдерживался, поскольку нетерпеливо бросил своему приятелю:

— Могу я начать?

— Тайнар, — представил его Робайрст.

Тот, казалось, воспринял его слова, как намек, и тут же начал:

— Мистер Кенлон, мы, вместе с остальными людьми, насильно доставленными сюда из прошлого, пробыли здесь дольше вас. И всем нам, за одним — двумя исключениями, не терпится вернуться назад. Мы почти единодушны в том, *как* нужно использовать вашу субмарину. — Он сокрушенно вздохнул. — Большинство будет очень расстроено, если, как в свое старое доброе время, вы начнете исследовать ситуацию, взвешивать за и против и, в конце концов, придете к неверному выводу. Поэтому мы с Робайрстом должны сказать, что вы обязаны выполнить решение большинства и разрушить город плавунов.

Робайрст закинул ногу на ногу.

— Одну минуту, — перебил он. — На мой взгляд, вы не совсем убедительно описали наше положение. — Он посмотрел на Кенлона. — Мы

бизнесмены, мистер Кенлон. У нас кончался отпуск, когда эти, — он махнул рукой в направлении гнезда крылатых, — так нелепо затащили нас сюда. Вот уже три недели, как мы обязаны находиться в своих конторах, иначе теряем свои состояния. Понимаете, насколько бедственно наше положение?

Кенлону так не казалось. Должно быть, он что-то не понял в его объяснениях. Он также с беспокойством ощущал, что сам он в большей опасности, чем можно подумать при виде столь мирной сцены.

— Почему бы вам, — заметил он, — не рассказать мне побольше о своем времени и этой вашей необходимости?

Они обменялись взглядами. Затем Тайнар ровно произнес:

— Если мы с Робайрстом не вернемся как можно скорей, правительство передаст наши дела другим, не менее квалифицированным бизнесменам. Если это произойдет, наши имена будут стоять в самом конце квалификационного листа, я уж не говорю, что мы лишимся возможности сохранить у себя это судно.

Из его слов Кенлон сделал вывод, что в 69 веке бизнес не является частной собственностью, и

правительство назначает такого руководителя, какой в состоянии управиться с делами с выгодой для себя. Очевидно также, что при определенных обстоятельствах это лицо может лишиться работы в пользу другого, более квалифицированного лица.

— И что же? — спросил он.

— Я обращаю ваше внимание, — зловеще буркнул Тайнар, — что мы на пять тысяч лет опытнее вас. Именно по этой причине вы последуете нашим советам без спора.

Кенлона покоробили и оскорбили намеки Тайнара на низшую ступень его развития.

— Следуя вашим рассуждениям, — спокойно произнес он, обуздывая свое раздражение, — крылатые являются самыми мудрыми из всех нас, чему я пока не верю. И нужно еще разобраться, стоит ли очертя голову исполнять их условия. Не лучше ли немного подумать?

На лице Тайнара появилось страдальческое выражение.

— Еще один Арпо, — презрительно обронил он.

— Кто — кто? — не понял Кенлон.

Сидевший напротив Робайрст откашлялся и встал.

— Ладно, — сказал он, и вся напускная его добро

— желательность исчезла, — я думаю, мы достаточно поговорили. Итак, да или нет?

Кенлон глубоко вздохнул. Наступал критический момент. Но он не мог даже представить, что согласится. Нельзя же ради благополучия двух человек разрушать город с сотнями или тысячами жителей.

— Нет! — кратко сказал он.

Во время последовавшей паузы Кенлон поглядывал то на хозяев, то на море снаружи. Он чувствовал, что рыбачье судно медленно дрейфует, разворачиваясь, из — за чего теперь видно шарообразный корабль, находившийся сейчас гораздо ближе, чем тогда, когда он видел его в последний раз с палубы коптера, отставшего уже на полмили. До него оставалось во его 150 ярдов, однако никаких признаков деятельности на борту не было видно.

В это мгновение до Кенлона дошло, что оба владельца судна стоят рядом, мрачно глядя на него.

— Командор Кенлон, — начал Робайрст, — надеюсь, вы понимаете, что в этом мире нет законов, с которыми нам пришлось бы считаться?

— Офицеры и экипаж «Морского Змея», субмарины военно-морского флота Соединенных Штатов Америки, готовы вести себя согласно

местным правилам и обычаям, как и в своем собственном веке, — спокойно ответил Кенлон.

Тайнар повернулся к партнеру, разводя руками.

— Вот видите, — усмехнулся он, — пройдет не меньше полугода, пока до него дойдет, что нет иного выхода.

— Он повернулся к Кенлону и бросил ледяным тоном. — Хватит уговоров! Да?.. Или смерть!

Кенлон вздохнул.

— Ну, допустим, я соглашусь, а когда вернусь на субмарину, пошлю вас к чертям? — Он пожал плечами.

— Давайте смотреть фактам в лицо.

Тайнар сухо улыбнулся.

— Когда вы вернетесь на свой корабль, мистер Кен — лон, на коже у вас под мышкой будет укреплена крошечная капсула — одна их тех, которыми мы пользуемся. стреляя больших рыб вроде акул. Вытащить ее вам будет не под силу, а взрывается она на любом расстоянии.

— И если в течение сорока восьми часов после возвращения на субмарину вы не начнете атаку города плавунов, — жестко подхватил Робайрст, — мы взорвем ее дистанционно. Я сожалею, мистер Кенлон, что нам не удалось

договориться по-хорошему.

Кенлон встал.

— Хорошо, — холодно бросил он. — Цепляйте свой крючок, ублюдки!

Тайнар, казалось, не слышал. Он подошел к стене, нажал на нее, открыв выдвижной ящик, и в высшей степени осторожно вынул небольшие щипчики. Между лапками инструмента что-то поблескивало. Он повернулся к Кенлону и, не оглядываясь, протянул свободную руку напарнику.

— Дай — ка набойщик.

Робайрст молча шагнул вперед, положил какой-то плоский гибкий предмет в протянутые пальцы и отступил, не сводя с Кенлона внимательного взгляда.

Тайнар протянул набойщик Кенлону со словами:

— Снимите мундир и приложите его под правую руку, затем я прикреплю капсулу.

Кенлон медлил.

— Я искренне рекомендую вам воспользоваться набойщиком, командор, — раздался голос Робайрста. — Одежда не поможет: не забывайте, эти капсулы пробивают жесткую шкуру акул, а закреплять ее насильно до — вольно болезненно.

Кенлон поверил. Он неохотно начал расстегивать мундир и уже высвободил одну руку из рукава, когда это произошло.

Тайнар вдруг скорчился и осел на пол, следом рухнул Робайрст. Оба лежали, как мертвые, на толстом ковре.

В трансфоне раздался треск, затем послышался голос:

— Командор Кенлон, мы наблюдали всю сцену с нашего корабля. Мы просим вас поспешить, так как они быстро придут в себя. Выходите наружу. Мы подключимся к палубному трансфону.

На палубе Кенлону хватило мгновения, чтобы сориентироваться. Коптер Сессны Клен находился на расстоянии полумили и, кроме круглого корабля, дрейфовавшего совсем рядом, прочие суда оставались так же далеко, как и вначале, заставив его подумать, возможно ошибочно, что на них не очень-то считаются с тем, куда попали.

В блестящем металле огромного шара появилось отверстие. Кенлон ждал. Что-то вроде балкона скользнуло наружу. На нем стояли трое мужчин в одинаковой форме и девушка в купальном костюме.

«Балкон» внезапно отделился от корабля и скользнул по воздуху к Кенлону, меньше чем

за минуту преодолев разделяющее оба корабля расстояние, и замер, паря над палубой рыбачьего судна. Двое мужчин и девушка спрыгнули вниз, третий остался.

Один из спустившихся на палубу, мужчина среднего роста с худощавым лицом, доброжелательно улыбаясь, протянул Кенлону крошечный предмет. Кенлон обратил внимание, что у него остался второй такой же предмет, в который он заговорил:

— Обращайтесь к нам через микрофон, он отправит ваши слова на наш корабль, откуда их передадут на переводной компьютер и систему трансфона.

Кенлон кивнул в знак того, что понял, все его внимание было привлечено к маленькому воздушному судну, спокойно парившему в воздухе над палубой. Очарованный, он подошел ближе. Он вопросительно посмотрел на сидящего в нем человека, тот кивнул, и Кенлон ощупал борт, чувствуя живительное тепло.

Он снова взглянул на сидевшего в нем молодого человека и спросил в микрофон:

— Как оно действует?

Но прежде чем тот успел ответить, один из спустившихся на палубу тронул Кенлона за плечо и,

когда тот обернулся, произнес в микрофон:

— Мистер Кенлон, Робайрст и Тайнар очнутся с минуты на минуту, так что давайте не будем попусту тратить время: вы все равно не поймете совершенно необычный для вас принцип действия нашего катера. Лучше позвольте, я представлю вам себя и своих друзей.

Девушку звали Лиддид, второго человека — Кэмфри, юношу на воздушном судне — Массаганд, последним представился говоривший — Талгоронет — и добавил, что они из Сетидилладской эры истории человечества.

— Насколько мы сумели вычислить, — сказал Тал — горонет, — мы, грубо говоря, из 86 столетия после 20 века, где-то около 10 650 года.

Их шарообразное судно в действительности было космическим кораблем, межпланетной исследовательской лабораторией, совершившей после длительного перелета посадку на воду возле одного города — там — то и появился крылатый, прикрепив к кораблю ампы времени.

— Прежде чем нам удалось от них избавиться, — уныло продолжал Талгоронет, — мы очутились здесь.

Космический корабль!

Под этими словами подразумевались подроб-

нейшие знания планет, истории человечества, передовая технология и…

Раздумья Кенлона прервала девушка, вернее, даже не сама она, а то, что произнес женским голосом трансфон, когда она поднесла микрофон к губам.

— Нам лучше доставить командора Кенлона, — настоятельно заметила она, — или на его корабль, или, — она взглянула прямо на Кенлона, — на коптер Сессны Клен.

Кенлон не стал возражать против предложения поторопиться, но, поднимаясь на борт катера, указал на оставшиеся корабли и не удержался от еще одного вопроса:

— Вы, наверное, прозондировали все корабли лучами, которыми, я полагаю, воспользовались сейчас?

— Кроме одного, — ответил Массаганд. — Вон в тот корабль, — показал он, — мы не смогли проникнуть, не — смотря на все наши старания.

Кенлон посмотрел в указанном направлении и, когда глаза привыкли к мельтешащим теням на покрытой рябью воде, увидел, что ему показывают на большое Торпедо — образное судно, наиболее похожее на субмарину из всех прочих судов.

Лиддид тронула его за руку.

— Куда вас, командор? Мы хотим уйти, прежде чем очнутся Робайрст с Тайнаром. — В ее голосе сквозило нетерпение.

— Давайте на коптер Сессны Клен, — сказал Кенлон.

Через полторы минуты он стоял на палубе коптера, а воздушный катер исчезал в борту круглого корабля.

Глава 10

Кенлон повернулся и увидел, что Дорили стоит рядом с ним.

— Я уже начала беспокоиться о вас, — сказала она.

— Чего они хотели?

— Чтобы я разрушил город плавунов, — пожал плечами Кенлон.

— Вы согласились? — На крупном, красивом лице Дорили появилась тревожная заинтересованность.

До Кенлона вдруг дошло, что Сессна Клен захочет того же самого.

— Я сказал, что мы подумаем, — непринужденно ответил он.

— А те, с космического корабля?

— Просто хотели со мной повидаться, — проворчал Кенлон.

Объяснение, казалось, удовлетворило Дорили, так как она отвернулась и отдала распоряжение: коптер снова начал медленно двигаться.

Вблизи корабль Сессны Клен оказался большой, высокопалубной яхтой почти 200 футов в длину. Коптер опустился в открывшуюся в палу-

бе полость.

Дорили поспешно спрыгнула, торопливо пробормотав что-то своим джоаннас, и жестом предложила Кенлону спуститься.

— Надо торопиться, — сказала она. — Нельзя заставлять Сессну Клен ждать.

Кенлон не возражал. Он прошел следом за ней два коридора и спустился по движущейся лестнице. Наконец, они подошли к двери, открывшейся при их приближении, за которой скрывалось то, что на других кораблях принято называть пассажирским салоном.

В огромном, ярко освещенном зале находилось около пятидесяти дам, одетых в красные с белыми полосами мантии. Могучие джоаннас — Кенлон насчитал их около тридцати — стояли у многочисленных дверей по двое, а в дальнем конце зала выстроились в две шеренги.

Мимолетно приметив все это, Кенлон обратил внимание туда же, куда смотрели остальные.

В кресле в противоположном конце зала сидела молодая, стройная, белокурая женщина. Кресло стояло на помосте, поднимавшемся в футе над полом.

На первый взгляд, женщина казалась почти девочкой, но, подойдя, Кенлон понял, что ей лет

25–27, может быть, даже больше.

Только он подумал об этом, Дорили отступила в сторону, пропуская его вперед. Кенлон продолжал идти, не останавливаясь, пока не очутился в восьми футах от кресла.

Через несколько минут до него дошло, что он оказался вовлечен в целый ритуал этого королевского двора, и он растерялся, не зная, как следует вести себя, чтобы никому не нанести обиды.

В это мгновение Сессна Клен чуть кивнула ему.

Кенлон счел это за официальное приветствие и в свою очередь слегка поклонился.

Вблизи лицо женщины казалось ясным и спокойным. Кенлон подумал, что подобное выражение может поддерживаться лишь благодаря большой силе духа и железной воле.

Прежде чем он смог получше разобраться в этом, женщина заговорила. Голос у нее был глубокий, с чуть заметной хрипотцой. Дорили за спиной Кенлона тут же перевела:

— Командор Кенлон, Сессна Клен приветствует вас на борту своей яхты и просит уничтожить оружием субмарины подводный город плавунов, поскольку она находится здесь, а ее дело не терпит отлагательств: Сессна Клен выходит замуж.

Кенлон вздохнул. Ясность так ясность.

— Я отказываюсь, — сказал он.

Наступило долгое молчание, потом Дорили ошеломленно сказала ему:

— Я не могу перевести этого, командор.

Должно быть, Сессна Клен поняла, что что — то неладно, поскольку обратилась к Владелице джоаннас с каким — то резким вопросом. Та неохотно ответила. Внезапно общий вздох прокатился по залу, и Кенлон понял, что Дорили перевела его слова.

Сидящая перед ним белокурая женщина встала, небрежно бросила несколько слов, затем повернулась к двери, вышла в коридор и исчезла.

— Сессна Клен понимает, что ваше заявление, капитан, продиктовано неведением протокола относительно такой персоны, каковой является она, — сказала Кенлону дрожащим голосом Дорили.

— Только по этой причине ваши слова останутся безнаказанными.

Все это звучало примирительно, но Кенлон взял себе на заметку — местная повелительница привыкла, что любые ее прихоти тут же исполняются. Однако, в данную минуту его интересовало, как выбраться отсюда, тем более, что окружаю-

щая обстановка подавляла его. Тем более, что, кроме всего прочего, стоило заглянуть и на другие суда.

Он молча последовал за Дорили обратно к выходу. Едва появившись на палубе, Кенлон взглянул на солнце, но в его отсутствие небо вновь затянули облака, и солнце угадывалось только неопределенно — смутной яркостью в тучах — правда, это могла быть и иллюзия.

Кенлон подошел к поручням и кивком указал на суда, лежавшие в отдалении с левого борта. Дальше всех находилось самое большое судно, почти прямо по курсу лежала щеголеватая синяя яхта, а за ней длинное темное судно, похожее на субмарину без боевой рубки.

— Что это такое? — спросил он.

Красивое, крупное лицо Дорили чуть омрачилось.

— Еще никому не удалось вступить в контакт с его экипажем, — процедила она. — А на синей яхте всего один человек. Он из периода гораздо более позднего, чем время Клен, и очень могущественный, хотя совершенно миролюбивый. Большой корабль... — Она еще больше нахмурилась, затем с видимой неохотой объяснила, что большое судно называется «Сегомэй 6», что

оно из 2852 года и что экипаж — исключительно мужской — уже делал неприличные намеки и предложения в связи с огромным количеством женщин в эскорте Сессны Клен.

— Туда мы вас не повезем, — закончила Дорили, — но у них имеется своя автоматическая переводная система, так что, если хотите, можете переговорить с капитаном Гандом.

Должно быть, по выражению его лица Дорили поняла, что Кенлон хочет воспользоваться ее предложением, поскольку тут же выкрикнула какое-то приказание на своем языке. Немного погодя одна из ее подчиненных протянула Кенлону небольшой микрофон со словами:

— Капитан Ганд на связи.

Кенлон поднес микрофон к губам.

— Хэлло, капитан, это Кенлон, командир субмарины.

Слова, донесшиеся из микрофона, оказавшегося и передатчиком, были произнесены баритоном скороговоркой с циничным восхищением:

— Так вы уже на борту у Сессны Клен? Быстрая работа! Гм… Ну и как, эти дамы хорошенькие?

Кенлон буркнул, что не обратил внимания.

— Да дело и не в этом, — продолжал Ганд, — если бы мы сумели высчитать кое — то… — Он

запнулся и мрачно добавил: — М-да, печальное положение. Командор, когда люди вроде вас и нас осознают, что при — шли из примитивных времен сюда, где женщины владеют непостижимыми для нас знаниями, это… Что говорить, если маленькие воздушные аппараты для них пустяки.

— То есть? — поинтересовался Кенлон.

Ганд пустился в объяснения, но как Кенлон ни интересовался наукой, основным его намерением было выяснить, как оборудовано судно Ганда, на что потребовалось несколько минут расспросов, зато в результате он уже имел о нем некоторое представление.

«Сегомэй 6» был снаряжен для подводных разработок. Это был корабль поддержки и обеспечения для машин и станций, усеявших океанское дно в 29 веке. В его обязанности входило также снабжение тысячи ближайших подводных шахт, но на корабле не было ничего, что можно было бы использовать против подводного города плавунов.

— Мы пытались, — извиняющимся тоном произнес Ганд, — но этим тварям ничего не стоит обрывать орудия, которые мы погружаем в воду.

Кенлон осторожно поинтересовался, нравится

ли Ганду сама идея истребления плавунов.

— Разумеется, — удивленно прозвучал баритон капитана. — Мои люди с каждым днем теряют в заработке, а я с трудом могу объяснить, где мы находимся. Так что не тяните слишком долго.

Кенлон пробормотал, что, прежде чем решать что — либо, он хочет переговорить с людьми на борту синей яхты и черного корабля.

— Ну-ну, потолкуйте с Арпо, — согласился Ганд.

— С кем?

— С Арпо. Ну, парень на синей яхте. Совершенно безвредный, но голова. Откуда-то из будущего. Совершенно нейтральный и, представьте только, — голос Ганда вдруг стал язвительным, — такой альтруист, что ему даже наплевать на сложившуюся обстановку. Кстати, если хотите поговорить с теми, с черного корабля, желаю удачи. Это пока еще никому не удалось.

— Мы пытаемся войти в контакт с Арпо, — заметила стоявшая рядом Дорили, — но ответа пока нет.

И в ту же секунду в голове Кенлона внезапно оформилась мысль, гласившая: «Командор, я совершенно искренне приношу вам свои наилучшие пожелания. Но я ничего не могу для вас

сделать».

В возникшей мысли были дружелюбие и какая-то чистая сила, настолько могучая, что Кенлон с удивлением почувствовал, как все тело радостно встрепенулось. Он получил ответ.

Все произошло так естественно, так совершенно и быстро, что только после того, как Кенлон среагировал на прием, до него дошло.

Мысленная передача. Телепатия. Причем безупречная телепатия.

В это мгновение снова вернулось ощущение чужой мысли.

«Что, что, что?» — бешено думал Кенлон, не способный ни на что большее.

Видимо, Арпо ждал такой реакции, поскольку ответил сразу, так же ясно и чисто:

«Возможно, лучшее, что я смогу сделать для вас, это дать вам вкратце историю человечества».

Кенлон уцепился за это предложение так, будто цеплялся в шторм за обломок шлюпки, спасая жизнь.

«Да, да!» И он получил обещанное.

Наука исчерпала себя: действительность, лежавшая в основе физической природы окружающей реальной вселенной, была изучена в 38 столетии. К тому времени остались лишь

кое-какие затруднения в изучении и понимании поведения частиц нового, неизвестного доселе вида материи, откуда вытекала возможность видоизменить базисную теорию познания мира.

В подобное изменение входило открытие, что частицы, хоть и следуют статистически правилам поведения частиц, но как одухотворенные личности. Частица была способна делать выбор. Разумеется, не на том уровне, как у различных форм жизни, когда, например, человек делает выбор и идет на север вместо юга или женится на Джоанне вместо Анны.

Девяносто процентов ученых исходило из того, что частица с одинаковым успехом могла двинуться в любом из всевозможных направлений, равно как и остаться на месте, так почему же не подтолкнуть ее туда, куда нужно? Тем более, что для этого нашлась техническая возможность.

Но разрешить и понять целиком физические уравнения удалось лишь небольшой группе ученых, а простые люди в массе, за очень редкими исключениями, так и не смогли понять этого. Так не сумели постичь этого ни 6 миллиардов жителей 13 столетия, ни 3 миллиарда 15-го, ни 16 миллиардов 65 — пика заселенности планеты, — ни 2 миллиарда 85 века. Хотя

давно было обнаружено, что нужный импульс можно выражать в терминах энергии потоков и запрограммировать, человечество было слишком многочисленно, чтобы выработать систему обучения высшему познанию, годную для основной массы.

Поэтому периодически продолжались безжалостные войны, сметая с земли города и не давая мира желавшим его людям.

Перемены пришли лишь тогда, когда предки Арпо, возникшие, вероятно, в результате мутаций, стали появляться в зонах, страдающих от сильной радиации. Они следовали принципу абсолютного добра и непротивления. Войны кончились.

Наступил мир.

Арпо мог только догадываться, что, когда огромные площади земли начали погружаться в океан, были созданы плавуны и крылатые.

«А теперь, командор, — заключил Арпо, — я отвечу на один вопрос, не больше».

В голове у Кенлона кипел целый котел вопросов, и он постарался подавить возбуждение. На мгновение он почувствовал себя мальчиком, которому волшебник подарил одно желание. Он торопливо взглянул на низко сидящее в воде

судно, едва различимое под тусклым небом, и мысленно спросил:

«Кто находится в черном корабле? Я бы хотел поговорить с ними», — тут же добавил он.

«Я не могу прочесть их, — донеслась мысль Арпо. — Они воздвигли настолько сильный барьер, что он полностью расстроил мою избирательную систему, когда я попытался проникнуть внутрь. Я больше не делаю этого».

«Но вы можете проникнуть внутрь?»

«Да, — подтвердил Арпо. — А теперь прощайте. Всего доброго».

«Подождите! — выкрикнул Кенлон. — Что бы вы посоветовали насчет крылатых и плавунов?» Но уже задавая вопрос, Кенлон чувствовал, что чужая мысль ушла. Это было как уход друга, словно он потерял что — то очень ценное. С грустной печалью Кенлон повернулся к Дорили.

— Я думаю, вам лучше доставить меня на мой корабль, — сказал он.

Глава 11

В сумерках начался дождь. Кенлон набросил капюшон и прошел по узкой палубе субмарины, подняв лицо и позволив влаге течь по нему. Дождевые капли были холодными и очень приятными.

Ночь опускалась на водяной горизонт одним общим черным покрывалом. И хотя сами волны чуть светились, видно было всего на несколько ярдов.

Кенлон вернулся в свою каюту, проспал три часа, после чего встал, побрился и отдал приказ погрузиться и идти вперед.

В полной темноте, используя расчеты, сделанные еще днем, он вывел «Морского Змея» на курс, далеко огибающий остальные суда. Когда по его подсчетам они достигли точки с севера от непонятного черного судна, он поднял лодку на перископную глубину и направил на юг самым малым ходом, каким может идти подводный корабль. Винты едва вращались.

Потом Кенлон прошел в боевую рубку.

Находившийся там Бенджамин едва кивнул, увидев командира в костюме для подводного

плавания. Кенлона не обмануло безропотное выражение лица второго офицера, и он попытался улыбнуться.

— Решил вот освоить СКУБА, как ныряльщик.

— Могу только сказать, сэр, — бесстрастно произнес Бенджамин, — что уважаю вас.

— Необходимо как-то проверить, что представляет собой этот корабль. — Кенлон поймал себя на том, что почти оправдывается. — Нужна хоть какая-то информация.

— Разумеется, сэр, — тактично поддержал его Бенджамин.

Не сказав больше ни слова, Бен отдал приказ подвсплыть.

Кенлон в сопровождении двух аквалангистов выбрался наверх. Один за другим они скользнули в темное море.

Вода была тропически теплой. Они неторопливо плыли компактной группой, оставляя еле заметный след в расслабляющей безопасности спокойного моря. Дождь поддерживал своей прохладой, не давая расслабляться. Ночь, и так черная, как яма, казалась еще черней, «…черная вода и черная ночь со всех сторон…» Кенлон всегда чувствовал в воде успокоенность, и сейчас постепенно его напряжение спадало. Он

машинально отсчитывал минуты, и когда ему показалось, что настало время, он потянулся к напарникам и коснулся ноги одного и руки другого.

Они остановились, плавая на одном месте. Оба СКУБ — мена перекинули из-за спины ночные бинокли, висевшие на ремнях. Кенлон сделал то же самое и секунду спустя наблюдал довольно странную сцену.

Он вычислил точно. Торпедообразное судно находилось всего в 30 фугах от них.

Сначала палуба была пуста, однако, мгновение спустя на ней возникло какое — то движение — под дождем что — то происходило.

Держась на одном месте (как он говорил: стоя на плавниках), Кенлон заметил несколько фигур, взбиравшихся на странное судно.

«Плавают по ночам!» — изумленно подумал он. Учитывая дождь и скрытность, происходящее было настоящим открытием.

Кенлон терпеливо ждал, рассуждая про себя, что каждый доставленный сюда из прошлого, вместо купания по ночам, должен быть совершенно поражен страхом.

На палубе снова возникло движение — что-то поднялось из глубины судна. Судя по внешнему

виду, это напоминало боевую рубку.

Разглядев немного погодя спуск с корабля для «купальщиков», Кенлон с трудом подавил в себе сильный порыв подняться на борт и познакомиться.

«Нет, — решил он, — не сейчас, не в такой тьме».

Поднявшиеся на палубу фигуры встали на ноги — одна, затем еще четыре. Кенлон, как зачарованный, смотрел, не отрываясь от ночного бинокля. Дождь, казалось, искажал очертания: фирма, сложение, даже движения поражали какой-то неестественностью — видимо, мешали водяные брызги на линзах.

Кенлон уже собирался дать сигнал возвращаться, когда до него дошло, что даже дождь не мог бы вызывать столь заметные искажения.

Это были не люди.

Больше всего они напоминали крокодилов, стоящих на длинных ногах и передвигающихся с экспрессивностью и уверенностью, на какие ни один из земных крокодилов не способен.

Кенлон замер — это был настоящий удар. Теперь все сводилось к одному: что дальше? Он уныло осознал, что увиденное ничего не дает.

Суть превосходила все ему известное, а ин-

стинкт требовал одного — поскорее убираться отсюда.

Кенлон дотронулся до рук товарищей, продолжавших смотреть в бинокли, и прошептал:

— Видели?

Пожатия рук подтвердили: «да».

— О'кей, пойдем вдоль корабля, посмотрим внимательнее.

Они двинулись вперед, нырнув под судно.

Оно было около 50 футов в диаметре, 40 футов в ширину и 120 в длину.

Как они ни старались, но не смогли обнаружить никаких двигательных механизмов, ни ракетных дюз, ни винтов, ни какого — нибудь отверстия. Ничего.

Кенлон не забыл слова Арпо о барьере, воздвигнутом для охраны корабля, и решил, что двигательные механизмы расположены внутри него. Он мрачно подумал, что разведка не дала никакого ключа к разгадке таинственного судна, и с неохотой подал знак уходить.

Поднявшись на борт «Морского Змея», он сразу же вызвал в капитанскую каюту Бенджамина и Теддерса и описал увиденное.

— Итак, джентльмены, ваше мнение? — закончил он. — Что будем делать со всем этим?

На мгновение воцарилось молчание, прерванное Бенджамином.

— Капитан, вы не интересовались у людей на остальных кораблях, не происходило ли в их время контакта с инозвездными цивилизациями?

Кенлон признал, что подобная мысль у него даже не возникала, и он не понимает, куда клонит Бенджамин.

— Но, сэр, наверняка чужой звездолет доставлен сюда, в будущее, крылатыми неумышленно.

— Гм… — протянул Кенлон. Столь простое объяснение не приходило ему в голову. Конечно, что же еще!

— Я идиот, — объявил он. — Привести сюда Неммо!

Приказ был мгновенно выполнен, и Кенлон задал вопрос.

— Мы не можем связаться с нашими товарищами, доставившими сюда это судно. — Лицо Неммо помрачнело. — У меня предчувствие, что после установки временных ламп они не сумели попасть на борт корабля и остались в прошлом.

— Но сам корабль точно из прошлого? — настойчиво поинтересовался Кенлон.

— Да. После его прибытия временные лампы были еще ясно видны в течение нескольких ча-

сов, потом погасли сами. Очевидно, технические познания у тех людей очень велики. Арпо, разумеется, тоже мог бы это сделать, но он ни во что не вмешивается.

Кенлон принял объяснение — теперь оно выглядело полным.

— Что ж, теперь я знаю свои ближайшие действия, — с удовлетворением сказал он.

— Какие? — жадно осведомился Бенджамин.

— Иду спать, — усмехнулся Кенлон.

Но его подняли, едва рассвело.

Глава 12

Шедшая под хмурым небом с высунутой из воды боевой рубкой субмарина отработала винтами «малый назад» и замерла в миле от торпедообразного судна Спустив на воду ялик, Кенлон отдал швартовы запустил мотор и двинулся в одиночное плавание.

Огромное окружающее пространство казалось теперь привычно знакомым: корабли находились достаточно далеко, и вокруг расстилалось море, безвременное море, которое можно было отнести к любой эре человечества, покрытое рябью, грохочущее, с белесыми гребнями волн — бесконечный водный горизонт, принадлежащий всем поколениям землян. Да, все было бы привычным, не захватывай он краем глаза гнездо крылатых — это невероятное творение разума, вносившее резкую дисгармонию в привычный вид бесконечного океана, который столько лет был для него вторым домом.

И как-то по-детски Кенлон удивился, что находится здесь, что все это действительно происходит с ним.

Тем не менее, он машинально продолжал вы-

искивать что-либо необычное в низко сидящем в воде судне, к которому приближался, ни на миг не забывая слова Бенджамина о пришельцах из космоса.

И тот факт, что они, пришельцы, находились здесь, доставленные из прошлого, открыл ему еще одну страницу в истории человечества.

А теперь подошло время установить с ними контакт, установить открыто, без угроз, и узнать, как они относятся к возможности вернуться в прошлое.

Ялик подошел к кораблю на две сотни ярдов. Кен — лон отработал винтом задний ход, потом снова начал мед — ленно двигаться вперед, и то, на что он втайне надеялся, произошло.

Непонятная конструкция поднялась над кораблем футов на восемь и скользнула к воде. Откатилась в сторону дверь, и изнутри, один за другим, шагнули наружу три существа. И замерли.

Кенлон подумал, что не ошибся ночью: они выглядели как крокодилы, отрастившие цепкие руки и ноги, обретшие умение сохранять равновесие и держаться легко, даже с грацией. Они глядели на Кенлона проницательными глазами. Потом один резко взмахнул рукой, приглашая

его приблизиться.

Движение руки, согнувшиеся пальцы, безошибочное значение в жесте самой механики движения — все это было человеческим по сути, по крайней мере, так представлялось Кенлону, наводя на мысль, что эти существа научились подражать человеческим движениям.

Где-то в глубине сознания Кенлон допускал, что в общении между собой крокодилы обычно не машут руками.

Все это мгновенно мелькнуло у него в голове, пока он маневрировал своим суденышком вперед и вдоль корабля. Один из чужаков указал куда-то рукой. Кенлон направил туда ялик и увидел ступеньки, ведущие из воды, и несколько отверстий, куда можно было привязать лодку.

Он закрепил канат, затем поставил ногу на самую высокую ступеньку, до которой смог дотянуться и которая находилась всего лишь в нескольких дюймах над водой.

Быстро поднявшись, он направился к открытой двери, подошел к поджидавшей троице, сверлившей его глазами. Где-то в глубине его души шевельнулась тревога.

Они расступились, и Кенлон вошел в открытую дверь. Затем чужаки сомкнулись у него за

спиной, и так, под конвоем, он прошел по голому металлическому полу в комнату.

Оглянувшись, Кенлон успел заметить, как скользнула обратно круглая дверь, образовав гладкую сплошную стену, совершенно, на его взгляд, водо— и воздухонепроницаемую.

Пол под ногами внезапно двинулся вниз. Кенлон вопросительно взглянул на сопровождающих. Те не шевельнулись, не издали ни звука, просто поглядели в ответ яркими коричневыми глазами. В ту же секунду движение прекратилось. Бесшумно скользнула в сторону, открываясь, новая дверь. В образовавшемся проеме Кен — лон увидел ярко освещенный коридор. Сопровождавшая его троица вышла и остановилась, поджидая. Кенлон шагнул вперед, обошел их и, пройдя мимо нескольких закрытых дверей, очутился перед открытым проемом.

Немного помедлив, он шагнул вперед и оказался в огромной комнате, где стояло около десятка пришельцев, внимательно разглядывавших его.

Кенлон замер, сознавая, что трое его проводников стоят за спиной впритирку, но их присутствие было ему сейчас безразлично. Он просто физически не мог заставить себя пройти дальше в помещение. Он-словно прирос к полу, отлично

понимая нелепость сложившегося положения. И после, казалось, долгого — долгого времени, а в действительности не более пары десятков секунд, от группы чужаков отделился один, вышел вперед и издал серию ворчаний и свистов — так, по крайней мере, это прозвучало для Кенлона.

Когда он закончил, откуда-то с потолка раздался голос, говоривший по — английски — очевидно, переводчик.

— Человек, мы — раса Уаз, пришедшая из звездной системы в Млечном Пути.

— Мы поняли, что с нами произошло, но возможность путешествия сквозь время ошеломила нас. Теперь главное: мы проанализировали ситуацию и желаем заключить сделку.

Перевод закончился, и Кенлон почувствовал, что напряжение постепенно отпускает его, зато нарастает удивление.

— Откуда вы узнали, что наш язык — английский? — сказал он, когда вновь воцарилось молчание.

Слова его тут же были переведены в ворчание и свист.

— Мы визуально следили за вами во время ваших поездок на корабли, — ответил чужак, — настроив наши приемники на их автоматические

системы, а прошлой ночью засекли вас в воде и приняли те несколько слов, что вы сказали своим спутникам.

Кенлон выслушал перевод с каким-то смутным, неприятным предчувствием. Его смущали пристальные, немигающие взгляды пришельцев и сознание, что прошлой ночью их засекли и просто разрешили осмотреть судно.

— Мы жители воды, — продолжал чужак, — но этот корабль оснащен для космических перелетов и малопригоден для подводных работ и изысканий.

Кенлон услышал это с непонятным ему самому облегчением.

— Мы совершенно искренни, — продолжал чужак, — и вы нужны нам так же, как и всем остальным.

Кенлон промолчал. У него возникло сильное ощущение, что лучше бы ему и экипажу «Морского Змея» не иметь никаких дел с этими пришельцами. Ощущение это переросло в уверенность, что на сей раз он по — настоящему угодил в ловушку. Вырваться от этих тварей будет нелегко. Он предчувствовал, что Уаз, как они себя называют, добиваются поставленной цели, не отклоняясь от нее ни на дюйм.

Но всей правды он еще не осознал.

Во время продолжавшегося разговора он слегка расслабился, но держался настороже.

— Мы будем, — звучал голос машины — переводчика, — совершенно откровенны…

Их корабль — один из многих — покинул родную планету 4 000 лет назад. Исследуя обитаемые миры, он на сто световых лет удалился от своего светила, когда вошел в Солнечную систему. Люди того времени привыкли к инозвездным пришельцам и радушно приняли их. И тогда Уаз смогли без помех начать *преобразование,* находясь в уединенной местности Земли. *Преобразование* заключалось в нарушении сцепления частиц в атомах камня. В результате от камня оставалась грязь. Но эксперимент вышел из-под контроля, и теперь он видит его результат.

Кенлон услышал высокий, срывающийся голос:

— Вы что… Это вы испоганили планету?! — и понял, что это его собственный голос. Он тут же замолчал, пораженный и ошеломленный нахлынувшими чувствами.

Однако Уаз продолжал, не обратив на его слова никакого внимания, будто не слышал:

— Расщепление, раз начавшись, последова-

тельно вызвало все остальное. Существуют определенные процессы, которые могут легко начаться, но остановить их — все равно, что собирать по одной песчинке разнесенную ветром гору.

Кенлону ясно представилось распространение этой грязи, погружение в море земли, наступающий прилив, несущийся по растворяющимся материкам, и миллионы людей, тонущих, задыхающихся в реках, озерах, океанах грязи и воды.

Это было настолько страшно, что прошло несколько секунд, прежде чем Кенлон понял, что чужак рассказывает, как менялась планета, а люди до гибели успели создать плавунов и крылатых.

И очевидно, кто-то узнал о действиях чужаков, потому что крылатые, вернувшись в прошлое, установили свои временные механизмы только на одном корабле во всем том отрезке времени. Невозможно было поверить, что это лишь совпадение.

— Совершенно очевидно, — закончил пришелец, — что никакой другой корабль здесь не появится. Таким образом, наш долг самим разобраться в сложившемся положении. Отсюда наши предложения. Плавунов слишком много,

и мы не в состоянии завладеть этой планетой, пока они существуют. Во-первых, их город должен быть разрушен. Во — вторых, необходима охота за уцелевши — ми плавунами до полного их истребления. Нам вполне по силам второе, но не первое. Если вы поможете нам, мы не станем мешать жизни и деятельности крылатых, и, разумеется, не причиним вреда ни одному человеку из прошлого и не воспрепятствуем возвращению людей в свое время. Мы высказали наши условия. Каково ваше решение?

Кенлон не поверил. Из страшного рассказа он сделал вывод, что Уаз ищут планеты, которые можно превратить в идеальное место для жизнедеятельности своей расы. На Земле они нашли то, что искали, и разрушили ее, а затем по какому-то фантастическому совпадению оказались перенесенными крылатыми в будущее. Они находились здесь, в будущем, но и на расстоянии всего ста лет пути от своей планеты. Что же мешало им отправиться домой и вернуться с подкреплением?

— Почему вы не сделаете этого? — спросил Кенлон, поясняя свою мысль.

Произошла небольшая заминка. Чужак повернулся к остальным, видимо, совещаясь, поскольку последовал обмен ворчаниями и свистами,

однако, без перевода. Затем он решительно обернулся к Кенлону, и вновь заработал переводчик.

— Полет туда и обратно займет двести лет, а тем временем плавуны добьются своего и уничтожат крылатых. И это поможет им в достижении их цели — добраться до памяти компьютера в гнезде и, воспользовавшись ей, создать тысячи таких городов, какой у них пока один.

Чужак сделал жест, совершенно не похожий на человеческий, какое-то змееобразное движение тела с изгибом шеи. Кенлон не понял, что это означало, однако, слова были вполне ясны.

— Таким образом, мы вынуждены остаться и захватывать эту планету с тем, что у нас есть.

— Но тогда, — упорствовал Кенлон, — почему бы вам не установить местонахождение компьютера в гнезде и не уничтожить его?

Вновь последовал чуждый человеку жест.

— Компьютер, — сказал Уаз, — создан сухопутами в более поздние времена и основан на научных достижениях более передовых, чем наши — он защищен от любых мер воздействия, которые мы можем применить.

— Но тогда он защищен и от плавунов?

— Несомненно, — согласился чужак, — но после уничтожения крылатых компьютер посчитает

себя обязанным служить второй разновидности человеческой расы. У вас нет выбора, человек, вы в будущем и ваш корабль необходим для достижения наших целей. Вы должны уничтожить город плавунов — таково наше требование.

Требование! Где-то в глубине души Кенлон ощутил нарастающий страх.

— Мы, — сказал в заключение чужак, — разрешаем вам вернуться на корабль… — Кенлон облегченно вздохнул. — Мы даем вам продолжительный срок для рассмотрения наших требований. Можете советоваться с другими людьми. Когда пройдет достаточно времени, мы потребуем от вас действий. Если вы откажетесь, мы начнем уничтожать другие корабли один за другим в надежде, что это заставит вас одуматься. Если вы. будете упорствовать, мы будем караулить ваш корабль и, рано или поздно, без поддержки других кораблей, настанет благоприятный момент, и мы захватим ваше судно. Можете идти.

Кенлон вышел.

Глава 13

— К нам приближается геликоптер, сэр, — доложил поздним утром вахтенный с палубы. — Те же люди, что были здесь вчера.

Недоумевающий Кенлон направился наверх. «Неужели снова Клен?» — думал он на ходу.

И не ошибся. Над волнами спокойного сегодня моря медленно направлялся в находящейся в состоянии подвсплытия лодке с чуть поднимающейся над водой палубой маленький коптер. После промозглого, тусклого утра наступил день, в котором облака, несущие мелкие дождевые брызги, чередовались с пробивающимся солнечным светом.

Вскоре Кенлон различил Дорили. И чем ближе подлетал маленький экипаж, тем тревожней он себя чувствовал. Он понимал — отчаявшиеся люди способны на все. Когда до коптера оставалось около ста ярдов, Кен — лон решил не делать особых приготовлений, но все же приказал экипажу собраться внизу у люка и быть готовым дать субмарине по команде полный ход.

После угроз чужаков Кенлону уже не казалось, что он чересчур осторожничает. Он знал, что

в научном от — ношении все присутствующие здесь люди превосходят их, и подозревал, что в некотором роде экипаж «Морского Змея» уподоблен дикарям, стоящим с копьями перед дулами винтовок.

Минуту спустя Дорили быстро соскочила на палубу субмарины. Кенлон козырнул. Женщина шагнула вперед и сказала официальным тоном:

— Сессна Клен желает посетить ваш корабль.

«Провались ты», — подумал Кенлон.

— Вы имеете в виду… она на… прямо сейчас? — промямлил он.

— Да, она в нижней кабине.

Кенлона охватило какое-то смешанное чувство удивления, опасения и безнадежного расстройства — последнее проистекало от твердой уверенности, что Сессна Клен не примет отказ, а безнадежность — от убеждения, что если она рассердится всерьез, то прикажет обрушить на них всю научную мощь своего времени.

Последние часы его мучила мысль, как объединить всех людей против чужаков Уаз, и его смущение этим неожиданным женским визитом являлось следствием страшного открытия на корабле пришельцев.

Внезапно Дорили взглянула ему в глаза и ска-

зала с дрожью в голосе:

— Не вздумайте отказать. Я не могу вернуться с отказом. Я просто покончу с собой.

Кенлон вдруг осознал, что в ее положении иного выбора нет.

— Но что она хочет? — безнадежно спросил он.

— Она захотела навестить вас после того, как мы увидели вас в воде прошлой ночью, — ответила Дорили.

— Она до сих пор не в состоянии поверить, что человек может быть столь храбрым. Мужчины эры Клен… — Дорили поколебалась, — робки. По-моему, ее визит частный. Она просто хочет еще раз увидеться с вами.

Кенлон криво усмехнулся, подумав, что, невзирая на непроглядно — черную ночь, они с товарищами были для остальных как на ладони.

— Вы видели тех, на борту? — поинтересовался он.

— Нет. Судно окружено защитным полем.

— И еще, — продолжал Кенлон, — вы говорите по-английски, не пользуясь переводной машиной. Как это вам удается?

— Когда мы по — настоящему желаем выучить чей — нибудь язык, то не пользуемся переводным комплексом. Мы используем поле — языковая

структура как бы впечатывается прямо в мозг. Разумеется, мы не изучаем все языки напропалую, но когда нужен всего один и на порядочное время, приходится учить. Ну, а когда в нем больше нет нужды, мы стираем его из сознания, проходим, так сказать, «де — отпечатку».

Кенлон промолчал.

— Конечно, — продолжала Дорили, — в совершенстве чужой язык за короткое время не выучишь, но овладеть минимальным словарным запасом и разговорными навыками вполне можно.

По ее описанию, мировые языки сначала лишились своих корней, потом фонетики, причем не только фонетики в привычном понимании, не только гибкости и ударения, но и акцентов, и интонаций. Со временем изменился и порядок составления фраз. Все это, равно как и корни с фонетикой, теперь исчезнувшие, были записаны и введены в переводные компьютеры с последующим развитием по мере необходимости. Если же компьютер «слышит» язык, не вложенный в его программу, он начинает сравнивать каждое слово с известными корнями и фонетикой, искать связь с похожими обозначениями, и таким образом не только предлагает почти мгновен-

ный перевод чужого языка, но, если разговор продолжается довольно долго, исследует каждый слог и уже по этим звукам программирует себя, вследствие чего немного погодя способен давать простейшие, а затем все более возрастающей сложности ответы на этом языке с отличным произношением.

— То есть, — подытожил Кенлон, — ваши переводные машины не имеют программы английского языка?

— Вот именно, — кивнула Дорили.

Кенлону припомнился американский сленг, что с такой легкостью использовал Ганд, и он подумал: «Будь я проклят!»

— А Сессна Клен тоже выучила язык? — невольно заинтересовался он.

— Ну, я имею в виду, для этого визита?

Дорили была ошеломлена — Кенлон ясно видел это по ее лицу.

— Конечно, нет, — отрезала она, чуть не задохнувшись от возмущения. — Не хватало только, чтобы дамы ее положения пользовались энергополем. Непостижимо!

— А может, у нее просто нет необходимой подготовки? — с нажимом продолжал Кенлон.

— Естественно, нет, — негодующе бросила

Дорили.

Это ничего не давало, хотя и немного успокоило Кенлона. Прежде он сомневался, что Сессна Клен разбирается в науке своего времени, теперь убедился окончательно. Он откашлялся, подумал еще немного и, наконец, решился:

— Спуститься может только сама Сессна Клен.

Дорили облегченно вздохнула.

— Конечно, — улыбнулась она, повернулась и поспешила обратно к коптеру, а Кенлон торопливо вызвал Бенджамина, Теддерса и несколько человек из экипажа на палубу, и описал ситуацию.

Хладнокровный Теддерс ничего не сказал, но Бенджамин был шокирован.

— Вы правда хотите разрешить ей спуститься вниз?

— Я спускаюсь первым, — сказал Кенлон, — затем она, вы же следуете за ней с оружием наготове. Не спускайте с нее глаз.

— Да, сэр, но как мне понять, если она сделает подозрительное движение? Я ведь могу и ошибиться.

Вопрос был непростой, но у Кенлона уже не оставалось времени.

— Надейтесь на интуицию, — быстро пробормо-

тал он. — Черт побери, все — таки одна женщина против ста двадцати мужчин! Все, они идут!

От коптера отцепилась лесенка и по ней, держась за перекладины ступеней, возможно, чуть более напряженно, чем требовалось, на стальную палубу субмарины изящно спустилась Сессна Клен.

Кенлон подал руку, когда она очутилась внизу. Волнение на море стало довольно сильным, и субмарину основательно покачивало. Сессна судорожно вздохнула и замерла, побледневшая и явно ошеломленная.

Но тотчас губы ее сжались, и она решительно двинулась вперед, держась за его руку — красивая женщина с царственной осанкой.

Они спустились вниз, но когда очутились в рубке управления, что-то изменилось в ее поведении — исчезла надменность, глаза стали ярче и тревожнее.

Она что-то сказала в миниатюрный передатчик на запястье, и секунду спустя Дорили, находясь на борту коптера, дала перевод:

— Сессна Клен спрашивает: эта та комната, откуда управляются все автоматы и машины корабля?

— Да, — подтвердил Кенлон.

Отвечая, он вдруг понял, что ее вопрос отличается от его ответа. Для него рубка управления была центром, откуда капитан командует кораблем, тогда как автоматы и машины подразумевают нечто гораздо более далекое.

Иной раз в свободную минуту Кенлон пытался представить себе полностью автоматизированную субмарину, требующую всего одного человека для управления, и приходил к мысли, что использование согласованности энергопринципа со скоростью работы двигателей и автоматическое управление мириадами функций на борту лодки колоссально сократит обычный риск подводных плаваний.

— Знаете, я ведь так и не спросил, из какого вы времени по нашему счету? — сказал Кенлон, отгоняя неуместные мысли.

Сессна живо повернулась и взглянула на него.

— Сто тридцать пятый век от Рождества Христова, — перевела Дорили.

Это было больше, чем прикидывал Кенлон, и он встревожился. Он подумал, что, по сравнению с людьми из круглого корабля, он чувствовал себя дикарем, а ведь время Клен находится гораздо дальше от XX века, вооруженное непостижимыми знаниями.

«Слишком многого я не знаю об этих людях», — с беспокойством подумал он.

Кенлон снова взглянул на Сессну и увидел, что та раскрыла небольшую изящную сумочку, с которой вышла из коптера. Ее поведение изменилось. Казалось, она приняла какое-то решение, так как что-то жестко приказала на своем языке. Ее рука вынырнула из сумочки с горсткой белых кристаллов.

Одним широким взмахом она рассыпала кристаллы по полу.

Кенлон не успел среагировать — все произошло мгновенно.

Что-то заструилось из кристаллов, что-то осязаемое, взбудоражившее нервы. Кенлон услышал приглушенный вскрик Бенджамина. Тот вдруг превратился в замершую статую. Одновременно помощник инженера — электрика, внимательно изучавший морскую карту на столике, тоже замер, окостенев.

Кенлон ощутил неприятное покалывание. В следующую секунду Дорили перевела слова Сессны:

— По закону Клена Сессна главенствует над всеми и всем. По этой причине она принимает на себя командование этим кораблем.

Слова эти молотом поразили Кенлона. Он напрягся изо всех сил…

…и ничего не произошло.

Он не мог шевельнуться, мышцы одеревенели под воздействием неведомой силы.

Он отчаянно боролся, стараясь дотянуться до своего пистолета, но не мог даже пошевелить рукой.

Нарастающая волна паники захлестывала его. Кенлон смутно осознавал, что Бенджамин замер точно в такой же позе, как и он сам.

Кенлон ощущал, как оцепенение постепенно распространяется к пальцам, лицу, горлу. Он чувствовал себя окоченевшим трупом, за тем исключением, что труп не сознает, что парализован.

Полностью вооруженную и укомплектованную экипажем субмарину ВМФ США захватила одна-единственная женщина.

Тем не менее, несмотря на паралич, сознание действовало, отмечая все мелочи: и море, бьющее в борт «Морского Змея», и выражение лица Сессны Клен. За толстыми стеклами иллюминаторов рубки, перед одним из которых стоял инженер — электрик, разделивший участь своего помощника, Кенлон видел волны, омывающие палубу.

Краем глаза он заметил, что Дорили в сопровождении помощниц спускается по лесенке на палубу. Через несколько секунд они были в рубке управления. Дорили осталась, Сессна и джоаннас вышли и вскоре исчезли в коптере.

Очутившись внизу, Дорили едва удостоила Кенлона взглядом.

Кенлон стоял. Он не чувствовал ничего, но сознание оставалось ясным, сердце билось, легкие продолжали работать. Однако, ни двигаться, ни говорить он не мог.

Здесь никого не собирались убивать. Субмарину захватили, чтобы выполнить просьбу крылатых. Все знали, что только «Морской Змей» в состоянии совершить задуманное.

Кенлон чувствовал себя опозоренным: двух дней не прошло с той минуты, как он принял командование, а уже лишился корабля, угодив в расставленную женщиной ловушку.

Через несколько минут он увидел, что улыбающаяся Дорили закончила осмотр рубки и направилась к машинному отделению в сторону кормового торпедного отсека.

Должно быть, она продолжала разбрасывать свои дьявольские кристаллы, поскольку повсюду, где она проходила, люди замирали, парализован-

ные, в тех позах, в каких их заставало воздействие кристаллов: сидя, стоя, лежа, и наверняка думали о командире, обманувшем их надежды.

Через некоторое время Дорили вернулась в рубку, неся тяжелый на вид мешок.

— Ручное оружие, — ворчала она, — какая тяжесть! Что за ужасный корабль — пространства никакого, а между безобразными машинами и вообще не протиснуться!

Кенлону невольно припомнились малютки, на одной из которых он, как офицер военно-морского флота, совершил свой первый рейс. Интересно, что бы сказала Дорили о ней, в сравнении с которой «Морской Змей» выглядел роскошным лайнером.

Эта мысль мелькнула и тут же исчезла. Кенлон снова попытался шевельнуться и, видимо, на его лице отразились усилия. Женщина бросила на него быстрый взгляд.

— Стойте, стойте, — пробормотала она. — Все — таки мы знаем больше, так что не кляните себя, ничего страшного не произошло. Я даже уверена, что вы будете благодарны.

Кенлон сильно сомневался в этом. Дорили помолчала и заговорила вновь:

— Обычно мы не занимаемся такими делами,

но выхода не было: миссия Сессны Клен должна завершиться.

С большой неохотой Кенлон вынужден был признать, что с позиции Клен в происшедшем ничего дурного нет. Но он, он сам должен был знать или хотя бы понять, что женщина, собравшаяся замуж, становится тигрицей.

— Да, вам не стоит сопротивляться, — сказала Дорили.

Ее заявление казалось столь необычным, что Кен — лон оторвался от горьких раздумий — кроме людей на мостике, корабль был уже потерян. Хотя, подумал Кенлон, Теддерс, Дароски и остальные пока свободны. Видимо, с ними не удалось поступить так же, как здесь.

— Вашим людям снаружи, — продолжала Дорили, — лучше сдаться, иначе им придется пожалеть о своем поведении. К сожалению, нейтрале не действует на открытом воздухе.

Очевидно, она имела в виду парализующие кристаллы. А что до сдачи в плен, Кенлон вдруг понял, что Теддерс и остальные уже все равно что покойники.

Разумеется, это не означало, что моряки военного флота никогда не сдаются, но они, по крайней мере, сдаются не сразу, и уж во всяком

случае, не станут сдаваться женщинам — в этом Кенлон был уверен. В это мгновение краем глаза он заметил голову и плечи Теддерса, склонившегося над люком, и услышал его слова:

— Приближается крылатый, сэр, он... — голос прервался, потом Теддерс взревел: — Это еще что?!

Он рывком отпрянул назад, но голос его продолжал греметь на палубе, доносясь вниз:

— Дароски, оружие наизготовку!

Теддерс ступил на трап и в следующее мгновение его тело рухнуло вниз. За ним последовали еще пять человек. Нейтрале действовал быстро — все моментально оцепенели.

Кенлон наблюдал, как Дорили собрала их оружие в мешок, затем достала из кармана тонкий металлический брусок размером с гребенку и подошла к Кенлону.

— Я хочу, чтобы вы вышли на палубу и убедили своего подчиненного быть благоразумным. Вот это зарядная пластина, — она подняла брусок вверх, — даст вам возможность двигаться.

Она вложила брусок в руку Кенлона. На ощупь брусок оказался прохладным. Кенлон не сознавал до этой секунды, насколько он возбужден. Прохлада была, как дыхание свежего воздуха,

ударившего в жаркое, затхлое помещение.

— Как только сможете, — сказала Дорили, — положите пластину в карман. И не делайте ничего опрометчивого. Я могу нейтрализовать «бар» мгновенно.

Кенлон не поверил. Ее собственный иммунитет вряд ли бы природным, скорее, он происходил от такого же бруска, и стоило нейтрализовать его, как она сама подверглась бы воздействию нейтралса. Но несмотря на свою догадку, Кенлон не собирался проверять ее на практике, по крайней мере, до тех пор, пока не выработает план. У него сразу мелькнула мысль о приближающемся крылатом. Если суметь сообщить ему о положении дел и убедить, что весь замысел крылатых поставлен под угрозу этим пиратским нападением…

Мысль мелькнула и исчезла. Кенлон машинально сжал пальцы — они двигались. И странно — угнетенное состояние внезапно покинуло его. Он судорожно стиснул «бар». Внимательно наблюдавшая за ним Дорили отступила назад, не сводя с него сузившихся глаз. Ее левая рука покоилась на металлическом стерженьке, висевшем на поясе.

— Как только поговорите со своим человеком, — сказала она, — я дам вам накидку, которая

нейтрализует нейтрале элементом, вплетенным в ткань. Можете носить ее под мундиром. Нет никаких причин держать вас в парализованном состоянии. Мы не желаем наносить ненужные оскорбления никому на вашем судне.

— Вы делаете огромную ошибку, — проговорил Кенлон. — Вам не удастся управлять субмариной без помощи обученного экипажа и…

Он замолчал. Речь вернулась так естественно, и лишь теперь до него дошло, что мгновением раньше голосовые связки были парализованы. Он поднял руку, шагнул вперед — тело слушалось легко и естественно.

— Прошу вас, — нервно сказал он, — освободите корабль. Я обещаю выслушать каждого по вопросу об атаке города плавунов. К тому же, у вас нет его координат, вы…

— Лучше поспешите на палубу, — жестко сказала Дорили, — и воздействуйте на своего человека.

На палубе бледный Дароски держал под прицелом коптер, делая угрожающие жесты. Одетые в форму джоаннас, пригнувшись за планширом, в свою очередь на — целились на него металлическими стержнями. Сессны Клен нигде не было видно — очевидно, она удалилась в свои пышные

покои. Выслушав объяснения Кенлона, Дароски осведомился с полубезумным выражением на лице:

— Так что же, сэр, открывать мне огонь или нет?

Кенлон колебался. Чуть помедлив, он подошел к люку и крикнул вниз:

— Что дальше?

— Прикажите вашему человеку, — донесся ясный, твердый ответ, — убрать оружие. Потом на борт поднимутся мои джоаннас.

Кенлон медленно выпрямился. Он чувствовал себя старым и уставшим. Почти невидящим взором он уставился на серое небо, потом на гору в небе, нижний край которой нависал над ними в трети мили. Чуть погодя он заметил крылатого, о котором докладывал Теддерс. Тот кружил в трехстах футах над головой, вглядываясь вниз на происходящее. Казалось, он колебался, в его движениях отсутствовала цель. Слабая надежда, что он может привести помощь, угасла. Кенлон вздохнул.

— Ладно, Дароски, — бросил он, — отойди.

Мгновение спустя джоаннас были на борту. Сопротивление кончилось, субмарина была в чужих руках.

Глава 14

Свободу его не ограничивали. Кенлон безутешно бродил у поручней, всматриваясь вперед. Машинально он отметил, что коптер Клен медленно отлетел от «Морского Змея» с одной джоаннас на борту. Очевидно, она должна была доставить Сессну Клен на яхту. Так же машинально он отметил, что из пяти джоаннас четыре спустились вниз, оставив одну охранять его и Дароски. Кен — лон нервно рассмеялся — одна женщина охраняла двух мужчин. Но это было ничто по сравнению с тем, что одна женщина захватила корабль с вооруженным экипажем свыше ста человек.

От грустных мыслей его отвлек Дароски, подошедший ближе и опершийся локтями на поручень.

— И что они собираются делать, сэр? — мрачно спросил он. — Кстати, к вам они относятся с уважением…

— Не хотят наносить мне оскорблений, — буркнул Кенлон.

— Повесили на меня вот этот железный брусок, — он поднял правую руку с «баром». — Если

бы набрать побольше таких и вырвать команду из-под действия проклятых кристаллов…

— Откровенно говоря, — здраво заметил Дароски, — вряд ли нам это удастся, сэр. А как они действуют?

Кенлон вкратце описал свои ощущения.

— По-моему, кристаллы создают электрические импульсы, препятствующие нейронным передачам мозга к нервным окончаниям. — Кенлон помолчал. — Я думаю потихоньку собрать все кристаллы и вышвырнуть их за борт.

— Вряд ли это пройдет с малюткой Дорили, — отозвался Дароски. — Эта баба напоминает мне вторую жену моего отца.

— Что ж, — вздохнул Кенлон, — ничего не остается делать, как принимать ситуацию таковой, как она есть. Я думаю, нам все — таки вернут корабль. Нужно проследить, чтобы эти джоаннас не повредили его. Сопротивляться?.. Черт побери, я не могу рисковать жизнью ста двадцати человек и нашей субмариной только из — за того, что задета моя гордость.

И Кенлон мрачно подумал, что принял решение.

— Собственно, — хрипло продолжал он, — я ненавижу плавунов после того, что они сделали с

капитаном. Просто взяли и хладнокровно убили, словно мы какие-то неполноценные обезьяны. И все равно я никогда не считал это достаточной причиной для уничтожения их города. Тем более, что могущественные сухопуты специально создали эти два вида, чтобы человек мог продолжать жить на разрушенной планете. Я готов признать, — продолжал он без всякого воодушевления, — что плавуны выглядят безжалостными убийцами. Неммо как-то упоминал, что плавуны создали какие-то особые лучи, которыми сумели приблизить парящий остров на целую милю к водной поверхности. Их цель, по ело — вам Неммо, затянуть остров под воду и утопить всех крылатых. Если это правда, то, разумеется, следует что-то предпринять, чтобы остановить их. Но теперь все осложнилось. — Кенлон имел в виду Уаз, но не посмел назвать их прямо. — В общем, если Клен добьются своего и разрушат город плавунов, это станет концом человечества на Земле.

Он замолчал, увидев поднявшуюся на палубу Дорили. Подойдя, та бросила охраннице:

— Махни крылатому, пусть спускается. Он уже понял, что все прошло нормально — корабль захвачен.

Кенлону показалось, что он ослышался.

— Что вы сказали? — ровно спросил он. — Крылатые знали о готовящемся нападении на субмарину?

Дорили не ответила, да Кенлон и не нуждался в ответе — крылатый в небе стал приближаться к субмарине.

Забавно, подумал Кенлон, что за все время нападения я не вспомнил о крылатых, вернее, не подумал о них, как о союзниках Сессны Клен. А ведь наверняка именно они искусно использовали Сессну, намекнув, скорее всего, что ее место на брачном ложе займет другая. Видимо, их отчаяние настолько огромно, что победило ту характерную мягкость, которую я видел в Неммо.

Кенлон почувствовал внезапную печаль. С каждой минутой дело становилось все более грязным. И пусть теперь казалось, что выхода нет, он отказывается признать это за конец.

Крылатый легко опустился на палубу возле Кенлона. Он был чуть выше Неммо и моложе. Лицо его, однако, также выглядело ястребиным и на нем светились пронизывающие серо — голубые глаза. Он носил такую же, как у Неммо, меховую накидку с головы до пят, настолько облегавшую его, что с трудом верилось, что это не часть тела. Крылья у него были темно — серые, с черными

полосками. Крылатый направился к Дорили, не взглянув на Кенлона.

— Какие-нибудь затруднения? — осведомился он.

— Никаких, — последовал колкий ответ.

Кенлон мрачно усмехнулся.

— План несколько изменен, — продолжал крылатый.

— Изменен? — переспросила Дорили. — Все, что от вас требуется, Ларен, дать нам координаты подводного города. Остальные сделаем мы.

— Совет, — объяснил Ларен, — хочет сначала увидеть его.

— Совет, — повторила Дорили, — Совет. Только и слышу: Совет велел то, Совет не велел это. Совет не советует вам сообщать нам местонахождение города плавунов, и вы ему подчиняетесь. По-моему, — она запнулась и нахмурилась (Кенлон уже обратил внимание, что Дорили теряет все обаяние, когда хмурится), — вам стоит распустить Совет.

— Мы никогда не распустим Совет, — величаво ответил Ларен, качая головой. — Тем более сейчас, когда цели древних столкнулись с жестокой реальностью нашего положения. — Он немного помолчал. — Я не вижу причин, почему коман-

дор Кенлон не может предстать перед Советом. Вам все равно потребуется время на знакомство с подводным судном. Неммо останется на борту и поможет вам, если сумеет.

Дорили рассмеялась коротким тяжелым смешком, наведшим Кенлона на мысль, что никакой успех не смягчит ее характер, и сказала:

— Я не вижу затруднений выправлении субмариной. Командир и экипаж находятся на борту, и у них сейчас гораздо больше желания, чтобы с судном ничего не случилось. Рискуют — то их кораблем. Но вы можете забрать его пока, если хотите, — равнодушно закончила она. — Я послала за техническими справочниками о древних субмаринах, да к тому же еще придется знакомиться с механизмами. Только не задерживайте его слишком долго.

Дарен выглядел обиженным — ему явно не понравилось ее пренебрежение к Совету.

— Мы не хотим, чтобы командор действовал вслепую, — заметил он. — Возможно, ему предоставят кое-какую информацию, которая ничем не повредит нашим интересам. — В этот момент он, видимо, понял, что напрасно тратит время, и повернулся к Кенлону. — Надеюсь, вы не возражаете против того, чтобы посетить наш город?

Кенлон ответил не сразу. Он постарался припомнить все, что говорил о Совете Неммо. Кажется, именно Совет дал информацию о том, как создать временные лампы, которыми воспользовались, чтобы доставить субмарину и прочие суда в 24 999 год.

— Вы не представляете, — вновь заговорил Дарен, — как мы сожалеем о случившемся. Это противно всей нашей сути. Я надеюсь, вы не откажетесь от встречи с Советом.

Кенлон вовсе не собирался отказываться. Больше всего он хотел узнать обо всем происшедшем.

— Прежде, чем я отправлюсь, вы, надеюсь, не станете возражать, если я приму кое-какие меры для безопасности моего корабля? — спросил он Дорили.

— Можете быть уверены, — убежденно проговорила Дорили, — что я лично присмотрю за всем. Я ведь понимаю, какая опасность грозит от плавунов.

«Не только от плавунов, — хмуро подумал Кенлон.

— Есть еще кое-кто, кого следует опасаться. Например, Уаз».

Припомнив все, что рассказывал Неммо о временных лампах, Кенлон предложил:

— Не стоит ли отсоединить ваши машины времени, — он жестом указал, что имеет в виду, — и опустить их зажженными в воду? Они сделают море буквально прозрачным вокруг и караульным не составит труда следить за водой.

Еще не закончив, он уже видел, что Дарен одобрительно улыбается.

— Лампы Гихландера, — согласился он, — идеально подходят для вашей цели. Они дают колоссальное освещение и не имеют опасных свойств. — Он снова улыбнулся. — Я передам ваше предложение в центр связи, и они сразу прибудут.

Больше обсуждать было нечего, только Кенлон гадал про себя, как его поднимут в город крылатых.

Ответ стал ясен, когда он увидел двух крылатых, по кругу спустившихся с неба с чем-то вроде плетеного сидения, подвешенного на тонких тросах, которые крепились к ремням вокруг запястий прибывших. Они принесли и новые лампы.

Покончив со всеми мерами предосторожности на борту, Кенлон с опаской устроился на сидении, и в ту же секунду его ноги оторвались от палубы.

От неожиданности он поначалу крепко вцепился в тросики, затем перевел дух и посмотрел вниз

на боевую рубку и длинные выпуклые очертания субмарины, выглядевшей огромным пальцем в яркой, прозрачной воде. Пылающие точки ламп времени, опущенных в море, создавали впечатление, будто субмарина находиться в крытом, с потолочным освещением бассейном без воды.

Кенлон мягко и плавно плыл вверх, чуть покачиваясь в упряжи из стороны в сторону. Слева он видел поблескивающие металлом силуэты различных судов — особенно четко просматривались большой корабль Ганда и яхта Сессны Клен.

Корабли медленно удалялись. Море стало плоским. Стена воздушного гнезда маячила теперь и сверху и снизу, загораживая три четверти обзора с западной стороны.

Через несколько минут «Сегомэй 6» исчез за выступом летучей горы, а чуть позже один за другим начали исчезать остальные суда, и вскоре остались видны лишь пятнышки «Морского Змея» да яхты Сессны Клеи.

По расчетам Кенлона выходило, что они поднялись около мили над морем и осталось еще с полмили, прежде чем они доберутся до гнезда. Он посмотрел вверх, прикидывая расстояние — так оно и было.

Дарен, должно быть, заметил напряженное ли-

цо Кенлона, когда тот занимался вычислениями. Он подлетел к нему и мелодично спросил:

— Что-нибудь не так?

Кенлон покачал головой, мрачно думая: «Не так? Все не так».

Больше всего он нуждался в информации. Информации! И в совете.

И тут он заметил, что воздушное путешествие закончилось.

Глава 15

Они находились не на самой вершине, а, по прикидкам Кенлона, где-то посредине. Перед ним зияла огромная открытая дверь, по меньшей мере, футов сто высотой и шириной. Мраморные ступени вели внутрь и вниз, теряясь в пространстве.

Очевидно, это был один из многочисленных входов в город — здание, колоссальная величина которого стала ясной Кенлону лишь сейчас. Он тянулся и вздымался, уходя вдаль. В ширину он был больше, чем в высоту, но и в высоту его хватало с лихвой. Он плыл в облаках, и часть его скрывалась в густом тумане. Кенлон с трудом различал вершину сквозь этот мерцающий туман.

Город представлял собой единое здание.

И повсюду были крылатые. Мужчины и женщины, группами и поодиночке. И только у входа, где стоял Кен — лон, не было никого. Кенлон вглядывался в очаровательных женщин, хотя они находились слишком далеко от него, чтобы различить подробности. Ближе всего стояли две, с длинными, как шлейф, волосами — у одной черными, у другой золотистыми. Кенлон невольно

подумал об ангелах.

— Взойдите, — предложил Ларен, — только осторожней.

Кенлон отпустил упряжь, которую машинально сжимал руками, хотя доставившие его сюда крылатые давно исчезли, и, стараясь предугадать, что его ждет внутри, вошел в дверь.

Он оказался в большом, превосходно освещенном зале. В полу, в стенах, в потолке было пробито множество проемов — мерцающих туннелей, теряющихся в глубине, или, если вглядываться до рези в глазах, показывались роскошные, со вкусом обставленные прихожие, явно примыкающие к каким-то покоям, поскольку кое-где Кенлону удалось разглядеть позади них двери.

Потолок и стены находились где — то далеко — далеко, и Кенлон, задрав голову, напоминая туриста с разинутым ртом, зачарованно шел вперед, пока Дарен легонько не сжал ему руку.

Он непроизвольно взглянул под ноги и отшатнулся — внизу простиралась бездна туннеля, не огороженная никакими перилами. Пол в этом месте просто опускался вниз, плавно переходя в бездонную пропасть сорока футов шириной и не менее трех четвертей мили глубиной. Кен — лон отступил назад и покраснел, так как Ларен тихо

рассмеялся.

— Не бойтесь, командор, — ободряюще сказал он.

— Мы подхватим вас, если вы упадете. Конечно, вы понимаете, что в нашем мире, где люди имеют крылья, жилые помещения отличаются от привычных вам?..

Кенлон молча переваривал увиденное.

— Сейчас мы опустимся на… — Ларен дал эквивалент крылатых сотне метров и с улыбкой закончил: — И не слишком удивляйтесь увиденному.

Прежде чем Кенлон успел ответить, Ларен бросился в провал. На поясе у Кенлона неведомо какими путями оказался ремень, который тут же затянулся и потащил его вниз. Под собой он заметил уже приземлившегося Ларена, который стоял, глядя вверх. В глазах у Кенлона помутилось, он еще видел стоявшего внизу крылатого, а затем…

Он летел!

Он летел. В этом не было ошибки, он летел свободным, сильным, единым движением. Он летел сквозь густое туманное облако, настолько плотное, что оно скрывало даже кончики крыльев. Но Кенлону не было надобности рассматривать

их, он и так мог наглядно представить себе два огромных, сильных паруса, колотивших воздух подобно поршням несущегося на полной скорости локомотива. Тело дышало энергией и пело от великолепия полета. Радостное возбуждение звенело внутри.

Это продолжалось долгую минуту, затем его сознание, сознание человека XX века, начало освобождаться от ступора. Время чистых впечатлений прошло, и в сознании родилась мысль, такая сильная и опустошительная, что крылья перестали совершать быстрые и плавные взмахи, тело изогнулось от напряжения, пораженное, сбитое с толку, а мысль все налетала, как штормовой ветер, становясь все более тяжелой:

Что… что… что… *Что произошло? Л*арен опустил его куда-то, видимо, в зал Совета, а затем произошло это…

Полет на крыльях. Его сознание, вся его суть стала телом крылатого. Они сделали это с умыслом. Они поместили его личность в тело крылатого, желая показать дух и сущность своей расы.

Кенлон продолжал цепляться за спасительную логику, даже когда восхитительное ощущение полета вновь захватило его. Совершенно бессознательно он продолжал подниматься вверх к

какой-то цели.

Его вдруг охватило неистовое любопытство узнать, что это за цель, и он стал бешено прорываться сквозь невероятные облака вверх, вверх, вверх. Крылья сделались мокрыми от влаги, но сила их не поддавалась цеплявшемуся туману. Сильное сердце, могучие легкие, неутомимые мускулы помогали ему, и он поднимался.

Лишь тогда до Кенлона дошло, что летит не он. Он попытался задержать взмах крыльев, и не смог. Он попробовал прервать подъем и опуститься, и не смог.

Смущенный, он обиженно подумал: «Я просто пассажир. Сознание крылатого здесь, оно действует. Я зритель. Я не участник. Но если тело подчинится мне — что тогда?»

Ответ последовал сразу. Могучее тело начало повиноваться ему, и Кенлон тут же камнем рухнул вниз, не в силах справиться со стремительностью реакций и умением сохранять в полете равновесие. К счастью, это продолжалось не больше доли секунды.

«Нет уж, — подумал Кенлон, — лучше оставаться зрителем и наблюдать».

Едва он принял такое решение, как покрывающий все вокруг туман начал редеть. Впервые

Кенлон смог раз — глядеть концы крыльев. Затем он увидел еще одни крылья, и еще… повсюду крылья били редеющий воздух, пробиваясь вверх, теперь уже сквозь пушистые облачка.

И вдруг они, поднявшись на несколько сот ярдов, мгновенно вырвались на солнечный свет.

Цель подъема была достигнута.

Возможно, подумал Кенлон, их цель — увидеть солнце. Причина достаточно уважительная. После месяца тяжелого серого неба его сейчас заполнило наслаждение от чистого, не фальшивого солнца. И если он, пришелец, чувствовал восторг, то что тогда должны были чувствовать крылатые, чей горизонт всегда скрыт туманом, дымкой и облаками?

Они парили, почти не шевеля крыльями. Казалось, они отдыхают, покоясь на огромном океане атмосферы под собой. Тишина царила в этом высоком мире. Тишина и какое-то высшее достоинство. И умиротворенность. Солнце сияло в глубине синего неба огромным огненным шаром в лазурной прозрачности. Холод совершенно не чувствовался — меховые накидки плотно облегали тело, даря уют и покой.

Здесь было, по меньшей мере, двести крылатых. Они скользили повсюду, пересекая друг

другу направления, догоняя, обгоняя один другого, но так четко, что столкновений не было и в помине. Кенлон видел, что половина крылатых — женщины. Восхищенно следя за струившимися у них за спинами шлейфами волос, Кенлон давно подумал об ангелах, и теперь смог разглядеть, что почти не ошибся. Они были миниатюрнее мужчин, с нежными, прекрасными лицами и тонкими прелестными руками.

И в этот момент женщины запели. Сначала один голос мягко нарушил тишину, затем второй и, следуя, очевидно, неизвестному обряду, к ним присоединились другие голоса, создавая хор.

Чистая, как бегущий ручей, лилась гамма песни, что была и печальна, и радостна.

Мужчины подхватили песнь, и теперь Кенлон видел, как уже целые группы крылатых объединялись в полете и пели в унисон.

Песнь их казалась самой сутью той древней и мягкой расы, чья трагедия не переставала поражать Кенлона.

Немного погодя ему удалось понять значение слов, хотя он слышал лишь отрывки. Слова не имели ни риф — мы, ни размера.

Мы крылаты!

Мы поем о древнем величии мира.

Когда уйдет вода и земля возникнет снова,
Мы не побежим босиком по песку.
999 по 3 мы верим в нашу судьбу.
Мы рожаем детей — продолжение рода,
И дети их тоже родят детей.
Мы живем, нам помогает Совет.
Теперь нам угрожают.
Люди моря завидуют нашим крыльям,
Они хотят лишить нас дара летать.
А у нас нет оружия.
У нас нет ничего, чтобы сделать оружие.
У нас только Совет, убеждающий нас быть отважными
И продолжать верить и надеяться на будущее.
И мы верим и надеемся на будущее.
Но мы встревожены, мы чувствуем,
Что нужно что-то делать.
999 раз по 3 должны мы прожить свою жизнь,
999 раз по 3 — ожидать, отсчитывая время,
И просто жить до тех пор, пока Земля не станет раем,
Тогда мы сбросим крылья И будем работать,
И нам будет очень тяжело,
Потому что мы были крылаты.

Это был гимн, неопределенная, страстно — тоскливая благодарность за жизнь. Песнь за-

мерла, как и началась, постепенно, и лишь один хрустально — чистый женский голос еще тянул стынущую в молчании ноту.

Крылатые теперь летели быстро, группами по девять, изображая нечто вроде запуганного танца. Быстро-быстро, кружась, пикируя, отворачивая, делая петли. Сложнейшие движения, на взгляд Кенлона, передавали символику прозвучавшего гимна: печаль со страстным желанием, боль и радость. И в конце все они в несколько кругов окружили одну центральную девятку. Они вновь почти не двигали крыльями, парили, чего-то ожидая.

И потом в тишине один из крылатых завел, речь тихим и мягким голосом:

— Сегодня мы услышим историю духовного становления великих сухопутов, когда их мудрецы открыли неизбежность гибели в катастрофе. У нас нет сомнений, что человечество достигло духовного расцвета в те мрачные, отчаянные дни, и что перед лицом гибельного бедствия их величие раскрылось как никогда прежде за всю историю Земли. Мы…

Голос странным образом смолк. Вся окружающая сцена потускнела и отдалилась, а затем исчезла.

И в следующую минуту Кенлон уже плыл.

Глава 16

Вода оказалась теплой, и это все, что Кенлон ощутил сначала. Видно было довольно плохо, и лишь немного погодя он понял, почему тело, в котором он находился, не обращало почти никакого внимания на окружающее.

Потом Кенлон почувствовал, что лежит в сильном течении совершенно неподвижно и лишь изредка делает едва заметные взмахи огромной рукой. Футах в пятидесяти ниже он иногда замечал морское дно, и повсюду цедился свет.

Около десяти человекообразных фигур плыли рядом в мутной воде. Он находился в группе плавунов, плывших в мелководном море, возможно, неподалеку от берега. Пораженный Кенлон снова стал зрителем в теле плавуна, испытывая такие же ясные и чистые ощущения, как и в теле крылатого.

Восхитительно теплая вода циркулировала в жабрах, и это было так же естественно, как и дыхание. Кенлон осознал это только потому, что сам сосредоточился на этом действии, очарованный возможностью человека плавать под водой, как рыба. И жабры показались ему такой же частью

жизни, как мерно и ровно бьющееся сердце.

Он забыл об этом. Его больше интересовало, что произошло, а чуть погодя возникло желание узнать, куда направляются плавуны. Ему показалось, будто они с тревогой вглядываются во что-то неподалеку.

И вдруг из темной воды пришел дрожащий вскрик. Это был человеческий голос, но не похожий ни на что слышанное Кенлоном прежде. Удивительно живой, пронзительный звук, чуть приглушенный водой. Это был измененный язык крылатых, и Кенлон понимал каждый слог.

Это было предупреждение.

— Подходит! — кричал голос из мрака. — Готовьтесь!

Кенлон нащупал в ножнах на поясе нож. Впереди промелькнул темный силуэт. Рыба? Большая рыба, по меньшей мере, двадцать футов в длину. Акула! Теперь он понял — группа плавунов была охотничьим отрядом.

Сильная, большая, злобная рыба. Отчетливо видимая, она, казалось, остановилась, заметив окружающие ее тени, затем метнулась вверх между Кенлоном и ближайшим плавуном.

Быстрее акулы плавуны рванулись вверх. Рука Кенлона скользнула вокруг сильного толстого те-

ла прямо под зловещим треугольным плавником на жесткой спине. Длинный нож с поразительной точностью вонзился в белое брюхо.

Ножи остальных плавунов тоже нанесли смертоносные удары. Наконец, избиение прекратилось. Злобная морская тварь лениво перевернулась и неподвижно легла мертвая.

Вернее, не неподвижно — течение медленно относило ее в ту сторону, откуда она появилась. Кенлон взобрался на нее верхом, обвив ногами, и плыл вместе с ней в темноту. Остальные плавуны через несколько секунд исчезли. Он был один на один с мертвой хищницей, двигаясь в неизвестном направлении.

Постепенно Кенлон начал различать в окружающем мраке слабый проблеск. На мгновение у него мелькнула шальная мысль — он подумал, что все перепутал и впереди солнце. Но иллюзия кончилась, когда мерцающий проблеск вытянулся и распростерся в обширное пространство света.

Перед ним величественно раскинулся подводный город.

К сожалению, Кенлон не мог хорошенько его рассмотреть, поскольку плавун, в чьем теле он находился, просто не обратил на него внимания.

По мере приближения к городу он принялся энергично грести, что еще больше ограничило обзор Кенлона, так как все помыслы плавуна сосредоточились на одном — вырваться из могучего течения, несущего мертвую акулу.

И это ему легко удалось, потому что минуту спустя он втолкнул акулу в водный шлюз в прозрачной стене города и вошел сам. Дверь шлюза бесшумно скользнула за ним, закрываясь, тихо заработали насосы. Вода мгновенно ушла, открылась внутренняя дверь, и Кенлон быстро вошел в подводный город.

Кенлон чуть дрожал от огромного волнения. Оказаться по-настоящему внутри города плавунов, подумал он, все увидеть, исследовать и решить…

Плавун, в теле которого находился Кенлон, стоял неподвижно, видимо, что-то обдумывая, взгляд его отсутствующе скользил по городу, позволяя Кенлону лучше рассмотреть его.

Город, на его вкус, казался каким-то грубым, вроде гигантского иглу, внутри которого тянулись десятками рядов такие же иглу, только меньших размеров, что, очевидно, было кварталами. Таким образом, если какой-нибудь участок внешней городской стены и разрушался морем,

то лишь очень небольшой район города мог оказаться затопленным водой. Кенлон с удовольствием разглядывал четкие, геометрически правильные стрелы света и этажей, тянущиеся вдаль.

Повсюду работали плавуны. Они управляли машинами, которые то перевозили грузы, то совершали какие-то действия, суть которых была непонятна Кенлону: в основном из-за расстояния и частично из-за отсутствия интереса плавуна, в чьем теле он находился.

Внезапно последняя причина стала главной. Плавун прекратил бездеятельное созерцание и быстро направился к куче плоских металлических листов, которые, когда он подошел ближе, оказались вовсе не металлическими. Кенлон ступил на плоский лист сверху и, нагнувшись, коснулся кнопки, которую не замечал до тех пор, пока не нажал. Лист поднялся и перенесся к водному шлюзу. Пальцы Кенлона снова нажали кнопку, и акула была вытолкнута из шлюза и уложена на лист.

Все вместе они двинулись к нижней части города. По дороге Кенлон замечал плавунов, выплавляющих сталь, плавунов, управляющих механизмами, плавунов в лабораториях. Плаву-

ны работали. Ни поющих, ни танцующих — одни работающие. Основой их цивилизации был труд. Они пытались изменить и приспособить к себе окружающую среду, а не подчинялись ей, как крылатые. Именно в плавунах во всем великолепии проявился дух непобежденного человека, тогда как крылатые…

Кенлон мысленно одернул себя. Подобное сравнение было просто несправедливым: у крылатых не было выбора, они жили ради будущего и для будущего, и желание плавунов уничтожить их гнездо было совершенно непростительным. Их нападение на гнездо окажется простым убийством, поскольку их жертвы не имеют ни оружия, ни защиты. Если их город окажется затянутым под воду, то все крылатые погибнут — ведь твердой земли больше нет нигде. Эту участь разделят все 239 999 крылатых, целая раса. Это было настолько ужасно, что Кенлон не хотел и думать.

Но неужели выход только в уничтожении расы плавунов?..

Путешествие внезапно завершилось в зале с огромной стальной машиной. Здесь не было плавунов, один пустой зал и машина. Сильная рука Кенлона коснулась единственного рычага механизма. В машине появилось отверстие, в ко-

торое была втянута убитая акула, втянута той же силой, что влекла по городу лист — носильщик.

Отверстие закрылось. Кенлон отошел от листа и направился к ближайшей двери. Плавуна, казалось, совершенно не интересовала судьба хищницы, и чуть погодя Кенлон тоже пришел к выводу, что не стоит ломать над этим голову. Он наблюдал за поведением плавуна часть дня — или как они называют этот период времени? Это было интересно. Что же дальше?

Его одолевало предчувствие, что воплощение в плавуна близится к концу. Однако, прошло десять минут, тридцать, а он все еще находился в теле плавуна, наблюдая деятельность подводного города.

Плавун часто вступал в разговоры, но Кенлон мало что понимал в отрывистых фразах измененного языка крылатых. Хотя один разговор он понял дословно.

— Хайл, — обратился плавун Кенлона, встретив видимо, кого-то из знакомых, — как статистика?

— Прискорбно, Гетта.

— Много непокорных?

— Итог: 1 111 999, не включая тех, кто родился в море за последние десять поколений и никогда не отмечался.

— Я спрашиваю, сколько новых?

— 8 999.

— У нас темп рождаемости выше. Но, по сути, зов моря становится сильнее. Много отмечено блуждающих?

— 999.

— Всего? Гм…

И они разошлись.

И еще один разговор, который понял Кенлон, произошел с красивой женщиной, обратившейся к плавуну Кенлона:

— Я только что из шахт, Гетта. Им нужна помощь.

— Я пропустил информационный выпуск, — ответил Гетта с сарказмом, — у меня нет привычки зарываться в землю.

— Твои люди, — упрекнула женщина, — все время в воде.

— Дышать целый месяц воздухом очень неприятно, — поморщился Гетта.

— Это только кажется. Мы созданы, чтобы жить и на воздухе, и в воде. Загадочно, что дикие в море вообще не дышат.

— Вот видишь. Почему же мне нужно надрываться? Лучше идем со мной, ну его, этот город.

Женщина засмеялась.

— По закону женщина, которая становится непокорной, не может вернуться в город, и этого достаточно, чтобы удерживать нас на месте. Я люблю город не меньше моря и никогда не покину его.

— Что ж, если изменишь свое мнение, дай мне знать.

И последний понятый Кенлоном разговор произошел с мужчиной.

— Ты куда, Гетта?

— К восточным воротам. Знаешь о моем умении отсасывать воду?

— Слышал.

— Это очень важно, так утверждает Совет.

— Неужели мы действительно консультируемся с Советом? Я считал, что это трюк, чтобы получить побольше информации.

— Мы все время пользуемся его советами, конечно, применительно к нашим целям.

— Ну хорошо, удачи.

— Благодарю.

Прошло совсем немного времени, и Гетта — Кенлон очутился у того, что Кенлон посчитал восточными воротами. Здесь располагался точно такой же водный шлюз, как тот, через который они попали в город с мертвой акулой.

Через несколько минут он различил какое-то движение в море за прозрачной стеной. Трое плыли тесной группой и, приблизившись, исчезли в шлюзе. Забурлила, уходя, вода, открылась внутренняя дверь. Оттуда вышли два гиганта, неся безвольное тело Джонса — Гордона.

— Вот, он здесь, Гетта, — сказал один из них. — Только не оживляй слишком жестко. Он не успел много нахлебаться — мы его сразу зажали…

Последующие слова Кенлон слышал, как в тумане.

Глава 17

Кенлон ничего не видел, не слышал, не ощущал. Но мозг действовал, растворяясь в трепещущей мысли, потому что мысль была слишком велика для него, мысль, что…

Капитан жив!

Точнее, будет жить, как только Гетта, специалист по оживлению утонувших, сумеет убрать из легких капитана воду и восстановить работу сердца.

Жив… Джонс — Гордон…

Сознание с трудом признавало этот невероятный факт и потому не обратило поначалу внимание, что кто — то пытается заговорить с ним, какой-то голос.

Нет, не голос, и он не говорил, звуков не было, просто в сознании отпечатывались слова:

— Лейтенант Кенлон, вы видели. Теперь вы должны решить. Угроза крылатым настоящая и страшная, потому что глубоко в человеческой натуре людей моря укоренилась рациональная вера, будто обеим расам невозможно существовать вместе на вновь возникшей Земле. И они прекрасно понимают, что гораздо легче уничто-

жить сейчас 239 999 крылатых, чем после, когда вновь возникнет суша и число крылатых увеличится многократно. Со своей стороны крылатые считают, что лишь уничтожение города плавунов спасет их. Вы должны вы — брать, должны решить, какой расе отдать предпочтение. Теперь можете задавать вопросы.

Кенлон не мог спросить внятно ни о чем, множество вопросов вертелись на языке, с огромной скоростью мелькали в сознании. И внезапно пришли ответы, один быстрее другого:

— Уаз — большая проблема.

— Да, пусть и поздно, но узнали, что они виновники разрушения континентов.

— Уничтожить их не пытались. Во-первых, потому что великие сухопуты никогда не думали о мести, а во-вторых, потому что любая жизнь лучше, чем никакой. Сами Уаз все еще мыслят расовыми категориями и не могут представить вселенную иной, нежели приспособленной к своим нуждам.

— Я получил информацию об Уаз в свое время, и это побудило меня доставить их корабль сюда.

— Я Совет. Нас двое.

— Да, любой ваш выбор будет означать конец человечества. Со временем Уаз сумеют обыскать

все морское мелководье и уничтожить уцелевших плавунов, покинувших город. Но это дело будущего.

— Да, у плавунов тоже есть Совет. Он находится в центре города. Как правило, они пользуются лишь библиотекой и редко следуют советам. Таковы обычаи юной и сильной расы.

— Да, ваш командир жив.

— Невозможно использовать временные лампы, чтобы помочь будущему. Лампами можно лишь доставлять объекты из прошлого. Передвигаться из одного времени в другое очень опасно. Все соседнее пространство напрягается и искривляется до тех пор, пока не восстановится равновесие. Мы предоставили информацию для создания временных ламп с большой неохотой и с очень жесткими условиями. Создавшие их крылатые погибли.

— Нет, их нельзя скопировать.

— Нет, ни на одном корабле прошлого нет сильных взрывчатых веществ, а те, что имеются, не в состоянии помочь крылатым. Создавая оба города, сухопуты добились их абсолютной защиты от энергетических мер воздействия. Они надеялись, что Совет не даст никому информации об оружии вообще. К сожалению, цели они не достигли:

плавуны отыскали забытый город, который погрузился в море тысячи лет назад. В нем, помимо всего прочего, они нашли магнитный негатор, который используют теперь, чтобы затянуть гнездо крылатых под воду.

— Нет, ни один из механизмов, вроде виденного вами носильщика, доставившего мертвую акулу в центр переработки, не будет действовать вне морского города. Так было запланировано в свое время сухопутами.

— Нет, я не одобряю союза крылатых с жителями эпохи Клен. Атака на подводный город, если она вообще произойдет, должна поддерживаться храбростью, мастерством и знаниями обученного экипажа.

— Нет, мы не можем навязать вам решение гипнозом или иным способом, у нас нет такой возможности. Поэтому мы предоставляем вам свободный выбор. Никакого насилия над личностью!

— Один последний совет относительно освобождения вашего корабля. Ваша слабость есть ваша сила. Слишком много примитивных устройств в вашей субмарине. Захватившие ее ошибаются, считая лодку лучше, чем она есть.

И тишина.

К Кенлону снова вернулись чувства.

Глава 18

Кенлон подплыл к концу каната, свешивающегося с палубы «Морского Змея». В следующую секунду ноги коснулись металла палубы. Он встал, чувствуя, как Ларен снимает с него ремень. Машинально он взглянул вверх, как раз вовремя, чтобы увидеть исчезающих в небе крылатых. Опустив голову, Кенлон заметил выглянувшую из люка Дорили с искаженным от гнева лицом. При виде ее Кенлон подумал, что после захвата субмарины Дорили сильно изменилась. Теперь он не чувствовал к ней ничего, кроме отвращения.

— Вас продержали довольно долго, — кисло сказала она вместо приветствия. — Что они с вами делали?

Кенлон с удивлением уставился на женщину, ему показалось, что он ослышался. Разумеется, его не было несколько часов. Интересно, сколько же, по ее мнению, ему хватило бы на визит?

Кенлон хотел было высказаться, что думает по этому поводу, но сдержался. Он с любопытством ждал, что воспоминания об увиденном потускнеют, но они оставались такими же яркими и отчетливыми, и не казались сном.

Не дождавшись ответа, женщина вновь процедила сквозь зубы:

— Ваши офицеры наотрез отказываются сотрудничать со мной. — В ее глазах пылало раздражение, губы сжались в упрямую прямую линию.

Кенлон откашлялся.

— Естественно, — резко бросил он. — Командир здесь я, и они не сделают ничего без моего приказа.

— Мы сегодня же погружаемся под воду, — объявила Дорили не терпящим возражения тоном, — будете вы с нами сотрудничать или нет. Если мы что-нибудь сделаем не так, я не боюсь: думаю, в ваших же интересах подстраховать наши действия, чтобы какой — нибудь инцидент не обернулся катастрофой для субмарины. — Помолчав, она ожесточенно добавила: — По-моему, крылатые лишились рассудка, коли позволили своему Совету держать вас так долго. Они, должно быть, не контролируют ситуацию вообще и пристыжены своей беспомощностью. Хорошо, хоть позволили Неммо передать мне координаты подводного города. Ну, они — нуль. А мне хочется знать, что произошло с вами? Так что вы делали эти двадцать четыре часа?

«Двадцать четыре часа? — поразился про себя Кен — лон. — Невозможно! Ни одно из воплощений, ни один из фантастических эпизодов, казалось, не продолжался более трех четвертей часа. Добавив сюда время на путешествие до гнезда и обратно — часа три, но никак не двадцать четыре».

Выстроенная логическая цепочка не успокаивала.

— Я хочу задать вам один вопрос, Дорили, — медленно произнес Кенлон.

Голос его, должно быть, звучал примирительно, потому что женщина сразу сбавила тон.

— Да?

— А что видели *вы* у Совета крылатых?

Дорили смотрела на него, сощурив глаза, будто старалась найти в его вопросе тайный смысл.

— Полную комнату электронных ламп, — отрывисто бросила она. — Совет, конечно, машина, созданная давно жившими сухопутами. Они вложили в искусственный интеллект все свои знания и подарили ему псевдожизнь, вернее, заботливо подобрали программу.

Какое-то время Кенлон переваривал услышанное.

— Что же произошло? — спросил он затем.

— Вы имеете в виду, со мной? — Дорили испытующе посмотрела ему в глаза. — Ничего. Машина просто поговорила со мной, вернее, с моим мозгом, открыто при — знала, что наш корабль не может быть ничем полезен для крылатых, и мы распрощались.

— Вот как… — протянул Кенлон.

Казалось, лучше было вообще не упоминать о случившемся. Он надолго погрузился в свои мысли.

Из задумчивости его вывел мрачный взгляд наблюдающей за ним женщины.

— Итак, — сказала она, — будете ли вы сотрудничать с нами?

— Сотрудничать? — переспросил Кенлон, и тут же с раздражением подумал, что повторяет ее слова, как попугай. А от него ждали ответа, утвердительного или отрицательного, и это сейчас, когда он даже еще и не думал об этом по — настоящему.

В любом случае, он не мог участвовать в нападении на город плавунов, пока там находился живой Джонс — Гордон.

— Судя по вашему поведению, — медленно произнес Кенлон, — вы считаете, будто у меня имелось до — статочно времени, чтобы простить

вам безрассудный за — хват моего корабля и сделаться вашим союзником? Ничего подобного. Сейчас у меня одно желание. — Такое объяснение, на его взгляд, должно было сбить Дорили с толку. — Я хочу поговорить с Неммо, если вы, конечно, не возражаете. Хочу порасспросить его, что произошло за время моего… гм… интервью с Советом.

На секунду женщина задумалась, потом хмуро спросила:

— Вы не потеряли «бар»?

Кенлон молча вынул из кармана брусок — нейтрализатор.

— Хорошо, идемте вниз, — распорядилась Дорили.

Едва они спустились в центральный пост, как ожили турбины и «Морской Змей» плавно двинулся вперед. Внизу повсюду были джоаннас. Кенлон насчитал человек двадцать в проходах, включая трех в машинном отделении и пятерых в торпедном отсеке.

Неммо лежал в подвесной койке, которую ему на — тянули месяц назад. При виде Кенлона он сел.

— Я ждал вас, — нетерпеливо сказал он. — Меня недавно известили, что вы вернулись на

корабль.

Он дружелюбно улыбнулся, однако, Кенлон заметил в его поведении какую-то нервозность.

— Вы долго пробыли у Совета, — снова заговорил крылатый. — Мы все хотим знать, что он вам показал и рассказал. Ведь теперь вы нам поможете, я надеюсь?

Кенлон пристально смотрел на крылатого, не испытывая никаких чувств — внутри была пустота. Вопрос Неммо прозвучал так, словно и не было никакого захвата корабля, словно из Кенлона не сделали идиота — разиню.

— Слушайте, — начал он и быстро описал случившееся, включая и слова Совета относительно освобождения субмарины, внимательно при этом следя за проявлением каких-либо эмоций на лице крылатого.

А наблюдать было что: изумление, ошеломление, досада и, наконец, когда Кенлон дошел до факта, что Джонс — Гордон жив, скорбный гнев.

— Вам рассказали это! — воскликнул Неммо. — Это означает, что вы отказываетесь помочь нам? — С видимым усилием крылатый заставил себя замолчать. Он сидел, раскачиваясь, на койке, крылья его подергивались. Наконец, он пробормотал: — Это не значит, что я желаю зла

вашему командиру. Но ведь на карту поставлена жизнь целой расы. Десятки крылатых не вернулись из разных периодов времени, куда были посланы за оружием. Смерть поражает нас со всех сторон, нам грозит полное истребление. Совет наверняка рассказал вам!.. — Неммо запнулся, взял себя в руки и мрачно продолжал: — Да, я понимаю, что с самого начала Совет с неохотой согласился участвовать в этом деле — он изначально сконструирован так, чтобы считаться с обеими расами. Но понимать — одно, а принять, что он, фактически, предал нас в критическую минуту, — другое. Я знаю, что мои просьбы бесполезны, но ведь наверняка вы можете поразить торпедами жизненно важные центры подводного города, не причиняя вреда вашем командиру. Я могу гарантировать, что Совет установит его точное местонахождение в городе…

— Я не могу рисковать, — спокойно ответил Кенлон.

Он понимал, что упрям, даже нерационален. Предложение Неммо было вполне осуществимо, но это был бы выбор, выбор, который он еще не сделал.

По-своему крылатые были правы. Невзирая на их поспешный союз с Сессной Клен, Кенлон не

осуждал их побуждения и действия. Но нельзя было игнорировать и другую сторону. Там, под водой, вопреки диким, примитивным условиям, торжествовала сильная, энергичная жизнь. Память подсказала Кенлону разговоры с офицерами, которые были убеждены, что во время войны необходимо полное истребление противника.

Конечно, плавуны — захватчики, убийцы, но считать их совершенным злом сейчас, когда малейшая ошибка могла привести к исчезновению Человека как вида, было неразумно.

Кенлон с неохотой все больше убеждался, что плавуны сумеют лучше справиться с угрозой нападения Уаз, чем кто бы то ни было. И если так…

Кенлон вздохнул. Ясно было только одно: он все еще не готов сделать выбор.

Над головой раздалось клацанье. Кенлон вскочил, отвернувшись от Неммо.

— Закрыли люк, — встревоженно пробормотал он.

— Они…

Он прикусил губу, чтобы не сказать всю фразу. Он чуть было не проговорился, что нельзя погружаться, пока не работают вспомогательные машины. Он не сказал, он вспомнил, что говорил Совет: они ошибаются, считая субмарину не

столь примитивной, как она есть.

Кенлон выскочил от Неммо, осмотрелся и кинулся к резервуару. Он хотел быть возле него. Он добрался до него и лег рядом, уже начиная задыхаться.

Одна из пяти джоаннас, находившихся в торпедном отсеке, вышла за минуту до закрытия люка. Четыре оставшихся начали шататься. Две женщины заметили Кенлона и рванулись в сторону, одна выкрикнула что-то на своем языке, задохнулась и, схватившись за горло, тут же забыла о нем. Потом все четверо, пошатываясь и стискивая горло, направились к выходу из отсека. Три исчезли из поля зрения Кенлона, а четвертая рухнула на пол. Воздух у пола был немного прохладнее и это ненадолго оживило ее. Но она слишком билась во время минут облегчения и делала себе еще хуже, пытаясь встать. Наконец, она замерла.

В каждом отсеке корабля происходило то же самое: вся подготовка, все их знания, все победили прожорливые машины, которым для работы требовалось столько воздуха, что за какие-то четыре — пять минут они дочиста высосали его из всего огромного пространства субмарины.

В более поздних субмаринах, о которых им, ви-

димо, поведали технические справочники эпохи Клен, задача получения кислорода под водой происходила без использования вспомогательных воздушных дизелей.

Проблему кислорода джоаннас упустили из виду.

Кенлон с трудом дотянулся до клапана кислородного резервуара и открыл его. Быстро сделав несколько живи — тельных вдохов, он вновь закрутил кран и поднялся.

Подойдя к девушке, Кенлон снял с ее пояса энергетический прут — разрядник, сунул себе в карман и вышел.

В машинном отделении пять джоаннас лежали ничком на полу. Ходовые двигатели еще работали, но уже покашливали, тоже задыхаясь на чистой нефти без кислорода. Кенлон выключил их, торопливо собрал пять разрядников с поясов женщин, а затем, как ныряльщик, слишком долго пробывший под водой, пробкой выскочил из машинного и вернулся к кислородному резервуару.

На сей раз он дышал жадно, и кислород опьянил его. Однако Кенлон сохранил достаточно здравого смысла, чтобы оставить резервуар открытым и не забыть о своей цели. Тихий свист сопровождал его, пока он шел по субмарине, отбирая у джо-

аннас энергоразрядники. Их оказалось двадцать восемь, включая Дорили, лежавшую без сознания в центральном отсеке.

Кенлон запер разрядники в шкафу, затем по очереди перенес джоаннас с носовой торпедный отсек. Многочисленные кислородные резервуары, которые он открывал по пути, заполнили атмосферу жизнью. Женщины начали шевелиться, пока Кенлон без нежностей сдирал с них одежду, не оставляя на теле ничего. Ему не доставляло это удовольствия, но выхода не было: какая-то деталь их одежды хранила нейтрализатор нейтралса. Поэтому он аккуратно забрал с собой все лоскутья.

Выйдя из торпедного отсека, Кенлон заметил, что кое-кто из команды начинает шевелиться. Сначала это поразило его, но, подумав, Кенлон решил, что действие нейтралса прекратилось с исчезновением воздуха, а новая атмосфера была чиста.

Через час «Морской Змей», вновь полностью укомплектованный экипажем, шел обратно к гнезду крылатых.

На мостик поднялся Теддерс.

— Крылатый хочет вас видеть, сэр.

— Хорошо, — кивнул Кенлон.

Он спустился вниз. Неммо встретил его словами:

— Мне передали, что несколько минут назад ваш командир вынесен плавунами на поверхность. Он жив и здоров.

С огромным облегчением Кенлон сел в моторный ялик и направился к раковине с командиром. Он ясно различил его сквозь прозрачный водонепроницаемый пластик пузыря, в котором тот доставлен на поверхность из подводного города. Чувство облегчения, гигантского облегчения не покидало Кенлона, наоборот, делалось все больше — теперь с его плеч автоматически снималась вся проблема выбора. Как первый офицер на борту субмарины ВМФ США, он обязан подчиняться приказам капитан — лейтенанта Джонса — Гордона.

Внезапно Кенлон заметил, что к ялику спускается масса крылатых. Один из них пролетел совсем низко, и Кенлон узнал Ларена.

— Совет… попросил нас… помочь… если потребуется… — прокричал тот.

Кенлон с благодарностью покачал головой — не нужно — и тут же забыл о них в предвкушении встречи со капитаном.

Встреча произошла довольно буднично. Джонс

— Гордон пересел в ялик, пожал Кенлону руку и тут же потянул его на заднее сидение, отрывисто спросив:

— Чего они хотят?

— Предлагают свою помощь, сэр.

— Гм… — Джонс — Гордон нахмурился. — Не стоит тратить время. Я полагаю, в мое отсутствие крылатые захватили субмарину?

Кенлон покачал головой и вкратце описал недавние события. Джонс — Гордон угрюмо выслушал его.

— Никогда не доверял этим подлым тварям, — сказал он, когда Кенлон закончил.

— О! — невольно вырвалось у Кенлона. Он был поражен, хотя, если судить по его рассказу, крылатые поступили намного хуже, чем это было на самом деле, и Кенлон чувствовал, что обязан как-то объяснить их действия.

— У них отчаянное положение, — начал он. — Они искренне сожалеют о случившемся. Они действительно заслуживают снисхождения. Они… — Он смешался и умолк.

— Позволь мне решать, чего они заслуживают. — Джонс — Гордон надменно выпрямился. — Как только мы прибудем на борт, я объясню вам план разрушения гнезда крылатых. Вы лично

проследите за демонтажем боеголовок четырех торпед нового типа, затем удалите весь бензин из плоскостных цистерн, и зенитчики…

— Но, сэр… — перебил его Кенлон и замолчал. Он не мог говорить, в голове кружилось только одно слово — убийство. Наконец, он справился с собой настолько, что смог продолжать: — Но, сэр… убийство этих несчастных…

— Вздор! — последовал резкий ответ. — Просто я сделал выбор. Крылатые не в силах причинить нам вреда. Плавуны — могут. Так что лучше будем действовать с ними заодно.

— Вы выбрали, — горько сказал Кенлон, чувствуя тошноту.

— Должен заметить, сэр, впервые за всю службу я крайне не одобряю ваших действий.

Он замолчал, изумляясь собственным словам. *Впервые.* За всю службу он никогда не спрашивал, ни в чем не сомневался. Он давал советы, только когда их проси — ли, и без задних мыслей принимал, как должное, любой риск, сопровождавший решения других. Прекрасно понимая, что нарушает дисциплину, он, тем не менее, хмуро продолжал:

— Это обыкновенное убийство, сэр.

Они посмотрели друг другу в глаза. Джонс —

Гордон был рассержен.

— Мистер Кенлон, — резко сказал он, — я больше не желаю слушать этот вздор. Мы находимся в положении, когда неизбежен выбор. Я сделал его, руководствуясь решением вернуть нашу субмарину в свое время.

— Но то, что вы собираетесь сделать, — возразил Кенлон, — будет иметь прямо противоположный эффект. У плавунов нет временных ламп. Они… — Он смешался, заметив выражение скуки на лице командира.

— Пусть это будет стоить мне чина, но я и пальцем не шевельну ради столь недостойного плана.

Но говоря, Кенлон понял, что не может просто умыть руки и смотреть, как другие совершают убийство. Ему снова вспомнились слова Совета о свободе выбора. Здесь выбора не было — готовилось хладнокровное убийство, и только быстрые и решительные меры могли предотвратить его. Но как?

И внезапно Кенлон понял, что нужно делать. Прикрыв глаза рукой, он взглянул на субмарину. До нее оставалось ярдов триста, они находились еще довольно далеко. Кенлон перевел взгляд на крылатых. Сотни их парили футах в двухстах

над головой.

Значит, Совет, всезнающий Совет предвидел и это.

Кенлон поднялся и посмотрел вверх.

Реакция была молниеносной. Крылатые камнем понеслись вниз. Кенлон нечленораздельно выкрикнул им команду.

Джонс — Гордон вскочил на ноги.

— Черт побери! — рявкнул он. — Что вы им кричите?

— Я попросил их уйти, сэр.

В действительности же Кенлон приказал им захватить своего командира. В следующую секунду их схватили сильные, мускулистые руки.

— Не отпускайте меня! — прокричал Кенлон, и его продолжали держать.

— Что делать с вашим командиром?

— Пусть побудет у вас. Я скажу Неммо, когда можно будет доставить его на субмарину.

Нужно было сделать многое. Во-первых, отправить джоаннас на яхту Сессны Клен. Во-вторых, навестить Арпо…

Глава 19

Приближаясь к синему судну, Кенлон надеялся, что с ним установят телепатический контакт, как в прошлый раз. Когда этого не произошло, Кенлон немного встревожился, но потом отбросил сомнения, решив выяснить все на борту.

Едва катер подошел вплотную, на палубе появился человек в свободной, похожей на шелк одежде и призывно махнул рукой. Он был рослым, светловолосым и, на взгляд Кенлона, отлично тренированным физически.

Поймав брошенный Кенлоном конец, он зачалил его за кнехт, потом нагнулся, ухватил Кенлона за руку и легко втянул на борт. Вблизи он оказался еще более величественным.

В следующее мгновение было положено начало телепатической связи — в голове Кенлона оформилась мысль:

«Добро пожаловать. Будьте моим гостем».

В дружелюбном приветствии чувствовался подтекст: входи свободно и располагайся, как дома.

Взяв Кенлона за руку, Арпо провел его вниз.

Внутри корабль оказался совершенно механизированным и роскошно обставленным. Больше

всего Кенлону запомнились глубокие мягкие кресла.

Арпо сделал какой-то незаметный жест, ближайшее развернулось вокруг оси и подкатилось к Кенлону. Он сел. Арпо устроился напротив.

Два человека — офицер субмарины в белом мундире и сверхчеловек непостижимо далекого века в свободной шелковистой одежде — сидели, глядя друг на друга.

— Вы, наверное, уже все поняли, прочитав мои мысли? — спросил Кенлон напрямую.

— Да, — согласился Арпо. Немного помолчав, он объяснил, что поставил энергозаслон вокруг Кенлона, так что теперь Уаз не в силах проникнуть в его сознание и узнать цель посещения как самого Арпо, так и других кораблей. Затем Арпо перешел на мыслеречь.

«Одним махом проблему чужаков не решить».

Кенлон ждал, не смея дышать.

«Существа, подобные Уаз, очень субъективно относятся к своему роду и не изменят свой подход до тех пор, пока бесчисленные взаимодействия различных племен Галактики не придут к полному взаимопониманию. Лишь после многочисленных столкновений и переговоров они придут к мысли о мирном сосуществовании, как,

в конце концов, и случилось на Земле, когда мои предки осознали необходимость восстать против войн и насилия. К сожалению, на звездах, как видно, нет пока согласия. Что ж, я одобряю ваш план. Можете рассчитывать на мою помощь...» После корабля Арпо Кенлон отправился на высокомачтовое рыбацкое судно. Он вызвал Робайрста и, когда тот появился на палубе, Кенлон поднялся к нему и объяснил, что намеревается сделать.

Робайрст мрачно усмехнулся.

— Тайнар останется на борту, — сказал он, — а я перейду на вашу субмарину. Отличный план.

После многочисленных поправок Арпо, план можно было считать его произведением, но Кенлон не стал поправлять Робайрста. Расставить все по местам можно было и после.

Следующим был «Сегомэй 6». Выслушав Кенлона, капитан Ганд, крепко скроенный мужчина пятидесяти лет, поднес к губам микрофон.

— Минутку, — попросил он Кенлона. — Повторите все сначала. Я хочу, чтобы мои люди тоже знали все.

Кенлон снова рассказал про Уаз. Если у экипажа «Сегомэй 6» и были какие-то возражения, он этого не узнал. Когда он закончил, Ганд сказал:

— Командор, пока вы говорили, мы задейство-

вали на вас детектор лжи. Вы говорили правду. Мы согласны с вашим планом и будем готовы к условленному времени внести свою лепту в дело. — Он пожал Кенлону руку, глаза его сверкали. — Я только дивлюсь, для чего идет с нами Арпо. Мне неясно, что он будет делать.

— Он может проникать в их корабль.

Глаза Ганда расширились.

— Сам?!

— Телепатически.

— О! — Ганд помолчал. — Не понимаю я этого. Но звучит впечатляюще. А что он сделает, когда окажется там?

— Ничего.

— Мы все слышали, повторять не надо, — раздался вдруг голос.

— Что? — Ганд испуганно обернулся, потом с сомнением взглянул на микрофон.

— Это Талгоронет, командор Кенлон и капитан Ганд.

— Человек с круглого корабля, — сразу узнал его Кенлон и с улыбкой заметил: — А вы улучшили свой метод связи.

Ганд взглянул на Кенлона.

— Что это такое?

Кенлон вкратце объяснил, затем оба замолча-

ли, предоставив высказаться астронавту.

— Да, мы долго ломали головы, зато теперь можем настраиваться на внутренние системы разных кораблей и использовать их переводные компьютеры. Так что плыть к нам. нет необходимости. Мы все слышали.

Кенлон с удовольствием выслушал объяснения Талгоронета.

— Мы также передали ваш план на яхту Сессны Клен, — продолжал тот. — Они согласны и будут взаимодействовать с вами.

Кенлон с облегчением вздохнул: напичканная дворцовым этикетом атмосфера корабля Клен угнетала его, и ему не улыбалось вновь очутиться там.

В эту минуту Талгоронет недоуменно заметил:

— От вас что-то исходит. Раньше этого не было. Ящеры ничего с вами не сделали?

Кенлон испуганно обдумал его слова, потом честно ответил:

— Если что-нибудь почувствую, обязательно дам вам знать.

По дороге на «Морской Змей» Кенлон пытался держать себя в руках и не поддаваться панике, вызванной словами Талгоронета.

Глава 20

Сражение, происшедшее ночью, вероятно, не имело аналогов за всю историю мира.

Атакующий флот состоял из «Сегомэй 6», тысяче — футового корабля для подводных горных изысканий из 29 столетия; спортивного рыбацкого судна из 43 века; исследовательского космического корабля из 1 000 столетия; роскошной яхты эпохи Клен из 13 000 века; небольшого кораблика из 20 000 века с единственным членом экипажа на борту — Арпо; и боевой субмарины ВМФ США «Морского Змея» под командованием Уильяма Кен — лона из примитивного 20 века.

Им противостоял суперзвездолет цивилизации Уаз, населяющей планету где-то в Млечном Пути.

Общее командование вручили Кенлону. В боевой рубке субмарины теперь находились три новых члена экипажа, сюда же доставили кое-какое оборудование, не имеющееся в 20 веке, например: автоматическая переводная система, связывающая корабли между собой, энергобатарея с круглого корабля для создания защитного поля, контрольный пульт для управления авто-

матами яхты Сессны Клен и особый механизм для дистанционного управления оружием судна Робайрста и Тайнара.

Новыми членами экипажа субмарины стали Робайрст с рыбацкого судна, Массаганд с космического корабля и джоаннас, которую Кенлон прежде не видел — она представилась помощницей инженера яхты Сессны Клен и, несомненно, в научном отношении стояла на голову выше всех на «Морском Змее».

Ровно в полночь Кенлон получил телепатический сигнал Арпо, что все готово, и немедленно дал сигнал к атаке.

В полной темноте все корабли двинулись на чужака.

Никто так и не установил, когда Уаз стали понимать, что происходит нечто необычное. В одно мгновение все озарилось странным светом, мягким, как солнечное сияние сквозь плотные пушистые облака, только без яркого пятна, указывающего на присутствие самого солнца. Свет распростерся на мили, постепенно тускнея и увядая.

Кенлон мысленно поинтересовался у Арно загадочным явлением, и человек будущего дал мгновенный ответ:

— Они используют атмосферу, как вы в свое время использовали неоновый газ…

Подняв перископ, субмарина продолжала идти вперед.

Никаких дальнейших действий от Уаз пока не последовало. Черная изогнутая поверхность их сигарообразного корабля, чуть поднимавшаяся над водой, оставалась мертвой и безжизненной.

Кенлону приходилось лишь уповать на Арпо, и тот не подвел. Вскоре пришла его мысль:

«Не обольщайтесь их бездействием, — предостерег он. — В таком корабле, как этот, задействовать оружие можно в одну миллисекунду. К тому же у них есть кое-что, чем они воспользуются в подходящий момент. Вы это почувствуете».

«Что это будет?» — спросил Кенлон. Он и виду не подал, что напуган, но в глубине чувствовал страх, страх неведомого и беспомощность перед властью высших сил.

Мысль Арпо была спокойна:

«Вы побывали на звездолете, Там в ваше тело вживили ампулу. Она в вас».

«Но я ничего не… чувствую», — в ту же секунду Кенлон ощутил, как кровь отхлынула от щек, и понял, что должен был заметить Талгоронет. Усилием воли он взял себя в руки.

«Я не должен командовать, — подумал он. — Тем более сейчас. Всякое может произойти».

Мысль Арпо оставалась такой же спокойной, как и вначале:

«Все или ничего. Тончайшая грань отделяет наше поражение от победы. Между тем, если рассуждать логично, они не станут разрушать вашу субмарину до самой последней минуты, поскольку надеются использовать ее против плавунов. Они все еще не поняли, что я тоже участвую в сражении. Я ясно это чувствую. Если хотите, можете увидеть».

«Вы имеете в виду — мысленно?» Вместо ответа Кенлон вдруг оказался на корабле Уаз.

Четыре рептилии пристально, как показалось, смотрели на него в мерцающих вспышках света. Вокруг него тоже мерцал свет, мерцал крошечными точками, твердыми и хрупкими, как алмаз. Затем Кенлон вновь очутился на субмарине. Какое-то мгновение он приходил в себя, потом глубоко вздохнул.

«Что произошло?» — спросил он.

«Нас просто-напросто вышвырнули, — донесся ответ Арпо.

— Теперь они знают обо мне».

Кенлон снова вздохнул. Сознавать, что Уаз вла-

деют более могущественными силами, нежели Арпо, было тяжело.

«Нет, — прошелестело в голове, — Сила у них не могущественней. Но и не меньше. И случившееся ошеломило их».

Кенлон с горечью подумал, что Арпо слишком не любит насилия и правил войны: когда бьешь, бей до смерти, не колеблясь и не раздумывая — война есть война. И если бы он…

«Я не могу допустить, — откликнулся Арпо, — вернее, держаться столь нелестного мнения обо мне, командор. Войти туда снова означает самоубийство. Повторяю, нас просто-напросто вышвырнули».

«То есть, победили?»

«В какой — то мере, да. Их было четверо против одного, и они воспользовались моей же силой, так что в данном случае это было поражение. Но все — таки им не удалось проникнуть за мной следом и уничтожить меня, а это уже кое-что».

Кенлон попробовал вспомнить мгновенную стычку, как видел ее — жесткие, яркие точки света… и все. Вспоминая, он чуть вздрогнул от запоздалой тревоги. Не стоило и спрашивать — точки представляли собой могучие силы. И самым поразительным была огромная быстрота,

с какой все это произошло.

Обдумав это, Кенлон спросил:

«Что делать теперь?»

«Подходите ближе».

Субмарина двинулась вперед. Когда до звездолета осталось с полмили, чужие ударили — длинный, пылающий, белый предмет, больше всего похожий на горящий луч, вырвался из их корабля в направлении «Сегомэй 6». Но коснуться судна он не успел — внезапно он просто исчез.

В голове Кенлона прозвучал смешок Арпо.

«Я сдвинул фазу их энергокомплекса. Теперь дело за вами. Прикажите „Сегомэй 6“ охватить прессующим лучом „Дика“, так называют Уаз свой звездолет».

Приказ был поспешно передан Ганду, и минуту спустя тот доложил:

— Прессор на цели!

«Теперь, — протелепатировал Арпо, — пусть яхта Сессны Клен переместит в прессор побольше воды».

«Но, — не понял Кенлон, — они...»

«Не волнуйтесь, вода не дойдет до „Сегомэй 6“. Мы перебросим ее в „Дика“. Ваша джоаннас поймет».

Когда Кенлон передал сообщение, глаза жен-

щины засверкали. Она нажала кнопку.

— Во время захвата вашей субмарины мы никому не хотели повредить, — быстро ответила она. — Теперь мы по-настоящему дадим им почувствовать нашу силу. Смотрите на чужака.

Кенлон смотрел. Внезапно корабль Уаз осел, почти исчезнув из поля зрения. Шли секунды, но он не всплывал.

«Что произошло?» — поинтересовался Кенлон у Арпо.

«Звездолет на три четверти полон воды. Хотя сами Уаз уроженцы водной цивилизации, в космосе не нужны защитные механизмы, и им не удастся быстро избавиться от воды. Они что-то задумали, я это чувствую, только пока не знаю, что именно. Они могут попытаться уйти, так что пусть Массаганд держит корабль под контролем и не даст ему ускользнуть».

Кенлон передал наказ Арпо Массаганду, а затем, повернувшись к перископу, подумал, что так, возможно, было бы лучше всего.

Эта мысль нарастала, превращаясь в огромное желание изменить происходящее. До него еще доносились какие-то звуки, но Кенлон охваченный зыбким туманом словно уплывал из своего корабля.

Первое, что он почувствовал, был глухой рев воды, бьющейся в недалекий скалистый берег, вздымая пенные брызги.

Затем Кенлон понял, что плывет глубоко в теплой воде. Он был полон сил и энергии, он был самой жизнью этого могучего океана. Чуть погодя он увидел, что плывет не один: рядом с ним, вокруг плыли сотни и сотни Уаз.

Он знал, не понимая, как, что находится на их родной планете, и они с соплеменниками обсуждают будущее своей расы.

Они покоряли космос, и теперь это нужно было ускорить: вода родной планеты и океаны близлежащих звездных систем были перенаселены. Необходимо простирать свое владычество дальше. Главное — покорение вселенной для них, единственной подлинной жизни пространства и времени, чей путь — путь истины, а тела — совершенны. Лишь они — само совершенство.

Об этом не говорили, в это верили. И эта вера настолько глубоко укоренилась в каждом Уаз, что никаких мыслей по этому поводу не возникало. До других рас им не было дела…

Внезапно все изменилось. Теперь он вглядывался в корабли, приближающиеся к звездолету. Как Кенлон он узнал в них яхту Сессны Клен,

«Сегомэй б», перископ субмарины, круглый космический корабль и спортивное судно.

Теперь он знал, что должен сделать, и это ему не нравилось. Бенджамин, Робайрст, джоаннас, Массаганд — он должен, обязан дать им знать, что с ним что-то происходит. Наконец, он справился с собой и проговорил:

— Сейчас со мной все в порядке, но не спускайте с меня глаз.

Все столпились вокруг него, только Массаганд остался на посту, заметив:

— Я получил то же самое известие от Арпо. Он про — сит приглядывать за вами.

«Скорей! — взорвалась в сознании мысль Арпо. — Все по местам! Они хотят воспользоваться беспорядком и удрать!»

— Смотрите! — выкрикнул Массаганд.

Одна стрелка на шкале индикатора дрожала, другая медленно поворачивалась, а третья ушла с положения «ноль» почти в противоположную сторону шкалы на приборе Массаганда.

Кенлон бросил лишь один взгляд и приник к перископу, успев увидеть, как сигарообразное тело выскользнуло из воды и начало медленно подниматься. С изумлением он наблюдал, как оно поднялось футов на пятьсот и, казалось, замерло.

— Угодили в наше поле, — раздался голос Массаганда. — Перед полетом нам установили новинку — силовое поле для отражения метеоритных атак. Между прочим, мы сдвигали им с орбиты астероиды в десять миль диаметром, а уж звездолету ни за что не развить такой скорости, чтобы вырваться из него.

В эту минуту корабль Уаз начал падать.

— Сейчас, пока они беспомощны, — заметил Массаганд, — обернем полем их корабль и попробуем раздавить корпус.

«Идем!» прозвучала в сознании Кенлона мысль Арпо, и в ту же секунду он очутился на борту чужака.

Этой сцены Кенлон никогда не забудет. Он представлял ее себе много раз раньше, в наиболее критические моменты плаваний за время службы. Увиденное было кошмаром подводников.

Разрушение почти полное. Вода поднялась до потолка, а поскольку корабль переворачивался в падении, вся ее колоссальная масса вздымалась громадными волнами и с невероятной силой проносилась по внутренностям корабля. Со всех сторон неслись скрежещущие звуки рвущегося и ломающегося металла.

«Точно в погибающей субмарине, — в ужасе по-

думал Кенлон. — Рев воды, заглохшие машины…» Тем не менее, невзирая на хаос, Кенлон заметил целого и невредимого чужака, вжавшегося в стену, настороженными глазами смотревшего на происходящее. Когда вздымающаяся волна надвигалась на него, он отворачивал лицо и вплотную прижимался к стене, избегая колоссального удара.

Но времени рассмотреть все подробно не оказалось. В следующее мгновение Кенлон вновь оказался на борту «Морского Змея». Почти сразу пришла мысль Арпо:

«У них еще хватает сил. Я не стал дожидаться, пока нас засекут и вышвырнут, тем более теперь, когда они стараются взорвать заложенную в вас капсулу».

— Ох! — вырвалось у Кенлона. Он почувствовал, что бледнеет, но, поборов охвативший его страх, прошептал: — Я покину субмарину. Сейчас же!

«Подождите, — остановил его Арпо. — Прикажите Массаганду раздавить полем механизмы корабля».

С побледневшим лицом Кенлон пробормотал приказ, слова гулко отдавались в ушах.

— Сделаем! — кивнул человек с круглого корабля.

Кенлон напряженно следил за индикатором поля, и лишь заметив его всплеск, почувствовал, как внутри его что-то оборвалось.

«Вот оно! — сказал Арпо. — Вы свободны. Но сражение еще не закончилось».

В перископ Кенлон увидел удар чужого звездолета: океан вздыбился, вода взметнулась на сотни футов, образуя волну высотой с хорошую гору, и помчалась к маленькой флотилии.

Через несколько секунд по системе транслятора с яхты Сессны Клен донесся рев ударившей воды, похожий на взрыв глубинной бомбы. Едва рев замер, Кенлон поспешно передал уведомление на все корабли о внезапном цунами.

Минуту спустя вода ударила в «Морской Змей».

Хотя субмарина шла на перископной глубине прямо на волну, она встала на дыбы, задрожала и осела на сотню ярдов, затем подпрыгнула почти к поверхности и снова рухнула вниз, раскачиваясь с боку на бок. Постепенно субмарина выровнялась, вернувшись на прежний курс.

Остальные суда, очевидно, были построены лучше — они даже не сбились с курса. Кенлон увидел это, когда смог снова взглянуть в перископ.

«Ждите!» — распорядился Арпо.

Кенлон ждал. Медленно тянулись минуты, замет вновь послышалась мысль Арпо:

«Они покинули корабль. Надеются отыскать укромное местечко под водой, чтобы залечить раны и со временем построить другой звездолет».

Кенлон продолжал ждать.

Наконец, Арпо телепатировал:

«Передайте Робайрсту, пусть Тайнар выпустит двадцать две охотничьих капсулы вокруг „Дика“».

Кенлон кивнул Робайрсту и тот взволнованно передал приказ.

Прошло около минуты, затем донесся хриплый голос Тайнара:

— Все!

«Ждите», — повторил Арпо.

Немного погодя снова возникла его мысль:

«Один заряд угодил в рыбу. Передайте Тайнару, пусть снова откроет огонь. — И когда это было сделано, когда истекла еще минута, Арпо отдал последнюю команду: — Передайте Тайнару — взорвать их все!» И на море снова была спокойная ночь.

Но прежде Кенлон увидел, как сработали заряды Тайнара — серия взрывов взметнула воду футов на шестьдесят вверх. Он не успел сосчи-

тать, было их двадцать два или меньше — все произошло слишком быстро. Тотчас пришла успокаивающая мысль Арпо.

«Поздравляю, командор, — телепатировал он. — Бой окончен. Враг уничтожен. Человек вернул себе планету».

— Но как быть с крылатыми и плавунами? — с горечью спросил Кенлон. — Кого из них выбрать?

«Выбора нет. Обе расы — люди».

— Но мне нужна помощь. Хоть какой — нибудь совет.

«Извините, в этом я не помощник. А теперь прощайте, командор Кенлон, больше я не стану поддерживать мысленную связь».

— Подожди!.. — Но мысль Арпо уже исчезла.

Кенлон медленно повернулся к остальным со внезапно пришедшим решением. Скорее всего, на принятие его повлияло возбуждение только что завершившегося боя. И решение оказалось единственно правильным.

Глава 21

Прошло немногим больше часа, когда Кенлон отдал команду:

— Первый, огонь!

Времени на исполнение задуманного ушло не так уж и много, но пришлось потратить двадцать четыре из сорока восьми начиненных чудовищными боезарядами торпед, чтобы сквозь пробитые в стенах бреши взорвать Совет — источник знаний плавунов — в центре подводного города.

Когда «Морской Змей» лег на обратный курс, город остался на девяносто пять процентов неповрежденным, только обезглавленным. Об агрессивных намерениях теперь не могло быть и речи. Все плавуны остались живы, но их способность злоупотреблять наукой исчезла на не — определенное время. Теперь им придется учиться сотрудничать. В будущем, если им понадобится научная информация, они всегда смогут получить ее у крылатых.

Две торпеды получил магнитный негатор — Кенлон вовсе не хотел, чтобы он продолжал затягивать гнездо крылатых в море.

Два часа спустя Кенлон с помощью Талгоронета вызвал по очереди оставшиеся корабли, желая попрощаться. Когда очередь дошла до яхты Клен, неожиданно ответила сама Сессна.

— Командор Кенлон, — раздался ее голос в переводном устройстве, — я искренне восхищаюсь вашим поведением во всех отношениях. Я видела вас в деле, и меня особенно потрясла мысль, что в нашем веке нет таких мужчин. Таких смелых и решительных… Так почему бы вам… — казалось, она немного смутилась, — не отправиться с нами во время Клена, когда вернется ваш командор?

Кенлону понадобилось довольно долгое время, чтобы осмыслить услышанное. Потом он припомнил обстановку, виденную на яхте, представил себя в пышных покоях королевства великого Клена и содрогнулся.

— Моя дорогая госпожа, — произнес он по возможности мягче, — каждый человек принадлежит своему времени. Я своему, вы — своему.

После окончания связи Кенлон сидел молча, задумавшись, как удивителен мир, если на несколько дней люди, разделенные барьерами времени, встретились и узнали друг друга.

И скоро необъятность лет вновь ляжет между ними.

Джонс — Гордон проворно выбрался из плетеного сидения, в котором его доставили на мостик «Морского Змея».

— Присмотрите, чтобы все спустились вниз, — спокойно распорядился он. — Для безопасности мы опустимся на двести футов. Сейчас нас вернут в прошлое.

На палубу вышел Неммо и пожал Кенлону руку.

— Совет оказался умнее всех нас, — заметил он и взлетел.

Кенлон медленно повернулся к капитану. Они остались одни на мостике и стояли, обмениваясь спокойными взглядами. Потом Джонс — Гордон медленно протянул руку.

— По-моему, Билл, — сказал он, — в рискованных ситуациях у вас больше шансов выкрутиться, чем у меня. Это так. Потому что вы были правы.

Они всплыли через десять минут после того, как 24 999 год остался в будущем. Они всплыли в яркое сияние солнечного утра в южных водах Тихого океана и увидели спокойное, сверкающее море.

Поиски

Бока болели от жесткой больничной койки. Какое-то время Дрэйку казалось, что именно это и было то, что его тревожит. Он повернулся, приняв более удобную позу, и понял, что беспокойство было вообще не физическим. Что-то таилось в сознании, чувство опустошенности, возникшее с тех пор, как ему сообщили дату.

После того, как, казалось, прошло много времени, открылась дверь, вошли двое мужчин и сиделка.

— Ну, как вы, Дрэйк? — сердечным тоном спросил один из мужчин. — Очень жаль видеть вас в таком состоянии.

Он был пухлый и добрый на вид. Дрэйк ответил на его энергичное рукопожатие, секунду лежал неподвижно, потом задал неловкий, но необходимый вопрос.

— Извините, — натянуто сказал он, — но я вас знаю?

— Я Брайсон, менеджер торговой фирмы «Быстрые сделки, Компани», — ответил тот. — Мы продаем авторучки, карандаши, чернила, пис-

чую бумагу и множество подобных вещей, что имеются в любой бакалейной лавке. Две недели назад я принял вас на работу и назначил на железную дорогу в качестве продавца. Я знаю лишь то, что вас нашли без сознания в канаве. Больница уведомила меня, что вы здесь… При вас было удостоверение, связывающее вас с нами, — закончил он после недолгого молчания.

Дрэйк кивнул. Он все еще чувствовал напряжение. Очень хорошо, что кто-то заполнил пробел в его памяти, но…

— Последнее, что я помню, — сказал он, наконец, — это мое решение обратиться в поисках работы в вашу фирму, мистер Брайсон. Мне как раз по странной причине отказали в работе чертежники. Очевидно, в этот момент что-то случилось с моим сознанием и…

Дрэйк замолчал. Глаза его расширились от внезапно пришедшей мысли.

— Очевидно, у меня амнезия, — медленно, испытывая неприятное ощущение, сказал он.

Он заметил, что врач, вошедший в комнату вместе с Брайсоном, пристально посмотрел на него. Дрэйк выдавил из себя бледную улыбку.

— Я полагаю, так и есть, док. Я вывел это из того, что не помню событий двух последних недель. Я

лежу здесь, напрягая память. Что-то есть в дальнем уголке сознания, но…

Глаза врача за стеклами пенсне улыбались.

— Я рад, что вы говорите об этом так спокойно. Действительно, ничего страшного. Что же касается того, что вы делали, уверяю вас, наш опыт показывает, что жертвы этого недуга во время приступа обычно живут умеренной, нормальной жизнью. Одной из наиболее часто повторяющихся характерных особенностей является то, что больные меняют профессию. Вы не сделали даже этого.

Он замолчал.

— Я могу рассказать вам о первой неделе, — сказал пухлый Брайсон.

— Я узнал, когда нанял вас, что в детстве вы жили в какой-то деревушке на ответвлении линии Уорвик Джанкстон — Кисслинг. Естественно, я поставил вас на этот маршрут. Мы получили от вас заказы из пяти городов на этом пути, и вы уже добрались до Кисслинга. Может быть, это вам поможет… Нет? — Брайсон пожал плечами.

— Ну, не берите в голову. Как только вы поправитесь, Дрэйк, приходите ко мне. Вы неплохой человек, а такие встречаются редко.

— Я бы хотел остаться на том же маршруте,

если можно, — попросил Дрэйк.

Брайсон кивнул.

— Только помните, что вы сначала потеряли память, а потом двинулись дальше по главной линии. Это точно. Я полагаю, вы хотите разузнать, что с вами было.

— Верно, — сказал Дрэйк. — Что-то вроде поисков воспоминаний. — Ему удалось улыбнуться. — Но сейчас… сейчас я хочу поблагодарить вас за то, что пришли.

— Все в порядке. До встречи.

Они сердечно пожали друг другу руки. Дрэйк смотрел, как Брайсон выходит из двери.

Через два дня Дрэйк сел на «Трансконтиненталь», следующий в Уорвик Джанкстон, и стоял у окна, щурясь от яркого солнца раннего утра. Первое разочарование уже прошло. Раньше он думал, что вид серых зданий, высившихся на фоне каньона, вернет ему воспоминания.

Воспоминания вернулись, но только из детства, когда он с родителями ездил в Джанкстон. Теперь здесь выросли новые дома, и железнодорожная станция была не такой, как двадцать лет назад.

Однако, его сознание явно не раздражал провал в памяти о том, что он видел и делал шестнадцать дней назад.

Дрэйк в замешательстве помотал головой.

«Кто-нибудь узнает меня, — подумал он. — Должен же был кто-то меня видеть. Я наверняка разговаривал с лавочниками, пассажирами, проводниками, служащими отеля. Я всегда был общительным, так что…»

— Привет, Дрэйк, старина, — раздался за его спиной веселый голос.

— У тебя такой вид, словно ты думаешь о похоронах.

Дрэйк повернулся и увидел стройного парня, смуглолицего, темноволосого, лет тридцати. В нем чувствовалась неуклюжесть всех слишком тощих людей, которые ходят словно нагруженные чемоданами, и должно быть, тот что-то заметил в глазах Дрэйка, так как поспешно добавил:

— Ты помнишь меня?.. Билл Келли! — Он непринужденно рассмеялся. — Слушай, пойдем поговорим. У меня к тебе претензия. Что ты сделал с этой девушкой Силэни? Я дважды проезжал Пайфферовой дорогой с тех как, как встретил тебя, и она не появлялась. Она… — Он замолчал, его взгляд внезапно стал острым. — Слушай, ты ведь помнишь меня, не так ли?

Дрэйк был поражен казалось бы неумолимым

фактом, что Пайфферова дорога была названием местечка. Неужели ему захотелось прийти в фермерский дом, где он родился, поглядеть старую усадьбу? Дрэйк почувствовал сильное возбуждение, но по выражению лица Келли понял, что настало время объясниться.

— Видите ли, — сказал он, наконец, — у меня полный провал памяти. Может быть, если не имеете ничего против, вы подскажете мне, что происходило, пока я был с вами. Кто эта девушка Силэни?

— О, конечно, — отозвался Келли, — конечно, я…

— Он замолчал, нахмурившись. — А ты не разыгрываешь меня, а? — Молчание Дрэйка смутило его. — Ладно, ладно, я тебе верю. Мы провели полчаса перед Кисслингом… Амнезия, да? Я слышал об этом, но… Слушай, а ты не думаешь, что старик мог что-нибудь сделать с… — Он ударил кулаком по ладони. — Держу пари, так и было!

— Старик?! — Дрэйк, несколько замялся и твердо закончил: — Что это за история?

* * *

Поезд замедлял ход. Сквозь пыльное окно Дрэйк видел проплывающую долину с зелеными

заплатами деревьев и блестящую, разматывающуюся нить воды. За — тем появились дома, с полсотни по обеим сторонам дороги, и, наконец, показалась деревянная платформа.

Мимо его окна, неся корзину, прошла высокая, стройная, привлекательная девушка.

— Это… это Силэни, — сказал позади Дрэйка разъездной торговец, который сел на предыдущей остановке и с которым Дрэйк успел познакомиться. — Хотел бы я знать, какие чудеса она принесла для продажи на этот раз.

Дрэйк откинулся на спинку сидения, думая о том, что видит Пайфферову дорогу. Он удивился странному чувству безразличия, охватившему его. Вообще-то он родился тремя милями дальше по дороге, но тем не менее, это чувство не проходило. Дрэйк с трудом удержался, чтобы не выругаться. Наконец, до него дошло то, что говорил его собеседник.

— Силэни! — повторил Дрэйк за ним. — Странное имя! Вы говорите, она продавщица?

— Она продает вещи! — взорвался Келли.

Должно быть поняв, что его не слушали, Келли глубоко вздохнул. Его голубые глаза сурово смотрели на Дрэйка. Он начал было что-то говорить, остановился и, наконец, сел, улыбаясь таинствен-

ной улыбкой.

— Знаете, — сказал он через секунду, — в самом деле, я должен извиниться. Я только сейчас понял, что болтаю без перерыва с тех пор, как мы начали разговаривать.

Дрэйк улыбнулся с вежливой снисходительностью.

— Вы интересно рассказываете.

— Я хочу сказать, — настаивал Келли, — до меня только сейчас дошло, что вы сказали, будто помимо прочего продаете авторучки.

Дрэйк пожал плечами. Хотел бы он знать, видит ли собеседник его замешательство. Он смотрел, как Келли вытащил из кармана ручку и протянул ему.

— Вы замечаете в ней что-нибудь странное? — спросил Келли.

Ручка была длинная, тонкая, из темного и, похоже, дорогого материала. Дрэйк медленно отвинчивал колпачок, так как в голову ему пришла странная мысль, что сейчас он найдет один из бесценных аргументов относительно достоинств ручек, которые он продавал, и…

— Эта ручка не моего класса, — быстро сказал он.

— Ручки моей фирмы стоят доллар в розницу.

Говоря, он почувствовал, что оставил себя совсем без защиты.

— Уж точно, она должна будет мне ответить на несколько вопросов, — торжествующе заявил Келли.

— Кто?

— Силэни! Девушка, которая только что села в поезд. Она появится через несколько минут, продавая что-нибудь новенькое. Она каждый раз продает что-нибудь новое. — Он взял ручку из пальцев Дрэйка. — Я покажу тебе, что странного в этой ручке. — Он взял стоявший на подоконнике бумажный стаканчик и с явным самодовольством сказал: — Смотри!

Держа ручку над стаканчиком, Келли нажал пальцем на ее верхнюю часть. Потекли чернила.

Минуты через три стаканчик наполнился до краев. Келли открыл окно, осторожно вылил синюю жидкость на землю между вагоном и платформой, — и Дрэйк вышел из паралича.

— Великие небеса!.. — У него перехватило дыхание.

— Что за резервуар в твоей ручке? Ведь это…

— Погоди!

Голос Келли был спокоен, но он так явственно наслаждался, что Дрэйк взял себя в руки. Но у него

снова закружилась голова, когда Келли опять надавил на колпачок и из фантастической ручки снова потекли чернила.

— Ты не замечаешь ничего странного в этих чернилах? — спросил Келли.

Дрэйк потряс головой, принялся было бормотать, что ему показалось странным их количество, затем хрипло воскликнул:

— Они *красные!*

— Или может быть, — невозмутимо продолжал Келли, — ты предпочитаешь пурпурные? Или желтые? Или зеленые? Или фиолетовые?

Ручка пускала тоненькую струйку каждого цвета, который он называл. Говоря, он поворачивал верхнюю часть колпачка, на который нажимал. Закончил Келли торжествующим тоном человека, повторяющего последние слова перед дракой:

— Может, ты хочешь попробовать сам?

Дрэйк взял замечательную ручку, как знаток, ласкающий бесценную драгоценность. Будто издалека он услышал, как Келли продолжал болтать:

— …их делает ее отец, — говорил Келли. — Он гений. Видел бы ты предметы, которые она продавала в поезде прошлый месяц. В один пре-

красный день он поймет свой талант и развернет широкое производство. Когда придет этот день, все компании, производящие ручки и множество других вещей, обанкротятся.

Эта мысль тоже пришла Дрэйку на ум. Но прежде чем он нашел, что сказать, Келли забрал ручку у него из пальцев и сказал, повернувшись к сидящему по другую сторону прохода седоволосому человеку:

— Я заметил, что вы смотрели на ручку, сэр, пока я демонстрировал ее своему приятелю. Вы хотите посмотреть ее?

— Ну, да, — сказал человек.

Он сказал это тихо, но звук так срезонировал, что у Дрэйка зазвенело в ушах. Пальцы старика схватили протянутую ручку и… она сразу же сломалась.

— Ох! — бессмысленно воскликнул Келли.

— Приношу свои извинения, — сказал приличный на вид старик, и в руке у него появился доллар. — Моя вина. Можете купить еще одну у девушки, когда она придет.

Он откинулся на спинку сидения и спрятался за газетой.

Дрэйк увидел, как Келли закусил губу. Он сидел, уставившись сначала на сломанную ручку,

потом на доллар, потом на скрытое теперь лицо седовласого человека. Наконец, он вздохнул.

— Ничего не могу понять. Ручка живет у меня месяц. Она уже падала на цементный пол и дважды — на деревянный… А теперь сломалась, как гнилая деревяшка. — Он пожал плечами, но тон его выражал недовольство, когда он продолжал через секунду: — Я действительно думаю, нельзя же ожидать, чтобы отец Силэни, исполняющий первоклассную работу… — Он возбужденно прервал себя: — О, смотри, а вот и Силэни! Интересно, что она принесла сегодня? — На узком лице Келли появилась хитрая улыбка. — Вот погоди, сейчас я покажу ей сломанную ручку. Я пошутил, когда покупал ее, сказав, что в ней, должно быть, какая — то хитрость. Тогда Силэни совершила безумство, ответив, что гарантирует мне ее на всю жизнь… Ну-ка, что продает она сегодня? Смотри, какая толпа вокруг нее.

Дрэйк невольно вскочил на ноги и вытянул шею, чтобы заглянуть через головы толпы, что демонстрирует девушка в дальнем конце вагона.

— Великие небеса! — раздался густой мужской голос. — Сколько вы хотите за эту чашку? Как она работает?

— Чашки! — сказал Дрэйк и двинулся, как зача-

рованный, к кучке людей. Если он не ошибался, девушка протягивала окружающим чашку, полную жидкости. Люди пили, а чашка немедленно наполнялась опять.

Тот же принцип, подумал Дрэйк, что и у ручки. Ее отец, очевидно, как-то научился осаждать жидкости и…

Сознание его замутилось, затем прояснилось. Это… в этой гениальной штуке было… бесценное вещество? Ну, а если он, Дрэйк, сумеет заключить с этим человеком сделку, не для себя, для фирмы, то отлично на этом заработает. Он…

Дрэйк слегка задрожал, мысли его оборвались, когда девушка, перекрывая рокот толпы кристально — чистым голосом, заявила:

— Цена чашки один доллар. Она действует на принципе химической конденсации воздушных газов. Процесс известен только моему отцу… Но потерпите, я еще не закончила демонстрацию. — Девушка прошла вперед, голос ее был спокоен и строг в наступившей тишине: — Как видите, это складная чашка без ручки для питья. Сначала вы раскладываете ее. Затем поворачиваете верхнюю полоску по часовой стрелке. Когда она дойдет до определенной точки, появляется вода. А теперь смотрите. Я поворачиваю полоску дальше.

Жидкость стала зеленой. Это ароматный и очень приятный на вкус напиток. Я поворачиваю полоску еще дальше, и жидкость становится красной. Этот кисло-сладкий напиток хорошо освежает в жаркую погоду.

Она передала чашку по кругу, та наполнялась, переходя из рук в руки, и Дрэйк, с трудом оторвав от нее взгляд, по-настоящему оглядел девушку.

Она была высокой, около пяти футов и шести дюймов роста, с темно — каштановыми волосами. Лицо ее, несомненно, было утонченно — интеллигентным. Худое и приятное, поднятое вверх со строгой гордостью, придававшее ей пугающее выражение отчужденности, несмотря на то, как она брала протянутые ей долларовые бумажки.

— Извините, только по одной в руки, — снова послышался ее голос.

— Они появятся на общем рынке сразу же после войны. Это всего лишь сувениры.

Толпа таяла, все расходились по своим местам. Девушка шла по проходу и, наконец, остановилась перед Дрэйком. Он инстинктивно шагнул в сторону и только потом понял, что делает.

— Подождите минутку, — проникновенно сказал он.

— Мой приятель показал мне авторучку, кото-

рую купил у вас. Я бы хотел…

— У меня еще осталось несколько, — кивнула девушка. — Не хотите ли, также, и чашку?

Дрэйк вспомнил о Келли.

— Моему приятелю тоже нужна авторучка. Его ручка сломалась и…

— Извините, но я не могу продать ему вторую… — Девушка замолчала. Глаза ее расширились, она проговорила с какой-то медлительностью: — Вы сказали… что ручка *сломалась?* — Пораженная, она пошатнулась, за — тем сказала с раздражением: — Разрешите взглянуть на нее? Где ваш приятель?

Девушка взяла оба обломка ручки из пальцев Келли и уставилась на них. Губы ее задрожали, руки затряслись, лицо посерело и вытянулось. Когда она заговорила, ее голос упал до шепота:

— Скажите мне… скажите, как это произошло? *Точно,* как?

— Ну, — Келли с удивлением откинулся назад, — я дал ее посмотреть вон тому старому джентльмену, когда…

Он замолчал, потому что его никто не слушал. Девушка повернулась на каблучках и… это было словно сигналом. Старик опустил газету и посмотрел на нее.

Девушка взглянула на него в ответ с выражением птицы, загнанной в угол змеей. Затем, второй раз за последние две минуты, она пошатнулась. Корзинка чуть не выпала у нее из рук, когда она побежала, но девушка успела подхватить ее, несясь по проходу.

Через несколько секунд Дрэйк увидел, как она бежит по платформе. Она удалялась в сторожу Пайфферовой дороги.

— Что за черт! — выругался Келли и повернулся к старику. — Что вы с ней сделали? — свирепо потребовал он. — Вы…

Внезапно он замолчал, и Дрэйк, который хотел добавить пару крепких словечек, тоже ничего не сказал.

Голос торговца под ярким солнцем и просторами Уорвик Джанкстона смолк. Через секунду Дрэйк понял, что рассказ закончен.

— Вы хотите сказать, — спросил он, — что это все? Мы остались сидеть, как пара сосунков, отвернувшись от старика? Этим и закончилось дело? Вы так и не узнали, что напугало девушку?

Он понял, что выглядит странным в глазах Келли, человеком, который ждет от слов или фраз объяснения необъяснимого.

— В нем было что-то такое… — сказал, наконец,

Келли.

— Словно вся грубость директоров торговых фирм собралась в нем одном, и еще ощущение неприятности. И мы заткнулись.

Это было описание, которое Дрэйк мог оценить. Он мрачно кивнул и медленно произнес:

— Он тоже сошел с поезда?

— Нет, сошел только ты.

— Я?

Келли посмотрел на него.

— Знаешь, амнезия отвратительная, но забавная штука. Так оно и было. Ты попросил проводника сдать твои чемоданы в Ингни. Последний раз я видел тебя, когда поезд уже отъезжал. Ты шел в направлении Пайфферовой дороги, туда, куда убежала девушка, и…

Обремененный грузом и пассажирами, поезд тяжело продвигался вперед. Когда он ехал по долине, Дрэйк сидел, с интересом глядя в окно на местность, которую смутно помнил из своего детства, а Келли рядом болтал не переставая.

Наконец, Дрэйк принял решение: после полудня он сойдет в Ингни, сделает обход, пока не закрылись магазины, затем доедет на чем — нибудь до Пайфферовой дороги и потратит весь долгий летний вечер на расспросы. Если он

правильно помнит, расстояние между городом и крохотным поселком составляет около семи миль. В худшем случае он вернется в Ингни пешком за пару часов.

Первая часть плана оказалась даже проще, чем он предполагал. Есть автобус, сказал ему служащий отеля в Ингни, который отходит в шесть вечера.

Было двадцать минут седьмого, когда Дрэйк сошел с автобуса и, стоя в грязи, которая, собственно, и была Пайфферовой дорогой, смотрел, как автобус, подпрыгивая, удаляется. Шум мотора умолк вдали, пока Дрэйк переходил через железнодорожное полотно.

Вечер был тихий и теплый, и пальто висело у Дрэйка на руке. Потом станет прохладнее, подумал он, но сейчас он почти жалел, что взял его с собой.

На грядках перед первым домом он увидел стоящую на коленях женщину. Дрэйк поколебался, затем подошел к ограде и несколько секунд смотрел на нее. Интересно, должен ли он ее помнить?

— Извините, мадам, — сказал он, наконец.

Женщина не подняла глаз, не встала с грядки, на которой работала. Это была костлявая женщи-

на в измятом платье. Она наверняка видела, как он подошел, но упрямо молчала.

— Я хотел бы спросить, — настойчиво продолжал Дрэйк, — не можете ли вы мне сказать, где тут живет мужчина средних лет с дочерью? Дочь зовут Силэни, она торгует в поездах авторучками, чашками и другими вещами. Она…

Женщина встала и подошла к ограде. Вблизи она не выглядела такой уж страшной или неуклюжей. У нее были серые глаза, которые смотрели на него сначала враждебно, потом с любопытством.

— Слушайте, — внезапно сказала она, — не вы ли это были здесь две недели назад и спрашивали о них? Я сказала вам тогда, что они живут вон в той роще. — Она махнула рукой в сторону группы деревьев четвертью мили дальше по дороге. Глаза ее сощурились и стали холодными, когда женщина уставилась на него. — Я ничего не понимаю, — сердито сказала она.

Дрэйк не стал рассказывать о своей амнезии этой резкоголосой, всех подозревающей бабе и, конечно, не упомянул о том, что когда-то жил здесь неподалеку.

— Спасибо, — поспешно сказал он. — Я…

— Не трудитесь снова идти туда, — сказала

женщина. — Они уехали в тот же день, когда вы были там… Уехали в своем большом трейлере. И не вернулись.

— Уехали?! — воскликнул Дрэйк.

Он хотел продолжать расспросы, когда осознал, что женщина глядит на него с легкой, довольной усмешкой на лице. Она выглядела так, словно удачно нанесла удар неприятному типу.

— Благодарю, — отрезал Дрэйк. — Во всяком случае, я пойду туда и погляжу.

Он повернулся на каблуках, настолько рассерженный, что некоторое время даже не сознавал, что идет по кювету, а не по дороге. Ярость его сменилась досадой, а потом исчезла совсем от мысли, что *сейчас* он здесь и должен все хорошенько осмотреть.

Через некоторое время Дрэйк почувствовал удивление, что позволил какой-то женщине так быстро подействовать ему на нервы. Он покачал головой, ругая себя. Лучше быть осторожным. Это дело с поисками воспоминаний начало утомлять его. Когда Дрэйк вступил в тень рощи, откуда-то налетел ветерок. Он мягко обдувал лицо. Вечернюю тишину нарушал только шелест листьев.

Понадобилось немного времени, чтобы понять, что смутные надежды, вытащившие его на эту

прогулку, не оправдались.

Не было ничего, ни единого признака, что здесь недавно жили люди — ни консервных банок, ни мусора, ни золы. Ничего.

Несколько минут Дрэйк бродил вокруг, в высшей степени осторожно разрыл кучу сухих веток, и наконец побрел назад по дороге. На этот раз женщина сама окликнула его.

Дрэйк заколебался, затем подошел. По крайней мере, она должна знать гораздо больше, чем сказала. Дрэйк заметил, что теперь она глядит на него более дружелюбно.

— Нашли что-нибудь? — спросила она, с трудом сдерживая нетерпение.

Дрэйк мрачно усмехнулся ее любопытству, затем печально пожал плечами.

— Трейлер уехал, — сказал он, — словно испарился. Все исчезло.

— Все следы, конечно, исчезли после того, как там побывал старик, — фыркнула женщина.

Волнение пронзило Дрэйка огнем.

— Старик! — горячо воскликнул он.

Женщина кивнула, затем с горечью продолжала:

— Приличный на вид старик. Он обошел всех расспрашивая, какие вещи продала нам Силэни.

Через два дня, наутро, когда мы проснулись, они исчезли все до единой.

— Украдены?

Женщина помрачнела.

— Все вещи. Цена каждой доллар — стоило ли их воровать? Знаете, у нас была сковорода, которая…

— Но чего он хотел? — в замешательстве перебил ее Дрэйк. — Разве он ничего не объяснял, когда расспрашивал? Вы бы наверняка не позволили ему просто так шататься здесь и задавать вопросы!

К его изумлению, женщина покраснела, потом разволновалась.

— Не знаю, что на меня нашло, — наконец, угрюмо призналась она. — В нем было что-то такое… У него был важный и властный вид, словно он большой начальник. А кроме того, он… — Она сердито замолчала.

— Негодяй! — продолжила она через некоторое время, сощурившись от внезапной враждебности. Затем пристально поглядела на Дрэйка. — Вы правильно сказали насчет вопросов. А вы сами? Стоите здесь, выспрашиваете меня, когда сами… Слушайте, давайте начистоту. Вы тот человек, который был здесь две недели назад? Но тогда,

что же это получается?..

Дрэйк заколебался. Перспектива рассказать ей о своем положении была не из приятных, однако…

Она должна знать больше. Она наверняка знала что — нибудь интересное о том времени, которое девушка Силэни и ее отец провели в этом местечке. Одно наверняка, усмехнулся про себя Дрэйк, если вообще было что-то интересное, женщина должна знать об этом.

Колебания кончились. Дрэйк все рассказал ей, но закончил несколько неуверенно:

— Теперь вы знаете, что я человек, который… ну… ищет свои воспоминания. Может быть, меня ударили по голове, хотя на ней нет шишки. Может, меня одурманили. *Что-то* же случилось со мной. Вы сказали, что я пошел туда. Но я вернулся? Что я там делал? Что…

Он замолчал и отшатнулся, потому что женщина внезапно закричала.

— Джимми! — закричала она так громко, что у него зазвенело в ушах. — Иди сюда!

— Да, мам! — раздался из дома мальчишеский голос.

Дрэйк тупо глядел, как из дома выбежал растрепанный двенадцатилетний мальчишка. Дрэйк

слушал, еще ничего не понимая, как мать объясняет мальчику, что «этого человека ударили по голове люди в трейлере, он потерял память и теперь хочет, чтобы ты рассказал то, что видел».

Потом женщина повернулась к Дрэйку.

— Джимми, — с гордостью сказала она, — никогда не доверял этим людям. Он был уверен, что они наци или что-нибудь вроде этого, и не спускал с них глаз. Он видел, как вы пошли туда, и все вплоть до того момента, как уехал трейлер. — Женщина помолчала, потом закончила: — Он может рассказать вам во всех подробностях, что вы делали, потому что видел все через окна и, кроме того, побывал в трейлере, когда никого не было поблизости, и все рассмотрел… Только для уверенности, конечно, что они ничего не прячут.

Дрэйк кивнул, с трудом подавив усмешку. Это, вероятно, столь же хорошая причина, как и любая другая, чтобы совать нос в чужие дела. В таком случае, ему повезло.

Звонкий голос Джима, раздавшийся в надвигающихся сумерках, прервал его мысли.

После полудня было жарко, и Дрэйк, задержавшись у первого дома, чтобы расспросить женщину, где живут отец с дочерью, медленно шел к роще, на которую она указала. Сзади звон-

ко просвистел поезд, простучали колеса. Дрэйк подавил внезапное желание броситься обратно и сесть в него. В любом случае, понял он, не успеть. А кроме того…

Человеку не так уж часто выпадает шанс на удачу. Дрэйк ускорил шаг. О небеса, подумал он о ручке и чашке…

Он не видел трейлера, пока не дошел до деревьев. Увидев его, Дрэйк резко остановился.

Трейлер был гораздо больше, чем он предполагал, длиной с небольшой фрахтовый грузовик… и странно обтекаемый.

На стук никто не отозвался.

Дрэйк напряженно размышлял. Девушка убежала этой дорогой. Она должна быть там. Он неуверенно пошел вокруг чудовища на колесах.

На высоте глаз тянулся ряд окон, опоясывающих трейлер. Дрэйк видел блестящий потолок и верхнюю часть того, что выглядело, как превосходные стенные панели. Там было три комнаты, отдельный вход вел в кабину грузовика, к которому цеплялся трейлер.

Вернувшись к первому входу, Дрэйк напряженно прислушался. Но опять ничего не было слышно — ничего, кроме легкого ветерка, пробежавшего по вершинам деревьев. Вдалеке

заунывно засвистел поезд.

Дрэйк попробовал дверь. Она открылась так легко, что это положило конец его колебаниям. Он неторопливо открыл дверь и постоял на пороге, всматриваясь в среднюю комнату.

Его поразил блеск роскоши. Пол был изумительный, темно-мерцающий, как драгоценный камень. Стены удивительно подходили под тон к нему, однако, были светлее. Сразу напротив двери стояла кушетка, два стула, три шкафчика и несколько причудливо изогнутых полок, на которых стояли какие-то красивые предметы.

Первое, что увидел Дрэйк, шагнув через порог, была корзинка девушки, стоявшая у стены слева от двери.

Бросив на нее взгляд, Дрэйк резко остановился, сел на порог и спустил ноги наружу. Беспокойство его улеглось, и он стал с любопытством осматривать содержимое корзинки.

В ней было около дюжины волшебных ручек, не менее трех дюжин складных самонаполняющихся чашек, дюжина округлых черных предметов, которые как-то не давались в руки… и три пары пенсне.

У каждой пары были тонкие, прозрачные кружочки, прикрепленные к внешней стороне линз.

Пенсне просто лежали в корзинке. Они были без футляров, но, казалось, никто не боялся, что они могут разбиться. Пенсне, которое он примерил, уютно улеглось на переносицу, и в первую секунду Дрэйк подумал, что оно хорошо подходит к его глазам.

Потом он заметил разницу. Все стало ближе — комната, рука… не увеличилось, но выглядело так, словно он глядел через слабо наэлектризованную стеклянную пластину.

А через секунду Дрэйк понял назначение прозрачных кружочков. Они поворачивались — поворачивались совершенно свободно.

Внезапно все стало еще ближе. Слегка дрожа, Дрэйк поворачивал по очереди кружочки.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы проверить их замечательное действие. У него было пенсне с линзами, которые можно регулировать, замечательная комбинация телескопа и микроскопа — суперочки.

Дрэйк озадаченно положил изумительную вещь обратно в корзинку и, внезапно решившись, встал, вошел внутрь и пошел к двери в заднюю комнату.

Он хотел только заглянуть в нее, но сразу же увидел стену, усеянную полками, на которых

были аккуратно расставлены небольшие разнообразные предметы.

Охваченный любопытством, Дрэйк взял что-то похожее на фотокамеру. Это была превосходная вещь. Он заглядывал в объектив, когда его пальцы на что-то нажали. Раздался щелчок, и тотчас из щели в задней стенке вылезла глянцевая карточка.

Это была фотография верхней части человеческого лица. Она была изумительно четкой и имела удивительно естественный цвет. Напряженное выражение карих глаз сделали на мгновение черты лица странными, незнакомыми. Потом Дрэйк понял, что видит себя. Это была его фотография.

Это уж слишком! Похолодев, Дрэйк сунул фотографию в карман, положил аппарат на место и, дрожа, вышел из трейлера и пошел по дороге к поселку.

— …а потом, — рассказывал Джимми, — вы через минуту вернулись, вошли в трейлер, закрыли дверь и прошли в заднюю комнату. Вы шли так быстро, что чуть не заметили меня. Я думал, что вы уйдете. А потом…

Дверь трейлера открылась. Девичий голос произнес что-то настойчивое, чего Дрэйк не разо-

брал. В следующее мгновение девушке ответил мужской голос. Дверь закрылась, из средней комнаты доносились какие-то звуки.

Пригнувшись, Дрэйк прокрался вдоль левой стены…

— …вот и все, мистер, — закончил Джимми. — Я подумал, что сейчас там поднимется суматоха, и вернулся домой рассказать все маме.

— Ты хочешь сказать, — возразил Дрэйк, — что я был настолько глуп, чтобы вернуться и попасться?

Мальчик пожал плечами.

— Вы прижались к простенку — это последнее, что я видел.

— А ты не видел их в комнате, пока наблюдал?

Джимми заколебался.

— Ну, — сказал он наконец серьезным, защищающимся тоном, — потом произошло что-то странное. Видите ли, отойдя шагов на сто, я обернулся — не было ни трейлера, ни грузовика.

— Не было? — медленно повторил Дрэйк. У него появилось чувство нереальности происходящего. — Ты хочешь сказать, они завели грузовик, выехали на Пайфферову дорогу, а оттуда попали на тракт?

Мальчик упрямо помотал головой.

— Меня уже пытались поймать на этом. Но я всегда уверен в том, что вижу и слышу. Не было ни малейшего шума мотора. Они просто исчезли, вот и все.

Дрэйк почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— И я вместе с ними? — спросил он.

— И вы вместе с ними, — сказал Джимми.

Последовавшее молчание было нарушено женщиной, которая громко сказала:

— Хорошо, Джимми, можешь идти играть. — Она повернулась к Дрэйку.

— Знаете, что я думаю? — сказала она.

Дрэйк с трудом пришел в себя. Это было не то, что он ожидал. У него не было ни малейших проблесков воспоминаний…

— Что? — спросил он.

— Они занимаются рэкетом, вся эта семейка. Эта история с ее отцом… Я не могу понять, как мы опустились до такого. Он проводил все свое время, бродя по округе и скупая металлолом. По правде говоря, — очень неохотно призналась она, — они делали удивительные вещи. Правительство не обманывает, когда говорит, что после войны у нас будет царская жизнь. Но есть одно затруднение. У этих людей было всего несколько

сотен вещичек. Знаете, что они делали? Продавали все поблизости, затем крали и перепродавали в другом месте.

Несмотря на захватившие его мысли, Дрэйк уставился на нее. Он и раньше встречался с запутанной логикой смутно мыслящих людей, и его всегда шокировало, когда бесстыдно игнорировали факты, чтобы треснувшая по всем швам, как рассохшийся бочонок, теория могла удержать воду.

— Не понимаю, — сказал он, — какая им от этого выгода. Вы же платили за каждую вещь, которая была впоследствии украдена, всего по доллару?

— О, — сказала женщина. Лицо ее вытянулось, а когда она поняла, что ее любимая теория терпит полное крушение, румянец гнева залил ее обветренные, загорелые щеки. — Может быть, расчет на рекламу! — отрезала она.

Дрэйк понял, что пришло время заканчивать беседу.

— Никто из ваших знакомых не собирается сегодня в Ингни? — поспешно спросил он. — Было бы неплохо, если бы меня подвезли.

Перемена темы помогла. Румянец исчез со щек женщины.

— Нет, никто, насколько я знаю, — задумчиво сказала она. — Но не беспокойтесь. Выйдите на шоссе, и там вас всегда подвезут.

Уже вторая попавшаяся машина подобрала его. К наступлению темноты Дрэйк сидел в холле отеля, размышляя:

«Девушка и ее отец с грузовиком изумительнейших вещей в мире. Она продавала их, насколько известно, по одной в руки. Отец скупал металлолом. А потом, как еще один безумный факт, по следам проданных вещей шел старик и крал их… — Дрэйк подумал о ручке Келли. — Или ломал…»

— О, посмотрите, что вы наделали! — вскрикнул позади Дрэйка какой-то мужчина. — Вы поломали ее!

— Приношу вам свои извинения, — ответил ему негромкий, уверенный, звучный голос. — Вы заплатили за нее доллар, не так ли? Естественно, я возмещу вам убыток. Вот… и примите мои извинения.

В наступившей тишине Дрэйк встал и обернулся. Он увидел высокого, приличного на вид человека с седыми волосами, который вставал с кресла возле молодого парня, уставившегося на две половинки сломанной ручки, которые

держал в руках.

Старик направился к вращающимся уличным дверям, но Дрэйк успел туда первым и сказал спокойно, но твердо:

— Одну минуту, пожалуйста. Я хочу, чтобы вы мне объяснили, что произошло со мной после того, как я побывал в трейлере Силэни и ее отца. Я думаю, вы тот человек, который может дать объяснение. Я…

Он замолчал. Он увидел глаза старика, казавшиеся омутами серого пламени, глаза, которые буквально впились ему в лицо и проникли в мозг. Дрэйк успел еще коротко, смутно вспомнить, что рассказывал Келли о способности этого человека смутить их в поезде… а затем стало слишком поздно, чтобы думать дальше.

С совершенно не стариковской, тигриной быстротой тот шагнул вперед и схватил Дрэйка за руку. В его прикосновении чувствовался металл, словно руку охватил обруч.

— Идем… в мою машину, — тихим, непреклонным голосом сказал старик.

Дрэйк еще помнил, как они садились в длинный, с блестящим капотом автомобиль. Затем наступила темнота…

Дрэйк лежал на спине на твердом полу. Он от-

крыл глаза и через секунду увидел купол потолка футах в двухстах над ним. Потолок был шириной, по меньшей мере, триста футов и почти по всему его диаметру тянулось окно, через которое струилась грязно — белая дымка или свет, словно невидимое солнце с трудом пронизывало тонкий, но плотный слой тумана.

Широкая полоса окна уходила по середине потолка вдаль. Она…

Вдаль!

Задохнувшись, Дрэйк рывком сел. В ту же секунду его пронзила мысль, что здесь что — то не так.

Коридору, в котором он находился, не было конца.

Он тянулся в обе стороны, пока не превращался в пятна серого света и мрамора. Невдалеке был балкон и галерея, а над ней еще одна. Каждый этаж имел свой коридор, отделенный от галереи перилами. И были бесчисленные сияющие двери, а через равные промежутки в стороны уходили коридоры поуже, скрываясь в глубине явно чудовищного здания.

Когда прошло первое потрясение, Дрэйк медленно поднялся на ноги. Воспоминание о старике — и о том, что было до него — терзало его. Он

мрачно подумал: старик затащил меня в машину и привез сюда. Вот только…

Только на всей Земле не существовало такого здания.

По спине Дрэйка пробежал холодок. Ему стоило немалых усилий подойти к ближайшей из длинного ряда высоких, изогнутых дверей и толкнуть ее.

Вряд ли он мог бы сказать, чего ожидал, но первой реакцией было… разочарование.

Там был кабинет, большое помещение с голыми стенами. У одной стены стояли изящные шкафы. Угол напротив двери занимал большой стол. Несколько стульев, два удобных диванчика и вторая, более украшенная дверь дополняли картину.

В помещении никого не было. Стол был новенький, с иголочки, и выглядел безжизненным.

Вторая дверь была заперта или открывалась с помощью какого-нибудь фокуса.

Вернувшись в коридор, Дрэйк, наконец, понял, что в здании стоит напряженная тишина. Единственным звуком был стук его шагов — и открывалась дверь за дверью в такие же, обставленные как кабинеты, но безлюдные помещения.

По часам Дрэйка прошел час. Потом еще полча-

са. А потом… вдалеке он увидел дверь.

Сначала это было просто пятно света. Затем показались сверкающие контуры превратившиеся в огромное стекло, вставленное в каркас.

Дверь была около пятидесяти футов в высоту. Когда Дрэйк посмотрел сквозь прозрачное стекло, то увидел огромные белые ступени, уходящие в дымку, начинающуюся через двадцать футов, так что ниже ступени исчезали.

Дрэйк встревоженно всматривался. Там было что-то не так. Дымка, скрывающая все, висела неподвижно, мрачно зацепившись…

Дрэйк встряхнулся. Вероятно, внизу, у подножия лестницы была вода, теплая вода, соприкасающаяся с постоянным потоком теплого воздуха, и образовывался густой туман.

На секунду Дрэйк представил себе эту картину — здание в десятки миль длиной, стоящее на берегу озера и вечно скрытое серым туманом.

Бежать отсюда! — резко подумал он. — Бежать!

Дверная щеколда находилась на обычной высоте. Но казалось немыслимым справиться с гигантской конструкцией таким относительно маленьким рычагом. Она…

Она открылась легко, бесшумно, как хорошо сбалансированный механизм. Дрэйк вошел в

густой туман и начал сначала быстро, потом все с большей осторожностью спускаться по лестнице. Ему вовсе не улыбалась перспектива окунуться в глубокую воду.

Сотая ступень оказалась последней, и не было никакой воды. Не было вообще ничего, кроме тумана. Ни основания лестницы, ни земли — ничего!

Опустившись на четвереньки, испытывая внезапное головокружение, Дрэйк пополз вверх по лестнице. Он так ослаб, что передвигался буквально по дюйму. Когда он обнаружил, что основанием лестницы было ничто, воз — никло кошмарное ощущение, что ступени вот-вот провалятся под ним.

Второй, более сильный страх придет, если окажется, что дверь нельзя открыть снаружи, и Дрэйк останется отрезанным здесь, на краю бездонной пропасти.

Но дверь открылась. Она легко подалась под весом его обессилевшего тела. Дрэйк лежал на полу в коридоре, и через некоторое время его охватило страшное удивление: что общего со всем этим имела девушка Силэни, продававшая в поездах удивительные вещи?

На это, казалось, не было ответа.

Постепенно страх уступил место чувству безопасности, росшему с каждой минутой. Дрэйк поднялся, стыдясь этого страха, и мысли его получили другое направление.

Это фантастическое место нужно исследовать снизу доверху. Где-то должен быть склад чашек, которые сами создают воду. А возможно, и пищу. Скоро он захочет есть и пить. Сначала нужно зайти в один из кабинетов, осмотреть все шкафы, взломать ящики стола, искать…

Взламывать ничего не потребовалось. Ящики открывались от малейшего рывка. Дверцы шкафов были незамкнуты.

Там лежали журналы, гроссбухи, странного вида регистраторы. Охваченный любопытством, Дрэйк бегло просмотрел расплывающиеся в глазах страницы нескольких журналов, которые разложил на столе, расплывающиеся потому, что руки его тряслись и он не мог сосредоточиться.

Наконец, собрав всю свою волю, Дрэйк отложил в сторону все, кроме одного журнала. Он раскрыл его наугад и прочитал то, что было там напечатано:

ЭКЗЕМПЛЯР ОТЧЕТА ВЛАДЕЛЬЦА КИНГСТОНА КРЕЙДЕНА ПО ДЕЛУ ИМПЕРИИ ЛИЦЕУСА II Н.Э. 27 364 — 27 378.

Нахмурившись, Дрэйк уставился на дату, затем стал читать дальше:

«Обычная история периода есть рассказ о хитроумной узурпации власти безжалостным правителем. Вдумчивый человек обнаружит неестественное желание защищать себя за счет других.

ВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ: предупредить близкого к краху императора, когда он поймет, что стоит лицом к лицу с Владельцем. Инстинкт самосохранения заставит его дать нужные гарантии на период будущего правления.

КОММЕНТАРИИ: это решение создаст вероятностный мир Типа 5 и должно считаться временным из-за очень сложной, непрерывной работы, которую профессор Терран Линк проводит на протяжении всего двести семьдесят третьего столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: вернуть во Дворец Бессмертия после трехдневного отсутствия».

Дрэйк сидел, сначала напряженный, потом откинулся на спинку кресла, но в его голове осталось впечатление какой-то бессмыслицы. Очень просто, думать было не над чем.

Наконец, он перевернул страницу и стал читать дальше:

ЭКЗЕМПЛЯР ОТЧЕТА ВЛАДЕЛЬЦА КИНГСТОНА КРЕЙДЕНА.

«Дело Лейрина Грайнона, инспектора полиции 900 — го сектора города Нью — Йорк, который 7 июля 2830 г. н. э. был ошибочно обвинен в принятии взяток и деелеризирован.

РЕШЕНИЕ: Добился отставки инспектора Грайнона за два месяца до даты обвинения. Он вернулся на свою ферму и с тех пор оказывал самое минимальное влияние на все окружающее. Он прожил в этом вероятностном мире до самой смерти в 2874 г. н. э., и это обеспечило почти полные 290А.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: вернуть во Дворец Бессмертия через один час».

Там было множество записей, сотни, тысячи в каждом журнале. Каждая запись была озаглавлена «Отчет Владельца Кингстона Крейдена», и его всегда возвращали во «Дворец Бессмертия» через несколько дней, часов или недель. Один раз через три месяца, и это было запутанное, безумное дело, касавшееся «учреждения демаркационного времени между девяносто восьмым и девяносто девятым столетиями» и включавшее «воскресших в активе по линии вероятностного мира троих убитых людей, поименованных…»

Острое чувство жажды и голода заставило Дрэйка осознать, что он сидит в этом необъятном, ужасном здании, читая фантастическую писанину человека, который *должен* быть сумасшедшим. И тут Дрэйк заметил, что в помещении начало темнеть. Свет, должно быть, шел откуда — то снаружи и…

Выйдя в огромный пустой коридор, Дрэйк понял, в чем дело. Дымка, струившаяся через окно на потолке, серела, темнела. Наступала ночь.

Дрэйк попытался не думать об этом… Остаться одному в похожем на склеп здании, смотреть, как мрак крадется по серому мрамору… Интересно, что за существа могут появиться из тьмы, которая вскоре станет непроницаемой, и…

— Перестань, дурак! — сказал себе Дрэйк вслух.

В тишине его голос прозвучал глухо и эхом отдался в дрожащем сознании.

Здесь должно быть место, где живет этот… Владелец. На этом этаже только кабинеты, но на других… лестница… надо найти лестницу. В главном коридоре он ее не видел, так что…

Все оказалось очень просто. Пройдя пятьдесят футов по первому боковому коридору, Дрэйк увидел широкую лестницу. Он поднялся по ней и

попробовал первую встреченную дверь.

Дверь открылась в анфиладу великолепных жилых апартаментов. Там было семь комнат, включая сверкающую в сумерках кухню, стенные шкафы которой были битком набиты прозрачными банками. В банках была еда, одновременно знакомая и странная.

Дрэйк уже не испытывал никаких эмоций, даже дрожь удивления не коснулась его, когда он крошечным рычажком вскрыл банку с грушами и вывалил их прямо на стол… Однако бутылки никак не хотели открываться.

Позднее, поев, он поискал выключатель освещения, но было уже слишком темно, чтобы что-либо найти.

В спальне стояла кровать с балдахином, смутно маячившая в темноте, а в комоде Дрэйк нашел пижаму. Лежа под прохладной простыней и уже засыпая, Дрэйк подумал: эта девушка, Силэни, испугалась старика… Почему она испугалась? И что могло произойти в трейлере, что выбросило его, Ральфа Карсона Дрэйка… сюда?

С этой тревожной мыслью Дрэйк заснул.

Сначала где-то далеко возник свет. Он приближался, становился все ярче и, наконец, разбудил его. Как только Дрэйк открыл глаза, на него на-

хлынули воспоминания.

Лежа на левом боку, он таращил глаза — это был резкий дневной свет. Краем глаза он видел над собой серебристо — голубой балдахин, а над ним высокий потолок.

Постепенно Дрэйк понял, что в полумраке вчерашнего вечера он не заметил, какой большой, просторной и роскошной была его новая квартира.

Здесь были толстые, лоснящиеся ковры и обшитые панелями стены, и розовая мебель, сверкающая дорогой красотой. Над кроватью был установлен балдахин на четырех столбиках и…

В мыслях Дрэйка возникла ужасная пустота, потому что, повернув голову направо, он впервые увидел другую половину кровати.

Там лежала и крепко спала молодая женщина.

У нее были темно — каштановые волосы, гладкая белоснежная шея, и даже во сне ее лицо выглядело утонченно-интеллигентным. На вид ей было лет тридцать.

Дрэйк не стал рассматривать ее дальше. Как тать в ночи, он выскользнул из-под одеяла. Коснувшись пола, он замер, от отчаянного ужаса затаив дыхание, потому что…

Ровное дыхание, доносившееся с кровати,

смолкло. Женщина вздохнула, а потом... это конец!

— Мой дорогой, — лениво раздалось звучное контральто, — что ты там делаешь в такую рань?

На кровати послышалась возня, и Дрэйк низко пригнулся в ужасном предчувствии визга, который раздастся, когда она обнаружит, что это не «ее дорогой».

Но ничего не случилось. На краю постели появилась прекрасная головка, серые глаза спокойно смотрели на него. Молодая женщина, казалось, забыла о своем первом вопросе.

— Дорогой, тебе по расписанию идти на Землю сегодня? — спросила она.

Это было сказано именно Дрэйку. Сам вопрос был настолько поразителен, что его личное отношение ко всему этому казалось второстепенным. Кроме того, пришло смутное понимание.

Это был один из тех вероятностных миров, о которых он читал в журналах Владельцев Кингстона Крейдена. Здесь, просто и ужасно, было нечто, что *могло* произойти с Ральфом Дрэйком. А где-то за кулисами кто-то создавал все это.

И все потому, что он начал поиски своих воспоминаний.

Дрэйк выпрямился. Он был в поту, сердце стучало, как отбойный молоток, колени дрожали, в голове не было ни единой спокойной мысли. Но он выпрямился и сказал:

— Да, я иду на Землю.

Это дает цель, напряженно подумал Дрэйк, причину по возможности скорее уйти отсюда и…

Он направился к стулу, на котором была его одежда, когда смысл собственных слов дал второе, более сильное потрясение его расстроенным нервам.

ИДУ НА ЗЕМЛЮ! Дрэйк почувствовал, как сознание оседает под тяжестью факта, который превосходил всю действительность его существования. Идти на Землю — откуда?

Ответ был безумным, вспыхнувшим в его усталом сознании: из Дворца Бессмертия, конечно, дворца в тумане, где живут Владельцы.

Кое-как Дрэйк добрался до ванной. Еще вечером он обнаружил там на изящной полке прозрачную баночку с мазью, на которой было написано:

«УСТРАНИТЕЛЬ БОРОДЫ — ВТЕРЕТЬ, ЗАТЕМ СМЫТЬ».

Это заняло полминуты — остальное еще минут пять.

Дрэйк вышел из ванной полностью одетый. Его

сознание окаменело и, как погружающийся в воду камень, он устремился мимо кровати к двери.

— Дорогой!

— Да? — Напряженный, похолодевший, Дрэйк обернулся. Он с облегчением увидел, что женщина не глядит на него. В ее руке была маленькая авторучка и, нахмурившись, она что-то черкала в большом гроссбухе.

— Наше временное отношение друг к другу ухудшается, — не поднимая глаз, сказала она. — Ты должен больше оставаться во Дворце, омолаживаясь, в то время как я пойду на Землю и добавлю себе несколько лет. Ты устроишь это, дорогой?

— Да, — сказал Дрэйк. — Да!

Больше ничего не было сказано. Дрэйк прошел в маленький холл, затем в гостиную, а затем, выйдя, наконец, в коридор, прислонился к холодной мраморной стене, безнадежно размышляя.

Омолодиться! Так вот что делает это невероятное здание! С каждым проведенным здесь днем становятся на день моложе, и необходимо… ходить… на Землю, чтобы сохранять равновесие.

Потрясение все усиливалось. Больше не было сомнений: то, что произошло с ним в трейлере, было настолько важно, что гигантская сверхче-

ловеческая организация всеми силами старалась не дать ему узнать правду.

Вне всяких сомнений, сегодня он действительно должен узнать, что все это значит, обследовать все этажи, попытаться найти главный офис и…

Дрэйк медленно расслаблялся, выходя из внутренней напряженной концентрации мыслей, когда впервые за все время услышал шум. Голоса, шаги, люди — внизу.

Когда Дрэйк метнулся к балюстраде балкона, его охватило странное чувство, что он узнает ее.

Остановившимися глазами он уставился на большой главный коридор здания, по безмолвным, безлюдным пределам которого он скитался вчера столько часов.

Безмолвия и безлюдия больше не было. По коридору тек непрерывный поток мужчин и женщин. Он был похож на городскую улицу с движением в обоих направлениях. Все спешат, все заняты своими делами, все…

— Привет, Дрэйк, — раздался за его спиной молодой мужской голос.

Странно, но у Дрэйка уже не оставалось никаких эмоций.

Он повернулся медленно, как утомленный человек. Незнакомец, который поздоровался с

ним, был высок и хорошо сложен. У него были темные волосы и полное, сильное лицо. Одет он был в отлично сшитый однобортный пиджак, привлекательно суженный в талии, и брюки, расклешенные, как бриджи. Он улыбался насмешливо и дружелюбно и, наконец, холодно произнес:

— Так ты хочешь узнать, что все это значит? Не торопись, узнаешь. Но сначала примерь перчатку и пойдем со мной. Кстати, меня зовут Прайс.

Дрэйк уставился на протянутую ему перчатку.

— Что… — начал он и замолчал.

Он вдруг осознал, что торопится слишком быстро все понять. Этот человек ждал его у двери и…

Самым важным было то, что *они*, наконец, пошли в открытую, Но… эта перчатка!

Дрэйк взял ее, нахмурившись. Она была на правую руку и пришлась ему впору, легкая, гибкая, но казавшаяся неестественно толстой. Ее наружная поверхность имела слабый металлический блеск.

— Ты возьмешь перчаткой его за правое плечо, — сказал Прайс, — кончиками пальцев надавишь ключицу вниз… Позже я тебе все объясню. Есть какие-нибудь вопросы?

— Какие-нибудь вопросы?! — Голос Дрэйка

сорвался от крика, он с трудом прокашлялся. Прежде, чем он обрел возможность говорить, Прайс сказал:

— Я расскажу тебе, пока мы идем. Осторожно, здесь лестница.

Дрэйк, наконец, пришел в себя.

— Что означает вся эта чушь с каким-то плечом? — грубо спросил он. — Зачем…

Он беспомощно замолчал. Что-то в происходящем было не так. Он был как слепой, получающий обрывки впечатлений о мире, которого не мог увидеть. Не было ни начала, ни связи, ничего, кроме расплывчатых полу — фактов.

Он должен вернуться к началу. Он, Дрэйк, человек, искавший свои воспоминания. Что-то произошло с ним в трейлере, а все остальное вытекает из этого, как день из ночи. Не упускать это из виду и…

— Будь ты проклят, — сказал Дрэйк в полном замешательстве. — Будь ты проклят, Прайс, я хочу знать, что все это значит.

— Не волнуйся. — Они спустились по лестнице и пошли по боковому коридору в направлении главного. Прайс повернулся к нему и продолжал: — Я прекрасно понимаю, что ты сейчас чувствуешь, Дрэйк, но и ты должен понять, что нельзя

перегружать твой мозг чрезмерным обилием информации. Вчера ты нашел дворец пустым. Ну, это не совсем точно было вчера… — Прайс пожал плечами. — Ты поймешь, как это на самом деле. Это было сегодня в мире, параллельном здешнему. Это здание будет стоять вечно, если ты сделаешь то, чего мы хотим. А теперь, ради небес, не проси меня объяснять теорию временной вероятности.

— Слушайте, — в отчаянии сказал Дрэйк, — давайте оставим все это и сосредоточимся на одном факте. Вы хотите, чтобы я что-то сделал этой перчаткой. Что? Где? Когда? Зачем? Уверяю вас, я вполне благоразумен. Я…

Его голос сорвался. С самого начала у него росла уверенность, что они с Прайсом направляются к главному коридору, ведущему прямо к большой двери, которая выходит на лестницу и туманное ничто под ней. Ощущение какого-то холода заставило задрожать все его тело.

— Куда вы идете? — резко спросил Дрэйк.

— Я отправляю вас на Землю.

— Через эту дверь?

Внезапно Дрэйк замолчал. Он не был уверен, что именно почувствовал, но голос его прозвучал неестественно резко и напряженно. Он увидел,

что Прайс остановился, и твердо взглянул на него.

— На самом деле, во всем этом нет ничего страшного, — нетерпеливо сказал Прайс. — Дворец Бессмертия создан в водовороте времени, известном как Реверс, Течение в Потоке Времени Земли. Оно делает возможной работу Владельцев, хорошую работу, как ты узнал из прочитанного в кабинете Владельца Кингстона Крейдена…

Он продолжал говорить, объясняя, убеждая, но Дрэйку было трудно сосредоточиться на его словах. Беспокойство его росло. Продолжать путь куда-то с кем-то… Никогда!

Слово «Владелец» вывело Дрэйка из задумчивости. За последние сутки он так часто читал или слышал это слово, что даже забыл, что не знает его значения.

Он услышал голос, задающий вопрос, собственный голос, резкий и требовательный:

— Но кто эти Владельцы? Чем они владеют?

Прайс поглядел на него, темные глаза стали задумчивыми.

— Они владеют, — сказал он, наконец, — уникальной способностью всегда различать мужчин и женщин своего круга. Они могут по желанию проходить сквозь время. Здесь, — продолжал

Прайс, — около трех тысяч Владельцев. Все они рождены в период пяти сотен лет, начиная с двадцатого века. Самое странное, что все они родом из единственного маленького округа Соединенных Штатов, около городов Кисслинг, Ингни и в особенности из маленькой фермерской общины под названием Пайфферова дорога.

— Но это, — у Дрэйка внезапно пересохли губы, — это моя родина. — Глаза его расширились. — И это там был трейлер…

Прайс, казалось, не слышал его.

— Физически, — продолжал он, — Владельцы также уникальны. Все органы их тела зеркально противоположны органам нормальных людей. Так, сердце у них расположено с правой стороны и…

— Но у меня тоже, — выдохнул Дрэйк. Сознание его запрыгало, забилось в костяных стенках черепа, стремясь вырваться наружу. — Поэтому армейская комиссия отвергла меня. Они сказали, что не могут рисковать тем, что в случае моего ранения хирург не будет знать о моей аномалии. Они…

За спиной Дрэйка прозвучали быстрые шаги. Он машинально обернулся и помутневшими глазами уставился на женщину в великолепном

пушистом платье, идущую к ним.

Заметив его, женщина улыбнулась улыбкой, которую Дрэйк уже видел в спальне. Подойдя, она сказала своим низким голосом:

— Бедный парень. У него определенно нездоровый вид. Ну да, из — за меня он испытал легкое потрясение. Я дала ему как можно больше информации, не показывая, что знаю все.

— О, все в порядке, — небрежно сказал Прайс и повернулся к Дрейку. На его лице была легкая улыбка, словно он полностью оценил ситуацию. — Дрэйк, хочу представить тебе твою жену, по девичьей фамилии Силэни Джонс, которая сейчас расскажет, что произошло с тобой, когда ты забрался в трейлер ее отца у Пайфферовой дороги. Давай, Силэни.

Дрэйк застыл. Он был бесчувственен, как кусок дерева, лишен всяких эмоций и мыслей. Потом он постепенно начал прислушиваться к ее голосу, рассказывающему историю о трейлере.

Стоя в задней комнате Трейлера, Дрэйк думал, что может произойти, если он будет захвачен на месте преступления, прежде чем успеет уйти. Он услышал, как мужской голос в средней комнате произнес:

— Мы отправляемся в четырнадцатый век.

Они не осмелятся поднимать большой шум в этом столетии, — голос мрачно хихикнул. — Ты заметила, что тот, кого они послали, был старик. Кто-то вышел и провел лет тридцать — сорок, старея, потому что старик оказывает гораздо меньше влияния на окружающее, чем молодой. Но нам лучше не тратить зря время. Дай мне точки трансформера, а сама иди в кабину и включи атомный трансформер.

Наступил момент, которого ждал Дрэйк. Он бесшумно вышел, сжав затянутую перчаткой правую руку. Он увидел, что мужчина стоит лицом к двери, ведущей в переднюю комнату и из нее в кабину машины.

Со спины мужчина выглядел коренастым, лет примерно сорока пяти. В руках он держал два прозрачных, слабо светящихся конуса.

— Все в норме, — грубовато крикнул он, когда Дрэйк остановился у него за спиной. — Мы двигаемся… А на будущее, Силэни, не будь такой трусихой. Особенно из-за Владельцев, черт их побери. Я уверен, что именно наша продажа этой ерунды и устранение такого количества металла со смещенным электронным балансом и сделало возможным их существование.

— Голос его задрожал. — Когда я думаю о ко-

щунственном всемогуществе этого, то чувствую себя богом…

Голос его оборвался в испуганном всхлипе, когда Дрэйк схватил его за плечо и с силой надавил вниз на ключицу…

— Эй… минутку! — голос Дрэйка прервал рассказ женщины. — Вы сказали, будто у меня уже была такая перчатка, — он поднял правую руку со слабо мерцающей перчаткой, которую дал ему Прайс. — И еще вы сказали, будто я знал все о Владельцах о Дворце Бессмертия. Но вам же точно известно, что в то время я еще ничего не знал. Я только сошел с поезда, где торговец по имени Билл Келли привлек мое внимание к авторучке…

Он замолчал, заметив, что женщина серьезно смотрит на него.

— Я уверена, — сказала она, — через несколько минут вы все поймете. Все, что мы делали, было для того, чтобы подготовиться к этому моменту. Этому вероятностному миру остается существовать всего несколько часов — *этому* миру, где находимся вы, я и мистер Прайс, где возник странный баланс вовлеченных сил и, как может показаться парадоксально, все мы работаем против времени.

Дрэйк уставился на женщину, испуганный ее тоном.

— Пожалуйста, позволь мне продолжать, — настойчиво сказала она.

* * *

Коренастый мужчина застыл, словно человек, оглушенный ужасным ударом. А затем, когда Дрэйк выпустил его плечо, он медленно повернулся и его страдальческий взгляд устремился не на лицо Дрэйка, а на перчатку на его правой руке.

— Перчатка Разрушителя, — прошептал он и затем дико воскликнул: — Но как? Отражатели, изобретенные лично мной, не позволят приблизиться ко мне квалифицированному Владельцу! — Он впервые взглянул Дрэйку в лицо. — Как вы сделали это? Я…

— Отец! — раздался из кабины голос девушки, чистый и испуганный.

— Отец, мы остановились в 1650 году нашей эры. Что случилось? Я думала…

Она замерла в дверях, как испуганная птица, высокая, стройная девушка лет девятнадцати — и внезапно постарела и посерела, увидев Дрэйка.

— Вы… были… в… поезде! — сказала она. Ее взгляд переметнулся к отцу, она с трудом выда-

вила из себя: — Папа, он не…

Коренастый беспомощно кивнул.

— Он разрушил мою способность проходить сквозь время. Где бы мы ни были в пространстве и времени, мы останемся *здесь*. Но не в этом дело. Дело в том… Все рухнуло! Владельцы живут, исполняя свою работу.

Девушка ничего не сказала. Они оба, казалось, совершенно забыли о Дрэйке. Мужчина схватил ее за руку и хрипло произнес:

— Ты еще не понимаешь… Мы потерпели неудачу.

Она продолжала молчать. Лицо ее было бледным, когда она, наконец, ответила:

— Отец, то, что я сейчас скажу, жестоко, но… я рада. Они правы, а ты — нет. Они пытаются хоть что-то сделать с ужасными ошибками Человека и Природы. Они приносят огромную пользу своим изумительным даром и используют его, как бескорыстные боги. Тебе было нетрудно убедить меня, когда я была ребенком, но с годами у меня появились сомнения. Я оставалась с тобой из — за верности. Мне очень жаль, отец.

Она отвернулась. В глазах у нее стояли слезы, когда она откинула наружную дверь и спрыгнула на зеленую траву.

Дрэйк секунду стоял, зачарованный сменой эмоций на лице мужчины. Сначала оно задрожало от жалости к себе, затем на смену жалости появилось упрямство. Избалованный ребенок не мог бы выразить более естественную картину крушения своего эгоизма.

Дрэйк долго глядел на него, затем тоже пошел к двери. Там была девушка, с которой можно подружиться, и мир юной Америки, который можно исследовать и которому можно удивляться.

Они составили друг другу компанию, перед упорным молчанием которой отступил пожилой мужчина. Они часто гуляли по зеленой, необитаемой долине, Дрэйк и девушка.

Однажды, далеко от трейлера, они встретились лицом к лицу с группой индейцев. Для Дрэйка так и осталось вопросом, кто был больше напуган. Оказывается, у Силэни с самого начала был атомный пистолет.

Она выстрелила в валун. Тот исчез в ярчайшей вспышке, и никто из индейцев больше не ходил этой дорогой.

До известной степени, это была идиллическая жизнь, и любовь пришла легко, как ветерок, печально летящий над безлюдной страной. Пришла легко, потому что Дрэйк *знал* — и боролся с ее

первоначальным равнодушием.

После этого они стали более настойчиво убеждать упрямого мужчину обучать одного, другого или обоих, как пользоваться их врожденной способностью путешествовать во времени. Дрэйк понимал, что мужчина мог окончательно сдаться из-за полного одиночества, но это случилось лишь год спустя.

Дрэйк с трудом ощутил себя снова во дворце и понял, что голос женщины смолк. Он посмотрел на нее, потом на Прайса и, наконец, сказал в замешательстве:

— И это все? Ваш… отец… — Он поглядел на женщину, не зная, как с ней обращаться. Было чрезвычайно трудно связать эту зрелую женщину с…

— Вы сказали, что ваш отец был против работы, выполняемой Владельцами, — поспешно продолжал он, — и… Но каким образом он хотел устранить их? Я это не понял.

Ему ответил Прайс.

— Планом Джонса было отклонить локальную линию, которая создала Владельцев. Мы знаем, что в этом сыграла определенную жизненную роль пища, но только комбинация пищи и других привычек были коренной причиной, которую

мы так и не изучили. Мистер Джонс думал, дав людям возможность пить из его чашек и использовать другие кухонные приспособления, что это нарушит общую модель существования. Сбор им металлолома был также частью плана. Металл имеет очень сильное влияние на великий Поток Времени. Его внезапное перемещение из одного времени в другое может опрокинуть все вероятностные миры. Что же касается нас, то мы не могли вмешиваться за исключением наблюдений. Мир до двадцать пятого столетия — эпоха, где не действует никакое вмешательство Владельцев. Она должна решать свои проблемы сама. Даже вы, один из первых, владеющих даром путешествия во времени, хотя сами никогда бы не узнали об этом, согласились изменить свою судьбу — это почти естественно…

— Слушайте, — сказал Дрэйк, — либо я сошел с ума, либо вы. Я охотно принимаю все — существование Дворца Бессмертия, факт, что она моя жена в недалеком будущем и что я влюблюсь в нее *прежде,* чем женюсь на ней, но *после* того, как она выйдет за меня. Говорю вам, я принимаю все это, но… Чуть раньше вы дали мне перчатку и сказали, что я должен кое-что сделать, а через несколько минут моя… жена… рассказала, что

этому миру грозит серьезная опасность исчезновения. Есть еще что-то, чего вы не сказали мне?

Прайс прервал его.

— Ваша роль во всем этом на самом деле очень проста. Как разъездной торговец «Быстрые сделки, Компани», вы последовали за Силэни, которой было тогда девятнадцать лет, к трейлеру у Пайфферовой дороги, принадлежащему ее отцу. Когда вы добрались туда, то не нашли ни ее и никого вообще, и пошли назад в деревню, чтобы расспросить о них. Однако, по пути вы были подобраны Владельцем Драйлом Мак — Магоном, переброшены на две недели вперед, и все относящиеся к делу воспоминания у вас стерлись. Вы очнулись в больнице и…

— Минутку! — запротестовал Дрэйк. — Моя… жена только что рассказала мне, что я делал там еще. Я, конечно, знал это раньше. Есть свидетель, мальчик по имени Джимми, который видел, что я вернулся к трейлеру и вошел внутрь перед тем, как трейлер исчез.

— Позвольте мне объяснить это, — спокойно ответил Прайс. — Из больницы вы поехали разузнавать, что с вами произошло. Кое — что вы обнаружили, а затем были переправлены сюда другим Владельцем, и вот вы здесь.

Дрэйк внимательно поглядел на него, затем на женщину. Она кивнула, и в сознании Дрэйка вспыхнуло пламя, когда Прайс продолжил:

— Через несколько минут я верну вас на Землю и высажу неподалеку от трейлера Петера Джонса и его дочери. Вы войдете, скроетесь в задней комнате и в момент, который вам описала Силэни, выйдете и схватите ее отца перчаткой за плечо. Перчатка излучает энергию, которая неуловимо изменит потенциал его нервной силы. Это не причинит вреда ни ему, ни, впоследствии, нам. Наоборот, он будет полезен, как наш агент — исследователь… впоследствии. — Закончил Прайс просто: — Теперь вы можете видеть, что это действие требует свободной воли, и мы сделаем по возможности все, чтобы создать уверенность, что вы не совершите ошибки.

— Мало ли чего я могу видеть, — сказал Дрэйк.

Он чувствовал Себя совершенно спокойно, не считая того, что его душа бесконечно расширилась. Он медленно подошел к женщине, взял ее за руку и внимательно поглядел ей в глаза.

— Это ты… когда? — спросил он.

— Через пятьдесят лет, считая от настоящего момента в твоей жизни.

— А где я?.. Где твой муж?

— Ты ушел на Землю, в будущее. Тебя убрали с дороги на это время. Одно и то же тело не может находиться в одном и том же месте дважды. И это напомнило мне: все зависит от тебя.

— То есть?

— Если вместо того, чтобы войти в трейлер, ты уйдешь по дороге, чтобы продолжить свою прежнюю жизнь, то через неделю достигнешь времени, где ты, ранешний, лежишь в больнице. И тогда ты исчезнешь, дезинтегрируешь.

— Ты слишком красива, и ты мне нравишься, — сказал Дрэйк. — Не думаю, что я захочу упустить тебя.

Спускаясь по лестнице в плотные клубы тумана, Дрэйк оглянулся и увидел ее. Она стояла, прижавшись лицом к стеклянной двери.

Вскоре туман скрыл ее.

Завершились его поиски воспоминаний. Ему еще только предстояло совершить то, что он считал забытым.

Склеп зверя

Существо ползло. От страха и боли оно издавало звуки, способные привести в ужас любого, услышавшего их. Расплывчатое, бесформенное, существо менял форму с каждой проходящей секундой.

Оно ползло по коридору космического грузовоза, с ужасным напряжением пытаясь удержать форму элементов своего окружения. Серый пузырь распадающегося вещества, оно ползло, спадало, катилось, текло, проводя каждую секунду в агонизирующей борьбе с ненормальной потребностью обрести постоянную форму.

Любую форму! Форму твердого, холодно — голубого металла стены приписанного к Земле грузовоза, толстого резинового пола. С полом было легче бороться. Он не походил на металл, что притягивал и притягивал. Существо запросто могло стать металлом навечно.

Но кое-что останавливало его. Внедренная цель. Цель, бившая в каждом электроне, вибрирующая в каждом атоме с неизменной интенсивностью, как особая боль: найти мозг величайшего мате-

матика в Солнечной системе и привести его к склепу из Первичного марсианского металла. Великий должен быть свободен! Числовой замок времени должен быть открыт!

Эта цель барабанила, не утихая, во всех его элементах. Это была мысль, заложенная в основы его сознания величайшими дьявольскими умами, сотворившими его.

В дальнем конце коридора возникло движение. Открылась дверь. Послышались шаги. Человек насвистывал себе под нос. С металлическим шипением, почти вздохом, существо приняло форму расплывшейся ртути. За — тем оно стало коричневым, как пол. Оно стало полом, чуть толще темно — коричневой резины настоящего пола.

Великолепно было просто лежать, быть плоским и иметь форму, и быть так близко от смерти, не испытывая никакой боли. Смерть была такой сладостной, такой желанной. А жизнь — такой невыносимо мучительной агонией, таким пульсирующим, пронизывающим кошмаром конвульсий… Только бы приближающийся человек прошел быстро. Если он остановится, существо примет его форму. Человек может заставить его. Живой человек сильнее металла, сильнее чего угодно. Приближающийся человек

означал муки, борьбу, боль.

Существо напрягло плоское, гротескное тело — тело, которое может создать стальные мускулы — и в ужасе ждало смертельной борьбы.

Космический мастер Парелли, насвистывая, шагал по слабо освещенному коридору, ведущему из машинного зала. Он только что получил депешу из больницы. Жена родила мальчика. Восемь фунтов — было в радиограмме. Парелли едва сдерживал желание пуститься в пляс. Мальчик! Жизнь прекрасна!

Боль пришла к существу на полу. Примитивная боль, жгучей кислотой пронзившая все его элементы. Коричневый пол содрогался каждым атомом, пока Парелли шел по нему. Мучительно хотелось потащиться за ним, принять его форму. Существо отчаянно боролось, боролось отчаянно и со страхом, теперь более осознанно, потому что могло думать мозгом Парелли. За человеком покатилась рябь по полу.

Борьба не помогала. Рябь превратилась в шар, тут же начавший становиться человеческой головой. Серой головой, адски кошмарной, демонической формы. Существо в ужасе металлически зашипело, потом запульсировало, всхлипнуло от страха, боли и ненависти, так как Парелли

шагал быстро — слишком быстро для ползущего существа.

Тонкий, полный ужаса звук замер, существо расплылось по коричневому полу и лежало тихо, все еще содрогаясь каждым атомом от невыносимого, неуправляемого побуждения жить — жить вопреки боли, вопреки абсолютному ужасу и изначальной тоске по стабильной форме. Жить и исполнить волю его создателей.

Пройдя тридцать футов, Парелли остановился. Он оторвался от мыслей о жене и ребенке, повернулся на каблуках и неуверенно уставился в коридор, ведущий к машинному залу.

— Ну, что там за черт? — спросил он вслух.

Звук, слабый, но безошибочно ужасный звук отголоском пронесся в его сознании. По спине пробежала дрожь. Этот звук… дьявольский звук…

Он стоял, высокий мужчина с великолепной мускулатурой, вспотевший от жары, излучаемой двигателями, тормозившими грузовоз после свободного полета от Марса. Дрожа, Парелли стиснул кулаки и медленно двинулся обратно.

Существо пульсировало, терзающееся, корчащееся, мучительная борьба до глубины пронизывала каждую не знающую отдыха клетку,

металась по чужой нервной системе, а затем пришло ужасающее сознание неизбежной, непреодолимой нужды принять форму жизни, которая подходила все ближе.

Парелли неуверенно остановился. Пол зашевелился под ногами, ужасные коричневые волны поднялись у него на глазах и стали превращаться в грушеобразную, всхлипывающую, шипящую массу. Голова ужасного демона появилась на искривленных, получеловеческих плечах. Кривые, обезьяноподобные, недоделанные руки не — то…

Парелли очнулся.

— У меня есть его кусок, — задыхаясь, сказал он. — Я бросил его на полу кладовой.

Его нашел лейтенант Мортон. Крошечный участок пола поднялся, стал быстро расти и попытался превратиться в человеческую фигуру. Парелли с отвращением на лице, с безумными глазами зачерпнул его совком. Кусок зашипел и почти превратился в часть металлического совка, но не смог завершить этот процесс до конца, потому что Парелли был слишком близко. Изменяясь, борясь за форму, он всхлипывал и шипел, пока Парелли, пошатываясь, шел с ним за старшим офицером. Он истерически смеялся.

— Я касался его, — повторял он. — Я касался

его.

Большой волдырь металла на внешней броне корабля шевельнулся в ленивой жизни, когда корабль ворвался в земную атмосферу. Металлические стены грузовоза стали красными, затем раскалились добела, но существо, безучастное к происходящему, продолжало трансформироваться в серую массу. К нему пришла смутная мысль, понимание, что наступило время действовать.

Внезапно оно отделилось от корабля, падая медленно, тягуче, словно земная гравитация не оказывала на него серьезного воздействия. Мельчайшее изменение в его электронах ускорило падение, будто каким-то странным образом оно вдруг стало более подвержено гравитации.

Земля внизу была зеленой и, смутный на расстоянии, великолепный громадный город шпилей и массивных зданий сверкал в заходящем солнце. Существо замедлило падение и дрейфовало, как летящий по ветру лист, к далекой земле. Оно приземлилось возле моста на окраине города.

По мосту быстрой, неровной походкой шел человек. Он был бы изумлен, если бы оглянулся и увидел двойника, вылезшего из кювета и живо пошедшего за ним.

Найти… величайшего математика! Это было

часом позже, и боль пульсирующих мыслей стала тупой, постоянной в мозгу существа, пока оно шло по оживленной улице. Была также и другая боль, боль борьбы со стремлением отделаться от толкающейся, спешащей массы людей, кишащих вокруг с невидящими глазами. Но существу было легче думать, легче сохранять форму теперь, когда оно имело тело и мозг человека.

Найти… математика!

«Зачем?» — спросил человеческий мозг существа, и все тело содрогнулось, шокированное таким еретическим вопросом. Карие глаза в испуге зыркнули из стороны в сторону, словно ожидая внезапную и ужасную гибель. Лицо растворилось на краткий миг мыслительного хаоса, стало последовательно лицом мужчины с крючковатым носом, загорелым лицом высокой женщины, разглядывающей витрину…

Через пару секунд существо выгнало из своего мозга страх и боролось, чтобы вернуть себе гладко выбритое лицо молодого человека, который неторопливо прогуливался по улице. Молодой человек взглянул на него, отвел взгляд, затем взглянул более пристально. Существо уловило мысли, возникшие в его голове:

«Какого черта? Где я видел этого парня?» Нав-

стречу попалась группа женщин. Существо отступило в сторону и, пока они проходили, лицо его исказилось от мучительного побуждения стать женщиной. Его коричневый костюм превратился в чудеснейший голубой, цвета бального платья, когда существо потеряло контроль над своими внешними атомами. Его мозг загудел от болтовни: «Дорогая, разве она не выглядит страхолюдиной в этой своей ужасной шляпке?»

Впереди была целая группа гигантских зданий. Существо здраво покачало своей человеческой головой.

Столько зданий означало металл, и силы, скрепляющие металл, будут дергать и терзать его человеческую форму. Существо поняло причину этого пониманием стройного человека в темном костюме, который скучающе шел по улице. Стройный человек был клерком. Существо уловило его мысли. Он с завистью думал о своем боссе по имени Джим Брендер из финансовой фирмы «Дж. Л. Брендер и Компани».

Обертоны этих мыслей ударили по вибрирующим элементам существа. Оно резко повернулось и последовало за бухгалтером Лоуренсом Пирсоном. Если бы люди обращали на улице внимание на окружающих, то с изумлением бы увидели

через секунду двух Лоуренсов Пирсонов, шагающих один в пятидесяти футах от другого. Второй Лоуренс Пирсон был ведом мыслью первого о том, что Джим Брендер являлся выпускником Гарвардского университета по математике, финансам и политэкономии, последним в долгой линии финансовых гениев, в возрасте тридцати лет ставший главой огромной богатой фирмы «Дж. Л. Брендер и Компани». Джим Брендер только что женился на самой прекрасной девушке в мире, и это было причиной недовольства Лоуренса Пирсона жизнью.

«Мне уже тридцать, — эхом отражались его мысли в мозгу существа, — и я не имею ничего. Он получил все… А все, что получил я, это меблированная комната до скончания веков».

Все решилось на набережной. Существо быстро пошло вперед с агрессивной настороженностью, с которой никогда бы не справился Лоуренс Пирсон со плоти. Мерцание его ужасной цели соединилось в последний миг с жертвой. Стройный человек оглянулся и издал слабый вскрик, когда стальные пальцы метнулись к его горлу неуловимым, ужасным движением.

Мозг существа испытал головокружение, когда мозг Лоуренса Пирсона рухнул во тьму смерти.

Задыхающееся хныканье, пока оно боролось с растворением, и, на — конец, существо обрело контроль над собой. В то же мгновение оно схватило тело и перебросило его через бетонное ограждение. Раздался всплеск, затем шум бурлящей воды.

Существо, бывшее теперь Лоуренсом Пирсоном, пошло торопливо, потом замедлило шаг, когда подошло к большому кирпичному зданию. Оно озабоченно взглянуло на номер, внезапно усомнившись, правильно ли запомнило его, и нерешительно открыло дверь.

Оттуда вырвался поток желтого света, и смех завибрировал в чувствительных ушах существа. Здесь стоял гул множества мыслей и множества мозгов, словно на улице. Существо боролось с потоком мыслей, угрожавших переполнить мозг Лоуренса Пирсона. Небольшое ошеломление от этой борьбы, и оно оказалось в освещенном холле, откуда вела дверь в комнату, где дюжина человек сидела за обеденным столом.

— О, это вы, мистер Пирсон, — сказала хозяйка во главе стола, остроносая, тонкогубая женщина, на которую существо взглянуло с кратким интересом. От ее мозга пришли мысли. У нее был сын, работавший учителем математики в выс-

шей школе. Существо пожало плечами. С одного постигающего взгляда правда запульсировала в сложной атомной структуре его тела. Сын женщины был такой же интеллектуальный легковес, как и его мать.

— Вы как раз вовремя, — сказала женщина без всякого любопытства.

— Сара, принесите тарелку мистеру Пирсону.

— Благодарю вас, я не голоден, — ответило существо, и его человеческий мозг завибрировал от безмолвного иронического смеха. — Думаю, мне стоит полежать.

Всю долгую ночь существо лежало на кровати Лоуренса Пирсона с открытыми глазами, настороженное, становясь все более и более осведомленным о себе.

«Я машина, лишенная собственного разума, — думало оно. — Я использую разумы других людей, но мои создатели как-то сделали меня способным быть большим, нежели только эхо. Я использую мозги других людей для собственной цели».

Оно подумало о создателях и почувствовало волну паники, прокатившуюся по чужой системе, затемнявшую его человеческий разум. Появилось смутное физиологическое воспоминание о невыносимой боли, о рвущей химической реакции…

Существо поднялось с зарей и бродило по улицам до половины десятого. К этому часу оно подошло к внушительному мраморному входу конторы «Дж. Л. Брендер и Компани». Войдя, оно село в удобное кресло с инициалами Л.П. и начало усердно работать над книгами, которые Лоуренс Пирсон отложил вчера.

Ровно в десять высокий молодой человек в темном костюме вошел в коридор и быстро прошел, один за другим, кабинеты, улыбаясь всем с легкой уверенностью. Существо не нуждалось в хоре голосов: «Доброе угро, мистер Брендер», чтобы понять, что пришла его добыча.

Ужасное в своем неуклонном достижении цели, существо поднялось гибким, грациозным движением, невозможным для настоящего Лоуренса Пирсона, и быстро прошло в туалет. Через секунду точная копия Джима Брендера появилась в дверях туалета и прошла с легкой уверенностью к дверям его личного кабинета, куда на — стоящий Джим Брендер вошел за несколько минут до этого.

Существо, постучав, вошло в кабинет… и одновременно увидело три вещи: во-первых, то, что оно нашло разум, за которым было послано. Во — вторых, то, что его собственный мозг был

неспособен имитировать все тонкости острого, как бритва, мозга молодого человека, который поднял на него темно — серые, слегка испуганные глаза. И в — третьих, на стене висел большой металлический барельеф.

С шоком, принесшим почти полный хаос, существо почувствовало притяжение этого металла. И в один миг оно поняло, что это первичный металл, продукт чудесного ремесла древних марсиан, чьи металлические города, набитые сокровищами искусства и техники, мебелью, постепенно раскапывались предприимчивыми человеческими существами из песков, под которыми были похоронены тридцать — пятьдесят миллионов лет назад.

Первичный металл! Металл, который не может нагреть никакая температура, который не может поцарапать ни алмаз, ни другое режущее приспособление, и который так и не — был скопирован человеком, такой же таинственный, как и «йейс — сила», что марсиане черпали из ничего.

Все эти мысли пронеслись в мозгу существа, пока оно исследовало клетки памяти Джима Брендера. С усилием, вызвавшим дополнительную боль, существо переключилось с металла на Джима. Оно уловило потоп изумления в его

мозгу, когда он встал.

— Великий Боже! — сказал Джим Брендер. — Кто вы?

— Меня зовут Джим Брендер, — ответило существо, чувствуя свою ироническую усмешку и сознавая также, что прогрессировало и научилось ощущать подобные эмоции.

Настоящий Джим Брендер пришел в себя.

— Садитесь, садитесь, — с трудом выдавил он. — Это самое изумительное совпадение, которое я когда-либо видел.

Он подошел к зеркалу, составлявшему одну панель левой стены, уставился сначала на себя, потом на существо.

— Поразительно, — пробормотал он. — Совершенно поразительно.

— Мистер Брендер, — сказало существо, — я увидел вашу фотографию в газете и подумал о нашем изумительном сходстве, но вы, тем не менее, не должны обращать на это внимания. Я недавно вернулся с Марса и пришел сюда для того, чтобы убедить вас полететь на Марс вместе со мной.

— Это невозможно, — заявил Джим Брендер.

— Подождите, — возразило существо, — пока я не объясню вам, зачем. Слышали ли вы о Башне Зверя?

— Башня Зверя! — медленно повторил Джим Брендер. Он обошел стол и нажал кнопку.

— Да, мистер Брендер? — раздался голос из покрытой украшениями коробочки.

— Дэйв, принесите мне данные по Башне Зверя и легендарному городу Ли, в котором она, по предположениям, находится.

— Их не нужно искать, — живо раздался ответ. — Большинство марсианских историй упоминают его, как Зверя, который упал с неба, когда Марс был юным — с этим связано какое-то ужасное предупреждение… Зверь был без сознания, когда его нашли… говорят, в результате его выпадения из субпространства. Марсиане про — чли его мысли и были так напуганы его подсознательными намерениями, что попытались убить его, но не сумели. Тогда они построили огромный склеп, около пятнадцати сотен футов в диаметре и в милю высотой, и Зверь — очевидно, таких размеров — был заперт в него. Предпринималось несколько попыток найти город Ли, но безуспешных. Обычно полагают, что это миф. Вот и все, Джим.

— Спасибо. — Брендер щелкнул выключателем и повернулся к посетителю. — Ну?

— Это не миф. Я знаю, где находится Башня

Зверя, и знаю также, что Зверь еще жив.

— Ну, знаете ли, — весело ответствовал Брендер, — я заинтригован вашим сходством со мной и хотел бы, чтобы Памела — моя жена — увидела вас. Вы не откажетесь прийти на обед? Но, святые небеса, не можете же вы ожидать, что я поверю в такую историю! Зверь — если было такое существо — упал с неба, когда Марс был юным. Некоторые авторитетные лица утверждают, что марсианская раса вымерла сто миллионов лет назад, хотя двадцать пять миллионов — более умеренная оценка. Единственными предметами, оставшимися от их цивилизации, являются конструкции из первичного металла. К счастью, ближе к концу они строили почти все из этого неразрушимого материала.

— Позвольте мне рассказать вам о Башне Зверя, — спокойно сказало существо. — Башня гигантская, но только сто футов высилось над песком, когда я видел ее. Вся вершина является дверью, и эта дверь снабжена временным замком, который при включении был интегрирован по линии «йейс» до конечного простого числа.

Джим Брендер застыл, существо уловило его испуганные мысли и сначала неопределенную, потом зарождающуюся веру.

— Конечное простое число! — воскликнул Брендер.

— Что вы имеете в виду? — Он помолчал. — Я знаю, естественно, что простым числом называется число, делящееся только на себя и на единицу. — Он взял книгу с полки позади стола и полистал. — Самое большое известное простое число, это… вот… это 230 584 300 921 393 951. Согласно этому автору, есть и другие: 77 843 839 397, 182 521 213 001 и 78875943472201. — Он нахмурился. — Все это нелепо. Конечное простое число будет числом бесконечным. — Он улыбнулся существу. — Если есть Зверь и он заперт в склепе первичного металла, дверь которого оборудована замком времени, интегрированным по линии «йейс» до конечного простого числа, тогда Зверь попался. Ничто в мире не сможет освободить его.

— Напротив, — возразило существо, — Зверь гарантировал мне, что земные математики могут решить эту проблему, но что на это требуется прирожденный математический ум, снабженный всеми знаниями математики, которые может дать наука Земли. Вы такой человек.

— Вы хотите, чтобы я освободил это дьявольское создание… даже если я смогу совершить

математическое чудо?

— Ничего дьявольского! — отрезало существо. — В результате нелепого страха неизвестности, заставившего марсиан пленить его, произошла серьезная ошибка. Зверь — это ученый из другого пространства, с которым произошел несчастный случай во время эксперимента. Я сказал «он», хотя, конечно, не знаю, имеет ли эта раса половую дифференциацию.

— Вы действительно говорили со Зверем?

— Он связывался со мной при помощи телепатии.

— Уже доказано, что мысли не могут проникать через первичный металл.

— Что люди знают о телепатии? Они не могут даже общаться друг с другом, кроме как в специальных условиях, — презрительно ответило существо.

— Верно. И если ваша история правдива, тогда это дело Совета.

— Это дело двоих — вас и меня. Вы забываете, что склеп Зверя является центральной башней великого города Ли — на миллиарды долларов сокровищ в мебели, произведениях искусства и техники. Зверь хочет освободиться из плена, прежде, чем кто-либо получит разрешение раско-

пать эти сокровища. Вы можете освободить его. Мы можем поделить сокровища.

— Разрешите задать вопрос, — сказал Джим Брендер. — Как ваше настоящее имя?

— П… Пирс Лоуренс, — промямлило существо. За секунду оно не смогло придумать иной вариации имени своей жертвы, чем поменять имя с фамилией и слегка изменить «Пирсон». Мысли его затемнились от замешательства, когда Брендер потребовал:

— На какой корабле вы прилетели с Марса?

— Н — на… Ф —4961… — Существо снова запнулось, ярость добавила замешательства в его мозгу. Оно боролось за контроль, чувствовало, что контроль ускользает, и внезапно ощутило притяжение первичного металла, из которого был сделан настенный барельеф, и поняло, что находится в опасной близости от изменения.

— Это, должно быть, грузовое, — пробормотал Джим Брендер и нажал кнопку. — Карлтонс, поищите, был ли на борту Ф —4961 пассажир или человек по имени Пирс Лоуренс. Сколько это займет времени?

— Около минуты, сэр.

— Видите ли, — продолжал Джим Брендер, откидываясь на спинку кресла, — это простая

формальность. Если вы были на борту этого корабля, тогда я вынужден обратить серьезное внимание на ваши заявления. Конечно, вы понимаете, что я не имею возможности влезать в такое дело вслепую. Я…

Прожужжал сигнал.

— Да? — сказал Джим Брендер.

— На борту Ф —4961, когда он приземлился вчера, был только экипаж из двух человек. Такой личности, как Пирс Лоуренс, на борту не было.

— Благодарю вас. — Джим Брендер встал и холодно произнес: — До свидания, мистер Лоуренс. Представить не могу, что вы надеялись получить с помощью этой смехотворной истории. Однако, все было интересно, и проблема, которую вы поставили, в самом деле, очень изобретательна…

Снова прожужжал сигнал.

— Что там?

— К вам мистер Горсон, сэр.

— Отлично, пропустите его.

Теперь существо обрело полный контроль над своим мозгом и увидело в мыслях Брендера, что Горсон был финансовым магнатом, чей бизнес являлся того же разряда, что и фирмы Брендера. Оно также увидело и другие вещи, вещи, которые заставили его покинуть кабинет Брендера,

здание и терпеливо ждать, пока мистер Горсон не появится на входе. Несколькими минутами позже по улице шли два мистера Горсона.

Мистер Горсон был энергичным человеком чуть больше пятидесяти. Он жил чистой, активной жизнью, и твердые воспоминания о многих климатах и нескольких планетах хранились в его мозгу. Существо уловило своими воспринимающими элементами настороженность этого человека и последовало за ним осторожно, почтительно, еще не совсем решив, совершать ли поступок.

Оно думало:

«Я прошло долгий путь от примитивной жизни и не могу сохранять ее форму. Создатели, проектируя меня, дали мне способности обучения, развития. Так легче бороться с растворением, легче быть человеком. В обращении с этим человеком я должно помнить, что моя сила в незаметности, и это нужно хорошо использовать».

С тщательными предосторожностями оно исследовало в сознании своей жертвы предполагаемый маршрут до его конторы. Вход в большое здание был ясно отпечатан в его мозгу. Затем длинным мраморным коридором, автоматическим лифтом на восьмой этаж и коротким

коридором до двух дверей. Одна дверь была входом в его контору. Другая — в кладовую, используемую швейцаром. Горсон заглядывал туда по различным оказиям, и в его сознании, помимо всего прочего, было воспоминание о большом ящике…

Существо ждало в кладовой, пока мимо двери пройдет ничего не подозревающий Горсон. Дверь заскрипела. Горсон обернулся, глаза его расширились. У него не было ни единого шанса. Твердый, как сталь, кулак ударил ему в лицо, вминая кости черепа в мозг…

На этот раз существо не совершило ошибки, сохранив мысленную связь со своей жертвой. Оно сноровисто поймало падающее тело, одновременно превращая стальной кулак обратно в человеческую плоть. С бешеной быстротой оно затолкало объемистое тело в ящик и заперло его.

Настороженное, существо появилось из кладовой, вошло в кабинет мистера Горсона и село за его полированный дубовый стол. Человек, вошедший по нажатию кнопки, увидел сидящего Джона Горсона и услышал, как Джон Горсон сказал:

— Криспинс, я хочу, чтобы вы немедленно начали продавать эти акции по тайным каналам. Продавайте, пока я не велю вам остановиться,

даже если вы решите, что это безумие. Я получил кое-какую важную информацию.

Криспинс просмотрел, строка за строкой, названия акций, и глаза его становились все шире и шире.

— Великий боже! — воскликнул он, наконец, с фамильярностью, которая являлась правом доверенного консультанта. — Это же все надежные ценные бумаги. Вся ваша удача не поможет пошатнуть их.

— Говорю вам, я тут не один.

— Но это противозаконно — разорять рынок, — возразил тот.

— Криспинс, вы слышали, что я сказал? Я ухожу. Не пытайтесь связаться со мной. Я позвоню вам.

Существо, бывшее Джоном Горсоном, встало, не обращая внимания на замешательство в мыслях, исходящих от Криспинса. Оно вышло из дверей, через которые вошло. Покидая здание, оно думало: «Все, что мне предстоит, это убрать с полдюжины финансовых магнатов, начать продавать их акции и затем…» К часу пополудни оно закончило. Биржа не закрывалась до трех, а к часу среди нью-йоркских тикеров пронеслись новости. В Лондоне, где наступала ночь, вышли экстренные выпуски газет. В Ханое и Шанхае

наступающий новый день был взбудоражен, когда газетчики побежали по улицам в тени небоскребов, крича, что фирма «Дж. П. Брендер и Компани» лопнула и что назначено расследование…

— Мы стоим, — сказал председатель комитета по расследованию в своей речи на открытии следующим утром, — перед одним из наиболее изумительных совпадений в истории. Старая, респектабельная фирма с филиалами по всему миру, с капиталовложениями в более чем тысячу компаний всех видов, стала банкротом при неожиданном крахе всех принадлежащих ей акций. Потребуются месяцы, чтобы доказать чью-то ответственность за срочную продажу акций, причинившую это бедствие. Тем не менее, я не вижу, почему бы требования кредиторов не были удовлетворены путем продажи имущества с аукциона и других подобных методов, абсолютно правильных и законных…

— В самом деле, я не понимаю ее, — сказала одна женщина, пока они целой группой гуляли по обширным помещениям китайского дворца Брендера. — Я не сомневаюсь, что она любит Джима Брендера, но никто не мог бы серьезно ожидать, что она выйдет за него замуж *теперь*.

Она светская женщина, и невозможно поверить, что она собирается жить с человеком, который будет простым пилотом или кем там еще на марсианском космолете…

Командор Хьюгс из Межпланетных Линий свирепо вошел в кабинет своего работодателя. Это был маленький, но очень жилистый человек, и существо, бывшее Луисом Дайером, напряженно уставилось на него, чувствуя его силу и энергию.

— Вы получили мой доклад о деле этого Брендера? — начал Хьюгс.

Существо нервно подкрутило усы Луиса Дайера, затем взяло тощую папку и прочитало вслух:

— Опасно по психологическим причинам… нанимать Брендера… Ряд таких ударов… Потерял богатство, положение и жену… Ни один человек не может оставаться нормальным при таких… обстоятельствах. Возьмите его в контору… поддержите его… дайте ему синекуру или должность в области, к которой у него, без сомнения, большие способности… Но не на космическом корабле, где крайние трудности — физические, моральные, духовные и психические — требуют…

— Это те самые места, которые я подчеркивал, — прервал его Хьюгс.

— Я знал, вы поймете, что я имел в виду, Луис.

— Конечно, понимаю, — сказало существо, мрачно улыбаясь, поскольку все эти дни чувствовало свое моральное превосходство. — Ваши мысли, ваши идеи и методы неизменно отштампованы в вашем уме и, — поспешно добавило оно, — вы никогда не оставляете у меня сомнений, какую позицию занимаете. Однако, в данном случае я вынужден настаивать. Джим Брендер не захотел принять обычные посты, предложенные его друзьями. И нелепо требовать от него подчиняться людям, которых он всегда превосходил. Он командовал собственной космической яхтой, он разбирается в математике лучше, чем весь наш персонал, вместе взятый. Ему известны трудности, связанные с космическими полетами, и он уверен, что в них — то он и нуждается. Поэтому я приказываю вам, впервые за нашу долгую совместную работу, Питер, назначить его на космический грузовоз Ф —4961 на место бортинженера Парелли, который получил нервное расстройство после странного дела с существом из пространства, как это описал лейтенант Мортон. Кстати, вы нашли… э — э… кусочек этого существа?

— Нет, сэр. Он исчез в тот день, когда вы пришли поглядеть на него. Мы обыскали все сверху

донизу… Самое странное вещество, которое я когда-либо видел. Прошло сквозь стекло так же легко, как свет, можно подумать, что это новая форма света… Оно пугает меня. Самое приспосабливающееся к окружению, из всего, известного до сих пор, и это еще мягко сказано. Говорю вам, сэр… Но послушайте, вы не отвлечете меня от Брендера.

— Питер, я не могу понять вашу позицию. Я впервые сталкиваюсь с вами по работе и…

— Я подам в отставку, — простонал этот раздраженный человек.

Существо задыхалось от смеха.

— Питер, вы подбираете персонал Межпланетных Линий. Это ваше детище, ваше создание, вы не можете махнуть на него рукой и знаете это…

В его словах сквозила тревога, потому что в сознании Хьюгса вспыхнуло действительное намерение уйти в отставку. Именно упоминание о его достижениях и о его любимой работе принесли наплыв воспоминаний, осознание, каким ужасным оскорблением была угроза вмешательства. Одним мысленным скачком существо увидело, что будет означать отставка этого человека: недовольство людей, быстрое понимание положения Джимом Брендером и его отказ при-

нять эту работу. Был единственный путь, чтобы Брендер получил корабль, не обнаружив, что случилось. Он должен совершить один полет к Марсу, только и всего.

Существо обдумало возможность имитировать тело Хьюгса, затем с ужасом поняло, что это бесполезно. Они оба — Луис Дайер и Хьюгс — должны быть рядом до последней минуты.

— Но послушайте, Питер! — начало существо, но тут же мысленно воскликнуло: «Проклятие!» Мысль, что Хьюгс воспримет эти слова, как признак слабости, сводила с ума. Неуверенность черным облаком опустилась на него.

— Я скажу Брендеру, когда он прибудет через пять минут, что думаю обо всем этом! — отрезал Хьюгс, и существо поняло, что это худшее из всего. — Если вы запретите мне разговаривать с ним, я подам в отставку. Я… Боже, что с вашим лицом?!

Растерянность и ужас нахлынули на существо. Оно внезапно поняло, что его лицо растворяется перед угрозой нарушения планов. Борясь за контроль, оно вскочило на ноги, видя неминуемую опасность. За дверями с матовым стеклом был большой кабинет — по первому крику Хьюгса прибегут на помощь…

С придушенным всхлипом оно попробовало превратить свою руку в имитацию стального кулака, но в комнате не было металла, позволяющего принять его форму. Был только твердый кленовый стол. Существо склонилось над столом и тут же попыталось вонзить острую палку, в которую превратилась его рука, в горло Хьюгса.

Хьюгс ошеломленно выругался и с яростной силой перехватил палку. Внезапно во внешнем кабинете поднялась суматоха, раздались голоса, послышался шум бегущих ног…

Это вышло совершенно случайно. Поток автомобилей стал тормозить, заюзив из стороны в сторону, когда впереди замигал красный свет. Джим Брендер бросил взгляд на соседнюю машину.

Мужчина и девушка сидели на заднем сидении длинной, блестящей, со стремительными линиями машины, и девушка отчаянно пыталась скрыться из его поля зрения и столь же отчаянно старалась не обнаружить своих намерений. Поняв, что ее увидели, она ослепительно улыбнулась и высунулась в окошко.

— Хэлло, Джим! Как дела?

— Привет, Памела! — Пальцы Джима Брендера стиснули баранку так, что побелели костяшки, но

он старался, чтобы голос был спокойным, хотя не мог удержаться от добавления: — Когда, наконец, закончится развод?

— Я получу все документы завтра, — сказала она, — но полагаю, ты не получишь свои, пока не вернешься из первого полета. Вылетаешь сегодня, не так ли?

— Через пятнадцать минут. — Он поколебался. — Когда свадьба?

Толстый, бледнолицый мужчина, не принимавший участия в разговоре, подался вперед.

— На следующей неделе, — сказал он, жестом владельца положив ладонь на пальцы Памелы. — Я хотел завтра, но Памела… э — э… до свидания.

Последние слова были произнесены поспешно, поскольку светофор переключился и машины помчались, разделившись у первого поворота.

Остаток пути к космопорту был как в тумане. Брендер не ожидал, что свадьба будет так скоро. Он знал, что она будет вообще, но чтобы так быстро… Как дурак, он слепо надеялся…

Не то, чтобы в этом была вина Памелы. Ее воспитание, вся ее жизнь делали возможным только один курс действий. Но одна неделя! Корабль пройдет еще только четверть пути к Марсу…

Он поставил машину на стоянку. Задержав-

шись возле трапа, ведущего в открытый люк Ф —4961 — огромный шар блестящего металла трехсот футов в диаметре, — он обернулся и увидел бегущего к нему человека, в котором тут же узнал Хьюгса.

Существо, бывшее Хьюгсом, подбежало, стараясь успокоиться. Весь мир горел скрещивающимися, притягивающими силами. Оно поморщилось от мыслей людей, снующих в конторе, откуда оно только что сбежало. Все шло не так. Оно не намеревалось сделать то, что делало сейчас. Оно намеревалось провести большую часть полета к Марсу в виде металлического волдыря на внешне? броне корабля. С усилием оно держало под контролем свою панику, ужас, свой мозг…

— Мы немедленно вылетаем, — сказало оно.

Брендер выглядел ошеломленным.

— Но это значит, что я должен рассчитать новую орбиту в особо трудных…

— Верно, — прервало его существо. — Я много слышал о ваших чудесных математических способностях. Пришло время проверить слова делами.

Джим Брендер пожал плечами.

— У меня нет возражений. Но выходит, вы тоже

летите?

— Я всегда летаю с новым человеком.

Это звучало разумно. Брендер поднялся по трапу, следуя вплотную за Хьюгсом. Мощное притяжение металла было первой реальной болью, которую существо ощутило за последние дни. Весь долгий месяц оно будет вынуждено бороться с металлом, бороться за сохранение формы Хьюгса — и одновременно выполнять тысячи обязанностей.

Первый удар боли пронесся по его элементам и смел уверенность, что они окрепли за дни пребывания человеком. Затем, войдя с Брендером в люк, оно услышало позади крики. Существо поспешно обернулось. Из нескольких дверей здания выбегали люди и неслись к кораблю.

Брендер уже прошел с десяток шагов по коридору. С шипением, почти всхлипом, существо прыгнуло внутрь и рвануло рычаг, захлопывающий огромный люк.

Здесь же был аварийный рычаг, управляющий антигравитационными пластинами. Одним движением существо рвануло его. Возникло чувство легкости и падения.

Через большое окно существо бросило взгляд на взлетное поле внизу, кишащее народом. Люди

задрали вверх белые лица и махали руками. Затем они стали удаляться, когда корабль задрожал от грома ракет.

— Мне показалось, — сказал Брендер, когда Хьюгс вошел в рубку управления, — вы хотели, чтобы мы стартовали на реактивной тяге.

— Да, — ответило существо и почувствовало краткую панику от хаоса в своем мозгу, заставляющего его язык заплетаться. — Передаю расчеты и все прочее в ваши руки.

Оно не осмеливалось оставаться вблизи тяжелых металлических двигателей, даже с телом Брендера рядом, помогавшим ему сохранять человеческую форму. Лучшим местом будет изолированная спальная каюта…

Существо резко остановилось посреди дороги и на цыпочках вернулось назад. Из рубки управления, которую оно только что покинуло, струились мысли… мысли Брендера. Существо чуть не растворилось от ужаса, когда поняло, что Брендер сидит у рации и отвечает на настойчивый вызов с Земли.

Оно ворвалось в рубку управления и застыло. Глаза его распахнулись от почти человеческого страха. Брендер поднялся от рации. В руке он держал револьвер. Существо прочло зарождающееся

в его мозгу понимание всей правды.

— Вы, — крикнул Брендер, — существо, которое приходило в мою контору и говорило о простых числах и склепе Зверя!

Он загнул, чтобы закрыть дверь, ведущую в коридор. Его движение открыло взгляду существа экран. На экране был настоящий Хьюгс. Одновременно Хьюгс увидел существо.

— Брендер, — проревел он, — это монстр, которого Мортон и Парелли видели во время своего перелета с Марса. Оно безразлично к температуре или любым химикалиям, но мы не пробовали пули. Стреляйте, дурачина!

Здесь было слишком много металла, слишком много беспорядка. С шипящим криком существо растворилось. Притяжение металла превратило его в ужасный полуметалл. Пытаясь оставаться человеком, существо сохранило луковицеобразное тело с полуисчезнувшим лицом и двумя змеевидными руками, прикрепленными к полуметаллическому туловищу.

Оно инстинктивно старалось приблизиться к Брендеру, чье влияние позволило бы ему стать более человекоподобным. Полуметалл стал плотью, что означало возвращение к человеческой форме.

— Послушайте, Брендер, — настойчиво звучал голос Хьюгса, — топливные баки в машинном зале сделаны из первичного металла. У нас был кусочек этого существа, и он не мог вырваться из банки, сделанной из первичного металла. Если бы вы сумели затолкать его в бак, пока оно потеряло контроль над собой и, кажется, это очень легко сделать…

— Посмотрим, что может сделать свинец! — ровным голосом рявкнул Брендер.

БАХ!

Получеловеческое существо закричало полусформированной щелью рта, и ноги его превратились в серое тесто.

— Больно, не так ли? — проскрежетал Брендер. — Марш в машинный зал, проклятая тварь, в бак!

— Продолжайте, продолжайте! — закричал с экрана Хьюгс.

Брендер выстрелил снова. Существо издало ужасный всхлипывающий звук и отступило. Оно снова стало больше человека, и в карикатурной руке появился карикатурный револьвер.

Существо подняло незаконченный, несформированный револьвер. Раздался взрыв и существо пронзительно закричало. Револьвер упал на пол

— бесформенный, изорванный комок. Он бешено рванулся к родительскому телу и прицепился, как чудовищный волдырь, к правой ноге.

И затем, впервые, могущественные и злобные умы, создавшие существо, взяли контроль над своим детищем. Яростно, но сознавая, что игру надо вести осторожно, Контролер подчинил объятое ужасом и совершенно разбитое существо своей воле. Крики рвали воздух, пока в нестабильных элементах происходили изменения. Тотчас же существо вскочило в форме Брендера, но вместо револьвера в коричневой сильной руке появился карандаш из блестящего металла. Зеркально яркий, он блестел каждой гранью, как неописуемый драгоценный камень.

Металл испустил слабое неземное сияние. И там, где были рация и экран с изображением лица Хьюгса, появилась зияющая дыра. Брендер отчаянно выпустил пули в тело перед собой, но по телу только прошла дрожь, и оно уставилось на него, неповрежденное. Сияющее оружие повернулось к нему.

— Когда ты успокоишься, — сказало существо, — мы сможем поговорить.

Оно говорило так тихо, что Брендер, приготовившийся встретить смерть, в изумлении

опустил револьвер.

— Не тревожься, — продолжало существо. — Тот, кого ты видел и слышал, просто робот, созданный нами, чтобы справляться с пространством и материей вашего мира. Некоторые из нас работают здесь в очень трудных условиях, чтобы поддерживать эту связь, так что я буду краток. Мы существуем во времени неизмеримо более медленном, чем ваше собственное. С помощью системы синхронизации мы можем связываться с вами, хотя один наш день равен миллиону ваших лет. Нашей целью является освобождение нашего коллеги Кайра Кэйлорна из марсианского склепа. Кэйлорн попал в искривление времени, которое сам создал, и низвергнулся на планету, известную вам под названием Марс. Марсиане, беспричинно испугавшись его громадных размеров, сконструировали самую дьявольскую тюрьму, и нам нужны ваши знания математики, характерные для вашего пространства и численности мира — и только для него единственного, — чтобы освободить Кэйлорна.

Спокойный голос продолжал, серьезный, но не оскорбительный, настойчивый, но дружелюбный. Он раскаивался, что их робот убивал человеческие существа. С большими подроб-

ностями он объяснил, что все пространства основаны на системе разных чисел, некоторые на отрицательных, некоторые на положительных, некоторые на смеси тех и других, все бесконечно разные, и каждая метаметика, тесно вплетенная в пространственную ткань, правит ею.

Сила «йейс» не так уж таинственна. Она просто течет из одного пространства в другое в результате разности потенциалов. Это течение, однако, одно из универсальных во Вселенной, и воздействовать на него можно только другой силой, одной из которых он воспользовался несколько минут назад.

Первичный металл в самом деле абсолютен. В их пространстве есть подобный металл, созданный из отрицательных атомов. Он видит в мозгу Брендера, что марсиане ничего не знали об отрицательных числах, так что должны были создать его из обычных атомов. Можно идти и этим путем, хотя это не так легко.

— Проблема сузилась до следующего, — закончил он. — Ваша математика должна подсказать нам, как с помощью нашей универсальной силы мы можем накоротко замкнуть конечное простое число, чтобы дверь могла открываться в любое время. Вы можете спросить, какое число является

множителем, когда оно делится только на себя и на единицу. Для нашей системы эта задача разрешима только с помощью вашей математики. Так вы справитесь с этим?

Вздрогнув, Брендер понял, что все еще держит револьвер. Он отбросил оружие в сторону. Голос его был спокоен, когда он сказал:

— Все, что вы говорите, звучит разумно и честно. Если бы вы захотели причинить неприятности, то проще всего вам было бы послать сюда стольких вашего вида, сколько бы вы захотели. Конечно, все должно быть представлено Совету…

— Тогда это бесполезно. Совет не имеет возможности согласиться…

— И вы ожидаете, что я сделаю то, чего не могут, по вашему мнению, лучшие правительственные специалисты в Системе? — воскликнул Брендер.

— Это противоречит природе демократии, которая не может рисковать жизнью своих граждан. У нас такое же правительство, и члены его уже информировали нас, что, в подобных условиях, они бы не разрешили напустить неизвестного зверя на свой народ. Однако индивидуум может рискнуть там, где не может правительство. Вы согласились, что наши аргументы логичны. Ка-

кая система понятна людям, если не логическая?

Контролер через своего робота внимательно читал мысли Брендера. Он увидел сомнение и неуверенность, противопоставленные человеческому желанию помочь, основанному на логическом убеждении, что это безопасно. Зондируя его мозг, Контролер также увидел, что неразумно, имея дело с людьми, слишком упирать на логику.

— Индивидууму мы можем предложить все, — настаивал он.

— За минуту, по вашему исчислению, мы можем перенести корабль на Марс. Не за тридцать дней, а за тридцать секунд. Знание, как это сделать, останется у вас. Прибыв на Марс, вы окажетесь единственным живым человеком, знающим местонахождение древнего города Ли, центральная башня которого является склепом Зверя. В городе находятся сокровища, буквально на миллиарды долларов, вещи, сделанные из первичного металла, и по законам Земли, пятьдесят процентов найденного принадлежит вам. Вернется ваша удача, вы сможете в тот же день возвратиться на Землю и вернуть бывшую жену и положение в обществе. Бедное глупое дитя, она все еще любит вас, но железные обычаи и

воспитание заставили ее вас бросить. Будь она постарше, то имела бы характер не поддаться этим обычаям. Вы должны спасти ее от нее самой. Вы сделаете это?

Брендер был белый, как полотно, кулаки его сжимались и разжимались. Существо невольно просмотрело вспыхивающие в его голове мысли — воспоминание о пухлой белой руке, сжимающей пальцы Памелы, реакцию Брендера на его слова, слова, выражающие именно то, что она думала всегда. Брендер поднял измученные глаза.

— Да, — сказал он, — я сделаю все, что смогу.

Унылая горная цепь спускалась в долину красно — серого песка. Разреженные марсианские ветры вздымали песчаную дымку над зданием.

Этим зданием! Издалека оно выглядело просто большим. Вздымаясь на целую сотню футов над пустыней, оно было сто футов в длину и пятнадцать сотен футов в диаметре. Целые тысячи футов его должны тянуться под неугомонным океаном песка, скрывающим совершенство формы, грациозность линий, безукоризненность красоты, которую давно вымершие марсиане требовали от всех своих конструкций, какими бы большими они ни были. Брендер внезапно почувствовал себя маленьким и незначительным,

когда ракеты скафандра понесли его в нескольких футах над песком к этому неописуемому строению.

Вблизи безобразие громадных размеров чудесным образом потерялось в богатстве украшений. Колонны и пилястры были собраны группами, разбивая фасад, собирая и вновь рассеивая его. Плоскость стен и кровли растворялась в богатстве орнаментов и исчезала в игре светотеней.

Существо парило возле Брендера.

— Я вижу, — сказал Контролер, — вы отдаете значительную часть мыслей проблеме, но этот робот неспособен следовать за абстрактными мыслями, так что я не могу следить за ходом ваших размышлений. Однако, мне кажется, вы удовлетворены.

— По — моему, я отыщу ответ, — сказал Брендер. — Но сперва я хочу увидеть замок времени. Давайте поднимемся.

Они взмыли в небо и опустились на край здания. Брендер увидел огромную плоскость и в центре… Он затаил дыхание.

Слабый свет далекого марсианского солнца отражался от устройства, находящегося, казалось, точно пос — редине огромной двери. Устройство было около пятидесяти футов высотой и выгляде-

ло серией, кроме серии квадратов, сходящихся к центру, где была металлическая стрела, указывающая прямо вверх.

Наконечник стрелы был не сплошным. Скорее, он выглядел так, словно его разрезали пополам, а затем снова сложили.

Но не совсем плотно. Половинки разделяло около фута пространства. И этот фут соединялся тонким, смутным зеленоватым пламенем силы «йейс».

— Замок времени, — кивнул Брендер. — Я так и думал, что это будет нечто подобное, хотя ожидал, Что он будет больше и более вещественным.

— Не обманывайтесь его хрупким видом, — ответило существо. — Теоретически прочность первичного металла бесконечна, а на силу «йейс» можно воздействовать только универсальной силой, о которой я упоминал, и невозможно предсказать, какой будет — эффект, поскольку тогда возникнет временной беспорядок всей числовой системы, на которой построена эта область пространства. Но теперь скажите нам, что делать.

— Отлично! — Брендер опустился на песчаную насыпь и выключил антигравитационные пластины. Он лег на спину и задумчиво уставился в фиолетово — черное небо. На время исчезли

все его сомнения, тревоги и страхи, сметенные силой воли.

— Марсианская математика, — заговорил он, — как математика Эвклида и Пифагора, основана на бесконечности величин. Отрицательные числа были вне их философии. А с введением идеи квадратного корня из минус единицы и сложных чисел математика перестает быть простой системой величин, способной выражаться в картинках. Единственный интеллектуальный шаг от бесконечно малых величин к нижнему уровню всех возможных конечных величин дал концепцию переменного числа, которое колеблется ниже любого определенного числа, не являющегося нулем. Простое число, согласно концепции чистой величины, не имеет реальности в реальной математике, но в данном случае жестко связано с реальностью силы «йейс». Марсиане знали «йейс» как бледно-зеленый поток длиной около фута и развивающий, скажем, тысячу лошадиных сил. Точно он составляет 12 171 дюйм и 1021,23 лошадиных силы, но это неважно. Созданная сила не меняется, протяженность ее не колеблется из года в год десять тысяч лет. Марсиане взяли ее протяженность за основу измерений и назвали ее «ил», а энергию взяли за

основную единицу энергии и назвали «рб». Из-за абсолютной неизменности потока они знали, что это будет вечным эталоном. Далее, они знали, что ничто не может быть вечным без существования простой основы. Вся их математика была основана на числах, которые делятся, то есть их можно разделить на части, уничтожить, превратить в меньшие, и числах, которые нельзя факторизировать, уничтожить или поделить на меньшие группы. Любое число, которое можно факторизировать, неспособно быть бесконечным. Значит, бесконечное число должно быть простым. Следовательно, они создали замок и интегрировали его по линии «йейс», откроющийся, когда «йейс» перестанет течь, что будет в конце Времени. Таким образом, они приняли меры для любого вмешательства. Кроме того, побудительный механизм потока они изготовили из первичного металла, который ничем нельзя разрушить. Согласно их математике, все было в порядке.

— Но у вас есть ответ? — нетерпеливо спросило существо.

* * *

— Все очень просто, — сказал Брендер. — Марсиане установили величину потока в один «рб».

Если изменить этот поток, неважно, в какой степени, он будет составлять уже не один «рб». Получится что-то меньшее. Поток, являющийся универсальным, станет меньше универсального, меньше бесконечности. Простое число перестанет быть простым. Предположим, вы вмешаетесь в него со степенью бесконечность минус один. Тогда вы будете иметь число, делимое на два. Фактически, число, как и большинство больших чисел, немедленно разобьется на тысячу частей, то есть будет поделено на десять тысяч меньших чисел. Если настоящее время лежит где — то вблизи от любого из этих чисел, тогда дверь откроется. Другими словами, дверь будет немедленно открыта, если вы сумеете так вмешаться в поток, что один из факторов попадет в настоящее время.

— Все ясно, — удовлетворенно сказал Контролер, и копия Брендера торжествующе усмехнулась. — Теперь мы используем робота для производства универсала, и Кэйлорн будет вскоре освобожден. — Он громко рассмеялся. — Бедный робот свирепо протестует при мысли о своем уничтожении, но он всего лишь машина, к тому же не очень хорошая. Кроме того, он мешает личному восприятию ваших мыслей. Надоело слушать

его крики, когда я поворачиваюсь в его теле.

От этих холодных слов по спине Брендера пробежала дрожь, он слетел с высот абстрактных мыслей. Поскольку интенсивное мышление продолжалось, он с особой ясностью увидел то, что прежде ускользало от него.

— Минутку, — сказал он. — Как получилось, что робот, созданный в вашем мире, живет в том же темпе времени, что и я, а Кэйлорн продолжает жить в своем собственном темпе?

— Очень хороший вопрос, — лицо робота исказилось в торжествующей усмешке, когда Контролер продолжал: — Потому что, дорогой мой Брендер, вас обманули. Верно, Кэйлорн живет в нашем темпе, но это благодаря недостатку его машины. Машина, которую создал Кэйлорн, могла переносить его, но не адаптировать к каждому новому пространству, куда он попадал. В результате, он был перенесен, но не адаптирован. Мы, конечно, сумели, с его помощью, перенести такую маленькую штуку, как робот, хотя знали о конструкции машины не больше, чем вы. Короче, мы можем пользоваться этой машиной, но секрет ее конструкции заперт внутри нашего первичного металла и в голове Кэйлорна. Изобретение Кэйлорна — одна из тех случайностей, что могут

не повториться миллионы наших лет. Теперь, когда вы снабдили нас методом возвращения Кэйлорна, мы построим множество межпространственных машин. Наша цель — завладеть всеми пространствами, всеми мирами, особенно обитаемыми. Мы хотим быть абсолютными правителями всей Вселенной.

Ироничный голос умолк, и Брендер лежал, охваченный ужасом. Ужас был двойной, отчасти благодаря чудовищному плану Контролера, отчасти благодаря мысли, пульсирующей в его голове. Брендер застонал, поняв, что эта предостерегающая мысль должна быть автоматически отброшена воспринимающим мозгом робота. «Подождите, — была эта мысль, — есть еще один фактор. Время…»

Существо закричало, когда стало насильственно растворяться. Крик превратился во всхлипывания, потом затих. На громадной серо-коричневой поверхности песка и первичного металла лежала сложная, блестящая металлическая машина.

Металл сиял. Затем машина поднялась в воздух. Она подлетела к вершине стрелы и зависла над зеленым пламенем «йейс».

Брендер потянулся включить антигравитаци-

онный экран и вскочил на ноги. Его вознесло на сто фугов в небо. Ракеты заплевали огнем, и он стиснул зубы от боли при ускорении.

Огромная дверь внизу начала поворачиваться, отвинчиваться все быстрее и быстрее, пока не стала подобно маховику. Песок миниатюрной бурей полетел во всех направлениях.

На пределе ускорения Брендер метнулся в сторону.

И вовремя. Сначала улетел робот, когда огромное колесо отбросило его центробежной силой. Затем вывинтилась дверь и, вращаясь с неимоверной скоростью, метнулась в воздух и исчезла в космосе.

Из темноты склепа вылетело облако черной пыли. Подавляя ужас, вспотев от громадного облегчения, Брендер полетел туда, где на песке лежал робот.

Вместо блестящего металла там лежали потускневшие от времени обломки. Тусклый металл медленно потек и собрался в квазичеловеческую фигуру. Плоть оставалась серой и тряслась, словно была готова развалиться на части от старости. Существо попыталось встать на ужасные морщинистые ноги, но упало. Губы его шевельнулись.

— Я уловило вашу предупреждающую мысль, —

пробормотало существо, — но не передало им. Теперь Кэйлорн мертв. Они поняли истину, когда это случилось. Они достигли конца Времени.

Существо замолчало.

— Да, — сказал Брендер, — они достигли конца Времени, когда поток на секунду стал меньше постоянного.

— Я… только частично… оказало влияние… Кэйлорн… Даже если бы у них прошло все удачно, миновали бы годы… прежде чем они построили бы другую машину… А их год равняется миллиарду ваших… Я не сказало им… Я уловило вашу мысль и скрыло… от них.

— Но почему ты это сделало? Почему?

— Потому что они причиняли мне боль. Они хотели уничтожить меня. Потому что… мне понравились… люди. Я было… ими!

Плоть растворилась, медленно растеклась лужей серой лавы. Лава сморщилась, высохла на сухие, хрупкие кусочки. Брендер коснулся одного из них. Он рассыпался в тончайший порошок серой пыли. Брендер бросил взгляд на угрюмую, пустынную долину песка и с сожалением сказал вслух:

— Бедный Франкенштейн.

И полетел к далекому кораблю, к быстрому

возвращению на Землю. Когда через несколько минут он вышел из корабля, первым, кого он увидел, была Памела.

Она бросилась в его объятия.

— О, Джим, Джим, — зарыдала она, — какая я была дура! Когда я услышала, что произошло, и поняла, что ты в опасности, я… О, Джим!

У него еще будет время рассказать ей о своей новой удаче!

